НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 4

Минск
«Беларуская навука»
2013

УДК 316.42(476)(082)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских и российских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского общества, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также на читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, А. Н. Елсуков, Л. Е. Земляков, В. А. Ильин, В. В. Кириенко,
В. А. Клименко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев, Ю. М. Резник, В. И. Русецкая,
Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
С. А. Шавель, Н. Н. Сечко (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук профессор Д. Г. Ротман,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси В. А. Бобков

© Институт социологии НАН Беларуси, 2013
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

Котляров И. В. Что знает ваша социология? или О роли социологии в жизни белорусского общества 5

Экономическая социология

Бабосов Е. М. Динамика доходов населения – важнейший индикатор развития социальной сферы 13
Соколова Г. Н. Модернизация как «ответ» общества на «вызов» глобальных изменений в мире 23
Смирнов В. Э. Модернизация и социальные инновации: проблемное поле объяснения 39
Денискина А. И. Экономический и социальный ресурс среднего класса Республики Беларусь 47
Сечко Н. Н. Методологические аспекты изучения инновационной восприимчивости предприятий 57
Таранова Е. В. Вторичная занятость в экономическом поведении белорусов 68
Палховская Е. Б. Экономическое поведение как фактор трудовой мобильности: социологический анализ 77
Мартинкевич А. В. Инфорсмент как форма трудовых отношений между работниками и нанимателем в системе трудового спора 87
Назаренко Ю. С. Образование как инструмент управления рисками в профессиональной деятельности 99

Политическая социология

Котляров И. В. Динамика взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь: социологический анализ 107
Бабосова Е. С. Концептуализация понятия «публичная политика» 120
Окунева Т. В. Концепт гражданского общества: социологический анализ 128
Мартинович Н. В. Политическая система белорусского общества: социологический анализ 141
Хамутовская С. В. Население Беларуси о государственном суверенитете (2006–2011 гг.) 154
Рыбчак С. В. Формирование гражданской культуры как системная задача политического процесса в Беларуси 162

Социология культуры

Абушенко В. Л. Становление культур-социологических дискурсов в социальном знании: предельная рамка 172
Климов А. Г. О становлении методологического аппарата использования макро универсалий 189
Лашук И. В. Социокультурные стратегии поведения как «маркеры» современной культуры 201
Балич Н. Н. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа 214

Земляков Л. Е., Щекин Н. С. Государственно-конфессиональная политика в Республике Беларусь 221
Мусаева Н. Р. Специфика межэтнических отношений и мультикультурализма в Казахстане 233
Сосновская Н. А. Представления об образе современной Беларуси в общественном сознании населения страны 241
Баханов А. Г. Двойственная природа престижного потребления: социологический анализ ... 248
Комаровский А. В. Количественный контент-анализ понятия «культура» в работах Макса Вебера 255
Мельник Н. Н. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции 260

Социология науки и образования

Артюхин М. И. Академическая наука в социальном измерении 267
Шарый И. Н. Основные тенденции и проблемы развития кадрового потенциала науки Республики Беларусь в условиях перехода на инновационный путь развития: социологический анализ 276
Димитрук П. П. Кадровый потенциал Национальной академии наук Республики Беларусь: состояние и основные тенденции развития 291
Антонова Т. А. Динамика научных кадров Республики Беларусь: гендерный аспект 300
Кройтор С. Н. Инновационное развитие образования в условиях глобализирующегося мира: состояние, проблемы, перспективы 308
Денисов А. Ю., Белов А. А., Котленок Н. Ф. Миграционные установки студентов-выпускников очной формы обучения на примере БГУ 317

Социология регионов. Социальная экология

Смирнова Р. А. Проблемы социальной политики в сфере жизнеобеспечения (на примере сельских территорий) 326
Кузьменко Т. В. Социальное самочувствие населения сельских регионов Беларуси: сравнительный анализ 337
Балакирева Т. С. Мотивы и стимулы миграционного поведения молодежи села и малых городов Беларуси 347
Титаренко Л. Г. Экологические ценности населения Республики Беларусь: теоретический и эмпирический уровни 352
Андрос И. А. Международный опыт строительства городов-спутников 364
Назарова Д. В. Негосударственные формы управления в жилищно-коммунальном хозяйстве: проблемы и тенденции развития 373
Мартищенкова Е. В., Бородачева Е. М. Сравнительный анализ динамики общественного мнения по вопросам использования атомной энергетики в Республике Беларусь 383

Социология права и социальных девиаций

Бова А. А. Динамика зарегистрированной преступности и криминальной виктимизации в Украине 393
Барановский Н. А. Социальные аспекты профилактики суицидального поведения 401
Тарасов В. С. Профилактики потребления спиртных напитков и формирования здорового образа жизни 411
Землянинова Е. А. Социально-интегративное понимание права 420

Социология социальной сферы и образа жизни

Ивашиненко Н. Н., Корчагина И. И., Мигранова Л. А. Здоровье населения и доступность медицинских услуг в малых городах России 427
Доминикевич О. Г. Проблемы повышения социального потенциала пожилого населения Беларуси 440

Фаблинова О. Н. Досуг как объект изучения в западной социологической мысли 447
Эшиев А. К. Биологические факторы трансформации маскулинности 454
Синиченко Р. П. Хоккей как стиль жизни и зрелище: социологический анализ 462
Рысюкевич Н. С. Формирование спортивных лидеров: социологические матрицы..... 470
Русецкая В. И. Роль средств массовой информации и формирование общественной нравственности..... 482
Аббаси П. Место и роль средств массовой информации в системе социальных коммуникаций современного общества..... 488

Научная жизнь

Лунякова Л. Г. Международный проект «Здоровье молодежи – междисциплинарный подход» : первые результаты 496

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.654:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

ЧТО ЗНАЕТ ВАША СОЦИОЛОГИЯ?
или
О РОЛИ СОЦИОЛОГИИ В ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Показана роль социологии в жизни белорусского общества, проанализированы основные задачи, которые должна решать социология в условиях инноваций и кризисов, ускорения и неопределенности.

Ключевые слова: Беларусь, социология, общественное мнение, институт социологии, социологические опросы, перспективы.

XXI век – век инноваций и динамизма, ускорения общественной жизни и глобальных изменений в политических, экономических, социальных и других сферах. Причем темпы роста практически повсюду измеряются семимильными шагами. Общество целеустремленно и достаточно быстро дрейфует от экономики знаний к экономике инноваций.

Современный век постепенно становится эрой глобального информационного пространства, что детерминировано переходом от индустриального к принципиально новому постиндустриальному или информационному обществу. Компьютеры прочно вошли в жизнь практически всех людей, возможности коммуникаций существенно расширились даже по сравнению с недавно ушедшим в небытие двадцатым столетием. Вполне вероятно, что, являясь одной из наиболее интеллектуальных стран мира, Беларусь будет играть в информационном процессе достаточно весомую роль. В такой ситуации важнейшим движущим фактором прогресса постепенно становится личность, ее интеллектуальная, инновационная и управленческая деятельность. Именно персональный и коллективный разум определяет в сложные времена конкурентные преимущества и лидирующие позиции как отдельного человека, так и любой политической и социально-экономической структуры.

И в то же время во многих точках планеты постоянно льется кровь. Мир вступил в состояние постоянных вызовов и катастроф, рисков и неопределенности. Вооруженные перевороты и экологические катастрофы, голод и нищета, террористические акты и социальное неравенство, войны и преступность – такие же неотъемлемые атрибуты современного общества, как полеты в космос и смартфоны, мобильные телефоны и пересадка почек. Социальный прогресс значительно отстает от технического. Одной из причин подобного со-

стояния является объективная сложность современного мира, недостаточный и не совсем научный анализ закономерностей его развития. В таких условиях только хорошее понимание сущности происходящего способно найти хоть какой-то выход из сложнейшей ситуации. Любой неверный шаг может вытолкнуть человечество на обочину мирового прогресса, поставить под вопрос само его существование. Решению существующих проблем может помочь наука, и прежде всего социология. Ведь нельзя построить глобальную модель развития социума, не зная ее основных характеристик и параметров.

На уровне государств, регионов, предприятий в современных условиях очень важно принимать единственно верные управленческие решения, способные изменить положение дел, устранить имеющиеся недостатки, избавиться от имеющихся проблем, наметить конкретные действия на перспективу. Этого нельзя сделать без знания глубинного положения дел, тонкостей и нюансов, личностных возможностей и жизненных сложностей участников общественных и производственных отношений, глубокого научного анализа социальных и политических явлений, событий и персонажей. Необходимо прежде всего разобраться с тем, какова объективная ситуация и что в первую очередь требует особого внимания и целенаправленного вмешательства. Помогает в этом прежде всего социология, дающая надежную и качественную информацию о наиболее значимых характеристиках социального пространства, наиболее узких местах изучаемых объектов и процессов.

Социология как любая наука развивается в определенной динамике – ей важно четко и своевременно отвечать на вызовы современности. Сейчас настало время кардинальных изменений ее теории и методологии: общество требует от науки точных данных, выводов и прогнозов. У социологов такое предназначение, как у врача, – поставить социуму диагноз и предложить способы лечения. Предложить различные варианты развития событий – задача социологов. Их призвание – быть настоящими профессионалами и истинными гражданами своей страны.

Институту социологии НАН Беларуси как ведущей социологической структуре страны за последние годы многое удалось сделать. Он ведет постоянную и целенаправленную работу по получению объективной информации о социальных процессах и обстоятельствах, в которых она производится и функционирует, по получению новых социологических знаний, удовлетворению потребностей белорусского общества в них.

Институт обладает проверенными временем и различными обстоятельствами высококвалифицированными кадрами, современными методами и средствами для оценки той или иной модели развития общества, определения ее места в ряду других конструкций, формируемых государственными или общественными структурами. В этом заключается особое предназначение Института социологии – теоретическое моделирование социальных систем и процессов с точки зрения обеспечения их стабильности, сохранения целостности и устойчивого развития. Однако ученые института не останавливаются

на достигнутом. Они постоянно ищут новые, креативные подходы к решению существующих проблем.

Ежегодно институт проводит четыре-пять республиканских репрезентативных социологических исследований по наиболее актуальным проблемам развития национального государства и белорусского общества. Никто ничего подобного в стране не делает. Причем строго научные по методологии и методике социологические опросы позиционируются как исследования, обращенные как к органам государственной власти, так и к широкой общественности. Понять их результаты и применить в повседневной жизни может абсолютно любой человек, каждый житель республики. Результаты социологических исследований института широко используются при принятии важных государственных управленческих решений, их знают, цитируют и используют далеко за пределами нашей Родины.

Долгие годы Институт социологии НАН Беларуси проводит социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария. При помощи социологического мониторинга общество получает объективную, надежную и качественную информацию о процессах, проходящих в социуме.

Ученые института ежегодно публикуют семь-десять монографий, которые вносят существенный вклад в развитие белорусской науки в целом, социологической – в частности. Кроме того, публикуется 180–200 научных статей, более двухсот тезисов докладов и выступлений на конференциях различных уровней. Институт постоянно является организатором или соучредителем трех-четырех международных и республиканских научно-теоретических и научно-практических конференций в год, на которых происходит обсуждение наиболее актуальных проблем теории и методологии социологических исследований, обмен опытом и мнениями по наиболее актуальным вопросам развития общества, намечаются планы на будущее.

Особое внимание в институте уделяется молодым ученым. Ведь наука не может быть без молодых. В институте постоянно проводятся трехуровневые семинары – для аспирантов, для молодых научных сотрудников, всего коллектива. На общеинститутском методологическом семинаре приоритет отдается проблемам комплексного, междисциплинарного характера, обсуждение которых позволяет соединить национальную специфику с глобальными проблемами, искать принципиально новые, прорывные социологические проекты и технологии. Аспирантов учат принципом научно-исследовательской деятельности. Организован научный конкурс, который расшевелил сотрудников и ежегодно расставляет всех по научному ранжиру.

Институт социологии способен выработать и вырабатывает как специфические, так и универсальные модели развития белорусского общества и научного познания социальных проблем во всем их стремительно нарастающем многообразии. Много интересных предложений по совершенствованию тео-

рии и практики социологической деятельности можно найти и в данном альманахе.

И в то же время постоянно слышны совершенно справедливые упреки в адрес белорусской социологии в том, что она отстала на десяток лет от российской, западноевропейской и американской, не доходит до низших уровней производственных структур, темы исследований мелки и незначительны, отвечают прежде всего интересам их авторов, но не потребностям государства и общества. Социологи, по мнению некоторых изданий, своевременно не заметили приближение кризиса, не дали убедительного прогноза развития событий, не предложили обществу более рационального и менее болезненного решения существующих проблем.

Действительно, проблемы у белорусской социологии есть, и их достаточно много. Социологи постоянно работают с фактами, научились их получать, но некоторые из ученых до сих пор не поняли, что наука – это не только поиск новых фактов, но прежде всего определение взаимосвязей между ними, причин появления тех или иных связей или явлений. Иногда научная интерпретация фактов намного важнее, чем их выявление.

Вникнуть в сущность явлений, понять их внутренний мир, найти связи – это сложная и напряженная работа. Ею надо постоянно и целенаправленно заниматься, учить начинающих социологов.

В белорусской науке иногда наблюдается на редкость легковесный подход, и имеется достаточно много случаев, когда хорошему социологическому исследованию дается негативная оценка, а слабая работа возносится до небес. Если нет критического анализа проблем и недостатков, то можно быть уверенным, что и следующая работа у этого автора будет такой же бесцветной. Серость всегда рождает серость.

Как результат, в белорусской социологии все меньше интересных молодых исследователей, все меньше «знаковых» научных работ, все больше псевдонаучных выводов. Как можно, например, сделать вывод, что у человека изменились базовые ценности на основании того, что он один раз в год с бутылкой пива совершенно случайно заходит в церковь.

Важно, чтобы у социологов в постоянной разработке были наиболее важные проблемы развития социума. Например, в настоящее время одним из сложных вопросов является модернизация политической системы белорусского общества. Об этом неоднократно говорил Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко. Здесь огромное множество совершенно непонятных и требующих немедленного решения проблем. Например, как будет вести себя политическая система в условиях перехода с мажоритарной на пропорциональную или смешанную избирательную систему. Особенно когда рейтинг всех политических партий страны колеблется в пределах одного процента. Как будут голосовать 85 % избирателей, не поддерживающих ни одну политическую партию? Или что даст белорусскому государству право общественных организаций выдвигать кандидатов в нижнюю палату белорусского

парламента? Хорошо или плохо, когда в каждом избирательном округе будет до сотни претендентов в депутаты? Однако научных статей на эту тему никто, кроме некоторых сотрудников Института социологии НПН Беларуси, не подготовил не опубликовал. Нет на эту тему и интересных социологических исследований.

Или другая проблема. Социологическое сопровождение формирования интересов и базовых ценностей белорусских юношей и девушек как основных субъектов политических и социальных инноваций. Трудно согласиться с мнением некоторых ученых, которые убеждены, что основными ценностями белорусской молодежи являются дух и душа. Не патриотизм и любовь к Родине, не уважение к родителям и трудолюбие, не справедливость и семья, а именно дух и душа. Он даже измерил их эмпирическими методами. А ведь именно за такие подходы и критикует белорусскую социологию Президент страны. К сожалению, и некоторые высокопоставленные чиновники искренне убеждены, что нет смысла и совершенно не реально формировать патриотические чувства у белорусских спортсменов. Может быть, это и стало одной из причин бездарного выступления сборной команды Беларуси по футболу на Олимпийских играх в Лондоне, что белорусские баскетбольные юношеские и юниорские команды давно не добивались серьезных побед на международной арене.

В настоящее время белорусский парламент является эффективным социальным институтом с достаточно высоким уровнем доверия. Однако, как показали социологические исследования, проведенные перед последними парламентскими выборами, девять из десяти белорусских граждан не знали, кто является их депутатом Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва. Ни один респондент не мог ответить, кто представляет их регион в верхней палате парламента страны. Значит, и здесь есть работа для социологии и социологов.

Важно и дальше расширять поле социологических поисков и исследований. Например, скоро в Беларуси пройдет чемпионат мира по хоккею. Огромный интерес представляет социологическое сопровождение выступления национальной сборной команды страны на мировом первенстве. Но сегодня мало кого, кроме Президента страны, волнует решение этой важнейшей проблемы, а тем, кто занимается социологией спорта, целенаправленно и упорно ставятся палки в колеса. А потом вновь будут возникать вопросы, почему при колоссальной поддержке государства, наличии великолепной материально-технической базы команда не выполнила задачи, поставленные перед ней белорусским государством и его Президентом.

Можно назвать достаточно много проблем и причин имеющихся недостатков в социологической отрасли. Это и недостаточно высокое качество подготовки студентов-социологов в вузах, и отсутствие необходимого количества высококвалифицированных специалистов, настоящих профессионалов в отрасли. Дилетанты, полупрофессионалы и любители не должны править бал в социологии.

Следует обратить внимание еще на одну важную проблему – отсутствие в социологической науке необходимой координации действий. Институт социологии НАН Беларуси еще не стал, как требуют того нормативные документы белорусского государства, главным координирующим социологическим центром страны. Предлагается создание на его базе *межведомственного совета* по социологии. В него должны войти все ведущие социологи Беларуси. Важнейшими задачами совета могут быть выработка приоритетных направлений исследований в области социологии, их координация и повышение практической значимости результатов. Планы, методики, результаты социологических исследований всех социологических структур страны должны обсуждаться на заседаниях совета. Это позволит избежать дублирования исследований, применения непроверенных методик, выдачи не совсем точных социологических данных. Учитывая низкое качество многих социологических диссертаций, все кандидатские и докторские работы по социологии, а также монографии и важнейшие статьи должны обсуждаться на этом совете. Он должен осуществлять анализ всех без исключения диссертаций в сфере социологии для определения актуальности их тематики и научного уровня и давать конкретные рекомендации по их доработке или практическому использованию. Решения совета будут носить рекомендательный характер, однако без обсуждения на его заседании никто не вправе выносить работу на защиту. Кроме того, социологическое сообщество должно знать, кто и какую работу подготовил, и какой ее уровень. Но самое главное, благодаря данному межведомственного совету социологи будут учиться друг у друга, помогать друг другу, по крупице перенимать передовой опыт и расти в профессиональном плане. Необходимы только воля, управленческое решение и определенная нормативная база. Однако, к сожалению, сколько и куда не обращался Институт социологии, он натыкался на крепкую стену, которую пробить до сих пор не удавалось. А без решения данной проблемы социология не сможет эффективно выполнять поставленные Президентом страны и государством задачи.

Еще один момент. Проблемы экономической эффективности уже давно невозможно решать через деятельность экономических механизмов, так как конечные результаты экономической деятельности во многом определяются мировоззренческими и нравственными ценностями и ориентациями общественных субъектов. Следовательно, социология и здесь обязательна. Необходимо вернуться к давно и хорошо забытой системе заводских социологов, но сделать ее принципиально новой – креативной, мобильной, отвечающей на запросы современного общества. Именно заводские социологии способны держать руку на пульсе, заблаговременно вскрывать все недостатки, помогать принимать в условиях дефицита времени и постоянных рисков единственно правильные решения.

Социология – самая близкая к людям общественная наука. Она так и не стала «царицей всех наук», разрабатывающей основные законы общества. Но социологи должны добиться, чтобы каждый человек стал потребителем со-

циологического знания, чтобы обыватели ждали результатов социологических исследований основных социологических структур страны и могли их использовать в повседневной деятельности, чтобы социологическое знание стало настоящим товаром. Сегодня, к сожалению, даже «продвинутая» часть общества никогда не слышала о некоторых социологах, хорошо известных только в узком кругу.

Как-то ведущий известного в республике телешоу на всю страну заявил: «А что знает ваша социология?» Социология знает все. Необходимо только использовать эти знания на благо белорусского народа.

I. V. KOTLIAROV

WHAT DOES SOCIOLOGY KNOW?
or THE ROLE OF SOCIOLOGY IN THE LIFE OF BELARUSIAN SOCIETY

Summary

The role of sociology in the life of Belarusian society has been pointed out, the main goals which sociologists must solve in conditions of crises and innovations advancement and uncertainty have been analyzed.

Key words: Belarus, sociology, public opinion, The Institute of sociology, sociological polls, perspectives.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.2:330.564(476)

Е. М. БАБОСОВ,
доктор философских наук, профессор, академик,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИНАМИКА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

На основе анализа основных тенденций социально-экономического развития, обобщения данных статистики и эмпирических социологических исследований раскрывается значимость роста доходов населения Беларуси как важнейшего индикатора развития социальной сферы и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: денежные реальные доходы, структура доходов, заработная плата, расходы домашних хозяйств, благосостояние.

В социальной системе, сложившейся и функционирующей в современной Беларуси после обретения ею государственной независимости и государственного суверенитета, основным движущим фактором является целенаправленный добросовестный труд, который составляет решающее средство формирования доходов большинства населения. Доходы населения представляют собой вознаграждение, которое получают люди со стороны общества и его социальных институтов и организаций за свою деятельность, в основном трудовую. Поэтому основным средством формирования доходов является заработная плата. Правда, в реальной действительности доход не исчерпывается заработной платой. В его структуру входят оплата по труду всех категорий работников, пенсии, различные пособия, стипендии и другие социальные трансферты, доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценные бумаги, дивиденды, доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью, доходы от продаж иностранной валюты.

Наряду с этим существует целая группа доходов, размеры которых трудно учитывать, а тем более – контролировать. К их числу относятся выражаемые в натуральной форме доходы от личного подсобного хозяйства, доходы от рыболовства и охоты, от ухода за пчелами, а также доходы, получаемые некоторыми группами населения от заготовки продуктов лесопользования (ягод, грибов, орехов и т. п.). Сюда относятся доходы отдельных индивидов, получаемые ими за участие в строительстве индивидуальных дач, за нерегистрируемые перевозки людей и грузов, за благоустройство индивидуальных земельных участков, за проведение платных дополнительных занятий при подготовке к экзаменам.

Сумма денежных и натуральных доходов, выраженных в денежной оценке (достаточно приблизительной), полученных различными группами граждан, представляет совокупные доходы населения. Кроме того, в условиях функционирования рыночной экономики имеются достаточно значительные по объему «теневые» доходы, не декларируемые в налоговых органах.

Наряду с этим существует еще несколько видов доходов. Во-первых, выделяются *доходы государства*, получаемые за счет взимания налогов, пошлин, различных платежей (например, за аренду зданий, помещений, земельных участков), внешнеторговых операций, иностранных кредитов, которые в случае непродуманных последствий во время их выплат могут превращаться не в доходы, а в расходы, иностранной помощи, вся совокупность которых используется для осуществления государственных функций. Во-вторых, имеются *доходы организаций*, получаемые в результате поступления в организацию денежных средств или какого-либо имущества, а также погашения обязательств, приводящих к увеличению денежных или имущественных активов данной организации.

Существует и другой подход к классификации доходов. При таком подходе выделяются *валовой национальный доход*, номинальный доход предприятий или граждан, *реальные доходы* населения или предприятий (организаций).

В случае социологического анализа системы доходов основное внимание сосредоточивается не на макроанализе валового национального дохода (хотя он, конечно, учитывается), что свойственно экономическим наукам, а на микроанализе доходов различных групп населения – профессиональных, возрастных, территориальных и т. п. Следовательно, социологический подход к доходам ориентируется преимущественно на исследование микроэкономических показателей на личном и групповом уровне.

Вследствие многогранности данной социально-экономической категории, исследование распределения личных доходов связано с определенными трудностями, обусловленными неточностью данных, характеризующих доходы, выбором подходящей единицы анализа (индивид, семья или домохозяйство), способом оценки размеров пособий в надлежащей форме, получаемых за счет бюджетных расходов, а также с изменением социального статуса индивидов в процессе развертывания их жизненного цикла. Одним из наиболее употребляемых показателей, позволяющих более или менее адекватно определить картину существующих на определенном этапе развития социальной системы страны доходов населения, являются *реальные денежные доходы* – относительный показатель, исчисляемый путем деления индекса номинальных размеров денежных доходов населения на индекс потребительских цен за соответствующий временной период.

Доходы населения зависят от изменения уровня потребительских цен, поэтому обычно разделяют номинальные и реальные доходы. *Номинальные доходы* характеризуют уровень доходов населения без учета изменения цен,

т. е. включают в себя всю сумму полученных теми или иными группами населения конечных доходов. В отличие от этого реальные располагаемые доходы рассчитываются с учетом изменения индекса цен и тарифов.

Для более полного представления о сущности доходов, формах проявления и их динамики используется термин «располагаемые доходы», которые характеризуют реальные доходы за вычетом налогов и других обязательных платежей. В настоящее время в условиях многообразия источников доходов, их видов реальные денежные доходы населения рассматриваются в их соотнесенности с денежными расходами различных социальных групп. Основными источниками формирования денежных доходов населения являются оплата труда и трансферты населению (пенсии и пособия, стипендии), удельный вес которых в общем объеме денежных доходов населения в январе–августе 2012 г. составил 85 %. Структура денежных доходов населения представлена в табл. 1.

Таблица 1. **Структура денежных доходов населения Беларуси**

	Январь–август 2012 г., млрд р.	В % к итогу
Всего денежных доходов	194177,8	100
в том числе:		
оплата труда	126190,2	65,0
доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	20371,2	10,5
трансферты населению (пенсии и пособия, стипендии и другие трансферты населению)	38754,2	20,0
доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и прочие доходы от собственности)	6117,1	3,1
прочие доходы (поступления от продажи продукции сельского хозяйства и прочие поступления)	2745,1	1,4

За последние 10–12 лет в структуре денежных доходов произошли существенные изменения. Так, например, доля оплаты труда работников в общей структуре доходов возросла с 51 % до 65 %, доля трансфертов (пенсий, стипендий и др.) увеличилась с 17,9 % до 20,0 %, доходы от предпринимательской и иной деятельности снизились с 28,4 % до 10,5 %, доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и прочие доходы от собственности) возросли с 1,8 % до 3,1 %.

В динамике доходов населения и уровне его жизнеобеспечения в условиях функционирования независимого и суверенного белорусского государства достаточно отчетливо проявляются два существенно различных периода. Первый из них охватывает первые годы после распада Советского Союза. Пожалуй, самое тяжелое последствие происходивших в этот период (до 1995 г.) сдвигов, вызванных социально-политическими и социально-экономическими преобразованиями, проявилось в нарушении процессов формирования доходов и жиз-

необеспечения большинства индивидов и социальных групп, проживающих в Беларуси, равно как и в России, Украине и большинстве постсоветских стран. Оплата труда рабочих и служащих в общей структуре денежных доходов населения в течение этого периода снизилась с 73,1 % (в % к общей сумме денежных доходов) в 1990 г. до 46,2 % к концу 1994 г., социальные трансферты уменьшились с 16,2 % до 13,0 %, а доходы от собственности и предпринимательской деятельности возросли с 10,7 % до 40,8 % (т. е. почти вчетверо).

Начиная с 1995 г. в Беларуси начался второй, качественно отличный от первого, этап в динамике денежных доходов населения. Особенности данного этапа обусловлены переходом к президентской форме государственного правления, разработкой и осуществлением белорусской модели социально-экономического развития, одним из важнейших компонентов которой стало активное участие государства в формировании рыночных отношений, сочетание преимуществ современного рыночного хозяйства с обеспечением эффективной социальной защиты граждан, недопущение «шоковой терапии» и обуздание стремления некоторых богатых людей превратиться (по примеру России и Украины) в так называемых олигархов, разграбляющих народное богатство и спекулирующих на обеднении большинства населения, снижении его благосостояния, в том числе и денежных доходов. В результате системного претворения в жизнь всех этих мероприятий уже в 1999 г. по сравнению с 1996 г. денежные доходы в расчете на душу населения возросли в Беларуси с 7507 до 186,499 тыс. р. (более чем вчетверо), номинальная начисленная среднемесячная заработная плата – с 755,1 тыс. р. до 19580,8 тыс. (в 3,8 раза), а средний размер назначенной месячный пенсии – с 323,8 до 7055,2 тыс. р. (в 4,6 раза). Данная позитивная тенденция в возрастающих темпах продолжалась и в первом десятилетии XXI века. Основные показатели динамики денежных доходов населения в этот период отражены в табл. 2.

Таблица 2. **Соотношение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников и минимального потребительского бюджета в Беларуси в 2000–2011 гг.**

Год	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, тыс. р.	Минимальный потребительский бюджет (в расчете на 1 члена семьи из четырех человек в месяц), тыс. р.	Соотношение среднемесячной заработной платы и минимального потребительского бюджета, %
2000	58,9	46,7	126,0
2005	463,7	229,3	202,2
2006	582,2	256,6	226,9
2007	694,0	284,5	244,0
2008	868,2	340,1	255,3
2009	981,6	385,3	254,7
2010	1217,3	446,2	272,8
2011	1899,8	733,6	259,0

Одновременно с ростом денежных доходов населения в 2000–2011 гг. происходят и существенные сдвиги в структуре доходов. Эти изменения в процентом отношении отражены в табл. 3.

Таблица 3. **Изменения в структуре доходов населения Беларуси в 2000–2011 гг., %**

Структура денежных доходов населения	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
оплата труда	59,8	65,1	66,5	63,0	63,9	64,3	63,1	65,4
доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	15,4	8,9	7,4	12,0	11,6	11,4	12,7	10,6
трансферты населению	19,4	22,2	22,7	21,4	20,6	20,2	20,4	20,0
доходы от собственности	2,00	1,6	1,5	1,7	2,0	2,8	2,5	2,5
прочие доходы	3,4	2,2	1,9	1,9	1,9	1,3	1,3	1,5

Анализ данных, приведенных в этой таблице, показывает, что в названный период существенно повысилась оплата труда работников, почти в полтора раза сократились доходы от предпринимательской деятельности, немного возросли доходы от собственности и почти на прежнем уровне (опять-таки повторяем – в процентном отношении) остались трансферты населению. Если мы сопоставим крайний левый столбец таблицы с ее правым крайним столбцом, то станет очевидной самая важная тенденция в динамике населения Беларуси – значительное возрастание в структуре доходов доли оплаты труда, что свидетельствует о возрастании ее роли как важного мотиватора трудовой деятельности.

Положительная динамика нарастания денежных доходов населения продолжалась в Беларуси и в 2012 г.

В январе–августе 2012 г. общий объем денежных доходов населения составил 194,2 трлн р. и по сравнению с январем–августом 2011 г. увеличился в 2,1 раза при росте потребительских цен на товары и услуги за этот период в 1,8 раза.

Реальные располагаемые денежные доходы (денежные доходы за вычетом налогов, сборов и взносов, скорректированные на индекс потребительских цен на товары и услуги) в январе–августе 2012 г. по сравнению с январем–августом 2011 г. увеличились на 13,7 % при прогнозе роста на 2012 г. на 3–3,5 %.

Данные об изменении номинальной начисленной и реальной заработной платы приведены в табл. 4.

За этими среднестатистическими данными кроется существенная дифференциация заработной платы по отдельным социально-профессиональным категориям работников. В частности, на стабильно высоком уровне держится зарплата работников финансовой сферы, составляющая по итогам семи месяцев 2012 г. 6412 тыс. руб. Наиболее высокооплачиваемыми по-прежнему остаются работники строительной индустрии (5150 тыс. р.), сотрудники, осуществляющие научные исследования и разработки (5150 тыс. р.), работники транспорта и связи (5300 тыс. р.). Более низкие уровни зарплаты зафиксированы

в системе образования (4085 тыс. р.), в области здравоохранения и предоставления социальных услуг (3020 тыс. р.), в сфере сельского хозяйства (3253 тыс. р.). Конфигурация уровней зарплаты в августе 2012 г. представлена на рис. 1.

Таблица 4. **Номинальная и реальная заработная плата в 2012 г.**

	Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, тыс. р.	% к		Изменение реальной заработной платы, % к	
		соответств. периоду предыдущего года	предыдущему периоду	соответств. периоду предыдущего года	предыдущему периоду
Январь	2880,6	204,1	100,1	97,3	98,2
Февраль	2964,2	206,2	102,9	99,4	101,4
Март	3159,6	205,5	106,6	99,5	105,0
Апрель	3252,7	207,9	102,9	103,4	101,2
Май	3559,6	215,7	109,4	119,5	107,7
Июнь	3752,1	210,2	105,4	124,2	103,5
Июль	3925,9	211,5	104,6	127,6	103,3
Август	4084,9	204,9	104,0	131,7	101,7

Одним из важных индикаторов уровня благосостояния населения той или иной страны является доля расходов в семейном бюджете, затрачиваемых на питание. По данным Министерства статистики и анализа Республики Бела-

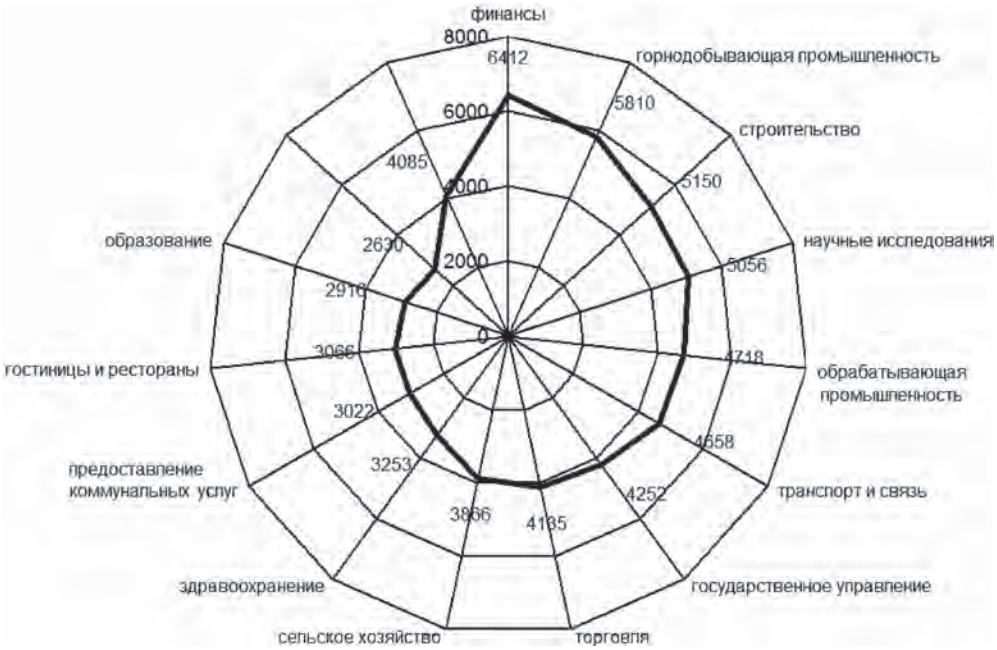


Рис. 1. Средняя заработная плата работников республики по отдельным видам экономической деятельности в августе 2012 г. (тыс. р.)

русь, в 1995 г. доля потребительских расходов домашних хозяйств на питание в стране составляла 61,5 %, в 2000 г. – 59,6 %, в 2005 г. – 44,6 %, в 2010 г. – 39 %, в 2011 г. – 41,3 %. Этот ряд цифр целесообразно сопоставить с такими показателями в других европейских странах. По расчетам аналитиков из российского РИА-Новости, вырисовывается своеобразный рейтинг европейских стран по расходам на питание. Этот рейтинг выстраивается в восходящий ряд, изображенный на рис. 2.

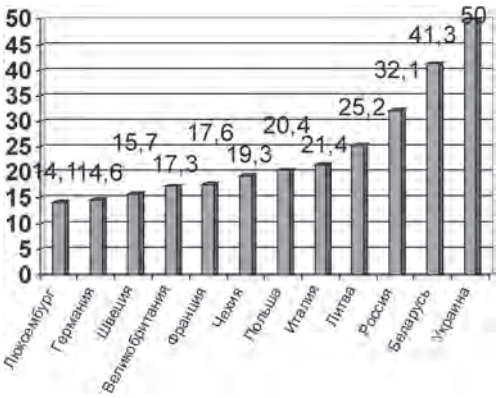


Рис. 2. Доля расходов хозяйств на питание в общем количестве расходов. Включены расходы на покупку продуктов и питание вне дома

Следует иметь в виду, что при росте зарплаты затраты на питание растут медленней, и выходит, что тот, у кого доход выше, тратит на питание меньшую долю своих доходов. Так получается из-за того, что расходы на питание – расходы первой необходимости, и они не особо изменяются в зависимости от уровня доходов.

Давая взвешенно-критическую оценку данной ситуации, необходимо иметь в виду, что в конце сентября 2012 г. в Беларуси повышены предельные максимальные отпускные цены на социально значимую хлебобулочную и молочную продукцию. Цена на низкожирные молоко и кефир повышается на 35 %, на некоторые виды хлеба – на 10 %.

Эту ситуацию необходимо учитывать и в дальнейшем, когда предполагается существенное повышение доходов населения республики. Согласно прогнозу социально-экономического развития Беларуси, в 2013 г. рост реальных денежных доходов населения запланирован в пределах 6,5 %. Чтобы добиться осуществления данных показателей, предстоит обеспечение опережающего роста ВВП, прирост которого в 2013 г. предполагается реализовать в сумме 8,5 %. Осуществляя социальную политику, ориентированную на регулирование доходов населения, нашим властным структурам и финансово-налоговым органам следует учитывать, что, согласно данным международной консалтинговой компании Wealth-X, в Беларуси в 2012 г. насчитывалось 115 мультимиллионеров, общее состояние которых исчисляется громадной суммой в 13 млрд долларов, которая превышает бюджет всей страны [5]. Это необходимо иметь в виду, когда ставится задача снизить чрезмерно высокие диспропорции в уровне доходов различных групп и слоев населения.

В целях более эффективной реализации осуществляемой в Беларуси политики роста денежных (и иных) доходов населения следует в ближайшей перспективе осуществить систему взаимосвязанных мероприятий. К числу наиболее важных среди них относятся следующие:

1. Для совершенствования государственного регулирования процессов формирования и распределения доходов все корректировки в этой сфере должны основываться на системном подходе. Он предполагает, с одной стороны, что динамика доходов населения и заработной платы как основополагающей их доли органично интегрируется в систему макроэкономических показателей, а с другой стороны – заработная плата как цена рабочей силы призвана обеспечивать воспроизводство работника и его семьи с учетом сложившейся социально-экономической ситуации и влияния существующего на рынке труда спроса и предложения.

2. Стержневым элементом новой интегрированной модели политики доходов является активная деятельность государства, его органов по созданию всесторонних возможностей для получения достаточного дохода всеми трудоспособными людьми. В основе этого должна лежать экономически обоснованная и социально справедливая заработная плата, ключевыми компонентами формирования которой являются качественное образование, здравоохранение и хорошо функционирующий рынок труда.

3. Краеугольным камнем реализации новой модели политики доходов становится самообеспечение, в процессе которого все граждане трудоспособного возраста должны обеспечивать благосостояние свое и своих семей собственной активной экономической деятельностью и зарабатывать своим трудом заработную плату, прибыль и другой доход.

4. Основным направлением государственного регулирования процессов формирования и распределения доходов должно стать повышение его рентабельности на основе широкого привлечения и эффективного использования различных (внутренних и внешних) источников инвестиционного развития.

5. Необходимо скорректировать государственные гарантии нижних пределов оплаты труда с тем, чтобы его уровень стал соответствовать стоимости набора товаров и услуг, входящих в потребительскую корзину, включая не только физиологические потребности, но и обеспечение квалификационного роста и развитие творческого потенциала работника.

6. Создать систему государственных социальных гарантий работникам в области стимулирования и оплаты труда в соотнесенности с минимальным потребительским бюджетом и экономическими возможностями народного хозяйства республики с целью преодоления социально несправедливой и экономически неоправданной ситуации, при которой люди, официально нигде не работающие («челноки», «менялы», спекулянты и др.), получают более высокий доход, чем работающие.

7. Усилить государственное содействие росту доходов от самозанятости и предпринимательской деятельности, создав для этого нормативно-правовые гарантии и благоприятный бизнес-климат.

8. Отказаться от пассивного варианта социальной политики, при котором основное внимание сосредоточено на оказании материальной помощи без-

работным и на административном сдерживании процессов высвобождения работников, приводящем к накоплению и росту скрытой безработицы, и переориентировать эту политику на создание новых рабочих мест с помощью благоприятных кредитно-финансовых, налоговых и инвестиционных предпосылок, на расширение профориентационных услуг, совершенствование профессиональной подготовки и переподготовки кадров, оказание помощи в трудоустройстве различным группам населения, прежде всего молодежи.

9. В условиях расширения сферы домашнего хозяйства в системе становления рыночных отношений все мероприятия, направленные на усиление стимулирующей роли заработной платы в активизации экономической активности населения в сфере наемного труда, необходимо увязывать с созданием благоприятных возможностей возрастания социальной и экономической значимости труда в домашнем хозяйстве, составляющем важный компонент в формировании рынка капиталов, товаров и рабочей силы, являющегося одним из действенных рычагов повышения активности экономического поведения различных групп населения и роста их реальных доходов.

Осуществление названных мер позволит существенно повысить размеры и роль доходов различных социальных групп и слоев в росте благосостояния белорусского народа. При этом следует иметь в виду, что в 2012 г. по рейтингу, составленному британским аналитическим центром «Legatum Institute», из 144 государств мира Беларусь среди наиболее процветающих стран заняла 54-е место, опередив по этому интегрированному показателю Китай (55-е место), Россию (66-е место) и Украину (71-е место) [4; 15]. Причем, по некоторым важным индикаторам наша страна оказалась значительно более продвинутой. Она заняла, в частности, 21-е место по развитию образования, 26-е – по уровню социальной защиты населения, 40-е – по развитию здравоохранения. Нет сомнения, что выполнение основных показателей социально-экономической программы развития Беларуси позволит улучшить благосостояние нашего народа, а международные рейтинги сумеют это зафиксировать.

Литература

1. *Бабосов, Е. М.* Динамика доходов и уровня жизни населения в постсоветском обществе / Е. М. Бабосов // Социальная политика в постсоветском обществе. Задачи, противоречия, механизмы. – М., 2001. – С. 133–143.

2. *Бабосов, Е. М.* Повышение качества жизни народа – высшее предназначение устойчивого развития страны / Е. М. Бабосов // Е. М. Бабосов. Социологические очерки устойчивого развития современной Беларуси. – Минск, 2011. – С. 201–209.

3. *Бабосов, Е. М.* Структура и динамика доходов, их влияние на образ жизни людей / Е. М. Бабосов // Бабосов Е. М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века. – Минск, 2005. – С. 81–92.

4. Рейтинг процветания стран мира, 2012 // Аргументы и факты в Беларуси. – 2012. – 7 нояб.

5. Республика Беларусь. Статистический ежегодник. – Минск, 2012.

6. *Толкачева, Е.* В Беларуси насчитали 115 мультимиллионеров / Е. Толкачева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2012. – 19 окт.

E. M. BABOSOV

DYNAMIC OF INCOME AS AN IMPORTANT INDICATOR OF COUNTRY SOCIAL WELFARE

Summary

The importance of income growth in Belarus as an important indicator of social development and improved quality of life is revealed in the article on the basis of analysis of the main trends in the social and economic development, data compilation of statistics and empirical sociological studies.

Keywords: monetary real income, the structure of income, wage, household spending and welfare.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. СОКОЛОВА,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК «ОТВЕТ» ОБЩЕСТВА НА «ВЫЗОВ» ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В МИРЕ

Представлен анализ экономической и социальной сторон глобализации как нового состояния интернационализации хозяйственной жизни в мире. Показано, что новые экономические и социальные формы строятся вокруг сетевых структур капитала, управления и информации. Логика процесса модернизации общества – для «ответа» на «вызов» глобализации – развернута в контексте триады: стартовые позиции субъектов, активы и пассивы наличных ресурсов, коридор экономических и социальных возможностей. Выявлены проблемы, которые сужают «коридор возможностей» при формировании национального проекта модернизации.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, сетевые структуры, стартовые позиции, активы и пассивы, коридор экономических и социальных возможностей.

В рамках парадигмы «вызов–ответ» глобализация представляет собой своеобразный вызов, на который каждое общество дает свой ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Глобализация – объективный, ускоряющийся и всеобъемлющий и далеко не однозначный процесс. С одной стороны, он расширяет возможности доступа к достижениям науки, техники и культуры, подтягивая все страны к наиболее развитым, но с другой – усиливает экономическую взаимозависимость стран друг от друга, подчиняет их внутреннюю социальную политику внешним экономическим силам. Эта противоречивость особенно ощущается постсоветскими государствами, на долгое время выключенными из процессов мирового экономического развития, а также внутри- и межстрановой конкуренции. Они интегрируются в общий процесс глобальных изменений в мире, осуществляя модернизацию по принципу «догоняющей», неорганической модернизации, связанной с большими социальными издержками, необходимостью решения как технологических, так и социальных проблем. Если органическая модернизация, осуществляемая наиболее развитыми странами, происходила в течение столетий благодаря внутренним факторам, то неорганическая осуществляется преимущественно под влиянием западных технологий и форм организации производства. Велика вероятность того, что «догоняющая» модернизация может быть «консервативной» по идеологии (ограничиться некоторым технологическим и организационным усовершенствованием); элитарной по масштабности (осуществляемой «сверху», в усло-

виях модернизационного эксперимента); технократически ориентированной по вектору ценностей гражданского общества.

Исходя из необходимости проверки данной гипотезы актуализируются вопросы: в *какой* точке процесса мировой глобализации находятся Россия и Беларусь как постсоветские государства? *Каковы* активы и пассивы этих стран? И наконец, *каков* «коридор экономических и социальных возможностей» модернизации в России и Беларуси? Эти вопросы предопределили *цель* исследования – анализ, в рамках парадигмы «вызов–ответ», интеграции различных по экономическому и социальному развитию обществ в процесс глобальных изменений в мире. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих *задач*: рассмотреть экономическую и социальную стороны глобализации; выявить плюсы и минусы этого процесса для стран с органической и неорганической модернизацией; проанализировать проблемы модернизации, связанные с интеграцией в глобальный процесс России и Беларуси как постсоветских государств.

Исследование экономической стороны процесса глобализации

Глобализация может быть определена как ускоряющийся процесс расширения и углубления взаимосвязанности стран мира во всех сферах современной общественной жизни – от экономической до социальной, от технико-технологической до социокультурной. Процесс глобализации набирает все большую силу, открывая, с одной стороны, перед странами возможность ускорения социально-экономического прогресса, но с другой – выступая угрозой их национальным интересам и самобытности [1, с. 13–42].

Признаки глобализации. Экономическая глобализация представляет новое состояние интернационализации производства и обмена, *качественно отличное* от прошлого, *во-первых*, по динамике и масштабам развития международных обменов результатами экономической деятельности. Для целого ряда стран мировой рынок уже не может рассматриваться как дополнение к национальному, а становится необходимым условием функционирования экономики. Его значение в развитии реального сектора экономики часто сопоставимо с ролью внутреннего рынка. И в этом состоит одно из главных проявлений экономической глобализации.

Во-вторых, глобальный характер приобретают не только хозяйственные связи, но и многие экономические проблемы. Становясь глобальными, они требуют для своего решения согласованных усилий многих стран. Ограниченность природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, опережающий рост численности населения по сравнению с ресурсными возможностями планеты, разрыв между бедными и богатыми странами – все это вызывает тревогу человечества.

В-третьих, важнейшим признаком эры экономического глобализма становится транснационализация производства, торговой и банковской деятельно-

сти. Под этим термином понимается обрастание национальных «родительских» компаний многочисленными дочерними фирмами и филиалами в разных уголках мира. Транснациональные корпорации (ТНК) превратились в основную движущую силу процесса экономической глобализации, а такие ее субъекты, как отдельные государства и национальные компании, оказались во многих отношениях неконкурентоспособными.

В-четвертых, проявлением глобализации и ужесточающейся конкуренции становится слияние крупных компаний, имеющих схожий профиль, а также покупка ТНК в полную или частичную собственность уже существующих иностранных предприятий. Промышленно развитые страны экспортируют капитал друг другу, интегрируя тем самым свои национальные рынки. В мировом объеме прямых зарубежных инвестиций на долю промышленно развитых стран приходится более 70 %, на долю развивающихся – менее 30 %. Это свидетельствует о том, что интенсивность экономической глобализации в различных регионах неодинакова, причем мировой рынок расширяется прежде всего в результате экономических обменов внутри группы индустриальных стран [1, с. 19–22].

В-пятых, от конкурентного превосходства главных промышленных держав мира и экспансии их могущественных ТНК дают определенную защиту *региональные интеграционные группировки*, появление которых – одна из характерных черт процесса глобализации. Торговые, экономические, валютные союзы и объединения нескольких государств, создавая предпочтительные условия для сотрудничества, позволяют углублять *разделение труда на региональной основе* и усиливать позиции стран-участников в глобальной конкуренции. Таким образом, структура мировой экономики становится более сложной. Ее субъектами выступают уже не только отдельные государства и их фирмы, но и их интеграционные группировки со своими наднациональными структурами. На этом уровне все чаще не только устанавливаются правила и условия торговли, заключаются соответствующие соглашения, но и разгорается конкурентная борьба.

Экономическая глобализация тесно связана с либерализацией торговых и других обменов. Большинство стран мира, и прежде всего члены Всемирной торговой организации (ВТО), в значительной степени ослабили таможенные и другие барьеры на пути трансграничного движения товаров и капиталов. Судя по всему, складываются условия для превращения свободы торговли в господствующий принцип политики не только ведущих индустриальных держав, но и большинства других государств. Тенденция к либерализации внешнеэкономической деятельности набрала дополнительную силу после демонтажа командно-административной системы, господствовавшей в социалистических странах, так как рыночные отношения становятся универсальной формой хозяйственной жизни и экономического взаимодействия стран. Рост однородности и открытости экономических систем придал сильный импульс процессу интернационализации производства и обмена.

В свою очередь, социалистические страны, перешедшие на путь рыночных отношений, интегрируют свои экономики в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), а также Таможенный союз и Единое экономическое пространство (ЕЭП), состоящее из территорий сторон, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении единых правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Плюсы и минусы глобализации. Глобализация открывает дополнительные возможности и сулит немалые выгоды отдельным странам. Благодаря этому объективному процессу достигается экономия на издержках производства, оптимизируется размещение ресурсов в мировом масштабе, расширяется ассортимент и повышается качество товаров на национальных рынках, становятся широко доступными достижения науки, техники и культуры. ТНК играют положительную роль в создании современных производств в развивающихся странах. Однако этот процесс в его нынешних формах сопряжен с издержками и угрозами для национальных экономик, причем не только бедных, но и богатых стран. *Проблема* заключается в том, что отдельным странам, особенно небольшим и бедным, нелегко контролировать то, что происходит вне их границ, а стихийные или направляемые сильными державами глобальные процессы могут иметь для них негативные последствия.

Существенная сторона глобализации – *вызов*, который она бросает суверенитету национальных государств. Переход значительной части контроля над экономикой от суверенных государств к транснациональным корпорациям и международным организациям, у которых свои и нередко противоположные национальным интересы, часто превращается в болезненную *проблему*. Программы либерализации и структурной адаптации, рекомендуемые ряду стран международными организациями, в возрастающей степени подчиняют внутреннюю социальную политику внешним экономическим силам. Это особенно ощущается в развивающихся странах и переходных экономиках. Так, условия, на которых МВФ и Всемирный банк предоставляют финансовую помощь странам, застигнутым кризисом, зачастую обязывают эти страны проводить далеко не самую рациональную, а порой и просто губительную политику.

Преимущества экономической глобализации реализуются отнюдь не автоматически, и не все страны в равной мере их ощущают. Более того, в глазах многих из них богатые и сильные государства оказываются в несправедливо более выгодном положении. Как бы ни были велики достижения экономического глобализма последних двух десятилетий XX века, они не сняли с повестки дня необходимость преодоления опасных разрывов в уровнях экономического развития стран, задачу, которая в 70-е годы находилась в эпицентре движения за новый международный экономический порядок. На 20 % населения планеты, проживающего в богатых странах, приходится 86 % ВВП всего мира, а на 20 %, живущих в бедных странах, всего 1 % [1, с. 27–28].

Преимуществам глобализации сопутствуют нежелательные последствия. Высокая степень экономической взаимозависимости стран, гигантские нерегулируемые перетоки горячих спекулятивных капиталов сделали глобальную экономику уязвимой, подверженной перебоям. Возрастающая неспособность многих стран догнать высокоразвитый мир, усиливающееся социальное неравенство внутри этих стран и несбывшиеся ожидания людей в эру, когда стандарты благосостояния и потребления высокоразвитых стран тиражируются средствами массовой информации на весь мир, продолжают оставаться источником внутренней и международной неустойчивости. Эти явления, конечно, не новы, но при стихийном ходе глобализации они могут выйти из-под контроля, дестабилизировать правительства и страны и даже вылиться в столкновения стран. Перед мировым сообществом встал вопрос: как ослабить уязвимость национальных экономик, проистекающую из их возрастающей взаимозависимости.

Джордж Сорос пишет, что капитализм в стадии глобализации отличает от его прежних этапов всепоглощающее стремление к успеху, усиление мотива прибыли и проникновение его туда, где ранее преобладали иные ценности – культурные, профессиональные, нравственные. «Не будет преувеличением сказать, что деньги правят теперь жизнью людей в большей степени, чем когда-либо раньше. К сожалению, мир еще не научился управлять денежными потоками в международной сфере» [2, с. 127].

Маловероятно, считает О. Т. Богомолов, чтобы оправдались прогнозы полной утраты национальными государствами суверенитета в отношении своей экономики в пользу наднациональных или международных образований. Как бы ни было велико влияние наиболее могущественных стран и их транснациональных гигантов, национальные государства в обозримой перспективе не отомрут, а наоборот, будут укреплять себя и добиваться демократизации глобальной экономической среды. Международному сообществу предстоит найти и узаконить границы делегирования национального суверенитета в экономической области международным институтам.

Активизация внутри- и межстрановой конкуренции. Рассмотрение *экономической* стороны глобализации выявляет, что она отличается от предшествующего периода интернационализации хозяйственной жизни *резким обострением конкурентной борьбы, теперь уже во всемирном масштабе.* Ее накал имеет, разумеется, и положительную сторону, заставляя всемерно удешевлять производство, одновременно не допуская снижения качества продукции. Но с другой стороны, в условиях ожесточенных схваток между промышленными гигантами, их неудержимой экспансии трудно окрепнуть молодой национальной промышленности развивающихся стран и завоевать достойное место даже на собственных внутренних рынках, не говоря уже мировых.

Ужесточение конкуренции в глобальных масштабах создает проблемы и в промышленно развитых государствах. Их предприятия, чтобы устоять перед наплывом дешевого импорта, урезают социальные гарантии работни-

кам, снижают или удерживают на прежнем уровне зарплату, а иногда и закрывают производство, перенося его в развивающиеся страны с более низкой ценой труда. Словом, под влиянием глобальной конкуренции ухудшается социальный климат внутри даже развитых стран, возрастает угроза роста безработицы.

Конкуренция, как и прежде, выступает как объективный закон, влияющий через существенные, внутренне необходимые, устойчивые отношения субъектов собственности, в борьбе за наиболее выгодные условия производства и реализации товаров с целью получения наибольшей прибыли, на взаимодействие законов разделения и перемены труда. Однако в условиях глобализации этот закон приобретает самодовлеющий характер и захватывает не только сферу производства, но и сферу обращения, диктуя свои требования общественному производству.

Ареной закона конкуренции становится как сфера общественного производства, так и сфера обращения, источником саморазвития – постоянное возникновение и разрешение противоречия между необходимостью максимальной самореализации человека во имя выживания и сопротивлением информационной среды этому естественному проявлению. В ходе развертывания научно-технического прогресса противоречие разрешается, чтобы возникнуть вновь и разрешиться на новой ступени общественного развития.

Виды конкурентной борьбы все более усложняются, становятся более многообразными и вариативными, принимают все более опосредованный характер. Наряду с конкуренцией мелких и средних производителей конкурентная борьба ведется между монополиями в одной отрасли хозяйства, между монополиями смежных отраслей, внутри монополий, между монополизированными и немонополизированными предприятиями и т. д. Конкуренция на современном этапе входит во все сферы экономических отношений. Вместе с тем, несмотря на разнообразие и сложность видов конкурентной борьбы, ее результаты строго детерминированы соотношением возможностей и способностей тех или иных субъектов конкуренции.

Исследование социальной стороны процесса глобализации

Исследование *социальной* стороны глобализации, осуществленное одним из самых известных европейских социологов М. Кастельсом [3, с. 492–505] позволило ему сделать концептуально важное заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию нынешних обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью.

Согласно его определению сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от ха-

рактера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. К ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. По закону сетевых структур расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети [3, с. 494–495].

Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, т. е. используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети становятся «институтами», способствующими развитию капиталистической экономики, основанной на инновациях, глобализации и индивидуализации сферы труда, постоянным расчленением и воссоединением различных элементов сферы культуры, ориентации сферы государственной политики на усвоение новых ценностей и общественных умонастроений, нацеленности социальной организации на завоевание пространства и уничтожение времени [3, с. 496].

Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг *глобальных* сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие сети доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу *производительности и конкурентоспособности*. Компании, фирмы и, во все большей степени, другие организации и институты объединяются в сети разной конфигурации, структура которых знаменует собой отход от традиционных различий между крупными корпорациями и малым бизнесом, охватывая секторы и экономические группы, организованные по географическому принципу. Поэтому трудовые процессы обретают все более индивидуализированный характер, происходит фрагментизация деятельности в зависимости от производственных задач с ее последующей реинтеграцией для получения конечного результата. Это находит свое проявление в осуществлении взаимосвязанных задач в различных точках мира, что означает *новое разделение труда*, основанное на возможностях и способностях каждого работника, а не на характере организации данной задачи [3, с. 497].

Общество сетевых структур, в любых его институциональных воплощениях, в настоящее время является буржуазным обществом. Более того, капиталистический способ производства сегодня впервые определяет *социальные* взаимоотношения повсюду в мире. Однако эта разновидность капитализма коренным образом выделяется на фоне своих исторических предшественников. Ее отличают *два главных признака*: она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков. Капитал работает

в глобальном масштабе и в реальном времени, причем он реализуется, инвестируется и накапливается прежде всего в сфере обращения, т. е. как финансовый капитал. Последний всегда составлял основную часть капитала, однако сегодня мы являемся свидетелями несколько иного феномена: дальнейшее накопление капитала и финансовая деятельность все чаще осуществляются на глобальных финансовых рынках; из этих сетевых структур притекают инвестиции во все области хозяйственной деятельности: информационный сектор, сферу услуг, сельскохозяйственное производство, здравоохранение, образование, обрабатывающую промышленность, транспорт, торговлю, туризм, культуру, рациональное использование окружающей среды и т. д. [3, с. 497–498].

Однако чтобы финансовый капитал мог работать и *конкурировать*, он должен опираться на знания и информацию, получающие обеспечение и распространение благодаря информационной технологии. Таково конкретное содержание взаимосвязи между капиталистической формой производства и информационной формой развития. Капитал, которым распоряжаются чисто по наитию, всегда подвержен опасностям и, в конечном счете, размывается под воздействием элементарной статистической вероятности в условиях произвольных колебаний финансовых рынков. Процесс его накопления заключается ни в чем ином, как во взаимодействии между выгодным размещением средств в соответствующих фирмах и использованием накопленных прибылей для их обогащения в условиях глобальных финансовых сетей. Накопление капитала связано с производительностью, *конкурентоспособностью* и наличием необходимой информации относительно инвестиций в каждом секторе экономики [3, с. 497–498].

Итак, капитал либо изначально носит *глобальный* характер, либо обретает его с целью приобщения к процессу накопления в условиях экономики, строящейся вокруг электронных сетей. По принципу сетей фирмы организуют как свою внутреннюю структуру, так и внешние связи. Благодаря этому потоки капитала и вызываемая ими к жизни деятельность, связанная *с производством, управлением и распределением*, растекаются по взаимосвязанным сетям самой различной конфигурации.

Что же происходит с такой категорией, как *труд*, как *социальные производственные отношения*, в этом *новом* мире *информационного капитализма*? В пространстве финансовых потоков работники не исчезают, а работы остается в избытке. Вопреки апокалипсическим пророчествам сегодняшний мир характеризуется бо́льшим числом рабочих мест и более высокой долей занятости самодеятельного населения, чем когда-либо в истории. В основном это объясняется широким привлечением женщин к оплачиваемому труду во всех индустриально развитых обществах, причем этот контингент рынку труда удалось абсорбировать без особых проблем. Таким образом, распространение информационных технологий, несмотря на все изменения структуры труда и уничтожение определенных рабочих мест, не привело и вряд ли в будущем приведет к массовой безработице, несмотря на ее рост в Европе, который

больше связан с социальными институтами, чем с новой производственной системой [3, с. 501].

Однако несмотря на то, что работа, работники и трудящиеся классы существуют и даже получают все бо́льшее распространение в мире, социальные взаимоотношения между трудом и капиталом претерпевают коренные преобразования. *Капитал* по самой своей сути носит *глобальный* характер, а *труд*, как правило, – *локальный*. Историческая реальность развития информационных технологий такова, что ведет к концентрации и глобализации капитала, причем именно благодаря непреодолимому децентрализующему воздействию сетевых структур. *Труд* оказывается *расчлененным* в зависимости от осуществляемых операций, *раздробленным* по организационному признаку, *диверсифицированным* в аспекте наличия или отсутствия работы, *раздельным* в условиях коллективной деятельности. Сети сливаются друг с другом, образуя метасеть капитала, объединяющую капиталистические интересы на глобальном уровне, вне зависимости от сфер и участков деятельности; это не может не сопровождаться конфликтами, однако подчиняется одной и той же общей логике. *Труд* же теряет свою коллективную самобытность, *становится* все более *индивидуализированным*, с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нем и перспектив на будущее [3, с. 502].

Таким образом, если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются (во многих экономиках доминирующая логика сегодня в гораздо большей мере носит капиталистический характер, чем когда-либо), то капитал и труд оказываются разнесенными в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше и меньше зависит от *конкретного труда* и все больше и больше – от *накопленного объема труда* как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. За этой двойственностью кардинального характера по-прежнему кроется значительный объем *социального* многообразия, слагаемыми которого служат ставки инвесторов, усилия рабочих, мастерство человека, людские страдания, найденная и потерянная работа, повышение и понижение по службе, конфликты и переговоры, конкуренция и заключение временных союзов; обычная жизнь продолжается. Но на более глубоком уровне *новой социальной реальности*, производственных отношений в их прежнем виде больше не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как *труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования.* В условиях сетевого общества капитал скоординирован в *глобальном* масштабе, тогда как труд *индивидуализирован.* Борьба между многообразными капиталистами и рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия [3, с. 502–503].

Итак, М. Кастельс развернул впечатляющую картину современных тенденций, приводящих к формированию основ общества, которое он называет сетевым. Постулируя, что информация есть по самой своей природе такой ресурс, который легче других проникает через все преграды и границы, М. Кастельс рассматривает информационную эру как эпоху глобализации, а средством и одновременно воплощением таковой выступают сетевые структуры, которые он считает наиболее характерным явлением современного мира. Его анализ начинается с исследования революции, которую приносит с собой развертывание информационных технологий, т. е. с предпосылок становления новой социальной структуры.

Закон конкуренции приобретает всемирный масштаб и диктует свои требования не только в сфере производства, но и в сфере обращения, а именно – в сфере действия финансового капитала. Разумеется, он по-прежнему – катализатор взаимодействия законов разделения и перемены труда, но последние остаются вне публичной сферы, а именно – в сфере производства. Формы проявления и результаты конкурентной борьбы во все большей мере зависят от конкурентоспособности тех или иных субъектов экономической деятельности. Те из них, кто обладает большей конкурентоспособностью, оказываются победителями в конкурентной борьбе. Конкурентоспособность проявляется, таким образом, во взаимодействии конкурирующих сторон, результатом которого является победа одного и поражение другого конкурента на рынке труда, товаров, услуг и капиталов. Мировое *разделение труда* углубляется, происходит общественное *распределение результатов труда*, но уже не в зависимости от социальной политики государства, а в зависимости от интересов сетевых структур в мировом масштабе. И именно сетевые структуры диктуют новую стратификацию (расслоение) обществ, входящих в сетевые структуры. Мир развивается в направлении глобализации, когда закон конкуренции, катализирующий взаимодействие законов разделения и перемены труда, приобретает мировое значение и начинает «втягивать» в орбиту своего функционирования национальные экономики, *вынуждая* общества двигаться вперед соответственно принятой шкале улучшений, чтобы «догнать» ведущие страны, которые существуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального пространства. Принадлежность страны к той или иной категории по уровню развития определяет возможные издержки, присущие обществам сетевых структур, которые ей предстоит испытать при вхождении в единое информационное пространство.

Модернизация как «ответ» общества на «вызов» глобальных изменений

Глобализация – объективный процесс интеграции национальных экономик в мировую экономику. Различные по своему экономическому и социальному развитию общества включаются в этот процесс *посредством модернизации* экономических и социальных ресурсов и развития инновационной деятельно-

сти. Успешность включения зависит от места нахождения общества в едином глобальном пространстве, соотношения в нем экономических и социальных активов и пассивов, коридора экономических и социальных возможностей [4, с. 3–12]. *Модернизация* рассматривается как процесс позитивных изменений *государства* и *общества*, основанный на экономических, социальных и культурных инновациях и ведущий в конечном счете к смене типа его экономической и социальной структуры, повышению благосостояния *всех* слоев населения, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы. Модернизация имманентно присуща процессам мирового экономического развития, поэтому актуализируются вопросы: в *какой* точке процесса глобальных изменений в мире находятся постсоветские государства, в частности Россия и Беларусь? *Каковы* активы и пассивы этих стран? И наконец, *каков* «коридор экономических и социальных возможностей» модернизации в постсоветских государствах?

Местонахождение в едином глобальном пространстве. Уверенно функционируют в информационном пространстве страны «большой семерки», обладающие 46 из 50 имеющихся в мире макротехнологий. Из этих технологий 22 контролируются США, 8–10 – Германией, 7 – Японией, по 3–5 – Великобританией и Францией, по одной – Канадой и Италией. Россия сохраняет контроль лишь над одной (по некоторым оценкам – двумя) макротехнологиями – производством ядерной энергии и освоением космоса. При этом на долю семи высокоразвитых стран приходится около 80–90 % наукоемкой продукции и почти весь ее экспорт. Доля России составляет, по разным оценкам, от 0,3 до 1,0 % [5, с. 15–31].

По словам российского экономиста В. М. Симчеры, в области инноваций у россиян нет никакой конкуренции, потому что нет такой конкуренции между производителями. До 50 % российских компаний не ведут никакой инновационной деятельности, тогда как в мире практически нет организаций, которые не занимались бы ею. В условиях *конкуренции* каждая организация вынуждена и, следовательно, обязана заниматься инновационной деятельностью. Рост конкуренции на 1 % означает прирост инновационной деятельности на 3 %. *Конкуренция толкает вперед инновации, она их локомотив.* Поскольку половина отечественных организаций может производить продукцию и продавать ее, не имея *никаких конкурентов*, ситуация развивается спонтанно, сама по себе [6, с. 32–47].

Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации как в экономическом, так и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только технико-технологические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. В Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы шли на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные

промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 80 %), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений и в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда предприятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т. д.), и в социальной сфере (снижение уровня жизни населения, падение индекса социального оптимизма и т. д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть *технологической проблемы* для постсоветских стран состоит в том, что преобладающий четвертый технологический уклад представляет собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связан практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до 1/3 всего труда составляет ручной труд, 1/5 – ручной труд с механическими инструментами, 1/3 – машинный труд и лишь 1/10 – полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а своего свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних) Беларуси и России как постсоветских государств определяется тем, что модернизация по типу «догоняющей» связана в них с неизбежными социальными издержками. Активы Беларуси и России состоят в следующем: во-первых, это наличие финансового резерва, что позволяет наращивать государственный спрос без возникновения значимого дефицита бюджета; во-вторых, общая недоинвестированность экономики, и особенно инфраструктуры, открывающая основные направления применения этого спроса – модернизацию инфраструктуры и социальную поддержку; в-третьих, сохранение основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства. В Беларуси – это машиностроение, тракторостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс). Это то, что С. Ю. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии и методы генной инженерии) [7, с. 26–37]. Согласно белорусскому экономисту В. Н. Шимову, все эти отрасли нужно поддерживать путем привлечения внешних ресурсов, но не кредитных, а акционерных, т. е. формируя межгосударственные и транснациональные корпорации. К активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несу-

щих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модернизации в определении и регулировании модели социально-экономического развития [8, с. 9–16].

Суть *социальной проблемы* состоит в том, что в ходе технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел, обусловливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизацией слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). По данным переписей населения в Беларуси и России, социальную базу модернизации можно оценивать в 1/4–1/5 часть населения.

В то же время основной массив занятого населения (свыше 70 %) в Беларуси (как и в России) составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих традиционные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в обществе, так и внутренних условий – преодоления патерналистских стереотипов, нацеленности на повышение профессионального образования, формирования социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только внедрять новые научно-технические достижения, но и модернизировать свою социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения. В модернизации социальной структуры белорусского и российского общества есть общее – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защиту от малообеспеченности.

И есть различия, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси *эволюционная модель* способствовала обеспечению минимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. *Шоковая терапия* в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии «дикого капитализма» позволила определенным социальным слоям накопить первоначальный капитал и способствовала активному появлению принципиально новых слоев, однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства. Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в Беларуси и России ориентируются, начиная с «нулевых» годов, на «стратегии инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому.

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в Беларуси и России в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом экономического и социального компонентов определяют специфику развития процессов модернизации в этих государствах. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в Беларуси и России определяется выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или «шоковая терапия».

В *белорусском* обществе социально-ориентированная рыночная экономика как результат государственной социальной политики реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью *выравнивания* их материального положения (при коэффициенте дифференциации – 5,9), что приводит к аккумуляции около половины населения в диапазоне денежных доходов от 1 до 2 бюджетов прожиточного минимума (БПМ). Это означает, что около половины населения находится в режиме *простого вос-*

производства своей рабочей силы, обладает консервативным типом мышления и адаптивным типом экономического поведения. В *российском* обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации – 16,5), что означает усиление социальных различий между стратами с разным денежным доходом по всем названным признакам, возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и гарантом стабильности в российском обществе.

Таким образом, принятая в обеих странах «стратегия инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в *технологическом* контексте, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной в *социальном* плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традиционных отраслях экономики. Необходимо способствовать расширению коридора экономических и социальных возможностей за счет повышения активности, адекватной трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без включения в экономику всех трудовых ресурсов, при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы являются залогом успеха любого национального проекта модернизации.

Литература

1. *Богомолов, О. Т.* Мировая экономика в век глобализации / О. Т. Богомолов. – М.: Экономика, 2007. – 359 с.

2. *Сорос, Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.

3. *Кастельс, М.* Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – С. 494–505.

4. *Соколова, Г. Н.* Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь–Россия / Г. Н. Соколова // Социол. исслед. – 2012. – № 5. – С. 3–12.

5. *Домбровский, В. О.* О научно-промышленной политике России на рубеже веков / В. О. Домбровский // Проблемы теории и практики управления. – 2000. – № 1. – С. 15–31.

6. *Симчера, В. М.* В России денег хватает, в России дефицит эффективных решений / В. М. Симчера // Экономическое возрождение России. – 2008. – № 3. – С. 32–47.

7. Глазьев, С. Ю. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Ю. Глазьев // Вопр. экономики. – 2009. – № 3. – С. 26–37.

8. *Шимов, В. Н.* Структурная трансформация промышленного комплекса страны: императивы и направления реализации / В. Н. Шимов // Социология. – 2010. – № 1. – С. 9–16.

G. N. SOKOLOVA

MODERNIZATION AS THE «ANSWER» OF SOCIETY TO «CALL» OF THE GLOBAL CHANGES IN THE WORLD

Summary

The analysis of economic and social sides of globalization as new condition of economic life internationalization in the world is presented. It is shown, that new economic and social forms are constructing around network structures of the capital, management and information. The logic of modernization process is developed in triad context: starting positions of the subjects, the actives and passives of available resources, the corridor of economic and social possibilities. The problems that narrow this corridor of possibilities for formation of national modernization project are revealed.

Key words: globalization, modernization, network structures, starting positions, actives and passives, corridor of economic and social possibilities.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316,422

В. Э. СМИРНОВ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Обращается внимание на смысловую многозначность и неопределенность широко употребляемых в науке и политике понятий «модернизация», «социальные инновации», «устойчивое развитие» и др. Демонстрируются социальные последствия практики неточного понимания и применения данных понятий в управленческой деятельности.

Ключевые слова: модернизация, социальные инновации, устойчивое развитие, прогресс.

Модернизация и развитие стали актуальными вопросами современного политического дискурса. Однако стоит разобраться, о чем же идет речь, когда говорят о развитии, и о чем сигнализирует актуализация такого дискурса. Слишком часто разговор ограничивается вопросами совершенствования производства и отношений производства в целях некой конкурентной эффективности. Дело в том, что понятия развития, «устойчивого развития», общественного прогресса, социальных инноваций и модернизации общества чаще употребляются не строго, а на уровне обыденного языка, и как следствие – теряют необходимую определенность и эвристическую значимость. Проще говоря, сложно понять из заявлений политиков, употребляющих эти понятия, к чему же мы стремимся, чего хотим, какие проблемы собираемся решать и каким способом.

Все вышеперечисленные понятия обладают своим особенным содержанием, своей «историей», все они коннотируют с определенными теоретическими концептами, зачастую противоречащими друг другу и, более того, с метафизическими моделями, существенно отличными друг от друга. Например, понятие развития как общественного прогресса предполагает отношение к современности как только к относительно и временно удовлетворительной (или уже неудовлетворительной) модели социальных отношений. Такое развитие подразумевает, что в будущем будут созданы другие, куда более справедливые и разумные способы социальной организации. Естественно, элементами такого развития будут и эволюционные плато, и социальные революции. Напротив, понятие устойчивого развития, предложенное Альбертом Гором [1], коннотирует с концепцией конца истории как результатом доминирования «открытого общества» над его «врагами» [2]. Рассуждать о более справедли-

вых общественных системах в рамках этого дискурса – дурной тон, а о революциях – экстремизм. Вернее, революции могут быть только одни – революции как формы перехода к «открытому обществу», т. е. «цветные» революции.

Что касается понятия модернизации, то его рассматривают в рамках теории социальной модернизации (перехода от традиционного общества к современному) как совершенствование тех или иных технологических комплексов, от конкретного оборудования до промышленной системы и общества в целом. Да и понятие социальных инноваций может быть понято в широком спектре значений, от существенного изменения социальной структуры общества до совершенствования тех или иных технологических элементов в социальной сфере. Соответственно, для того, чтобы определить онтологические и когнитивные возможности социальных инноваций (границы, субъекты, объекты, механизмы), необходимо выяснить категориальный смысл понятий модернизации, социальной инновации, общественного развития и др.

Как уже отмечалось, понятие социальной модернизации в строгом значении исходит из теории модернизации, созданной в лоне американской университетской науки 50–70-х годов XX века специалистами по исследованию стран «третьего мира» (С. Липсет, Д. Энтер, С. Хантингтон, Ф. Риггс и др.) на базе идей Т. Парсонса, Р. Мертона, К. Поппера. Эта теория была быстро подхвачена американскими государственно-политическими элитами как теоретическое обоснование американской внешней политики. Суть ее состоит в том, что традиционные общества должны преодолевать свою отсталость, превращаясь в общества современные, т. е. обладающие рядом качеств, присущих образцам современного общества – странам Запада. Такие преодоления и превращения совершаются путем заимствования готовых образцов, а объем и качество заимствования обеспечивают либо просто модернизацию, либо модернизацию в форме вестернизации. Отличие между двумя последними понятиями довольно смутно, и, как правило, его сводят к сохранению или к отказу от национально-политической независимости модернизируемого общества.

Более адекватным представляется подход, отличающий вестернизацию от модернизации следующим способом: если при вестернизации полностью замещается аборигенная культура культурой и социальной организацией, построенной по неким универсальными образцам западного мира, то при модернизации заимствуются лишь определенные социальные технологии, более или менее органично встраиваемые в местный контекст. Впрочем, и этот подход вместе со всей теорией модернизации встречается с многочисленными трудностями как практического (начиная с 80-х годов), так и теоретического характера. Сомнительно, что можно полностью заменить культуру общества, и, напротив, не менее сомнительно, что заимствованные модели и технологии, насколько органично они в состоянии были вписаться в местный культурный контекст, смогут сохранить в таком случае свое оригинальное содержание? «В 70-е годы эйфория вокруг модернизации постепенно сменяется разочарованием в ней. Практически нигде, – замечает Б. С. Старостин, – за малым ис-

ключением, модель экономического роста не сработала в том виде, в каком она была задумана. Неэффективной оказалась и модель политической институализации... Началась критика предложенных моделей. Видных ученых Запада насторожила жесткая привязанность авторов этих моделей к официальной политике. Какая же это теория, спрашивали многие, если она превратилась в служанку политики, выполняет чисто идеологические функции? К политико-идеологической критике добавилась затем и методологическая» [3, с. 13].

В годы становления теории модернизации ее объектами, как уже было сказано, были страны так называемого «третьего мира», т. е. слаборазвитые страны Азии, Африки, Латинской Америки. Понятное дело, по отношению к СССР, на ту эпоху сверхдержаве с развитой промышленностью, наукой, высокой культурой, применять термин «модернизация» никому в голову не приходило. Рассуждали скорее о конвергенции, «наведении мостов» и т. д., но не о модернизации. Ситуация изменилась с крахом советского государства, в результате чего приемлемым стало рассуждать о модернизации постсоветских обществ. Нужно заметить, что такие идеи в первую очередь исходили не от Запада, а от местных западников. Связано такое положение с тем, что в рамках теории модернизации очень сложно описать постсоветский и тем более советский мир в терминах традиционного общества (а именно этот переход от традиционности к современному обществу и лежит в основе модернизации классического образца). В то же время у местных западников ощущение необходимости модернизации основывается на самоидентификации себя и своего общества как несовременного, отсталого. Понятно, что «современность» в таком контексте ассоциируется уже не с модерном, а с постмодерном, и таким образом сам термин «модернизация» входит в противоречие с желанием перестроить общество по постмодернистскому, постиндустриальному образцу. Впрочем, в этом смысле можно согласиться с мнением Б. Г. Капустина, что «современность» решается и переживается в каждой культуре и в каждый момент по-своему [4].

Нужно отметить, что за исключением узкого диссидентского круга общество в СССР вовсе не испытывало кризиса самоидентификации и ощущало себя вполне современным, передовым обществом. В этом смысле прав В. М. Межуев, утверждая, что проблема модернизации – это в первую очередь проблема кризиса самоидентификации [5]. Такого типа кризис является обязательным источником всякой модернизации и, как правило, начинается он в элитной среде, пытающейся сначала примерить «современную» идентичность, а потом и навязать ее обществу – какой процесс и можно назвать модернизацией. Однако в постсоветской среде подобная модернизационная направленность встречает серьезные трудности, поскольку достижения СССР в сфере науки, образования, технологий и промышленности чересчур очевидны, чтобы говорить об отсталости, и именно поэтому критика фокусируется почти исключительно на сфере потребления. Это свидетельствует о том, что на самом деле

кризис самоидентификации на постсоветском пространстве искусственно навязывается, в том числе и в рамках модернизационного дискурса.

Кстати, нужно заметить, что в строгом смысле слова уже привычные рассуждения о коммунистической, «большевистской» модернизации по сути неверны. Модернизация по своему содержанию есть всегда догоняющая, имеющая идеалом некий обобщенный Запад, это деятельность с конкретным и видимым результатом. Однако «большевистская модернизация», как в плане идентификации, как в трактовке источника интенсивного развития, так и по отношению к цели этого развития, была весьма далека от классических модернизаций. Представления об отсталости молодого советского общества странным образом смешивались с ощущением себя, своей страны как самого передового общества в мире, а западное общество, хотя за ним и признавалось техническое, промышленное и научное лидерство, в то же время воспринималось как отсталое в плане социальных отношений, и в этом смысле неспособное выступать идеалом и целью. Известный лозунг «Догнать и перегнать…», часто приписываемый Н. С. Хрущеву, на самом деле принадлежит В. И. Ленину и впервые появился в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Однако необходимо учитывать, что работа была написана в сентябре 17-го, кода речь еще шла именно о модернизации: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [6, с. 198]. Позже акцент все более ставился на том, что политически и социально Советский Союз уже обогнал капиталистические страны, а осталось обогнать их только экономически: «Мы догнали и перегнали передовые капиталистические страны в смысле установления нового политического строя, советского строя. Это хорошо. Но этого мало. Для того чтобы добиться окончательной победы социализма, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении», – говорил И. В. Сталин в 1928 г. [7, с. 315]. В общем этот лозунг долгое время воспринимался лишь в контексте «догнать и перегнать» в чем-то конкретном, например в выплавке стали, но никак не с точки зрения общественного идеала в целом, и лишь после Н. С. Хрущева, благодаря которому лозунг получил второе рождение, его смысл начал понемногу изменяться. Таким образом, нужно отметить, что по ряду важнейших характеристик индустриализация в СССР модернизацией не была – и это редкий, если не исключительный случай в истории [8].

Рассуждая о модернизации применительно к белорусскому обществу, необходимо прежде всего понять, насколько наше общество испытывает кризис самоидентификации, стоит ли навязывать его обществу, тем более что постиндустриальная «современность» как идеал для модернизации как раз сейчас испытывает значительные трудности, а если точнее, находится в глубочайшем кризисе.

Более консервативный подход к социальным изменениям связан с понятием социальных инноваций. Впрочем, и тут некоторые авторы [8] разделяют макро- и микроинновации, где под макроинновациями понимаются инновации в сфере социальных отношений, следствием которых являются существенные изменения положения социальных групп и слоев, глобальные и национальные проекты по переустройству общества, например. Однако чаще под социальными инновациями понимают микроизменения. В отличие от таких проектов, как модернизации, такие социальные инновации по своему вектору не направлены на организацию существенных изменений в социуме, а скорее служат укреплению стабильности социального пространства. Не удивительно, что понятие социальных инноваций обычно созвучно и сосуществует с концепцией устойчивого развития. По мнению сторонников данной точки зрения, речь идет об инновациях, которые в определенной степени 1) управляемы, 2) предсказуемы, 3) субъектом является государство, министерство и т. п., 4) рациональны, основаны на знании, 5) результатом является улучшение труда и быта людей, 6) с минимальными рисками.

Социальным инновациям согласно данной трактовке присущи некоторые общие черты, в частности:

инновация есть полезное и целенаправленное изменение в предшествующим состоянии, предложенное и внедренное впервые;

предметом этого изменения являются социальные процессы;

инновация есть средство достижения конкретных целей развития и / или стабилизации общества в целом или целей тех или иных социальных групп;

как правило, об инновациях идет речь, когда затрагиваются социальные процессы на микроуровне, и это понятие не применяют к процессам, затрагивающим существенное изменение положения социальных групп и классов, например, к революционным изменениям в обществе.

Однако нужно отметить, что такого рода социальные инновации в процессе своего осуществления встречаются с определенными трудностями: во-первых, последствия внедрения социальной инновации трудно определимы, во-вторых, эффект от внедрения очень сложно оценить и, в-третьих, социальные инновации носят комплексный характер.

Дело в том, что социальная сфера сама по себе крайне сложна, так как обусловлена культурой, традициями, идеалами и ценностями. Все они конституируют определенные взаимные ожидания, нормативные представления о поведении участников социальных взаимоотношений. Внедряя ту или иную инновацию, очень сложно в достаточной степени «просчитать», насколько и в какой мере новая организация социальных отношений будет соотносима с нормативными представлениями, с закрепленными ритуалами поведения, с идеалами и ценностями людей, какое влияние на них окажет. Например, в рамках реформы ЖКХ речь идет об экономии ресурсов, электроэнергии, тепла, и в том числе об экономии воды. Такой экономии пытаются добиться, установив повсеместно счетчики расхода воды, пропагандируя экономное поль-

зование водой и ссылаясь на опыт западных стран, где граждане водой пользуются куда более бережливо. Трудно отрицать разумность подобного подхода, однако нужно понимать, что вряд ли наш народ в обозримом будущем станет пользоваться водой так же, как, например, англичане, которые, традиционно затыкают раковину и моются в ней, в то время как белорус или русский моет руки и лицо текущей из под крана водой. Дело в том, что эта привычка вовсе не следствие какой то «советской бесхозяйственности», как иногда пытаются определить описанный феномен. Эта привычка имеет корни более древние, чем даже само древнерусское государство. Еще Константин Багрянородный [9] в X веке подметил, что славяне перед трапезой моются под струей воды, а германцы – в общей лохани. Данный пример говорит о необходимости применения рациональных практик с учетом традиционных способов жизнедеятельности населения.

В связи с этим можно обозначить еще одно важное качество инновационной деятельности. Дело в том, что сама по себе, без отношения к другим элементам социальной системы, инновация не может быть эффективной или неэффективной. Вполне современный инновационный элемент, – прибор, помещенный в устаревшую, но работоспособную машину, если не стыкуется с элементами этой машины, не подогнан к ним, чтобы эффективно взаимодействовать, не улучшит, а ухудшит работоспособность всего агрегата, а то и вовсе сломает. Поэтому оценивать эффективность социальных инноваций необходимо по работоспособности всей системы. Например, органы власти по вполне понятным причинам заимствуют методики контроля качества, экологичности, безопасности производства и произведенных продуктов, принятые в Евросоюзе. Такой подход вполне понятен, ибо сами по себе методики неплохи и задают высокую планку для описанных показателей. Но, по мнению многих руководителей производства, такие методики стали сильнейшим сдерживающим фактором в развитии белорусской индустрии. Эти методики, органичные в постиндустриальной экономической системе, где сделан акцент вовсе не на производство индустриального продукта, оказываются во многом вредными в системе индустриальной экономики. Тут скорее стоило бы обратить внимание на Китай, где развивается именно индустриальная экономика, хотя, конечно, необходимо признать, что по уровню показателей контроля китайские методики существенно ниже и проще европейских.

То есть инновации в социальной сфере, как правило, имеют отношение к большим группам людей и процессам, реализуются через относительно долгий строк и могут иметь непредсказуемые побочные эффекты.

Впрочем, и этот распространенный подход вызывает ряд вопросов. Например, не очень понятно, насколько можно считать инновациями нецеленаправленные изменения. Например, существенным инновационным фактором является интернет, но специально, как фактор проектных социальных изменений, его никто не вводил.

Интересен также вопрос о том, насколько можно считать инновациями всевозможные манипулятивные технологии, имагологические (иммиджевые) технологии и т. д. Согласно определению В. Г. Федотовой «Манипуляция (от. лат. *manus* – рука, *manipulus* – пригоршня, горсть, *manus* и *ple* – наполнять) – это обращение с объектами в связи с определенными целями (ручное управление, ручной осмотр пациента, использование инструментов в технике). В переносном смысле – обращение с людьми как с объектами, вещами, скрытое управление ими посредством ловко придуманных схем коммуникации, властное воздействие на поведение людей, не раскрывающее ожидаемых целей и создающее иллюзию, что манипулируемый сам пришел к навязываемым ему решениям» [8]. Например, пропаганда монетизации льгот во многом строилась на том, что льготы представлялись лишь формой услуги населению, и игнорировалось, скрывалось их социальное содержание. Если это просто предоставление услуги, то человека подводили к мысли, что он сам вправе решать, нужна ему та или иная конкретная услуга, или нет, например, льгота на проезд в пригородном транспорте, и не лучше ли получить ее деньгами (а денег всегда не хватает). Но дело все в том, что данная льгота несла значимые социальные функции, скрепляющие общество, а вовсе не была просто услугой конкретному индивиду. Льгота на транспорт была одним из механизмов обеспечения связности общества, в том числе города и деревни. Пускай жители деревни нечасто пользовались этой льготой, но иногда пользовались и всегда могли воспользоваться. А замена на деньги вовсе не стала равноценной, ибо деньгам всегда найдется где потратиться, следовательно, небогатые люди вообще перестанут выезжать в город. Впрочем, пример пригородных перевозок в Беларуси не слишком очевиден, ибо суммы невелики и некоторые льготы сохранились, однако в России, где решалась проблема льготирования авиаперевозок из Сибири и Дальнего Востока, монетизация этих льгот решительно разрушает единство страны.

Таким образом, попытки объяснить социальное развитие через категории модернизации и социальной инновации приводят к далеко не однозначным результатам. Сама категория модернизации может оказаться смысловой ловушкой, направляющей рассуждение в коридор вторичности и бесконечной гонки за лидером в стиле известного Ахиллеса, который никогда не догонит черепаху, а абсолютизация инновационности, без должной степени осторожности и консерватизма попросту чревата социальными катастрофами.

Литература

1. *Gore, Л.* Earth in the Balance. Forging a New Common Purpose / *Л. Gore*. – L., 1992.

2. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер: в 2 т. – М., 1992. – С. 976.

3. *Старостин, Б. С.* Проблема модернизации: история и современность / Б. С. Старостин // Модернизация и национальная культура. – М., 1995. – С. 13.

4. *Капустин, Б. Г.* Современность как предмет политической теории / Б. Г. Капустин. – М., 1988.

5. *Межуев, В. М.* Ценности современности в контексте модернизации и глобализации / В. М. Межуев // Интернет портал – Знание. Понимание. Умение. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/ 02.01.2012.

6. *Ленин, В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В. И. Ленин // ПСС В. И. Ленина. – 5-е изд. – М., 1967: в 55 т. – Т. 34. – С. 151–199.

7. *Сталин, И. В.* Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКПб: в 3 т. / И. В. Сталин. – Партиздат ЦК ВКП(б). – М., 1937. – Т. III.

8. *Федотова, В. Г.* Социальные инновации: макро- и микротенденции // Интернет портал – журнал Вопросы философии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=209&Itemid=52 12.10.2011.

9. *Багрянородный, К.* Об управлении империей / К. Багрянородный / под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. Греческий текст, перевод, комментарии. – Изд. 2-е, исправл. – М., 1991. – С. 496.

V. SMIRNOV

**MODERNIZATION AND SOCIAL INNOVATIONS:
THE PROBLEM FIELD OF EXPLANATION**

Summary

The attention is drawn to the semantic ambiguity and uncertainty of widely used in science and policy concepts of «modernization», «social innovation», «sustainable development», etc. The social consequences of inaccurate understanding and practical application of these concepts in science and management are demonstrated.

Key words: modernization, social innovation, sustainable development, progress.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.344.233

А. И. ДЕНИСКИНА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС СРЕДНЕГО КЛАССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На основе анализа и обобщения данных статистики и эмпирического социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2009–2010 гг., раскрывается значимость экономического и социального ресурса среднего класса Беларуси как индикатора модели социального развития общества.

Ключевые слова: средний класс, денежные доходы, структура доходов, заработная плата, ресурсообеспеченность, экономический ресурс, социальный ресурс.

Средние классы находятся в центре внимания многих исследователей, поскольку являются движущей силой социальных изменений в направлении установления в обществе стабильности, устойчивого развития и экономической независимости посредством выполнения главной функции – проводника инновационных форм социально-экономической деятельности, транслирующего их в другие группы населения. Существование массового среднего класса в обществе является одним из необходимых условий успешности проведения экономических реформ и одновременно критерием их эффективности. Средний класс экономически развитого общества становится фактором стабильности хозяйственной системы, гарантом неприкосновенности частной собственности. В развитых странах в силу своей значительной величины средний класс является основным двигателем экономического развития и проводником вертикальной мобильности и составляет основу стабильности и демократии. Фактором оптимизации системы экономических интересов, их гармонизации в современных условиях может быть средний класс только при условии его многочисленности. Поэтому исследованиями среднего класса на западе традиционно занимаются ведущие научные институты, забота о благополучии среднего класса является приоритетным направлением государственной политики. Именно средний класс в большей степени определяет моральные стандарты общества, поскольку за счет своей численности он в состоянии доминировать в судебной системе, политических и религиозных организациях. Средний класс в целом рассматривается в качестве ключевого момента модели социального развития, к которой идет большинство современных обществ. Тут следует отметить неоднозначность понимания самого термина «средний класс», что в свою очередь породило множество подходов к определению критериев принадлежности к среднему классу.

В современой социологии существует четыре основных подхода, используемых для выделения среднего класса. *Первый подход* связан с представлением о среднем классе как о массовом социальном субъекте, характеризующемся сравнительно высоким жизненным стандартом уровня потребления. В данном подходе для отграничения средних слоев используется критерий – уровень душевого дохода и/или наличие определенного набора дорогостоящего имущества. Именно этот подход характерен для маркетинговых исследований (что позволяет условно назвать его маркетинговым), однако он подчас встречается и в социологической литературе. При таком подходе ключевым предметом дискуссий обычно выступает вопрос о том, «сколько и чего» должен иметь человек, чтобы его можно было рассматривать как представителя среднего класса.

Второй подход связан с тем, что исследования среднего класса имеют не только научное, но и идеологическое значение. Этот подход предполагает акцент прежде всего не на имущественных, а на идентификационно-психологических характеристиках индивидов в качестве критериев принадлежности к среднему классу, поскольку они в большей степени влияют на его социально-политическое настроение и поведение. В этом случае основным критерием служит самоидентификация, т. е. самозачисление себя в состав среднего класса. Это позволяет назвать его субъективным.

Однако и маркетинговый, и субъективный подходы при всей их распространенности имеют весьма ограниченные эвристические возможности и не позволяют выделять гомогенные социальные группы, в том числе тот средний класс (а не просто средние слои), который мог бы рассматриваться как элемент реальной социальной структуры общества.

В *третьем подходе*, согласно которому средний класс делится на так называемый «новый», включающий менеджеров и специалистов, являющихся владельцами развитого человеческого капитала или обладателями властного ресурса, и «старый» средний класс – классическую «мелкую буржуазию» или так называемый «малый бизнес», получающих дивиденды на свой экономический капитал, является достаточно яркой попыткой применения на практике к анализу среднего класса того подхода, который может быть назван «ресурсным» и основным критерием в котором выступают объем, тип и структура активов («ресурсов» или «капиталов»), которыми располагает тот или иной человек, домохозяйство. Именно специфика этих активов, на которые получаются доходы (в рамках этого подхода рассматриваемые зачастую как разные типы рент), и определяет структурные позиции (позиции в социальной структуре общества) представителей разных классов.

Основная методологическая проблема изучения среднего класса в рамках этого подхода, который условно можно назвать ресурсным, связана с тем, что при таком понимании средний класс как бы постепенно «растворяется», исчезает как внутренне единый и целостный объект исследования, дробясь на ряд подклассов. Сначала он делится на так называемый «новый» средний класс,

включающий менеджеров и специалистов, являющихся владельцами развитого человеческого капитала, и «старый» средний класс – «малый бизнес», получающий дивиденды на свой экономический капитал. В свою очередь «новый» средний класс делится на менеджеров, профессионалов и полупрофессионалов, различающихся возможностью получения рент, связанных с особенностями тех ресурсов, которыми они располагают. Затем профессионалы начинают делиться на подклассы в зависимости от сектора их занятости («экономика знаний» или традиционные отрасли) и даже на представителей определенных профессий.

Но поскольку средний класс является единой социальной целостностью, внутри которой по разным основаниям выделяются различные социально-экономические группы, соответственно средний класс не может быть выделен на основании какого-либо одного критерия, он может быть описан некоторой системой показателей, включающей как объективные, так и субъективные признаки. Все идентифицирующие средний класс признаки являются доминантными, и их следует рассматривать как равнозначные и равновесные. Это *четвертый подход*, который представляет собой попытку комплексного применения традиционных критериев выделения среднего класса. Основными критериями выступают определенные профессиональные характеристики (профессиональный статус), образование, имущественно-доходные характеристики, также к ним добавляется самоидентификация. Иногда список этих критериев расширяется и в него начинают включать и другие критерии, связанные со способностью среднего класса выполнять те или иные обычно ассоциирующиеся с ним функции – «стабилизатора» социально-политической и экономической жизни, поставщика высококвалифицированной рабочей силы, распространителя новых социально-экономических и социокультурных практик, носителя национальной культуры и т. д. Это связано с тем, что из рамок чисто структурного подхода исследователи переходят в поле структурно-функционального анализа.

Таким образом, придерживаясь четвертого подхода, обобщив существующие определения, средний класс может быть обозначен как *«иерархия социальных групп, сходных по профессии, имущественному положению, объему гражданских прав, занимающих срединное положение в обществе и разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии»* [1, с. 150]. То есть средним классом можно назвать совокупность социальных групп, обладающую набором определенных характеристик: определенный уровень доходов; высокое профессиональное образование и квалификация; относительная удовлетворенность статусом; заинтересованность в поддержании социального порядка и устойчивости; субъективная идентификация себя со средним классом.

Стратификационные сдвиги в белорусском обществе привели к тому, что при использовании многокритериального подхода к выделению среднего класса основополагающим критерием выступают экономические факторы. Основными функциями среднего класса в его западном варианте являются: *диверсифи-*

кация общества по социальным группам за счет наполнения среднего класса новыми претендентами, материальное состояние которых достигает необходимых стандартов; *стабилизация* общества в силу высокого уровня восходящей экономической мобильности, ведущей к расширению общности людей, разделяющих ценности трудовой и рыночной идеологии; *воспроизводство научного* и *образовательного потенциала* благодаря накоплению и эффективному использованию человеческого капитала в сферах науки и образования. Выполнение названных функций превращает средний класс в носителя национальной культуры и выразителя общественных интересов.

Согласно данным Республиканского социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2009–2010 гг., по уровню денежного дохода: *средний слой* (с денежным доходом от 2 до 3 МПБ) составляет 18 %, *верхний* (с денежным доходом от 3 до 5 МПБ) – 2,5 % респондентов и элита (свыше 5 МПБ) – 0,9 %[1]. Названные слои могут быть объединены в некий интегральный феномен, определяемый как средний класс.

Критерием социальной стратификации выбрано соотношение уровня доходов населения с величиной минимального потребительского бюджета (МПБ) и величиной бюджета прожиточного минимума (БМП), составляющего 60 % МПБ [2, с. 288]. Показатели МПБ и БПМ представляют собой нормативные показатели, а следовательно, являются наиболее объективными в конкретный период времени. Использование данного критерия позволяет соотносить между собой показатели государственной статистики, результаты выборочных обследований домашних хозяйств и результаты мониторинговых социологических исследований республиканского масштаба, проводимых Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси. По критерию располагаемых денежных ресурсов мы можем отнести к среднему классу средний, верхний и элитарный слои, составляющие в совокупности, по результатам социологического исследования 2009 г., 21,4 % от всего населения.

Принадлежность к среднему классу связана с наличием интеллектуального капитала в виде среднего специального и высшего образования и постоянным характером занятости, т. е. наличием реального рабочего места и круга обязанностей. Однако данный фактор не может выступать в качестве универсального индикатора принадлежности к среднему классу в нашей стране в виду того, что не всегда образование является предпосылкой, а профессия – средством получения дохода. Обратим внимание на то, что доля лиц со средним специальным и высшим образованием составляет 52,1 %, а доля среднего

[1] Рассчитано согласно данным Республиканского социологического исследования «Уровень и качество жизни белорусского населения», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2009–2010 гг. В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2009 г., выборочная совокупность составила 1500 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, составила ± 3 %. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. население республики.

класса, выделенная по критерию *располагаемых денежных ресурсов* (по данным социологического исследования), – 21,4 %. Выделение среднего класса по критерию *профессионального статуса* (постоянного рабочего места и функциональных обязанностей), т. е. ограничение объема среднего класса активно действующими профессиональными группами (служащие, рабочие, крестьяне, предприниматели), показало, что его удельный вес составляет в данном случае 36,2 %. Сравнение критериев выделения среднего класса по уровню располагаемых среднедушевых денежных ресурсов (21,4 %), профессиональному статусу (36,2 %), уровню среднего специального и высшего образования (52,1 %) показывает их роль в социальной стратификации белорусского общества [2, с. 291–293].

«Ресурсный» аспект классовой ситуации важно учитывать, поскольку характерные для того или иного класса социальные действия определяются не только особенностями структурных позиций или сознания данного класса, но и тесно связанными с ними внешними ограничениями, обусловленными спецификой имеющейся у типичного представителя данного класса ресурсной базы, прямо влияющей на формирование и воспроизводство определенных поведенческих практик [3, с. 155].

Основным показателем *экономического ресурса* представителей среднего класса выступает текущий *доход*. По данным государственной статистики за 2009 г., основным источником денежных доходов населения являлась заработная плата по основному месту работы – 64,3 %, на втором месте трансферты населению (пенсии и пособия, стипендии) – 20,2 %, доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, составили 11,4 % в общей структуре денежных доходов населения, 4,1 % – доходы от собственности и прочие доходы [4, с. 77]. Рассматривая структуру доходов *среднего класса*, можно ранжировать их по степени значимости следующим образом: на *первом* месте заработная плата по основному месту работы (93,7 % представителей среднего класса указали, что зарплата является основным источником денежных поступлений). На *втором* месте пенсии, пособия, алименты, *третье* место занимает помощь родственников, *четвертое* место – заработная плата с дополнительного места работы. Примечательно, что данную позицию выбирали в основном представители среднего и верхнего слоев среднего класса. Далее следуют подработки без официально оформления (репетиторство, ремонты и т. д.), доходы от личного подсобного хозяйства, доходы от предпринимательской деятельности, бизнеса и другие виды доходов.

Рассматривая доходы среднего класса как его основной экономический ресурс, следует отметить, что 33,3 % его представителей удалось за последний год улучшить свое материальное положение. В основном это касается верхнего слоя – 21,9 %, в среднем слое – 7,9 % и в нижнем – 3,5 %. Тут четко прослеживается взаимосвязь со стратегией поведения представителей разных слоев. Для представителей верхнего слоя характерно наличие второй работы, дополнительных заработков, в решении материальных проблем никто не придерживается пассивной стратегии, снижая уровень своих запросов и потребностей

(в питании, одежде, отдыхе, лечении), напротив – 40 % стараются повысить свой доход всеми возможными способами. При этом 33 % удалось отложить деньги, сделать накопления, 23,2 % улучшили свои жилищные условия, почти половина сделали ремонт в квартире, доме. Все это свидетельствует о желании повышать уровень своих доходов для достижения поставленных задач. Однако анализ данных исследования показывает, что для среднего класса в целом характерным остается подход, при котором прослеживается тенденция приведения уровня своих запросов в соответствие с получаемым доходом – 58,2 % представителей среднего класса придерживаются данной стратегии поведения в решении материальных проблем. Общая конфигурация предпочтений выбора различных стратегий поведения всех представителями различных слоев среднего класса отражена на рис. 1.

По доходам различных слов среднего класса существует весьма заметная дифференциация в зависимости от типа населенного пункта. Так, 45,1 % представителей всего среднего класса сосредоточены в Минске и Минской области. Это обусловлено, в первую очередь, наличием бо́льшего спроса на активы, которыми располагают представители среднего класса, прежде всего культурный капитал и квалификационный ресурс, – выступающими основными социальными ресурсами среднего класса. В областях, где экономика не предъявляет спроса на высококвалифицированных специалистов (без учета денежного дохода, по квалификационному признаку средний класс мог бы составлять 47,7 % населения Беларуси), доходы населения этих областей позволяют обеспечить лишь простое воспроизводство человеческого капитала как совокупности культурного, квалификационного и физиологического ресурсов, не предоставляя возможности высококвалифицированным специалистам попадания в средний класс ввиду отсутствия должного уровня денежных доходов.

Еще одним компонентом ресурсной базы выступает *наличие движимого и недвижимого имущества* как показатель имущественной обеспеченности.

Рис. 1. Стратегия поведения в решении материальных проблем представителей различных слоев среднего класса, % (2009 г.)

Имущественная обеспеченность среднего класса в процентном отношении отражена на рис. 2. Как видно из графика, имущественная обеспеченность представителей различных слоев среднего класса достаточно высокая, особенно это заметно на примере среднего и высшего слоев. Это объясняется в большей степени активной поведенческой стратегией, ориентированной на поддержание и повышение уровня благосостояния. В целом средний класс обеспечен жильем на 87,5 %, при этом за последний год удалось улучшить свои жилищные условия 23,2 % представителям среднего класса. Из тех, кто смог улучшить свои жилищные условия, 18,2 % сделали это за счет своих собственных средств, столько же с помощью льготных кредитов банков, предприятий, 9,1 % с помощью коммерческих кредитов на общих основаниях.

Около трети среднего класса владеют дачей с участком земли, почти 65 % являются владельцам легкового автомобиля, 1/3 имеют участок земли, огород, сад, 1/7 владеют акциями и ценными бумагами. Также одним из индикаторов реального уровня жизни является *наличие товаров длительного пользования*. Для среднего класса характерна ситуация, при которой за последний год более половины его представителей смогли обеспечить себя новыми техникой, мебелью и прочими товарами длительного пользования. В целом обеспеченность среднего класса движимым и недвижимым имуществом выше, чем у остальных групп населения.

Рис. 2. Наличие наиболее дорогостоящих видов имущества в различных слоях среднего класса, % (2009 г.)

Оценивая свои жизненные предпочтения, 59,5 % среднего класса выразили желание «жить, пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска». Из них 33,8 % – представители нижнего слоя среднего класса и 25,7 % – среднего слоя. Никто из представителей верхнего слоя данный вариант не выбрал. «Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой» предпочитает 40,5 % респондентов. В данном случае прослеживается взаимосвязь между уровнем денежного дохода и выбором того или иного варианта предпочтений. Чем выше доход, тем скорее представители среднего класса склонны согласится на риск, инициативу, чтобы повысить свое качество жизни. Основные показатели оценки своих жизненных предпочтений представителями разных социальных групп отражены в табл. 1.

Таким образом, среди ответивших тех, кто придерживается первой стратегии поведения, большинство – служащие, специалисты непроизводственной сферы, при том что 64 % служащих находятся в нижнем слое среднего класса. Средний слой среднего класса практически в равной степени представлен специалистами производственной и непроизводственной сфер занятости, которые составляют 90 % его наполняемости.

Еще одним важным экономическим ресурсом является наличие у среднего класса *финансовых активов*. Финансовые активы свидетельствуют о наличии свободного остатка средств от текущего потребления, который может быть потрачен на товары длительного пользования, акции, ценные бумаги, на формирование сбережений и прочие инвестиции. Так, согласно данным социологического исследования, за последний год 33 % представителей среднего класса удалось отложить деньги, сделать накопления. При этом, исходя из ответов на вопрос «Используете ли Вы для поддержания уровня жизни своей семьи, ранее отложенные сбережения?», можно сделать вывод, что у 66,4 % среднего класса имеются сбережения. Практически 1/3 представителей среднего класса сбережений не имеет, почти 38 % иногда и 8 % часто используют накопленные сбережения, 21 % имеют накопления, однако не используют их для поддержания уровня жизни своей семьи. Данные показали, что среди тех, кто имеет, но не использует сбережения, почти 65 % предпочитают жить беднее, но без рисков. Такой же стратегии адаптивного поведения придерживаются и те, кто сбережений не имеет, а также те, кто ими часто пользуется.

Представители среднего класса, которые лишь иногда используют ранее накопленные сбережения, чаще предпочитают действовать с инициативой, согласны на риск, если это позволит повысить уровень их благосостояния, тем самым демонстрируя активное финансовое поведение, связанное с б*о*льшими финансовыми возможностями. Таким образом, при росте денежных доходов среднего класса в целом можно будет говорить о формировании такой модели экономического поведения, которая будет носить инвестиционно-сберегательный характер. На данном этапе функционирования среднего класса среди его представителей преобладает склонность скорее к сберегательному, нежели к инвестиционному поведению, связано это с особенностями ресурсообеспеченности разных слоев среднего класса.

Таблица 1. **Оценка представителей различных социальных групп среднего класса своих жизненных предпочтений, % (2009 г.)**

Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы предпочли?»	ИТР, служащий, специалист производств. сферы	Служащий, специалист непроизводств. сферы	Рабочий производств. сферы	Рабочий непроизводств. сферы	Крестьянин, рабочий сельского хоз-ва	Предприниматель	Другое	Итого
Жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой	7,7	13,1	6,9	3,1	0,8	3,8	4,9	40,5
Жить пусть беднее, но зато с гарантированным уровнем, без риска	30,8	6,2	11,4	6,1	0,3	0,9	3,8	59,5
Итого	38,5	19,3	18,5	9,2	1,1	4,7	8,7	100

Социальный ресурс, которым обладает средний класс, также очень важен при характеристике специфики его потенциала. В первую очередь речь идет о квалификационном потенциале среднего класса. Как уже упоминалось, по профессиональному признаку средний класс мог бы составить 47,7 % населения. В данном случае имеет место недоиспользование образовательного потенциала общества. Однако большинство из представителей «профессионального» среднего класса не обладают достаточной материальной базой, что не позволяет им быть достаточно восприимчивыми к инновационным изменениям в экономической и социальной сферах, а следовательно, стать полноценными представителями среднего класса. Рассматривая социально-профессиональную структуру среднего класса, следует отметить, что он включает в себя практически все социальные группы. То есть выполняется функция диверсификации, однако недостаточный удельный вес не позволяет его представителям в полной мере выполнять функцию агента научно-технического и социального прогресса. Социально-профессиональная структура среднего класса раскрыта в табл. 2. Анализ данных показал, что социально-профессиональная структура среднего класса в республике включает 1/2 служащих, 1/4 рабочих, менее 1/10 предпринимателей, немногим более 1/10 – из других слоев. Представители среднего класса обладают высоким образовательным потенциалом, сохраняя ценность полученного образования, что позволяет им проявлять экономическую активность и оставаться восприимчивыми к инновационным изменениям. По отношению к своему квалификационному ресурсу основным приоритетом выступает стремление к его наращиванию.

Так, 28,4 % представителей среднего класса за последний год повысили уровень своей квалификации. В большей степени это свойственно представителям среднего и верхнего слоев среднего класса. Из тех, кому удалось повысить уровень своей квалификации (принятые за 100 %), около 68 % – представители верхнего слоя. Для среднего класса в целом наиболее важно в работе: зарабатывать хорошие деньги (69 %), быть относительно независимыми (50 %), иметь хорошие условия труда (51,2 %), работать с квалифицированными коллегами (30,5 %), полно использовать свои знания, опыт, квалификацию (21,3 %),

работать над интересными, сложными проблемами (17,3 %), а также важны другие аспекты, свидетельствующие о способности его представителей к воспроизводству интеллектуального потенциала.

Таблица 2. **Доля представителей разных социальных групп в каждом слое среднего класса, % (2009 г.)**

Слой среднего класса	ИТР, служащий, специалист производств. сферы	Служащий, специалист непроизводств. сферы	Рабочий производств. сферы	Рабочий непроизводств. сферы	Крестьянин, рабочий сельского хозяйства	Предприниматель	Другое	Итого
Нижний слой среднего класса	28,7	11,2	14,7	6,3	0,7	4,2	10,5	76,2
Средний слой среднего класса	5,6	4,2	3,5	2,1	0	0,7	0,7	16,8
Верхний слой среднегокласса	4,2	2,1	0	0	0	0,7	0	7
Итого	38,5	17,5	18,2	8,4	0,7	0,7	11,2	100

Таким образом, специфика имеющейся ресурсной базы обусловливает появление особых моделей поведения среднего класса. Для его представителей характерно прилагать усилия по наращиванию ресурсной базы: увеличение экономической составляющей, повышение квалификации по специальности, что в свою очередь позволяет повысить свою конкурентоспособность на рынке труда. Объем и структура ресурсов представителей среднего класса повышают эффективность используемых ими поведенческих стратегий за счет выбора тех или иных из этих стратегий.

Литература

1. *Соколова, Г. Н.* Класс(ы) средний(е). Экономико-социологический словарь / Г. Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск, 2002. – С. 150.

2. *Соколова, Г. Н.* Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы / Г. Н. Соколова. – Минск, 2010. – С. 279–303.

3. *Тихонова, Н. Е.* Средний класс: теория и реальность / Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева. – М., 2009.

4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: стат. сб., 2012. – Минск, 2012. – 370 с.

A. I. DENISKINA

ECONOMIC AND SOCIAL RESOURCES OF THE MIDDLE CLASS OF THE BELARUS

Summary

The importance of economic and social resources of the Belorussian middle class as an important indicator of social development is revealed in the article on the basis of analysis and the data compilation of statistics and empirical sociological study «The level and quality of life of the Belarusian population».

Key words: middle class, income, the structure of income, wage, resource security, economic resource, social resource.

Поступила 30.10.2012 г.

УДК [334.012.64/.65.001.76]:303.4(476)

Н. Н. СЕЧКО,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Проанализировано современное состояние изучения инновационной деятельности организаций в Беларуси. Показаны преимущества и актуальность социологической методики изучения инновационной восприимчивости предприятий.

Ключевые слова: инновационная деятельность предприятий, инновационная восприимчивость предприятий, социологическая методика, статистическое обследование.

Активизация инновационной деятельности и повышение восприимчивости предприятий к инновационным процессам являются одной из первоочередных задач для стран, стремящихся лидировать в условиях глобализации. В «Программе социально-экономического развития на 2011–2015 гг.» указано, что «основными задачами научно-технической и инновационной деятельности являются формирование эффективной национальной инновационной системы, *повышение инновационной активности организаций*, содействие развитию изобретательства и рационализаторства» [1, с. 31].

Однако для того, чтобы повысить инновационную активность предприятий, необходимо обладать знаниями и данными о состоянии инновационных процессов в стране. До 2000 года в Беларуси отсутствовала обобщенная статистическая информация о ходе инновационных процессов. Работа по созданию статистики науки и инноваций была начата с изучения международных стандартов и опыта Российской Федерации и Украины, так как в отечественной статистике, методологические основы которой разрабатывались еще Госкомстатом СССР, показатели научного потенциала не были связаны с производством. В 2000 г. впервые Министерством статистики и анализа Республики Беларусь было проведено единовременное статистическое обследование ряда предприятий для изучения их инновационной деятельности. Выборка была ограничена составом отраслей (9 ведущих отраслей) и размером предприятия (свыше 100 человек). Результаты обследования послужили основой для разработки методологии и инструментария статистического обследования инновационной деятельности предприятий. «Статистическое обследование инновационной деятельности в Беларуси ориентировано на: разработку единого понятийного аппарата; комплексное статистическое наблюдение за всеми ста-

диями инновационных процессов; обеспечение международной сопоставимости показателей инновационной деятельности; расширение обследуемых видов инновационной деятельности и отраслей экономики» [2, с. 50–51].

Ежегодное статистическое обследование инновационной деятельности предприятий в Беларуси осуществляется с 2002 г. и ориентировано в первую очередь на изучение инновационной деятельности крупных предприятий отраслей «промышленность» и «связь». Несмотря на наличие в ряде государственных программ термина «среднее предпринимательство», понятие среднего предприятия было прописано только Законом Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» (от 1 июля 2010 г. № 148-З), после этого появились статистические данные об их деятельности. Обследование инноваций на малых предприятиях осуществлялось впервые в 2004 г., затем повторно с периодичностью раз в два года. Объектом статистического обследования выступали только предприятия отраслей «промышленность» и «связь». При изучении инновационной деятельности малых предприятий до 2009 г. применялась сокращенная «Форма 2-МП инновация», состоящая из 2 разделов, отражающих общие характеристики технологических инноваций – структуру, источники финансирования и численность занятого персонала. Обследование крупных предприятий проводилось по «Форме 1 – инновация», состоящей из 12 разделов, характеризующих как технологические, так и организационно-управленческие инновации. В отношении малых предприятий показатели, характеризующие уровень новизны, источники информации, факторы, препятствующие реализации инноваций, взаимодействие с организациями инновационной инфраструктуры, управление персоналом в ходе инновационной деятельности, не изучались.

В 2009 г. была утверждена новая форма государственной статистической отчетности 1-нт (инновация) «Отчет об инновационной деятельности организации». Достоинством данной формы является расширение охвата обследованием не только предприятий промышленности, но и организаций, основным видом экономической деятельности которых является связь и деятельность, связанная с вычислительной техникой. Однако данная форма унифицирована как для крупных, так и для малых организаций, при этом перечень изучаемых показателей чрезвычайно сокращен и ориентирован на изучение затрат на технологические инновации, источников их финансирования, объема отгруженной инновационной продукции (услуг), количество приобретенных и переданных организацией новых технологий и количества совместных проектов по осуществлению инновационной деятельности. Ни организационно-управленческие инновации, ни факторы, препятствующие осуществлению инноваций, и т. д. не изучаются.

Фактически на данный момент статистическая информация об инновационной деятельности организаций дает лишь самое общее представление, информацию post factum, т. е. об уже осуществленной в прошлом году деятельности, и ничего не может сказать о дальнейших намерениях, планах предприятий,

перспективах развития событий. А в современных условиях от информации требуется нечто большее – выявлять специфику инновационных процессов, факторы, ее определяющие, имеющиеся проблемы и т. д., чтобы иметь возможность раскрыть механизмы активизации инновационной деятельности предприятий (организаций).

В современных социально-экономических условиях требуемую информацию, зачастую столь необходимую для принятия оперативных управленческих решений, можно получить с применением социологических методов исследования. Необходимость осуществления мониторинга инновационной деятельности обозначена в ряде государственных программ: «Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы», «Концепции национальной инновационной системы». Особый акцент сделан на необходимости проведения социологических исследований и создания социологических центров во всех регионах Беларуси, однако на сегодняшний день такие центры не созданы. В связи с этим автором была разработана социологическая методика изучения инновационной восприимчивости предприятий (организаций).

Термин «инновационная восприимчивость» встречался в российских и белорусских социально-экономических публикациях, но без четкого определения этого понятия, с произвольным толкованием, не претендующим на исчерпывающее объяснение. В Беларуси в государственной статистической отчетности об инновационной деятельности организаций по «Форме 1-инновация» (до 2009 г.) при изучении «факторов, препятствующих инновациям» в группе «производственных факторов» выделялся фактор «невосприимчивость организации к инновациям». Однако содержание понятия в указаниях по заполнению не раскрывалось [3, с. 7; 4, с. 126]. Белорусский экономист А. В. Марков утверждал, что «национальная промышленность инновационно невосприимчива не только в силу отсутствия у нее достаточных оборотных средств, но и вследствие неадекватной современным требованиям инновационного развития структурной организации производства. Министерский подход объединения производственных предприятий, в отличие от кластерного, носит нерыночный характер, имманентно не способный стимулировать субъекты хозяйствования к созданию новых инновационно активных интеграционных форм» [5, с. 182].

Белорусский экономист Л. Н. Нехорошева отмечала, что активизация инновационной деятельности и повышение «восприимчивости предприятий к инновационным процессам» становятся одной из первоочередных задач для стран, стремящихся лидировать в условиях глобализации. В качестве основных показателей, отражающих восприимчивость реального сектора экономики к инновационным изменениям, Л. Н. Нехорошева отметила невысокую долю выпуска принципиально новой продукции и уменьшение доли новой продукции в общем объеме производства [6].

В связи с отсутствием методологически полного определения автором было разработано понятие «*инновационная восприимчивость коллективно-*

го хозяйствующего субъекта (предприятия, организации)», под которой понимается *способность и готовность создавать, осваивать и реализовывать инновации* [7, с. 84–121]. Раскрытие сущности понятия «инновационная восприимчивость» целесообразно осуществлять через определение его составных категорий, т. е. через определение понятий «способность» и «готовность» осуществлять инновационную деятельность.

Способность отражает обладание коллективного хозяйствующего субъекта определенным потенциалом для осуществления инновационной деятельности. Каждая деятельность предъявляет определенные требования к возможностям субъекта по ее осуществлению (чтобы создать и освоить один тип инновации, например базисный, нужны значительные финансовые средства, современное производственное оборудование, квалифицированный персонал, а для освоения улучшающих инноваций требуются значительно меньшие финансовые, временные и иные затраты). Способность предприятия к осуществлению инновационной деятельности отражает меру соответствия потенциала предприятия требованиям определенного вида инновационной деятельности. Определяется преимущественно *факторами внутренней среды* предприятия, к которым относятся:

материально-технический потенциал – совокупность основных промышленно-производственных средств (ОППС) предприятия (здания, сооружения, оборудование, и их технико-технологические характеристики – уровень износа, технологический уклад, возможность модернизации и т. д.);

финансово-инвестиционный потенциал – совокупность финансовых и инвестиционных средств предприятия, позволяющих ему осуществлять эффективную и устойчивую хозяйственную деятельность;

научно-технический потенциал – совокупность нематериальных активов (лицензии, патенты, ноу-хау, разработки) и материально-технических средств (лаборатории, опытное оборудование, программное обеспечение), которыми располагает предприятие для осуществления научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР);

кадровый потенциал – совокупность работников, обладающих определенным уровнем профессионально-квалификационной подготовки, а также креативных способностей, т. е. способностей генерировать новые знания, создавать, осваивать и реализовывать инновации.

Белорусские экономисты и социологи отмечают, что особого внимания заслуживает человек и образ его мышления. Развитие инновационной экономики возможно лишь в том случае, если на ментальном человеческом уровне существует адекватное современному этапу НТП *восприятие* новых идей и технических систем, *готовность* к их реализации в различных сферах практической деятельности. Такой поведенческий тип характеризуется понятием «креативного мышления», которое предполагает генерирование новых идей и целей, разработку путей их достижения, ранее неизвестных субъекту деятельности. «Креативное мышление предполагает наличие у индивидов спо-

собности к умственной концентрации на проблеме и сосредоточению на ней всех интеллектуальных ресурсов. Для этого необходимо наличие у участника хозяйственной деятельности определенных профессиональных знаний уже на стадии формирования у него методологических подходов к реализации собственного творческого потенциала» [8, с. 159].

Готовность к осуществлению инновационной деятельности рассматривается как мотивированность, настроенность коллективного хозяйствующего субъекта использовать свой потенциал и перестраивать свою деятельность в соответствии с созданием, освоением и реализацией инноваций. Готовность предприятия осуществлять инновационную деятельность также отражает наличие институциональных условий, побуждающих и позволяющих создавать, осваивать и реализовывать инновации; показывает, что на данном этапе социально-экономического развития есть стимулы (законы, налоги, преференции, инновационная инфраструктура и т. д.), повышающие заинтересованность предприятия в осуществлении и активизации инновационной деятельности. А. В. Марков отмечает, что «важнейшим условием повышения *инновационной восприимчивости* является снижение разрешительных полномочий государства при одновременном формировании выраженного креативного вектора общественного сознания. Усилий государства по внедрению инноваций в практику окажется недостаточно, если *субъекты хозяйствования* не будут *заинтересованы* в технической модернизации производства. Поэтому экономическое *стимулирование* научно-технического прогресса является обязательными условием инновационного развития» [5, с. 302].

Готовность коллективного хозяйствующего субъекта к осуществлению инновационной деятельности формируется в основном *факторами внешней среды* предприятия, к которым относятся:

Государство влияет посредством:

государственной социально-экономической политики, определяющей общие институциональные условия хозяйственной деятельности (нормативно-правовую базу, бюджетно-налоговую, денежно-кредитную, таможенную политику и т. д.);

государственной инновационной политики, направленной на регулирование процессов создания, освоения и использования инноваций;

государственной научно-технической политики, определяющей национальные научно-технические приоритеты (направления фундаментальных и прикладных исследований, учет потребностей производства и т. д.). А. В. Марков отмечает, что «государственная инновационная политика является неделимой совокупностью научной политики (в контексте корреляции научной деятельности с задачами модернизации производства и повышения конкурентоспособности национальной экономики), а также индустриальной политики (в контексте обеспечения *инновационной восприимчивости производств* и использования инновационно-активных форм их организации)..» [5, с. 58].

Образование влияет посредством:

системы профессионального обучения, определяющего направления и уровень первичной подготовки кадров (перечень профессий, типовые учебные планы и программы), степень ее соответствия требованиям инновационной экономики;

системы профессионального обучения, призванной через процессы повышения квалификации, переподготовки, обучения вторым (смежным) профессиям, курсы целевого назначения обеспечить соответствие наличной профессионально-квалификационной структуры занятых и производственных запросов, изменяющихся в ходе инновационной деятельности.

Наука влияет посредством:

выполнения когнитивных (получение нового знания и объяснение устройства мира) и социальных функций (удовлетворение запросов общества, выражающихся в ускорении научно-технического и социального прогресса; осуществление научного сопровождения системы образования и других сфер национальной экономики). Полнота реализации функций науки предопределяет наличие перспективных научно-технических разработок и характеристики взаимодействия науки (фундаментальной и прикладной) с предприятиями по поводу разработки и внедрения инноваций. «Результативность выполнения наукой функций определяется как количеством инноваций, востребованных практикой и традиционализированных в культуре, так и ученых, занятых в иных, отличных от науки, сферах деятельности… Наука является единственной сферой, способной дать желаемый результат – инновацию – на основе сочетания планомерности, определенности объема ресурсов всех видов и временных интервалов» [9, с. 58–59].

Рынок влияет посредством:

рынка научно-технической продукции как регулятивного механизма, который позволяет экономическими методами решить задачу трансфера инноваций из сферы науки в сферу производства, обеспечивая тем самым непрерывность инновационного цикла, а также включить интеллектуальную собственность в хозяйственный оборот и организовать ее защиту, создать благоприятные условия для международного научно-технического сотрудничества;

финансового рынка, обусловливающего возможности кредитования и привлечения заемного, венчурного финансирования инновационных проектов;

рынка труда, посредством каналов распределения трудовых ресурсов создающего возможности удовлетворения кадрового спроса предприятий.

Факторы внешней и внутренней среды взаимосвязаны и взаимодействуют как единое целое, образуя среду функционирования вовне и внутри предприятия.

В контексте разработанной социологической методики изучения инновационной восприимчивости предприятий (организаций) автором был разработан социологический инструментарий для проведения экспертных интервью с руководящим составом предприятий. Сразу отметим, что инструментарий методики может дорабатываться и модифицироваться под цели конкретного заказчика и исследования, учитывать все изменения в законодательстве, эконо-

мической ситуации и т. д. Так, на современном этапе важным направлением в осуществлении исследований является выявление влияния мирового финансово-экономического кризиса и изменений в экономической ситуации в Беларуси в 2010 г. на инновационную деятельность предприятий, изучение прогнозных ожиданий у руководителей в связи с формирующимся Единым экономическим пространством (ЕЭП) и Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС).

В ходе разработки инструментария понятие «инновационная восприимчивость коллективного хозяйствующего субъекта» было *операционализировано* следующим образом: понятие «способность» коллективного хозяйствующего субъекта к осуществлению инновационной деятельности и определяющие его *факторы внутренней среды* предприятия замерялись посредством следующих показателей: для получения *общей характеристики предприятия* изучались: форма собственности предприятия; отраслевая принадлежность предприятия; численность персонала предприятия; тип предприятия – малое, среднее, крупное; стаж работы предприятия; основные рынки сбыта продукции (услуг) и т. д.

Для оценки *материально-технического потенциала* предприятия экспертам было предложено оценить: материально-техническую обеспеченность предприятия; наличие собственности, могущей выступать залоговым обеспечением; уровень износа основных промышленно-производственных средств предприятия. А также указать основные направления инвестиций (поддержание производственных мощностей, модернизация производства или освоение новых технологий); наличие внешних рынков сбыта и долю экспорта в объеме продаж (что свидетельствует о способности предприятия производить с помощью наличных ОППС конкурентоспособную и востребованную продукцию) и др.

Для оценки *финансово-инвестиционного потенциала* предприятия экспертам было предложено оценить: динамику финансового положения предприятия за последние годы; сделать прогноз динамики финансового положения предприятия; указать рентабельность предприятия, источники финансирования нововведений; формы и размер оплаты труда на предприятии; охарактеризовать социальный пакет, предоставляемый сотрудникам предприятия, и т. д.

Для оценки *научно-технического потенциала* предприятия экспертам было предложено указать: наличие нематериальных активов (патентов, лицензий, ноу-хау, разработок); наличие подразделений, отделов, осуществляющих научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), а также другие виды научно-технического сотрудничества (сотрудничество с отраслевыми НИИ, КБ, вузами, передовыми, инновационными предприятиями; отслеживание появления на рынке новой продукции, технологий, услуг и т. д.); указать наличие и охарактеризовать кадровую структуру сотрудников данных подразделений; оценить профессионально-квалификационный уровень сотрудников данных подразделений; указать виды инновационной деятельности, осуществлявшейся на предприятии за последние 3 года; указать цели внедрения инноваций и оценить уровень их новизны.

Для оценки *кадрового потенциала* предприятия экспертам было предложено оценить: степень укомплектованности кадровой структуры предприятия; профессионально-квалификационный уровень работников предприятия; указать недостающие для осуществления инновационной деятельности категории персонала (оценить неудовлетворенный и потенциальный кадровый спрос предприятия). А также охарактеризовать систему трудовой мотивации, профессионального обучения и процессы кадрового обеспечения внутренних рынков труда предприятий: указать наличие отделов (сотрудников), осуществляющих управление персоналом; охарактеризовать систему трудовой мотивации, применяемую для различных категорий персонала; охарактеризовать виды, целевые направления, формы и частоту профессионального обучения, применяемого на предприятии для различных категорий персонала; охарактеризовать систему подбора кадров и обеспечения внутренних рынков труда предприятий (критерии найма, используемые каналы найма различных категорий персонала, виды оформления трудовых отношений, использование методик профотбора, испытательного срока и т. д.).

Понятие «*готовность*» коллективного хозяйствующего субъекта к осуществлению инновационной деятельности и определяющие его *факторы внешней среды* предприятия были *операционализированы* следующим образом: для определения влияния *государства* на инновационную деятельность предприятия экспертам было предложено указать: источники финансирования инновационной деятельности (собственные средства предприятия, средства республиканского бюджета; внебюджетных фондов; инновационных фондов, бюджета Союзного государства, государственных банков и т. д.); инициатора нововведений (владелец, руководство предприятия, отраслевые НИИ, КБ, вышестоящие организации – министерства, ведомства); источники информации об инновациях (сотрудничество с организациями инновационной инфраструктуры, посещение специализированных выставок, ярмарок, конференций, семинаров и др.); методы защиты изобретений и научно-технических разработок, используемых предприятием (патентование, регистрация товарного знака, охрана авторских прав); оценить уровень налогообложения предприятий и указать наиболее обременительные налоги, сдерживающие развитие инновационной деятельности; указать факторы, в наибольшей степени препятствующие внедрению нововведений на предприятии; оценить степень осведомленности об организациях инновационной инфраструктуры и эффективность сотрудничества с ними и их функционирования (в случае обращения, взаимодействия); указать направления деятельности (виды услуг, помощи) организаций инновационной инфраструктуры, в которых нуждаются, заинтересованы предприятия; меры, необходимые для активизации инновационной деятельности предприятий.

Определение влияния *рынка* на инновационную деятельность предприятия осуществляется на основе анализа оценок экспертами условий работы предприятия на рынке товаров и услуг; основных рынков сбыта продукции,

услуг; целей инновационной деятельности (выживание предприятия; поддержание достигнутых позиций, уровня конкурентоспособности; экспансия предприятия – развитие, захват рыночных ниш); источников информации об инновациях (деятельность конкурентов, информация деловых партнеров и т. д.); ожидаемых выгод от внедрения инноваций (расширение рынков сбыта, расширение видов деятельности, рост объемов производства, продаж).

Определение влияния *науки и образования* на инновационную деятельность осуществляется на основе анализа инициаторов нововведений (владелец, руководство предприятия, отраслевые НИИ, КБ, вышестоящие организации (министерства, ведомства)); источников информации об инновациях (сотрудничество со специализированными НИИ, вузами, посещение специализированных конференций, семинаров); наличия подразделений, отделов, сотрудников, осуществляющих научно-техническое сотрудничество с отраслевыми НИИ, КБ, вузами; уровня новизны осуществляемых инноваций; недостающих для осуществления инновационной деятельности категории персонала; форм профессионального обучения, используемых на предприятиях (обучение на курсах, в институтах повышения квалификации, обучение на предприятии специалистами со стороны, из НИИ, КБ); направлений повышения образовательного и профессионально-квалификационного уровня сотрудников, необходимых в связи с осуществлением инновационной деятельности.

Основные этапы реализации методики. 1. Определение цели и задач, объекта и предмета исследования (например, мы можем изучать инновационную восприимчивость и инновационную деятельность определенных предприятий, в определенном регионе или в целом в стране, за определенный период времени, на определенных рынках товаров, услуг, выявлять оценки функционирования инновационной инфраструктуры и т. д.). 2. Формирование выборочной совокупности предприятий (отбор предприятий для опроса осуществляется исходя из целей и задач, основными критериями отбора выступают, как правило, отрасль, форма собственности, размер предприятия, регион, рынок, на котором функционируют предприятия, время работы на рынке и т. д.). 3. Опрос экспертов – руководителей предприятий (организаций) и структурных подразделений, в случае необходимости он может быть дополнен также опросом других категорий работников предприятия. 4. Создание базы данных по результатам обследования предприятий, обработка данных в математическом пакете SPSS Statistics. 5. Анализ данных (факторный, кластерный и другие виды); разработка рекомендаций и предложений для предприятий, ведомств, министерств и других заинтересованных организаций на основе полученных результатов и выявленного мнения экспертов.

Преимущества методики. Методика изучения инновационной восприимчивости на основе операционализации основных показателей инновационной деятельности позволяет осуществлять типологизацию белорусских инновационно активных предприятий, анализ инновационных кластеров; оперативно отслеживать реакцию предприятий на изменения экономической, правовой

и институциональной среды; выявлять проблемы функционирования, потребности и запросы инновационно активных предприятий; аккумулировать рекомендации экспертов, непосредственно работающих в реальных рыночных условиях и осуществляющих инновационную деятельность. Это позволяет повысить эффективность и адресность государственных инновационных программ.

Методика была разработана и успешно апробирована на практике в 2008 и 2009 гг.: было опрошено 250 малых и средних инновационно активных предприятий. Применение методики позволило получить данные, отсутствующие в статистике: выявить специфику инновационной деятельности малых предприятий, состоящую в реализации инноваций улучшающего типа, ориентированных на внутренний белорусский рынок и поддержание традиционных направлений производственной деятельности, и средних предприятий, развивающих высокотехнологичные направления производства посредством освоения инноваций базисного типа с высоким уровнем новизны и экспортной ориентацией; построить типологию белорусских инновационно активных малых и средних предприятий («лидеры», «последователи», «аутсайдеры») в зависимости от уровня инновационной восприимчивости и характеристик осуществляемой инновационной деятельности (тип и уровень новизны, структура, целевые направления, инициаторы, источники финансирования и др.); определить основные социальные проблемы активизации инновационной деятельности малых и средних предприятий (спрос предприятий на высококвалифицированную рабочую силу сдерживается нехваткой на рынке труда специалистов нужных профессий и уровня квалификации; переориентация систем трудовой мотивации на стимулирование творческих видов профессиональной деятельности сдерживается уравнительным характером оплаты труда; повышение профессионального и квалификационного уровня работников сдерживается ориентацией системы профессионального обучения не на изменение, а на поддержание сложившейся структуры занятых во всех отраслях экономики) [10, с. 52–58].

Литература

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы / Указ Президента Республики Беларусь 11.04.2011 № 136. – Минск, 2011. – 74 с.

2. *Зиновский, В. И.* В зеркале статистики – только новое / В. И. Зиновский // Экономика Беларуси. – 2007. – № 4. – С. 50–54.

3. Отчет об инновационной деятельности организации. Государственная статистическая отчетность. Форма 1-инновация. Утверждено Постановлением Министерства статистики и анализа Республики Беларусь 25.05.2006 №56. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2007. – 12 с.

4. Об инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2006 году. – Минск: М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2007. – 132 с.

5. *Марков, А. В.* Государственная инновационная политика: теоретические основы и механизм реализации / А. В. Марков. – Минск: Право и экономика, 2005. – 368 с.

6. *Нехорошева, Л. Н.* Инновационные процессы в условиях формирования «новой экономики»: проблемы и перспективы (на примере стран ЕС и Беларуси) / Л. Н. Нехоро-

шева. – Режим доступа: iee.org.ua/files/alushta/84-nehorosheva-form_usloviy.pdf. – Дата доступа: 18.07.2006.

7. *Сечко, Н. Н.* Специфика инновационной деятельности предприятий Беларуси / Н. Н. Сечко // Социальные проблемы формирования инновационной экономики в Республике Беларусь / Г. Н. Соколова [и др.]; под науч. ред. Г. Н. Соколовой. – Минск, 2008. – С. 84–121.

8. Научные основы идентификации и использования общественно-функциональных инноваций / А. В. Марков [и др.]; под ред. П. Г. Никитенко. – Минск: Ин-т экономики НАН Беларуси, Право и экономика, 2004. – 399 с.

9. *Гончаров, В.* Наука в инновационной системе Беларуси: функциональный аспект / В. Гончаров // Наука и инновации. – 2007. – № 6 (52). – С. 57–62.

10. *Сечко, Н. Н.* Роль малых и средних предприятий в формировании национальной инновационной системы Беларуси / Н. Н. Сечко // СОЦИС (РФ). – 2008. – № 9. – С. 52–58.

N. N. SECHKO

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF INNOVATIVE RECEPTIVITY OF ENTERPRISES

Summary

The current state of study of innovative activity of the organizations in Belarus is analyzed. Advantages and actuality of sociological techniques of study of innovative receptivity of enterprises are demonstrated.

Key words: innovative activity of the organizations, of innovative receptivity of enterprises, sociological methodology, statistical survey.

Поступила 24.10.2012 г.

УДК 316.334.2(476)

Е. В. ТАРАНОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ БЕЛОРУСОВ

Рассматривается феномен вторичной занятости, приводятся социально-демографические характеристики дополнительной занятости, анализируется трудовая мотивация и трудовой потенциал белорусов в контексте вторичной занятости.

Ключевые слова: вторичная (дополнительная) занятость, экономическое поведение, трудовая деятельность, трудовая мотивация.

Вторичная занятость в практике трудовой деятельности населения появилась еще в советский период, когда основной ее формой были сверхурочные работы. К концу 1980-х годов она стала осмысливаться как резерв рационального использования трудовых ресурсов, требующий научных исследований и обоснований для его регулирования. В период реформ 1990-х годов вторичная занятость начинает рассматриваться исследователями как форма социально-трудовой мобильности [1], как адаптационный ресурс, приносящий доход при наличии основного места работы [2, с. 31], как способ выстраивания новых социально-профессиональных позиций [3] и др.

Вторичная занятость определяется как наличие дополнительной работы (доходного занятия) у лиц, имеющих основную работу. Дополнительной работой может быть совместительство любого рода, работа по контракту или случайная, разовая работа. [4, с. 85]. Также под вторичной занятостью подразумевается занятость таких категорий населения, которые определяют свое социальное положение как пенсионер, учащийся. Дополнительная занятость способствует росту доходов населения, поскольку повышение или поддержание достигнутого уровня жизни работника чаще всего является основной причиной, побуждающей искать дополнительную работу. Такая занятость также может способствовать более полной реализации профессионального потенциала работников, расширяет возможности выбора новых сфер и типов деятельности, способствует повышению конкурентоспособности и трудовой мобильности населения. Вторичная занятость может влиять на перераспределение и мобилизацию трудовых ресурсов в условиях сокращения численности трудоспособного населения, вызванного его демографическим старением. Кроме того, вторичная занятость сегодня может выступать в качестве основного способа социальной адаптации в условиях кризисных явлений в эконо-

мике, которые приводят к снижению уровня реальных денежных доходов населения, снижению уровня и качества жизни [5, с. 121]. Так, по данным республиканского социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2012 г. в рамках исследования «Социологический анализ эффективности функционирования рынка труда Республики Беларусь в условиях экономических преобразований» (выборочная совокупность работающих составила 1686 человек; выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию и регионам), почти 60 % работающих белорусов отметили, что в связи с экономическим кризисом 2011 г. их материальное положение ухудшилось (несколько ухудшилось – 25,6 %, ухудшилось – 33,3 %).

Результаты социологического опроса показали, что за последние 2–3 месяца, предшествующих опросу, доля работающих белорусов, занятых дополнительно, составила примерно 1/4 (табл. 1). Из них постоянную дополнительную занятость имели 8 % (по основному месту работы или на другом предприятии, в организации), а нерегулярную (случайные заработки и приработки) – 16,4 % респондентов; искали дополнительную работу 7,7 % респондентов.

Таблица 1. **Распространенность вторичной занятости**

Была ли у Вас за последние два-три месяца помимо основной работы (или основного занятия) работа или занятие, приносящие дополнительный доход?	%
Да, была регулярная дополнительная работа по основному месту работы	3,0
Да, была регулярная дополнительная работа в другом месте	5,0
Да, были случайные приработки, заработки	16,4
Нет, не было, но я искал дополнительную работу	7,7
Нет, не было	67,9
Всего:	100,0

Что касается способов трудоустройства, то на *дополнительную* работу большинство занятых (почти 2/3) устроились при помощи знакомых и родственников (при трудоустройстве на *основное* место работы ресурс социальных сетей использовали около 30 % работающих). Остальные респонденты (1/3), имеющие дополнительную занятость, обращались напрямую к работодателю или использовали СМИ и Интернет.

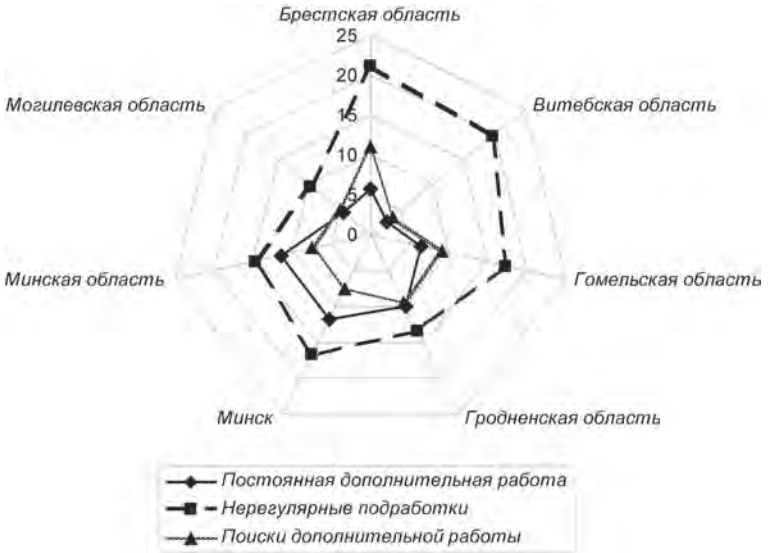
Социально-демографические характеристики вторичной занятости

Вторичная занятость характеризуется прежде всего *гендерной* спецификой: наличие дополнительной работы отметили 1/3 опрошенных мужчин и 1/4 женщин. Такие различия в трудовой активности мужчин и женщин определяются типом вторичной занятости: если на *постоянной* основе работают дополнительно 8,7 % мужчин и 7,3 % женщин, то *случайная* дополнительная работа характерна для 20,6 % мужчин и только для 12,4 % женщин; проявляли активность в поиске дополнительной работы 8,6 % мужчин и 7,0 % женщин.

Различий в постоянной дополнительной занятости у респондентов разного *семейного положения* практически нет. Однако среди холостых (22,4 %) и разведенных (18,9 %) респондентов выше доля дополнительно занятых на *нерегулярной* основе, чем среди семейных респондентов (14,5 %). Среди белорусов *с детьми* выше доля тех, кто работал на дополнительной работе постоянно, имел нерегулярные подработки либо искал дополнительную занятость, чем среди респондентов без детей.

С увеличением *возраста* доля занятых на дополнительной работе снижается, но заметные различия здесь наблюдаются только для вторичной занятости на *нерегулярной* основе между молодежной группой до 30 лет (20,4 %) и группой работников старше 50 лет (10,7 %). Среди занятых дополнительно на *постоянной* основе выше (примерно в 1,5 раза) удельный вес работников молодежной группы (8,5 %) и тех, кому 31–40 лет (10,4 %), чем среди представителей других возрастных групп.

Практически нет различий в распространенности вторичной занятости среди жителей *города и села*: *постоянную* вторичную занятость имеют 8,2 % городских и 6,2 % сельских жителей, на *нерегулярной* основе дополнительно заняты 16,5 % горожан и 16,1 % сельчан. Вместе с тем региональная специфика такова, что *постоянная* вторичная занятость выше в Минске, Минской и Гродненской областях, чем в других регионах: примерно 1/10 занятых в этих областях имеют регулярную дополнительную работу. В других областях выше доля дополнительно занятых на *нерегулярной* основе: 1/5 респондентов в Брестской и Витебской областях, чуть меньше – в Гомельской области и в Минске. Могилевская область находится на последнем месте по удельному весу дополнительно занятых как на *регулярной*, так и на *нерегулярной* основе (рисунок).



Региональные особенности вторичной занятости, %

Различия в *социально-профессиональном* статусе не слишком велики, чтобы противопоставлять группу вторично занятых остальным работающим, однако можно обозначить следующую специфику. Среди руководителей высшего и среднего звена в два раза меньше дополнительно занятых на *постоянной* основе, чем среди руководителей низшего звена, служащих и специалистов производственной и непроизводственной сферы. Ниже доля *постоянно* занятых вторично среди работников сельского хозяйства (крестьян). Что касается *нерегулярных* подработок, то такой вид дополнительной занятости чаще всего имеют индивидуальные предприниматели, рабочие промышленности, крестьяне. Дополнительная работа почти для половины вторично занятых соответствует их *профессиональной подготовке* (45,6 %) либо выше, чем это требуется на дополнительной работе (19,3 %). Для 1/4 дополнительная работа практически не связана с имеющейся квалификацией и полученным образованием.

Что касается вторичной занятости по *отраслям народного хозяйства*, то наибольший удельный вес занятых дополнительно на нерегулярной основе наблюдается среди работников строительства, где каждый третий имеет дополнительные заработки, а также среди тех, кто занимается оказанием услуг населению, где каждый четвертый подрабатывает на нерегулярной основе. Других значимых отличий в распространенности дополнительной занятости в отраслях не выявлено.

Экономические факторы вторичной занятости

Среди причин вторичной занятости основной является стремление повысить уровень доходов (81,7 %). В качестве запасного варианта на случай потери работы дополнительную работу рассматривают только 8,3 % респондентов. Примерно столько же (8,2 %) отмечают профессиональную заинтересованность в дополнительной работе (табл. 2).

Таблица 2. **Мотивы дополнительной занятости**

Почему Вы работаете, помимо основной, на дополнительной работе, заняты ее поиском?	%
Чтобы повысить уровень своих доходов	81,7
Чтобы иметь запасной вариант на случай потери основной работы	8,3
Из-за профессионального интереса	8,2
Для дополнительных знакомств и связей	2,8

Среди работающих белорусов, у которых в связи с кризисом 2011 года доходы снизились, выше доля дополнительно занятых, чем среди респондентов, у которых уровень личных доходов не изменился или повысился. Среди тех, кто подрабатывает на *нерегулярной* основе либо *ищет* дополнительную работу,

больше тех, кто в той или иной степени неудовлетворен размером получаемой зарплаты, чем среди других групп занятого населения. Данная закономерность проявляется и в распределении оценок материального положения семей среди различных групп занятых (табл. 3).

Таблица 3. **Оценки материального положения семьи занятых, %**

Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	Вторичная занятость			
	Заняты дополнительно постоянно	Заняты дополнительно нерегулярно / на подработках	Заняты поиском дополнительной работы	Не заняты дополнительно
Хорошее	3,9	4,8	2,3	3,4
Скорее хорошее	9,3	11,8	5,5	7,8
Среднее	61,2	50,7	53,1	64,3
Скорее плохое	14,0	21,0	14,8	13,5
Плохое	10,9	11,4	16,4	7,9
Затрудняюсь ответить	0,7	0,3	7,9	3,1
Всего:	100	100	100	100

Так, среди не работающих дополнительно выше доля «средних» и меньше доля «плохих» оценок материального положения семьи, чем среди занятых дополнительно либо ищущих дополнительную работу. Вместе с тем вторичная занятость (особенно если она носит нерегулярный характер) не решает в полной мере материальных проблем таких занятых, поскольку у них «плохих» оценок не меньше, а даже больше, чем в других группах занятых. Таким образом, снижение реальных денежных доходов и неудовлетворенность уровнем получаемой зарплаты выступают основными «мотиваторами», вынуждающими белорусов искать подработки в качестве дополнительного источника доходов. Однако вторичная занятость становится в большей степени вспомогательным источником, поддерживающим уровень реальных денежных доходов занятых, нежели способствует заметному росту их благосостояния.

В качестве экономического фактора, вынуждающего обратиться к дополнительной занятости, также выступает экономическое положение предприятия. Так, среди работников, отметивших нестабильное или кризисное положение предприятия, выше доля занятых дополнительно (около 1/4), чем среди работников стабильно работающих предприятий (примерно 1/6). Что касается формы собственности предприятий, то работники частных предприятий (12,7 %) чаще подрабатывают на *постоянной* основе, чем работники государственных предприятий (7,1 %) и частных предприятий с участием государства (5,0 %). Среди работников частных предприятий (19,8 %) и частных с участием государства (20,8 %) выше удельный вес тех, кто имеет *нерегулярные* подработки, чем среди занятых на госпредприятиях (15,2 %).

Трудовая мотивация в контексте вторичной занятости

Трудовая мотивация определяется нами по структуре мотивационно-гигиенических факторов трудовой деятельности (разработанной проф. Г. Н. Соколовой на основе концепции Ф. Херцберга), которая строится при помощи ранжирования ответов на вопрос «*Что для Вас наиболее важно в работе?*» (всего 14 вариантов ответов/факторов). В целом, по результатам опроса работающих белорусов на первых местах по частоте выбора находятся такие факторы, как хорошая зарплата (84,1 %), хорошие условия труда (67,2 %) и хороший коллектив (61,8 %), определяемые как *гигиенические*, связанные с коллективными условиями деятельности, которые являются общими для всех или многих работников одного предприятия. Значительно ниже частота выбора *мотивационных* факторов, определяемых личностными характеристиками работников, к которым относятся самостоятельность в работе (31,7 %), значимость работы с квалифицированными коллегами (22,2 %), важность полно использовать свои знания, опыт, квалификацию (19,7 %) и др.

Среди выделенных групп занятых сохраняется общая закономерность в плане ранжирования названных факторов, однако наблюдаются определенные различия среди работников в зависимости от наличия и типа вторичной занятости, которые проявляются в частотном распределении мотивационных факторов трудовой деятельности (табл. 4).

Таблица 4. **Факторы трудовой деятельности занятых, %**

Что для Вас наиболее важно в работе?	Вторичная занятость			
	Заняты дополнительно постоянно	Заняты дополнительно нерегулярно / на подработках	Заняты поиском дополнительной работы	Не заняты дополнительно
Гигиенические факторы трудовой деятельности				
Зарабатывать хорошие деньги	84,6	90,0	88,2	82,4
Иметь хорошие условия труда	63,1	65,2	78,0	66,9
Работать в хорошем коллективе	61,5	57,0	60,0	63,1
Мотивационные факторы трудовой деятельности				
Быть относительно самостоятельным в работе	44,3	34,3	35,4	29,3
Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	29,8	15,2	18,9	19,6
Работать над интересными, инновационными направлениями, новыми проектами	15,4	7,0	11,8	8,4

Так, среди других занятых выделяются работники, имеющие *постоянную* дополнительную работу, из которых 44,3 % отметили важность самостоятельности в работе. В этой группе выше удельный вес тех, для кого важно полно использовать профессиональный опыт, знания, квалификацию (29,8 %). Здесь же

больше занятых, для которых имеет значение содержание труда в плане работы над интересными, инновационными направлениями, новыми проектами. Хотя доля их невелика (15,4 %), однако она выше, чем в других группах. Следует отметить, что в группе *не занятых дополнительно* частота выбора мотивационного фактора «самостоятельность в работе» (29,3 %) ниже, чем в других группах занятых. Менее всего факторы, связанные с содержанием трудовой деятельности, имеют значение для занятых, имеющих *нерегулярные* подработки и заработки. Это связано с сильной материальной мотивацией, что отмечалось ранее при рассмотрении экономических факторов вторичной занятости.

Экономическая активность и трудовой потенциал работников в зависимости от наличия и типа вторичной занятости

Вторичная занятость может дифференцировать работников по активности их экономического поведения. Так, в группе вторично занятых в 3,5 раза больше доля тех, кто ориентирован на собственные силы и риск, готов повышать свой доход всеми возможными способами, чем в группе респондентов, не имеющих дополнительной работы и не занятых ее поисками. Работники, имеющие дополнительную занятость, реже делают выбор в пользу пусть небольшого, но твердого заработка, ради уверенности в завтрашнем дне, и реже снижают уровень своих запросов и потребностей при решении материальных проблем (см. табл. 5). Также стоит отметить, что вторично занятые *на нерегулярной* основе проявляют бо́льшую экономическую активность, чем те, кто имеют *постоянную* дополнительную работу. Среди тех, кто *не имел дополнительной работы, но искал ее*, показатели активности экономического поведения выше, чем в группе не занятых дополнительно.

Таблица 5. **Индикаторы активности экономического поведения занятых, %**

	Вторичная занятость			
	Заняты дополнительно постоянно	Заняты дополнительно нерегулярно / на подработках	Заняты поиском дополнительной работы	Не заняты дополнительно
Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?				
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок, уверенность в завтрашнем дне	40,3	33,0	33,1	47,5
Иметь большой заработок, пусть даже без особых гарантий на будущее	34,1	34,0	26,8	22,9
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	15,5	18,1	13,4	8,7
Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?				
Повышаю свой доход всеми возможными способами	45,5	52,1	22,2	13,3
Привожу уровень своих запросов и потребностей в соответствие с получаемым доходом	27,3	23,6	34,1	46,7
Снижаю уровень своих запросов и потребностей	18,2	19,9	28,6	31,8

Что касается готовности и возможности работать больше, если бы от этого зависело повышение зарплаты (показатель трудового потенциала), то на фоне других выделяется группа дополнительно занятых на *нерегулярной* основе, в которой 43,2 % респондентов отметили, что смогли бы работать гораздо больше и лучше. Несмотря на наличие вторичной занятости, такие работники показывают бо́льшую готовность работать «больше и лучше» (примерно в 1,5 раза), чем те, кто *не имеет дополнительной работы*. Вместе с тем эти две группы респондентов демонстрируют схожие распределения оценок настоящей трудовой нагрузки: чуть более 1/4 работают много, «на износ» и 2/3 имеют «нормальную» трудовую нагрузку (табл. 6).

Таблица 6. **Индикаторы трудового потенциала занятых, %**

	Вторичная занятость			
	Заняты дополнительно постоянно	Заняты дополнительно нерегулярно / на подработках	Заняты поиском дополнительной работы	Не заняты дополнительно
Смогли бы Вы работать больше и лучше, если бы это влияло на повышение зарплаты?				
Да, смог бы работать гораздо больше и лучше	38,2	43,2	35,7	27,4
Да, смог бы, но ненамного	26,7	29,9	30,2	33,5
Нет, больше и лучше уже некуда	23,7	19,6	19,4	24,1
Как Вы можете охарактеризовать свою трудовую нагрузку?				
Работаю много, «на износ»	30,0	22,9	36,4	21,4
Нагрузка нормальная	59,2	65,7	59,7	69,4
Нагрузка небольшая, не перерабатываю	10,8	11,4	3,9	9,1

Таким образом, результаты социологического исследования показали, что вторичная занятость устойчиво характеризует 1/4 часть работающего населения. Наличие дополнительной работы можно рассматривать в качестве характеристики активности экономического поведения. Так, в группе дополнительно занятых примерно в 2,5 раза больше тех, кто готов повышать доходы всеми возможными способами, чем тех, кто при решении материальных проблем снижает уровень своих запросов и потребностей.

Говоря о социально-демографической специфике, в первую очередь стоит отметить гендерные различия в выборе и типе дополнительной занятости. Если занятость на *регулярной* основе у мужчин распространена только немногим больше (1,4 %), чем у женщин, то *нерегулярная* занятость (случайные приработки, заработки) среди мужчин встречается в 1,5 раза чаще, чем среди женщин. Различия в социальном статусе не слишком велики, чтобы противопоставлять группу вторично занятых работникам без дополнительной занятости.

Мотивация вторичной занятости для большинства белорусов заключается в стремлении повысить уровень своих доходов из-за неудовлетворенности зарплатой, получаемой по основному месту работы. Однако распределение оценок материального положения семей различных групп работников (име-

ющих дополнительную занятость и не имеющих ее) показывает, что вторичная занятость является скорее дополнительным источником денежных доходов, чем фактором повышения материального благосостояния.

Среди работников, которые используют вторичную занятость, можно выделить две группы: занятые дополнительно на *постоянной* основе и занятые дополнительно *нерегулярно*, на подработках. Кроме типа вторичной занятости, главное отличие этих двух групп касается мотивации трудовой деятельности. Мотивационные факторы, связанные с содержанием труда для *первой* группы гораздо важнее, чем для *второй*, в которой частота выбора таких факторов, как возможность реализации профессионального опыта и знаний, важность работы над интересными, новыми проектами и направлениями, в два раза ниже, чем в первой группе работников с постоянной дополнительной занятостью. Кроме того, в группе занятых на *нерегулярной* основе почти в 4 раза больше тех, кто проявляет экономическую активность в плане готовности повышать свой доход всеми возможными способами, по сравнению с занятыми, у которых нет дополнительной работы. Следовательно, работники, которые имеют *нерегулярную дополнительную занятость*, демонстрируют ориентацию своего экономического поведения исключительно на повышение доходов безотносительно к профессиональному содержанию трудовой деятельности (так называемый прагматический тип поведения). В отличие от них *занятые дополнительно на постоянной основе* демонстрируют профессиональное трудовое поведение, заинтересованность в содержании дополнительной работы, ее соответствии имеющейся квалификации. Таким образом, именно поведенческий фактор, наряду с социально-демографическими характеристиками работников, оказывает непосредственное влияние на выбор в пользу вторичной занятости и конкретной ее формы либо отказ от нее.

Литература

1. *Клопов, Э. В.* Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности / Э. В. Клопов // Социол. исслед. – 1997. – № 4. – С. 29–45.

2. *Попова, И. П.* Дополнительная занятость в успешных адаптационных стратегиях населения / И. П. Попова, Н. Н. Седлова // Социол. исслед. – 2004. – № 2. – С. 31–43.

3. *Попова, И. П.* «Вытесняющая» вторичная занятость / И. П. Попова // Социол. исслед. – 2002. – № 10. – С. 57–66.

4. Экономика. Большой энциклопедический словарь. Том II. З – О. Серия «Библиотека высшего управленческого персонала» / В. Г. Гавриленко, П. Г. Никитенко, Н. И. Ядевич. – Минск, 2002. – 770 с.

5. Экономико-социологический словарь / Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, О. В. Терещенко и др.; сост. Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк; науч. ред. Г. Н. Соколова. – Минск, 2002. – 448 с.

E. V. TARANOVA

ADDITIONAL EMPLOYMENT IN ECONOMIC BEHAVIOR OF BELARUSIANS

Summary

The phenomenon of additional employment is considered, social and demographic characteristics of additional employment are presented, working motivation and labor potential of Belarusians in the context of additional employment are analyzed.

Key words: additional employment, economic behavior, working activity, working motivation.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.22(476)

Е. Б. ПАЛХОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье изучены методологические основания анализа экономического поведения как фактора трудовой мобильности. На основе социологического исследования построена эмпирическая типология трудовой мобильности при принятии решения о перемене места работы; экономическое поведение работника рассмотрено как трехкомпонентный фактор, структурное построение которого (с выделением профессионального, инструментально и избегательного поведения) влияет на преобладание того или иного типа трудовой мобильности.

Ключевые слова: экономическое поведение, трудовая мобильность, межотраслевая мобильность, условия труда в отрасли.

При изучении феномена экономического поведения наиболее перспективным является сочетание экономических и социальных оснований его анализа. Социологический анализ экономического поведения направлен прежде всего на выявление социальных, психических, культурных факторов, способствующих или препятствующих рациональному выбору человека [1–3]. Экономический подход дает возможность оценить эффективность экономического поведения путем сопоставления получаемых выгод и требуемых затрат [8; 4]. Специфика изучения экономического поведения состоит в допущении о том, что человеческое поведение почти всегда содержит значительный рациональный компонент [8]. Однако рациональность выбора из имеющихся альтернатив ограничена, с одной стороны, когнитивными возможностями человека, с другой – недостатком времени/информации/ресурсов, необходимостью принимать решения в ситуации неопределенности [5; 6]. Основным критерием рациональности в экономике выступает оптимальность выбранного типа поведения, в экономической социологии – удовлетворенность избранным вариантом поведения, его соответствие уровню притязаний.

Исходя из анализа различных подходов в исследовании экономического поведения как социального феномена экономическое поведение работников рассматривается как личностно обусловленный процесс выбора альтернатив, ориентированный на максимизацию получаемых выгод и минимизацию требуемых затрат, в ходе удовлетворения социальных потребностей. Основные смысловые блоки данного определения базируются на следующих положениях. *Во-первых*, экономическое поведение работника упорядочено и единонаправлено, характеризует определенную стратегию жизнедеятельности, что

подчеркивает его процессуальный характер. *Во-вторых*, экономическое поведение отражает взаимодействие работников, связанных между собой системой взаимных ожиданий, с целью удовлетворения социальных потребностей. *В-третьих*, экономическое поведение, как правило, ориентировано на максимизацию выгод и минимизацию затрат. *В-четвертых*, процессы формирования экономического поведения работника основываются на сочетании объективных условий (условия труда в отрасли и на предприятии) и субъективных характеристик работников (уровень притязаний, мотивы, ценностные ориентации).

Формирование определенного типа экономического поведения обусловлено, во-первых, структурными характеристиками работника (пол, возраст, образование, профессиональный статус); во-вторых, его субъективными характеристиками (уровень притязаний, трудовая мотивация, ценностные ориентации); в-третьих, объективными условиями труда (в стране, отрасли, на предприятии). Одинаковые условия труда могут по-разному оцениваться различными группами работников и проявляться в различных типах их экономического поведения. В авторской версии анализа экономическое поведение, выступающее, с одной стороны, проявлением способности работников к перемещениям исходя из их социально-демографических, социально-профессиональных и личностных характеристик, с другой стороны, отражением объективных условий труда, способствующих или препятствующих этим перемещениям, рассматривается как фактор трудовой мобильности (рис. 1).

Трудовая мобильность определяется как перемещение работников между местами приложения труда внутри предприятия и за его пределами, которое может сопровождаться изменением профессии, должности или квалификации работника. Экономическое поведение работника и его трудовая мобильность до сих пор изучались как два отдельных феномена, которые имеют место в трудо-

Экономическое поведение работника как фактор его трудовой мобильности

вом процессе. Традиционно при рассмотрении трудовой мобильности внимание исследователей акцентируется либо на условиях труда, либо на личностных характеристиках работников, либо на том и другом – вне их взаимосвязи. В авторском подходе трудовая мобильность анализируется как действие, зависимое от типа экономического поведения работников, функционирующих в определенных условиях труда и ориентирующихся на их изменение или сохранение. Понимание обусловленности трудовой мобильности экономическим поведением позволяет учитывать уровень притязаний, ценностные ориентации и трудовую мотивацию работников, сформированные под влиянием тех или иных объективных условий, а трудовую мобильность рассматривать как результат перебора имеющихся альтернатив, связанный с изменением места работы.

На основе данных социологического исследования, проведенного в 2011 г., на предприятиях электроэнергетической отрасли[1] рассмотрим ориентации работников на различные типы трудовой мобильности в зависимости от типа экономического поведения. В данном исследовании учитывалось, что структурная организация предприятия включает два основных параметра дифференциации: трехуровневая структура управления (руководители низшего (мастера), среднего (руководители подразделений) и высшего (топ-менеджмент) звена); разделение персонала на производственный персонал и работников административных и вспомогательных отделов. В объект исследования включен только производственный персонал, поскольку возможности трудовой мобильности у работников производственных подразделений шире, чем у работников непроизводственных отделов. Это связано с тем, что трудовая мобильность производственного персонала включает движение не только по должностным позициям, но и по квалификационным разрядам.

Современный работник является субъектом, вырабатывающим индивидуальные стратегии для поддержки и улучшения материального положения домохозяйства. Поэтому трудовое поведение начало рассматриваться не столько как обусловленный функциональным алгоритмом производственного процесса сознательно регулируемый комплекс действий работника, сколько как экономическое поведение, главное содержание которого – построение индивидуальных или групповых стратегий, направленных на максимизацию выгоды (прежде всего – улучшение материального благополучия) [7, с. 63]. Большинство работников электроэнергетической отрасли воспринимают работу как «источник получения средств к существованию» (59,3 %). Около 1/3 работников отмечают, что работа для них – прежде всего «способ проявить

[1] Исследование проведено на следующих предприятиях: Минские ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4, Могилевская ТЭЦ-2. Объем достигнутой выборочной совокупности составил 510 человек, т. е. около 20 % численности всех работников отобранных предприятий. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, при уровне значимости 0,95, составила +/– 4,3 %, что позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – работников электроэнергетической отрасли.

себя, реализовать свои способности» (27,5 %). Еще 9,6 % работников воспринимают работу как «неприятную обязанность». Чуть больше 2 % говорят, что работа для них – это «возможность общения», 1,4 % видят работу как возможность «приносить пользу обществу» (табл. 1). Изучение восприятия ценности работы является актуальной задачей данного исследования, поскольку руководство обследуемых предприятий ориентировано на решение проблемы удержания квалифицированных кадров.

Таблица 1. **Оценка значения работы для респондентов, %**

Какое основное значение для Вас имеет работа?	К какой категории работников Вы относитесь?					
	Руководитель	Специалист	Служащий	Квал. рабочий	Неквал. рабочий	В целом по выборке
возможность проявить себя, реализовать способности	43,6	32,2	28,5	20,9	16,1	27,5
источник получения средств к существованию	47,7	59,2	54,7	66,3	56,7	59,3
неприятная обязанность, если бы мог, вообще бы не работал	3,6	4,2	5,0	8,4	16,1	9,6
возможность общения	1,8	3,3	11,8	2,4	11,1	2,2
возможность приносить пользу обществу	3,3	1,1	0	2,0	0	1,4
Итого	100	100	100	100	100	100

В данном исследовании мы выделяем следующие типы экономического поведения в зависимости от восприятия ценности работы: профессиональный тип (работа как возможность проявить себя, реализовать свои способности) / инструментальный (работа как источник получения средств к существованию) / избегательный (работа как неприятная обязанность). Оценки значения работы выступают непосредственным индикатором выделения типов экономического поведения, поскольку характеризуют стратегию, которой придерживаются работники в процессе трудовой деятельности для удовлетворения своих социальных потребностей. Отметим, что респондентов, воспринимающих работу как возможность общения» или как «возможность приносить пользу обществу», мы выносим за рамки анализа типологии экономического поведения, поскольку данные группы слишком малочисленны (3,6 % в совокупности) и не могут образовать полноценный тип экономического поведения. Выявленные в отрасли проблемы в сфере социально-экономических условий труда (уравнивание оплаты труда разной сложности и различной квалификации, отсутствие взаимосвязи между личным трудовым вкладом и заработной платой), будучи осмыслены различными социально-профессиональными группами, приводят к актуализации материальных потребностей работников и вызывают значительное преобладание (59,3 %) инструментального типа экономического поведения над остальными типами.

Анализируя ответы респондентов различных социально-профессиональных групп, можно отметить, что профессиональный тип экономического поведе-

ния характерен для руководителей (43,5 %) и специалистов (33,0 %) в большей степени, нежели для остальных социально-профессиональных групп. Среди групп, проявляющих инструментальный тип экономического поведения, лидируют квалифицированные и неквалифицированные рабочие (48,6 %) и специалисты (28,2 %). Квалифицированные (27,5 %) и неквалифицированные рабочие (53,2 %) проявляют избегательный тип экономического поведения в большей мере, чем другие социально-профессиональные группы (табл. 2).

Таблица 2. **Социально-профессиональные характеристики работников с различными типами экономического поведения, %**

Социально-должностной статус работников	Профессиональный тип	Инструментальный тип	Избегательный тип
Руководитель	43,5	23,2	6,0
Специалист	33,0	28,2	13,3
Квалифицированный рабочий	21,5	38,3	27,5
Неквалифицированный рабочий	2,0	10,3	53,2
Итого	100	100	100

Что касается половозрастных различий в предпочтении того или иного типа экономического поведения, отметим, что мужчины в большей мере (63,7 %), чем женщины, проявляют профессиональный тип поведения. По другим типам экономического поведения значимых гендерных отличий не выявлено. Молодежь (от 18 до 29 лет) и средние возрастные группы (от 30 до 49 лет) в большей степени, чем старшие возрастные группы, демонстрируют профессиональный тип экономического поведения (молодежь – 36,8 %; работники средних возрастных групп – до 42 %; работники старших возрастных групп – 21,2 %). Избегательный тип экономического поведения, напротив, в большей мере присущ работникам старших возрастных групп (до 44,3 %), чем молодежи (30,2 %) и лицам среднего возраста (25,5 %). Образовательные различия у респондентов, предпочитающих тот или иной тип экономического поведения, также присутствуют. Так, работники с высшим образованием в 2 раза чаще своих коллег без высшего образования проявляют профессиональный тип экономического поведения (41,3 %), и в 2,5 раза реже – избегательный (16,6 %).

Как уже было отмечено, 1/3 респондентов думают о перемене места работы или активно ищут новую. Большинство респондентов, желающих сменить работу, в качестве основной причины называют желание увеличить доход (94,3 %). Данная причина является доминирующей для всех социально-профессиональных групп. На этапе первичного анализа оценки респондентов дают нам возможность составить общее представление о воздействии тех или иных факторов на желание переменить место работы. Вместе с тем при осмыслении картины в целом особый интерес представляет выявление основных векторов влияния мотивационных стремлений работников на принятие решения о трудовой мобильности. Для решения такой задачи нами была осуществлена про-

цедура факторного анализа. В ходе работы были выделены четыре основных фактора и в рамках каждого из них определены доминирующие и сопутствующие причины потенциальной перемены места работы (сгруппированные по убыванию значимости факторных нагрузок) (табл. 3).

Таблица 3. **Группировка потенциальных причин перемены места работы в составе рассчитанных факторов**

Факторы			
1	2	3	4
Не устраивает размер заработной платы Задержки с выплатой заработной платы Угроза закрытия предприятия	*Отсутствие перспектив профессионального роста* Несоответствие работы и квалификации Не престижная работа	*Неудобный график работы* Тяжелые условия труда Удаленность работы от дома	*Неинтересная работа* Наличие конфликтов в коллективе, с руководством Несоответствие работы и специальности

Потенциальные причины перемены места работы, будучи сгруппированными в факторы, во-первых, четко определяют основные виды условий труда (социально-экономические / технико-организационные / социально-трудовые / социально-психологические), которые, будучи осмыслены работником, формируют его желание переменить место работы. Во-вторых, позволяют исследователю обоснованно судить о социально-профессиональных целях, которые работники преследуют в своей трудовой деятельности, т. е. раскрывают ключевые характеристики типов экономического поведения работников (профессиональный/инструментальный/избегательный) в трудовой сфере.

С целью выявления наполняемости каждого фактора респондентами проведен кластерный анализ. Для осуществления кластерного анализа созданы переменные с индивидуальными значениями факторов для каждого респондента. На их основе методом кластерного анализа средних величин построены три кластера работников, ориентированных на мобильность, связанную с улучшением материального положения (30 %), мобильность, связанную с улучшением условий труда (30 %) и мобильность, связанную с повышением профессионального статуса (40 %) (табл. 4). Для респондентов, вошедших в первый кластер (материально ориентированных), на первое место при перемене работы выходят экономические причины (неудовлетворенность размером заработной платы, задержки в ее выплатах и длительный простой предприятия, угроза его закрытия). Что касается социально-профессиональных и половозрастных характеристик респондентов, наполняющих данный кластер, можно отметить, что это в основном руководители (43,0 %) и специалисты (37,5 %), преимущественно молодые мужчины (65,1 %). Дифференцирующими признаками в данной группе являются пол, возраст и профессиональный статус.

Для работников, принадлежащих ко второму кластеру, предпосылками перемены места работы выступают технико-организационные и социально-трудовые условия труда (неудобный график работы, удаленность работы от

дома, тяжелые условия труда). Кластер в основном заполнен служащими (40,0 %) и рабочими (45,3 %), преимущественно женщинами с профессионально-техническим (31,2 %) и средним общим образованием (21,7 %). Профессиональный статус, пол и образование являются дифференцирующими признаками в данной группе.

Таблица 4. **Средние значения переменных в каждом кластере**

Переменные	Кластеры		
	1	2	3
Отсутствие перспектив для профессионального роста	0,152	0,387	0,705
Неинтересная работа	0,030	–	0,386
Неудобный график работы	–	0,387	0,045
Несоответствие работы специальности	0,030	0,194	0,210
Удаленность работы от дома	0,194	0,233	–
Наличие конфликтов в коллективе, с руководством	0,061	0,032	0,327
Не устраивает размер зарплаты	0,818	0,355	0,523
Задержки с выплатой зарплаты	0,394	0,032	–
Длительный простой предприятия, угроза закрытия	0,303	0,032	–
Тяжелые условия труда	–	0,645	0,023
Не престижная работа	0,03	0,097	0,159
Несоответствие работы моей квалификации	0,020	0,165	0,173

Работники, принадлежащие к третьему кластеру (профессионально ориентированных), проявляют ярко выраженные профессиональные интересы. Для таких работников важно использовать различные возможности для самореализации, повышения своего профессионального и должностного статуса. Поэтому предпосылками трудовой мобильности в этой группе выступают отсутствие возможности профессионального роста и интереса к работе, а также наличие психологического дискомфорта, конфликтов в коллективе, с руководством. Согласно анализу социально-профессиональных характеристик работников, наполняющих данный кластер, он состоит из руководителей (45,0 %), специалистов (36,5 %) и квалифицированных рабочих (18,5 %), средних (48,0 %) и старших возрастных групп (42,2 %), с высшим (42,9 %) и средним специальным образованием (38,2 %). Дифференцирующими признаками в данном кластере являются профессиональный статус, возраст и образование.

Таким образом, в результате кластерного анализа мы выявили основные типы трудовой мобильности при принятии решения о перемене места работы. Обосновано, что заработная плата является одним из основных материальных стимулов, побуждающих работников к сохранению/изменению своего места работы. Однако значение нематериальных стимулов трудовой деятельности повышается с ростом образования респондентов и обогащением содержания их труда. Следовательно, помимо повышения заработной платы, которое не

всегда возможно по объективным причинам, в качестве механизмов оптимизации экономического поведения работников необходимо использовать меры, направленные на профессиональное развитие работника (профессиональное обучение, повышение квалификации, участие в обучающих семинарах и конференциях, в том числе за рубежом) и улучшение социальных и технико-организационных условий труда. Социологический анализ результатов исследования позволил обосновать определенную зависимость типов трудовой мобильности от типа экономического поведения (табл. 5).

Таблица 5. **Типы трудовой мобильности в зависимости от типа экономического поведения работников, %**

Типы трудовой мобильности	Типы экономического поведения работников		
	Профессиональный тип	Инструментальный тип	Избегательный тип
Мобильность, связанная с улучшением материального достатка	33,3	56,5	50,0
Мобильность, связанная с улучшением условий труда	18,6	20,8	50,0
Мобильность, связанная с повышением профессионального статуса	48,1	22,7	0
Всего	100	100	100

В результате проведения социологического исследования обосновано, что тип экономического поведения работников, являясь, с одной стороны, следствием удовлетворенности/неудовлетворенности определенными условиями труда, с другой стороны, выступает фактором, структурное построение которого (с выделением профессионального, инструментального и избегательного поведения), влияет на преобладание того или иного типа трудовой мобильности (мобильность, связанная с повышением профессионального статуса/улучшением материального достатка/улучшением условий труда).

Работники с профессиональным типом экономического поведения проявляют большую уверенность в возможности восходящей квалификационной (70,0 %) и должностной (46,2 %) мобильности, реже меняют место работы (14,9 %) или профессию (7,7 %). Такие работники проявляют свою трудовую активность не вне, а внутри предприятия, что выражается в интенсивной восходящей должностной мобильности (у 44,7 % работников повысился должностной статус за последние 5 лет). У работников с профессиональным типом экономического поведения преобладающим типом (48,1 %) трудовой мобильности является мобильность, связанная с повышением профессионального статуса. Работники с инструментальным типом экономического поведения проявляют меньшую уверенность в возможности восходящей квалификационной (54,0 %) или должностной (21,1 %) мобильности на предприятии, чаще говорят об отсутствии изменений в должностном статусе за последние 5 лет (69,0 %), что не мешает им проявлять трудовую активность вне предприятия: менять

место работы (25,8 %) или профессию (15,8 %), быть вовлеченными во вторичную занятость (29,8 %). Преобладающее (56,5 %) большинство работников с инструментальным типом экономического поведения проявляют трудовую мобильность, связанную с повышением материального достатка. Работники с избегательным типом экономического поведения чаще сталкиваются с нисходящей должностной мобильностью (у 14,3 % респондентов должностной статус понизился за последние 5 лет, это в 7 раз чаще, чем у работников с профессиональным типом экономического поведения), отрицают возможность повышения должностного статуса на предприятии (42,9 %), чаще проявляют неудовлетворенность работой (57,2 %), в большей степени ориентированы на уход с предприятия (28,6 % респондентов активно ищут новую работу, еще столько же думают о перемене места работы). У работников с избегательным типом экономического поведения выявлено два преобладающих типа трудовой мобильности: мобильность, связанная с улучшением условий труда (50,0 %) и повышением материального достатка (50,0 %). Однако таким работникам не свойственна трудовая активность вне предприятия: они реже вовлечены во вторичную занятость (13,5 %), проявляют невысокую готовность к обучению (26,3 %), повышению квалификации или профессиональной мобильности. Одним из декларируемых мотивов работника с избегательным типом экономического поведения является высокий заработок, однако в отличие от работников с инструментальным типом, готовых прикладывать активные усилия ради достижения своей цели, они не готовы к проявлению активности и стремятся минимизировать усилия и сократить потребности.

Таким образом, перевод авторского анализа влияния экономического поведения на трудовую мобильность работника в практическую плоскость реализации стратегии закрепления квалифицированных кадров на предприятии позволяет пересмотреть работу с кадровым составом, акцентировав ее на оптимизации экономического поведения работников с целью регуляции их трудовой мобильности, могут быть реализованы через сочетание разнообразного материального и нематериального стимулирования с проведением гибкой кадровой политики, учитывающей потребности работников и интересы производства, т. е. включающей такие элементы, как оценку удовлетворенности работника работой в целом и различными характеристиками условий труда в частности, оценку трудовой мотивации и оценку психологического климата в коллективе. Для уменьшения ориентаций работников на внешнюю трудовую мобильность рекомендуется дифференцировать социальные мероприятия по удержанию квалифицированных кадров с учетом типологических особенностей их экономического поведения. Для квалифицированных работников с профессиональным типом экономического поведения в первую очередь рекомендуется использовать меры, направленные на их профессиональное развитие (профессиональное обучение, повышение квалификации, курсы переподготовки, участие в обучающих семинарах и конференциях, в том числе за рубежом), так как реализация своих профессиональных способностей является основной ориентацией таких работников. С целью закрепления на пред-

приятии квалифицированных работников с инструментальным типом экономического поведения рекомендуется обратить особое внимание на использование материального стимулирования (ввести повышающие коэффициенты при формировании планового фонда оплаты труда, применять дифференцированные критерии оценки труда, позволяющие повысить заработную плату в первую очередь высококвалифицированным сотрудникам, обеспечить взаимосвязь личного трудового вклада и размера заработной платы), поскольку заработная плата в данном случае выступает в качестве своеобразной компенсации за недостаточные возможности для самореализации. Для квалифицированных работников с избегательным типом экономического поведения рекомендуется прежде всего осуществлять своевременный контроль качества выполняемых ими обязанностей, а также проводить планомерное улучшение социально-экономических и технико-организационных условий труда, поскольку именно неудовлетворенность данными видами условий труда формирует у выделенной категории работников ориентации на перемену места работы.

Литература

1. *Вайзе, П.* Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук / П. Вайзе // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 3. – С. 115–130.

2. *Грановеттер, М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 3. – С. 44–58.

3. *Димаджио, П.* Культура и хозяйство / П. Димаджио // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 3. – С. 45–65.

4. *Маршалл, А.* Принципы политической экономии: в 3 т. / А. Маршалл. – М.: Наука, 1983. – Т. 1. – 415 с.

5. *Радаев, В. В.* Что такое экономическое действие / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 18–25.

6. *Смелсер, Н.* Социологический подход к анализу хозяйства / Н. Смелсер, Р. Сведберг // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 4. – С. 43–61.

7. *Темницкий, А. Л.* Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения / А. Л. Темницкий // Социологические исследования. – 2007. – № 6. – С. 60–71.

8. *Хейне, П.* Экономический образ мышления / П. Хейне. – М.: Дело, 1991. – 701 с.

K. B. PALKHOUSKAYA

ECONOMIC BEHAVIOR AS A FACTOR OF LABOR MOBILITY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

In the article methodological approaches to analyzing economic behavior as a factor of labor mobility are studied. On the basis of sociological investigation the empirical typology of labor mobility in the process of decision making about labor mobility is revealed, economic behavior as a ternary factor structural construction of which (with differentiation professional, instrumental, avoiding behavioral types) influences on prevalence one or another type of labor mobility is studied.

Key words: economic behavior, labor mobility, interindustry mobility, labor conditions in the economic sector.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.22

А. В. МАРТИНКЕВИЧ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИНФОРСМЕНТ КАК ФОРМА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ И НАНИМАТЕЛЕМ В СИСТЕМЕ ТРУДОВОГО СПОРА

В статье анализируются ситуации принуждения работодателя к исполнению своих трудовых обязательств в отношении работника. На основе данных социологического исследования выявляется наиболее предпочтительная по оценкам работников форма защиты трудовых прав.

Ключевые слова: инфорсмент в сфере труда, работник, наниматель, трудовые права.

Довольно часто на практике случается так, что работник, несмотря на широкие законодательно закрепленные возможности в области труда, оказывается совершенно беззащитным в ситуации нарушения его трудовых прав, а организации-посредники, призванные охранять его трудовые права, «лишь на бумаге» могут разрешить сложившиеся противоречия в данной сфере. Именно на таких основаниях и возникает феномен «инфорсмента». При этом возникновение описанной ситуации и названного феномена как ее следствия во многом обусловливается спецификой рынка труда и готовностью социальных субъектов защищать свои интересы. Если рынок труда характеризуется либеральными интенциями, то риск нарушения нанимателем трудовых прав работника существенно выше, нежели в случае амбивалентных интенций. Готовность социального субъекта, чьи трудовые права нарушены, к защите во многом определяется знанием своих трудовых прав и законов, действующих в сфере труда, в зависимости от этого пути защиты нарушенных трудовых прав будут носить законный либо незаконный характер. Однако наряду с проблемой знания социальным субъектом трудового законодательства также возникает проблема эффективности его применения как социальными субъектами, чьи трудовые права нарушены, так и социальными субъектами-посредниками, призванными осуществлять надзор за соблюдением законодательства в той или иной сфере.

Возвращаясь к центральной категории данной статьи, следует отметить, что инфорсмент в сфере труда является формой трудовых отношений между нанимателем и работником, возникающей в результате правоизменяющего факта и заключающейся в принуждении работником нанимателя к соблюдению своих трудовых прав. При этом в зависимости от вписанности действий работника в процессе принуждения нанимателя к соблюдению своих трудо-

вых прав в правовую рамку инофрсмент в указанной сфере может выступать как в форме правоотношения, так и форме отношения, не основанного на праве. Категория «инфорсмент» берет свое начало в трудах российских авторов (Курбатова М. В., Апарина Н. Ф., Каган Е. С.). Согласно данным авторов, «использование английского термина «enforcement» в отечественной литературе по исследованию механизма принуждения к выполнению обязательств обусловлено отсутствием адекватного по своей лаконичности русского термина» [1, с. 48]. Инфорсмент в сфере труда может рассматриваться как часть целого и как целое, состоящее из частей.

Если рассматривать инфорсмент в сфере труда *как часть целого*, то следует отметить, что данный феномен является частью трудового конфликта.

Однако перед тем, как выделить инфорсмент в структуре трудового конфликта, следует определить понятие «трудовой конфликт». Следует отметить, что большинство определений данного понятия сводятся к тому, что «трудовой конфликт – разногласия между работодателями и работниками относительно оплаты, часов работы, условий труда, уровня укомплектованности персонала или безопасности труда» [2].

Если говорить о реальных практиках трудового конфликта, то следует обратиться к сфере юриспруденции, в частности, к такой отрасли права, как трудовое право, которое вместо понятия «трудовой конфликт» использует понятие «трудовой спор». Так, в Трудовом кодексе Республики Беларусь указанное понятие используется, однако его определение отсутствует. При этом в рамках ТК РБ трудовой спор представлен индивидуальным трудовым спором (глава 17 ТК РБ) и коллективным трудовым спором (глава 36 ТК РБ). Однозначного определения понятия «индивидуальный трудовой спор» в ТК РБ также нет, однако есть определение понятия «коллективный трудовой спор» (статья 377). Так, под коллективным трудовым спором понимаются «неурегулированные разногласия сторон коллективных трудовых отношений по поводу установления, изменения социально-экономических условий труда и быта работников, заключения, изменения, исполнения либо прекращения коллективных договоров, соглашений» [3, с. 189].

На основе вышесказанного представляется целесообразным выделить синтетическое определение понятия «трудовой спор», в котором будут учтены индивидуальные и коллективные аспекты. *Трудовой спор* – неурегулированные разногласия между работником и нанимателем по вопросам нарушения норм трудового права, прописанных в соответствующих нормативно-правовых документах, а также по вопросам нарушения условий коллективного договора, трудового договора с работником или контракта с работником, которые зафиксированы в специальных органах.

В трудовом споре, опираясь на модель, предложенную Бизюковым П. В., выделяются следующие стадии [4, с. 37]:

возникновение и накопление противоречий;

инцидент;

эскалация конфронтации;

результирующая стадия.

Суть *стадии возникновения и накопления противоречий* в рамках трудового спора заключается в том, что первоначальные действия одной из сторон трудовых отношений вносят изменения в сложившуюся систему трудовых отношений. При этом в данной случае важна степень осознания одной из сторон трудовых отношений, что ситуация изменилась. Осознание произошедших изменений запускает процесс фиксации меры накопленного противоречия, который после достижения пиковой точки приводит к возникновению инцидента. Так, по актуальным данным Министерства юстиции Республики Беларусь, в качестве первоначальных действий нанимателя, запускающих механизм трудового спора, выступают «неисполнение отдельными нанимателями положений коллективных договоров в части соблюдения установленных норм продолжительности рабочего времени, сроков выплаты среднего заработка за время трудового отпуска, обеспечения работников средствами индивидуальной защиты, согласования с профсоюзом вопросов установления и применения форм, систем и размеров оплаты труда, повышения тарифной ставки первого разряда, своевременного перечисления на счета профсоюзов удержанных из заработной платы работников профсоюзных взносов» [5].

Несколько иная ситуация возникает, если одна из сторон трудовых отношений (в данном случае работник) не осознает факт возникновения противоречий и, следственно, не предпринимает никаких действий для их устранения. Как отмечает Бизюков П. В., «в этом случае работник наиболее уязвим, так как он не сумел никак подготовиться к прямому столкновению в рамках инцидента … из-за пропущенного времени, первоначальной растерянности и т. д.» [4, с. 39].

При этом в конце данной стадии, т. е. когда процесс накопления противоречий достигает пиковой точки, работник встает перед выбором между следующими стратегиями:

1. Стратегия «бегства». В основе данной стратегии лежит предпочтение работника поменять место работы в случае нарушения нанимателем его трудовых прав. Этот вариант автоматически выводит работника из ситуации противоречия с работодателем. Однако основной недостаток данной стратегии заключается в том, что у работника не всегда есть возможность сменить место работы (к примеру, по причине отсутствия отдельных вакансий на рынке труда, возраста работника и т. д.).

2. Стратегия «конформизма». Выбор данной стратегии предполагает то, что работник в случае нарушения его трудовых прав нанимателем не будет предпринимать каких-либо действий и продолжит осуществлять свои функции в качестве работника, мирясь с любыми лишениями. Основной недостаток данного пути заключается в том, что трудовое поведение работника может претерпеть серьезные деформации, которые оказывают исключительно негативное влияние на динамику развития работника, а в итоге и на дина-

мику развития всей организации (в случае массовой деформации трудового поведения работников организации). Шаталова Н. И. выделяет следующие деформации, описание которых становится актуальным, в случае если работник решает избрать указанный путь поведения [6, с. 26]:

Рестрикционизм (от лат. *restriction* – ограничение), под которым понимается минимизация производительности труда. В данном случае речь идет о том, что работник, столкнувшийся с нарушением своих трудовых прав и по каким-либо причинам выбравший указанную стратегию, принимает решение «работать с прохладцей», чтобы компенсировать, с его точки зрения, произошедшую несправедливость.

Боязнь самовыражения, которая проявляется в том, что работник, желая избежать возможных проблем с нанимателем, перестает открыто выражать свою точку зрения. Стремление снять с себя ответственность за принятие решения, боязнь нового, необычного, требующего нестандартного подхода, постепенно приводит к профессиональной и личностной деградации работника. Так, К. Альдерфер, используя богатый эмпирический материал, показал, что «при подавлении потребности в самовыражении идет регрессия системы потребностей, т. е. усиливается степень действия потребностей более низкого уровня» [7, с. 54–67].

3. Стратегия «наступления и обороны». Данная стратегия предполагает то, что работник начинает отстаивать свои трудовые права, принуждая нанимателя к их соблюдению различными способами. Данная стратегия не зря содержит в своем названии такие категории, как «наступление» и «оборона», так как обе стороны трудового спора пытаются воздействовать друг на друга различными способами. Именно с выбором работником этой стратегии поведения в случае нарушения нанимателем его трудовых прав начинается реализация такой формы трудовых отношений между ними, как инфорсмент. Далее уже в рамках инфорсмента наступает следующая стадия трудового спора – инцидент.

Если реализация стадии возникновения и накопления противоречий не предполагает активных действий как со стороны работника, так и со стороны нанимателя, то стадия *инцидента* полностью основывается на таких действиях. Однако следует подчеркнуть, что инцидент нацелен больше на демонстрацию сторонами трудового спора своих намерений и возможностей, нежели на оказание непосредственного воздействия для принуждения к тем или иным действиям. Можно выделить два вида инцидентов, в основе которых лежат как формальные, так и неформальные способы принуждения и давления:

1. те, которые инициируются нанимателем;
2. те, которые инициируются работниками.

Так, формально наниматель может оказывать давление на работника путем создания локальных нормативных актов – приказов, положений об оплате труда, трудовой нагрузке. К примеру, в контексте контрактной системы найма в Республике Беларусь существовала практика «перевода» на контракты с бес-

срочного трудового договора по процедуре изменения существенных условий труда под угрозой увольнения по п. 5 ст. 35 Трудового кодекса Республики Беларусь. Однако необходимо отметить существование таких принципов трудового права, как запрет принудительного труда и свободы трудового договора. Наниматель, переводя работника на контракт, под угрозой возможного увольнения фактически лишал последнего выбора как в определении вида трудового договора, так и в определении его содержания.

Во многом успешность использования таких методов работодателем определяется уровнем правосознания работника, что предполагает хотя бы минимальное знание основ трудового законодательства. Наряду с формальными способами работодатель может применять и неформальные способы. К примеру, различные формы психологического давления на работника, изготовление «компромата» и т. д.

Работник также может применить к работодателю, нарушающему его трудовые права, формальные и неформальные способы воздействия, которые входят в область значения понятия «инфорсмент». Однако успешность правоприменения, как уже говорилось в данной работе, во многом определяется уровнем правосознания работника, а также его волевыми качествами.

Если же работник после всех инцидентов, с которыми он столкнулся в ходе конфликтного взаимодействия с нанимателем, решает продолжить реализацию стратегии «наступления и обороны», то наступает следующая стадия трудового спора, называемая эскалацией конфронтации.

Стадия эскалации конфронтации, в отличие от стадии инцидента, «нацелена не на конкретное трудовое противоречие, а на борьбу за социальные позиции в пространстве трудовых отношений» [4, с. 46]. С точки зрения нанимателя, любые намерения работника защитить свои права являются проявлением бунта, покушением на власть. Если говорить о работнике, то, как правило, вначале наблюдается попытка объясниться с работодателем по поводу возникшего противоречия. Следующим шагом работника может стать попытка привлечь коллег к совместным действиям. В случае если это удается, то противостояние работодателю переходит из индивидуальной формы в коллективную. Как в случае провала в вовлечении коллег в трудовой спор, так и в случае превращения трудового спора из индивидуального в коллективное конфронтационное взаимодействие между нанимателем и работником (работниками) переходит на внешний уровень. Внешний уровень трудового спора предполагает вовлечение в него специальных организаций-посредников, деятельность которых регламентируется соответствующей отраслью законодательства.

Результирующая стадия трудового спора предполагает то, что его стороны, добившись или не добившись своих целей, прекращают какие-либо действия в отношении друг друга. Переводя данный тезис в плоскость инфорсмента, следует отметить, что для работника основными причинами отказа от борьбы могут стать следующие [4, с. 69]:

1. *Связана с невозможностью отстоять свои претензии.* К примеру, работник, который несколько раз обращался в суд с целью отстоять нарушен-

ные работодателем свои трудовые права, не выиграл ни одного судебного заседания и, соответственно, потерял дальнейший стимул для борьбы.

2. *Связана с тем, что ситуация противоречия затягивается (по инерции), хотя позиции участников уже стабилизировались.* В рамках данной причины можно обозначить две ситуации, ее порождающие: во-первых, имеется решение суда, на основании которого наниматель, нарушивший трудовые права работника, обязан удовлетворить исковые требования данного работника, подавшего на него в суд, однако в силу различных причин решение суда не выполняется; во-вторых, наниматель, нарушивший трудовые права работника, затягивает рассмотрение дела в суде, используя различные возможности.

3. *Связана с частичным удовлетворением претензий сторон.* В данном пункте речь идет о том, что стороны трудового спора пришли к компромиссу. Однако, как отмечают эксперты, «частичное удовлетворение требований происходит тогда, когда претензии сторон касаются денег … гораздо тяжелее искать компромисс в вопросах увольнения, так как увольнение нельзя отменить наполовину» [4, с. 71].

4. *Связана с полным удовлетворением работником своих претензий в отношении нанимателя.*

Если рассматривать инфорсмент в сфере труда *как целое, состоящее из частей,* то следует выделить ключевые элементы инфорсмента, входящие в его тектонику. Среди них:

1. работник (работники);
2. наниматель;
3. специальные организации в области трудового законодательства;
4. причина конфронтации между работником и нанимателем.

Ключевая роль в структуре инфорсмента принадлежит работнику, который идентифицирует неправовую трудовую практику нанимателя и пытается воздействовать на него различными способами с целью исправления ситуации. Использование тех или иных способов работником с целью принуждения работодателя соблюдать его трудовые права зависит от уровня детализации (превалирования эксплицитной стороны над имплицитной) письменного соглашения между работником и нанимателем, а также уровня правосознания работника. Так, если у работника достаточно высокий уровень правосознания и письменное соглашение между ним и нанимателем детализировано на высоком уровне, то для принуждения нанимателя к соблюдению трудовых прав будут использоваться формальные способы, среди которых можно выделить следующие:

1. **Обращение в специальную организацию, способную защитить трудовые права работника.** Среди таких организаций можно выделить следующие:

1.1. профсоюз;

1.2. Государственная инспекция труда (под началом Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь);

1.3. судебная система.

Если сравнить профсоюз, ГИТ и суд, то следует отметить, что профсоюз является «внутренней» организацией (т. е. функционирующей на базе определенного предприятия), в отличие от суда и ГИТ, которые обладают статусом «внешних» организаций. Однако статус «внутренней» организации в данном случае может обусловить абсолютную неэффективность профсоюза, которая связана с тем, что на должность профсоюзных активистов назначаются лица из числа работников и служащих предприятия, находящихся по отношению к администрации предприятия в подчинительных отношениях. В случае возникновения трудового спора администрация способна оказать давление на конкретных профсоюзных активистов, снизив тем самым эффективность их деятельности при защите интересов работников предприятия. Немаловажным является и то, что обращение в профсоюз, равно как и в ГИТ, за помощью является абсолютно бесплатным (не считая ежемесячных взносов с каждого члена профсоюза) в отличие от суда, который требует уплаты государственной пошлины за рассмотрение искового заявления работника.

1. **Самоинфорсмент.** Данный способ принуждения нанимателя к соблюдению нарушенных трудовых прав работника основан на самостоятельных действиях работника, но в рамках норм права. Следует отметить, что осуществление работником самоинфорсмента в Республике Беларусь весьма затруднено в силу отсутствия правовой регламентации действий, связанных с данным способом принуждения работодателя к соблюдению трудовых прав работника. Так, в Трудовом кодексе Республике Беларусь нет отдельных глав, посвященных самостоятельной защите работниками своих трудовых прав в случае их нарушения нанимателем. Однако существует п. 6 статьи 222, в соответствии с которым работник может отказаться от выполнения порученной работы в случае непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих до устранения этой опасности, а также при непредоставлении ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда [3, с. 115]. Если рассматривать самоинфорсмент в русле коллективного трудового спора, то в соответствии со статьей 379 Трудового кодекса Республики Беларусь работники в случае возникновения конфронтации с нанимателем могут письменно изложить свои требования нанимателю, который должен их рассмотреть и в письменной форме не позднее чем в десятидневный срок со дня их получения уведомить работников о своем решении [3, с. 189]. Также Трудовой кодекс Республики Беларусь регламентирует порядок проведения работниками такой формы коллективного самоинфорсмента, как забастовка (статьи 388–399 ТК РБ).

Если же у работника достаточно низкий уровень правосознания, и/или письменное соглашение между ним и нанимателем имеет низкий уровень детализации, то высока вероятность применения работником неформальных способов по принуждению нанимателя к соблюдению нарушенных трудовых прав (*самозащита*). Сущность данных способов заключается в том, что они не регламентируются нормами права, поэтому, применяя их, работник рискует

понести ответственность в соответствии с действующим законодательством (уголовную, административную, дисциплинарную, гражданскую). К действиям работника в рамках самозащиты можно отнести следующие:

1. распространение оппортунистических практик поведения: уход в отпуск по болезни, распространение в коллективе негативной информации о работодателе, угрозы работодателю физической расправой, порча оборудования, инструментов и иного имущества предприятия, оскорбление работодателя в различных формах и т. д.;
2. угроза разрыва контракта с работодателем;
3. игнорирование решения руководства;
4. обращение к неформальным посредникам (СМИ, влиятельные знакомые).

Выявить предпочтения работников в выборе тех или иных способов принуждения работодателя к соблюдению нарушенных трудовых прав, а также самые распространенные причины возникновения конфронтации между работником и нанимателем позволяют данные, полученные в ходе социологических исследований.

Так, в ноябре–феврале 2010–2011 гг. отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси было проведено исследование «Проблемы эффективного управления трудовыми коллективами на предприятиях электроэнергетической отрасли промышленности Республики Беларусь». Данное исследование было проведено под научным руководством профессора Г. Н. Соколовой, где автор является участником исследования с блоком вопросов по инфорсменту по теме диссертации Е. Б. Палховской. В исследовании, сформированном по квотно-пропорциональной выборке, было опрошено 510 человек. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, составила +/–5 %. Репрезентативность выборки позволяет экстраполировать данные выборочного исследования на генеральную совокупность – работников электроэнергетической отрасли.

Результаты проведенного исследования показали, что 28,6 % работников отметили, что сталкивались с ситуацией нарушения их трудовых прав. Чаще других категорий респондентов с нарушением трудовых прав сталкивались рабочие (до 44,4 %) (табл. 1).

Таблица 1. **Ситуации нарушения трудовых прав работников, %**

Сталкивались ли Вы с ситуацией нарушения Ваших трудовых прав?	Руководитель	Специалист и служащий	Рабочий	Всего
Да	22,2	29,7	44,4	28,6
Нет	77,8	70,3	55,6	77,4

Большинство респондентов (51,9 %) не обращались за помощью третьих лиц в ситуации нарушения их трудовых прав, так как не верят в эффективность подобных обращений. 19,9 % обращались за помощью, но это не помогло;

еще 16,7 % респондентов получили необходимую помощь, и это помогло разрешить сложную ситуацию. Чаще других категорий респондентов о фактах полученной помощи говорят руководители (до 100 %). Рабочие, напротив, чаще других социально-профессиональных групп не верят в успех при обращении за помощью в ситуации нарушения трудовых прав.

Необходимо отметить, что 26,1 % респондентов в процессе защиты своих трудовых прав обращались за помощью в свой трудовой коллектив или профсоюз. 6,5 % прибегали к помощи влиятельных знакомых или родственников. Лишь 4,3 % работников в процессе защиты своих трудовых прав обращались в государственную инспекцию труда, в региональные и местные органы власти или в суд обращались 3,3 %.

При ответе на вопрос «Какая организация способна наиболее эффективно защитить ваши трудовые права?» мнения респондентов распределились следующим образом: 35,3 % работников считают, что такой организацией является суд; 23,1 % полагаются на государственную инспекцию труда; 15,6 % – на профсоюз; 0,6 % считают, что для защиты трудовых прав можно использовать СМИ. Однако 25,4 % работников не верят в эффективность ни одной из вышеназванных организаций (рис. 1). Наиболее часто данную позицию выбирали специалисты (31,9 %), служащие (41,2 %) и квалифицированные рабочие (41,2 %). 34,7 % считают, что использование влиятельных родственников, знакомых может быть эффективным в разрешении ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав. Чаще других категорий респондентов данный способ решения вопросов предпочитают руководители высшего звена (55,5 %).

Респондентам было предложено выбрать, какая организация, по их мнению, способна помочь при возникновении конкретных проблем в обеспечении трудовых прав. Были получены следующие результаты: большинство респондентов будут обращаться в *суд* при необходимости возврата денежных средств, удержанных из зарплаты (55 %); обеспечении защитой в случаях увольнения или сокращения (45 %). Большинство работников предпочтут обратиться в *Государственную инспекцию труда* при необходимости обеспечения рабочим местом, соответствующим трудовым нормам (48,5 %); при несоблюдении на предприятии безопасности во время труда (60 %). В *профсоюз*

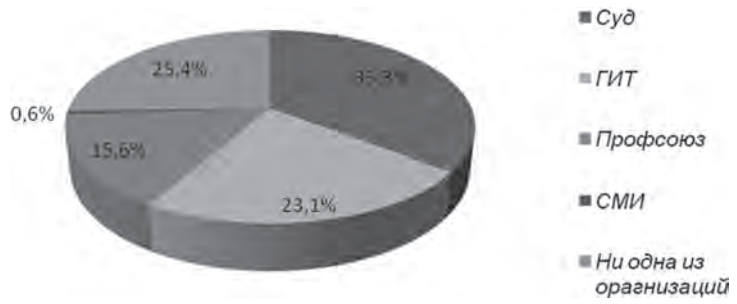


Рис. 1. Оценка работниками эффективности организаций, способных защитить трудовые права, %

работники считают необходимым обращаться при решении следующих проблем: обеспечении установленного Трудовым кодексом режима труда и отдыха (55,4 %); обеспечении выплат положенных компенсаций, премий, зарплаты в положенные сроки и в положенных размерах (46,4 %); обеспечении спецодеждой, специальной обувью, средствами индивидуальной защиты (51,9 %).

Следует отметить, что профсоюз выступает в качестве посредника при разрешении большинства ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, однако эффективность его действий при разрешении данных ситуаций очень низкая. В ходе анализа были скоррелированы два вопроса – «Обращались ли Вы за помощью в профсоюз в процессе защиты Ваших трудовых прав?» и «Какая организация наиболее эффективно способна защитить Ваши трудовые права?». Из первого вопроса наибольший интерес представляла позиция «да». Из второго вопроса – позиция «профсоюз». Следует отметить, что в первом вопросе идет речь о действии в случае определенных (преимущественно негативных) обстоятельств, а во втором – о результате действия и его последующей оценки. Как уже отмечалось, 26,1 % респондентов в процессе защиты своих трудовых прав обращались за помощью в профсоюз. Результаты корреляционного анализа показали, что менее одной пятой (16,7 %) респондентов, которые обращались за помощью в профсоюз при защите своих трудовых прав, считают указанную организацию наиболее эффективным посредником. Среди всех опрошенных процент тех, кто обращался в профсоюз в ситуации нарушения их трудовых прав и считает, что данная организация-посредник является наиболее эффективной при защите нарушенных трудовых прав, составляет 4,3 %. При этом следует отметить, что именно профсоюз является организацией, максимально приближенной в юридическом и пространственном плане к работнику.

Большинство респондентов (59,2 %) в ситуации разрешения своих трудовых прав наиболее эффективным считают самостоятельное урегулирование проблем, используя свои знания о трудовых правах и обязанностях. 32 % работников при нарушении их трудовых прав эффективным считают отказ от работы; 6,3 % – угрозы руководству; 2,4 % – игнорирование указаний руководства (рис. 2).

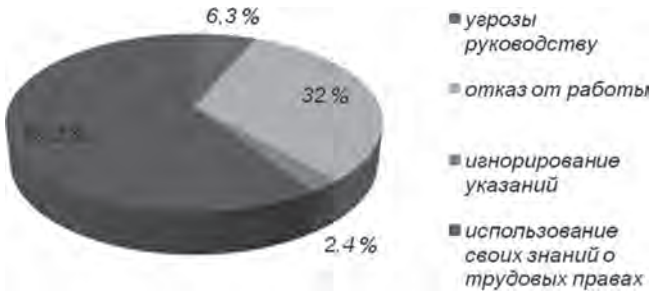


Рис. 2. Оценка работниками способов самостоятельного разрешения ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, %

Чаще других категорий респондентов отказ от работы и угрозы администрации в качестве методов разрешения ситуаций, связанных с нарушением трудовых прав, выбирают рабочие.

Таким образом, инфорсмент является неотъемлемой частью трудового спора и выступает как форма трудовых отношений между нанимателем и работником, возникающая в результате правоизменяющего факта. В основе данной формы трудовых отношений лежит реакция работника на неправовую трудовую практику нанимателя с последующими действиями по его принуждению к соблюдению трудовых прав работника. Процессуально данный феномен начинается с момента возникновения инцидента между нанимателем и работником. При этом особую значимость представляет то, какими способами работники предпочитают отстаивать нарушенные нанимателем трудовые права. Так, проведенное социологическое исследование показало, что наиболее часто выбираемым способом защиты трудовых прав среди опрошенных респондентов является самоинфорсмент (более 50 % респондентов). Среди организаций-посредников, способных наиболее эффективно защитить трудовые права, опрошенные работники выделяют суд (35,3 %). Однако большинство респондентов при возникновении трудового спора обращались в профсоюз или трудовой коллектив. При этом предпочтение профсоюза в качестве посредника при решении трудового спора не является показателем веры в его эффективность. Об этом свидетельствуют результаты корреляционного анализа, которые показали, что менее одной пятой респондентов, которые использовали профсоюз при защите своих трудовых прав, считают данную организацию эффективной. Примечательно и то, что лишь 15,6 % респондентов верят в эффективность деятельности профсоюза, что согласуется с данными исследования, проведенного социологическим центром ООО «Зеркало-Инфо» в 2010 г. (11,5 % респондентов отметили профсоюз как общественное объединение, соответствующее их интересам; объектом исследования выступили жители Республики Беларусь от 18 лет и старше; объем выборки – 1502 человека; выборка сформирована квотно-пропорциональным методом; предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95 %-ной вероятностью, не превышает ±5 %) [8].

Литература

1. *Курбатова, М. В.* Выбор работниками способов защиты своих трудовых прав / М. В. Курбатова, Н. Ф. Апарина, Е. С. Каган // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 48.

2. Словари и энциклопедии на Академике. – Минск, 2000. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/22581. – Дата доступа: 15.08.2012.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г: текст Кодекса по состоянию на октябрь 2009 г. – Минск: Амалфея, 2009. – 236 с.

4. *Бизюков, П. В.* Индивидуальные трудовые конфликты: Могут ли работники защитить свои права в одиночку / П. В. Бизюков. – М.: Центр социально-трудовых прав, 2011. – 124 с.

5. Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Система юстиции в Республике Беларусь. Минск, 2007–2011. – Режим доступа: http://www.minjust.by. – Дата доступа: 05.02.2012.

6. *Шаталова, Н. И.* Деформация трудового поведения работника / Н. И. Шаталова // Социологические исследования. – 2000. – № 3. – С. 26–32.

7. *Alderfer, C.* Existence, Relatedness, and Growth: Human needs in Organizational Settings. The Free Press, 1972. – P. 54–67.

8. Прафсаюзны рух Беларусі. Интернет ресурс. – Минск, 2008. – Режим доступа: http://praca-by.info/cont/art.php?sn_nid=4138. – Дата доступа: 15.08.2012.

A. V. MARTIKEVITCH

ENFORCEMENT AS A FORM OF LABOUR RELATIONS BETWEEN EMPLOYER AND EMPLOYEES IN THE SYSTEM OF LABOUR DISPUTE

Summary

In the article the situation of enforcement practices used by employees for their defense are analyzed. On the basis of the results of sociological research the most preferable form of defense employees' labour rights is revealed.

Keywords: enforcement in the labour sphere, employee, employer, employment rights.

Поступила 24.10.2012 г.

УДК 316.334.2:331.54

Ю. С. НАЗАРЕНКО,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обосновывается актуальность образования как инструмента адаптации в процессе профессионального развития. Показано, что компетентностный подход в образовании является действительным механизмом, позволяющим минимизировать риски, и способом успешной адаптивности работника. Отражена роль непрерывного образования, которое способствует адаптируемости работника к изменяющимся условиям его профессиональной деятельности и успешному карьерному росту.

Ключевые слова: вертикальная профессиональная мобильность, профессиональная адаптация, адаптивность, риски, образование, компетентностный профиль, ключевые компетенции, профессиональный рост, карьерный рост.

В современном мире происходят фундаментальные социально-экономические, политические, экологические и социокультурные изменения, сопровождающиеся усилением неопределенности, непредсказуемости происходящих явлений и процессов. Снижается возможность прогнозирования не только дальнего, но и ближайшего будущего, что привносит элементы неопределенности и рискованности и на уровень повседневной деятельности человека. Таким образом, риск является неотъемлемым атрибутом деятельности человека в любой сфере.

В свою очередь, со стороны компаний и организаций к современному работнику выдвигаются требования в постоянной активной адаптации. Человек должен уметь работать по-новому, осуществлять профессиональное развитие, приобретать новые знания и умения (т. е. должен уметь «смотреть вперед»). Он должен иметь соответствующее образование, быть инициативным, обладать высоким творческим потенциалом, способным принимать решения в нестандартных ситуациях, что будет повышать его конкурентоспособность как внутри организации, так и на рынке труда. Все перечисленные характеристики являются критериями, соответствие которым дает работнику возможность постоянной успешной адаптации. Однако в действительности многие сотрудники испытывают проблемы в процессе адаптации к изменяющимся условиям и вызовам деятельности, что снижает их производительность труда и потенциал карьерного роста.

Многие отечественные ученые [1–3] рассматривают вопросы профессиональной адаптации работника. Основное внимание они уделяют адаптации

работника на первом рабочем месте, т. е. сразу по окончании вуза. Однако наше исследование рассматривает данный феномен в динамике. Обращается внимание на то, что работник постоянно сталкивается с вопросами адаптации (приходя на первое рабочее место, изменяя или усложняя его либо уходя в другую профессию). Поэтому существует потребность изучения данного феномена и анализа тех рисков, с которыми будет связан данный процесс.

В работе будет показана специфика института образования как инструмента борьбы и преодоления/предупреждения рисков, возникающих в процессе адаптации работника в ходе профессиональной вертикальной мобильности.

Базовая гипотеза исследования – динамика вертикальной профессиональной мобильности – зависит от качества образования. Под *вертикальной мобильностью* в исследовании понимаются процессы профессионального и карьерного роста работника. *Карьерный рост* – процесс достижения и смены определенной позиции в иерархии должностей (формальная). Под *профессиональным ростом* мы понимаем процесс достижения и смены определенной позиции (статуса) в профессиональном сообществе. В такой ситуации действует механизм профессионального признания со стороны организации внутри данной профессиональной группы (награды, рейтинги и др.). Динамика профессиональной мобильности определяется адаптивностью человека. Адаптационный процесс непрерывно происходит в моменты входа, пребывания и/или выхода из позиции или профессии – *структура карьерной лестницы.*

Адаптивность – способность предвидеть, предупреждать и управлять рисками. Адаптивность работника/сотрудника зависит от конкретного компетентностного профиля, требуемого на соответствующих должностных позициях. *Образование* понимается не в узком смысле – получение узкоспециальных компетенций, а в широком – формирование компетентностного набора, т. е. приобретение ключевых компетенций. Образование понимается не столько как результат получения знаний по определенной профессии, а скорее как горизонт личностного и профессионального развития и самосовершенствования, наличия широкого набора компетенций, а также стремления к самообразованию.

Необходимо обратить внимание на различение понятий «адаптация», «адаптируемость» и «адаптивность». Понятие адаптивности мы рассмотрели несколько ранее. Рассмотрим понятие адаптации. В социологии социальную адаптацию определяют как «процесс приспособления, освоения, как правило активного, личностью или группой новых для нее социальных условий или социальной среды» [4, с. 461]. Адаптация здесь рассматривается как процесс, в свою очередь результатом данного процесса является адаптируемость. Можно говорить о двух формах социальной адаптации: «активной, когда индивид стремится воздействовать на среду с тем, чтобы вызвать реакцию изменения (в том числе тех норм, ценностей, форм взаимодействия и деятельности, которые он должен освоить), и пассивной, конформной, когда он не стремится к такому воздействию и изменению» [4, с. 462], а просто приспосабливается к существу-

ющим условиям. В нашем исследовании мы опираемся на понятие активной социальной адаптации, что выражается в стремлении работника к достижению более высокой профессиональной позиции, которая достигается в процессе профессиональной вертикальной мобильности.

Существуют различные варианты соответствия/несоответствия должностной позиции и компетентностного профиля. Встречаются рисковые ситуации, когда работник в организации занимает должность, для которой у него более высокий компетентностный профиль. В такой ситуации работник не удовлетворен текущей ситуацией и желает улучшения/повышения своей должностной позиции. Следует также обратить внимание на противоположные ситуации – риски «кредитного» поведения со стороны организации, т. е. компетентности в данный момент у работника не достаточно для занятия определенной должности, но работодатель позволяет занимать данную позицию с перспективой быстрой адаптации и доучивания. И та и другая ситуация не лучший пример соотношения компетентностного профиля и должностной позиции. Идеальным и должным вариантом является полное соответствие этих профилей. Встречаются случаи полного несоответствия должностной позиции и компетентностного профиля работника – когда работник полностью не соответствует своей должности. Результатом данного типа поведения являются неопределенные последствия как для работника, так и для всей организации, так как способствуют возникновению рисков в процессе профессиональной деятельности работника, имеющие неблагоприятные последствия.

Кроме компетентностного профиля значимую роль для определения успешности вертикальной профессиональной мобильности играет *аксиологический* профиль. Ценностный набор служит ориентиром возможной успешной или неуспешной адаптации в процессе карьерного и/или профессионального роста. В профессии можно выделить активных, пассивных и средних по адаптивности работников. Опираясь на исследование, проведенное сектором социокультурных инноваций Института социологии НАН Беларуси, можно отметить, что жизненная (ценностная) позиция человека способна влиять на его профессиональную стратегию. «Чем активнее социокультурная позиция индивида или социальной группы, тем выше экономический статус…» [Цит. по: 5, с. 34]. Аксиологический профиль позволяет определять возможный вариативный профессиональный предел человека. Соотношение компетентностного и аксиологического профилей, а также образования, вертикальной профессиональной мобильности и адаптивности отражены на рисунке. Влияние образования на вертикальную профессиональную мобильность раскрывается как влияние компетентностного профиля на адаптивность работника; аксиологический профиль, в свою очередь, задает рамочное влияние на все эти элементы (задает стратегическое направление и «естественный потолок» возможной мобильности и адаптивности работника, так как определяет ценностные ориентации в образовании и профессиональной деятельности).

Как отмечено выше, образование является одним из институтов, который способствует анализу и преодолению/предупреждению рисков внутри орга-

Факторы вертикальной профессиональной мобильности

низации на микроуровне. Сегодня актуален взгляд на образование не только как на обучение и подготовку специалистов под определенную узкую сферу деятельности, но и как на широкое образование человека, который способен к творческой инициативе и самостоятельности, способен успешно и оперативно адаптироваться в новых ситуациях и контекстах деятельности, а в конечном итоге – быть конкурентоспособным и мобильным работником. Учитывая это, современные стратегические доктрины прогресса передовых стран мира базируются на принципах развития человеческого потенциала и капитала. По мере перехода от развития, основанного на использовании преимущественно человеческих способностей (физического труда) к развитию, основанному на использовании культурного и интеллектуального потенциала личности, роль образования непрерывно возрастает и становится доминирующей. Главная задача образования в подготовке не узкоспециализированного специалиста (базовая компетентность), а специалиста, обладающего вместе со знаниями по выбранной профессии также рядом компетенций (ключевых), которые позволяют соответствовать требованиям, предъявляемым со стороны современной информационной экономики. Выражением этого требования и является компетентностный подход в образовании, выделяющий ряд ключевых компетенций, формированию которых придается особое значение в подготовке специалистов [6, с. 33]:

1. коммуникация на родном языке;
2. коммуникация на иностранных языках;
3. математическая компетенция и базовые компетенции в области науки и технологий;
4. компетенция в сфере информационных технологий;
5. умение учиться;
6. социальная и гражданская ответственность;
7. инициативность и предприимчивость;
8. знание культуры и выражение культурной принадлежности.

В своей работе, рассматривая ключевые компетенции, мы первые две компетенции определяем как «лингвистическую», третью и четвертую называем «информационной», шестую и седьмую объединяем в блок «гражданско-политическая», последнюю определяем как «межкультурную», а также дополняем классификацию управленческой, риторической и коммуникативной компетенциями. Что касается пятой компетенции «умение учиться», то, на наш взгляд, она определяет весь образовательный потенциал человека, и мы не считаем необходимым ее выделять именно как ключевую. Она особенно актуальна, как объемлющая рамка компетентности, которая является основой формирования и развития всех остальных ключевых компетенций, а также способствует формированию успешной адаптивности работника и его профессиональному росту и успеху.

Следует отметить, что ключевые компетенции закладываются рано, начиная с дошкольного возраста. Это позволяет более расширенно трактовать профессиональную социализацию. Согласно П. Бергеру и Н. Лукману, в процессе вторичной социализации усваивается институциональный контекст, а также вторичная социализация происходит с помощью дополнительных (вспомогательных) средств. По мнению авторов, образование является такого рода вспомогательным средством [7, с. 236]. «Вторичная социализация есть приобретение специфическо-ролевого знания, когда роли прямо или косвенно связаны с разделением труда» [Цит. по: 7, с. 225]. Этот этап характеризуется формированием у человека включения человека в трудовые отношения. Обратим внимание, что нами используемое понятие «адаптации» П. Бергер и Н. Луман называют вторичной социализацией. Также отметим, что процесс вторичной профессиональной социализации (адаптации) – это длящийся процесс в ходе вхождения в разного рода профессиональные деятельности.

Приобретение человеком компетенций происходит на разных этапах социализации, что происходит посредством профессиональной ориентации или формирования призвания к профессии. Так, например, лингвистическая компетенция приобретается на ранних этапах социализации. В семье и в дошкольных учреждениях детей обучают иностранным языкам в самом общем виде. Затем в школе знаниевый опыт подкрепляется новой информацией и формируются стойкие знания по предмету. ИТ-компетенция также приобретается на начальном этапе социализации (семья), затем развивается и углубляется в школе, университете, на работе. Интересно, что в грузинских школах подарком школьникам на 1 сентября является персональный компьютер (notebook) [8]. Формирование этих и других навыков дает возможность с раннего детства развивать включенность детей в развитие компетенций, пригодных для подготовки в множество профессий, а также развитию более широкого кругозора (мировоззрения). Проходя следующие этапы социализации, приобретенные ранее компетенции углубляются и развиваются, трансформируясь и включаясь в «специализированные» профессиональные знания, умения. Важно отметить эволюционный характер современного образования, что проявляется в его не-

прерывности, когда предметы присутствуют на всех этапах образовательного процесса (от школы до вуза).

Исходя из общей теории социализации существует множество агентов социализации, которые помогают адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности человека. Аналогичная ситуация и с агентами профессиональной социализации: они меняются на каждом этапе профессионального пути. Несомненно, что главными направляющими в образовании ребенка являются агенты первичной социализации и в особенности родители. Именно им принадлежит роль рассмотрения способностей ребенка и первичной ориентации в выборе профессии. Задача агентов профессиональной социализации состоит в формировании компетентностного профиля человека. Таким образом, профессиональная социализация выходит за рамки традиционной профессиональной подготовки и расширяется до самых ранних этапов формирования компетенций, включенных в профессиональный канон любой современной профессии.

В такой ситуации важно обратить внимание на природу рисков, с которыми люди сталкиваются в профессиональном развитии. Они начинаются в раннем детстве и продолжаются весь профессиональный путь человека. Некоторые становятся актуальными сейчас и спустя некоторое время теряют актуальность. В нашем исследовании мы предприняли попытки классифицировать риски, характерные для разных периодов профессиональной социализации человека, и рассмотреть задачи, адекватные этим периодам. Также приводится перечень ключевых компетенций, с помощью которых данные риски минимизируются, а в некоторых случаях вовсе предупреждаются (табл.).

Управление и предупреждение рисков – достаточно сложный процесс, в котором задействован комплекс разных компетенций, обладающих синергетическим эффектом. В дальнейшем планируется проведение эмпирического социологического исследования, демонстрирующего общее и частное влияние аксиологического и компетентностного профилей на профессиональную успешность и мобильность работника.

Ключевым выводом статьи является тот факт, что именно образование, и в частности компетентностный подход, является достаточным инструментом, способствующим минимизации и предупреждению рисков адаптации в процессе вертикальной профессиональной мобильности. Главный интерес и потребность работника – профессиональный (карьерный) рост. Как было отмечено выше, под профессиональным ростом мы понимаем достижение формального или неформального признания профессионализма сотрудника, которое подкрепляется повышением в должности (доходе) или признанием в профессиональном сообществе (награды, рейтинги).

Для успешного профессионального пути (роста и/или карьеры) работнику необходим достаточный уровень образования, полученный в вузе и в процессе самообразования по профессии (базовый набор компетенций), так и отличное владение набором ключевых компетенций, которые в совокупности позволяют быстро и легко адаптироваться к потребностям рынка труда

и соответственно достигать качественного профессионального роста. Это происходит в процессе непрерывного образования, которое способствует формированию новых знаний, помогает двигаться по карьерной лестнице, получать признание и удовлетворение от профессии.

Профессиональные риски в профессиональной социализации человека

Период	Задачи	Риски	Компетенции
Предпрофессиональное образование	профессиональная ориентация	дезориентация профессионального поля недостаточная мотивация выпадение из образовательного процесса (остаться на второй год, забрать документы из учреждения образования)	коммуникативная лингвистическая гражданско-политическая
Профессиональное образование	получение диплома	выпадение из образовательного процесса	коммуникативная инициативность и предприимчивость
	гармония теоретического минимума и практического опыта	диплом низкого качества (низкий средний балл)	лингвистическая информационная
	профессиональная этика	несоблюдение профессиональной нормы/коррупция	коммуникативная межкультурная
Профессиональная деятельность	трудоустройство	затянутость поиска рабочего места	коммуникативная лингвистическая информационная
	адаптация	низкая практическая готовность (доучивание) затраты на прохождение дополнительной подготовки вхождение в коллектив (профессиональное сообщество)	коммуникативная управленческая риторическая
	профессиональный рост	консервация на должностном уровне профессиональное выгорание низкая производительность труда отсутствие профессионального признания	лингвистическая информации риторическая управленческая
	смена профессии	полное «обнуление» и переучивание безработица более низкий уровень оплаты труда	межкультурная лингвистическая информации управленческая
	выход из профессии (пенсия)	профессиональная «ностальгия» неустроенность в жизни без профессии	коммуникативная гражданско-политическая

Система непрерывного образования должна быстро реагировать на меняющийся спрос на образовательные услуги населения и удовлетворять его. При этом она должна также быстро реагировать на требования рынка труда,

предлагая населению в соответствии с этими требованиями образовательные услуги. Основная цель непрерывного образования – адаптация работника к изменяющимся условиям его профессиональной деятельности, а также удовлетворение его индивидуальных потребностей [9, с. 10]. Данные формальные и неформальные переходы сопряжены с регулярными периодами адаптации к новым форматам и контекстам деятельности, отсутствующим в предыдущей должностной позиции или экспертной позиции определенного «масштаба». Образование является инструментом превентивного и проактивного риск-менеджмента, который способствует развитию адаптируемости и росту человека в профессии.

Литература

1. *Кучмиева, С. И.* Мотивационные факторы профессиональной социализации студентов в период обучения в вузе: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / С. И. Кучмиева; Волгогр. гос. ун-т. – М., 2007. – 25 с.

2. *Марченко-Тябут, Д. А.* Психологическая профессиональная адаптация личности / Д. А. Марченко-Тябут // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.belmapo.by/downloads/oziz/2009/psiholog_prof_adaptacija.doc. – Дата доступа: 08.09.2011.

3. *Творилова, Л. А.* Профессиональная социализация молодежи / Л. А. Творилова // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.confcontact.com/20100916/pe_tvoril.htm. – Дата доступа: 08.09.2011.

4. *Леверовская, Я. В.* Социальная адаптация / Я. В. Леверовская, В. А. Балцевич, С. Я. Балцевич // Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 461–462.

5. *Лашук, И. В.* Социокультурная дифференциация современного белорусского общества / И. В. Лашук // Социологический журнал, 2011. – № 4. – С. 24–47.

6. *Рыбакова, А. А.* Сущность понятий «компетенция» и «компетентность»: от количественного измерения к качественному наполнению / А. А. Рыбакова // Вестн. Ставрополь. гос. ун-та, 2009. – № 61. – С. 51–57.

7. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

8. Более 40 тысяч первоклассников в Грузии и их педагоги получат в подарок компьютеры // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://newsgeorgia.ru/society/20120913/215209351.html. – Дата доступа: 08.07.2012.

9. *Беляков, С. А.* Проблемы построения системы управления непрерывным образованием / С. А. Беляков, А. А. Иванова // Университетское управление. – 2008. – № 3. – С. 5–18.

J. S. NAZARENKO

EDUCATION AS APPROCH OF RISK-MANAGEMENT IN PROFESSIONAL WORK

Summary

Shown the relevance of education as a tool for adaptation in the process of professional development. The competence approach in education is a valid mechanism to minimize risks and stimulate successful adaptability employee. Reflected the role of regular education, which increase employee adaptability to the changing conditions of work and career growth.

Keywords: vertical occupational mobility, professional adaptation, adaptability, risks, education, competency profile, core competencies, professional development, career growth.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316:061.62(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Показана динамика изменения общественного мнения о взаимоотношениях Беларуси и России, проанализированы факторы, влияющие на темпы и направленность изменений.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, взаимоотношения, общественное мнение, независимость, социологические опросы, рейтинги, политические лидеры, перспективы.

Судьбой определено, чтобы Беларусь и Россия географически находились рядом. Они в силу исторических и культурных аспектов связаны крепкими связями и широким взаимодействием на уровне экономик и народов, солдат и политиков, полководцев и руководителей. На протяжении многих веков белорусский и российский народы считали себя братскими. В общем прошлом были проблемы, но было значительно больше светлого и радостного, были огромные успехи и достижения, победы и прорывы. Белорусы и русские всегда шли по жизни вместе и рядом. Вместе они противостояли полчищам иностранных захватчиков, вместе строили новую жизнь, вместе растили своих детей и возделывали хлебные нивы. Казалось, никто и ничто не способно разорвать те миллионы нитей, объединивших судьбы братских государств.

Затем наступила время приобретения Беларусью независимости, создания независимого национального государства. Все это прошло через сердца белорусов, через их умы и души, оставило огромное смятение и не зарубцевавшиеся рубцы. Это зафиксировали в своих исследованиях белорусские социологи.

Первый этап социологического мониторинга изучения социально-политической ситуации состоялся в октябре 1990 г. Это было время настоящей истерии, развязанной некоторыми политическими силами, юродствующими политиками и беснующимися средствами массовой информации против Советского союза. Бурлили соседние Литва, Латвия, Эстония. Несколько месяцев оставалось до кровавых событий в Вильнюсе. В Минске Зенон Позняк, используя проблемы Чернобыля и Куропат, популистские лозунги и обманутых обывателей, пытался вывести людей на улицы. В это сложное время только 12 % жителей республики высказались за выход Белорусской ССР из состава Советского Союза.

Примерно в то же время белорусский писатель Алесь Адамович назвал Беларусь «Вандеей», сравнив республику-партизанку с французской провинцией,

в свое время выступившей против глобальных преобразований. Да, действительно, толерантная Беларусь никогда не хотела потрясений и революций, границ и меж, разделительных линий и таможен, пограничных столбов между братскими белорусским и российским народами. Ее население всегда смотрело прежде всего на Восток, не поняло и не приняло «акт независимости России от Беларуси» и всегда выступало за теснейшую интеграцию братских государств. Однако об этом в 1991 г. мало кто из национальной элиты думал. Советский Союз из-за безответственных действий политиков распался.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко в статье «О судьбах нашей интеграции» писал: «Никогда не скрывал своего мнения о том, что считаю развал Советского Союза глубочайшей, трагической ошибкой XX столетия. Его можно и нужно было совершенствовать, изменять, но не разрушать. Когда все цивилизованные страны десятилетиями шли трудными путями к объединительным процессам, мы одним махом уничтожили свое величайшее достояние – единство, общность, кооперацию. В угоду чьим-то амбициям и интересам» [6]. А что думали об этом простые люди?

Одним из первых социологических исследований, проведенных в новой стране после придания Верховным Советом Республики Беларуси Декларации о независимости статуса конституционного акта, стал опрос «***Беларусь в поставгустовский период***». Его провел в ноябре–декабре 1991 г. отдел социологии общественного мнения Института социологии АН Беларуси.

Это был сложный период в жизни не только белорусского общества. Мир в это время оказался в принципиально новой для себя ситуации, столкнулся со многими вызовами. В странах, где происходил переход от одного качественного состояния к другому, начался период накопления первоначального капитала. В такой период стал важен только капитал. Как результат, многие люди научились «покупаться» и «продаваться». И покупать, и продавать стали все, с чем имели дело. Международный терроризм, экологическая опасность, демографический и экономический кризисы, истощение материальных и духовных ресурсов, критические деформации культурного и информационного пространства, разрушение исторических, культурных, этических традиций, нравственная деградация общества стали волновать миллионы людей. В условиях наступления капитала стали девальвироваться такие важнейшие ценности, как долг и совесть, достоинство и честь, верность Отечеству и любовь к Родине. Международная жизнь стала полностью регулироваться «авторитетом». Для поддержки «авторитета» постоянно направлялись авианосцы, ракеты класса «Томагавк», отлично подготовленные и хорошо откормленные морские пехотинцы.

События, происходившие в Республике Беларусь после августа 1991 г., привели к глубочайшему кризису в стране, охватившему все сферы общественной жизни и перераставшему в национальную катастрофу. Падали объемы промышленного производства. Стояли фабрики и заводы. Происходило разрушение денежно-финансовой системы, наблюдалось отчуждение производи-

теля от средств производства. Продолжались растаскивание и дикая «прихватизация» государственной собственности. Наблюдался рост безработицы. На первом месте среди проблем, особо беспокоивших людей, стал рост цен: только проезд в городском транспорте за перестроечные и постперестроечные годы вырос в сто тысяч раз. Разрушался агропромышленный комплекс. На грани истощения находилась земля, ее потенциал существенно уменьшился.

В социальной сфере усилились процессы расслоения общества на богатых и бедных. Социальная дифференциация населения Беларуси подошла к той черте, за которой социальные группы, создающие материальные блага, считали, что они живут хуже других. По объему потребления материальных благ Беларусь оказалась отброшенной на десятки лет назад. По данным социологических исследований, более четверти пенсионеров покупали мясо один раз в месяц [2–4].

В республике отчетливо наблюдался кризис власти, становым хребтом которой, ее несущей конструкцией всегда была Компартия Белоруссии. В августе 1991 г. она поддержала ГКЧП как возможный выход из политического тупика и потерпела сокрушительное поражение. 26 августа Премьер-министр страны Вячеслав Кебич и все руководство Совета Министров Белорусской ССР заявили о выходе из Коммунистической партии. На следующий день Верховный Совет принял решение о приостановке деятельности КПБ–КПСС и национализации ее имущества. Хотя на момент распада СССР численность КПБ составляла около 670 тыс. человек, коммунисты, а тем более широкие народные массы, не пошли защищать «руководящую и направляющую» партию. 86 % депутатов Верховного Совета Белорусской ССР, проголосовавших за запрет КПБ, носили партийные билеты КПБ. «Фракция коммунистов хотя и называлась по-другому, – возмущался В. Кебич, – но была такой по сути, обладала явным перевесом в голосах. Им ничего не стоило заблокировать проект решения, внесенного в повестку фракцией БНФ, насчитывавшей в тот момент всего 34 депутата. Но партийные лидеры, еще перед самым путчем державшиеся высокомерно, требовавшие от правительства решительных действий, вели себя, как бараны, которых гонят на убой. Было такое впечатление, что кто-то выключил их сознание, парализовал волю… За исключением первого секретаря ЦК, за приостановление деятельности компартии голосовали все ее лидеры – секретари обкомов, райкомов партии. Они запрещали не чью-то, а свою собственную деятельность! Это было странное зрелище» [1; с. 139–140, 141].

По всей стране начался массовый выход из партии. Особенно старались те, кто несколько дней назад, во время ГКЧП, публично заявляли о своей безграничной любви к КПСС и бежали платить членские взносы. «Наиболее ретивые чиновники партноменклатуры, – вспоминает бывший Премьер-министр страны, – перекрасившись за одну ночь в демократов и стараясь угодить БНФ, который с каждым днем наглел все больше, чинили свой суд над партией – срывали со стен портреты Ленина, громили ленинские уголки, публично рвали свои партийные билеты» [1; с. 142–143]. Власть была полностью парализована. Это негативно сказалось и на простых людях.

В это время и был проведен первый социологический опрос, касающийся социально-политической ситуации в стране в условиях независимости.

Первый блок вопросов касался событий 19–21 августа 1991 г. в Москве. По мнению почти трети опрошенных (31,9 %) – это был сговор Президента СССР и других руководящих лиц страны. Что это так – считал почти каждый третий опрошенный рабочий, военнослужащий, крестьянин, студент и учащийся, каждый второй пенсионер. В то же время пятая часть респондентов утверждали, что августовские события – это выступление одного должностного лица (вице-президента страны) против другого (президента). Таково мнение практически каждого второго опрошенного крестьянина и военнослужащего. Более четверти жителей республики (25,8 %) считали, что в августе произошел путч против существующего в СССР конституционного строя. Среди социальных групп данное мнение поддержали больше всех служащих (33,9 %) и меньше всех – военнослужащих (9,1 %). 13,9 % опрошенных или затруднились ответить (заявили, что информация о событиях в августе очень запутана и противоречива, поэтому трудно сделать выводы), или предложили свои варианты ответов. Например: «Это был фарс, комедия, которую блестяще сыграли демократы», «Это было наступление на демократию», «Люди пытались спасти страну», «Сговор М. Горбачева и Д. Буша» и т. д. [2; 4; 5].

Причем, как утверждали многие респонденты, по мере того как официальная пропаганда старалась убедить, что в августе был путч, все меньше людей верило в это. Особенно данная тенденция усилилась после того, как независимые издания сообщили, что в Москве в августовские дни погибли от 20 до 30 советских солдат, а официальные средства массовой информации не сказали об этом ни слова.

События, которые произошли вскоре после 19–21 августа на Съезде народных депутатов СССР, почти половина респондентов (49,9 %) считали конституционным переворотом. На съезде был официально закреплен поворот от социализма к капитализму. А вскоре начались преследования за политические убеждения, запрет некоторых средств массовой информации, роспуск Коммунистической партии Советского Союза и т. д. В то же время 12,9 % заявили, что переворота на съезде не было. Остальные опрошенные затруднились ответить, а точнее, как они утверждали, испугались – за себя, своих родных и близких [2; 4].

В условиях распада экономики, обнищания народных масс, девальвации рубля, тотального дефицита продуктов и товаров самые различные политические силы провозглашали различные политические лозунги. Популистские требования выдвинули и лидеры ГКЧП. Однако, как показал анализ результатов социологических исследований, эти требования поддержали многие жители Беларуси. Так, например, за безусловное выполнение Конституций СССР и республик высказались 68,7 % респондентов, повышение производственной дисциплины – 91,3 %, создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности – 67,2 %, повышение заработной платы, пенсий, посо-

бий, выплаты компенсаций – 92,6 % опрошенных. Это как раз то, что, как считали жители различных регионов Беларуси, оказались не способны сделать Верховный Совет и Совет Министров Республики Беларусь [2; 4].

Августовские события существенно повлияли на жизнь Беларуси. Республика во весь голос заявила о своей независимости, появились новые государственные герб и флаг, прокатилась волна переименований улиц и площадей. Как отнеслись к происходящему люди? С развалом Союза в ноябре–декабре 1991 г. уже многие смирились даже в такой интернациональной республике, как Беларусь. Это подтвердили и данные исследования. Чуть больше половины жителей Республики Беларусь (55,1 %) в конце 1991 г. относились положительно к государственной независимости республики, весной их было только десятая часть. А вот другие изменения были восприняты людьми крайне неоднозначно. Так к новому названию – Республика Беларусь – положительно отнеслись лишь 49,2 % опрошенных, к новому государственному бело-красно-белому флагу – 41,6 %, к новому государственному гербу «Погоня» – 39,4 %, к предполагаемому переименованию Минска в Менск – 9,8 %, к демонтажу памятников Ленину и другим государственным деятелям – 16,6 %. Кстати, к переименованию Минска положительно отнеслись только 4,2 % опрошенных минчан [2; 4].

По мнению многих респондентов, введение и нового названия республики, и нового государственного флага, и герба удалось достичь только методом силового давления на испуганных поставгустовскими событиями депутатов. «Они испугались потерять свою кормушку», – написано в одной из социологических анкет.

Ничего хорошего не ждали жители Беларуси и в будущем. Три четверти (75,5 %) опрошенных считали, что благосостояние людей в ближайшее время не улучшится, 73,1 % – не увеличится количество продовольствия, 74,2 % – не увеличится количество промышленных товаров, 78,0 % – не улучшатся жилищные условия, 76,6 % – не улучшится медицинское обслуживание, 87,1 % – не уменьшится преступность. Особенно пессимистично были настроены пенсионеры и крестьяне [2; 4].

Многие респонденты спрашивали, кто спасет от нищеты пенсионеров, студентов, людей, живущих на зарплату, утверждали, что республика находится на краю пропасти, что нужны срочные меры белорусских парламента и правительства. По их мнению, распад Союза, либерализация цен, девальвация рубля, обострение межнациональных отношений принесут новые страдания простым людям.

Беловежские соглашения стали переломным пунктом в жизни всех народов многонационального советского государства. Политики, подписавшие в Вискулях документы, разрушившие Советский Союз, утверждали, что этого хотели народы. Трудно сказать, хотели ли этого жители России, Украины, Казахстана, других республик. В Беларуси этого точно не хотели. Это подтверждают и результаты социологических исследований. Только пятая часть насе-

ления Беларуси считала, что Беловежские соглашения необходимы. Значительно больше людей были убеждены, что все проблемы можно было решить совершенно другими методами, а в Беловежской пуще столкнули Беларусь в пропасть, сделали их нищими, а их детей лишили перспективы в жизни. Политики, которые подписали вискулевские документы, по убеждению многих респондентов, – государственные преступники, которые не приняли во внимание мнение жителей Советского Союза на референдуме в марте 1991 г., нарушили Конституцию СССР, совершили измену и государственный переворот. В анкетах назывались и конкретные фамилии – Б. Ельцин, С. Шушкевич, Л. Кравчук, В. Кебич, люди, которые выросли на коммунистических идеалах, но предали своих стариков, их и свою память. Справедливости ради стоит отметить, что респонденты называли еще одного человека, виновного в развале Советского Союза, – Михаила Горбачева. «Юридически решение референдума – написано в одной из анкет, – гораздо выше, чем мнение нескольких не совсем трезвых людей в Беловежской пуще. На референдуме была выражена воля граждан великой страны, и любой более-менее уважаемый и уважающий себя и свой народ лидер должен был ее реализовать». М. Горбачев этого не сделал, и был проклят своим народом. Народ отверг его и презирал до такой степени, что через несколько лет, когда он вновь попытался подняться на высшую ступень государственной лестницы, лишь полпроцента жителей бывшей его страны, которые, по его словам, его любили, отдали ему голоса. Как результат, на протяжении многих лет мониторинговых исследований около четырех пятых населения Беларуси постоянно отмечали, что они искренне сожалеют о распаде Советского Союза, что они за восстановление теснейших, добрейших связей с братской Россией [2; 4].

С 1991 г. белорусские русофобы вели активную борьбу против сближения Беларуси и России. 1992 год стал годом ползучей «подковерной» борьбы. В Беларуси сложилась амбивалентная ситуация: народ занимал ярко выраженную пророссийскую позицию, а руководство высшего государственного органа – парламента – антироссийскую. Эта кампания достигла пика в 1993 г., когда в Верховном Совете XII созыва обсуждался Договор о коллективной безопасности.

Тогда в парламенте страны развернулись дебаты по внешнеполитическим проблемам. Политический анализ позволил выявить три основные точки зрения депутатов на важнейшие геополитические проблемы и место Беларуси в мире:

укрепление политического, экономического и военного сотрудничества с Россией и другими странами СНГ;

ориентация на западные страны;

Беларусь должна быть нейтральным государством, не выделяющим внешнеполитические приоритеты.

Социологи определили отношение жителей Беларуси к основным направлениям внешнеполитической деятельности правительства. Ориентацию республики на Запад поддержали 6,8 % населения. Народ Беларуси не верил,

что только с помощью западных государств можно решить все проблемы, он выбирал «восточный вектор». Это отметили 63,4 % опрошенных. За приватизацию иностранного капитала в народное хозяйство Беларуси как способ снижения социальной и политической напряженности тогда высказались только 12,1 % респондентов.

Нейтралитет республики по версии С. Шушкевича поддерживала лишь четверть (25,3 %) населения Беларуси. Подавляющее большинство жителей Беларуси были убеждены в том, что суверенитет, который они связали с распадом Советского Союза, стал основной причиной резкого снижения жизненного уровня населения. Это наложило определенный негативный отпечаток на бытовое понимание дефиниции «нейтралитет». Аналитики отмечали отсутствие углубленного анализа долгосрочных последствий ориентации на нейтралитет при новых политических реалиях.

Почти 80 % населения Беларуси считали, что главной задачей по выводу республики из кризиса является восстановление разорванных экономических, социальных, культурных связей с Россией и другими странами СНГ. Было отчетливо видно, что ни россияне, ни белорусы не могут и не хотят отгораживаться друг от друга «железным занавесом», но некоторые политики не желали этого видеть и понимать.

Ярко выраженную ориентацию Беларуси на Россию подтвердил и майский этап мониторинга 1994 года. Он показал, что 70,6 % жителей Беларуси поддерживают подписание Договора о единой рублевой зоне с Россией. 80,8 % респондентов были убеждены, что создание реального экономического союза с Россией и другими странами СНГ и даже восстановление Союза ССР снизят напряженность в белорусском обществе. Данную тенденцию полностью подтвердили и результаты социологических исследований, проведенных в 1995 и 1996 гг.

Результаты февральского (1996 г.) этапа мониторинга показали, что три четверти населения Беларуси искренне сожалеют о распаде бывшего Советского Союза. Следует отметить, что сожаление о распаде бывшего мощного союзного государства высказали 63,1 % жителей Брестской области, 87,8 % – Витебской, 76,0 % – Минской, 85,9 % – Могилевской, 77,8 % – Гомельской, 79,3 % – Гродненской, 61,5 % – г. Минска.

Представляют интерес и ответы респондентов на вопросы апрельского (1996 года) этапа социологического мониторинга. Только пятая часть населения Беларуси считала, что Беловежские соглашения были необходимы. Причем такой точки зрения придерживались 26,8 % опрошенных рабочих, 24,4 % – крестьян, 20,8 % – инженерно-технических работников и служащих, 12,6 % – пенсионеров, 36,0 % – предпринимателей и бизнесменов, 38,6 % – студентов и учащихся, 33,3 % – безработных, 23,1 % – жителей страны с высшим и незаконченным высшим образованием, 13,1 % – с начальным и неполным средним образованием, 23,5 % – жителей города, 21,1 % – жителей села, 24,8 % – мужчин, 20,8 % – женщин, 41,5 % – молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет, 10,9 % – пожилых людей в возрасте свыше 60 лет.

В то же время значительно больше людей (54,7 %) считали, что Беловежские соглашения не были необходимы. Так утверждали 54,0 % опрошенных рабочих, 50,0 % – крестьян, 57,0 % – инженерно-технических работников и служащих, 62,6 % – пенсионеров, 44,0 % – предпринимателей и бизнесменов, 28,6 % – студентов и учащихся, 58,4 % – безработных, 55,9 % – жителей Беларуси с высшим и незаконченным высшим образованием, 63,9 % – с начальным и неполным средним образованием, 54,5 % – жителей города, 54,6 % – жителей села, 58,1 % – мужчин, 50,8 % – женщин, 24,5 % – молодых людей в возрасте до 20 лет, 67,8 % – пожилых старше 60 лет. Эти люди были убеждены в том, что именно Беловежские соглашения уничтожили ранее могучее государство – Советский Союз, столкнули Беларусь в пропасть, сделали их нищими, детей лишили перспективы в жизни.

Причем, как показывали результаты социологических исследований, более половины (57,4 %) жителей Беларуси на возможном референдуме высказались бы за восстановление Союза ССР. Такую же точку зрения поддерживали четыре пятых людей с начальным и неполным средним образованием, три четверти пенсионеров, две трети жителей со средним образованием, более половины опрошенных рабочих, крестьян, ИТР и служащих, жителей города и села в возрасте от 30 до 40 лет. Наиболее негативно к восстановлению Союза ССР относились предприниматели и бизнесмены. 72,0 % представителей данной социальной группы готовы проголосовать «против», 41,5 % молодых людей в возрасте от 16 до 20 лет также выступали против восстановления Союза ССР. А в целом на возможном референдуме против восстановления бывшего союзного государства была готова голосовать пятая часть жителей Беларуси [2–5].

Тогда же был поставлен вопрос: как должна происходить интеграция Беларуси и России? Половина жителей Беларуси выступила за тесное сближение наших народов, однако утверждали, что следует учитывать темпы политического, экономического и социального развития государств, социально-политическую ситуацию в белорусском и российском обществе. Четверть населения Беларуси выступила за быструю интеграцию наших стран.

Особый интерес представляли ответы на вопрос социологической анкеты: «Если бы сегодня избирался Президент СССР или СНГ, за кого из названных политиков Вы бы проголосовали?» Выбор жителей нашей республики был следующий:

1. А. Лукашенко – 37,4 %,
2. Б. Ельцин – 16,7 %,
3. Г. Зюганов – 7,9 %,
4. Г. Явлинский – 6,8 %,
5. Н. Назарбаев – 6,5 %,
6. В. Черномырдин – 6,1 %,
7. М. Горбачев – 4,1 %,
8. Е. Гайдар – 2,5 %,
9. Э. Шеварнадзе – 1,6 %,
10. Л. Кучма – 1,3 % [2–5].

В белорусском обществе сложились определенные стереотипы политических лидеров страны. Одних народ помнил и поддерживал, а других хотел бы забыть навсегда. Одни оставили в политике яркий след, а другие же – только грустные воспоминания. Одни руководители-политики подняли страну с колен, другие – столкнули ее в пропасть, третьи – разорвали на куски. Вот так ответили жители Беларуси на вопрос: «Какого типа политик мог бы сегодня вывести республики бывшего Союза из кризиса?»

1. Ю. Андропов – 30,4 %,
2. И. Сталин – 17,6 %,
3. Б. Ельцин – 12,7 %,
4. В. Ленин – 10,3 %,
5. М. Горбачев – 4,2 %,
6. Л. Брежнев – 3,9 %,
7. Н. Хрущев – 3,1 % [2–5].

Таким образом, мониторинговые социологические исследования постоянно показывали, что жители Беларуси хотят теснейшей интеграции Беларуси и России, восстановления разорванных экономических, социальных и других связей, создания союзного государства нового типа. Целый комплекс природно-географических и социально-исторических, геополитических и культурных, национально-этнических и торгово-экономических, социальных и научно-технических, экологических и других факторов подтверждал необходимость интеграции России и Беларуси.

Во времена Советского Союза Белорусская ССР была своеобразным сборочным цехом всей страны, где была сконцентрирована мощная промышленность. Население Беларуси составляло 3,5 % населения СССР, но Беларусь производила 10 % металлорежущих станков, пятую часть тракторов, четверть машин для животноводства. На Белорусскую ССР приходилось около 60 % производства компьютеров и программного обеспечения в СССР. Это позволило создать в республике мощный научно-производственный потенциал. После распада Советского Союза Беларусь не только сохранила большинство отраслей национального производства, но и сумела обеспечить их экономический рост. Более глубокая интеграция России и Беларуси, считают многие респонденты, поддержит белорусскую экономику новыми заказами и рынками сбыта. Тем более что, по мнению многих жителей Беларуси, Россия – это рынки сбыта и источники сырья для белорусских предприятий, это газ, нефть и электроэнергия для нашей страны, это постоянная работа для многих жителей республики.

Беларусь – западный сосед России, через которого проходили и проходят важнейшие транспортные артерии. По транспортному коридору через Беларусь проходит около 70 % российского экспорта, что выгодно и белорусам, и россиянам.

Очень важный фактор, благоприятствующий созданию единой интеграционной структуры, – наука и образование как интеллектуальный потенциал будущего союзного государства. В составе СССР Беларусь имела высокий уровень науки и образования. Практически все это сохранилось и после рас-

пада Советского Союза. К сожалению, многие ученые и специалисты после распада Союза ССР стали уезжать на работу в западные государства. В Беларуси не создали необходимых условий для научной деятельности. Но, с другой стороны, это еще раз показывало высочайший уровень белорусских специалистов, раз они нужны США или ФРГ. Все надеялись, что с помощью российских коллег, финансов, технологий и т. д. можно будет решить многие проблемы белорусских ученых, а они будут эффективно работать на благо общего государства.

Еще один фактор – духовно-исторический – способствовал теснейшей интеграции Беларуси и России. Судьбы белорусского и российского народов исторически тесно связаны между собой. Они накопили большой интеграционный опыт, уходящий своими корнями в историю Российской Империи. В течение многовекового развития сложилась общность исторических судеб белорусского и российского народов, культур, уклада хозяйственной жизни, родственность менталитета. Вряд ли можно найти народ, более близкий народу России генетически и лингвистически, чем белорусский. В годы Второй мировой войны и Российская Федерация, и Беларусь понесли огромные потери. По данным социологических исследований, более трех четвертей жителей Беларуси имели родственников в России. Общей являлась и религия (православие), которую исповедовали в наших государствах большинство граждан. Русский язык, на котором в Беларуси разговаривает подавляющее большинство жителей, получил государственную поддержку. Кстати, за два государственных языка – русский и белорусский – постоянно высказываются более 80 % населения страны. Несмотря на все усилия оппозиции, в Беларуси нет антирусских настроений. Только 0,2 % жителей страны испытывали некоторую неприязнь к русским.

Очень важным был и военный фактор. В данном случае речь идет о совместном обеспечении национальной безопасности союзного государства. В конце прошлого столетия военная инфраструктура НАТО приблизилась непосредственно к западным границам Беларуси. После распада СССР под угрозой оказался единый военно-стратегический потенциал. И это в то время, когда в Беларуси хорошо оборудована западная граница, в которую практически не надо вкладывать новых огромных средств или строить новые оборонительные сооружения около Смоленска. У Беларуси сильная противовоздушная оборона. Она способна защитить территорию союзного государства от НАТОвских бомбардировщиков. Линия ПВО возле Смоленска в таком случае вообще теряла всякий смысл.

Это прекрасно понимали и противники интеграции Беларуси и России. Согласно учению шведского политолога, классика геополитики Рудольфа Челлена, тот, кто владеет центром Европы, полностью владеет ею всей. Не поэтому ли Беларусь долгие годы, века находилась в центре противостояния различных политических сил, ареной противодействия двух встречных движений – Германии и Франции на Восток и России на Запад? Длительные по-

пытки Польши создать в самом центре Европы мощное государство и целенаправленно влиять на весь континент не увенчались успехом. Речь Посполита рухнула под ударами различных геополитических сил, а притязания остались. Как результат, в свое время рядом политических сил различной направленности при поддержке прибалтийских, украинских и белорусских националистов был разработан план создания буферной зоны государств от Черного до Балтийского морей. Эта зона должна быть экономически независимой. В ней предусматривалось строительство нефтепровода с юга на север, снабженного соответствующими терминалами, а с севера на юг – газопровода для экспорта газа из Норвегии. Данная буферная зона должна была отделить Россию от стран Запада. Планировалось установить высокие пошлины на провоз товаров из России, предусмотреть в этой зоне квоты и коридоры для экспорта российских нефти и газа в Западную Европу, для движения железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта.

Поэтому нужно было немедленно принимать конкретные меры по теснейшему сближению российского и белорусского народа. Примером возможной и реальной интеграции общественных структур стало создание Союзного государства Беларуси и России. 2 апреля 1996 г. президенты России и Беларуси Борис Ельцин и Александр Лукашенко поставили свои подписи под документом, который ознаменовал рождение нового союза. Это государственное образование явилось одним из наиболее эффективных вариантов решения многочисленных проблем, появившихся после распада Советского Союза. Постепенно активизировались экономические, социальные, культурные, духовные связи между двумя государствами, народами, регионами и городами, хозяйствующими субъектами, рядовыми россиянами и белорусами, началось реальное наполнение интеграционных процессов. Люди стали отходить от шока, связанного с развалом СССР, разрушением всего того, что объединяло братские народы.

С появлением Союзного государства, пишет Александр Лукашенко, «сформулирован и апробирован принцип разноскоростной и разноуровневой интеграции. Уже в течение полутора десятков лет Союзное государство – катализатор и своего рода масштабная лаборатория глубокой интеграции. Это предмет нашей особой гордости. Ведь мы смогли расширить рамки интеграции от экономики до социальных и даже отчасти политических вопросов. Нам удалось серьезно продвинуться в обеспечении равных прав граждан, унификации национальных законодательств, координации внешнеполитической деятельности. Реальным стало осуществление масштабных межгосударственных программ, в том числе в сфере научно-технического сотрудничества» [6].

Новая геополитическая структура, представляющая интеграционное сообщество, имела огромное социально-экономическое значение. Однако шло время, происходили различные политические, экономические, культурные события. И в начале текущего столетия социологи зафиксировали интересный общественный феномен. С одной стороны, отчетливо прослеживались тенденции и стремление белорусов и россиян быть вместе, жить вместе, ездить друг к другу

в гости, совместно решать многочисленные проблемы, вместе радоваться и противостоять невзгодам. Но, с другой стороны, Республика Беларусь состоялась как сильное независимое самодостаточное государство, с которым считаются во всем мире, которое уважают и без которого уже нельзя представить Европу и все мировое сообщество, суверенитет которого является высшей ценностью. Оказалось, что возврата к Советскому Союзу нет и уже не будет никогда. Необходимо было учиться работать в принципиально новых геополитических условиях, в том числе в рамках Союзного государства Беларуси и России.

Однако это была сложная и трудная наука, которой так и не смогли полностью овладеть в наших странах. Но самое страшное, что идеи Рудольфа Челлена овладели умами некоторых российских политиков, причем в извращенной форме. Отдельные из них стали усиленно проводить идею, что возрожденная Россия способна взять под крыло бывшие союзные республики, а белорусская «Вандея» может быть первой. Президент Белоруссии А. Лукашенко неоднократно заявлял, что готов строить с Российской Федерацией добрые, тесные отношения в рамках Союза, но только на равноправной основе. Мы готовы идти настолько далеко и глубоко в строительстве союзных отношений, насколько сегодня к этому готово руководство России, однако Беларусь всегда будет независимым государством. Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Анатолий Рубинов отмечал: «И на Западе, и на Востоке должны ясно понимать, что за прошедшее время Беларусь развилась в самостоятельное суверенное государство, которое ни при каких условиях не войдет в состав другого государства и не пожертвует даже частичкой своего суверенитета. Беларусь – самостоятельная страна, она не имеет никаких имперских или мировых политических амбиций» [8, с. 8].

В Беларуси позицию Президента страны поддерживают очень многие, практически все. В нашей стране, как показывают результаты социологических исследований, только около трех процентов населения выступают за идею вхождения Беларуси в состав Российской Федерации. Причем число людей с «Интернационалом» в голове с каждым годом становится все меньше.

Как показывают социологические исследования, большинство и белорусских, и российских политиков прекрасно понимает, что мы должны быть рядом и вместе: по политическим, экономическим, социальным, культурным и просто человеческим причинам. Данное положение подтверждается и конкретными действиями. В июле 2012 г. Дмитрий Медведев особо подчеркнул, что Беларусь и Россия успешно решают различные вопросы интеграции двустороннего сотрудничества. Выступая на заседании Совета Министров Союзного государства в Минске, премьер-министр России отметил, что «у нас сейчас период концентрации наших усилий, укрепления нашего стратегического партнерства, поэтому и в рамках Союзного государства, и в рамках Таможенного союза, и в рамках Единого экономического пространства происходит углубление интеграционных процессов. Наши отношения на подъеме,

свидетельством этого является самый большой за всю историю российско-белорусского экономического сотрудничества торговый оборот, – подчеркнул Д. Медведев. – Это результат и двусторонней работы, и создания нового интеграционного объединения – Единого экономического пространства [7, с. 36].

Будущее – это опрокинутое в настоящее прошлое. Надо хорошо знать и помнить свою историю. Беларусь и Россия – это страны-сестры, белорусы и россияне – братья. Мать-природа поместила эти страны рядом, история связала теснейшим образом вместе их судьбы. Мы всегда были вместе и рядом. Союзное государство – это пример самой тесной интеграции на постсоветском пространстве. Именно его строительство дало импульс созданию Таможенного союза. Несмотря на все происки врагов, никто никогда не разорвет, не разрушит белорусско-российское братство, не разорвет тесные братские связи. Об этом говорят и опросы общественного мнения.

Литература

1. *Кебич, В.* Искушение властью. Из жизни премьер-министра / В. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008. – 480 с.

2. *Котляров, И. В.* Отношения Беларуси и России: взгляд изнутри / И. В. Котляров, А. М. Грищенко. – Минск: Белинформпрогноз. – 1996. – 14 с.

3. *Котляров, И. В.* Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров // Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – 286 с. Т. 2. – 284 с.

4. *Котляров, И. В.* Суверенитет Беларуси: достижения и проблемы на весах социологии / И. В. Котляров. – Минск: Академия наук Беларуси. Научно-исследовательский центр «Парадигма». – 1993. – 30 с.

5. *Котляров, И. В.* Трудный путь к суверенитету / И. В. Котляров. – Минск: Проблемы суверенитета в мировой историографии: традиции политической мысли Востока и Запада / под ред. ректора ИПП А. В. Горелика. – Минск: Ин-т парламентаризма и предпринимательства, 2012. – С. 2–16.

6. *Лукашенко, А. Г.* О судьбах нашей интеграции / А. Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 17 окт.

7. *Михайлов, В.* Союз набирает обороты / В. Михайлов // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 14. – С. 36.

8. *Рубинов, А.* Белорусская модель. Некоторые вопросы политики на современном этапе / А. Рубинов // Беларус. думка. – 2010. – № 3. – С. 3–9.

I. V. KOTLIAROV

DYNAMICS OF RELATIONSHIP BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSES

Summary

Dynamics of changing public opinion about the relationship between the Russian Federation and the Republic of Belarus has shown, the factors impacting on the rates and directionality of changes have been analysed.

Key words: Belarus, Russia, relations, public opinion, independence, surveys, ratings, political leaders, and prospects.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 32.019.5(476)

Е. С. БАБОСОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА»

В статье охарактеризовано понятие «публичная политика» и проанализированы трактовки этого понятия, данные различными авторами. Выявляется наличие у белорусского населения интереса к политическим процессам, степень участия граждан в политической жизни общества, включенность в деятельность политических партий и общественных объединений, уровень доверия политическим партиям, удовлетворенность методами работы государственных учреждений с гражданами.

Ключевые слова: политика, публичная политика, публика, политическая культура, политическое участие.

В последнее время в ряде постсоветских стран, в том числе и в Беларуси, проявляется все больший интерес к феномену публичной политики. Понятие «публичная политика» является одним из самых популярных, причем не только в научном дискурсе, где ей посвящены статьи, конференции, но и в словаре действующих политиков, общественных деятелей, и даже в обыденной речи. Оно является достаточно новым для белорусской науки, в то время как в западных странах оно устоялось. Прежде всего под понятием публичной политики подразумеваются инновационные технологии политического менеджмента, которые используются для анализа и оценки результатов реализуемых государственных решений в различных сферах жизни общества. Такие методы принятия решений и прогнозирования их последствий (цели, задачи, сроки, планируемый результат, обоснованные расходы) в настоящее время используются в практике правительственных структур Европейского союза.

В западной научной литературе есть и более традиционные трактовки термина «публичная политика». Для объяснения данного феномена сопоставляются два понятия, которые в русском языке имеют один и тот же перевод – «politics» и «policy». Первое понятие в общем смысле подразумевает «план действий», «борьбу за власть» индивидов, их групп, бизнеса или правительства, а второе понятие, «публичная политика», – это легитимные, принятые со всеми надлежащими процедурами, и формально оформленные в правовых документах решения правительственных органов. Таким образом, «публичная политика» предусматривает согласование общественных интересов, а не конкуренцию и борьбу за власть, именно этим она отличается от партийной

политики, направленной на захват и удержание власти. Она подразумевает плодотворное сотрудничество представителей правительства, местных властей, членов общественных организаций, экспертов, независимых исследователей, направленное на решение общественно-значимых проблем.

Таким образом, представляется более эффективным относить термин «публичный» к политике, понимаемой в смысле «policy», включая в рассмотрение этого понятия процедуру разработки и осуществления программ деятельности власти различного уровня. При таком рассмотрении под публичной политикой можно подразумевать программы органов власти, механизмы их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий индивидов и их социальных групп. Понимаемая таким образом публичная политика оказывается тесно связанной с понятием общественного участия в принятии политических решений. Поэтому также можно сказать, что публичная политика представляет собой способ и результат общественного участия в процессе принятия приоритетных для общества решений.

Зарубежные авторы трактуют понятие «публичная политика» достаточно практично, подразумевая под ней определенный инструментарий, посредством которого могут быть выработаны и приняты решения по различным коллективным проблемам. Достаточно точное определение публичной политики дается известным американским политиком Д. Андерсоном. Оно гласит, что это «политика, производимая правительственными чиновниками и органами власти и затрагивающая существенное количество людей», т. е. это определенные действия правительственных органов в рамках процесса выработки, принятия и реализации государственного курса [1, с. 11]. Исследования в сфере «публичной политики» получили свое развитие в рамках парадигмы политических исследований, которая декларировала необходимость поставить методы социальных наук на службу государству, что было обусловлено необходимостью реализации государством возросших социальных обязательств и поддержанием экономического роста и стабильности. Сравнительные исследования развивались по многим направлениям. Исследовались региональные аспекты публичной политики, сравнивались различные ее сферы: здравоохранение, налогообложение, развивался сравнительный анализ социально-экономических теорий, которые являются важным фактором влияния на проводимые государствами политики, изучались воздействие государственных структур и иных социальных акторов на общество и реализацию общественных интересов, результаты обратной связи государства и общества.

Концепт публичной политики, ставший популярным в США в 1970-х годах, также был эффективно реализован и в Европе. Европейский подход отличается от американского, что обусловлено принципиальными различиями структурной организации государства. Если для США основным направлением для исследования являлись проблемы государственного управления и повышения его эффективности, то в Западной Европе акцент сместился на изучение интеграционных процессов. Наиболее известным европейским ученым,

занимающимся исследованиями в области публичной политики, является Д. Капано. Им создана школа публичной политики, коллектив которой многое перенял из американской традиции политических исследований, но в то же время подчеркивает некоторые значительные отличия. Так, американское разделение понятий «politics» и «policy» является достаточно условным, поскольку с принятием политического решения и осуществлением реализации политического курса политическая борьба не прекращается, а преобразуется и принимает несколько иные формы. Капано определяет публичную политику как «способ решения коллективных проблем», делая акцент на смещении фокуса исследования от власти к социально значимым публичным проблемам [2, с. 2].

В современных исследованиях публичная политика часто связывается с деятельностью публичного сектора и природой общественных благ. В публичный или общественный сектор включается все, что связано с удовлетворением общественных потребностей. Публичная сфера – это сфера, которая охватывает интересы общества в целом. Чаще всего исследователи выделяют в ней четыре главных компонента:

экономический – общественный сектор экономики, производство благ общественного пользования, политика перераспределения доходов для удовлетворения общественных нужд;

социальный – общественные и государственные службы социального обеспечения (пенсии, пособия, занятость, здравоохранение, образование, общественный транспорт и средства коммуникации, сохранение среды обитания, защита от преступности и коррупции, коммунальное обслуживание, поддержание социальной стабильности и комфортности для населения);

гражданско-политический – негосударственные самодеятельные объединения и ассоциации граждан, гражданская сеть формирования общественного мнения, центры гражданской солидарности;

социокультурный – институты воспроизводства и сохранения духовных ценностей и культурных кодов общества.

В рамках такого подхода преобладает мнение о том, что в государственной политике следует выделять ее главный стержень – социальную политику, в гражданских ожиданиях – социальные ожидания. Их совокупность составляет ядро публичной сферы – социальную сферу. Известный немецкий социальный философ Ю. Хабермас рассматривает публичную сферу как «область социальной жизни, где могут обсуждаться дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами, а не обращением к устоявшимся догмам и обычаям», и считает, что «главная особенность современного государства – это его способность договариваться с гражданами по самому широкому кругу вопросов» [3, с. 301]. В современном обществе, по мнению этого авторитетного ученого, постоянно расширяется сфера деятельности общественности, возрастает роль различных публичных объединений – таких объединений, которые не производятся политической системой в целях легитимации и не являются частями этой системы.

Публика в социологии и политологии обычно понимается как формально неорганизованная группа, члены которой имеют общие интересы, осознаваемые ими в качестве таковых при непрямом контакте и общении в процессе усвоения и истолкования политической информации. Обычно это довольно ограниченный круг граждан относительно населения в целом. Так, в античном полисе граждане представляли собой меньшинство по сравнению с не входящими в их число женщинами, детьми и рабами. В государствах Нового и Новейшего времени буржуазия не являлась большинством населения государства. Затем с ходом времени появление возможностей проведения широких дискуссий по поводу различных государственных вопросов с помощью специальных инструментов (средства массовой информации), позволяющие охватить большее количество граждан, чем, например, могло бы собраться на городской площади, привело к расширению публики и публичной сферы в целом. В таком контексте публика понимается как достаточно обширная совокупность людей, являющихся объектом воздействия политических лидеров, государственных политических стратегий, политических программ участников политических процессов (например, кандидатов в президенты или в члены парламента, политических программ и комментариев, появляющихся в средствах массовой информации – радио, печати, телевидении, сети Интернет, рассчитанные на публику). Это сообщество, состоящее из компетентных, владеющих информацией граждан, способных к самоорганизации ради достижения общих интересов, и является основой гражданского общества, а ее деятельность приводит к реализации общественных интересов.

Сегодня многие российские и белорусские ученые подчеркивают, что в публичной политике главную роль по-прежнему играет государство, и поэтому можно ее определять как государственную публичную политику. Она государственная, так как ее основным субъектом остается государство, но одновременно она и публичная, так как современное демократическое государство представляет интересы граждан и разрабатывается с привлечением институтов гражданского общества. Момент гласности как ключевой момент публичной политики подчеркивается в научной литературе весьма часто. Известный российский исследователь С. П. Перегудов в своих работах подчеркивает, что «публичная политика – это та сфера политических отношений, в которой институты государства и гражданского общества взаимодействуют в условиях относительной гласности» [4, с. 139].

Эффективность действий участников публичной политики определяется тем, насколько активно и добровольно большие группы граждан (понимаемы как «публика» в обозначенном выше смысле) объединяются для решения общих проблем, реализации общих целей, защиты и осуществления общих интересов. В Беларуси, в частности, такая общность интересов и политических ориентаций большинства ее граждан выражается в высокой политической активности. Так, во время проведенных в декабре 2010 г. выборов Президен-

та Беларуси 90,6 % граждан республики участвовали в голосовании, в сентябре 2012 г. во время проведенных выборов депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь – 74,2 %. Данный показатель имеет очень большое значение, так как основным критерием участия различных групп населения в политической жизни считается голосование на общенациональных выборах.

В условиях становления современного информационного общества масштабы и степень осуществления публичной политики существенно возрастают. В таком обществе у политических элит и средств массовой информации возникает массовая аудитория, интерес которой к политическим акторам становится все более необходимым. В результате возникают различные по своему содержанию, социально-политическим ориентациям и формам выражения виды публичной политики. Этот процесс все более отчетливо проявляется в России, Украине, Беларуси и других постсоветских странах.

В связи с разворачивающимися в современном обществе системными инновационными изменениями существенно расширяется содержание, обновляются методы осуществления публичной политики. Особенно важным становится социальный механизм обратной связи, который позволяет властным и управленческим структурам своевременно и адекватно воспринимать и оценивать назревающие тенденции развития общественно-политических процессов, производить коррекцию управленческих решений. Становится насущной потребностью приводить принципы и способы политического управления в соответствие с требованиями модернизации промышленности и других сфер экономики, становящимися все более разнообразными интересами и потребностями населения. Проводимая в этих условиях публичная политика должна становится все более компетентной, обеспечивающей эффективное выполнение базовых функций государства с одновременным осуществлением постоянной обратной связи со всеми социальными слоями и группами, существующими в обществе. Только в таком случае публичная политика становится важным средством государственного управления, которое все более отчетливо ориентируется на дебюрократизацию принятия и осуществления управленческих решений. Одновременно с этим возникает возможность активного вовлечения граждан в различные процедуры обсуждения и принятия управленческих изменений.

Следует иметь в виду, что публичная политика в современном обществе включает в себя не только выработку и реализацию управленческих решений государством и его органами, но и демократическое участие различных социальных слоев и групп в политико-управленческих процессах с непременным соблюдением процедур согласования интересов различных групп населения.

В этих условиях возрастающее значение приобретает формирование у широких кругов населения сформулированной политологом Г. Алмондом и С. Вербой концепцией «политической культуры участия». В данном понятии, с точки зрения этих авторов, формулируется степень участия граждан в политической

жизни. Они утверждают, что существует множество уровней политического участия: это и явка избирателей на общенациональные выборы, это и электоральная активность граждан, это и возможность акторов политической деятельности повлиять на электоральный выбор других людей. «Сюда также входят: содействие граждан определенной политической партии или кандидату, сотрудничество с местными чиновниками, участие в написании обращений к властным структурам или в акциях протеста и демонстрациях» [5, с. 125].

Такое истолкование сущности политического участия, преломленное к особенностям политических процессов в современной Беларуси, дает основания для вывода, согласно которому в нашей республике созданы благоприятные возможности для участия широких слоев населения в обсуждении, принятии и реализации управленческих решений.

Обычно выделяют несколько уровней общественного участия в политических процессах. Когда участники подобных акций демонстрируют доверие и приверженность правящему режиму и стремятся активно поддерживать его, речь идет о поддерживающем общественном участии в политических действиях. Когда участники политических процессов стремятся повлиять на изменение приоритетов государственной политики, говорят о влияющем гражданском участии. Существует наряду с этим и контактирующее участие, которое зависит от социально-политического статуса участников: чем он выше, тем чаще они обращаются к должностным лицам для консультаций, высказывания своих замечаний и советов, для согласования совместных действий.

Одним из существенных проявлений включенности граждан в публичную политику является участие в деятельности политических партий и общественных объединений. В начале 2011 г. в Беларуси зарегистрировано 15 политических партий и 976 партийных организаций, 35 профессиональных союзов и 22 790 профсоюзных организаций, 2325 общественных объединений, из которых 231 – международные, 678 республиканских и 1419 местных. Согласно данным социологического мониторинга, постоянно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, белорусским политическим партиям в 2011 г. доверяли 9,0 % населения Беларуси, не доверяли 39,0 %. Партийный авторитет является довольно невысоким в силу многочисленности партий, нечеткости их программ, слабости их социальной базы, отсутствия организованной общественной поддержки. Слишком малое количество жителей видят среди белорусских партий ту силу, которая способна отстоять их интересы, выявить их желания и потребности и эффективно защищать их на высшем государственном уровне. В связи с этим политические партии не пользуются большой поддержкой и не вызывают активного желания у населения присоединиться к их деятельности. Можно констатировать, что не все общественные объединения и партии работают активно, не все активно участвуют в обсуждении и реализации управленческих решений, но сам факт их наличия создает широкие предпосылки для участия граждан в управлении делами общества [6, с. 32].

Активизация участия граждан в общественно-политической жизни в решающей степени зависит от масштабов и интенсивности связи деятельности

государственных органов с интересами каждого гражданина и общества в целом, от большей или меньшей направленности работы государственных служащих на удовлетворение потребностей различных групп населения.

Результаты социологического исследования, проведенного в мае 2011 г. Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, показали, что 50 % респондентов, оценивающих стиль и методы работы государственных учреждений с гражданами, считают, что за последний год эти методы не изменились, 28,5 % отметили улучшение этой деятельности, а 13 % – ухудшение.

Названный опрос показал почти вдвое большее проявление положительных качеств государственными служащими (внимательность, уважение, ответственность), чем отрицательных (формализм, равнодушие, безразличие). Почти три четверти респондентов утверждают, что работники государственных органов обладают высоким уровнем квалификации, 69 % отмечают их вежливость, внимательность, ответственность, доброжелательность к посетителям, 57 % – оперативность в решении проблем. Вместе с тем 39 % опрошенных граждан отрицательно оценивают оперативность государственных служащих в решении проблем, с которыми они сталкиваются в государственных органах [7, с. 31]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что только одна треть граждан (34 %) пользуется системой «одно окно». Вызывают справедливые нарекания населения большие очереди в службу «одно окно», а 22 % опрошенных граждан высказывают неудовлетворенность работой этой службы. Доля граждан, у которых отсутствуют практические замечания в адрес этой службы, составляет только 41 % от числа опрошенных, а 36 % из них вообще не знают о такой форме работы с населением. Наиболее предпочтительными для жителей Беларуси являются традиционные формы работы с гражданами: личный прием в исполкомах (52,5 %), телефонные горячие и прямые линии (28,5 %). Почти четверть респондентов отмечает, что в ответ на обращение в местные органы власти и управления они получают формальные отписки, а поднимаемые ими вопросы по существу не решаются [7, с. 36].

По мнению большинства населения, граждане Беларуси не испытывают больших трудностей в осуществлении приема по личным вопросам к руководителям государственных органов республиканского и местного уровней. Проще всего попасть на прием к руководству сельского и районного (городского) исполкома. Так считают более половины опрошенных (51 %) жителей городов и сел. Гораздо сложнее попасть на прием к руководящим работникам органов внутренних дел и ГАИ (это не составляет трудностей только для 45,5 % респондентов), налоговых органов (43 %), суда (41 %), прокуратуры (39 %) и таможенной службы (35 %). Еще сложнее попасть на прием к руководящим работникам облисполкомов (не испытывают трудностей с этим лишь 17,5 % опрошенных граждан), республиканские органы государственного управления (уровень министерств и государственных комитетов – 8 %) и Администрации Президента (5,5 % опрошенных). Затруднились ответить на вопрос о недоступности названных структур 31,5 % граждан [7, с. 38].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: несмотря на значительные усилия российских и белорусских ученых, пока нет четкого понимания и обоснования того, что же представляет собой публичная политика. В целом, отечественные исследования опираются на западные разработки и движутся в их фарватере. Тем не менее можно предположить, что более глубокая разработка национальных особенностей «публичной политики», в том числе поиск конкретных точек ее практического приложения и использования, позволит эффективно внедрять ее в общественную жизнь. В связи с этим большое значение приобретает исследование включенности граждан в сферу государственно-общественного управления и их участия в публичной политике. Эффективное использование инструментов обратной связи позволит власти своевременно учитывать мнения граждан о важности решения различных социально-экономических проблем и производить коррекцию управленческих решений, а населению проявлять гражданскую инициативу и оказывать влияние на процессы принятия управленческих решений.

Литература

1. *Андерсон, Д.* Публичная политика: введение / Д. Андерсон // Публичная политика: от теории к практике / Н. Ю. Данилов, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. – Спб., 2008. – С. 11–34.

2. *Capano, G.* Introduction: Multidimensional World of Policy Dynamics / G. Capano, M. Howlett // European and North American Experiences in Policy Change. Policy Drivers and Policy Dynamics. – London, 2009. – P. 1–12.

3. *Habermas, J.* Between Facts and Norms / J. Habermas. – Cambridge, 1996. – 631 p.

4. *Перегудов, С. П.* Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. – 2006. – № 2. – С. 139–151.

5. *Алмонд, Г.* Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

6. *Котляров, И. В.* Политические партии Беларуси: миф или реальность? Социологический анализ / И. В. Котляров // Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 17–18 ноября 2011 года / Ин-т социологии НАН Беларуси; редкол. И. В. Котляров (гл. ред.) и др. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 31–42.

7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социологических исследований за 2011 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь; под ред. Л. Е. Криштаповича. – Минск: Бизнесофсет, 2012. – 105 с.

E. S. BABOSOVA

DEFINE OF CONCEPT «PUBLIC POLICY»

Summary

The concept of «public policy» and current approaches to its definition are described in the article. The interest of the Belarusian people in the political process, the degree of citizen participation in the political life, the involvement in the activities of political parties and public associations, the level of trust for political parties, the contentment with the methods of state institutions work with citizens.

Key words: policy, public policy, public, political culture, political participation.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 101.1

Т. В. ОКУНЕВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОНЦЕПТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассмотрен концепт современного гражданского общества; проанализированы его определения и предложено авторское, разработана принципиально новая кибернетическая модель, проанализированы сущность и содержание ее основных элементов.

Ключевые слова: гражданское общество, кибернетическая модель, частная собственность, средний класс, политические партии, интересы и ценности, местное самоуправление.

Проблема формирования и развития гражданского общества принадлежит к числу фундаментальных научных вопросов, которые постоянно волновали и волнуют человечество. Первое осмысление понимания феномена гражданского общества появилось с возникновением государства и разделения общества на государственную и негосударственную сферы. В научном сообществе существовало и существует достаточно большое многообразие направлений теорий, концепций, научных школ, исследующих различные аспекты гражданского общества. В настоящее время дефиниция «гражданское общество» стала распространенной и широко употребляемой в политологии и политической социологии, философии и теории права. Однако в мировоззрении определенных элитарных групп сложились примитивные, упрощенные представления о гражданском обществе, его сущности, ресурсах и возможностях. Как и в конце прошлого столетия, наблюдается стремление отдельных политических сил использовать ресурсы гражданской активности населения для достижения собственных или корпоративных, крайне политизированных целей. Как показывает современная социальная практика, концепт гражданского общества, процессы его формирования еще полностью не изучены. До сих пор не выделен предмет исследования, нет научного определения этого историко-политического и социально-философского феномена, нет устоявшегося подхода к гражданскому обществу на уровне реальной политики. Не установлены четкие аспекты взаимодействия гражданского общества с политической и правовой сферами, продолжаются постоянные споры по поводу его институционализации, основных функциональных параметров и характеристик.

Современные представления о гражданском обществе – результат их длительной эволюции в истории политической, философской и социологической мысли, чем и объясняется их многообразие и противоречивость. Прежде чем

проводить социологический анализ концепта гражданского общества, поиск решения существующих проблем, важно четко и конкретно определить, о чем идет речь. Концепт гражданского общества в данном исследовании будет рассматриваться как взаимодействие понятийного, образного и значимостного его компонентов. Концепт гражданского общества, как отмечают многие исследователи, сформировался в XVII–XVIII вв. Таким образом, теоретическая конструкция гражданского общества возникла лишь в Новое время, хотя ее предпосылки можно найти в античности. Вместе с тем имевшие место в философской и социологической мысли определения гражданского общества, на первый взгляд, лишь отчасти напоминают о том смысле, который вкладывается в него сегодня. Так, Гегель признавал, что необходимо вывести из-под контроля со стороны государственных структур огромнейшую область общественной жизни, и размещал гражданское общество между семьей и государством [2].

Значительный шаг в развитии идей гражданского общества сделал ***Джон Локк*** в работах «***Два трактата о государственном правлении»*** и ***«Опыт о человеческом разуме»*** [27]. Он и его сторонники понимали гражданское общество как некое этическое сообщество полноправных и свободных граждан, равных в своем достоинстве и живущих по естественным законам, как определенную стадию общественного развития. Причем у Д. Локка естественное состояние намного больше походило на нынешнее понимание гражданского общества, чем его же гражданское состояние. Д. Локк считал, что уже в догосударственном состоянии существовали естественные права и свободы человека. Естественное состояние – это «состояние полной свободы в отношении действий и распоряжения своим имуществом и личностью», «состояние равенства, при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого». Согласно Д. Локку, в естественном состоянии люди рождаются свободными и равными в правах. Он выделял такие их естественные права, как жизнь, свобода и частная собственность [13].

Жан-Жак Руссо в известной работе *«Об общественном договоре, или Принципы политического права»* весьма своеобразно сформулировал понятие гражданского общества, которое он называл «гражданское состояние». Он считал, что *гражданское общество* есть общество, преобразованное в государство с помощью общественного договора. Ж.-Ж. Руссо в знаменитом исследовании *«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»* связывал понятие гражданское общество с отношениями собственности. Фраза Ж.-Ж. Руссо: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: Это мое! и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [17, с. 72] – стала классической. У Ж.-Ж. Руссо сложилось крайне отрицательное отношение к частной собственности: «От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: Остерегитесь слушать этого обманщика; вы

погибнете, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» [17, с. 72].

Первая по-настоящему научная и в то же время достаточно спорная теория гражданского общества была создана известным немецким философом *Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем*. Его работа «*Философии права*» включает в себя классические и принципиально новые теоретические аспекты гражданского общества. Гегель разделил дефиниции гражданское общество и государство. Всемирная история, по его мнению, – это развитие Абсолютного нравственного Духа, реализующегося на трех ступенях развития общества – *семьи, гражданского общества и государства*. Как утверждал Гегель, это развитие проходит три этапа: «А) непосредственный, или *природный*, нравственный дух – *семья*. Эта субстанциональность переходит в утрату своего единства… и есть, таким образом, *гражданское общество*, объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом, всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов» [2, с. 286].

Известный американский публицист *Томас Пейн* в основу своих произведений положил идею противостояния гражданского общества и государства. Потому «общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое ибо, когда мы страдаем или сносим от правительства те же невзгоды, какие можно было бы ожидать в стране без правительства, несчастья наши усугубляются сознанием того, что причины наших страданий созданы нами. Правительство, подобно одеждам, означает утраченное целомудрие: царские дворцы воздвигнуты на развалинах райских беседок. Ведь если бы веления совести были ясны и беспрекословно исполнялись, то человек не нуждался бы ни в каком ином законодателе; но раз это не так, человек вынужден отказаться от части своей собственности, чтобы обеспечить средства защиты остального, и сделать это он вынужден из того же благоразумия, которое во всех других случаях подсказывает ему выбирать из двух зол наименьшее» [14, с. 21–22].

Имея глубокие исторические корни, идеи гражданского общества до конца 70-х годов прошлого столетия были практически не востребованы. Внимание к ним было привлечено в связи с использованием гражданского общества в качестве альтернативы реальному социализму в государствах Восточной Европы. Как отмечал известный английский философ, социолог и социальный антрополог *Эрнест Геллнер*, в это время одна из основательно подзабытых дефиниций политической науки вдруг обрела на востоке Европы вторую жизнь в виде лозунга, подхваченного массами, никогда не читавшими ни Локка, ни Гегеля. «В таком внезапном превращении, – подчеркивал мыслитель, – нет никакой особенной тайны. Просто состояние общества, определяемое этим понятием, приобрело сегодня необыкновенную ценность, наполнилось актуальным политическим содержанием» [3, с. 11].

В эти годы в странах Восточной Европы наблюдалось стремление обиженной оппозиционной части общества использовать недовольство народных масс для прихода к власти. Но для этого было необходимо теоретическое обоснование. Как результат, появились новые модели гражданского общества, направленные на решение конкретных политических задач. Причем следует особо подчеркнуть, что в основу этих концепций было положено понимание гражданского общества Т. Пейна как инструмента борьбы против государства. Такая целенаправленная заданность привела к тому, что эти модели оказались не проработанными, «сырыми», не подкрепленными теоретическими изысканиями, особенно в сравнении с классическими образцами.

Исторические, философские, политические, социологические, правовые, функциональные, методологические и иные концепции, модели, матрицы, их комбинации и варианты оказались в основе многочисленных современных определений гражданского общества. Известный российский ученый *Юрий Резник* в работе *«Гражданское общество как понятие»* приводит около пятидесяти определений этого общественного феномена [15]. Но их, конечно, намного больше. Каждый ученый, считающий себя исследователем гражданского общества, предлагает свое собственное определение. По мнению доктора политических наук *Людмилы Гайнутдиновой*, чаще всего под гражданским обществом понимается сфера общества, характеризующаяся спонтанным самоуправлением индивидов и добровольно сформировавшимися ассоциациями и организациями граждан, которая защищена от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны органов государственной власти [1, с. 14]. Известный российский исследователь, доктор философских наук, профессор *Юрий Ирхин* в статье «*Анализ взаимодействия гражданского общества и государства в Российской Федерации*» отмечает, что «под гражданским обществом понимается совокупность негосударственных социальных, духовных, религиозных, нравственных, семейных, национальных и других отношений; сфера самопроявления свободных индивидов и добровольно сформированных организаций и ассоциаций граждан, огражденная законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны органов государственной власти» [5, с. 44].

В социологии существуют разнообразные определения гражданского общества, основанные на разных теоретических подходах, в частности, на социологическом номинализме или социологическом реализме, структурном функционализме, символическом интеракционизме, этнометодологии, на конфликтных парадигмах и т. д. Британский социолог *Энтони Гидденс* также считает, что «гражданское общество являет собой область, внутри которой происходит накопление капитала, осуществляемое благодаря механизмам цены, прибыли и инвестирования в рынок труда и товарный рынок [4, с. 282].

В «*Российской социологической энциклопедии*» находим политизированный подход к данной дефиниции. Под «гражданским обществом» понимается «определенный общественный строй, организация семьи, сословий или клас-

сов, официальным выражением которого является политический строй, основанный на развитой системе гражданского права» [16, с. 331–332]. В белорусской философской и социологической науке в последнее время стало модным определение, которое предложили некоторые независимые исследователи: гражданское общество – это специфический институт, регулирующий отношения людей (групп, ассоциаций) с государством и друг другом на основе легальных социальных норм по поводу перераспределения властных полномочий; конституирующихся в совокупность самодеятельных организаций, созданных по инициативе граждан для представления и защиты их частных интересов [18, с. 11].

Отмечая сложность и полифункциональность понятия «гражданское общество», учитывая прежде всего позитивные подходы Джона Локка и Томаса Пейна, предлагаю следующее авторское определение: гражданское общество – *это общество свободных и полноправных граждан, которое формируется на основе принципов плюрализма и демократии, правового равенства граждан, их самоопределения и самоорганизации, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создать необходимые и достаточные условия для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших потребностей, роста правосознания и правовой культуры*.

В данной работе впервые в социологической науке гражданское общество рассматривается как *кибернетическая модель*, имеющая специфические «входы» и «выходы». *«Входы»* – внешние по отношению к системе процессы и явления, тем или иным образом воздействующие на нее. На «входы» поступают импульсы в форме требований и пожеланий граждан. *«Выходы»* – конкретные управленческие решения, законы и нормативные акты, принимаемые после обработки внешних раздражений [23].

Социологическая модель гражданского общества может состоять из нескольких блоков.

экономический блок;
социальный блок;
политический блок;
правовой блок;
духовный блок;
ценностный блок;
управленческий блок;
информационный блок [7; 11].

Чтобы совокупность различных блоков стала системой, необходимо *интегративное* качество, которое составляют *властные функции, частная собственность, высокие правовые нормы, развитые гражданские сознание и культура, свобода и демократия*. В каждой из подсистем имеются *системообразующие элементы,* целенаправленное воздействие на которые приведет к измене-

нию качественного состояния как относительно самостоятельных блоков, так и самой системы – гражданского общества в целом.

Экономический блок. В эту сферу входит широкая сеть структур гражданского общества, образованных негосударственными организациями, функционирующих в условиях рыночной экономики со всеми вытекающими из этого последствиями – экономическими рисками, вероятностью банкротства, жесткой конкурентной борьбой и т. д. Основными структурными подсистемами и элементами данного блока являются рыночная экономика, частные фирмы, арендные предприятия, акционерные общества, добровольные объединения в области хозяйственной деятельности, созданные по собственной инициативе граждан без участия государства. Одной из задач экономической подсистемы является развитие индивидов на основе разнообразных форм собственности и свободной конкуренции между всеми субъектами деятельности. Системообразующими элементами в данном блоке, целенаправленное воздействие на которые даст желаемые результаты, являются *способ производства* и *частная собственность* как базовое условие свободы индивида. Наличие частной собственности детерминирует независимость человека от государства и требует от ее обладателя повышенной активности, предприимчивости и организованности.

Анализ многолетних мониторинговых исследований Института социологии НАН Беларуси дал основание утверждать о неоднозначности представлений основной массы населения о происходящих в Республике Беларусь экономических процессах. Не многие жители белорусского государства знают и поддерживают изменения, происходящие в экономике страны. На вопрос социологической анкеты «Знаете ли Вы об объявленном курсе на либерализацию белорусской экономики?», только 12,8 % ответили положительно, 26,4 % – слышали кое-что, 58,2 % – ничего вообще не знают. Только 6,2 % населения страны поддерживают курс на либерализацию белорусской экономики, 11,2 % – скорее поддерживают, чем не поддерживают, 21,6 % – затрудняются ответить [6, 11; 12].

Социальный блок. Гражданское общество как система охватывает собой не только экономические, но и социальные отношения, которые детерминируют решение многочисленных проблем. Одним из системообразующих элементов в данном блоке является *средний класс.* Как утверждают многочисленные научные источники, в странах Запада средний класс является гарантом стабильности общества. Однако существует ли он вообще, не является ли представление о нем мифом, который придумали журналисты и философы, политологи и социологи. Если существует, то каковы параметры и характеристики, базовые границы и тенденции развития? Постоянно ведутся поиски ответа, дискуссии относительно самого факта существования среднего класса в различных государствах, перспективах, критериях и условиях, необходимых для его развития.

В последние годы в социологической и политической науке стали «путать» средний класс и средние слои общества, что совершенно не одно и то же.

В рамках функциональной (статусной) концепции классов как одной из основных общественных страт (*Р. Арон, Д. Белл, Т. Парсонс, У. Уорнер, Х. Шельский*) достаточно часто выделяют следующие основополагающие качественные характеристики и параметры среднего класса владение материальной (частной) собственностью; уровень образования и доходов; стандарты потребления; владение интеллектуальной собственностью, способность к высококвалифицированному труду, субъективное восприятие человеком своего положения – т. е. его самоидентификация как представителя «социальной середины».

С данным подходом, касаясь гражданского общества, трудно согласиться. Необходим основополагающий элемент, характеризующий данную дефиницию. Таким фактором, по нашему мнению, является *отношение к частной собственности*. Представитель среднего класса должен быть собственником. Он должен реально обладать частной собственностью, теми средствами, которые необходимы человеку для его нормального существования. Он свободен в выборе форм собственности, определении профессии и вида труда, распоряжении результатами своей деятельности. При государственной собственности на средства производства государство способно контролировать деятельность индивидов, навязывать им свои управленческие решения, при частной собственности – нет. По данным социологических исследований, в Республике Беларусь более двух третей населения страны считают себя людьми со средним достатком. Это основа будущего среднего класса в понимании Р. Арона, Д. Белла и др. Как считает профессор *Игорь Котляров*, средний класс в белорусском обществе составляет только около четырех процентов [7; 19–21].

Вторым системообразующим элементом в социальном блоке является *социальный капитал* как совокупность знаний, опыта и потенциала членов гражданского общества, его проявления в экономическом поведении людей. Ценностные установки и мотивация, настроения и ожидания работников наряду с профессиональными компетенциями становятся решающим фактором создания и развития гражданского общества.

Политический блок. Гражданское общество представляет сферу политической активности граждан, которые выступают как независимые индивиды, преследующие частные цели и интересы. Политическая сфера гражданского общества – это прежде всего политические партии, общественные движения, гражданские инициативы и ассоциации, имеющие определенные властные функции, направленные на реализацию интересов, прав и свобод граждан, обеспечение социальной защиты и справедливости. Это отношения, складывающиеся на основе политических взаимодействий и возникающие через участие во властной деятельности, различные формы общественно-политической активности граждан (митинги, собрания, демонстрации).

Необходимым условием существования гражданского общества является наличие развитой политической структуры, детерминирующей реализацию различных общественных требований. Эта структура выражает интересы различных социальных групп, от их имени участвует в принятии политиче-

ских решений и обеспечивает прочную связь между индивидами, обществом и государством. Основную роль в данном случае играют и являются системообразующим фактором *политические партии* [8; 9].

Политические партии – это основа представительной и партиципаторной демократии. Благодаря политическим партиям каждый человек может принять участие в разработке управленческих решений, оказать определенное влияние на государство. В условиях наличия гражданских прав и разделения властей, регулярности выборов и политической конкуренции политические партии обеспечивают эффективное функционирование институтов гражданского общества и представительной демократии.

Как утверждает профессор *Игорь Котляров*, современная белорусская многопартийная система в настоящее время находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех подсистем и блоков, всех уровней порядка [8; 9].

Можно назвать несколько важнейших причин провала белорусской многопартийности. Белорусские политические партии практически не принимают участия в общественной жизни страны, не откликаются на злободневные события. Их не видно и не слышно, даже во время значительных политических мероприятий.

У подавляющего большинства белорусских политических партий нет интересных, запоминающихся лидеров, отвечающих современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать это. Как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров многие люди вообще никогда ничего не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00… % [8; 9; 12].

Не работает на рейтинг политических партий и законодательство белорусского государства. Некоторые политики и журналисты считают, что необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность белорусским партиям стать реальной политической силой. Среди них, например, называют переход с мажоритарной на пропорциональную избирательную систему. Однако будет ли лучше? В политические партии полезут карьеристы, авантюристы, популисты и демагоги, стремящиеся и здесь получить собственную выгоду, что, кстати, уже было [8; 9; 12].

Правовой блок. Гражданское общество – это общественный феномен, имеющий правовое содержание. В основе этого блока находятся законы как обладающие высшей юридической силой нормативные акты, принятые в особом порядке высшим представительным органом государственной власти или непосредственно народом и регулирующие наиболее важные общественные отношения. Важнейшим условием гражданского общества является обеспечение правовыми методами прав и свобод граждан, социальной защиты и справедливости, свободы и демократии, плюрализма мнений и возможности каждого человека выражать свою политическую волю. Системообразующими элементами являются *правовые нормы и высокие правовые культура и сознание*.

Однако до сих пор не принят один из важнейших законов формирования современного гражданского общества. Это Закон «Об Уполномоченном по правам человека». Впервые должность омбудсмена была введена в Швеции в 1809 г. и с тех пор получила широкое распространение. Основное свойство омбутсмена – независимость, структурное и функциональное отделение от всех органов власти. Сегодня подобные институты существуют во многих странах Европы, имеющих большой опыт деятельности гражданского общества. Председатель комиссии Верховного Совета Республики Беларусь XIII созыва по правам человека, национальным вопросам, средствам массовой информации, связям с общественными объединениями и религиозными организациями профессор И. В. Котляров был одним из авторов законопроекта Республики Беларусь «Об Уполномоченном по правам человека». Данный законопроект был принят парламентом в двух чтениях, но в связи с изменением политической ситуации не подписан Президентом страны. По данному закону, Уполномоченный по правам человека является независимым должностным лицом. Он не входит в систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти и не подотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. Он должен прежде всего защищать законные права и интересы граждан. Институт Уполномоченного по правам человека – это самостоятельный государственный орган, который выполняет важные функции в современном гражданском обществе. Принятие данного закона поможет решить многие проблемы нормативными методами [10, с. 5–14].

Гражданское общество не может быть «взято со стороны». Оно должно развиваться на основе собственной национальной культуры. ***Духовный блок*** – это сфера отношений людей по поводу духовных ценностей, их формирования, распространения и усвоения различными социальными группами и слоями общества. При этом под духовными ценностями понимаются прежде всего наука и знания, мораль и нравственность, гражданская культура и нормы поведения, т. е. все то, что составляет духовную основу гражданского общества. Именно духовная сфера гражданского общества предполагает свободу слова; самостоятельность и независимость творческих, научных и других объединений и структур, творческих личностей от государственного воздействия, призвана обеспечить свободу мысли, совести, слова, реальную возможность публично выражать свое мнение. Системообразующим элементом в данном блоке является ***гражданская культура,*** детерминирующая саморазвитие и самоуправление членов и структур гражданского общества к лучшему будущему [6; 7; 11; 12].

Гражданское общество не может существовать без определенного набора норм и идеалов, правил и установок и находится в постоянном поиске новой ценностной парадигмы. ***Ценностный блок*** гражданского общества акцентирует внимание граждан на тех ценностях и нормах, которыми руководствуется личность в ее отношениях с социумом и государством. Существует множество мнений по поводу того, какие ценности должны быть основными

в современном гражданском обществе. По этому вопросу спорят и политики, и ученые. Но бесспорными остаются универсальные ценности как основа гражданского общества. Среди них – ценность человеческой личности и порядок, солидарность и свобода на всех уровнях и во всех проявлениях, равенство перед законом и созидательный труд, социальная справедливость и самореализация в интересах общества.

С признанием человека высшей ценностью гражданского общества непосредственно связано представление о справедливости, которая занимает особое место в оценке общественной и личной жизни. Справедливость формирует пространство свободы личности в гражданском обществе, а ответственность есть способ утверждения равенства шансов для каждого человека. Невозможно представить себе современное гражданское общество без патриотизма как особой системообразующей ценности, духовной основы его единения, сохранения самобытности и своеобразия, обеспечивающей целостность и величие народа, его внутреннюю способность преодолеть все трудности ради Отчизны [6; 7; 11; 12].

Управленческий блок. Гражданское общество стало формироваться только тогда, когда индивид почувствовал себя частью управленческого механизма, ощутил в себе властные функции. Именно самоуправление играет ключевую, определяющую, интегрирующую роль в вовлечении индивидов в организации гражданского общества и чаще всего происходит на низовых уровнях общества. Никакая общественная проблема не может быть решена без активного участия местного самоуправления, без придания ему статуса главного звена в управлении обществом. Одной из важных характеристик динамики гражданского общества является гражданская инициатива как осознанная и активная деятельность во благо народа. Системообразующим элементом в данном блоке являются *органы местного самоуправления.*

В деятельности органов местного самоуправления современной Беларуси имеются существенные проблемы. Например, многие члены органов местного самоуправления не владеют необходимым набором личностных качеств, не являются политически и социально активными, не способны постоять за интересы своих коллег или односельчан. В местные органы самоуправления достаточно часто приходят люди, которые раньше никогда не занимались общественной деятельностью, которые не способны эффективно отстаивать интересы граждан. Однако в этом виновато прежде всего не государство, а основные структурные элементы гражданского общества – политические партии, которые не готовят людей для этой сложной работы [6; 7; 11; 12].

Информационный блок. В основе данной сферы гражданского общества находится конституционное право каждого гражданина на доступ к различного рода информации, свободу слова, свободу производить, получать, передавать, распространять информацию любым законным способом, на широкий и постоянный обмен коммуникативными технологиями с другими государствами. Право на информацию является естественным правом человека, оно

не даровано государством и существует независимо от него. Системообразующий элемент данного блока – *средства массовой коммуникации,* прежде всего *электронные.*

Огромную роль в формировании белорусского гражданского общества, развитии гражданской культуры могут играть средства массовой информации, прежде всего телевидение. Именно они должны способствовать формированию высоких нравственных ценностей, идеалов и ценностных ориентаций. Особенно важно, чтобы средства массовой информации объективно информировали граждан, способствовали пониманию происходящих в обществе процессов, активности социальных субъектов. Первостепенное значение в этом играет активная гражданская позиция самих журналистов, их профессиональное мастерство. Как показали социологические исследования, в настоящее время с помощью телевидения получают основную общественно-политическую информацию 94,0 % населения страны. 44,3 % респондентов чаще всего получают информацию по радио, 52,3 % – из газет и журналов, 31,7 % – из Интернета, 30,0 % – от знакомых и соседей, 9,7 % – через официальное информирование по месту работы [6; 11; 12].

Как показывает социальная реальность, средства массовой информации способны воспитать гражданина, патриота, героя. Но от их влияния могут сформироваться подлецы и негодяи, лицемеры и демагоги. Ведь современные электронные средства массовой информации, как утверждают многие аналитики, характеризуются потерей вкуса, жалким примитивизмом, невежественным мышлением, вседозволенностью. Во многих белорусских телепрограммах и телесериалах доброту и искренность, любовь и патриотизм вытеснили эротика, насилие, озлобленность, оскорбление и унижение. На экранах телевизоров чаще видишь кровь и грязное белье, чем сострадание [6; 11; 12].

Однако как оценивать слова одного из самых известных телеведущих России Владимира Познера: «Я не понимаю, что такое патриотизм на телевидении». «...Нельзя приказать телевидению воспитывать любовь к родине». «Кстати, иностранное не всегда означает «плохое». Скажем, не все «мыльные оперы» примитивны». «И наоборот, есть отечественные передачи, сомнительные с точки зрения нравственности. Например, так называемые православные – они просто вредные, по-моему. Потому что враждебны ко всему остальному, возбуждают чувство обособленности, превосходства. Это пропаганда мракобесия». «Поражает ханжеское возмущение обилием тампаксов» и т. д. [19, с. 136–155].

Гражданское общество в Беларуси еще недостаточно активное, чтобы выражать аргументированное мнение по всем проблемам гражданского строительства. И все же некоторые институты гражданского общества эту роль начинают успешно выполнять. При дальнейшем становлении белорусского гражданского общества важно учитывать не только западные и восточные модели указанного общества, но прежде всего собственный опыт, обусловленный традициями, менталитетом, уровнем правовой культуры и правосознания белорусских граждан. Необходима модель своеобразного контракта

между гражданским обществом и государством, в котором будут оговорены обязанности двух сторон, направленные на защиту интересов государства, общества и народа. В рамках этой модели белорусское государство должно гарантировать безопасную и достойную жизнь своих граждан, их счастливое детство, спокойную и обеспеченную старость, отвечать за качество и последствия принимаемых управленческих решений. Гражданское общество должно взять на себя определенную долю ответственности за положение дел в стране, принимать участие в формировании национальной идеологии и стратегии национального развития; осуществлять гражданский контроль над деятельностью органов и институтов государственной власти. Тогда не будет никаких катаклизмов в белорусском обществе и государстве, будут политические и социальные стабильность и спокойствие [6; 11; 12].

Литература

1. *Гайнутдинова, Л. А.* Гражданское общество и процесс глобализации / Л. А. Гайнутдинова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2009. – 359 с.

2. *Гегель, Г.* Философия права / Г. Гегель – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.

3. *Геллнер, Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его соперники / Э. Геллнер. – М.: Ad Marginem, 1995. – 240 с.

4. *Гидденс, Э.* Устроение общества. Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.

5. *Ирхин, Ю.* Анализ взаимодействия гражданского общества и государства в Российской Федерации / Ю. Ирхин // Научный эксперт. – 2008. – № 3. – С. 44–61.

6. *Котляров, И. В.* Гражданское общество как философская проблема / И. В. Котляров // Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы междунар. науч. конф. Минск, 16–17 дек. 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 205–212.

7. *Котляров, И. В.* Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2004. – Т. 1. – 286 с. Т. 2. – 284 с.

8. *Котляров, И. В.* Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И. В. Котляров. – Минск: МИУ. – 2006. – Т. 1. – 364 с. Т. 2. – 240 с.

9. *Котляров, И. В.* Социология политических партий / И. В. Котляров. – Минск: Беларус. навука. – 2011. – 388 с.

10. *Котляров, И. В.* Уполномоченный по правам человека: законодательное обеспечение, проблемы, перспективы / И.В. Котляров // Дорогой защиты и реализации прав человека. – Брест: Изд-во С. Лаврова, 2000. – С. 5–14.

11. *Котляров, И. В.* Управление совершенствованием гражданского общества: нормативный аспект / И. В. Котляров, Т. В. Хузеева // Экономика и управление. – 2006. – № 4. – С. 66–73.

12. *Котляров, И. В.* Что делать страусу на каменном полу, или О проблемах формирования гражданского общества / И. В. Котляров // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы гос. управления процессом модернизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 20–21 окт. 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 211–223.

13. *Локк, Д.* Два трактата о правлении. В первом ложные принципы и основания сэра Роберта Филмера и его последователей исследуются и опровергаются. Второй есть опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления / Д. Локк // Сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.

14. *Пейн, Т.* Избранные сочинения / Т. Пейн. – М.: АН СССР, 1969. – 633 с.

15. *Резник, Ю. М.* Гражданское общество как понятие / Ю. М. Резник // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 140–157.

16. Российская социологическая энциклопедия. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 672 с.
17. *Руссо, Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 31–108.
18. *Смирнов, В. Э.* Гражданственность как социальный ресурс управляемости обществом: социологический анализ: автореф. дис. канд. соц. наук: / В. Э. Смирнов. – Минск, ИС НАНБ, 2011. – 23 с.
19. *Стариков, Е. Н.* Адаптанты / Е. Н. Стариков // Наш современник. – 1999. – № 2. – С. 136–155.

T. OKUNEVA

CONCEPT OF CIVIL SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSES

Summary

In this article the concept of civil society has been considered, it definitions have been analyzed, and proposed authors definition. Fundamentally new cybernetic model has been worked out, the nature and content of it basic elements have been analyzed.

Key words: civil society, cybernetic model, private property, middle class, political parties, interests and values, local government

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.328.83(53)

Н. В. МАРТИНОВИЧ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Важнейшей структурой, которая регулирует деятельность современных государств, является политическая система. Она должна детерминировать решение важнейших социальных проблем, пользоваться доверием народа, эффективно влиять на ход общественных процессов и способствовать реализации основных требований людей. Сегодня в Республике Беларусь начинается процесс модернизации политической системы белорусского общества.

Ключевые слова: политическая система, модернизация, политические институты, вход, выход, политические партии, избирательная система, информация.

Выступая на заключительном совместном заседании Совета Республики и Палаты представителей Национального собрания четвертого созыва, Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко заявил: «На повестке дня следующая колоссальная историческая задача – модернизация страны, прорыв Беларуси в элитный клуб высокоразвитых стран. Сегодня это кому-то может показаться фантазией, но когда-то и мысль о том, что Беларусь способна существовать как суверенное государство, проводить собственную независимую политику, также казалась несбыточной. Я очень бы хотел надеяться, – подчеркнул Президент Беларуси, – и я сторонник этого, чтобы нынешний парламент пятого созыва приступил к некой модернизации нашей политической системы [11].

Еще раньше Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко в интервью Информационное агентство «Синьхуа» отметил: «Мы сегодня изучаем определенные тенденции в мире. И, конечно же, мы и приспосабливаться будем, и модернизировать нашу политическую систему. Думаю, что нам надо обратить серьезное внимание на политическую реформу» [5].

Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь *Анатолий Рубинов* особо подчеркнул: «Посыл Президента совершенно понятен: нужно постепенно приходить к тому, чтобы партии играли более существенную роль в политической жизни страны, в том числе парламентской. В мире давно сложились принципы многопартийности, и нам следует постепенно двигаться в этом направлении. Думаю, что в будущем в стране появятся крепкие партии. Тогда, вероятно, можно будет от мажоритарного переходить к смешанному принципу проведения парламентских выборов» [13].

Достаточно интересно на эту тему высказался Дмитрий Медведев, выступая на заседании Государственного совета, посвященного развитию политической системы России: «За последние годы были приняты действенные решения, направленные на укрепление и укрупнение партий… Партии получают финансирование из федерального бюджета, т. е. существуют практически на деньги избирателей… Общество и государство дали партиям особые права. Количественные показатели роста партийных структур впечатляют. Но теперь задача развития и обновления общества и государства требует от партий повышенного внимания к работе и особого качества демократических институтов, адекватности представительства интересов граждан, ответственного подхода к выбору приемов политической борьбы, честности, стало быть, и ясности в позициях». Однако «политическая система не должна дрожать, как жидкий студень, при каждом к ней прикосновении», – отметил на этом совещании Владимир Путин [14].

Из сказанного возникает целый ряд важных и сложных вопросов: что такое современная политическая система? Какая ее структура? Что конкретно делать по совершенствованию политической системы белорусского общества в рамках пожеланий Президента белорусского государства?

Известный австрийский биолог *Людвиг фон Берталанфи* первым ввел в научную терминологию дефиницию «система». Основные идеи общей ее теории ученый изложил в лекциях, прочитанных в 1937–1938 гг. в Чикагском университете, а в 1969 г. опубликовал свой важнейший труд *«Общая теория систем».* В нем он сформулировал главную цель новой науки – создание математического аппарата описания систем физической природы и установление изоморфизма законов в различных областях знания. Л. фон Берталанфи неоднократно подчеркивал, что любой общий закон проявляется во всех объектах, попадающих под его действие, и считал, что общим признаком всех объектов является то, что они есть системы [2]. Под *системой* Л. фон Берталанфи понимал совокупность взаимосвязанных элементов, представляющую целостное образование или обладающую свойством целостности. *Целостным* он считал такое образование, которое обладает новыми системными свойствами, отсутствующими у составляющих ее элементов. Таким образом, главным признаком системы является, по Л. фон Берталанфи, наличие элементов и связей между ними, а в качестве основных ее характеристик рассматривал целостность и зависимость, структурность и иерархичность [2].

Через некоторое время в результате многочисленных исследований сформировалось одно из самых популярных в настоящее время определений системы. *Система* – это множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, взглядов, знаний), представляющее собой определенное целостное единство. Характерным признаком системы является *эмерджентность* – наличие у системы свойств целостности, т. е. таких свойств, которые не присущи составляющим ее элементам.

В политическую науку системный анализ ввел известный американский социолог, один из авторов теории действия и системно-функционального ана-

лиза *Толкотту Парсонсу.* Объектом его работ *«Социальная система», «Общества: эволюционный и сравнительный анализ»,* «*Системы современных обществ»* было общество как система, элементами которой выступали экономическая, политическая, правовая и идеологическая подсистемы. Им соответствовали определенные функциональные категории, обеспечивающие функционирование системы [12].

Американский социолог и политолог профессор Чикагского и Калифорнийского университетов *Дэвид Истон* создал теоретическую модель политической системы, которая не зависела от каких-либо социально-экономических или культурных факторов и была построена путем выделения ее наиболее общих и универсальных параметров. По его мнению, политическая система может быть определена как совокупность тех взаимодействий, посредством которых ценности авторитарным способом приносятся в общество, это именно то, что отличает политическую систему от других взаимодействующих с ней систем. Политическая система – это определенная структура власти и непрерывный процесс, «взаимосвязанный поток поведения», стабилизированный обратной связью. Процесс функционирования системы ученый понимал как взаимодействие трех ее основных элементов: «входа», «конверсии» и «выхода». На «вход» подаются различные экономические, социальные, политические, культурные и другие требования или поддержка государственной власти по различным проблемам. Через переработку этих требований властными структурами в соответствии с определенными ценностями вырабатываются те или иные управленческие решения, которые передаются на «выход» системы [5; 6].

Но что представляет собой политическая система современного общества? В самом общем смысле под политической системой понимается весь спектр политических институтов и отношений субъектов по поводу политической власти. Профессор *Игорь Котляров* в исследовании «*Политология: структурно-логическая и графо-аналитическая модель»* предложил следующее определение: *политическая система* – это целостная, упорядоченная совокупность взаимодействующих политических институтов и организаций, с помощью которых осуществляется политическая власть и управление обществом, и политических идей и идеалов, отношений и ролей, процессов и связей, норм и принципов, ценностных установок и ориентиров, направленных на реализацию властных отношений [3, с. 34].

Для более глубокого понимания сущности современных политических систем важно выделить основные подходы к их изучению и анализу.

Достаточно популярным в настоящее время является *системный* метод. Этот подход рассматривает общество как сложную, динамичную, самодостаточную, постоянно развивающуюся систему, состоящую из целого ряда подсистем: экономической, социальной, политической, духовной и др. Каждая из них выполняет специфические функции, назначение которых сводится к выработке и реализации целей системы, ее управлению [1; 2; 5; 6].

Структурно-функциональный метод анализа политической системы тесно связан с американскими учеными Г. Алмондом, Р. Пауэллом и другими

[1; 5; 6]. Сторонники структурного функционализма особое внимание уделяют факторам окружающей среды, детерминирующим комплекс экономических, социальных, культурных, духовных и других процессов и явлений, тесно связанных и активно взаимодействующих с политической системой. Сложная структура взаимодействия политической системы с окружающей средой через «входы» как каналы влияния среды на политическую систему и «выходы» как обратное воздействие на среду существенно влияет на порядок расположения и развития системообразующих элементов и факторов системы, выполняемые ею функции и конечные результаты.

Сторонники *институционального* метода рассматривают политическую систему как комплекс политических институтов, с помощью которых осуществляется управление развитием государства и общества [8].

Много теоретических споров происходит и о структуре политических систем. Под *структурой* понимается внутренняя организация, выступающая как комплекс элементов системы и устойчивых взаимосвязей между ними.

Однако подобные подходы имеют огромное количество проблем и недостатков. Исследователи сразу же столкнулись с четырьмя существенными проблемами: субъективности, многомерности, неопределенности и размытости критериев политического поведения. Действительно, в политическом процессе участвуют живые люди со своими стремлениями, ожиданиями, стереотипами и предрассудками, которые то активно включаются в политические процессы, то по каким-то не всегда понятным причинам впадают в апатию и игнорируют свои политически значимые интересы. В то же время личность как таковая классиков теории политических систем практически не интересовала. Во всех моделях политических систем политический субъект, человек был исключен из действующих факторов политической деятельности. А когда включался, то оказывалось, что роль участника политического процесса не сводится к простой адаптации гражданина к политической системе, пассивному усвоению им имеющихся образцов, как утверждали классики теории политических систем. Не срабатывали автоматически и нормативные ролевые предписания. Д. Истон даже считал, что нормой является полная лояльность гражданина политической системе, а критика существующих проблем ведет к ее дестабилизации.

Д. Истон рассматривал политическую систему как «черный ящик». Ему были неизвестны процессы, которые происходили внутри политической системы, как осуществлялось преобразование всего того, что подавалось на «вход», в то, что система имела на выходе. Практически никто из исследователей не смог четко объяснить, как биологические импульсы окружающей среды превращались в нормативные акты, законы и политические решения или как оформить биологические требования в виде политического заказа. Модель не объясняет, почему достаточно часто управленческие структуры принимают решения, которые не исходят из пожеланий граждан, более того, часто противоречат их интересам и требованиям. Очень трудно, практически невозмож-

но с помощью застывшего институционального инструментария определить причины и факторы, направленность развития сложнейших политических систем. В то же время структурно-функциональный подход практически не изучает процессы, проходящие внутри политической системы [1; 2; 5; 6; 12].

Очень важно минимизировать данные проблемы, ликвидировать имеющиеся недостатки. Для этого предлагаю принципиально новый подход к изучению политических систем, ранее не использовавшийся в социологической науке, новую *комбинированную* модель политической системы, которая представляет собой комплекс четких, ясных, логически обоснованных понятий и отношений. Это новый взгляд на давно, казалось бы, изученные вопросы. В то же время данная модель включает в себя лучшие результаты научного знания, полученные ранее многими научными школами.

Политическая система любого современного общества, по моему мнению, может состоять из трех важнейших подсистем: *функционально-коммуникационной, институционной*, *нормативно-идеологической*.

В институциональную подсистему могут входить следующие структурные элементы политической системы: президент как важнейший политический институт, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления, политические партии, политические элиты, политические лидеры, политические акторы и электорат [7].

Центральным, системообразующим элементом, каркасом политической системы в современных условиях является *политическая власть* – реальная способность политических субъектов (индивидов, групп, слоев, институтов, классов) навязывать и проводить свою волю с помощью правовых и политических норм и специального института – государства насильственными или ненасильственными методами. Политическая власть имеет целый ряд особенностей. Она касается интересов больших масс людей, выражается в управлении обществом со стороны определенных групп или элит, занимающих доминирующее положение в общественной иерархии, осуществляется как через государство, так и через специфические организации, институты, политические группы или элиты.

Основанием для включения в политическую систему является прямое, непосредственное или косвенное участие в принятии политических решений. Только те компоненты, которые организованно и непосредственно связаны с политической властью, целенаправленно воздействуют на нее, могут быть структурными элементами политической системы [3; 7].

В состав институциональной системы входят конкретные политические *институты*, обладающие политической властью. Это организации, учреждения, различные структуры общества, непосредственно связанные с политической деятельностью, принимающие непосредственное или опосредованное участие в деятельности властных структур, принятии политических решений на основе строго фиксированных законов и политических норм. По моему убеждению, это государство, различные политические институты, политиче-

ские партии, элиты, лидеры и электорат. Именно они в современном обществе «производят» политическую власть.

Центральным институтом, ее стержнем политической власти является *государство.* Трудно согласиться с некоторыми учеными, которые говорят и пишут – политическая система государства. Государство входит в состав политической системы, является одним из структурных ее элементов, но наиболее важным.

В современном государстве достаточно много структурных элементов, которые выполняют властные политические функции. Среди них следует выделить институт президентства, правительство, парламент, местные органы управления и самоуправления. Важнейшую роль в политической системе играет *Президент* страны. В Беларуси уровень доверия Президенту страны самый высокий среди всех социальных и политических институтов государства.

Парламент как представительный и законодательный орган способен резко повысить политическую активность граждан, помогает им осознать интересы и согласовывать их между собой. Именно парламент, заменяя конфликты и гражданское противостояние согласием, детерминирует реальную возможность избежать открытого столкновения и политического насилия. Белорусский парламент эффективно выполняет свои функции, однако есть и существенные проблемы. Например, как показывают результаты социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, многие избиратели не знают своего депутата и не могут обратиться к нему за помощью.

Правительство – это комплекс учреждений и институтов, организующих эффективную и целенаправленную деятельность государства. Оно, как правило, является коллегиальным органом и возглавляет единую систему органов исполнительной власти.

Формирование демократических ценностей и идеалов в условиях развития демократии и становления современных политических систем невозможно без эффективной системы *местного управления и самоуправления.* Прямое участие людей в управлении государством, в разработке и принятии политических решений формирует у граждан конкретные личностные социальные, конституциональные или интеллектуальные качества, направленные на решение как государственных, так и региональных проблем, позволяет эффективно выполнять управленческие функции. Однако, как показывают социологические исследования, только треть граждан белорусского государства полностью доверяют местным органам управления, примерно столько – не доверяют. Четвертая часть населения страны считает их работу эффективной, пятая – не совсем эффективной. В рамках дальнейшей модернизации политической системы белорусского общества необходимо предоставить значительно больше свободы и экономических возможностей органам местного самоуправления [7].

Важную роль в современных политических системах играют *политические лидеры.* Политический лидер – это социальный субъект, который наи-

более полно отражает и защищает интересы народа или определенной социальной группы, трудового коллектива или политической партии, оказывает постоянное и эффективное влияние на их политическую деятельность, благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и ценностным ориентациям, авторитету и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса, пользуется активной поддержкой их членов, признается ими в качестве ведущего и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных политических ситуациях. От политических лидеров во многом зависит направленность развития политических структур [3; 8].

Политическая элита – это относительно небольшая часть общества, концентрирующая в своих руках значительный объем политической власти, обеспечивающая интеграцию, субординацию и отражение в политических установках социальных интересов различных слоев общества и создающая механизм реализации их политических целей и задач. В условиях депрессий, рецессий, стагнаций, политического и экономического коллапса роль политических элит существенно возрастает. В периоды разрушения старой и создания новой политической систем ведущая роль принадлежит именно политическим элитам. К сожалению, не единичны случаи, когда в трудные минуты одни элиты стремятся решать общенациональные проблемы, другие – узкокорпоративные задачи и предают интересы народа [3; 8].

Важнейшими структурными элементами современных политических систем являются *политические акторы* как носители политических действий. Это конкретные политические субъекты или стабильные общности людей, объединенные едиными политическими интересами, мотивами, нормами деятельности и воздействующие на процесс принятия и осуществления политических решений.

По моему мнению, в политическую систему входит и *народ* в качестве электората. Это граждане страны, влияющие на политическую жизнь и в результате выборов формирующие политическую власть, избиратели, которые голосуют за определенную политическую силу на парламентских, президентских или муниципальных выборах. Именно эта часть электората, которая поддерживает ту или иную политическую партию, превращает ее во влиятельную силу, выступает основой ее политической деятельности. В условиях демократии установки, цели и интересы электората превращаются в программы различных политических структур. В последнее время народ резко политизировался. На улицы городов 36 стран в конце прошлого года вышли сотни тысяч демонстрантов. События в Греции и Испании, Португалии и России, Италии и Великобритании, США и Израиля показали, что народ явочным порядком становится активным субъектом публичной политики.

В число важнейших структурных элементов политической системы входят *политические партии.* Это общественные, обладающие особым правовым статусом политические организации, представляющие собой добровольный

союз людей, объединенных общностью политических взглядов, едиными политическими, экономическими, социальными, культурными и иными интересами, формально зафиксированными в программных документах, союз, который, опираясь на определенную идеологию, стремится активно участвовать в общественно-политической жизни и преследует цель завоевания и осуществления политической власти. Главной задачей современных политических партий является превращение множества частных интересов отдельных граждан, социальных слоев и групп в совокупный политический интерес и обеспечение его реализации. Именно партии направляют неуправляемую стихийную энергию социальных протестов в русло легитимной борьбы за политическую власть и лучшее будущее [9; 10].

Как показывает социологический анализ, в настоящее время белорусская многопартийная система стремительно деградирует. Она находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Практически все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. Очень мало жителей нашей страны видят среди белорусских политических партий ту силу, которая способна защитить их интересы и ценности, понять их желания и потребности, эффективно представлять их на высшем государственном уровне [9; 10].

По данным социологического мониторинга, постоянно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, политическим партиям страны доверяет 9,18 % населения Беларуси, не доверяет – 43,44 %. Если бы в ближайшее время в нашей стране проводились выборы в парламент по «партийным спискам», то треть избирателей проголосовали бы против всех политических партий. Почти 2/3 респондентов вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего не знают о белорусских политических партиях [9; 10].

Введение пропорциональной избирательной системы вместо мажоритарной поможет, как предлагают некоторые политики, при помощи «ручного управления» может значительно увеличить рейтинг политических партий, решить некоторое количество проблем, волнующие партии и общество.

Однако имеются существенные проблемы, о которых сегодня стремятся не говорить. Например, при повышении реальных возможностей политических партий в них усиленно полезут карьеристы, авантюристы, проходимцы, популисты и демагоги, стремящиеся и здесь получить собственную выгоду, использовать политические структуры как трамплин для карьерного роста, что, кстати, уже было [9; 10].

Во-вторых, сегодня в стране достаточно много политически пассивных граждан. Только около четырех процентов жителей Беларуси верят в реальные возможности политики. Около восьмидесяти процентов избирателей, по мнению социологов, или не придут на выборы, или проголосуют против всех. Однако если не внести в избирательный бюллетень графу «Против всех»,

то совершенно не понятно, что будет выбирать такой избиратель. Будет ли он отдавать предпочтение благозвучным названиям политических партий, или же сработает протестное настроение. Все это достаточно непредсказуемо и может завершиться полным политическим хаосом [10].

Таким образом, по моему мнению, в политическую систему современного общества входят многие важные структурные элементы. Однако является ли комплекс этих параметров системой в целом, политической в частности? Конечно, нет. Необходимо иметь специальный систематизирующий блок, который придаст механическому набору элементов политической системы интегрирующее качество, будет способствовать формированию *эмерджентности* – образованию у системы свойств целостности, таких свойств, которые не присущи составляющим ее элементам. Таким блоком в политической системе, по моему мнению, является *нормативно-идеологическая* подсистема, основными элементами которой являются;

политические отношения – отношения между субъектами политической жизни – социальными слоями и группами, политическими лидерами и акторами – по вопросу устройства и функционирования политической власти;

политические принципы и нормативные акты, которые определяют поведение людей в политической жизни, регулируют политические отношения в рамках существующей политической системы, придавая им упорядоченность, определяя дозволенное и недозволенное, узаконивают политические порядки, способствуют идентификации политических акторов и формированию механизма распределения и закрепления политических ролей между членами общества;

политические ценности и идеалы, проявляющиеся в убеждениях и оценках, ценностных ориентациях, политических предпочтениях и ожиданиях политических акторов. Таким образом, ценности в политической системе «встроены» в индивидуальные формы политического сознания и являются регуляторами поведения людей. Причем, как показывает политическая реальность, политическая система предполагает наличие характерных для каждого конкретного общества политических идей (содержание) и политические структуры (формы), которые в комплексе определяют сущность политической системы, указывают ее цель, задают направление движения вперед;

политическое сознание как восприятие субъектами политической реальности, совокупность базовых политических знаний, ценностей, принципов, чувств, переживаний, оценок. Именно оно оказывает существенное влияние на политическое поведение людей и опосредует процесс создания, воспроизводства и интеграции основных подсистем политической системы;

политическая культура как комплекс наиболее типичных для общества стереотипов политического поведения, установок и ценностных ориентаций, традиций, мифов и символов осуществляет преемственность политических традиций, обычаев, политического, социального и исторического опыта.

политическая идеология как совокупность систематизированных представлений той или иной социальной группы граждан, выражающая и при-

званная защищать их политические интересы и цели. Это специфическая система взглядов на политическую власть, государственное устройство и способы урегулирования, стремление различных групп общества воплотить свои политические, социальные, экономические, национальные и другие интересы и предпочтения при помощи политических методов;

политическая психология как система духовных образований, содержащих в основном чувственно-эмоциональные представления людей о политических явлениях, складывающихся в процессе их непосредственного взаимодействия с институтами политической власти и осуществления своего политического поведения;

политическое настроение как эмоциональное состояние социальных групп и слоев, общества в целом, связанное с разными формами осуществления или неосуществления политических надежд и желаний, стремлений и замыслов. Как правило, политическое настроение – это субъективное отношение к субъектам политической системы, тем, кто мешает или помогает решению поставленных задач;

избирательная система как комплекс общественных отношений, предметом которых является формирование органов политической власти и наделение полномочиями должностного лица особым способом – путем выборов. При широком толковании понятие «избирательная система» включает в себя все общественные процессы и правила, связанные с выборами субъектов политической власти. В узком понимании избирательная система – это совокупность правил и приемов, регламентирующих процесс формирования органов политической власти в ходе выборов путем голосования, способ учета голосов избирателей и распределения мест в органах государственной власти между кандидатами (группами кандидатов) [7].

В настоящее время есть достаточно много интересных предложений по модернизации избирательной системы Республики Беларусь. Одним из них является предложение о представлении общественным объединениям права выдвижения кандидатов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь. Есть даже предложения применять меры административного воздействия для граждан, отказавшихся принимать участие в выборах.

Самым мобильным органом политической системы, структурой коммуникации социальных и политических требований является *функционально-коммуникационная подсистема*. В ее состав входят основные компоненты «входа» и «выхода». На «*вход*» поступают воздействия, которые по отношению к политической системе являются внешними, влияют на нее и способны определенным образом изменять ее.

На «*выходе*» формируется ответная реакция на взаимодействия, преобразованные политической системой, ее специализированными институтами в политические решения. Обратная связь между «входом» и «выходом» осуществляется через окружающую среду.

Среди основных компонентов «*входа*» современных политических систем можно выделить:

цели и задачи отдельных личностей, социальных групп и слоев;

идеалы и *предпочтения, ценностные установки и ожидания, настроения и интересы, чувства и традиции* социальных общностей, групп и слоев;

общественное мнение как регулятор социально-политических процессов, отношение социальных групп и слоев, общества в целом к различным событиям, фактам или процессам социальной действительности, в том числе к политической деятельности. Причем общественное мнение способно не только отражать объективную реальность, но и воздействовать на политическую деятельность людей через многочисленные механизмы социальных норм и контроля. Общественное мнение выполняет важную функцию контроля государственной власти, в то время как власть должна признавать общественное мнение, его значимость и авторитет;

мотивацию как процесс побуждения себя и других к политической деятельности для достижения политических целей, решения существующих проблем;

требования, направляемые в адрес органов государственного управления и местного самоуправления и служащие сигналом о наличии в обществе определенных проблем, противоречий и потребностей;

избирательный процесс как установленный в законодательном порядке комплекс целенаправленных действий, процедур, правил по организации и проведению выборов в структуры государственной власти;

социальные коммуникации как каналы передачи информации и убеждений. К ним относятся средства массовой информации: телевидение, радио, газеты с технологиями влияния, по представлениям которых люди получают определенную информацию о деятельности властей, различных политических сил, их эффективности и полезности, дают им свою оценку, формируют сове отношение к ним. Посредством этого структурного элемента обеспечивается связь между различными структурами политической системы. Для руководства и реализации политики, как правило, используется вертикальный поток информации от народа к инструментальным структурам политики и при помощи обратной связи – наоборот. Благодаря коммуникационному элементу стихийные действия по осуществлению властных функций облекаются в определенную форму цивилизационных политических взаимоотношений между людьми [3; 7; 8].

Можно выделить три уровня системы социальных коммуникаций. На первом уровне происходит отбор необходимых данных и их кодификация. На втором – сравнение полученной информации с доминирующими в обществе идеалами и ценностями, традициями и нормами, ее накапливание и хранение. Здесь формируются возможные варианты развития политических процессов. Полученные варианты передаются на третий уровень или центр принятия политических решений.

Готовые решения передаются в блок их реализации. Политические акторы, выполняя разработанные управленческие решения, информируют систему о результатах их реализации и состоянии самой политической системы. Инфор-

мация о проделанной работе подается на вход системы через петлю обратной связи [3; 8].

На «*выходе*» политической системы находятся:

государственно оформленные управленческие решения:

цели и задачи общества,

программа его жизнедеятельности;

законы и нормативные акты, регулирующие поведение граждан в различных ситуациях;

политические решения, направленные на разрешение имеющихся в обществе противоречий;

уточнение или введение политических символов;

заявления о политических намерениях;

контрольные действия, обеспечивающие соблюдение процедур, правил и норм [7].

Важнейшим компонентом политической системы, детерминирующим переработку социальной информации в политические решения, законы и нормативные акты, является *политический процесс*, который следует понимать как совокупность политических действий, включенных в систему политических отношений политических субъектов, активно реагирующих на требования социальных субъектов и окружающей среды.

За пределами институциональной подсистемы политический процесс приобретает вид *обратной связи* как воздействие результатов деятельности политической системы на характер этого функционирования и информирования структур гражданского общества о предпринятых политических решениях.

На основании выше изложенного предлагаю следующее авторское определение: *политическая система* – это комплекс политических институтов и организаций, с помощью которых осуществляется политическая власть и управление обществом, политических идей и идеалов, отношений и ролей, процессов и связей, существующих в социуме, подчиненных политическим, социальным, юридическим, идеологическим и культурным нормам и принципам, историческим традициям, ценностным установкам и ориентирам и направленным на реализацию властных отношений.

Разработка новой теоретической модели политической системы белорусского общества поможет учесть важнейшие пожелания и интересы всех социальных слоев и групп национального государства, обеспечить решение имеющихся проблем, стоящих перед социумом, повысить качество жизни белорусских граждан.

Литература

1. *Алмонд, Г.* Политическая наука: история дисциплины / Г. Алмонд // Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 174–183.

2. *Берталанфи, Л.* История и статус общей теории систем / Л. Берталанфи // Системные исследования. Ежегодник. 1973. – М.: Наука, 1973. – С. 20–38.

3. *Гребень, В. А.* Политология: структурно-логическая и графо-аналитическая модель / В. А. Гребень, И. В. Котляров // Минск: МИУ, 2011. – 592 с.

4. Интервью Президента центральным СМИ Китая // СБ – Беларусь сегодня. – 2012. – 20 янв.

5. *Истон, Д.* Категории системного анализа политики / Д. Истон // Политология: Хрестоматия / сост.: М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319–331.

6. *Истон, Д.* Новая революция в политической науке / Д. Истон // Социально-политический журнал. – 1993. – № 8. – С. 115–129.

7. *Котляров, И. В.* Политическая система белорусского общества: поиск оптимальной модели в условиях глобальных рисков / И. В. Котляров, Н. В. Мартинович // Иппокрена. – 2012. – № 1. – С. 114–131.

8. *Котляров, И. В.* Политическая социология: теория, история, методология, методика / И. В. Котляров // Минск: МИУ, 2004. – Т. 1. – С. 286. – Т. 2. – С. 284.

9. *Котляров, И. В.* Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1. – 364 с. – Т. 2. – 240.

10. *Котляров, И. В.* Социология политических партий Беларуси / И. В. Котляров. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 400 с.

11. Парламент четвертого созыва: пост сдан // Рэспубліка. – 2012. – 12 окт.

12. *Парсонс, Т.* Общетеоретические проблемы социологии / Т. Парсонс // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 25–68.

13. *Рубинов, А.* Совет и дело / А. Рубинов // 7 дней. – 2012. – № 3. – 19 янв.

14. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России**.** Режим доступа http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/print – Дата доступа: 18.11.2012.

N. MARTINOVICH

POLITICAL SYSTEM OF BELARUSIAN SOCIETY: SOCIOLOGICAL ANALYSES

Summary

Political system is one of the important structures adjusting social systems' functioning. Formation of political system is the lingering, complex and contradictory process. Real political life is not determined by all its elements. Effective elements are these, which keep trust of people, become a part of a power system, govern the public and political life from the point of people's view. Nowadays new political system is forming in the country.

Key words: political system, upgrading, political institutions, input, output, political parties, electoral system.

Поступила 30.10.2012 г.

УДК 316.654:321.011]:303.621.028-054,4(476)

С. В. ХАМУТОВСКАЯ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ (2006–2011 гг.)

Выявляется общественное мнение населения Республики Беларусь о государственном суверенитете, рассматриваемом в качестве социально-субъектного феномена, сущность которого раскрывается посредством определенной совокупности показателей (социальные ожидания, потребности, интересы, ориентации людей и др.). Выделяются возможные перспективы трансформации государственного суверенитета Беларуси.

Ключевые слова: государственный суверенитет, общественное мнение, независимость, союз государств, отношения с Россией и Европейским союзом.

В истории нашей страны конец XX – начало XXI века отличались активным становлением белорусской государственности, включающим в себя обретение основных признаков государственного суверенитета, в той или иной степени нашедшим отражение в Декларации о государственном суверенитете и Конституции Республики Беларусь, к которым в первую очередь можно отнести верховенство государственной власти на территории страны и независимость последней во внутренних делах, внешних и международных взаимодействиях.

Став легитимным и полноправным субъектом на международной арене, Беларусь провозгласила среди ведущих принципов и ориентиров своей внешней политики многовекторность и добрососедство, но при сохранении приоритета национальных интересов. Главными направлениями внешнеполитической деятельности государства стали: западное (страны Западной и Восточной Европы), восточное (страны Ближнего Востока), азиатское (страны Азии) и иные. В течение последних нескольких десятилетий наибольшее внимание уделялось установлению взаимосвязей с Российской Федерацией и Европейским союзом. Вследствие чего представляется актуальным анализ того, насколько данные ориентиры соответствуют интересам, социальным и политическим ожиданиям народа современной Беларуси как единственного источника власти и носителя суверенитета, чьи предпочтения должны быть определяющими при формировании политической воли руководства Беларуси, принятии и реализации конкретных решений на государственном и международном уровнях. Ведь именно «суверенитет народа составляет содержание, политико-юридический аспект суверенитета государства, представляет собой его юриди-

ческую форму. Суверенитет народа объективируется в суверенитете государства» [1, с. 81]. Политический же смысл суверенитета может рассматриваться «как способность субъектов, действующих через государство или в его рамках, обеспечить обществу самостоятельное и независимое развитие» [2, с. 3].

В качестве основной характеристики суверенитета как социального явления следует отметить то, что он не может иметь место вне конкретного социума, так как является «предметом чувственной и интеллектуальной оценки людей и их проблемно-практической деятельности» [3, с. 72]. Поэтому трактовки суверенитета как внесоциального явления, часто встречающиеся в правовой и политической науках, требуют дополнения в виде социологической концепции суверенитета, где последний рассматривается как социально-субъектный феномен, сущность которого раскрывается посредством целой совокупности показателей, таких, как, например, социальные ожидания, потребности, интересы, ориентации, нормы тех или иных социальных групп и общностей и т. п. Согласно данной концепции «суверенитет начинает «работать», когда идея независимости, полноправия находит отклик в настроении людей» [3, с. 80], отражение в индивидуальном, групповом, общественном сознании, а затем опредмечивается в соответствующих социальных действиях. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе социологических исследований, осуществленных Институтом социологии Национальной академии наук (НАН) Беларуси в режиме мониторингов в 2006–2011 гг., выявить динамику общественного мнения населения Беларуси относительно вопросов, касающихся суверенитета и его трансформаций.

В ходе республиканского мониторинга, проведенного вышеупомянутым институтом в ноябре 2006 г. (репрезентативная выборка составила 1600 человек), опрашиваемым задавался вопрос, посредством анализа ответов на который возможно, хотя и в рамках определенного ракурса, определить отношение населения нашей страны к необходимости быть независимой (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2006 год, %**

Вариант ответа	Итого
Нет ответа	1,95
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	45,58
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	46,42
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	4,39

Было выявлено, что среди сторонников независимого суверенного развития Беларуси оказались преимущественно люди в возрасте до 30 лет (52,0 %), живущие в Минской (54,6 %) области и городе Минске (49,1 %), с начальным

(50,7 %) и незаконченным высшим (50,5 %) образованием, предприниматели, фермеры, самозанятые (индивидуальная трудовая деятельность) – 57,5 %, руководители среднего звена (начальник цеха, отдела и т. д.) – 54,0 %, учащиеся, студенты (52,8 %), без существенных отличий по половому признаку.

Среди тех, кто готов трансформировать часть государственного суверенитета Беларуси в пользу союзных образований, были в основном граждане среднего возраста от 30 до 49 лет (50,4 %), населяющие Гродненскую (53,0 %), Гомельскую (50,7 %) и Брестскую (50,2 %) области, со средним неполным (48,3 %) и средним специальным (48,1 %) образованием, военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов (63,7 %), руководители высшего звена (директор, председатель и т. д.) – 60,9 %, работающие пенсионеры (50,5 %), без серьезных различий по полу.

Крайне малое количество белорусов желало видеть нашу страну частью другого государства, а именно России: люди в возрасте от 30 до 49 лет и старше 50 лет – 5,4 и 4,4 % соответственно, проживающие в Витебской области (7,0 %) и городе Минске (6,6 %), с незаконченным высшим (6,5 %) и высшим (5,3 %) образованием, руководители низшего звена (мастер, бригадир и т. д.) – 7,2 %, рабочие (промышленности, транспорта, строительства и др.) – 6,3 %, мужчины (5,9 %).

По итогам республиканского мониторинга общественного мнения граждан Беларуси 2007 г. (репрезентативная выборка составила 2065 человек), большинство населения – 47,6 %, отвечая на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?» – сказали, что нашей стране нужно быть независимым государством и взаимодействовать с Россией на основе международных договоров. Главным образом, такая точка зрения была присуща людям в возрасте до 30 лет (52,2 %) и от 30 до 49 лет (50,4 %), проживающим в Гродненской (58,9 %) и Минской (56,1 %) областях, городе Минске (53,5 %), с высшим образованием (54,6 %), по социальному статусу учащимся, студентам (59,6 %), руководителям среднего звена (53,9 %), служащим и специалистам производственной сферы (53,8 %), без существенных отличий по половому признаку.

Немногим меньшее количество людей – 43,5 % – считали, что Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления: преимущественно граждане в возрасте 50 лет и старше (48,9 %), жители Витебской (49,8 %) и Могилевской (48,8 %) областей, с незаконченным высшим образованием (55,2 %), военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов (63,8 %), работающие пенсионеры (63,8 %), без существенных отличий по половому признаку.

Всего лишь 5,2 % опрошенных были согласны с тем, чтобы наше государство вошло в состав Российской Федерации в качестве субъекта федерации, а именно граждане среднего возраста от 30 до 50 лет и старше (5,7 %), проживающие в Гомельской области (9,2 %), с начальным образованием (7,4 %),

безработные (12,9 %), а также предприниматели, фермеры и самозанятые (9,0 %), примерно в равном количестве мужчины и женщины.

В 2008 г. по результатам республиканского мониторинга общественного мнения (репрезентативная выборка составила 2086 человек) ответы на этот же вопрос в целом распределились следующим образом (табл. 2):

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2008 год, %**

Вариант ответа	Итого
Нет ответа	0,9
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	42,0
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	48,6
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	6,4

Из таблицы видно, что социальные и политические предпочтения в 2008 г. изменились, но незначительно: без серьезных различий в социально-демографических характеристиках, за исключением области проживания и образования, по сравнению с 2007 г. на 5,6 % уменьшилось число сторонников отношений России и Беларуси на основе международного права и независимости (в число последних в 2008 г. вошли, помимо жителей г. Минска (46,2 %), Минской (52,1 %) и Гродненской (49,5 %) областей, граждане, населяющие Могилевскую область (49,6 %) со средним общим, средним специальным, незаконченным высшим и высшим образованием). На 5,1 % возросло количество сторонников союза этих государств, среди которых были в основном люди, живущие в Гомельской (58,8 %) и Брестской (55,4 %) областях с образованием ниже среднего. На 1,2 % стало больше желающих видеть Беларусь частью России (население Витебской области – 13,2 %).

Мониторинг общественного мнения 2009 г. (репрезентативная республиканская выборка составила 2110 человек) продемонстрировал также определенные колебания в предпочтениях наших граждан (табл. 3):

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2009 год, %**

Вариант ответа	Итого
Нет ответа	3,6
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	50,8
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	39,7
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	4,6

В частности, несколько возросло число приверженцев независимости Беларуси наряду с уменьшением поддерживающих развитие союзных отношений с Россией либо вхождение Беларуси в ее состав. Группу сторонников первой позиции составили, главным образом, люди в возрасте до 30 лет (53,5 %) и от 30 до 49 лет (51,4 %), проживающих в городе Минске (62,3 %) и Минской области (58,0 %), с высшим образованием (58,1 %), руководители высшего (директор, председатель, руководитель сельхозпредприятия) – 65,8 % и среднего (начальник цеха, отдела и т. п.) – 63,3 % – звена, горожане (51,5 %), без существенных отличий по половому признаку. Вторая позиция оказалась скорее близка людям в возрасте 50 лет и старше (41,8 %), населяющим Брестскую область (51,0 %), со средним неполным (41,4 %), средним специальным (40,3 %) и средним общим (40,2 %) образованием, военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов (48,6 %), предпринимателям, фермерам и занятым индивидуальной трудовой деятельностью (44,0 %), неработающим (42,8 %) и работающим (42,9 %) пенсионерам, жителям села (41,7 %), примерно в равном количестве мужчинам и женщинам. В число тех, кто считал, что Беларуси нужно стать частью Российской Федерации, вошли: граждане различных возрастов в количестве до 5,0 %, проживающие преимущественно в Гомельской (8,9 %) и Витебской (8,6 %) областях, с незаконченным высшим (12,6 %), средним общим (5,8 %) образованием, руководители высшего звена (12,2 %), предприниматели, фермеры и самозанятые (9,8 %), безработные (9,1 %), горожане (5,3 %), без значимых отличий по половому признаку. При этом 30,4 % граждан Беларуси затруднялись с определением того, изменились ли отношения данных государств в течение 2009 г.; 26,1 % считали, что никаких изменений не произошло; 15,6 % были убеждены, что отношения немного улучшились, 13,2 % – несколько ухудшились, 4,8 % – существенно улучшились, 2,3 % – существенно ухудшились. В рамках мониторинга общественного мнения, проведенного в ноябре 2009 г., опрошенные также выразили свое мнение относительно возможных интеграционных устремлений Беларуси в сторону Западной Европы, которые, в свою очередь, определенным образом могут отражаться на качественных характеристиках государственного суверенитета (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если бы сейчас в Беларуси проводился референдум по вопросу вступления Беларуси в Европейский союз, как бы Вы проголосовали?», 2009 год, %**

Вариант ответа	Итого
Нет ответа	49,1
За вступление в Европейский союз	18,1
Против вступления в Европейский союз	7,4
Не стал бы голосовать	5,0
Затрудняюсь ответить	20,3

Из сведений, приведенных в таблице, следует, что более половины населения страны – 49,1 % и 20,3 % – не занимали какой-то конкретной позиции по данному вопросу (соответственно, не смогли либо затруднились ответить). Из оставшихся опрошенных больше (18,1 %) наблюдалось тех, кто был бы против вступления Беларуси в Европейский союз в 2009 г. При этом 50,8 % населения заявили о том, что они вообще не знают, происходили ли какие-то изменения в отношениях Беларуси и Европы в течение 2009 г., что свидетельствует о невысоком уровне политической информированности и осведомленности граждан по вопросам внешней и международной политики государства. Из оставшихся 31,3 % опрошенных, уверенных в том, что таковые изменения все же имели место быть, большинство расценивало последние как положительные. Как отметил в 2009 г. белорусский социолог И. В. Котляров, «жизнь показала, что с каждым опросом увеличивается число жителей Беларуси, которые считают, что только при помощи собственных сил можно решить сложные экономические и социальные проблемы, имеющиеся в белорусском обществе. Надо надеяться только на себя, на свои силы, свои руки и головы, а не ждать помощи с Востока или Запада» [4, с. 82].

В ноябре 2010 г., по итогам республиканского мониторинга общественного мнения (репрезентативная выборка составила 2094 человека), распределение ответов граждан Беларуси на вопрос относительно путей взаимодействия нашей страны с Россией выглядело следующим образом (табл. 5):

Таблица 5. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2010 год, %**

Варианты ответа	Итого
Нет ответа	3,1
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	53,3
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	39,0
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	2,5

В целом, на уровне республики значимых изменений в ответах на данный вопрос различных социально-демографических групп населения, по сравнению с 2007–2009 гг., не произошло. Не наблюдалось их и в 2011 г. (согласно данным республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2011 г., в ходе которого было опрошено более 2200 человек, табл. 6).

Точки зрения же относительно западного вектора внешних взаимодействий и возможностей Беларуси в 2010 г. приобрели несколько иной вид, а именно 32,6 % граждан сказали, что, если бы в апреле этого года проводились выборы по поводу вступления нашей страны в Европейский союз, то они

бы проголосовали «за», что на 14,5 % больше, чем в 2009 г. Одновременно на 3,3 % увеличилось число тех, кто проголосовал бы «против» (10,7 %) и на 5,6 % тех, кто бы не стал голосовать вообще (10,6 %). По-прежнему множество людей – 45,1 % – затруднялись с ответом.

Таблица 6. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2011 год, %**

Вариант ответа	Итого
Нет ответа	1,5
Беларусь должна быть независимым государством и строить свои отношения с Россией на основе международных договоров	54,9
Беларусь и Россия должны строить отношения по принципу равноправного союза двух государств с созданием наднациональных органов управления	39,4
Беларусь должна войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта(ов) федерации	2,2

В 2011 г. существенного изменения данных позиций не произошло. При этом более 60 % населения Беларуси придерживались точки зрения, согласно которой внешняя политика нашей республики должна развиваться, во-первых, за счет укрепления отношений со странами Содружества Независимых Государств, особенно союза с Российской Федерацией, а во-вторых, за счет улучшения отношений с государствами-членами Европейского союза.

В целом, исходя из проведенного социологического анализа, можно отметить, что в рассматриваемый период времени сторонниками сохранения и развития суверенитета и независимости Беларуси, в том числе во взаимоотношениях с Россией, выступали преимущественно:

молодые люди в возрасте до 30 лет и от 30 до 49 лет;

с незаконченным высшим и высшим образованием;

проживающие в Гродненской, Минской областях и городе Минске;

руководители среднего звена, служащие, специалисты производственной сферы (инженеры, технологи и т. д.);

горожане;

Приветствовали создание союзных образований с наднациональными органами управления, которые предполагают определенное ограничение государственного суверенитета, в основном:

представители старшего поколения (от 50 лет), что, возможно, в некоторой степени связано с наличием ностальгии по советскому прошлому;

со средним неполным и средним специальным образованием;

живущие в Брестской, Могилевской и Гомельской областях;

военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов, пенсионеры;

сельчане;

Видели Беларусь частью России на правах субъекта федерации прежде всего:

граждане различных возрастов;

со средним общим образованием;

проживающие в регионах, непосредственно граничащих с Россией, в частности в Витебской области;

безработные, предприниматели, фермеры и самозанятые;

почти в равной степени горожане и сельчане.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в процессе исследования государственного суверенитета Республики Беларусь в качестве социально-субъектного феномена необходимо учитывать как его правовые и политические аспекты, так и специфику социума, в котором он существует, где в определенном порядке и конфигурациях представлены отдельные граждане, социальные группы и общности «с их совпадающими и не совпадающими идеалами, интересами, ожиданиями, условиями и возможностями их солидарного и конфликтного взаимодействия и развития» [3, с. 6], что становится реальным посредством интеграции научных знаний, в том числе и путем обращения к социологии суверенитета, предметом которой является «изучение влияния системы хозяйственных, социально-политических и психологических факторов, объективных и субъективных ресурсов социальных общностей на расширение или самоограничение своих суверенных прав, на выбор моделей взаимоотношений с другими государствами» [3, с. 90].

Литература

1. *Шабайлов, В. И.* Суверенитет и гарантии его реализации / В. И. Шабайлов // Суверенитет и многовекторность внешней политики Республики Беларусь в современных условиях: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 26 июля 2000 г. / ИСПИ; редкол.: Е. В. Матусевич [и др.]. – Минск, 2000. – С. 79–90.

2. *Котляров, И. В.* Суверенитет Беларуси: достижения и проблемы на весах социологии / И. В. Котляров / АН Беларуси, Науч.-исслед. Центр «Парадигма». – Минск, 1993. – 30 с.

3. *Джунусов, М. С.* Суверенитет как социальный феномен / М. С. Джунусов / Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: ИС РАН, 1994. – 109 с.

4. *Котляров, И. В.* Динамика социально-политической ситуации в Беларуси : опыт социологического мониторинга / И. В. Котляров // Проблемы управления. – 2009. – № 2(31). – С. 79–82.

S. V. KHAMUTOUSKAYA

THE POPULATION OF BELARUS ABOUT THE STATE SOVEREIGNTY (2006–2011 YEARS)

Summary

In article the public opinion of the population of the Republic of Belarus about the state sovereignty which is considered as the social and subject phenomenon which essence reveals by means of a certain set of indicators (social expectations, requirements, interests, orientations of people, etc.) are revealed. Possible prospects of transformation of the state sovereignty of Belarus are allocated.

Key words: state sovereignty, public opinion, independence, union of states, relationships with Russia and European Union.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК [316.334.3+32.01](476)

С. В. РЫБЧАК,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СИСТЕМНАЯ ЗАДАЧА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается проблема определения демократических перспектив формирующегося в нашей стране гражданского общества в социальном аспекте. Задача формирования гражданской культуры, которая объективно выступает в качестве системной для политического процесса в стране, практически выполнена самим ходом трансформационных процессов в той степени, которая необходима для придания условиям его протекания определенного вектора – в сторону дельнейшей демократизации белорусского социума.

Ключевые слова: гражданское общество, актор, политическая культура, гражданская культура, демократия, трансформационные процессы, социальные механизмы, социальный класс.

Исследование процесса формирования развитого демократического гражданского общества имеет определенное социокультурное измерение, предполагающее обращение к концепции гражданской культуры. Именно культура граждан, по мнению американских ученых Г. Алмонда и С. Вербы, наиболее подходит для демократической политической системы, а уровень ее развития свидетельствует о зрелости структур гражданского общества. Она представляет собой, по убеждению американских ученых, сбалансированную политическую культуру, в которой политическая активность и рациональность гармонично уравновешиваются традиционностью сложившихся ролевых моделей поведения и обязательствами индивидов по отношению к локальным ценностям той или иной конкретной общности.

Гражданская культура – это «прежде всего культура лояльного участия» [1, с. 599], конституирующая политический процесс в русле эволюционизма и отказа от радикальных насильственных социальных преобразований. Именно поэтому гражданская, а не рационально-активистская, модель политической культуры наиболее соответствует потребностям трансформирующегося социума. Основным критерием здесь выступает сохранение преемственности этапов демократизации, благодаря чему наличествующие в реформируемой политической системе дисфункциональнные процессы не создают угрозы ее полной дезинтеграции. Рационально-активистские же ориентации политической культуры способствуют радикализации политического процесса, поляризации общественного сознания и актуализации авторитарных интенций населения. Рационально-активистский тип политической культуры не только

не стабилизирует демократически реформируемую политическую систему, но и втягивает социум в состояние хаоса и неопределенности, после чего перспективы формирования демократического, гражданского общества в данной точке бифуркации уже не просчитываются. Однако для того, чтобы гражданская культура укоренилась в обществе, необходимо наличие определенных предпосылок.

Во-первых, в социальной структуре общества должна присутствовать достаточно развитая страта, которую принято типологизировать как средний класс. Именно средний класс в силу специфики своих социально-экономических интересов наиболее заинтересован в политической стабильности общества и его динамичном эволюционном прогрессе.

Во-вторых, необходимо в той или иной степени наличие открытой публичной сферы, в которой власть порождается, присваивается и распределяется на основе рационально понятых принципов соперничества и конкуренции между различными политическими акторами. Благодаря существованию подобной открытой публичной сферы создаются необходимые условия для формирования общественного мнения как реального фактора демократического политического процесса.

В-третьих, важной предпосылкой для укоренения гражданской культуры в обществе является существование «обратной связи» между политической системой и социальным окружением. Именно посредством функционирования отлаженных и постоянно действующих механизмов общения власти и общества достигается возможность оперативного решения насущных вопросов, затрагивающих интересы населения, что позволяет регулировать социальные процессы рутинными процедурами судопроизводства, системами социального партнерства, местного самоуправления, не прибегая при осуществлении управленческих функций к экстраординарным насильственным методам и средствам. Итак, проблема определения демократических перспектив формирующегося в нашей стране гражданского общества в социальном аспекте может рассматриваться как проблема становления в стране «среднего класса». Именно представителям среднего класса, что обусловлено наличием конкретных социально-экономических интересов у данной социальной группы, объективно присущи ориентации гражданской культуры. «Таким образом, средний класс как общность, обладающая собственной идентичностью, составляет социальную основу современного гражданского общества и правового государства, выступает главным гарантом общественной стабильности и согласия. Поэтому наличие сильного среднего класса является решающим условием модернизации государства и социума, становления современного гражданского общества» [6, с. 31].

Это в идеале, согласно теоретическим схемам, выработанным политической наукой Запада и на эмпирическом материале западных демократий, основанных на принципах рыночной экономики и либерализма. Там средний класс экономически самодостаточен и независим, или в силу наличия собственного бизнеса, или в силу обладания высоко квалифицированными профессио-

нальными знаниями и умениями, имеющими постоянно устойчивый спрос на рынке труда и достаточно высоко оплачивающимися. Характерным примером здесь служит перечень профессий, традиционно относимый в американской картине социальной стратификации к «высшему среднему» и «среднему среднему» классу: преподаватель колледжа, учитель, дантист, начальник смены на предприятии, служащий страховой компании, квалифицированный плотник и т. д. Для Беларуси, исходя из социологических и статистических данных, характерна принципиально иная картина. Парадокс в том, что к среднему классу в белорусском обществе прежде всего относят тех, кто полностью или частично связан со структурами государства – экономическими и бюрократическими. Это директора государственных предприятий, председатели колхозов и совхозов, чиновники, офицерский состав всех силовых ведомств, прокурорские работники и т. д., суммарно составляющие наиболее значительную часть формирующегося среднего класса в стране. Следует отметить, что это люди, которые объективно, в силу собственной зависимости от государства, практически полностью определяющего их принадлежность к данной социальной общности, как представляется, менее всего склонны к правовым, политическим и экономическим ориентациям, характерным для представителей среднего класса на Западе. Данный аспект прекрасно осознается современным белорусским обществом, о чем свидетельствуют данные исследований, проведенных учеными Института социологии НАН Беларуси. В рейтинге социального преуспевания современное белорусское общество приоритет однозначно отдает тем социальным группам, достижение высокого статуса которыми обеспечено, как представляется, их имплицитным отказом от правовых или моральных регуляторов собственной профессиональной деятельности [7, с. 168].

Таблица 1. **Кто сегодня преуспевает в белорусском обществе**

Кто преуспевает	Общий массив опрошенных		Молодежь	
	%	ранг	%	ранг
Криминально-мафиозные структуры	74,3	1	69,7	1
Тот, кто занимает высокую должность, находится у власти	61,0	2	58,0	2
Человек со связями	45,1	3	50,0	3
Предприимчивый, деловитый	30,2	4	43,6	4
Высококвалифицированный, талантливый	6,7	5	12,2	5
Трудолюбивый	4,7	6	5,9	6

Так, 74,3 % респондентов считают, что в современно белорусском обществе наиболее преуспевают те граждане, которые связаны с криминально-мафиозными структурами. На втором месте находятся те, кто занимает высокую должность во властных структурах – 61 % респондентов придерживается именно этого мнения. Только 30,2 % опрошенных считают, что инициатива и предприимчивость, характерные для представителей западного среднего

класса личностные качества, наличие которых способствует их социальному динамизму и экономической эффективности, играют серьезную роль в обеспечении достижения индивидами в нашей стране высоких статусных позиций. Значительно меньше респондентов отмечают роль качеств, которые, согласно классикам социологической науки А. Смиту и М. Веберу, обеспечили социально-экономический прогресс западного, в первую очередь англосаксонского, общества. Только 6,7 % респондентов считают, что высокая профессиональная квалификация и талант могут обеспечить индивиду эффективное продвижение вверх по социальной лестнице. Ценность же труда вообще занимает маргинальное положение – только 4,7 % опрошенных убеждено, что трудолюбие является необходимым условием для социального преуспевания в белорусском обществе.

Таким образом, маргинальный статус основополагающих социально-экономических ценностей и регуляторов, обеспечивающих самодостаточность развитого гражданского общества и выступающих в качестве необходимых предпосылок становления гражданской культуры, ставит под вопрос перспективы формирования развитого, самодостаточного, не подверженного чувством социального инфантилизма и иждивенчества гражданского общества в Беларуси. Кроме этого ценностного аспекта существует проблема структурного характера. Согласно соответствующим исследованиям Института социологии НАН Беларуси, «количественно в состав основных общественных классов (страт) в настоящее время входят такие доли населения:

1. Высший высший класс – 0,8 %;
2. Низший высший класс – 1,3 %;
3. Высший средний класс – 3,5 %;
4. Низший средний класс – 23,4 %;
5. Высший низший класс – 31,3 %;
6. Низший низший класс – 38,7 %» [7, с. 77].

Отмеченная учеными социальная поляризация современного белорусского общества остро ставит проблему сохранения стабильности политической системы в случае нарастания в ней дисфункциональных процессов. В данном случае проблема заключается в определении той социальной силы, для которой цена радикальных преобразований практически всегда превышает цену сохранения стабильности и преемственности в обществе. «В социологическом смысле базу современного консерватизма составляет растущий слой людей, которым есть что терять» [5, с. 35], что возвращает нас к проблеме становления среднего класса в стране. Однако конфигурация социальной поляризации современного белорусского общества напоминает пирамиду, в основании которой усиливаются процессы социальной нивелировки, способствующие актуализации авторитарных интенций, составляющих нижнюю часть социальной пирамиды страт. «Историческая практика подтверждает, что бедность, неразвитость, социальной структуры и форсированное слияние слоев общества являются питательной средой для тоталитарных и авторитарных режи-

мов» [2, с. 9]. Тем не менее не представляется возможным абсолютизировать данную тенденцию и на ее основе выводить тезис о невозможности становления развитого гражданского общества в стране. Логика развития постиндустриального социума такова, что процессы социальной дифференциации в Беларуси будут усиливаться, тем более что этому будет косвенно благоприятствовать удачное геополитическое положение страны. Поэтому формирующиеся новые социальные группы, связанные со сферами сервисных услуг и высоких технологий, обладающие высоким уровнем образования и квалификации, объективно будут увеличивать количественную долю среднего класса в стране. Учитывая, что этот «новый средний класс», в минимальной степени экономически зависимый от государства, объективно будет носителем демократических ценностей и установок, теоретически можно вести речь о значительном потенциале развития гражданской культуры в стране в долговременной перспективе.

Гражданская культура – это «политическая культура участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу» [1, с. 599]. Однако это соответствие не является тождеством, скорее это акцентуация цивилизованных принципов взаимодействия гражданского общества и политической системы. Лояльность носителей гражданской культуры к государственным институтам не распространяется на определенные персоналии в высших эшелонах власти. Патриотизм, а не идеологически или, тем более, материально обусловленная личная преданность. Это формирование гражданской идентичности, которая кардинально отличается от характерной для советского общества самоидентификации индивида как «советского гражданина», которая имплицитно включала в себя интериоризированную или только вербально декларируемую преданность режиму.

Однако в современном белорусском обществе не только не сформировалось рациональное восприятие сферы социально-политических отношений, для которого характерно представление о политическом процессе как сцене закономерных, конфликтных столкновений, обусловленных разницей социально-экономических и политических интересов социальных групп и стоящих за этими интересам политических авторов. Наоборот, белорусское общество оценивает роль политических конфликтов в социальной жизни крайне негативно. Так, на вопрос: «Как Вы считаете, политические страсти, противоречия, борьба помогают или мешают решению социальных и экономических вопросов?» большинство респондентов ответило отрицательно. Тот факт, что 77,1 % населения страны расценивает политический процесс как негативный фактор при решении социально-экономических проблем, свидетельствует о весьма небольшом потенциале гражданской культуры на современном этапе развития белорусского общества [3, с. 240].

Фактически речь идет об отказе основным политическим институтам, прежде всего партийной системе, в легитимности. Добровольный отказ от тех институтов, которые агрегируют и артикулируют социальные интересы,

в качестве которых выступают субъекты политического процесса – партии, общественные движения, группы интересов, тем самым лишают гражданское общество каких-либо действенных каналов влияния на политическую систему, и прежде всего на государство. «Ведь главными показателями зрелости гражданского общества всегда выступали наличие различных партий, в том числе и оппозиционных, свобода слова и информации, соблюдение прав гражданина и – как результат – наличие в обществе определенного консенсуса или компромисса интересов всех слоев, групп, партий и общественных организаций, понимание того, что мирный эволюционный путь развития по своим результатам более продуктивен и эффективен, нежели конфронтационный и революционный [4, с. 14].

В данном случае только 6,7 % населения страны считает, что политические страсти помогают при разрешении кризисных ситуаций, и только 3,3 % населения оценивает этот фактор нейтрально [3, с. 240]. Именно эти 10 % населения страны выступают в качестве реальной социальной базы гражданской культуры. В то время как подавляющее большинство – 77,1 %, четко подтверждает и демонстрирует присущие ему патриархально-подданические ориентации, которые фактически подменяют собой рационально ориентированное общественное мнение.

Субъекты политического процесса: партии, публичные политики, группы интересов, которые в процессе своего взаимодействия по вопросам конфигурации властных отношений и генерируют эту конфликтность, играют крайне важную роль «на входе» политической системы. Они агрегируют и артикулируют требования общества к политике, и прежде всего к государственным институтам, которые под их давлением вынуждены конвертировать эти требования в репрезентирующий социальные интересы политический курс. Наличие на «входе» политической системы открытой публичной сферы, своеобразного «политического рынка», благодаря которому возможно на основе спроса и предложения, институционализированого в избирательной системе, позволяет реально оценивать «вес» основных политических акторов.

Однако негативное отношение к этим политическим акторам есть отказ со стороны большинства белорусского общества в праве на имманентно присущую им правовую и политическую субъектность. Тем самым публичная сфера зарождения и распределения властных процессов имплицитно элиминируется как основной элемент политической системы. Сама власть, в демократическом обществе являющаяся инструментальной ценностью как предмет конкуренции между различными политическими акторами, в результате кардинально изменяет свою природу, превращаясь в ценность в себе.

Стереотипизированное, упрощенное, черно-белое восприятие политики как «грязного дела» фактически выступает в качестве подтверждения для 77,1 % населения страны своей правовой и политической объектности. Кроме того, акцентуация деструктивности воздействия политических конфликтов на остальные подсистемы социума имплицитно элиминирует вопрос о степени

их конструктивного воздействия, прежде всего как механизма выработки альтернативных проектов и моделей. В онтологическом аспекте отрицание конфликта как закономерного явления социальной жизни приводит к игнорированию принципа плюрализма как базовой ценности демократической политической системы и развитого гражданского общества. Тем самым происходит легитимация авторитарных и тоталитарных интенций как в социуме, так и в основных его институтах.

Важнейшей предпосылкой, создающей благоприятные условия для формирования гражданской культуры, выступает наличие обратной связи между основными государственными институтами и социальным окружением. Наличие подобной обратной связи служит критерием социальной эффективности политической системы, так как позволяет основным ее институтам эффективно превращать социальные требования и интересы в отвечающие им прикладные задачи текущей политики. Социологическими индикаторами, позволяющими определить реальное наличие обратной связи политической системы и социума, служат установки индивидов, раскрывающие их отношение к степени социальной репрезентативности основных политических институтов. Необходимые данные для анализа были получены в 2010 г. в Институте социологии НАН Беларуси при проведении мониторинга социально-политической ситуации в республике, когда респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, чьи интересы отстаивают в первую очередь в своей повседневной деятельности следующие властные структуры?».

Согласно полученным результатам, наиболее ориентированным на отстаивание интересов населения страны являлся институт главы государства. Так, 39,4 % респондентов были уверены в том, что Президент отстаивает интересы большинства населения страны (в 2006 г. – 54 %), в то время как остальные властные институты, согласно результатам этого же опроса, не рассматривались обществом как репрезентирующие его интересы. Так, только 16,5 % респондентов было уверено, что функционально белорусский парламент соответствует своему предназначению (соответственно – 14 %). В то время как 16,6 % (30 %) и 18,6 % (28 %) респондентов посчитали, что парламент исключительно отстаивает интересы партий правой и, соответственно, левой ориентаций. В том, что судебная система страны стоит на защите прав и свобод ее граждан, в 2010 г. было убеждено только 9,7 % респондентов (7 %). Однако 17,7 % (22 %) опрошенных посчитало, что судебная система в первую очередь отстаивает интересы теневого бизнеса. Местные органы власти также менее всего способны отстаивать интересы большинства населения: 37,7 % (28 %) респондентов согласились, что они акцентированы на отстаивание собственных корпоративных интересов, так как в обратном было убеждено только 14,4 % (13 %) респондентов.

Таким образом, можно заметить устойчивость, которую демонстрирует современное белорусское общество по поводу оценки деятельности основных

политических институтов страны. Общество твердо уверено в том, что они, лишь за одним исключением, акцентированы только на решение собственных корпоративных интересов, а также интересов неформально связанных с ними экономических структур. При этом характерно, что общественное мнение по данному вопросу практически не изменилось за эти пять лет, которые разделяют оба опроса.

Согласно полученным результатам можно констатировать, что в качестве реальных субъектов социальных процессов, объективно и адекватно репрезентирующих интересы большинства населения, выступает только Президент страны. Однако медленное снижение рейтинга социального доверия главе государства на протяжении нескольких последних лет ставит вопрос о том, сохраняет ли данный политический институт способность действенно и эффективно реагировать на насущные социальные требования современного белорусского общества. Ответ на данный вопрос можно получить только в ходе дальнейшего проведения мониторинга. Рейтинг всех остальных институтов вообще крайне невысок, что позволяет интерпретировать этот факт как низкую социальную эффективность большинства социально-политических институтов страны.

Социологически зафиксированное признание того, что основные институты государства не репрезентируют интересы большинства населения страны, выявляет и подчеркивает тот факт, что канал обратной связи между политической системой и гражданским обществом практически отсутствует. Это означает, что в силу этого системного аспекта открытая коммуникация между формирующимся гражданским обществом и властными институтами мало вероятна, что актуализирует проблему о перспективах процесса демократизации социальной практики и коэволюционного ему процесса формирования гражданской культуры. Однако тот факт социологически фиксируемого игнорирования или, по крайней мере, минимального учета государственными структурами интересов и потребностей институционализирующегося в Беларуси гражданского общества, технологически вовсе не элиминирует проблему формирования гражданской культуры. В данном случае, учитывая, что система государственных институтов более чем подвержена бюрократизации, поэтому необходимо поставить вопрос о переадресации социальной ответственности от государства к более динамичным субъектам политического процесса, в идеологическом плане придерживающимся демократических ценностей и установок и действующих в правовом поле страны.

В первую очередь это относится к имеющимся в стране различным структурам гражданского общества, которые, учитывая минимальную включенность в политическую жизнь страны широких масс населения и крайнюю идеологическую ангажированность большинства партий, обладают реальной возможностью сформировать действительно эффективно функционирующую систему для политической социализации граждан в демократическом ключе.

Как показывают результаты, полученные в 2010 г. в Институте социологии НАН Беларуси при проведении мониторинга социально-политической ситуации в республике, определенные ресурсы для этого у них имеются. На вопрос анкеты: «В Беларуси зарегистрировано около 1900 общественных объединений. Выберите, пожалуйста, суждение, которое соответствует вашему представлению об этих общественных объединениях», ответы респондентов распределились следующим образом. Так, вариант: «Общественные объединения полезны и необходимы в гражданском обществе», выбрали 26,1 % опрошенных, а родственный вариант: «Общественные объединения помогают гражданам донести их точку зрения до власти» – 22,1 %.

Однако существует объективная ограниченность этих ресурсов, которая подтверждается следующим. Во-первых, вариант: «Необходимость общественных объединений сомнительна, поскольку они полезны лишь немногим людям» – выбрали 31,4 % опрошенных, а вариант: «Общественные объединения никому не нужны. Государственные органы сами знают, что и как делать» – 17,5 %. И, во-вторых, на вопрос анкеты о том, должно ли государство финансировать общественные объединения, только 26,5 % опрошенных посчитали, что должны, в то время как вариант: «Нет, общественные объединения должны сами решать свои финансовые проблемы», выбрали 38,5 % респондентов и затруднились ответить на этот вопрос 34,9 %.

Однако не только исключительно деятельность структур гражданского общества, но и, в более широком плане, просто цивилизованный политический процесс, ориентированный на построение демократической политической системы и развитого гражданского общества и осуществляемый соответствующими этому процессу методами, объективно способствует становлению культуры гражданственности в стране, выступая в данном случае инициирующим этот процесс социальным механизмом. Фактически успех и жизнеспособность процесса становления в стране гражданской культуры объективно предопределяется тем, насколько правовые нормы и принципы окажутся реально востребованными всеми субъектами политических отношений в их повседневной деятельности.

Итак, наличествующие в политической культуре белорусского социума тенденции, выявленные и проанализированные выше, позволяют констатировать следующее. Задача формирования гражданской культуры, которая объективно выступает в качестве системной для политического процесса в стране, практически выполнена самим ходом трансформационных процессов в той степени, которая необходима для придания условиям его протекания определенного вектора – в сторону дальнейшей демократизации белорусского социума. Проблема заключается только в том, что отсутствие достаточно мощных социальных механизмов, способных ускорить процессы демократизации и институционализации развитого гражданского общества в стране, обуславливают объективно долговременную перспективу их завершения.

Литература

1. *Алмонд, Г.* Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций / Г. Алмонд // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 2. – М., 1997. – С. 592–610.

2. *Бобков, В. А.* К вопросу о национальной концепции устойчивого развития и становления гражданского общества в Беларуси / В. А. Бобков // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Становления гражданского общества в Беларуси в контексте устойчивого развития» (Минск, 24–26 мая 1999 г.). – Минск, 1999. – С. 8–10.

3. *Бущик, В. В.* Человек и общество в условиях социально-политических преобразований / В. В. Бущик. – Минск, 1999. – 263 с.

4. *Голенкова, З. Т.* Становление гражданского общества и социальная стратификация / З. Т. Голенкова, В. В. Витюк, Ю. В. Гридчин, А. И. Черных, Л. М. Романенко // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 14–24.

5. *Дунаева Н. А.* Менталитет и аграрное развитие России / Н. А. Дунаева // Российская ментальность: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.

6. *Чернов, В. Ю.* Общая теория современного гражданского общества / В. Ю. Чернов // Гражданское общество: сб. ст.: в 2 вып. 1-й вып. – Минск, 1995. – С. 5–45.

7. *Шавель, С. А.* Социальная политика / С. А. Шавель, А. В. Рубанов, Р. А. Смирнова // Социальная стратификация, мобильность, идентификация: сб. науч. Тр. Ин-та социологии. – Вып. 3. – Минск, 1998.

S. RYBCHAK

FORMATION OF CIVIL CULTURE AS THE SYSTEM PROBLEM OF POLITICAL PROCESS IN BELARUS

Summary

In article the problem of definition of democratic prospects of the civil society which was formed in our country in social aspect is considered. The problem of formation of civil culture which objectively represents itself as system for political process in the country, is almost executed by a course of transformatsionny processes in that degree which is necessary for giving for conditions of its course of a certain vector – towards delneyshy democratization of the Belarusian society.

Key words: civil society, actor, political culture, civic culture, democracy, transformation processes, social arrangements, social class.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУР-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ: ПРЕДЕЛЬНАЯ РАМКА

Рассматриваются основные векторы становления культур-социологии. Выделяются этапы ее развития. Анализируются национальные контексты ее формирования. Культур-социология понимается как отличная от линии Дюркгейма–Парсонса версия теоретического социологического знания. Проводится различие между социологией культуры и культур-социологией. Выясняются перспективы развития культур-социологии на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: культур-социология, социология культуры, социология знания, репрезентативная культура, неклассика, постнеклассическое знание, методология, предмет исследования, М. Вебер, Дж. Александер, Ф. Тенбрук, Л. Ионин.

Необходимо различать два принципиально различных подхода к исследованию культуры и ее феноменов в социологическом знании [2]. В традиционно понимаемой социологии культуры (как социологической субдисциплине) была предпринята попытка описания и анализа культуры на уровне теории среднего уровня (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем (культура труда, быта и т. д., политическая, экономическая и т. д. культура) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни, сферы производства интегрирующих (со)общество культурных образцов) как в институциональном, так и в поведенческом срезе, т. е. как особой предметности (особого предмета) социологического изучения. В неоклассическом социологическом знании, уходящем своими истоками в структурно-функциональный анализ, культура рассматривается как специфическая подсистема общества, наряду, например, со сферами политики и экономики.

В случае культур-социологии речь ведется о социологическом изучении культуры как предельной рамки генерирования и воспроизведения социальной жизни. Такой тип социологического дискурса потребовал переформулировки классического методологического принципа социологизма, сформулированного Э. Дюркгеймом и по умолчанию принятого, хотя постоянно и оспаривавшегося социологической неоклассикой в концепциях и теориях, квалифицируемых в рамках «социологического психологизма». Социальное начинает пониматься и трактоваться либо как социокультурное («слабая программа»

культур-социологии, вполне согласуемая с социологической неоклассикой, хотя и требующая ее существенной переинтерпретации), либо в терминах не только и не столько социокультурного, сколько знаково-текстового («сильная программа» культур-социологии, опять же возможная в двух версиях: в одной из них рассматриваются механизмы взаимодействия «текстового» и «социокультурного» в аспекте порождения новых параметров общественной жизни; во второй, так или иначе, обыгрывается тезис об «исчезновении социального» и порождении квазисоциальных феноменов общественной жизни).

В обоих случаях в культур-социологических дискурсах речь, по сути, идет об объединении (синтезе) «социального» и «культурного» анализов в рамках единого целого и фокус внимания исследователей так или иначе смещается с поиска особой предметности (особого предмета) социологического изучения (при этом происходит неизбежная проблематизация любых вводимых онтологических представлений) на эпистемологический статус так понимаемого знания об обществе. Соответственно возникает и ряд проблем парадигмальной и методологической соотнесенности культур-социологических дискурсов и их дисциплинарной определенности. В последнем случае проблемным становится не только их соотношение с социологической неоклассикой, но и их соположенность (как минимум) с дискурсами культурной (и социальной) антропологии и культурологии (так как она прописывается в русскоязычном дискурсивном пространстве).

В рамках рассмотрения становления социологических дискурсов исследования культуры следует отметить, что конституирование культур-социологии изначально не вписывалось в ту или иную парадигматику и более того – требовало критического переосмысления социологического проекта в целом. Культура и ее феномены исходно не полагались как исследовательское поле ни в «позитивной» версии социологии, берущей свое начало, как считается, в разработках О. Конта, ни в «критической» версии социального знания, возводимой к работам К. Маркса. Обращение социологов к исследованию проблематики культуры следует связывать с теми процессами, которые связаны с общей культурной, социальной и интеллектуальной историей Запада, по крайней мере начиная с последней трети XIX века.

Ее возникновение было инспирировано в значительной мере теми проблемами, которые возникли и обсуждались в европейской (главным образом немецкоязычной) философии того времени и были связаны прежде всего с рефлексией кризиса классической философии и поисками выхода из него. Тотальному пересмотру (сам это процесс начался гораздо раньше) были подвергнуты практически все концепты немецкого трансцендентального идеализма (начиная с понятия субъекта познания, в качестве какового понималось прежде всего «чистое сознание», «познавательная способность как таковая»), принципы универсализма европейских дискурсов и сами методологические основания философского и научного познания.

Эти проблемы не могли не затронуть и социологию, само появление которой можно рассматривать в том числе и как реакцию на «кризис европейского

сознания». С одной стороны, под сомнение была поставлена продуктивность социологического проекта как такового, по крайней мере в том виде, как он был заявлен Контом и прописан затем Дюркгеймом. В этой перспективе социология была расценена как принципиально натуралистически ориентированная по своей сути и с неизбежностью позитивистская по своей методологии. С другой стороны, в связи с этим потребовалось переопределение (как минимум – уточнение) онтологических, гносеологических, а самое главное эпистемологических и методологических основ социологической дисциплинарности. Встал вопрос о том, сможет ли социология предложить адекватные ситуации ответы на возникшие вопросы и достойно ответить на критику в свой адрес. Поэтому значительную часть предпосылок возникновения культур-социологии следует искать во многом не в социологии, а за ее пределами – в общем контексте «слома эпох» и в рефлектировавшей его философии, переопределявшей себя в том числе и как культур-философия.

Таким образом, первые социологические проекты, которые с сегодняшних позиций могут быть распознаны как культур-социологические, – понимающая социология М. Вебера и формальная социология Г. Зиммеля, во многом фундировались разворачиванием общих дискурсов специфики (первоначально) «наук о духе» («Geistwissenschaften»; основная фигура – В. Дильтей) и/или (главным образом) «наук о культуре» («Kulturwissenschaften»; основные фигуры – В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Коген, а затем прежде всего Э. Кассирер) и соответствующих споров (не утихших до настоящего времени) об особенностях их методологии.

В понимании неокантианцев выход интеллектуальной мысли в область универсального неизбежно приводит к самоопределению ее в терминах культур-философской рефлексии (философия и есть философия культуры – «Kulturphilosophie» и, наоборот, – философия культуры и есть философия). «Философия жизни» же четко артикулировала глобальность кризиса западной цивилизации, в основе которого лежит кризис европейского типа рациональности и, еще шире, европейской культуры.

В этой перспективе попытки конституировать культур-социологию («Kultursoziologie» с последующим более поздним ее противопоставлением «социологии культуры») лежали в русле общих интенций развития европейского философского и гуманитарного (по)знания, для которого конец XIX – начало XX века во многом ознаменованы установками на выявление специфики культурных оснований европейской цивилизации, а рубеж 20-х годов XX века можно рассматривать как прошедший под знаком «критики культуры». Другое дело, что эти интенции (главным образом немецкоязычной социологии) не были восприняты социологическим мейнстримом, а порожденные ими тексты остались на долгое время на периферии внимания дисциплинарного сообщества или даже (в случае с рядом работ Зиммеля) были маргинализированы в силу их нераспознанности именно как социологических. Это не помешало Т. Парсонсу при определенной избирательности в отборе текстов и их (пере)интер-

претации включить ряд тем веберовской и зиммелевской социологий в корпус неоклассического социологического знания.

Не до конца остался отрефлектирован терминологический переход в немецкоязычных «науках о культуре» от понятий «Geist» («дух») и «Bildung» («образование», «воспитание»), фиксировавшихся на «высших проявлениях (достижениях)» человеческой сути и «овладении ими», к понятию «культура» как характеристике человеческой активности («ее оформленности» и «наделенности смыслом»).

Это различение позже так или иначе воспроизводилось в различных по своим методологическим основаниям культур-социологических дискурсах, обозначая отличие «высокой» культуры как от повседневных и/или субкультурных социокультурных практик различных социальных субъектов, так и от практик «массовой» и/или «популярной» культуры.

При недостаточной отрефлектированности этого различения (и его принятия «по умолчанию») предметность культур-социологии схлопывалась до области искусства (хотя она, несомненно, одна из основных ее «предметностей»), в меньшей степени религии, науки и т. д., и соответствующих видов человеческой активности – художественной, образовательной и т. д. С одной стороны, такой ход позволяет, конечно, более четко фиксировать предметные (проблемно-тематические) поля для социологического изучения, но с другой – делает излишними усилия по вычленению собственно культур-социологических дискурсов, во многом возвращая исследователя в рамку традиционно понимаемой социологии культуры. К тому же соответствующие проблемы искусства, религии, образования и т. д. вполне вписываются в рамки социологических субдисциплинарностей – социологии искусства, религии, образования и т. д. При этом ничто не мешает «плодить» субдисциплинарности под исследование возникающих проблем в рамках массовой культуры, например, или при возникновении новых субкультур.

Однако есть достаточные основания полагать, что исходные дискурсы немецкой культур-социологии удачно, в силу самой корректности постановки исследовательских задач и адекватности (на тот момент времени) избранного методологического оснащения исследовательских практик, смогли избежать подобного рода ловушек. Если говорить предельно упрощенно, то у того же Вебера рассмотрение культуры как сложно устроенной ценностной системы с ядром в виде религиозных ценностей и включением ценностей самого исследователя, принадлежащего той или иной культуре, достаточно аргументировано (опять же на тот момент времени) переводится в комплексное изучение религиозных и трудовых практик (как и иных сложных форм социальной жизни) на уровне их пронизанности культурными и личностными смыслами, с соответствующим построением типологий социального действия, господства (власти) и т. д. В итоге формулируется идея «социологии как эмпирической науки о культуре» и создается концепция рационализации (с полюсами «материальной» и «формальной» рациональности) как основания современного

типа социальности), оказывающаяся способной удержать целостность социологического видения («воображения») и избранный социокультурный срез анализа, не позволяя ему «сваливаться» в излишний антропологизм и не теряя его «предметность».

В период Веймарской Германии эти интенции были развиты прежде всего А. Вебером (но он так и «остался в тени» брата) и в меньшей степени К. Манхеймом (работы которого по исследованию собственно проблематики культуры «остались в тени» его разработок по социологии знания и более поздних послевоенных работ в области социологии образования). Реконструкция же культур-социологической программы М. Вебера пришлась на времена институционализации неовеберианства в постгитлеровской Германии. Развернутый проект восстановления веберовского наследия был предложен, в частности, В. Шлюхтером [72]. Однако наибольший интерес в рассматриваемом контексте представляет попытка институционализации культур-социологического подхода, предпринятая в 70-е годы XX века рядом немецких авторов (Ф. Х. Тенбрук – глава направления, Х.-П. Турн, В. Липп, А. Хаан, Ю. Шталь, Й. Вайс, В. Хеннис, В. М. Шпрондель, К. Зейфарт и некоторые другие) на основе преодоления междисциплинарных границ и синтеза различных парадигмальных ориентаций в самой социологии, но с сохранением оппонирования теоретико-методологическим установкам англоязычной культурной (и социальной) антропологии.

Данная школа (культур-социологии неовеберианского толка) ориентировалась на выявление значения целостных смысловых конструкций, определяющих стратегии социального действования, на конституирование феноменов социального, взятое в длительной исторической ретроспективе. Для обозначения таких комплексов Тенбрук ввел представление о репрезентативной культуре («repräsentative Kultur»), т. е. такой культуре, которая производит идеи, ценности, значения (смыслы), которые действенны для существующего социального сообщества в силу их фактического (активного или пассивного) признания, что и конституирует эти сообщества (социум является в культуре). Отсюда задача культур-социологии для круга авторов этой школы – установление и истолкование (интерпретация) целостных смысловых комплексов репрезентативной культуры [76]. Особое внимание в этой перспективе они уделяли исследованию религии и искусства, снимая тем самым и границы между культур-социологией и социологиями религии и искусства и развивая веберовскую установку на одновременное исследование «высокой» культуры и хабитуализированных культурных практик.

Идея «репрезентативной культуры» как очерчивающей поля «предметности» культур-социологических дискурсов в русскоязычной традиции была активно поддержана и развита в работах Л. Г. Ионина: «Репрезентативная культура репрезентирует, представляет в сознании членов общества все и любые факты, которые что-либо означают для действующих индивидов. И означают они для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это

существует для членов общества и только в этом, т. е. в культурной репрезентации, и существует общество» [26, с. 49–50]. Интересно отметить то, что Ионин при интерпретации Тенбрука акцентирует внимание на «жесткой принудительности» социальных фактов именно как фактов репрезентативной культуры, как «действенных в силу их фактического признания», что явно отсылает к социологическому проекту Дюркгейма и свидетельствует о возможности инкорпорировать его (при, понятно, существенной переинтерпретации и избирательности в отборе дюркгеймовских тематизмов) в рамку культур-социологии. Особенно показательна в этом отношении следующая цитата из ионинской «Социологии культуры»: «Если принять этот ответ, то можно сделать вывод, что все эти жесткие социальные факты являются не чем иным, как фактами культуры. При этом не возникает необходимости противопоставлять культуру и общество. Культурное видение и социальное видение – это просто два разных аспекта видения одного и того же феномена. В любом эмпирическом явлении социальной жизни невозможно отделить «социальную часть» от «культурной части»; здесь налицо, как выразился Тенбрук, «бесшовное соединение» [26, с. 50].

В отличие от версии Ионина, попытка переинтерпретации репрезентативной культуры Тенбрука в терминах «актуальной культуры» [70] (как определяющих «предметность» социологических дискурсов культуры) не представляется достаточно убедительной. Акцент на «актуальности» призван подчеркнуть «функционирующее начало культуры», актуальная культура – это «*наличная культура*, выражающая в масштабе общества массовое, типичное, господствующее» [70, с. 94], отделенная от «культуры «невостребованной» в данный период». При этом эта сквозная («антропологическая») характеристика культуры должна быть соотнесена с ее «гуманистической, человекотворческой гранью»: «В этом смысле она есть человеческое, личностное измерение истории, выражение изменения самого человека в ходе исторического развития, процесс и мера самоопределения и самореализации человека. Она – средство социализации человека» [70, с. 94]. Представляется, что такое прочтение привносит в понимание «предметности» социологических дискурсов культуры одновременно излишний натурализм и оценочную модальность («Актуальная культура выступает как инвариантный компонент, овладение которым возможно и необходимо для каждого, чтобы быть в состоянии «войти» в современную культуру» [70, с. 96]).

Возвращаясь к немецкоязычным истокам культур-социологических дискурсов, необходимо обратиться к еще одному сюжету (неомарксистская линия влияния на их становление при этом выводится за рамку рассмотрения). Речь идет о связке между социологическим исследованием культуры и антропологической проблематикой в том виде, в каком она сложилась в Германии, т. е. прежде всего о философской антропологии («philosophische Anthropologie»). Связка эта в наших контекстах на данный момент прописана слабо, поэтому можно ограничиться лишь обозначением нескольких принципиальных моментов.

У истоков этого проекта стояли М. Шелер и Кассирер позднего этапа его творчества (что уже само по себе может указывать на наличие связи между дискурсами культур-социологии и философской антропологии). Многие представители этого направления одновременно работали и в философии, и в социологии (Х. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, Х. Шельски), ориентируясь на исследование возможных осознанных и критически рефлексируемых структур человеческого опыта мира.

Согласно основной теоретико-методологической установке философской антропологии, человек сам практически творит мир, в котором живет, он всегда относится к своему совместному с другими бытию («ведет жизнь»), обращаясь, в том числе и прежде всего, к самому себе и к своему сознанию. В целом свойственный культур-социологии антипсихологизм дополняется в случае философской антропологии требованием снятия присущих европейскому сознанию дихотомий (прежде всего разделения человека на субъект и объект познания, на тело и душу) и попыткой построить целостное и синтетическое (вне дихотомии естествознание – гуманитаристика) знание о человеке в мире «естественной искусственности», «опосредованной непосредственности» и «утопического местоположения». Иначе говоря, исходя из «эксцентрической позициональности» человека, который есть «ничто», призванное стать посредством собственных усилий тем, кем он исходно уже есть.

Ориентируясь на природу (в которой человек не укоренен и поэтому есть «недостаточное существо» – идея, сформулированная еще И. Г. Гердером), и Плеснер, и Гелен приходят, по сути, к культуре, снимая саму дихотомию человека естественного и человека культурного. Культура оказывается в конечном итоге тем единственным окружением, в котором только и может «вести жизнь» человек, обеспечивая это «ведение» через социально-институциональный уровень общества. У Ротхакера же развитие тезиса о принципиальной человеческой «открытости миру» смещает акцент на конкретику культурных, языковых, этнических, религиозных человеческих сообществ (на «жизненные стили») и переформулирует весь философско-антропологический проект как проект культур-антропологии (Kulturanthropologie).

Показательно, что и поздняя философская антропология (прежде всего в лице Шельски) приходит к критике самого знаниевого социологического проекта и прежде всего принципа социологизма (на фоне рассмотрения места интеллектуалов в современных обществах) и необходимости очередного переобоснования социологии через обращение к самим социокультурным условиям, делающим возможным социологическое мышление.

Подводя некоторый промежуточный итог сказанному, следует отметить, что выше речь шла большей частью об истоках формирования культур-социологических дискурсов и в гораздо меньшей степени о них самих в том виде, в каком они презентированы в социологическом знании в настоящее время. Это связано с двумя основными факторами.

При всем несомненном влиянии М. Вебера на последующее социологическое развитие, прежде всего на становление так называемой интерпрета-

тивной социологии (первой версией которой и являлась, по сути, его понимающая социология), а в этой перспективе и на появление теоретико-методологической перспективы культур-социологии, следует помнить о том, что исследовательская программа Вебера была реконструирована и проинтерпретирована в этом контексте достаточно поздно (60–80-е годы XX века). Наследие Зиммеля как культур-социолога в должной мере не отрефлектировано до сих пор. Фигуры А. Вебера, Манхейма (как культур-социолога), да и Тенбрука малоизвестны и недостаточно влиятельны за пределами национального дисциплинарного сообщества (показательно, что в России, где на Тенбрука в культур-социологических текстах принято ссылаться, нет репрезентативных переводов его работ). Линии же немецкой культур-социологии и философской антропологии, что также уже отмечалось, остались почти «непересекающимися прямыми». Таким образом, можно с известными допущениями утверждать, что «немецкая» линия развития культур-социологических исследований в значительной мере используется в настоящее время для «обоснования традиции», вписывания культур-социологии в широкий дисциплинарный контекст, аргументации собственных построений и т. д., т. е. в значительной мере как «модернизирующая» реконструкция.

Второй фактор коррелирует с первым. Основное влияние на становление культур-социологии, начиная примерно с 30-х годов XX века, а особенно в период после Второй мировой войны, оказывали инопарадигмальные течения социогуманитарной мысли, связанные преимущественно с франко- и англоязычными контекстами. Собственно же «культурный поворот» в социогуманитарном знании начинается где-то с конца 60-х годов XX века.

Эта парадигматика (с некоторыми изъятиями, о чем следует сказать отдельно) гораздо лучше проработана и отрефлектирована в русскоязычном социогуманитарном и философском пространстве, хотя ее интенсивное освоение началось с большим отставанием по отношению ко времени создания «западных» образцов лишь с середины 80-х годов XX века. Насколько при этом многие из этих введенных в научный оборот текстов «встроены» в культур-социологию – вопрос по-прежнему открытый. Тем не менее есть некоторые основания ограничиться ниже лишь обозначением основных векторов развития данной проблематики.

В рассматриваемом контексте речь должна идти прежде всего о наработках различных версий собственно интерпретативной линии в социологии, выведших исследованиях культур-социологического типа на микроуровень, введших понятия повседневности, интерсубъективности, Другого, и тем самым «реабилитировавших» в социологии «личностный» уровень исследования. Отдельно следует упомянуть исследования механизмов типизации обыденного знания и «релевантизации» различных жизненных перспектив, механизмов ритуализации социальных взаимодействий и стигматизации (шире – социального символизма), фреймовый и ситуационный анализ, изучение языковых, речевых, дискурсивных, знаниевых, игровых и (само)идентификационных практик.

Принципиально важным для развития культур-социологии явилось конституирование социологии знания как области метатеоретических исследований. В частности, в ней были поставлены и разработаны тематизмы знания в культуре, проблематика знаниевых (затем и языковых) способов описания и действования в культуре, многообразия возможных логик и технологий (рациональностей) действования и их социальной эффективности. Фактически проблематика, опознаваемая как относящаяся к социологии знания, латентно присутствовала в культур-социологической перспективе изначально (как минимум в работах М. Вебера. Шелера, Манхейма). Важнейшей вехой для рассматриваемого контекста стала совместная работа П. Л. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966), давшая толчок появлению различных (по методологическому оснащению) версий исследования конструирующей и конституирующей роли различных типов знания в генезисе и воспроизводстве социальности и разнообразных социокультурных практик (истоки такой постановки вопросов в социологии лежат в феноменологической социологии А. Шюца, а в настоящее время они активно прорабатывается в рамках социального конструктивизма).

Большое значение для конституирования и проблемно-тематического оформления культур-социологического направления, а также преодоления ее «привязки» к немецкоязычному пространству имело и развитие идей французского структурализма (в том числе и структурной антропологии К. Леви-Строса и его последователей), ориентировавшегося на выявление безличностных (анонимных) социальных и прежде всего культурных инвариантных структур (устойчивых к изменениям отношений между элементами целого), но в большей мере постструктурализма, выступившего под лозунгами тотальной критики культуры как таковой, дезавуации идеи человека как идеологической иллюзии и пересмотра онтологического статуса социального(сти).

Размывание исходно заявленной оппозиционности структуралистских дискурсов по отношению к культур-социологическому знанию началось с акцентирования рядом авторов-структуралистов (включая представляющих структуралистски ориентированную семиотику) социально-политических и культурно-исторических контекстов продуцирования смыслов, знаково закрепляемых в текстах, а в этом смысле автономизированных от порождающих их контекстов. Со своей стороны, собственно культур-социология, все больше переплетаясь с социологией знания и обратившись к проблематике исследования языковых реалий, также стала размывать границу между социальной (социокультурной) и знаковой («закрепляющей культуру») реальностями. (В результате этих встречных движений во многом и сложился – во всяком случае во франкоязычной традиции – комплекс постструктуралистских идей на основе (само)критики установок структурализма.)

Было отрефлексировано то обстоятельство, что неосознаваемые на уровне социальных взаимодействий акторов «глубинные структуры отношений» и определяют, собственно, суть социокультурной действительности, репрезен-

тируемой через знаково-языковые и знаниевые средства и выступающей, следовательно, в значительной мере как «квазизнаковая реальность». В свою очередь, знаково-языковые и знаниевые целостности открыты к воспринимающим их контекстам, производящим их селекцию и задающим им ту или иную интерпретацию (а тем самым (вос)производящим и их «натурализацию»).

Для становления этой исследовательской перспективы существенное значение имели не только разработка идей генетического структурализма Л. Гольдмана; опыты в области «социологии символических форм» («социоанализа культуры») П. Бурдьё, концепция «безсубъектных трансформаций» праксиса Л. П. Альтюссера, но и собственно работы Леви-Строса. Революционизирующее же значение для последующего пересмотра всей проблематики и тематизмов структурализма (и культур-социологии) с иных теоретико-методологических позиций сыграли разработки Р. Барта и М. Фуко (концепты «мифологий», «нулевой степени письма», «смерти автора», «чтения-письма», «культурного кода», «дискурсивных практик», «эпистемы», «архива», «археологии знания», «дисциплины» и «дисциплинарности», «власти-знания» и некоторые другие), задавшие совершенно специфические по отношению к уже существовавшим представления о «социологике» современных обществ.

Весь обозначенный круг идей вел к выдвижению в структурных и семиотических анализах на первый план «неструктурного» в структуре и «нетекстового» в тексте, что и способствовало «размыканию» исследуемой проблематики и тематики в широкие и многомерные социокультурные контексты, критике структуралистской методологии с позиций постструктурализма, а главное – фиксировало переход к постнеклассическому периоду в европейском культурном и интеллектуальном развитии.

Принципиально важными в этом аспекте для появления новых интенций культур-социологии оказались идеи «позднего» Фуко, но прежде всего Ж. Бодрийяра (концепция симулякра и симуляции, на которую, в иной, неомарксистской традиции, как на факт социокультурной жизни обратил внимание уже А. Лефевр) и Бурдьё (концепты «объективация субъекта объективации», «социальное поле», «габитус» и «капитал», прежде всего культурный и/или символический, «практический смысл», «власть именования» как результат «символической борьбы»). Через соответствующие переинтерпретации в современную культур-социологию проник и был усвоен в ее языке и опыт других представителей постструктурализма: Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой (тезис о «онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризме» европейских типов дискурса, концепты «ацентризм» и «деконструкция» (разрабатывавшийся также представителями Йельской школы – США), «differance», «след», «складка», «ризома», «гипертекст», «интертекст» и некоторые другие).

Однако далеко не все сторонники культур-социологической перспективы видят возможность (а иногда и необходимость) усвоения тематизмов структуралистско-постструктуралистского комплекса идей в рамках своего направления. Но и в этом случае они в нем присутствуют в качестве «фона» и пред-

мета критики. Какого-то удовлетворительного решения на данный момент не предложено, и данный вопрос требует самостоятельного рассмотрения. Аналогичная неоднозначная картина складывается и с наработками культур-социологического типа в рамках неомарксизма, а теперь уже и постмарксизма.

Если вернуться к истокам становления культур-социологических дискурсов, то обнаруживается, что еще один импульс к их конституированию задал неокантиански окрашенный австромарксизм (интерес к проблемам культуры, который изначально весьма сильно стимулировался обращением к проблематике национального самоопределения), а затем и основные версии неомарксизма (начиная с круга идей Д. Лукача и А. Грамши), в значительной мере сосредоточившиеся на изучении феноменов культуры и сознания. Более того, собственно и само представление о специфике социологического изучения культуры и сам соответствующий термин были впервые введены в научный оборот в австромарксизме М. Адлером (другая точка зрения – А. Вебером). Адлер видел задачи культур-социологии в изучении социальных факторов становления, функционирования и развития культурных феноменов (прежде всего ценностей и соответствующих им норм), рассматриваемых в свою очередь в аспекте их определяющего воздействия на социум и социальные взаимодействия людей.

Из неомарксизма (исходно же из критики идеологий как ложных форм сознания, имеющих социально-классовые детерминанты в социуме, и тотальной критики капитализма как особого типа общества и общественно-экономической формации Маркса) берет начало одна из линий критики культуры как критики общества. Особую роль в этом отношении сыграла публикация в первой трети XX века так называемых ранних работ Маркса, анализирующих феномены отчуждения и антропологическую проблематику. Линию «критики культуры» (с разных концептуальных и методологических позиций и в разных пограничных дисциплинарностях, но с присутствием в той или иной мере импульсов, исходящих из неомарксизма) развивали представители Франкфуртской школы, Ю. Хабермас, Э. Фромм и фрейдомарксизм, А. Лефевр, альтернативная (леворадикальная) социология (Ч. Р. Миллс, А. Гоулднер, Т. Роззак и др.). Для становления неомарксистской линии культур-социологии важны позитивные разработки, осуществленные в рамках различных версий концепции праксиса, а особенно в так называемой структуралистской версии неомарксизма (Альтюссер и его ученики, апеллировавшие к идеям «позднего» Маркса и выступавшие под лозунгами «теоретического антигуманизма», «антиисторицизма», «антиидеологизма» и «антиэмпиризма») и в генетическом структурализме Гольдмана и его последователей.

Теперь несколько слов об «изъятиях», о которых упоминалось, когда речь шла о представленности корпуса текстов и проработанности круга идей культур-социологического характера в русскоязычной традиции. Так вот, «представленность» текстов и «проработанность» идей относилась к кругу прежде всего франкоязычных авторов структуралистско-постструктуралистской ориен-

тации, с авторами и текстами Йельской школы (США), например, дело обстоит уже несколько иначе. «Изъятия» же касаются прежде всего неомарсистско-постмарксистсой культур-социологии. Это объясняется многими обстоятельствами, но прежде всего тем, что во времена Советского Союза неомарксистские тексты попадали в разряд «ревизионистских», а на постсоветском пространстве эта интеллектуальная традиция (как и марксизм в целом) была вытеснена на периферию исследовательского поля, а частью и маргинализирована. И лишь в последние годы стало возможным говорить о возрождении интереса к ней и вообще теориям и теоретикам «левого» толка.

Показательна в этом отношении история «освоения» в русскоязычном пространстве круга идей Бирмингемской школы культурных исследований («cultural studies»), имеющих непосредственное отношение к предмету данного текста. В такой постановке вопрос требует отдельной проработки, поэтому в данном случае ограничимся отсылкой к статье В. Куренного в первом номере «Логоса» за 2012 год [34], предваряющей несколько напечатанных там же программных текстов школы, к которым (как и еще некоторым работам по рассматриваемой проблематике [62; 63]) также следует сделать отсылку [15; 61; 69].

Что же касается наличия в настоящее время полноценно функционирующей школы культур-социологии, то речь должна идти в первую очередь об исследовательской программе («cultural sociology»), реализуемой в Центре культур-социологии Йельского университета, содиректорами которого являются Дж. Александер, Ф. Смит и Р. Айерман (Д. Куракин предложил убедительную аргументацию перевода названия программы для русскоязычного пространства как проекта «культур-социологии» [33, с. 155–158]). Его партнером в России является Центр фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ, возглавляемый А. Ф. Филипповым. Именно усилиями сотрудников и коллег этого Центра многое сделано для введения в оборот в русскоязычном пространстве идей Александера и рассматриваемой школы в целом. В частности, в 2010 г. вышел спецвыпуск журнала «Социологическое обозрение», посвященный основным тематизмам, разрабатываемым сотрудниками Центра культур-социологии Йельского университета, к которому мы и отсылаем [5; 6; см. также 4], обращая особое внимание на концептуальную статью Д. Куракина [33]. Остается только выразить надежду на то, что Центр фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ со временем сможет институционализировать культур-социологию как перспективное направление исследований на постсоветском пространстве.

Обращаясь же к представленности круга идей культур-социологии в русскоязычном пространстве, хотелось бы хотя бы на отсылочном уровне обозначить наличие как минимум еще трех направлений их развития, каждое из которых заслуживает отдельного обстоятельного обсуждения. Во-первых, речь идет о Л. Г. Ионине и его последователях, начавшем обсуждение этого круга идей еще в Советском Союзе и издавшем первый русскоязычный учебник, эти идеи репрезентирующий, хотя и сохранивший (во всех четырех изданиях) привычное словосочетание «социология культуры». К нему [26] и некоторым

репрезентативным для рассматриваемой темы работам Ионина и делаем отсылку [22–25; 27]. Во-вторых, речь может идти о наследии М. К. Петрова, также проработавшего круг своих идей еще во времена СССР, но так и не сумевшего издать (был рассыпан набор) книгу под названием «Социологический анализ проблем культуры» – вышла в 1991 г. под названием «Язык, знак, культура» [50]; также отсылаем еще к нескольким репрезентативным для рассматриваемой проблематики работам Петрова [48; 49]. В-третьих, можно сделать отсылку на «социокультурную методологию» А. С. Ахиезера [7–10; 11], разрабатывавшуюся им как методология философского анализа, но близкую «по духу» рассматриваемой проблематике. Примечательно, что названные авторы опираются в своих разработках на разные исследовательские традиции, хотя и не «понимаются» только исходя из них (Ионину близка немецкоязычная традиция, хотя очевидны апелляции и к этнометодологии, например; Петрову – (пост)структуралисткая, хотя заметны и неомарсистские мотивы; Ахиезер обращается прежде всего к наработкам отечественной традиции, но понимаемой сквозь западный комплекс идей).

Хотелось бы сделать несколько отсылок и на иных авторов, вряд ли или заведомо не попадающих в традицию культур-социологических дискурсов, но значимых для ее понимания. Речь идет о работах таких разноплановых авторов, как А. Долгин [16; 17], С. А. Кравченко [30; 31], И. А. Шмерлина [73]. Целый ряд близких по духу постановок вопросов (при неизвестности культур-социологической перспективы или при критическом отношении к возможностям социологических дискурсов в целом) был предложен в рамках антропологии и культурологи [19; 28; 37; 44; 46; 56; 57; 65; 66; 67]. То же самое, но с большим количеством оговорок, можно было бы сказать о ряде перспективных теоретических разработок, включая философские и оппонирующие им [14; 35; 36; 38; 39; 43; 45; 47; 54; 55; 59; 64; 74]. Особый интерес представляют работы, которые достаточно условно можно подвести под такое модное сейчас направление, как «пограничные исследования», в которых заметно влияние цивилизационных и/или постколониальных исследований [12; 21; 29; 41; 60; 68; 71; 75]. Что же касается собственно социологии, то нижеследующая минимизированная подборка текстов, в которую не включены работы, так или иначе развивающие проект «социологии культуры» – а они очевидным образом преобладают в массиве публикаций о социологическом подходе к исследованию культуры, – возможно, даст некоторое представление об отсутствии дисциплинарного единства по рассматриваемой проблематике [13; 18; 20; 32; 42; 51–53; 58].

Возвращаясь же к оценке общего состояния культур-социологии в современном знании, вряд ли ее можно сегодня рассмотреть с позиций «сильной программы», как это делает Александер применительно к своей ее версии. Она, скорее, маркирует (обозначает) определенный тип эпистемологических установок постнеклассического «социологизирования», метатеоретической «социологической подходности» в видении и анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря

на неоднократно предпринимавшиеся попытки ее институционализации как социологической школы и/или особой социологической теории. О ее единстве можно говорить лишь в аспекте удержания предельной социологической рамки при исследовании культуры, задающей в самом общем виде ее предметное (проблемное и тематическое) поле как продуцирование знания о человеке, социально действующем в своей культуре (на основании различного знания о ней), и для социально действующего в своей культуре человека (выходя, в конечном итоге, на социогуманитарные технологии такого действования). «Внутри» же этой рамки культур-социология может предложить различные версии оформления продуцируемого ею знания в зависимости от тех методологических и концептуальных оснований, которые кладутся конкретными авторами в ее основание [3].

Дополнительно можно высказать предположение о том, что в своем генезисе комплекс установок «социологии культуры» связан с классическим (и неоклассическим) этапом развития социологии, а комплекс установок «культур-социологии» (опять же в их генезисе) связан с неклассическим этапом в развитии, но уже не только социологии (которая исходно «неклассична» по отношению к философии), но и философии и иных социогуманитарных дисциплин. Доминирование же культур-социологии в социологических дискурсах в целом начинается с переходом к этапу постнеклассического знания. И последнее (весьма спорное и уязвимое для критики) предположение: о культур-социологии с той или иной долей вероятности можно говорить как о попытке задать иной по отношению к линии Дюркгейма–Парсонса тип социологического теоретизирования (помня при этом, что «непроходимой стены» между этими проектами нет [1], а Александер напрямую увязывает их между собой [5; 6].

Литература

1. *Абушенко, В. Л.* Классический подход к изучению культуры в социологии в перспективе социологической (пост)неклассики / В. Л. Абушенко // Социологический альманах, 2011. – Вып. 2. – С. 81–88.

2. *Абушенко, В. Л.* Социология культуры, культур-социология / В. Л. Абушенко // Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 1022–1027.

3. *Абушенко, В. Л.* Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах, 2012. – Вып. 3. – С. 124–140.

4. *Александер, Дж. С.* Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры / Дж. С. Александер // Социологическое обозрение, 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 237–271.

5. *Александер, Дж.* Об интеллектуальных истоках «сильной программы» / Дж. Александер // Социологическое обозрение, 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 5–10.

6. *Александер, Дж.* Сильная программа в культурологи / Дж. Александер, Ф. Смит // Социологическое обозрение, 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 11–30.

7. *Ахиезер, А. С.* Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) (1–3) / А. С. Ахиезер // Вопросы философии, 1999. – № 8. – С. 3–18; 1995. – № 12. – С. 3–20; 1998. – № 2. – С. 3–17.

8. *Ахиезер, А. С.* От культурологического к социокультурному анализу инноваций в обществе / А. С. Ахиезер // Вестн. МГУ, 1996. – № 2. – С. 22–34.

9. *Ахиезер, А. С.* Проблема переходов в социокультурных процессах и феномен осмысления-переосмысления ситуации / А. С. Ахиезер // Мир психологии, 2000. – № 1. – С. 217–229.

10. *Ахиезер, А. С.* Социокультурные подходы к исследованию переходных процессов (на материале России) / А. С. Ахиезер // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда, 1996. – № 2. – С. 41–47.

11. *Ахиезер, А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии / А. С. Ахиезер // Вопросы философии, 2000. – № 9. – С. 29–45.

12. *Гирин, Ю. Н.* Граница и пустота: к вопросу о семиозисе пограничных культур. Размышления латиноамериканиста / Ю. Н. Гирин // Вопросы философии, 2002. – № 11. – С. 85–94.

13. *Голофаст, В. Б.* О понятии human methodology: неоконченные заметки / В. Б. Голофаст // Социологический журнал, 2005. – № 1. – С. 162–171.

14. *Гречко, П. К.* Деконструкция культуры: к постановке проблемы / П. К. Гречко // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук, 2004. – №4 (24). – С. 142–151.

15. *Джонсон, Р.* Так что же такое культурные исследования? / Р. Джонсон // Логос, 2012. – №1(85). – С. 80–135.

16. *Долгин, А.* Второй универсум / А. Долгин // Логос, 2002. – №5/6(35). – С. 243–291.

17. *Долгин, А.* Прагматика культуры / А. Долгин // Логос, 2002. – №2(33). – С. 47–96.

18. *Дубин, Б. В.* Границы и проблемы социологии культуры в современной России: к возможностям описания / Б. В. Дубин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2008. – №5(97). – С. 67–74.

19. *Ерасов, Б. С.* Российская культурология в контексте закрытия? / Б. С. Ерасов // Философские науки, 2000. – № 3. – С. 40–48.

20. *Здравомыслов, А. Г.* Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // Социологические исследования, 2008. – № 8. – С. 3–18.

21. *Земсков, В. Б.* Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики / В. Б. Земсков // Цивилизация. – Вып. 7. Диалог культур и цивилизаций / под ред. А. О. Чубарьяна. – М.: Наука, 2006. – С. 82–91.

22. Интервью с профессором Леонидом Григорьевичем Иониным // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003. – № 2. – С. 5–20.

23. *Ионин, Л. Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) / Л. Г. Ионин // Социологические исследования, 1995. – № 4. – С. 3–14.

24. *Ионин, Л. Г.* Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) /Л. Г. Ионин // Социологические исследования, 1995. – № 2. – С. 41–48.

25. *Ионин, Л. Г.* Новая магическая эпоха / Л. Г. Ионин // Логос, 2005. – №2(47). – С. 156–173.

26. *Ионин, Л. Г.* Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 278 с.

27. *Ионин, Л. Г.* Театр культурных форм / Л. Г. Ионин // Человек, 1993. – № 3. – С. 57–67.

28. *Ицхокин, А. А.* Культурология или конститутивная феноменология социальной системы / А. А. Ицхокин // Вестн. Моск. ун-та, 1996. – № 4. – С. 103–114.

29. *Кондаков, И. В.* Самосознание культуры на рубеже тысячелетий / И. В. Кондаков // Общественные науки и современность, 2001. – № 4. – С. 138–148.

30. *Кравченко, С. А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) / С. А. Кравченко // Социологические исследования, 2010. – № 5. – С. 13–22.

31. *Кравченко, С. А.* Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) / С. А. Кравченко // Общественные науки и современность, 2002. – № 6. – С. 143–155.

32. *Култыгин, В. П.* Социология культуры или социология культурно-духовной сферы? / В. П. Култыгин // Социологические исследования, 2008. – № 8. – С. 143–146.

33. *Куракин, Д.* «Сильная программа» в культурологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии / В. Куракин // Социологическое обозрение, 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 155–178.

34. *Куренной, В.* Исследовательская и политическая программа культурных исследований / В. Куренной // Логос, 2012. – №1(85). – С. 14–79.

35. *Кутырев, В. А.* Экологический кризис, постмодернизм и культура / В. А. Кутырев // Вопросы философии, 1996. – № 11. – С. 23–31.

36. *Маркуш, Д.* Общество культуры: культурный состав современности / Д. Маркуш // Вопросы философии, 1993. – № 11. – С. 16–28.

37. *Межуев, В. М.* Культура как деятельность (Из истории отечественной культурологи) / В. М. Межуев // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2006. – №1(29). – С. 37–59.

38. *Межуев, В. М.* Философия культуры в системе современного знания / В. М. Межуев // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2004. – № 2(22). – С. 135–155.

39. *Межуев, В. М.* Философия культуры как специфический вид знания о культуре / В. М. Межуев // Философские науки, 2000. – № 3. – С. 34–39.

40. *Можейко, М. А.* Становление теории нелинейных динамик в современной культуре. Сравнительный анализ синергетической и постмодернистской парадигм / М. А. Можейко. – Минск: БГЭУ, 1999. – 295 с.

41. *Мотрошилова, Н. В.* Варварство как оборотная сторона цивилизации / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии, 2006. – № 2. – С. 44–51.

42. *Орлова, Э. А.* Методологические проблемы изучения социокультурной реальности / Э. А. Орлова // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный научно-практический журнал социальных и гуманитарных наук, 2004. – № 4 (24). – С. 72–78.

43. *Орлова, Э. А.* Наука о культуре, ее прошлое и настоящее / Э. А. Орлова // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2000. – № 4(6). – С. 178–196.

44. *Орлова, Э. А.* Социально-научные исследования и культурная (социальная) антропология / Э. А. Орлова // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2004. – № 2(22). – С. 156–172.

45. *Пелипенко, А. А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории / А. А. Пелипенко. – М.: МГУКИ, 2007. – 433 с.

46. *Пелипенко, А. А.* Оправдание культурологии / А. А. Пелипенко // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2004. – № 3(23). – С. 84–93.

47. *Пелипенко, А. А.* Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 371 с.

48. *Петров, М. К.* Самосознание и научное творчество / М. К. Петров. – Р.-на-Д.: РГУ, 1992 – 270 с.

49. *Петров, М. К.* Человекоразмерность и мир предметной деятельности / М. К. Петров // Человек. – 2003. – № 1. – С. 14–15.

50. *Петров, М. К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Наука, 1991. – 328 с.

51. *Попов, Е. А.* Культурология и современная социология / Е. А. Попов // Социологические исследования. – 2006. – № 12. – С. 64–72.

52. *Попов, Е. А.* Перспективы культуроцентричности в социогуманитарном знании / Е. А. Попов // Социологические исследования, 2005. – № 11. – С. 47–52.

53. *Попов, Е. А.* Что изучает социология культуры / Е. А. Попов // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 89–96.

54. *Резник, Ю. М.* Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук. – 2001. – № 1(7). – С. 176–195.

55. *Решетников, С. Ю.* Теория культуры. (Логико-методологические подходы) / С. Ю. Решетников // Общественные науки и современность. – 2007. – № 2. – С. 156–162.

56. *Розин, В. М.* Современная культурология: проблемы формирования и методологический идеал / В. М. Розин // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук. – 2005. – № 1(25). – С. 127–145.

57. *Розин, В. М.* Человек культурный. Введение в антропологию / В. М. Розин. – Воронеж: МПСИ-МОДЭК, 2003. – 303 с.

58. *Сарингулян, К. С.* Культура и регуляция деятельности / К. С. Сарингулян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. – 158 с.

59. *Степин, В. С.* Культура / В. С. Степин // Новейший философский словарь / гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1999. – С. 344–346.

60. *Тлостанова, М. В.* Нюансировка инаковости в постмодернистских эпистемах / М. В. Тлостанова // Личность. Культура. Общество. Междисциплинарный науч.-практ. журн. социальных и гуманитар. наук, 2003. – № 3-4(17-18). – С. 116–134.

61. *Уильямс, Р.* Базис и надстройка в марксистской теории культуры / Р. Уильямс // Логос, 2012. – № 1(85). – С. 136–156.

62. *Усманова, А. Р.* Культурные исследования / А. Р. Усманова // Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 484–489.

63. *Усманова, А. Р.* От локального к глобальному: политика «Культурных исследований / А. Р. Усманова // Топос, 2000. – № 3. – С. 161–165.

64. *Фишман, Л. Г.* Постмодерн как возврат к Просвещению / Л. Г. Фишман // Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С. 69–79.

65. *Флиер, А. Я.* Историческая динамика культуры / А. Я. Флиер // Философские науки. – 2000. – № 3. – С. 167–173.

66. *Флиер, А. Я.* Культура как смысл истории / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 150–159.

67. Флиер, А. Я. Культурология как гуманитарная наука / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 160–168.

68. *Хачатурян, В. М.* «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе / В. М. Хачатурян. – М.: Academia, 2009. – 291 с.

69. *Холл, С.* Культурные исследования: две парадигмы / С. Холл // Логос. – 2012. – № 1(85). – С. 157–183.

70. *Шапко, В. Т.* Феномен актуальной культуры / В. Т. Шапко // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 93–104.

71. *Шемякин, Я. Г.* Граница (Процесс перехода и тип системности) / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 5. – С. 112–124.

72. *Шлюхтер, В.* Действие, порядок и культура: основные черты веберианской исследовательской программы / В. Шлюхтер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – № 2. – С. 22–50.

73. *Шмерлина, И. А.* Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы / И. А. Шмерлина // Социологический журн. – 2006. – № 3/4. – С. 25–45.

74. *Щедровицкий, П. Г.* Изменения в мышлении на рубеже 21-го столетия: социокультурные вызовы / П. Г. Щедровицкий // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 36–54.

75. *Яковенко, И. Г.* Цивилизация и варварство в истории России / И. Г. Яковенко // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 104–111.

76. *Tenbruck, Friedrich H.* Perspektiven der Kultursoziologie: gesammelte Aufsätze / Friedrich H. Tenbruck // Hrsg. von Clemens Albrecht. – Opladen: Westdt. Verl., 1996. – S. 99–124.

V. L. ABUSHENKO

THE ESTABLISHMENT OF KULTUR-SOZIOLOGIE DISCOURSES IN SOCIAL KNOWLEDGE: THE ULTIMATE FRAME

Summary

The main vectors of kultur-soziologie formation are examined in the article. The stages of its development are highlighted. There are analyzed the national contexts of its formation. Kultur-soziologie is understood as different from Durkheim – Parsons line version of the theoretical sociological knowledge. The distinctions between sociology of culture and kultur-soziologie are distinguished. The prospects for the development of kultur-soziologie in the post-Soviet space are investigated.

Key words: kultur-soziologie, sociology of culture, sociology of knowledge, representative culture, non-classics, post-nonclassical knowledge, methodology, subject of study, M. Weber, J. Alexander, F. Tenbruck, L. Ionin.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.1/316.7

А. Г. КЛИМОВ,
кандидат социологических наук, профессор,
Государственная академия славянской культуры, г. Москва

О СТАНОВЛЕНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАКРОУНИВЕРСАЛИЙ

Рассмотрены исторические особенности возникновения и изменения в процессах модернизации использования понятий «цивилизация», «общество», «культура». Отмечено влияние теологического знания на формирование содержания этих понятий и использования их в качестве универсалий, определяющих онтологию и гносеологию современного корпуса гуманитарного знания. Предложена периодизация становления содержания общества, культуры, цивилизации как категориальных.

Ключевые слова: общество, цивилизация, культура, обобщающие понятия, категория, универсалии, корпус социальных наук, гуманитарное знание, трансформации гуманитарного (научного, философского и религиозного) познания, процесс модернизации, периодизация представлений и способов их осмысления универсалий в историческом развитии.

В дисциплинарном оформлении человекознания обобщающие понятия (видовые, родовые, универсальные) выполняют важную роль задавания предметных подразделений и направления процесса познания в соответствие с типологией проблем. Для корпуса социальных наук – социологии, социологии культуры, социальной философии, культурологии, в которых конкретность получаемого и применяемого знания приобретает особенное значение, применение универсалий приобретает особую важность. Потому выработка категориального аппарата расценивается здесь как первейшая задача формирования действенной, адекватной теоретической базы, а определение ключевых категорий становится необходимым условием выделения и структурирования предметного поля.

Цивилизация, общество, культура как абстракция, с точки зрения логики понятий, в гуманитарном познании последних трех столетий непременно включались в пространство исследования различных аспектов антропологии, выступавшей осевой линией формирования сферы научного гуманитарного знания в целом со второй половины XIX века. Эти понятия настойчиво требовали конкретизации в социокультурных программах и проектах, равно как и в работах, включающих любые элементы теоретического конструирования, где и получали эту конкретизацию. Определение их содержания, взаимосвязи и форм взаимодействия стало обязательным компонентом методологии теоретического знания, а диагностика состояния, выявление и прогнозирование динамики – знания практического, прикладного.

Попробуем рассмотреть определения и различные аспекты взаимосвязи общества, культуры и цивилизации в предметном пространстве, заданном проблематикой религиозной организации. Для этого проследим изменение содержания данных понятий в макро- исторической перспективе становления и трансформации гуманитарного (научного, философского и религиозного) познания, основываясь на положении о том, что именно организационный подход предоставляет наиболее широкие возможности для объективации трудно поддающегося дефинициям содержания взаимосвязи между цивилизацией, обществом и культурой.

Как научные категории и общество, и цивилизация, и культура формировались в поле разработки научных представлений о религии и способах ее организации в различных типах исторических ситуаций.

Общество в этом смысле, представляя субстанционально-функциональный план онтологии организационного поля, задает социальное содержание процессов и элементов, составляющих религиозную организацию. *Культура* как процессуально-функциональный план онтологии формирует качественное значение определяемых обществом процессов и элементов содержания организационной реальности. *Цивилизация* же, задавая общий, типологический структурно-функциональный онтологический план, несет в себе ценностный аспект организационного содержания и определяет аксиологическую доминанту составляющих религиозной организации. Причем, ценностное основание цивилизации определяется обобщенными институциональными характеристиками, раскрывает содержание социальной, в частности религиозной организации в отношении к макро- и мега- качествам, значимости исторического процесса, развития человечества, выполнения его исторической миссии в предельных (космических, вселенских) онтологических планах.

Зафиксировав содержание понятий *общество*, *культура*, *цивилизация* в решении метафизической задачи определения онтологических аспектов и характера их соотношения, мы, таким образом, переходим непосредственно к решению уже методологической задачи категориального конструирования гуманитарного знания.

1. История понимания и дефиниций: общество, культура и цивилизация как общие понятия, абстракции и универсалии.

Существует ряд направлений познания, в которых решались вопросы определения и функций общих понятий: философия познания, риторика, логика, математический анализ (еще в декартовском понимании) и теория множеств (в частности, ее инструментальный, оперантный, состав).

Обращение к содержанию понятий *общество*, *культура*, *цивилизация* можно расценивать как закономерное явления развития понятия в *предметном познании* в целом, что в советской версии марксизм выражалось искаженной гегелевской формулировкой «от конкретного к абстрактному».

Как использование общего понятия в познании процедура абстрагирования служила не только средством обобщения материала, но, на известном

уровне развития мышления и научного знания, ее наличие и способы использования рассматривалась как критерии совершенства мышления и истинности познания. В истории культуры и, в частности, в истории научного знания, это происходит уже в период экспериментального исследования мышления в психологии, когда догадки и гипотезы, выделенные по наблюдениям и осмыслениям феноменов первобытных культур, проверялись и апробировались в изучении становления интеллектуальной деятельности ребенка и в исследованиях различных форм психических патологий[1]. Однако в теоретико-методологическом плане проблематика использования общих понятий разворачивалась в задачах применения наследия эллинистической логики к вопросам разработки и обоснования положений утверждающегося христианского учения в условиях языческих (греко-романских) и иудейских интеллектуальных и духовных традиций.

Познавательная (эпистемологическая, гносеологическая, в узком смысле – методологическая) ценность этих общих мыслительных форм отражения определялась еще в эллинистический период в логике Аристотеля и в логике стоиков, а обосновалась уже в патристике и в средней и поздней европейской схоластике (с X века вплоть на наступления реформации), перенявших и в философии познания. Схоластика по праву рассматривается не только как осевая версия европейской средневековой философии, но и как мощнейшее интеллектуальное течение средневековья, обеспечившее трансляцию многомерного содержания учений восточно-христианской патристики в социокультурное пространство развивающейся Европы.

Особенно отмеченные качества абстракций проявлялись в области вопросов религиозно-нравственного характера. Это содержание уже четко различимо «…в системах последнего периода греческой философии, а что касается применения философских понятий и приемов мышления к христиански-церковному вероучению, первый опыт здесь представляет патристическая философия»[2].

Развиваясь в рамках определения и обоснования догматов христианского вероучения, именно схоластика разработала и распространила в качестве стандартов формы и способы определения понятий, суждений, выделила средства выявления их нормативной структуры, определяла состав и содержание достаточных и необходимых доказательств. Причем в схоластике внимание фиксировалось именно на соотношении формы и содержания, едва ли не древнейшего основания различения планов отражаемого, *i. e.* познаваемого. В этом проявилось ее действенное участие в формировании инструментального базиса мышления европейской и современной мировой культуры.

Именно в ней обращение к абстракции в сфере теологии потребовало введения для обозначения категориального уровня особого термина – универсалия.

---

[1] *Ярошевский М. Г.* История психологии от античности до середины XX в: учеб. пособие. – М., 1996. – 416 с.

[2] *Мартов Д.* Схоластика / Энцикл. словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/98686#sel=4:265,4:355;5:9,5:22.

Подготавливая европейскую науку и мировоззрение в целом к использованию абстракций – общих понятий, схоластика пыталась отобразить механизм креаций как вещественное воплощение идеальных прообразов объектов, исходно наличных в мысли Божьей, ипостазируя их, таким образом, в мышлении и мироощущении[1]. Эти исходные «наличествования» как синонимы или проекции категорий приобретали значения *species* – у Скота Эриугены[2] (810–877), *archetipium – у Ансельма Кентерберийского*[3] (1034–1109), *visiones* – у Николая Кузанского[4] (1401–1464). В поздней схоластике креация уже осмысливается как «развертывание» – *explicatio* самого Бога в предметный мир посредством божественного «самоограничения». Обратным вектором этого процесса полагалось *implicatio* – «свертывание» мира как снятие им своего предела и возвращение в лоно Абсолюта как беспредельной полноты возможностей – «потенциальных объективаций», по Николаю Кузанскому[5].

Исторически представления об онтологических формах и познавательных функциях общих понятий – абстракций определялись, с одной стороны, разработанной Аристотелем классификацией понятий, венчавшейся особой формой – *категорией*. Он, в отличие от Платона, видевшего в понятии и в абстрагировании не более чем простое припоминание, утверждал, что знание общего не вырабатывается из знания единичного, а лишь *выявляется – высвечивается* благодаря ему. Инструментальным, рабочим понятием *универсалия* у Порфирия[6] обозначалось средство исследования соотношения видовых и родовых понятий, с одной стороны, а с другой – средство определения и исследования проявления божественного в тварном мире человеческого. Именно эти представления об абстрактном проявились в последующем развитии схо-

---

[1] В схоластике, выступавшей первой социально-исторической программой рационализации и объективации религиозного, в частности христианского, вероучения, обоснование положения о творчестве Божественного (креационизме) занимало ключевую позицию, а весь корпус антропологического знания рассматривался как сопоставление Божественного и человеческого, выявление признаков сходства и различий. Так, под интеллигибельностью как проявлением общей рациональности в схоластике понимаются основополагающие сущности (универсалии). Зачастую под ними подразумевали пять предикабилий Аристотеля: род, вид, определение, собственное, привходящее.

[2] Главный труд Скота Эриугены, написанный в форме диалога – трактат *«О разделении природы»* в пяти книгах (*De divisione naturae*; ок. 862–866).

[3] В истории познания в теологии Ансельм Кентерберийский обосновывал возможность доказательства бытия Бога с помощью онтологического доказательства, им же впервые и сформулированного в трактате «Proslogion»

[4] Подобно схоластам понимая Бога как творца, «*форму всех форм*», Николай Кузанский широко использовал математические уподобления (моделирование, в сегодняшнем понимании) и диалектическое учение о совпадении противоположностей, чтобы по-новому осветить соотнесение Бога и природы. Николай Кузанский их сближает. Подчеркивая бесконечность Бога, он характеризует его как «*абсолютный максимум*», в то же время отмечая, что любые определения его ограничены. Мир трактуется как некое «*развертывание*» Бога.

[5] *Тажуризина З. А.* Философия Николая Кузанского / под ред. В. В. Соколова. – Изд. 2-е, М., 2010. – 152 с.

[6] *Порфирий*. Введение к «Категориям» / пер. А. В. Кубицкого // Аристотель. Категории. – М., 1939. – С. 53–83.

ластики как основания установления отношений между родовыми, видовыми и индивидуальными понятиями.

Начало схоластической философии обозначивается в своеобразной и смелой переработке античных (ближе всего – неоплатонических) воззрений, которую дает во второй половине IX в. Иоанн Скотт Эриугена (810–877). Ее первый отдел, простирающийся до половины XII в., характеризуется преобладанием платонизма; это объясняется влиянием Августина, находящим свое завершение у Бернарда Шартрского (1130).

Александр Галес[1] (? – 1245) дает еще своей «Summa» форму комментария к Сентенциям Петра Ломбардского (? –1245)[2], но вместе с тем ставит и общие методологические вопросы: необходима ли sacra disciplina (термин, который неточно, но содержательно близко переводится через понятие «священная наука»), одна ли она, практический ли имеет характер или теоретический, что служит ее предметом, как излагать ее. Теология у него – мудрость, направленная на улучшение сердца, а не на усовершенствование знания, как метафизика или *philosophia prima*. Альберт Великий[3] (1993–1280) идет далее: он указывает, что именно мудрость делает теологию, или *sacra disciplina*, наукой и роднит ее с философией. Фома Аквинат[4] (1225–1323), наконец, доказывает необходимость мудрости, основанной на вере, которая венчает все временно-достижимое познание; это – *philosophia prima*, предвосприятие, хотя и несовершенное, вечного созерцания. Здесь сказывается влияние аристотелевских понятий, но руководящие мысли выходят за пределы античного мышления. Чтобы удержаться на достигнутой высоте, требовалась не только научная ревность, но и согласование элементов религии, составляющее предварительное условие для мысли о божественном. Ученый мир не сумел сохранить этого согласия и под влиянием духа времени в XIV и XV ст. отчасти опустился вниз, отчасти уклонился в сторону.

Если у Аристотеля, Порфирия (известного еще и как критик христианства) задачи объяснения причин решались выработкой рациональных, органично передающих формальные и фактические соотношения классификаций свойств и признаков, то у представителей патристики и схоластиков среднего и позднего средневековья, воспринявших от них поиск причин и способов бо-

---

[1] Александр Галес – видный подвижник францисканского ордена, работы которого пользовались значительным авторитетом в современном ему католическом богословии, год рождения неизвестен.

[2] В написанных Петром Ломбардским под влиянием переведенного в XII в. на латынь «Источника знания» Иоанна Дамаскина «Сентенциях в четырех книгах» (лат. *Sententiarum libri IV*, называемых чаще просто «Сентенции»), впервые для католического мира догматическое богословие было сведено в одно систематическое целое.

[3] Наставник Фомы Аквинского, признанный в католичестве Учителем Церкви, через его работы распространялось влияние наследия Аристотеля на схоластику и европейскую культуру.

[4] Фома Аквинский – Учитель Церкви в католичестве, связавший идеи Августина Блаженного с философией Аристотеля. Утверждая относительную самостоятельность как природы, так и человеческого разума, полагал, что природа завершается в благодати, разум – в вере, философское познание и естественная теология, основанная на аналогии сущего, – в сверхъестественном откровении.

жественного действия, поисковое поле значительно расширилось. И произошло это за счет дополнения задач выявления причин присутствия качеств, а также их выраженности, обращением к задачам установления соотношений типов качеств, по которым и составлялись подобные классификации.

Познание работало уже ради обоснования христианского вероучения и на теоретическом, философском уровне, и на практике распространения и изучения содержания христианской веры. Для европейской схоластики поставленные Порфирием вопросы:

1) роды и виды существуют ли в реальности или же только в мысли?

2) если допустить, что они существуют реально, то телесны они или бестелесны?

3) и существуют ли они отдельно от чувственных вещей или же в самих вещах?

определяли и предметное и проблемное содержание исследований вообще и поиска божественной истины, в частности.

Они и стали основаниями для определения позиций в поисках причин, и в схоластике эти вопросы-основания задавали ведущие измерения исследовательского плана:

реализм и номинализм (выступавший и как концептуализм, поскольку *в нем выделялась* одинаковость слов, применяемых из-за нехватки имен собственных для обозначения совокупности однородных объектов);

платонизм и аристотелеизм (Платон, несмотря на некоторые чуждые вере взгляды, стоял у них высоко потому, что учил о бытии Божием, различал вечность и время, идеи и материю, называл разум – оком, истину – светом духа, знание – зрением и твердо устанавливал, что доступно знанию сотворенного разума. Аристотель привлекал схоластиков по причине сходства между его органическим мировоззрением и христианским пониманием жизни и духа; они находили в его учении о бытии Бога и божественных свойствах близость к учению Писания, в его взгляде, что душа – форма тела, спекулятивное выражение библейской антропологии);

диалектика (содержательно и концептуально тесно переплетавшаяся с реализмом) и мистика (настаивавшая на дополнение рациональных форм познания особенной методологией обращения с таинственным, трансцендентным)[1].

В сфере гуманитарного знания в науке Нового времени, несмотря на каскад кризисов, сотрясающих ее дисциплинарные подразделения с конца XIX века по наше время, общие понятия, соответствующие высокому уровню абстракции, играли роль организующего знание начала, а разработка их содержания выступала непременной составляющей. Причем это было справедливо не только в развитии научной теории, но и в выделении актуальных предметных сфер развития научного знания.

---

[1] Против высокой репутации диалектики и в особенности против ее применимости к теологии восставали такие значительные мистические теологи, как Бернард Клервоский (1091–1153), Гуго († 1141) и Ричард († 1173) из Сен-Викторы.

Так, *общество* в разнообразии интерпретаций социальных контекстов было включено в разряд предметного основания целого корпуса социального знания, объединяющего все возможные его *предметные* развороты в дисциплинарном плане.

Цивилизация служила едва ли не первым в истории современной науки предметным полем, в рамках которого проявился и был осуществлен междисциплинарный подход. Эта абстракция – универсалия оказалась столь востребованной в конкретных формах дисциплинарного развития гуманитарного знания, что необходимость сохранения представленного цивилизацией уровня абстракции потребовала преодоления и отказа от предметной строгости междисциплинарных барьеров. В функциональном аспекте цивилизация изначально обеспечивала и обеспечивает сейчас *интеграцию* социальной системы, предметное разнообразие которой и обуславливается природой общества.

Культура, предметно отграничивая сферу духовного в жизни людей, оказалась неизбежным фоновым планом, состояние которого было необходимо учитывать в любом вопросе, полагавшем обращение к существенным качествам человека и специфике человеческого. Появившись на арене научного познания в сравнительно более поздний период, культура как универсалия не только стимулировала движение теоретической мысли в области гуманитарного знания, но сумела стать базовым содержанием, характеристики-индикаторы которого обеспечивали условие полноты и предметной адекватности любой формы и любой разновидности человекознания (его научно-дисциплинарным синонимом до сих пор и является антропология, с конца XIX века выступающая пространством методологической интеграции представлений о человеке и человеческом).

Методология и онтология универсалий приобретала особую актуальность с проявлением в поле общественных отношений и в различных планах жизни людей процесса модернизации. То есть с наступлением Нового времени, принесшего не только новые формы социальных порядков, но и новые представления о формах существования и приращения знания, причем в области знания гуманитарного эти трансформации были наиболее явственны.

Социальная философия, политическая экономия, позитивная философия и дисциплинарное выделение этнологии, психологии, социологии были проявлением цепной реакции, вызванной включением пресловутой модернизации, эффектом ее первой волны, проявлявшейся в рефлексии и попытках ревизии как устоявшихся традиционных форм интеллектуальной деятельности, так и проявлений духовного в плане человеческого существования. И именно в развитии импульса модернизации Нового времени социальное познание, обретая характеристики научного, вырабатывает внутри себя формы, позволяющие не только принимать, но и действенно (т. е. не только в плане сознания – рефлексии, но и на различных уровнях социальной практики) осуществлять процессы модернизации. Поднималась новая волна попыток истолкования способов возникновения и особенностей действия абстракций. Именно определяя эффекты ее влияния на сферу познания, передавая суть принципов ра-

циональности и эмпиричности Нового времени, У. Джеймс формулирует закон диссоциации: если некий признак можно встретить и в составе других групп, вместе с другими признаками, то он начинает выделяться. Признак, который субъект познания встречает то в одном, то в другом объекте, вследствие этого отделяется и от того и от другого «и мало-помалу становится для нашего сознания самостоятельным представлением – абстрактом». Джеймс называл это *законом диссоциации образа при изменении сопровождающих элементов*[1]. Здесь и появляется необходимость уже эмпирического и рационального, с обязательным приведением их в соответствие духу осуществляемой модернизации. Это потребовало и привлечения понятий, выражающих явления высокого уровня абстракции. Общие понятия «цивилизация», «культура», «общество», социальный порядок, человеческое единство пробиваются и утверждаются на уровне категорий и начинают свою жизнь в качестве универсалий уже специализированного социально-гуманитарного познания.

Вторая волна модернизации, которая наступает с дисциплинарным оформлением гуманитарного и антропологического знания в последней трети XIX – первой половине XX в. породила своеобразный эффект методологического полицентризма. Поиск категориального единства перемещается из области специализированного, метафизического знания в локальные пространства частных предметных дисциплин. Единая методология, для схоластики Средневековья – онтологическая, выступавшая условием адекватного приближения к истине Божественного, воспринималась уже как довесок непонятной абстракции, отдаляющий от исследователя реальность конкретики. Так, программные движения в поисках универсальной методологии сначала были подвергнуты сомнениям в сфере практических, прикладных исследований, где имеющемуся знанию не нашлось применения, а в дальнейшем были подвергнуты «деконструирующей» критике постструктурализма и постмодернизма, предварявшего и отворявшего современный исторический период. Причем критика со стороны носителей идей постмодерна основывалась на выявлении ограниченности и недостаточности полагавшихся общеупотребимыми и обязательными классических форм категориального мышления.

Культурно-исторический план процесса формирования содержания понятий *общество*, *культура* и *цивилизация* представляется нам в виде следующей периодизации, отражающей различия в представлениях о них и способах их осмысления (табл. 1). Формы и механизмы переходов от одного периода к другому менялись в зависимости от качеств исторической эпохи и рассматриваемых в исследованиях оснований исторической периодизации исторического процесса. Будет уместно, не опускаясь в глубины метафизики, лишь обозначить такие типы подобных форм и механизмов, как:

---

[1] *Джеймс У.* Воля к вере / сост. Л. В. Блинников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – 431 с. (включает сочинения: «Воля к вере и другие очерки популярной философии»; «Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии»; «Речи и статьи»); *Джемс У.* Зависимость веры от воли. СПб., 1904; *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. По изданию журнала «Русская Мысль». М., 1910.

Таблица 1. **Культурно-исторический план процесса формирования содержания понятий «общество», «культура» и «цивилизация»**

	Общество	Культура	Цивилизация
I. Протофилософский, досократовский период	Переживаемое единство людей, истолковываемое как проявление природы либо – мистического, недоступного познанию человека, либо – высшего, духовного, Божественного, начала	Содержание и переживание своеобразия, уникальности, специфики процессов и результатов очеловечивания действительности	Чувство и образ видового отличия собственного единства, переживание его ценности и ее воспроизводство в значимых формах деятельности
II. Эллинистическая философия. Аристотелизм и платонизм в афинской академии. Философия стоиков и философия стоиков в афинской академии, в Александрии, в Риме	Выделение причинно-следственных связей в единстве существования людей, обоснование специфики природных качеств этого единства, выделение морали как источника человеческого своеобразия	Выделение «очеловеченной» среды, противопоставляемой естественно-природной и дикой, варварской	Содержание цивилизации представлено предметным полем общественно обусловленной человеческой природы, ее сопоставление с природой материальной, животной и божественной
III. Гностическая философия и Поздний эллинизм	Разделение внешних (экзогенных) и внутренних факторов, обуславливающих качества совместного существования людей	Выделение смыслового содержания и направлений его влияния на состояния объединений людей, нравственность и внутренний мир индивидуального человека	Разделение высших, божественных, диких (варварских), биологических и материально-физических влияний на социальные характеристики и связи между людьми
IV. Патристика и христианское вероучение как начала христианской философии и проявление ранней схоластики	Различение характеристик мирского и священного в совместном существовании людей. Выделение функциональных, ценностных и нравственных особенностей священного единения	Разделение содержания антропогенного влияния (на людей, вещественный и духовный мир) и выделение в нем предельных объективных, надчеловеческих факторов (от Логоса к провиденции)[1]	Утверждение высших сил надсистемной детерминации существования и исторической динамики институтов власти и общественного согласия (империи как высший уровень подобных институтов)
V. Средняя схоластика и поздняя схоластика	Формализация и логическая систематизация качеств человеческого единства, обоснование его различий с единениями духовного мира	Разделение мирских и духовных влияний по уровням (в развитии программы исследования духовных иерархий гно-стиков), задаваемым и обосновываемым абсолютом	Выявление различий стихийных и высших, разумных механизмов проявления цивилизаций (как общественных типов)

Продолжение табл. 1

	Общество	Культура	Цивилизация
VI. Гуманистическая философия и реформация	Выделение природных оснований единения людей	Выявление принципа равновесия и гармонии, обоснование способов ее осуществления в делах, деятельности и жизни человека	Представление ойкумены как мира человека, подчиненного единому нравственному и историческому закону[3]
VII. Первая волна модернизации. Новое время, Европа XVII–XVII вв.	Формирование представлений о закономерностях и механизмах связи людей в естественных и искусственгных единствах	Качество существования, деятельности, состояние общества, специфически природно-человеческое, обусловленное происхождением, историческим становлением как интегрированной целостностью. Включает и искусственно созданную предметную среду (мир вещей, философия механизма)	Выделение ценностного качества общества (социализм), выражающее преимущества видовой идентификации людей
VIII. Вторая волна модернизации. Дисциплинарный синтез гуманитарного и антропологического знания XIX – 1-я пол. XX в.	Определение специализированных линий детерминации социальных связей, отношений, взаимодействий. Определение понятия и проблематизация содержания социального элемента	Понимание общества как целого, подчиняющегося объективным законам и закономерным связям. Определение взаимосвязи культуры и общества	Превращение цивилизации в геополитическую категорию и концептуальный инструмент оценки качества осуществления функций человечества
IX. Постмодернистское осмысление гуманитарного содержания 50–60-е годы XX в.	Выявление проблемы интеграции и трансформации социальной системы в условиях изменения среды/пространствае существования[2]	Рефлексия и критика линейных зависимостей характеристик общества и культуры; развитие в методологии идеи антикультуры, дифференциация уровней влияния культуры	Утверждение многоуровневой иерархии цивилизаций. Утверждение идеи эволюционной ценности любой формы цивилизации[4]

X. Современный период предметной и проблемной ревизии сферы гуманитарного знания	Утверждение понимания социальности как исторически обусловленного, особенностью собственных закономерностей (нормативных, институциональных, легитимных) системного образования, определяющего условия и тенденции изменения совместного существования людей	Утверждение политеоретизма в рамках комплексного подхода	Над- (или вне-) общественная система, обуславливающая состояние и тенденции изменений социального поля, социальных элементов, структурных и функциональных подразделений общества и самого общества как системного образования

Примечания.

[1] В основах христианского вероучения представления о провидении были разработаны в богословском наследии Блаженного Августина как предопределение спасения души человека.

[2] Возрождение с началами гуманистической онтологии и гносеологии еще не достигало осмысления процессов социокультурной динамики, но приближалось к ее пониманию в исследованиях нравственных доминант, соотношения Божественного промысла и человеческого предназначениия. Так подготавливалась платформа становления антропоцентрической позиции в науке, проявившаяся только на рубеже XIX–XX вв.

[3] Рефлексия значения среды (в биологическом и планетарно-географическом контексте употребления этого термина) или пространства (в физико-математическом, полагающем более упорядоченные формы локализации включенных элементов и процессов) происходила в послевоенный период благодаря качественному изменению морфологии и динамики социальных организаций, которое произошло вследствие системных трансформаций социальности, вызванных последствиями исторического процесса в послевоенный период и выделенимем новых процессов в социоакультурной динамике (распространение новых материалов и технологий на международном рынке, влияния медиаполя информационного общества).

[4] Соответствовало развитию исследовательской установки культурной антропологии Ф. Боаса и М. Мид на сохранение примитивных культур в процессах интеграции в международный план взаимосвязи с ведущими технологическими цивилизациями.

обусловленные процессами, разворачивающимися в познавательной сфере (логика познания, закономерности становления и расширения предметной сферы познания и пр.);

обусловленные особенностями процессов социокультурной динамики (смыслы исторических переходов, вызовы времени, ситуаций, конъюнктуры условий, также весьма дискуссионный тезис об изменениях видовых качеств человека в истории);

обусловленные появлением (внезапным, или через вызревание) принципиально новых условий жизни людей и обществ (объясняемых, например, теорией мутагенеза, или моделью исторической динамики вызов ситуации – ответ социоакультурной системы, предложенной А. Тойнби, или применением к явлениям в мире людей физической модели синергетики, разработанной И. Пригожиным).

В качестве вывода исследования исторической динамики универсалий необходимо отметить, что появление новых феноменов международной и межкультурной интеграции, основанных на представительских процессах выработки совместных решений и определений существенных предметов воздействия для управления социальными системами, в частности – выделения значимых характеристик субъектов, форм, организаций систем, образований (феноменов) социальных взаимодействий, вызывает активизацию методологической работы по привлечению универсалий не только в теоретических исследованиях, но и в прикладных.

Востребованность четко выстроенного категориального аппарата в прикладных разработках подтверждается и тем, что принимаемые совместные решения, столь ценные в организационных моделях современного типа, в первую очередь ориентированы на достижение произвольно определяемого и сознательно расцениваемого как цель деятельности результата не спонтанной, но упорядоченной активности.

A. G. KLIMOV

COCERNING THE FORMATION OF MACRO-UNIVERSAL'S METHODOLOGICAL APPARATUS APPLICATION

Summary

The article deals with the historical features of the modernization and changes in the use of concepts of Civilization, Society, Culture. It is noted the influence of theological knowledge (patristic and scholastic) in shaping the content of these concepts and their using as universals, that defines the ontology and epistemology the modern Corpus of humanitarian knowledge. The periodization of formation of the content of the Society, Culture, Civilization as a categorical conceptsit is proposed.

Key words: society; civilization; culture; generalizing concepts; category; universals; corpus of the social sciences; humanitarian knowledge; transformation of Humanities knowledge (science, philosophy, religion); the process of modernization; periodization concepts and how they are thinking about the universals in historical development.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.7

И. В. ЛАШУК,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ КАК «МАРКЕРЫ» СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье проведена концептуализация понятия «социокультурные стратегии поведения», которые воспринимаются автором как своего рода индикаторы современной культуры. На базе эмпирических социологических данных произведена типология социокультурного поведения в белорусском обществе.

Ключевые слова: базовые ценности, инструментальные ценности, социокультурные стратегии поведения.

Тематика поведения актуализируется в социологии в теории социального действия, разработанной М. Вебером. Он определяет действие как такое поведение, с которым действующий индивид или индивиды связывают субъективно полагаемый смысл. «Социальным» действие становится только тогда, когда по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Значит, социальное действие не просто «самоориентировано», оно ориентировано прежде всего на других. Ориентацию на других Вебер называет «ожиданием», без которого действие не может считаться социальным. К «другим» Вебер относит не только индивидов, но и «социально общие» структуры, такие как государство, право, организации, союзы и т. д., т. е. те, на кого может и реально ориентируется индивид в своих действиях, рассчитывая на их определенную реакцию по отношению к ним. Социальное действие, по М. Веберу, включает в себя два момента: а) субъективную мотивацию индивида (индивидов, группы людей); б) ориентацию на других (другого), которую Вебер называет «ожиданием» и без чего действие не может рассматриваться как социальное. Социальное действие у Вебера выступает в четырех «идеальных» типах: целерациональном, ценностно-рациональном, аффективном, традиционном [1].

К основным достоинствам «понимающей» социологии Вебера следует отнести то, что он обращает внимание на действующего агента и смысл, который он вкладывает в свое действие. Данная идея активно поддерживалась и развивалась в различных направлениях социологии. С другой стороны, привлекательным для социологии является методологический принцип исследования, основанный на выстраивании в аналитических целях идеальных типов, которые

в «чистом» виде не существуют в реальности, однако дают представление о процессах, которые происходят в обществе.

Идеи «субъективности» социального мира активно развивает представитель феноменологии А. Шютц. Он утверждает, что социальная реальность представляет для каждого человека как субъекта социального действия существующий для него и других людей *интерсубъективный мир*, т. е. мир, созданный в процессе взаимодействия и взаимовлияния многих субъектов между собой. Только наш собственный обобщенный обыденный опыт, приобретенный во взаимодействии с другими людьми, дает нам возможность приобщиться к интерсубъективному миру. Более того, социальный мир не только интерсубъективен, предстает как воплощение межсубъективного взаимодействия людей в опыте их повседневной жизни, но и является с самого начала *миром значений*. Другой человек в этом опыте воспринимается нами не как организм, а как такой же человек, что и я, поэтому мы, как правило, «знаем», т. е. более или менее четко представляем, что делает другой человек, ради чего он это делает, почему он делает именно это в данное время и в этих конкретных обстоятельствах. Это означает, что мы воспринимаем действие другого человека с точки зрения мотивов и целей. И точно также мы воспринимаем культурные объекты с точки зрения человеческого действия, результатом которого они являются. В основе межсубъективных взаимодействий между людьми лежит *понимание* как особая форма опыта, в которой обыденное сознание получает знание о социально-культурном мире [2].

В рамках социологической феноменологии и на ее теоретической основе на рубеже 60–70-х годов XX столетия возникло направление в социологии – этнометодология (Г. Гарфинкель). В этнометодологии универсализируются методы этнографии и способы организации повседневной жизни людей в примитивных обществах и культурах. Эти методы и способы превращаются в теоретико-методологическое основание социологического анализа всех явлений и процессов социальной действительности. Этнометодология последовательно проводит различение двух уровней социального познания: повседневный опыт и социологическую теорию. Эти различения реализуются посредством дифференциации всех суждений и выражающих их предложений на два типа – индексичные и объективные. Такое различение позволяет произвести разграничение между обыденным языком и языком научным.

При всех достоинствах этнометодологии применительно к теории социального действия следует отметить, что об осмыслении человеком собственных действий, размышлениях о возможных альтернативных вариантах решения возникающих проблем упоминается достаточно редко. Представители данного направления почти полностью разрывают связь между социальным действием и ценностным выбором.

Научный интерес к теории социального действия проявил и основатель символического интеракционизма Дж. Мид. Отправная точка теоретической концепции Мида – приоритет социального над индивидуальным. Социальное

действие в отличие от обыкновенного действия обязательно включает как минимум двух людей. В основе социального действия лежит жест – действие, которое, согласно Миду, рассчитано на ответную реакцию окружающих. Если реакция происходит на бессознательном уровне, автоматически, то жест является «незначащим» (на такого рода жесты способны не только люди, но и животные). Если же реакции предшествуют размышления, то жест приобретает социальное значение.

Среди значащих жестов особую роль выполняет голосовой жест. Его существенное отличие от физически значащих жестов заключается в том, что голосовой жест влияет не только на слушающего, но и на говорящего (благодаря тому, что сам говорящий слышит то, что произносит); голосовой жест заметно легче контролировать.

Важная составляющая процесса коммуникации – способность человека рассматривать себя не только как субъекта, но и в качестве объекта (т. е. умение увидеть себя со стороны глазами других людей). Такую способность Мид называл «самость» (*self*). В структуре самости Мид выделял два компонента – *me* и *I* (эти мидовские термины обычно используются без перевода). Первый компонент, *me* («ми», в буквальном переводе – «меня») – это совокупность установок, ценностей и норм, которыми руководствуется человек. Этот набор усваивается человеком в процессе принятия роли обобщенных других. Второй компонент, *I* («ай», в буквальном переводе – «я»), представляет непосредственную реакцию индивида на других. Это непредсказуемый и в то же время творческий элемент личности каждого человека. *I* привносит в социальные процессы элемент новизны, способствует самореализации каждого человека, а также содержит в себе все важнейшие ценности. *I* отражает индивидуальность и своеобразие человека [3].

Однако и символические интеракционисты, и феноменологи, и этнометодологи склонны видеть в поведении (в том числе научно-исследовательской работе) внешне проявленную осмысленность, в результате чего принципиально важная веберовская идея «отнесения к ценности» уходит на второй план, особенно когда речь идет о специфике научного познания.

Преодолевая противоречие между субъективным и объективным, теоретическим и эмпирическим французский социолог П. Бурдье вводит различие между *эмпирическим индивидом* (наблюдаемым в обыденном опыте) и *эпистемическим индивидом* (сконструированным исследователем в целях анализа). Если первый воспринимается как единичность, наделенная бесконечным множеством свойств, то второй – это ограниченный набор свойств, служащих в исследовании наблюдаемыми переменными и отвечающих требованиям используемого теоретического универсума. Эпистемический индивид не содержит ни одной характеристики, которую нельзя было бы концептуализировать. Таким же образом можно провести различие между *агентом* (одним из основных понятий бурдьевской концепции) и *индивидом* (понятием феноменологии и методологического индивидуализма). Агент определяется конечной совокупностью свойств, а индивид – это нечто «готовое», «всегда уже» данное.

По мнению П. Бурдье, особенность общества заключается в том, что оформляющие его структуры ведут «двойную жизнь». Во-первых, они существуют как «реальность первого порядка», данная через распределение объективированных условий и предпосылок практик, средств производства дефицитных благ и ценностей. Во-вторых, они даны в качестве «реальности второго порядка» или «символической матрицы практик агентов», т. е. как социальные представления, практические схемы. Социологическое исследование общества, положенного как «реальность первого порядка», требует рассмотрения «социальной физики» – структуры объективных социальных отношений (существующих вне и независимо от сознания и воли агентов), узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». В то же время анализ общества как «реальности второго порядка» предполагает, что предметом социологии выступает не только реальность объективных социальных отношений, но и «... ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве» [4, с. 90].

В разработанной теории П. Бурдье социальное пространство образуется целым рядом силовых полей (полей отношений или свойств) – политическим, социальным, культурным, символическим и т. д. В каждом поле имеют хождение свои «козыри» или виды капитала, выступающие в объективном или инкорпорированном (внутреннем) состоянии. В зависимости от обладания этими капиталами группы имеют разную власть над тем или иным полем, причем власть над полем означает власть над продуктом этого поля и над совокупностью средств его производства.

Восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования: оно структурировано объективно, «поскольку свойства, сопряженные с агентами, предстают восприятию не каким-либо независимым образом, а, напротив, в очень неравновероятных комбинациях»; и субъективно, «так как схемы восприятия и оценивания приспосабливаются к рассматриваемому моменту, и все то, что представлено в частности в языке, есть продукт предшествующей символической борьбы и выражает в более или менее видоизмененной форме состояние расстановки символических сил» [4, с. 91].

Речь идет о взаимодействии объективной и инкорпорированной структур. Инкорпорированная структура или «габитус» представляет собой систему присущих индивиду диспозиций мышления и действия, результирующую его знания и опыт. Габитус как матрица восприятий и классифицирующих практик выдвигается как важнейший опосредующий элемент в формировании любой коллективной идентификации. Габитус – это «инкорпорированный класс». Но он – не простой результат структурации классовых условий, а также и активное структурирующее начало.

Итак, в данной работе мы конструируем несколько основных методологических посылок социологического изучения стратегий поведения:

1. Мы берем в основу веберовское представление о социальном действии и его осмысленности действующим субъектом, с одной стороны, с другой –

используем метод построения «идеальных» типов стратегий поведения, отражающих не «объективную» реальность, а основные тенденции социума, в котором живут и действуют осмысливающие субъекты.

2. Мы концептуализируем социальное пространство в терминах П. Бурдье, предполагая, что оно состоит из различных полей, в каждом из которых «играют» свои козыри в форме капиталов. Капиталы могут выступать в объективированной и инкорпорированной формах.

3. Вслед за феноменологами мы предполагаем, что люди взаимодействуют в конкретных именно для них жизненных ситуациях, в которых они и делают свой осмысленный выбор.

В таком случае предметом социологического анализа являются «чистые» (идеальные) типы стратегий поведения «эпистемических» индивидов, имеющих различные капиталы и делающих свой осознанный выбор в конкретных жизненных ситуациях.

Однако до сих пор речь шла о социальных стратегиях поведения, являющихся своего рода «индикатором» общества, в котором живет и действует «осмысленный» агент. Однако остается вопрос, как же найти «маркер» культуры этого социума. В связи с этим возникает необходимость «развести» или «соотнести» понятия «общество» и «культура», «социальное» и «культурное».

В современной социологии выделяется два основных направления изучения культуры – социология культуры как специальная социологическая теория и культурсоциология, или культуральная социология. В рамках традиционного подхода «социологии культуры» культура выступает в качестве зависимой переменной, тогда как в «культурсоциологии» – это независимая переменная, которая обладает относительной автономией в формировании действий и институтов и вносит в него не меньший вклад, чем более материальные и инструментальные силы. Основное преимущество «культурсоциологии» – это культурная автономия, представленная в рамках основного методологического принципа «сильной» программы (по терминологии основателя культурсоциологии Дж. Александера). Данная научная парадигма выделяется тем, что рассматривает культуру не как один из объектов социологического анализа, а как наиболее важную характеристику социального, определяющую базовый модус социологического рассуждения. Иными словами, культура, указывая на определенное видение социальной реальности, предстает в качестве организующего принципа, формирующего теоретическую оптику социологического исследования, а подход в целом обретает статус общей социологической теории, в противоположность концепциям, которые более корректно рассматривать как версии социологической субдисциплины «социологии культуры».

Основные методологические характеристики «сильной» программы культурсоциологии:

1. Культурная автономия. В рамках традиционного подхода «социологии культуры» культура выступает в качестве зависимой переменной, тогда как

в «культурсоциологии» – это независимая переменная, которая обладает относительной автономией в формировании действий и институтов и вносит в него не меньший вклад, чем более материальные и инструментальные силы. Говоря о «социологии культуры», мы подразумеваем, что культура – это нечто, что должно быть объяснено посредством чего-то другого. Культурсоциология предлагает строгое аналитическое разделение культуры и социальной структуры.

2. Приверженность к герменевтическому реконструированию социальных текстов, которое должно быть как можно более полным и убедительным. Для этого используется концепция анализа культуры Клиффорда Гирца, которая рассматривется как наиболее значительное современное приложение идей Дильтея. Культурсоциология придерживается того понимания культуры, в основе которого лежат знаки и символы, находящиеся в структурной взаимосвязи друг с другом. Тогда культура становится такой же объективной, как и любой другой более материальный социальный факт.

3. Сильная программа культурсоциологии пытается укоренить причинность в непосредственных действующих, детально устанавливая, как культура влияет на то, что реально происходит. Представители данного направления полагают, что только разрешив вопрос в деталях – кто что говорит, почему и с какими последствиями – культурный анализ может соответствовать критериям социальной науки [5].

В целом культурсоциология выдвигает предположение, что структурализм и герменевтика могут работать в паре. Структурализм содействует построению общей теории, предсказаниям и утверждениям автономии культуры. Герменевтика позволяет ухватить фактуру и характер социальной жизни. Если дополнить это вниманием к институтам и действующим как к каузальным посредникам, то это будут основания для сильной культурсоциологии.

Итак, обозначенная тесная связь между «культурным» и «социальным» ведет к необходимости введения категории «социокультурное». В данной работе мы понимаем социокультурное как, с одной стороны, «архив» норм, ценностей, идей, представлений и т. п. (культура), с другой – сферу реализации этих норм, ценностей, представлений в социальных практиках (социальное). Социокультурное пространство тогда, обладая характеристиками и культуры, и социальности, представляет собой актуализированный (т. е. задействованный, вовлеченный в социальное воспроизводство) архив культуры.

В таком случае видимые для социолога социокультурные стратегии поведения, которые и являются устойчивыми закрепленными моделями поведения, где проявляются и реализуются нормы, ценности, представления, и являются своего рода «маркерами» современной культуры.

В реальном социологическом исследовании речь идет об изучении ценностей, которые реализуются в реальных повседневных практиках посредством выработки устойчивых повторяющихся стратегий поведения.

В рамках социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси весной 2012 г.[1], ценности делятся на базовые (предельные) и инструментальные.

Базовые ценности представляют собой ядро личности, являются основным мотивом социальной активности, обеспечивают ее целостность и определяют программы и стратегии жизнедеятельности. Базовые ценности можно определить как предельные мотиваторы социальной активности агента. Предельные, поскольку они представляют собой наивысший уровень регуляции поведения личности, и за ними уже ничего другого поставить нельзя; мотиваторы – поскольку эти ценности требуют реализации в социальных практиках и побуждают к этому; социальной активности – поскольку эта активность необходимо должна быть направлена на другого.

Инструментальные ценности понимаются как социально-значимые ресурсы, которые используются индивидами в социальных практиках. В отличие от базовых ценностей, характеризующих то, что движет людьми, инструментальные ценности относятся к средствам, которые люди используют для достижения собственных целей.

«Инструментальность» ценностной позиции проявляется в действиях индивидов и групп в возникающих проблемных жизненных ситуациях. Проблемная жизненная ситуация возникает тогда, когда нарушается упорядоченность привычного течения жизни. Необходимость решать ту или иную проблему (или несколько проблем одновременно) требует от человека повышенной целенаправленной активности, выработки жизненно важных решений и, наконец, выбора той или иной стратегии деятельности, а также средств и способов достижения нужного результата. С другой стороны тип проблем, стоящих перед человеком, несет на себе печать политического, экономического и культурного контекста, в котором они возникают, а также социального окружения. В таком случае значимость инструментальных ценностей определяется степенью «включения» в решение проблемных жизненных ситуаций.

Инструментальные ценности, или ценности-средства, интерпретируются нами одновременно и как «включенные» в повседневную практику капиталы. То есть не каждый из имеющихся у человека ресурсов помогает ему в различного рода проблемных жизненных ситуациях, в этом случае он является капиталом «на бумаге» или формальным ресурсом. Реальным он станет только в том случае, когда «включится» и закрепится в повседневных моделях поведения.

Итак, социокультурная стратегия поведения определяется, во-первых, базовыми ценностными ориентирами. С другой стороны, в повседневной жизни, сталкиваясь с различного рода проблемными жизненными ситуациями, индивид актуализирует имеющийся в его распоряжении запас капиталов (об-

[1] В статье представлены данные социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси по национальной выборке. Объем выборочной совокупности составил 2106 респондентов.

разовательный, сетевой, административный и др.), которые в той или иной степени помогают ему справиться с возникающими повседневными сложностями. В таком случае степень востребованности капитала в повседневности и определяет инструментальную значимость конкретной ценности (капитала).

Эмпирическим индикатором базовых ценностей являлся список из 23 базовых ценностей (вопрос «что для Вас в жизни является наиболее важным?», возможность выбора не более 7 альтернатив). Применение факторного анализа позволило выделить 7 факторов (главных компонент)[1], объясняющих 45,1 % дисперсии:

1. Творческо-образовательный ценностный вектор включает следующие базовые ценности: познание; самореализация; интересная работа, профессия.

2. Вектор индивидуального благополучия: душевный покой, комфорт; здоровье; дети; счастливая семейная жизнь; материально обеспеченная жизнь.

3. Достиженческий ценностный вектор: общественное признание, известность, репутация; карьера, высокое положение в обществе; разнообразие, поиск нового; жизнь, полная впечатлений.

4. Реализация себя как независимой личности: твердая воля; эффективность в делах; свобода, независимость в поступках, суждениях; трудолюбие, продуктивность в работе.

*5. Личностный ценностный вектор***:** любовь, дружба, счастливая семейная жизнь.

*6. Духовная ориентация жизни***:** вера, жизненная мудрость.

7. Властно-материальный ценностный вектор: богатство, большие деньги; власть.

Эмпирическим индикатором инструментальных ценностей являлся список из 23 позиций (вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?»), значимость которых респондентами оценивалась по следующей шкале: «помогает во всех ситуациях», «помогает в большинстве ситуаций», «помогает только в некоторых ситуациях», «не помогает вообще», «затрудняюсь ответить».

Методом факторного анализа было выделено 4 фактора (главные компоненты), которые сохранили 44,35 % дисперсии[2].

*1. Нравственно-образовательный ценностный вектор***:** образованность; профессиональные знания; свобода, независимость в принятии решений; нравственные качества; максимально полное использование своих возможностей; терпимость.

2. Достиженческо-правовой ценностный вектор: участие в политической жизни; творчество; обращение к закону; возможность получать любые удовольствия.

---

[1] Критерий выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина и критерий сферичности Бартлетта подтверждают возможность построения факторной модели.

[2] Оценка степени применимости факторного анализа к выборке (критерий адекватности Кайзера–Мейера–Олкина) и то, насколько сами данные исследования могут быть признаны приемлемыми для использования факторного анализа (критерий сферичности Баттлера), позволяет анализировать полученную факторную модель.

3. Корыстный ценностный вектор: деньги; наличие нужных связей; занимаемая должность; личный авторитет; хорошие верные друзья.

4. Семейно-духовный ценностный вектор: дети; семья; духовная близость с любимым человеком; вера в бога.

Применив к полученным факторам базовых и инструментальных ценностей кластерный многомерный статистический анализ (метод *k-means*), мы получили четыре социокультурные стратегии поведения, характеризующиеся различными комбинациями базовых и инструментальных ценностей. Данные стратегии и являются «рамочными» конструкциями, характеризующими культуру современного общества. Данная типология создана в аналитических целях и, возможно, в «чистом» виде не существует в реальности, однако отражает основные тенденции, происходящие в социокультурном пространстве белорусского общества. Рассмотрим подробнее полученные типы социокультурных стратегий поведения.

Первый из выделенных кластеров характеризуется высокой по сравнению с остальными группами значимостью следующих *базовых* ценностей: жизнь, полная впечатлений; интересная работа, профессия; карьера, высокое положение в обществе; познание (возможность расширения своего образования, кругозора, интеллектуальное развитие); разнообразие, поиск нового; самореализация; свобода, независимость поступков; твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями); эффективность в делах (продуктивность независимо от средств достижения) (табл. 1).

По степени включенности инструментальных ценностей данная категория респондентов не отличается их (ценностями-средствами) высокой востребованностью, что объясняется возрастными особенностями представителей данной группы – средний возраст составляет 34 года. Это самая молодая среди всех категорий респондентов, которая не накопила еще достаточный объем ресурсов, которые возможно включить в стратегию решения жизненных проблем. Анализ базовых и инструментальных приоритетов первой кластерной группы дает нам основание охарактеризовать ее как «*гедонистически-достиженческую*» социокультурную стратегию поведения.

Вторая кластерная группа отличается высокой значимостью таких базовых ценностей, как: вера; дружба; жизненная мудрость; любовь; самоуважение, уважение к другим и трудолюбие, продуктивность в работе. Данная категория респондентов отличается также наибольшей по сравнению с остальными востребованностью инструментальных капиталов, особенно таких, как: вера в Бога; нравственные качества; терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения); свобода, независимость в принятии решений; профессиональные знания, умения; образованность (широта знаний, интеллект); максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей; жизненный опыт и семья. В тройку лидеров в структуре инструментальных ценностей данной группы вошли (в порядке убывания): семья, жизненный опыт, вера в Бога. Обозначенные особен-

ности позволяют охарактеризовать данную социокультурную стратегию поведения как «*нравственно-религиозную*». Средний возраст данной категории респондентов составляет 46 лет.

Таблица 1. **Иерархия базовых ценностей в различных кластерных группах, %**

Базовые ценности	Кластеры			
	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер	4-й кластер
Богатство, большие деньги	11,9	8,6	12,6	6,1
Вера	8,1	63,2	11,5	12,9
Власть	3,8	2,7	1,9	3,0
Дети	38,6	86,5	92,0	64,5
Дружба	51,4	60,6	47,7	25,3
Душевный покой, комфорт	34,4	49,9	64,2	20,8
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл)	16,3	39,0	16,3	7,8
Жизнь, полная впечатлений	33,9	12,4	8,9	6,1
Здоровье	61,8	90,7	93,9	66,8
Интересная работа, профессия	45,7	21,9	29,8	8,0
Карьера, высокое положение в обществе	14,2	3,9	8,1	7,2
Любовь	51,5	55,0	46,5	19,1
Материально обеспеченная жизнь	55,5	23,4	77,0	22,2
Общественное признание, известность, репутация	1,7	3,0	2,3	3,7
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, интеллектуальное развитие)	16,1	9,7	3,7	0,4
Разнообразие, поиск нового	18,7	6,0	2,2	3,1
Самореализация	38,9	15,9	14,2	2,9
Самоуважение, уважение к другим	25,2	41,1	20,5	9,1
Свобода, независимость поступков, суждений	31,5	13,9	8,6	5,0
Счастливая семейная жизнь	39,8	58,2	74,6	18,5
Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	15,6	9,7	3,7	2,0
Трудолюбие, продуктивность в работе	4,1	38,2	11,9	10,4
Эффективность в делах (продуктивность независимо от средств достижения)	7,5	4,7	6,6	1,2

Третья кластерная группа близка ко второй по возрастным характеристикам (средний возраст – 43 года), однако различается значительно и по базовым, и по инструментальным ценностным приоритетам. Так, смысложизненные ценности отличаются большей прагматичностью, лидирующие позиции занимают: здоровье; дети; материально обеспеченная жизнь; счастливая семейная жизнь; душевный покой, комфорт. По сравнению с остальными категориями выделяется высокая значимость такой ценности, как богатство, большие деньги. Среди инструментальных ценностей выделяется по сравнению

с остальными группами востребованность такого капитала, как «деньги» (табл. 2). Третья кластерная группа отличается, таким образом, «*жизненно-прагматической*» социокультурной стратегией поведения.

Таблица 2. **Иерархия инструментальных ценностей в различных кластерных группах, индексы значимости**[1]

Инструментальные ценности	Кластеры			
	1-й	2-й	3-й	4-й
Семья	1,60	2,39	2,34	1,93
Жизненный опыт	1,54	2,13	1,99	1,65
Деньги	1,46	1,49	1,89	1,59
Хорошие, верные друзья	1,62	1,85	1,79	1,46
Дети	0,59	1,80	1,71	1,68
Духовная близость с любимым человеком	1,11	1,64	1,65	1,08
Максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей	1,47	1,74	1,50	1,12
Наличие нужных связей, знакомств	1,37	1,35	1,42	1,25
Деловые качества	1,35	1,37	1,36	1,21
Профессиональные знания, умения	1,35	1,64	1,32	1,17
Здоровый образ жизни	1,16	1,64	1,26	1,16
Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	1,23	1,85	1,23	1,13
Образованность (широта знаний, интеллект)	1,38	1,57	1,22	1,04
Нравственные качества	1,21	1,70	1,21	1,19
Вера в Бога	0,68	1,92	1,14	1,54
Свобода, независимость в принятии решений	1,34	1,58	1,14	1,04
Личный авторитет, известность, репутация	1,12	1,16	0,94	1,04
Наличие собственности	0,76	1,12	0,84	1,08
Обращение к закону	0,70	0,96	0,73	0,89
Занимаемая должность	0,78	0,75	0,67	0,83
Возможность получать любые удовольствия, развлекаться	0,77	0,66	0,58	0,83
Творчество	0,78	0,88	0,49	0,78
Участие в политической жизни	0,25	0,34	0,15	0,57

Четвертая категория значительно отличается от остальных низкой значимостью как базовых, так и инструментальных ценностей. Средний возраст данной группы – 49,5 года, однако их социокультурную стратегию можно охарактеризовать как «*разочарованная*». Данная позиция объясняется в зна-

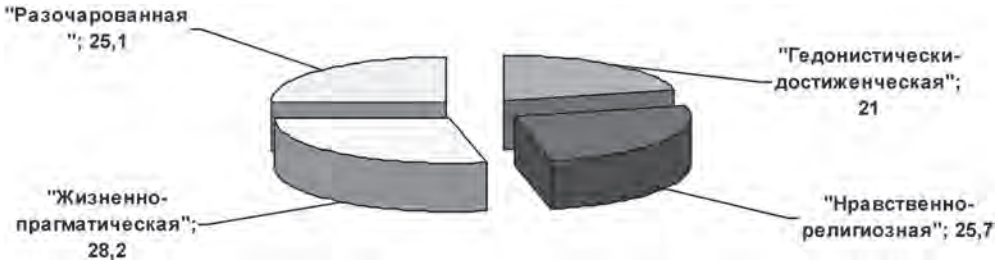
[1] В таблице представлены порядковые индексы, находящиеся в пределах от 0 до 3, где 0 – ценность не помогает вообще; 1 – помогает только в некоторых ситуациях; 2 – помогает в большинстве ситуаций; 3 – помогает во всех ситуациях. Чем ближе индекс приближается к 3, тем значимее ценность.

чительной степени тем, что 18 % представителей данной категории респондентов являются вдовцами или вдовами.

Итак, мы выделили четыре группы респондентов, различающиеся между собой базовыми и инструментальными ценностными приоритетами, а также их сочетанием: гедонистически-достиженческая; нравственно-религиозная; жизненно-прагматическая и разочарованная социокультурные стратегии поведения. Обозначенные группы статистически достоверно различаются в зависимости от социально-демографических характеристик: уровень образования; возраст; семейное положение; наличие детей, гендерной принадлежности; тип населенного пункта, которые в значительной степени определяют ценностный выбор респондента. Так, жизненными прагматиками являются чаще женщины со средним специальным образованием, проживающие в городе, состоящие в браке и имеющие детей.

По численности некоторое преимущество имеет «жизненно-прагматическая» социокультурная стратегия поведения (рисунок).

Полученная типология социокультурного поведения тесно коррелирует со стратегиями решения материальных проблем (формулировка вопроса «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?»). Так, «разочарованные» чаще прибегают к эскапистской экономической стратегии, ничего не предпринимая, пытаясь забыться, отвлечься от проблем (табл. 3).



Процентное распределение носителей различных типов социокультурных стратегий поведения, %

Таблица 3. **Связь между типологией социокультурного поведения и стратегиями решения материальных проблем, %**

Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?	Социокультурные стратегии поведения			
	«Гедонистически-достиженческая»	«Нравственно-религиозная»	«Жизненно-прагматическая»	«Разочарованная»
Повышаю свой доход всеми возможными способами	38,6	30,2	37,0	26,2
Снижаю уровень своих запросов и потребностей (в питании, в одежде, в отдыхе, в лечении)	44,1	58,6	55,6	44,9
Ничего не предпринимаю (пытаюсь забыться, отвлечься от проблем)	17,3	11,2	7,4	28,9
Итого	100	100	100	100

Итак, в данной статье мы и на теоретическом, и на эмпирическом уровне доказали возможность и обоснованность социологического изучения культуры конкретного общества через социокультурные стратегии поведения, которые и являются своего рода «маркерами» современной культуры.

Литература

1. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер [Электронный ресурс]. – 1990. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/index.php – Дата доступа: 10.02.2012.

2. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/shyuz/index.php – Дата доступа: 06.11.2012.

3. *Мид, Дж. Г.* Избранное: сб. переводов / Дж. Г. Мид / РАН ИНИОН; Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и переводчик В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. – М. – 2009. – 290 с. (Сер.: Теория и история социологии)

4. *Бурдье, П.* Физическое и социальное пространства / П. Бурдье // Социология социального пространства / П. Бурдье. – СПб., 2007. – 288 с.

5. *Александер, Дж.* / Дж. Александер, Ф. Смит. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. № 2. – С. 11–89.

I. LASHUK

SOCIOCULTURAL STRATEGY BEHAVIOR AS «MARKERS» CONTEMPORARY CULTURE

Summary

This article presents the conceptualization of the term «sociocultural behavior strategies» that are perceived by the author as an indicator of contemporary culture. On the basis of empirical sociological data produced a typology of socialcultural behavior in Belarusian society.

Key words: basic values, instrumental values, sociocultural behavior strategies.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316.4.063

Н. Л. БАЛИЧ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается феномен социальной идентичности, теоретико-методологические основания социологического анализа в рамках функционализма, символического интеракционизма, феноменологической социологии, интегративного подхода и возможности их применения в современных условиях.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, идентификация, индивид, социальная группа, социальная общность.

Природа социальной идентичности и особенности ее формирования интересны не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку определяют логику отбора исследовательских средств в рамках данной проблематики, а также позволяют глубже понять специфику взаимоотношений человека и общества.

Среди современных исследователей нет единого мнения относительно того, кто ввел понятие «идентичность» в психологической науке. Термин имеет много смысловых оттенков в связи с различными теоретическими парадигмами конца XIX–XX столетий. Истоки понятия «идентичность» заложены и отражены в выступлениях в работах З. Фрейда. Появление термина «идентичность» в рамках психоаналитического подхода связывают с именем Э. Эриксона [1].

Методологические основания социологии интегрируют в себе наиболее значимые и продуктивные подходы к исследованию социальной идентичности. Это фундаментальные классические работы М. Вебера, П. Бергера, Э. Гидденса, И. Гоффмана, Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса и др.

В *социологических* теориях, применяемых к исследованию проблем социальной идентичности, можно выделить следующие подходы: функционализм и структурный функционализм, символический интеракционизм, феноменологическая социология, интегративный подход.

Основы функционализма и структурного функционализма наиболее полно раскрыты в теориях известных социологов Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. В частности, Э. Дюркгейм затронул вопрос о механизмах формирования социальной идентичности и влиянии на индивида его связей с различными общностями. Не используя термин «идентичность», Э. Дюркгейм разработал теорию транс-

ляции социальных идентичностей, раскрыл структуру и процессы конструирования «социальной сущности» личности, которая представляет собой систему «надиндивидуального», отражающей в индивидах групповую принадлежность (религиозные верования, моральные нормы и принципы и т. п.), и передается в процессе социализации от поколения к поколению [2, с. 73–75]. Согласно данной теории, в традиционных обществах человек формирует свою идентичность непосредственно из присутствующей культуры, в современных – руководствуется общими и особенными для типа социальной организации нормами и ценностями.

Т. Парсонс индивидуальную идентичность описывал как систему кодов, посредством которой личностные значения символизируются (через язык, ценности и т. п.) и детерминируют социальные действия субъекта. Понятие «идентичность» относится, по мнению социолога, к двум взаимосвязанным аспектам положения индивида в обществе: знание системы, в которой действует человек, и понимание того, что есть норма и проблема самоопределения и места индивида в нормативном пространстве. В данном контексте идентичность является не состоянием, а структурной характеристикой личности [3].

В рамках функционализма и структурного функционализма идентичность рассматривается как характеристика индивида, формирующаяся в процессе интериоризации социальных норм и ценностей и передающаяся последующим поколениям в процессе социализации. Некоторые исследователи отмечают, что анализ проблем социальной идентичности в рамках структурного функционализма возможен только в условиях стабильного общества, поскольку «понятийная разработка теории была ограничена допущением изначальной заданности конкретного структурированного объекта» [4, с. 46]. Основы теории функционализма и структурного функционализма важно учитывать и в исследованиях транзитивных обществ.

В рамках *символического интеракционизма* социальная идентичность освещена в трудах Ч. Х. Кули и Дж. Мида. Согласно теории Ч. Х. Кули представление индивида о себе во многом зависит от восприятия его окружающими. Человек смотрится как в «зеркало» во внешние представления и, отражая последние, создает о себе определенное мнение. Такой процесс важную роль играет на раннем этапе развития человека, когда через восприятия и реакции других людей формируются собственные идеи и суждения относительно своего Я, трансформирующиеся затем в стабильную концепцию собственной, или индивидуальной, идентичности [5]. Дж. Мид рассматривал идентичность как результат социального взаимодействия. В качестве инструмента идентификации индивида с группой он ввел понятие «обобщенный Другой» [6, с. 225]. Поскольку идентичность описывается как способность целостно воспринимать себя и социальный мир, ее структура включает не только единство элементов, но и их связи между собой и с целым. Дж. Мид различает осознаваемую и неосознаваемую идентичности: неосознаваемая – это комплекс ожиданий, исходящих от социального окружения индивида; осознаваемая – формируется

в процессе рефлексирования личностью своего Я, своего поведения. При этом осознаваемая идентичность формируется посредством категорий, зафиксированных в языке в результате социальных взаимодействий.

И. Гоффман выделил три вида идентичностей, выражающих как социальную детерминацию, так и индивидуальное своеобразие личности: *социальная идентичность* отражает типизацию личности другими на основе групп принадлежности – «социальное Я»; *личностная идентичность* – уникальный комплекс индивидуальных признаков конкретного человека, характеризующих его как объект во времени и пространстве, – «физическое Я»; *Я-идентичность* – субъективное восприятие индивидом своей жизненной ситуации и собственного своеобразия – «рефлексивное Я» [7]. Гоффман вводит понятие «политика идентичности» – влияние человека на информацию о себе, проецируемую на социальное окружение. Данная политика реализуется посредством следующих техник: избегания, компенсации (искажение мнения о себе), деидентификации (изменение признаков идентичности).

Ю. Хабермас личностную и социальную идентичность определяет как два неразрывных измерения, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность: личностная идентичность обеспечивает жизненный путь человека, социальная – возможность выполнять требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Установление этого баланса, по мнению автора, происходит с помощью техник взаимодействия. «Вертикальное измерение – личностная идентичность – обеспечивает связь истории жизни человека. Горизонтальное измерение – социальная идентичность – обеспечивает возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым принадлежит человек. Во взаимодействии человек проясняет свою идентичность, стремясь соответствовать нормативным ожиданиям и ожиданиям партнера. В то же время человек стремится к выражению своей неповторимости» [8, с. 369].

Таким образом, интеракционисты определяют личностную идентичность как изначально социальное образование. В основе осознания своей социальной позиции индивидом – восприятие ее другими путем противопоставления позициям иных групп и общностей. Благодаря этому люди упрощают и схематизируют правила социального взаимодействия.

Феноменологическая социология знания представлена в теории П. Бергера и Т. Лукмана. Определяя понятие «идентичность», авторы рассматривают его как синоним понятий «образ Я», Я-концепция, самоописание. Под идентичностью понимается целостный образ, составленный индивидом о самом себе, неизменный во всех жизненных ситуациях, в которых осознает себя индивид. Также идентичность определяется через понятие «идентификация», т. е. соотнесение себя с некоторой социальной группой. Это противоречие между двумя способами определения идентичности разрешается посредством диалектики социальной феноменологии. «Идентичность, безусловно, является ключевым элементом субъективной реальности… и формируется социальным процессом. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизме-

няется и даже переформируется социальными отношениями» [9, с. 279]. Самоидентификация происходит не с конкретными людьми, обладающими уникальными свойствами, а с ролью, стереотипом поведения, который является схемой деятельности и способом типизации опыта в определенных условиях. При этом не всякая самоидентификация оказывается связанной с идентичностью. Идентичность представлена как целостная иерархическая система, которая основывается на нескольких базовых принципах и относительно которой одни факты биографии выступают более значимыми, нежели другие. Обретение идентичности проходит в контексте специфической социальной структуры. «Не только ее содержание, но и меры ее «успеха» имеют социально-структурные условия и последствия» [9, с. 263].

Таким образом, феноменологический подход основывается на идее конструирования личностью социальной реальности и «Я-образа», который может трансформироваться под воздействием перемен, происходящих в обществе и в самой личности.

Интегративный подход в концепциях П. Бурдьё, Э. Гидденса, С. Хантингтона представлен в исходном принципе многомерности самосознания, в котором присутствуют социальные, культурные и личностные аспекты, находящиеся во взаимосвязи.

Согласно теории П. Бурдьё, структурированное социальное отношение – габитус (*habitus*) – является системой присущих индивиду диспозиций мышления и действия, которая определяет его знания и опыт [10, с. 24], социальные правила жизнедеятельности различных групп и общностей, выделяя тех, с кем солидаризуется индивид, обладающий аналогичным «символическим капиталом». Габитус представляет собой важнейший элемент в формировании социальных идентичностей, функционирует как матрица восприятия, мышления и практик. Условия существования и сходные социальные позиции агентов определяют возникновение гомологичных габитусов, на базе которых образуются социальные общности: группы, классы. Каждый индивидуальный габитус представляет собой специфический вариант соответствующего классового габитуса и имеет способность к самосохранению, что ограждает его от неблагоприятных условий внешней среды и от возможных ее нарушений. Габитус способен обновляться в целях социальной адаптации личности. Следует отметить, что П. Бурдьё определяет зависимость социальной идентификации от оценки индивидом своего социального положения как «интуицию практического чувства». Социальная идентичность – это сугубо индивидуальный комплекс глубоко интернализованных социальных черт объективного и субъективного характера [11].

В отличие от П. Бурдьё, не использовавшего понятие «социальная идентичность» применительно к концепту социальной идентичности, Э. Гидденс связывает эти две категории. По его мнению, идентичность следует ассоциировать с «социальной позицией, фиксирующей круг прав и обязанностей, которые актор, соответствующий идентичности (или лицо, занимающее по-

зицию), может активизировать или выполнить» [12, с. 142] в различных социетальных общностях. Э. Гидденс рассматривает идентичность и самоидентичность в качестве феноменов культуры современного общества, которые возникают и поддерживаются в повседневной жизни индивида. В структуре идентичности он выделил двухполюсный континуум: абсолютное приспособленчество (конформизм) и замкнутость на себе. Общая идентичность характеризуется им как часто неосознаваемая уверенность индивида в принадлежности к какому-либо коллективу, общие чувства и представления, отражающиеся в сознании [12, с. 100–112].

Американский социолог С. Хантингтон выделил несколько ключевых моментов в исследовании социальной идентичности:

1) Идентичностью обладают как индивиды, так и группы, при этом индивиды приобретают и могут изменять свою идентичность только в группах, имея возможность быть членом сразу нескольких групп и «переключать» идентичности, поскольку групповая идентичность менее гибкая, так как основывается на заранее заданных параметрах. В случае если базовые параметры групповой идентичности исчезают (например, цель, ради которой создается группа), само существование группы оказывается под угрозой до тех пор, пока не будет найдена новая побудительная причина деятельности.

2) Идентичности представляют собой конструкты, формируемые людьми по желанию, необходимости или принуждению. Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить), возраста (с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности. Наследуемые признаки (национальность) переопределяются или вовсе отвергаются. Понимание национальной принадлежности меняется со временем, приобретая новое содержание.

3) Как группы, так и индивиды (в меньшей степени) обладают множественными идентичностями. Последние могут быть «кровными», территориальными, экономическими, культурными, политическими, социальными и национальными. Значимость перечисленных идентичностей для индивида или группы со временем и в зависимости от ситуации меняется, дополняя друг друга или конфликтуя между собой.

4) Идентичности определяются «самостью», являясь при этом результатом взаимодействия конкретного человека или группы с другими людьми или группами. Восприятие другими оказывает существенное влияние на самоидентификацию человека или группы. Если в новом социальном контексте человек оказывается в положении чужака, изгоя, он начинает считать себя таким (если большинство населения страны считает некое меньшинство отсталым и невежественным, члены этого меньшинства, скорее всего, воспримут это мнение, в результате чего оно превратится в часть их идентичности). А альтернативные идентичности, по мнению автора, зависят от ситуации [13, с. 50–53].

Исследование феномена социальной идентичности в различных направлениях западной социологии позволяет выделить две основные традиции – макросоциологическую и микросоциологическую.

Западные концепции не всегда можно применить к отечественной действительности, поэтому важно учитывать опыт российских и белорусских социологов в изучении особенностей формирования социальной идентичности в условиях реальных социально-экономических преобразований. В частности, следует отметить прикладные исследования В. А. Ядова (1992–1994 гг.), которые внесли существенный вклад в изучение представительных массовых данных доминирующих тенденций формирования социальной идентичности [14]. Социально-идентификационные процессы описываются как основа возникновения устойчивых социальных интересов, что является механизмами формирования гражданского общества.

Понятие «социальная идентичность» определяется социологом как «осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям… малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом» [14, с. 159]. Чувство принадлежности к социальной общности выполняет важные социальные и социально-психологические функции: обеспечивает подчинение индивида социальной группе, групповую защиту, критерии оценки и самооценки.

В российской и белорусской науке тему социальной идентичности раскрывают В. С. Агеев, Т. С. Баранова, Е. Н. Данилова, Л. М. Дробижева, С. Г. Климова, И. С. Кон, А. В. Мальцева, А. В. Микляева, П. В. Румянцева, И. С. Самошкина и др. В результате их исследований выявлен целый ряд особенностей психосоциального развития личности, изучена роль идентичности в ходе адаптации индивида в условиях социальных изменений, особенности формирования и интеграции в целостную структуру профессиональных, этнических и иных значимых идентичностей индивида.

Обобщения, достигнутые в представленных выше концепциях, помогают выработать методологическую базу исследования категории «социальная идентичность». К общесоциологическим основаниям становления социальной идентичности можно отнести: общественное разделение труда, различия статусов и ролей, процессы социализации, связи индивида с различными общностями и группами, различия культур.

При всем многообразии исследовательских подходов концепт идентичности остается одним из самых сложных и многозначных в социологической науке, что требует новых разработок и прикладных исследований, направленных на выявление основных тенденций и особенностей формирования различных форм социальной идентичности.

Литература

1. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.

2. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда; Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.

3. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.

4. *Луман, Н.* Введение в системную теорию / Н. Луман; под ред. Б. Беккера. – М.: Логос, 2007. – 360 с.

5. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули. – М.: Идея-Пресс, 200. – 320 с.

6. *Мид, Дж.* Интернализованные другие и самость / Дж. Мид // Американская социологическая мысль / Р. Мертон [и др.]; сост. Е. И. Кравченко; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М., 1996. – С. 222–224.

7. *Гоффман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман; пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. – 304 с.

8. *Хабермас, Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм; редкол. Б. Андерсон [и др.]. – М.: Праксис, 2002. С. 364–380.

9. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Д. Руткевич. – М.: Медиум [и др.], 1995. – 323 с.

10. *Бурдьё, П.* Начала / П. Бурдьё; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

11. *Бурдьё, П.* Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдьё // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С.45–60.

12. *Гидденс, Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

13. *Хантингтон, С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. – 635 с.

14. *Ядов, В. А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – №3–4 – С. 158–181.

N. L. BALICH

SOCIAL IDENTITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUNDS OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The phenomenon of social identity is discussed in the article. Author analyzed theoretical and methodological grounds of sociological analysis of social identity in functionalism, symbolic interactionism, phenomenological sociology, integration approach and the possibility of their application in the context of modernity.

Key words: identity, social identity, identification, individual, social group, social community.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.7/316.4.063

Л. Е. ЗЕМЛЯКОВ,
доктор политических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Н. С. ЩЁКИН,
кандидат философских наук, доцент
Институт государственной службы
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается роль религии и ее институтов в социально-политической жизни белорусского общества в конце XX – начале XXI в. Приводится характеристика религиозной ситуации в нашей стране. Концентрируется внимание на содержании, характере и динамике взаимоотношений государства с религиозными организациями, разработке государственно-конфессиональной политики.

Ключевые слова: государственная конфессиональная политика, религия, религиозные организации, конфессиональные отношения.

Становление политической системы Республики Беларусь оказало непосредственное влияние на изменение вероисповедной политики государства и динамику государственно-конфессиональных отношений. Изменения предопределили изменение положения религии и религиозных организаций в государстве и обществе. Характерной чертой последних десятилетий стала стремительная и беспрецедентная по своим темпам структурная трансформация конфессионального пространства Беларуси. С одной стороны, Беларусь как и прежде остается светским государством, но с другой – в современной Беларуси роль религии, религиозности не столь однозначна, религиозная ситуация в Республике Беларусь, в том числе и в связи с модернизационными процессами, претерпела определенные изменения, в которых следует выделить по меньшей мере два различающихся аспекта.

Это, во-первых, процессы имманентного характера, происходящие внутри «собственно религиозной» сферы, и, во-вторых, процессы, выходящие за ее пределы и предполагающие влияние религии на социум. К первому аспекту относятся: количественный рост религиозных организаций, предполагающий увеличение численности, как самих этих организаций, так и их членов; восстановление и развитие конфессиональных структур: расширение социально-демографического контингента верующих; освоение религиозными орга-

низациями новых форм социальной (внекультовой) деятельности. Ко второму аспекту религиозного возрождения, в свою очередь, относятся изменения в образе жизни и образе мысли людей, которые происходят под влиянием религии.

Основными центрами сосредоточения конфессиональной жизни являются крупнейшие социально-экономические и многофункциональные центры (города с численностью населения свыше 100 тыс. человек), а также промышленно-урбанизированные районы. Конфессиональная периферия представлена сельскохозяйственными, агрорекреационными и лесоприродоохранными районами с характерными для них биконфессиональной и моноконфессиональной общественными структурами [6].

Одним из подтверждений «религиозной активности» является создание разветвленной религиозной сферы и весьма разнообразной конфессиональной карты. Так, за 1989–2011 гг. общее количество религиозных организаций в Беларуси увеличилось с 768 до 3321, т. е. более чем в 4,3 раза. По состоянию на 01.01.2011 г. конфессиональная карта страны представлена 25 вероисповедными направлениями, в рамках которых действует 3321 религиозная организация, в том числе 3162 религиозные общины, 46 центров и управлений, 41 монастырь, 34 миссии 15 братств, 10 сестричеств, 14 духовных учебных заведений и др.

Созданы протестантские объединения – Объединенная церковь ХВЕ (до 07.03.2007 – Союз ХВЕ), Союз ЕХБ, Конференция АСД, Религиозное объединение Новоапостольской церкви и др. Возникла и тенденция консолидации протестантских организаций, что выявилось в создании на основе ЕХБ, ХВЕ и АСД «Белорусской христианской Ассоциации религиозной свободы». Постоянно возрастает количество религиозных печатных СМИ, которое составляет на сегодня около 40 единиц. Для богослужений религиозные организации пользуются 2291 культовым и приспособленным под молитвы зданием, строятся 194 культовых помещения.

В религиозных организациях осуществляют свою деятельность 3045 служителей культа, в том числе 1577 православных священника и 418 католических ксендзов (160 из них являются иностранными гражданами) [10].

Одной из основных характеристик религиозной сферы является уровень религиозности населения. Как показало социологическое исследование «Конфессиональная идентификация населения Беларуси» Центра социологических и политических исследований и географического факультета Белорусского государственного университета в 2006 г. (1500 человек в 70 точках), религиозными себя считают 59 % жителей Республики Беларусь, квазирелигиозными – 5 %, колеблющимися – 24 %, неверующими – 12 %. Это означает, что около 60 % населения Республики Беларусь в той или иной степени испытывает религиозные потребности и вправе рассчитывать, что их удовлетворение будет предметом не только непосредственной заботы религиозных организаций, но и внимания и уважения со стороны органов государственной власти и местного самоуправления.

Другим показателем отношения населения к религии является конфессиональная самоидентификация, которая может не совпадать с идентификацией по признаку веры – неверия. В сознании части опрошенных она выступает своеобразным заместителем этнокультурной идентификации.

В целом, по конфессиональной принадлежности опрошенные в вышеупомянутом социологическом исследовании распределились следующим образом: 72,6 % отнесли себя к православным, 0,4 % – к разным направлениям протестантизма, 9,3 % – к католикам, т. е. в целом к христианской традиции отнесли себя более 82 % опрошенных; к мусульманам отнесли себя 0,5 % [7, с. 32, 33].

Доля православных (72,6 %) вполне корреспондирует с долей представителей славянских этносов в составе населения Республики Беларусь, а доля мусульман (0,5 %) – с представительством тюркских и кавказских этнических групп.

Сейчас верующие более или менее равномерно распределены во всех группах населения по возрасту, образованию, занятости. В современном белорусском обществе религиозность утратила характер маргинальности определенных общественных групп, а стала духовным качеством, присущим в примерно равной степени всем группам населения, в том числе и наиболее молодым, образованным, профессионально квалифицированным и социально активным.

В самоидентификации себя как верующего доминирует культурно-цивилизационная идентичность (индивидуальная идентичность), а не конфессиональная.

Одной из важнейших составляющих «религиозной активности» является способность и стремление граждан создавать религиозные локальные общности самого низкого организационного уровня (общины, парафин, сборы) с целью наиболее полного удовлетворения религиозных потребностей. Выведение такого показателя следует осуществлять методом сопоставления общего количества населения соответствующей территории с количеством реально действующих в ее границах зарегистрированных и незарегистрированных общин всех конфессий, таким образом подсчитать количество человек, которое приходится на 1 религиозную общину. Так, общая численность населения нашей республики 01.01.1988 г. – 10 089,7 тыс. человек и 765 действующих общин всех конфессий и деноминаций, на каждую среднестатистическую общину приходилось 13 189 человек. По состоянию на 01.01.1999 г. (количество населения – 10 045,2 тыс. человек, религиозных общин – 2427) этот показатель уменьшился в 3,1 раза (4139 человек на одну общину), или на 68 %, что свидетельствует об интенсивном возрастании религиозной активности граждан за этот период. Эта тенденция сохранилась и за период с 1999 по 2009 год. Так, в 2009 г. численность населения составляла 9504,0 тыс. человек, религиозных общин 3062 (3104 человека на одну общину) этот показатель еще уменьшился в 1,3 раза, или на 25 % в сравнении с 1999 г.

Вместе с тем показатели степени религиозности (интенсивности проявления религиозности и участия в религиозной жизни) значительно ниже показателя уровня религиозности. Это позволяет заключить, что религиозность

большей части верующих носит формальный, декларативный характер, не подкрепляется глубокими религиозными переживаниями, знанием догматических основ и культовых предписаний своей религии, соответствующим уровнем религиозного поведения. В ней преобладает элемент традиционности, либо она выступает как ситуативная религиозность, которая не является проявлением глубокой и искренней веры в Бога, носит спонтанный характер, проявляется лишь время от времени в определенных преимущественно неблагоприятных жизненных обстоятельствах и в основном сводится к формальному соблюдению некоторых традиционных религиозных обрядов, следованию этноконфессиональным стереотипам поведения.

В этих условиях все активнее ведется дискуссия о том, на каких принципах будут строиться государственно-конфессиональные отношения в условиях религиозного плюрализма: с доминированием традиционных конфессиональных ценностей или в пределах требований светского государства. Государственно-конфессиональные отношения в контексте их субъектизации представляют собой совокупность исторически складывающихся и имеющихся институциональных форм взаимосвязи двух основных групп интересов: личностных (индивидуальных) форм реализации свободы совести и взаимодействия государственных органов, организаций и учреждений (институтов светской власти) с религиозными организациями, религиозными движениями, конфессиональными центрами и т. д. (институциональными религиозными образованиями), которые выступают в качестве одной из обязательных составляющих государственно-конфессиональной политики.

В системе государственно-конфессиональных отношений государство является самостоятельным доминирующим политико-правовым институтом, декларирующим свободу совести каждому гражданину (ст. 31 Конституции Республики Беларусь), равенство религий перед законом (ст. 16), равенство прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 31) и ряд других принципов, работающих только во взаимной связи, сохраняя при этом в религиозной сфере собственные интересы (имущественные, правовые, идеологические, внешне политические) путем установления юридических ограничений либеральному стандарту религиозной свободы [1].

На характер государственно-конфессиональных отношений влияли и продолжают влиять различные социокультурные факторы, в том числе характер и внутреннее содержание той или иной религии, доминирование ее норм в общественной и частной жизни, внутренняя организация общества, сложившаяся под воздействием конкретной религиозной системы. Сферы государственно-конфессиональных отношений могут быть различными: правовая (законотворчество и правоприменение), экономическая, социальной защиты, здравоохранения, культуры, образования, экологии, охраны общественного порядка, отношения с вооруженными силами и другими силовыми структурами государства, пенитенциарными учреждениями и т. д. Модели государственно-конфессиональных отношений могут отличаться по содержанию

и методам правового регулирования, а также представлять из себя различные симбиотические формы, которые в самом общем виде можно свести к следующим: теоцентрическая, либерально-демократическая, корпоративная, секулярного абсолютизма, дифференцированная и т. д. При этом дифференцированная модель обычно является динамичной и тяготеет либо к отказу от элементов государственных конфессиональных предпочтений, либо к возврату к ним.

Конкретная модель системы государственно-конфессиональных отношений, сложившаяся на территории отдельного государства, предопределяет особенности правового статуса религиозных организаций, предоставление различных льгот, государственных субсидий, возможность участия в тех или иных политико-правовых отношениях и др. В процессе формирования государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь прослеживается три явно выраженных этапа, обладающих особым сочетанием определенных признаков.

1988 – декабрь 1991 г. – предпосылки смены ориентиров в религиозной сфере, религиозный плюрализм, создание источников для обострения межконфессиональных взаимодействий.

Начавшийся в середине 1980-х годов процесс изменения государственно-конфессиональных отношений предопределил трансформацию советской модели политико-правового регулирования религиозной жизни общества. Новые тенденции во взаимоотношениях государства и конфессий впервые проявились на Поместном соборе 1988 года, посвященном тысячелетию принятия Христианства на Руси. Впервые на официальном уровне прозвучало заявление о том, что социалистическое государство долгое время стремилось «ликвидировать церковь». Была предложена программа изменений в законодательстве, призванная устранить «ненормальные условия существования церкви». Данные предложения частично нашли свое отражение в Законе СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятом 1 октября 1990 г. В законе запрещается политика государственного атеизма, гарантируется реальное равенство верующих и неверующих перед законом, он не допускает какого-либо «принуждения при определении гражданином своего отношения к религии». Закон не только отделяет религиозные организации от государства, но фактически властные структуры отказываются от контроля за религиозной сферой. Изменения в политико-правовом процессе характеризуются сначала демократизацией государственно-конфессиональных отношений, последующей их вовлеченностью в контекст общественно-политической борьбы и заканчиваются разрушением советской модели соответствующих политико-правовых отношений.

Государственно-конфессиональные отношения выстраивались в условиях резкой активизации религиозной жизни общества при отстранении государства, особенно исполнительной ветви власти, от политико-правового регулирования и контроля сферы религиозной жизни, политизации религиозного сообщества, выраженного в политизации деятельности религиозных органи-

заций; нарастании противоречий соответствующих политико-правовых отношений.

1992–2001 гг. – этап формирования нормативно-правовой базы государственно-конфессиональной политики: с 1992 г. начинается становление новой модели политико-правовых государственно-конфессиональных отношений, получивших свое закрепление в Законе Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» [4].

Положения закона во многом являются признанием де-юре сложившейся в государстве религиозной практики, а также ситуации, которая определилась в реальной жизни. В нем отражены новые подходы к государственно-конфессиональным отношениям, соответствующие духу и сути обновления и демократизации нашего общества. Закон снял все неоправданные ограничения на культовую деятельность религиозных организаций, упростил процедуру их регистрации, снял запрещение на их социальную, производственно-хозяйственную и иную внекультовую деятельность, признал за религиозными организациями право юридического лица и право собственности, распространил нормы трудового законодательства, социального обеспечения и социального страхования на всех граждан, включая служителей культа, работающих в религиозных организациях.

В эти годы произошли существенные изменения в политико-правовых подходах к государственно-конфессиональным отношениям, к месту, роли и значению религии и ее организационно-правовых форм в социально-политической жизни страны. Деятельность некоторых религиозных организаций в значительной степени политизировалась. Появились религиозные политические партии: «Белорусская христианская демократическая партия», партия «Христианско-демократический выбор». Наметились признаки клерикализации государства и его органов. Возникающие проблемы взаимодействия государства и религиозных организаций, религиозных организаций и других социальных институтов регулировались не связанными между собой нормативно-правовыми документами. Иными словами, политико-правовой процесс, связанный со сферой религиозной жизни общества, претерпел значительные изменения. Ситуация в сфере политико-правового взаимодействия религии и государства, религии и других социальных институтов становилась все более противоречивой. Возникло множество правовых проблем.

Процесс изменений политико-правового статуса религии в обществе, решив многие проблемы предшествующего периода развития, основанные на государственной политике борьбы с религией, с ограничением влияния религии на общество, породил новые проблемы и противоречия не только между социальными институтами, но и внутри религиозных институтов.

Формирование новой политико-правовой модели взаимоотношений государства и религии, религии и общества связано с принятием Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями) в редакции Республиканского референдума 24 ноября 1996 г., положившей в основу этих отноше-

ний современные принципы государственной политики и государственного регулирования сферой религиозной жизни общества.

В первую очередь новшества затронули часть 1 статьи 16 Основного Закона. Ранее текст был таким: «Все религии и вероисповедания равны перед законом. Установление каких-либо преимуществ или ограничений одной религии или вероисповедания по отношению к другим не допускаются» [3, ст. 144]. Теперь статья 16 содержит следующее положение: «Религии и вероисповедания равны перед законом. Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование, духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [1]. Теперь по-иному стал трактоваться принцип равенства религий перед законом. Данный принцип не означает равенства религий между собой и не исключает ограничений. Запрет устанавливать какие-либо ограничения или преимущества одной религии по отношению к другим отменен. Таким образом, принцип равенства перед Законом перестал трактоваться упрощенно. Он стал включать в себя два характерных положения, составляющих его политико-правовое содержание:

а) требования закона равно обязательны для всех религиозных организаций;

б) за нарушение требований закона религиозные организации несут равную ответственность.

Законодатель же вправе в самом законе определять статус религиозных организаций по своему усмотрению.

Конституцией теперь определено и то, как именно должны расставляться акценты во взаимоотношениях государства и религиозных организаций, а именно: с учетом влияния последних на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Здесь со всей очевидностью усматривается приоритетность сотрудничества государства с традиционными религиозными конфессиями: православием, католичеством, мусульманством и некоторыми другими. Отсюда же вытекает необходимость активного противостояния государства распространению новых (в основном зарубежных) деструктивных культов.

Характерными чертами этого этапа являются: возврат государства и его органов в политико-правовой процесс; сохранение и усиление демократического характера государственно-конфессиональных отношений; вмешательство международных геополитических сил в политико-правовые стороны государственно-религиозных отношений; устранение из политико-правового процесса элемента политизации религиозных организаций (через запрет на участие в выборах органов государственной власти и местного самоуправления и их участия в деятельности политических партий и политических движений); ослабление клерикального начала в деятельности государственных органов (через официальный запрет на сопровождение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления религиозными обрядами и церемониями).

2002 г. – по настоящее время – формирование системы государственно-конфессиональных приоритетов во внутренней и международной политике, переход к дифференцированной модели государственно-конфессиональных отношений, активная работа по совершенствованию законодательства в области государственно-конфессиональных отношений, направленного в том числе на борьбу с экстремистскими религиозными организациями.

Принятый в 2002 г. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» [2] отразил реалии, сложившиеся в белорусском обществе и в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций, укрепил и развил политико-правовую базу государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь, упорядочил условия и процедуру регистрации религиозных организаций, создал условия для их конструктивного и плодотворного сотрудничества с государством.

Процесс подготовки, обсуждения, принятия и реализации Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» (2002 г.) с новой силой активизировал динамику политико-правового процесса, связанного с религиозной сферой жизни общества. Сопровождался он явной и скрытой борьбой различных социально-политических и религиозных сил как внутри Республики Беларусь, так и на международной арене. Это не могло не обострить старые и породить новые противоречия и проблемы в политико-правовой практике соответствующих отношений, ориентированных на религиозную сферу жизни общества.

Помимо указанного закона в Республике Беларусь действуют и другие нормативные правовые акты, в которых в том или ином аспекте упоминаются вопросы реализации свободы совести и деятельности религиозных организаций.

Первую, самую многочисленную, группу образуют законы и иные правовые акты, субъектами которых религиозные организации не являются, но они содержат нормы, ограничивающие вмешательство государства и его институтов в деятельность религиозных организаций, обеспечивают реализацию права на свободу совести, равенство прав граждан независимо от их отношения к религии и др.

Отдельно можно выделить группу законов, регламентирующих соблюдение и порядок реализации прав верующих в организациях и учреждениях, особенности которых накладывают некоторые ограничения прав и свобод граждан. Ряд нормативных актов регламентирует порядок осуществления отдельных видов деятельности религиозных организаций, например, образовательной. Весьма важную группу составляют нормативные акты, регулирующие финансово-хозяйственную деятельность религиозных организаций. Самостоятельную группу правовых актов образуют законы, предусматривающие юридическую ответственность за нарушение законодательства о свободе совести.

Формирующаяся в Республике Беларусь модель государственно-конфессиональных отношений, юридически закрепленная в принятом в 2002 г. Законе Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях»,

представляет собой синтез рудиментов политико-правовой градации вероисповеданий, существовавшей в нашем Отечестве с Русской православной церковью в роли государственной церкви; элементов советской модели государственного атеизма, смягченной некоторыми положениями сепарационной модели; элементов кооперационной модели, для которой характерно взаимодействие государства, сохраняющего свой светский характер, с наиболее влиятельными религиозными организациями по ряду важных вопросов.

В последующие годы для политико-правового процесса, связанного с религиозной сферой жизни общества, характерны преодоление кризиса соответствующих политико-правовых отношений, устранение сохранившихся и вновь возникающих в них противоречий, несогласованности и пробелов и, в целом, наличие признаков их совершенствования и гармонизации.

Развитие цивилизованных форм и механизмов сотрудничества между государством и наиболее массовыми и влиятельными религиозными организациями, что обусловливает возможность выступать последним в качестве субъекта государственно-конфессиональных взаимодействий.

Характер новых отношений прошел стадию становления, стабилизировался, что позволяет спокойно проанализировать происшедшие перемены. Но это не значит, что исчезли проблемы и противоречия. В практической политико-правовой плоскости они существуют: во взаимоотношениях государства и религиозных организаций, в первую очередь связанных с реальным социально-политическим статусом в обществе Белорусской Православной и Римско-Католической церквей; в сфере имущественных отношений и экономической деятельности религиозных организаций; в социальной работе и др. Вместе с тем в области государственно-конфессиональных отношений продолжают наблюдаться противоречивые тенденции, которые могут иметь негативные последствия как для дальнейшего развития межконфессиональных отношений, так и для стабильности общества и безопасности государства.

Причинами этого являются: отсутствие выработанной концепции государственно-конфессиональной политики; недостаточная терпимость в отношениях между представителями разных конфессий; определенная заполитизированность межконфессиональных отношений; остатки и проявления устаревших подходов в отношении органов государственной власти к религии и церкви; неполное соответствие законодательства современным реалиям религиозно-церковной жизни; игнорирование некоторыми конфессиями требований законодательства и недостаточная унифицированность при его применении.

В этих условиях перед государством встала задача формирования новых подходов к проблематике государственно-конфессиональных отношений и государственно-конфессиональной политики. Белорусская государственно-конфессиональная политика еще далеко не устоялась, часто она развивается стихийно, без четкой и стабильной программы действий, стратегии. Эта политика должна отвечать интересам белорусского общества, учитывать его историю и культуру.

В настоящее время по поводу политики государства в данной области идут оживленные дискуссии терминологического и содержательного плана. Ученые, журналисты, политические и общественные деятели, представители религиозных объединений обсуждают как различные варианты обозначения государственной политики в данной области (вероисповедная, религиозная, в области отношений с религиозными организациями и т. д.), так и сам факт наличия соответствующей политики и ее содержание [9, с. 150].

С нашей точки зрения, представляется целесообразным использовать термин «государственно-конфессиональная политика».

Структурная модель государственно-конфессиональной политики может быть представлена как совокупность следующих взаимосвязанных компонентов: ценностно-целевого, нормативного, инструментального (организационного) и праксеологического (деятельностного). Структурные компоненты любой деятельности представляют собой цель, средство, способ (как определенное упорядочение деятельности, наилучшим образом обеспечивающее достижение цели), акты деятельности (отдельные этапы, на которые деятельность может быть разделена) и ее результат.

Ценностно-целевой (цель) – представляет собой совокупности целей, ценностей и интересов личности, общества и государства в сфере государственно-конфессиональных отношений, базирующихся на преобладающих в белорусском обществе идейно-мировоззренческих представлениях о месте и роли религии и религиозных организаций в жизни страны, о характере взаимоотношений государства и религиозных организаций, о функциях и сферах деятельности субъектов этих организаций.

Нормативный компонент (способ) – это законодательство, регламентирующее правила поведения субъектов в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Инструментальный (средство) – это государственные органы власти и управления, призванные непосредственно реализовывать политику в сфере государственно-конфессиональных отношений. Соответственно, праксеологический компонент (акты деятельности) представляет собой практическую деятельность органов власти и управления в центре и на местах.

Проведение эффективной государственно-конфессиональной политики без опоры на систему экспертно-аналитического обеспечения невозможно. Экспертно-аналитическое обеспечение государственно-конфессиональной политики содействует принятию оптимальных государственно-политических решений и минимизирует их негативные последствия. Экспертно-аналитическое обеспечение государственно-конфессиональной политики – это процесс создания оптимальных условий для удовлетворения потребностей в достоверном, точном и полном представлении о сути тех или иных общественных либо государственно-политических явлений и процессов и реализации полномочий органов власти на основе использования аналитических методов и экспертных техник. Экспертно-аналитическое обеспечение государственно-конфес-

сиональной политики реализуется в экспертно-аналитической деятельности, которая является профессиональной деятельностью специалистов, которые обеспечивают руководителя или государственный орган интеллектуальной поддержкой в принятии ими адекватных государственно-политических решений, а также осуществляют оценку принятых решений, которая направлена на решение общественных проблем путем разработки эффективной государственно-конфессиональной политики. На сегодняшний день государственно-конфессиональная политика Республики Беларусь находит свое выражение в программах, декларациях, заявлениях субъектов политики (органов власти) и религиозных организаций, в официальных документах по социально-экономическому развитию; в теоретических разработках и методических рекомендациях, полученных на основании анализа религиозной ситуации, основных социальных проблем; в решениях и заявлениях общественных и религиозных объединений по оценке перспектив и тенденций развития государственно-конфессиональной политики в Республике Беларусь. Анализируя достоинства и недостатки реализуемой в Республике Беларусь государственно-конфессиональной политики, следует предположить, что дальнейшими шагами по ее совершенствованию могут стать:

1) создание эффективной системы регулирования, построение которой требует разграничения полномочий, межведомственной координации органов власти, осуществляющих взаимодействие с религиозными организациями, с одной стороны, как межотраслевой сферы, а с другой – как самостоятельной отрасли. Залогом эффективной модели регулирования является распределение по вертикали форм и видов этой деятельности;

2) создание системы вузовской, послевузовской подготовки кадров государственной службы для работы с религиозными организациями, как на республиканском, так и на местном уровне;

3) активизация общественной составляющей государственно-конфессиональной политики через разработку и принятие законодательных актов, определяющих механизмы участия субъектов политики в осуществлении ее приоритетных направлений. Решить эту проблему можно за счет своевременного обеспечения органов государственной власти всех уровней, органов местного самоуправления нормативно-правовыми актами, определяющими религиозную ситуацию и государственно-конфессиональной политику, а также доведения нужных информационно-аналитических и методических материалов до практических работников;

4) проведение систематического мониторинга религиозной ситуации и религиозного поведения населения;

5) принятие Закона Республики Беларусь «Об основах государственно-конфессиональной политики в Республике Беларусь», что даст возможность упорядочить значительный массив правовых норм, закрепить политико-правовой статус и основные принципы государственно-конфессиональной политики.

Определение приоритетов государственно-конфессиональной политики требует учета всего комплекса проблем, накопившихся в религиозно-церков-

ной сфере, с одной стороны, и в отношениях религиозных организаций с государством – с другой. Вместе с тем кроме отмеченных приоритетов необходимым условием их успешной реализации является готовность государства, общества и религиозных организаций к осуществлению их в жизни. Только в результате совместных усилий государственно-конфессиональные и межконфессиональные отношения могут приобрести гармоничный характер. Над этим должны работать государственные служащие, церковные иерархи, политические лидеры, научная элита, общественность. Консолидирующим фундаментом совместных усилий могут стать идеология белорусского государства, стремление белорусского народа интегрироваться в мировое сообщество.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В редакции Решения республиканского референдума 17 октября 2004 года. – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 123. – 2/886.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года // «Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь». – 1994. – № 9. – С. 144.

4. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь от 17 декабря 1992 г. (с изм. и доп. от 17.01.1995) // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 13.

5. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2006 г. № 891 «Об утверждении Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате».

6. *Пирожник, И. И.* Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И. И. Пирожник, Л. Г. Новикова, Г. З. Озем, С. А. Морозова // Социология. – 2006. – № 4.

7. Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси и разработать электронный вариант географического атласа «Конфессии и культовые сооружения Беларуси» (заключительный) № 396/61. – Минск, 2007.

8. *Земляков, Л. Е.* Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л. Е. Земляков. – Минск, 2001. – 208 с.

9. *Котляров, И. В.* Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков. – Минск, 2004. – 232 с.

10. Текущий архив Уполномоченного по делам религий и национальностей.

L. E. ZEMLYAKOV, N. S. SHCHEKIN

CHURCH-STATE POLICY IN BELARUS

Summary

The subject matter of the article is religion and its institutions in the sociological and political life of the Belarusian society at the end of the 20th – the beginning of the 21st centuries. Much attention is paid to the content, character and dynamics of the relationships between the state and religious organizations, the development of the state policy in the sphere of religious relationships.

Key words: public confessional politics, religion, religious organizations, faith-based relationship.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.342

Н. Р. МУСАЕВА,
доктор философских наук, профессор,
Южно-Казахстанский государственный университет, г. Шымкент

СПЕЦИФИКА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В КАЗАХСТАНЕ

Автор, используя отдельные понятия синергетического анализа, раскрывает особенности развития межэтнических отношений и прослеживает динамику мультикультурализма в Казахстане.

Ключевые слова: этносфера, межэтнические отношения, принципы синергетического анализа, стабильность, мультикультурализм.

Казахстан в эпоху глобализации и «этнического ренессанса» состоялся как полиэтническая, поликультурная страна. Перешагнув двадцатилетие своей независимости, уверенно идя к третьему десятилетию, казахстанцы совместно с цивилизованными народами стремятся решить назревшие общепланетарные проблемы, являющиеся новыми историческими вызовами современности. К их числу относятся и проблемы межэтнических противоречий и конфликтов. В этом ракурсе является позитивным утверждение в нашей стране философии ненасилия, компромисса, толерантности и терпимости. Неприятия войны, насильственных методов решения спорных международных и межэтнических проблем становятся императивами мировоззрения и мышления казахстанцев. Народ Казахстана принципиально осуждает любую форму терроризма и экстремизма. Гармонизация межэтнических отношений была и остается стратегической задачей государственной политики Республики Казахстан.

А. П. Садохин трактует межэтнические отношения в узком смысле как межличностные отношения людей разной этнической принадлежности, которые также происходят в разных сферах общения – трудовой, семейно-бытовой и неформальных видах взаимоотношений» [1, с. 236]. Г. В. Малинин определяет «межэтнические отношения как взаимодействие этносов по поводу достижения ими самодостаточности» [2, с. 29]. При этом самодостаточность понимается как способность этноса к «самостоятельному производству и воспроизводству всех необходимых условий для индивидуальной и коллективной жизни» [2, с. 29]. Синергетику, введенную в научный оборот Г. Хакеном, рассматривают как новую научную парадигму, изменившую взгляд на окружающий мир и задающую определенные способы постановки проблем и модели их решения. Объяснив суть кооперативного поведения элементов открытых

систем при переходе множества различных элементов от хаоса к порядку, Г. Хакен обосновал идею синергетического эффекта. Это вело к началу формирования синергетики как теории самоорганизации. Разработав учение о диссипативных структурах, И. Р. Пригожин еще в большей степени углубил синергетику как теорию самоорганизации. В социогуманитарных науках повсеместно наблюдается переход исследователей к осознанному использованию приципов синергетики. Об этом свидетельствуют работы Е. Топольского (Дискуссия о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. – 1999. – № 2 (120) – С. 80–90), Бородкина Л. И. История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Проблемы исторического познания. – М.: ИВИ РАН, 2002 – 249 с.).

Необходимые идеи для нашей работы содержатся в книге В. В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем» (Синергетика и теория социальной самоорганизации Спб, 1999). В частности, такие идеи: общественные самоорганизующиеся системы развиваются от хаоса к порядку и от порядка к хаосу, социальная самоорганизация носит нелинейный характер, что детерминирует многовариантность (альтернативность) развития, в процессах социальной самоорганизации огромную роль играет фактор случайности, особенно в переходные этапы, в так называемые точки бифуркации, когда открывается несколько возможных путей развития общественных процессов и явлений.

Правомерность подобного подхода проистекает из того, что этносферу социума в современных условиях образует совокупность этносов и многообразные связи между ними, которые обобщены в понятии «межэтнические отношения». Так как любые социальные образования представляют собой открытую систему, обменивающуюся с окружающей средой веществом, энергией и информацией, можно констатировать, что закономерность самоорганизации присуща и отдельным его элементам и процессам.

В связи с тем, что этносфера является частью социального организма как открытой системы, составляющие ее структуру этносы и отношения между ними обладают синергетическим эффектом. Возьмем за отправной пункт анализа относительную стабильность межэтнических отношений в Казахстане. В соответствии с синергетическим подходом учитываем: порядок на макроуровне (на уровне всего полиэтнического общества) всегда сопровождается наличием элементов хаоса на микроуровне (на уровне малых групп и межличностных отношений).

В 2000 г. Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан был проведен социологический анализ гетеростереотипов некоторых этносов Казахстана. Результаты опроса приведены в таблице.

Из приведенной таблицы можно увидеть противоречивую картину состояния дел в сфере межэтнических отношений; что конкретно выразилось в позитивных и проблемных сторонах восприятия этносами друг друга.

Гетеростереотипы некоторых этносов Казахстана, %

качество \ этносы	казахи	русские	корейцы	узбеки	курды	чеченцы	уйгуры
открытые	46,8	2,89					
миролюбивые	33,9	19,1	11				8,9
почитают старших	32,6		9,2	15,8	10,7	14,3	14
трудолюбивые		18,4	40,4	21,5			18
надежные	22,5	21,3					
религиозные				19,4	15,2	21,1	12,7
терпеливые	28,9		13,5				
культурные		21,4	16,5				
независимые					10,7	20,4	
жестокие					9,7	41,2	
хитрые				31,1			
скупые				13,7			
завистливые							9,2
властолюбивые						13	

* Примечание. Опрошено более 2000 человек из 14 областей и городов Астана и Алматы.

С одной стороны, в оценке представителей казахского, русского и корейского этносов гетеростереотипы представлены большей частью в положительном ключе и во многом совпадают между собой. Особенно это касается этнической группы корейцев, которых представители других этносов оценили в качестве трудолюбивых (40,4 % опрошенных), культурных (16,5 %), терпеливых (13,5 %), миролюбивых (11 %), почитающих старших (9,2 %). При этом корейцы оказались единственной этнической группой, в оценках которой со стороны иных этносов нет ни одного негативного гетеростереотипа. Доминирование положительных гетеростереотипов в оценке казахов и русских как двух наиболее крупных этносов современного Казахстана свидетельствует о существовании согласия и взаимопонимания между ними, о примущественно стабильном состоянии межэтнических отношений в стране, что подает позитивный пример для других этнических групп в их взаимоотношениях с казахами и русскими, а также между собой. С другой стороны, настораживают отрицательные гетеростереотипы в оценках таких этнических групп, как чеченцы, узбеки, уйгуры, курды. 41,2 % респондентов считают чеченцев жестокими: такую же характеристику дают курдам 9,7 %; 31,1 % считают узбеков хитрыми; 9,2 % назвали уйгуров завистливыми [3, с. 164–168]. Подобные негативные оценки говорят о наличии определенной дистанции между некоторыми этносами, что может привести к росту межэтнической напряженности. Поэтому такие негативные факты на микроуровне всегда являются объектом особого внимания. Их необходимо вовремя пресекать и проводить профилактическую, воспитательную работу. Иначе они могут перерасти в нечто большее.

Принципиальная неустранимость элементов хаоса в сфере межэтнических отношений на микроуровне является источником формирования более высокого уровня порядка на макроуровне. Как это происходит на самом деле? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо рассмотреть межэтнические отношения в динамике.

Сдвиг состояния межэтнических отношений в обществе в сторону неравновесности, нестабильности на языке синергетики называется флуктуацией, детерминированной воздействием различных факторов. Применительно к состоянию межэтнических отношений в постсоветском Казахстане можно говорить о флуктуациях, обусловленных внешними и внутренними факторами.

К внешним факторам флуктуационных сдвигов в сторону роста нестабильности в сфере межэтнических отношений в Казахстане относится, безусловно, распад Советского Союза и образование новых независимых государств. Одним из негативных последствий крушения СССР стала утрата бывшими его гражданами советской идентичности и поиски новой формы соотнесения себя, прежде всего с той или иной этнической группой. Нельзя сбрасывать со счетов и такие факторы, как направленная на защиту соотечественников политика государств, которые являются исторической родиной этносов, проживающих в настоящее время на территории Казахстана, негативное воздействие некоторых средств массовой информации зарубежных стран на этническое сознание. К внутренним факторам, обусловливающим флуктуационные изменения в сфере межэтнических отношений Казахстане, относятся издержки в проведении государственной политики в сфере межэтничеких отношений, случаи различных форм дискриминации, проявления бытового национализма.

По мнению Т. А. Сулейменова, постсоветское развитие Казахстана (в контексте флуктуационных сдвигов в сфере межэтнических отношений) можно подразделить на два этапа. На первом этапе (1991–1995 гг.) сфера межэтнических отношений характеризовалось повышением напряженности с элементами обострений (например, противостояние между казахами и представителями уральского казачества), которые, к счастью, общими усилиями позитивно настроенных представителей казахского и русского этносов удалось благополучно преодолеть. На следующем этапе межнациональные отношения вошли в русло относительно стабильного состояния; накопившиеся проблемы и пути их решения стали конструктивно и в демократическом духе обсуждаться на заседаниях Ассамблеи народов Казахстана, форумах народов Казахстана республиканского и регионального уровней, научных конференциях и круглых столах в средствах массовой информации [4].

На первом этапе флуктуации, опасно приблизившись к точке бифуркационного перелома, не перешли эту тонкую грань, и межэтническое согласие в Казахстане удалось сохранить во благо всех населяющих его этносов и этнических групп. На втором этапе произшла резкая убыль флуктуации, межэтнические отношения в Казахстане стали более стабильными, что создало не-

обходимые условия для проведения экономических, политических и социальных реформ.

Развитие межэтнических отношений в постсоветском Казахстане происходило по вектору от напряженности к относительной стабильности, не достигая точки бифуркационного перелома. Этот тезис, характеризующий коренную особенность межэтнических отношений в современном Казахстане, можно обосновать с помощью такого понятия синергетики, как «диссипативные структуры» (учение об этих структурах принадлежит И. Пригожину). Такие структуры тяготеют к стационарному состоянию. Анализ показывает, что развитие межэтнических отношений в Казахстане происходит в силу действия дисипативных факторов, которые гасят флуктуации, сглаживают неоднородности. Результат действия этих факторов – межэтнические отношения в нашей стране тяготеют к стационарности, остаются стабильными относительно длительное время.

К диссипативным факторам, детерминирующим стабильное состояние межэтнических отношенией в Казахстане, можно отнести: высокий уровень толерантности казахского этноса, обусловленный кочевым образом жизни в прошлом и закрепленный в архетипах: исторический опыт совместного проживания казахского и русского этносов в рамках единого государственного образования, совпадение основных черт этнического портрета казахов и русских (широта натуры, отзывчивость, открытость, терпеливость), взвешенная, хотя и с определенными издержками государственная политика, ориентированная на формирование высокого уровня межэтнического и межконфессионального согласия под девизом «Казахстан – наш общий дом», ориентация Казахстана на Россию и Беларусь в рамках создания Таможенного союза, Единого экономического пространства и других организаций, деятельность Ассамблеи народа Казахстана, созданной в 1995 г. в целях укрепления межэтнического и межконфессионального согласия в стране.

Ассамблея народа Казахстана, выполняя воспитательную, культурно-просветительную, консультативно-совещательную функции, способствует развитию национальной идентичности всех культур и этносов, проживающих в Казахстане.

Н. Назарбаев обосновал научный тезис: любой народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечесства. Именно непохожестью народ должен быть дорог и любим соседом. Эта президенсткая формула была положена в основу принципа работы Ассамблеи. Он стал ее концептуальной преамбулой. Ален де Бенуа – самый цитируемый сегодня в Европе французский ученый в своей книге «Против либерализма» пишет: «Принять разнообразие культур – значит прийти к полному их признанию». Такова идеология казахстанского подхода к национальной политике. Этого до недавнего времени не видели сторонники мультикультурализма [5, с. 72].

Сейчас на Западе часто слышатся голоса лидеров ведущих европейских государств о кризисе мультикультурализма. Одна из причин такой ситуации очевидно кроется в отсутствии духовности.

В современном мире, к сожалению, сбывается гениальное предвидение Питирима Сорокина, который считал, что чувственный социокультурный строй, доминирующий в течение пяти столетий за Западе, распадается, порождая глубокий кризис западного общества (однополые браки, усыновление детей однополыми семьями, публикации карикатур на пророка Мухамеда, действия А. Бревика).

В структуре казахстанской ментальности сложилась своя иерархия ценностей: приоритет духовного над материальным и общественного над личным, сострадание и сопричастность.

В настоящее время у нас более 130 этносов и 51 конфессия живут в мире и согласии. Во многом это великая заслуга казахского этноса, имеющего высокотолерантное сознание. Ведь казахи исторически отличались исключительной доброжелательностью, гостеприимством, сердечностью.

В годы тоталитарного режима они приняли и обласкали на своей родной земле тех, кого настигла злая судьба в лице Советской власти. Из всех постсовестких государств именно Казахстан, хотя и не избежал эмиграционных процессов, сохранил общий характер дружелюбия и активного сотрудничества многочисленных этносов.

Отличительной чертой традиционной культуры казахов является бесценное свойство находить выход из самых сложных жизненных коллизий, быть доброжелательными, открытыми, проявлять волю к взаимопониманию, уважению всех членов рода. Это великое искусство общения, которым издавна славится казахский народ.

И мы не можем позволить, чтобы своекорыстие, зависть, западный прагматизм и холодный расчет расшатывали устои традиционной культуры толерантности, согласия и взаимопонимания. Ведь согласие не формализованный и вынужденный договор, предписывающий «терпеть» друг друга, а искреннее видение и принятие общности целей и задач. Единство понимается отнюдь не как унификация, или растворение одной культуры в другой, или как их взаимное поглощение и даже не как искуственное сохранение имеющегося культурного многообразия. Единство понимается как внутренняя гармоничная связность многообразного, культурное многообразие в единстве, а следовательно, как развитие многообразного. Ведь развитие только и может осуществляться благодаря творческому взаимообогащению, взаимовлиянию многообразных сторон целого.

В Казахстане существует более 800 этнокультурных обьединений различного уровня. Из республиканского бюджета финансируются русский, корейский, уйгурский, немецкий, узбекский театры.

На 11 языках выходят 35 наименований газет и журналов, из них 4 – республиканские газеты, отражающие жизнь этносов и финансирующиеся из республиканского бюджета в рамках государственного социального заказа. На семи языках ведутся телепередачи, на восьми языках – радиовещание.

В последнее время в среде научной общественности Казахстана стал предметом дискуссии вопрос о формировании мультикультурного общества, в ко-

тором интегрирующим ядром должна стать культура казахского народа, а вокруг нее объединились бы культуры более 130 этносов и этнических групп.

Если перевести на язык синергетического анализа, то в данном случае культура казахского народа должна выполнять роль аттрактора – своеобразного центра притяжения, к которому стремились бы культуры других этносов и этнических групп.

В чем ее притягательная сила, способная сплотить вокруг себя мозаику культур? Возможно – в ее особенностях, определяемых историческом наследием, – культурой кочевого образа жизни.

Его важнейшими чертами являются «способность к сочувствию, сопереживанию, беззлобность, добродушие, развитое чувство юмора, любовь к шутке, недостаточная прагматичность, уступчивость, сочувствие к обиженным, великодушие, веротерпимость, широта натуры, максимализм во всем, гостеприимство и хлебосольство, низкая законопослущность, революционность, изобретательность, трудолюбие, сильно развитое эстетическое чувство, приверженность к традициям, склонность к заимствованиям, чувство долга, вежливость» [6, с. 6].

В качестве подтверждения этой мысли можно привести множество примеров из духовной жизни Казахстана.

Анатолий Ким – кореец по национальности, считается классиком современной русской литературы. Прекрасно владеет казахским языком, недавно осуществил новый улучшенный перевод романа М. Ауезова «Путь Абая» на русский язык. Герольд Бельгер – немец по национальности, тоже в совершенстве владеет казахским языком. Пишет научные труды о красоте русского слова, сравнивая его с казахским и немецкими языками.

На сцене корейского театра поставили спектакль по пьесе Дулата Исабекова «Наследники». Пьеса написана черверть века назад, но ты не чувствуешь этой временной дистанции, поскольку все, чему ты становишься свидетелем, как бы сиюминутно, принадлежит сегодняшнему дню. Культ денег, алчность, не ведающая жалости, которым противостоит всего лишь доверчивость простодушного сердца.

После простмотра спектакля президент ассоциации корейских театров г-н Пак признался: «Я и не подозревал, что мы с казахами одной крови: Я слышал со сцены корейскую речь, но я видел перед собой типичных казахов с их неповторимым колоритом и менталитетом, актеры даже казахские народные песни поют без акцента» [7, с. 29].

Исполнительница главной роли Роза Лим вспоминает о своих переживаниях таким образом: я боялась, что в каких-то мелочах могу ошибиться, сделать не то движение, не тот жест. Я живу в Казахстане, и мне хотелось во всем уподобиться казахской пожилой женщине, хранительнице народных устоев, традиций. Но ведь если подняться над ситуацией, то тема, поднятая в спектакле, – общечеловеческая, наднациональная. И уже не имеет значения, казах ли ты, русский или кореец» [7, с. 29].

Такую форму взаимодействия с другими национальными культурами казахстанцы опущают всюду и повсеместно. Мультикультурализм в Казахстане укрепляется. Этому способствует постоянный «поиск точек соприкосновения, расширение зон согласия и разумной национальной стратегии».

Литература

1. *Садохин, А. П.* Этнология / А. П. Садохин. – М.: Гардарики, 2006. – 287 с.

2. *Малинин, Г. В.* Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане / Г. В. Малинин, В. Ю. Дунаев, В. Д. Курганская, А. Н. Нысанбаев. – Алматы: Ин-т философии и политологии МОН РК, 2002. – 145 с.

3. *Телебаев, Г. Т.* Автостереотипы и гетеростереотипы этносов и этнических групп Казахстана: социологический анализ / Г. Т. Телебаев // Проблемы межэтнических отношений в странах Центральной Азии и Казахстане в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти известного ученого и организатора этносоциальных исследований профессора М. М. Сужикова, 20 сент. 2002 г., г. Алматы. – Алматы: Ин-т философии и политологии МОН РК, 2003. – С. 133–139.

4. *Сулейменов, Т. А.* Межэтнические отношения в контексте номадизма / Т. А. Сулейменов // Проблемы межэтнических отношенией в странах Центральной Азии и Казахстана в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти известного ученого и организатора этосоциальных исследований профессора М. М. Сужикова, 20 сент. 2002 г., г. Алматы. – Алматы: Ин-т философии и политологии МОН РК, 2003. – С. 149–154.

5. *Башмаков, А. А.* Неэкономический фактор экономики / А. А. Башмаков // Казахстан – Спектр (КИСИ). – 2012. – № 1 (59). – С. 66–74.

6. *Мусаева, Н. Р.* Гостеприимство и взаимопомощь как проявление толерантности казахов / Н. Р. Мусаева // Материалы за 5а международно-научная конференция «Найновите научни постижения», 2009 Том II. История. Философия. София: БялГрад-БГ, ООД, 2009. – С. 227–239.

7. *Утешева, А.* Мы с казахами одной крови / А. Утешева, А. Арцишевский // Театр. – 2012. – № 6 (65). – С. 26–29.

N. R. MUSAYEVA

THE SPECIFIC CHARACTER OF INTERETHNIC RELATIONS AND MULTICULTURALISM IN KAZAKHSTAN

Summary

The author, using separate notions of synergetic analysis, brings info the peculiarities of the development of interethnic relations and tracks the dynamics of multiculturalism in Kazakhstan.

Key words: ethno sphere, interethnic relations, principles of synergetic analysis, stability, multiculturalism.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316.7

Н. А. СОСНОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОБРАЗЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ

В статье приводятся результаты исследования образа Беларуси. Образ рассматривается как знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности. В модели выделяются когнитивная и эмоциональная составляющие.

Ключевые слова: национальная идентичность, образ страны.

Глобализационные процессы, активно развивающиеся сегодня в мировом пространстве, актуализировали проблему сохранения национально-культурных основ конкретных государств. На фоне тенденций доминирования унифицированных ценностей важно сформировать в общественном сознании «образ» государства, который будет представлять страну, как на международной арене, так и внутри страны. Сегодня это представляется очень актуальным для Республики Беларусь, так как только субъект, имеющий четкие представления о своих социокультурных основаниях и выстраивающий на этой базе ясные цели, способен выдерживать конкуренцию и осуществлять полноценную равноправную коммуникацию.

В образе страны воплощаются наиболее характерные и выразительные особенности общности. Образ можно рассматривать в качестве модели реальности, в которой концентрируются все наиболее существенно важные характеристики общности. Наличие общеразделяемой модели доминирующего образа страны способствует формированию государственной идентичности и проявлению лояльности по отношению к государству.

Наиболее последовательно образ страны изучается российской политической наукой, которая относит его к категории политических образов. Необходимо отметить, что основной круг исследований образа страны осуществлен в рамках поведенческого подхода, носит прикладной характер и касается конкретного содержания образа России различными социальными группами как внутри страны, так и за ее пределами. В частности, изучались представления политической элиты как социальной группы, продуцирующей и транслирующей подобные представления как широким массам населения, так и мировому сообществу [1, 2], образ России среди молодежи и учителей [3], сравнение характеристик образа России среди представителей политической элиты и бездомных [4].

В последние годы и в Беларуси происходит осознание актуальности изучения образа страны [5, с. 9], что связано прежде всего с необходимостью утверждения позитивного представления о стране в международном пространстве, с необходимостью осознания и продвижения имиджевых характеристик страны и ее позиционирования в системе международных экономических связей. Но даже с точки зрения формирования внешнего имиджа самообраз, который складывается внутри страны, имеет большое значение, так как является одним из источников формирования имиджа. Это та информация, которую население страны проецирует на зарубежные страны.

В данной работе предпринята попытка изучения особенностей представления об образе Беларуси, выявления наиболее значимых символов современной Беларуси и ассоциаций, которые связаны с Беларусью. Эмпирической базой явились данные социологического исследования, проведенного сектором социальной психологии Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г. под руководством кандидата психологических наук Л. И. Науменко по республиканской репрезентативной выборке (объем выборки 1147 человек).

В настоящем исследовании образ страны определяется как знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения [3]. В модели образа страны мы выделяем когнитивные и эмоциональные компоненты. В качестве индикатора когнитивной составляющей образа страны выступил вопрос: «Для меня Беларусь – это…». Выбранные ответы указывают на приоритеты в восприятии респондентов территориальной, гражданской либо культурной составляющей образа Беларуси, а также установочные позиции предпочтения либо отторжения.

Для большинства респондентов Беларусь – это прежде всего «страна, в которой живу» – 73,2 % и «моя Родина» – 53,4 %. Третий по популярности выбор – эмоциональная привязанность к стране: «страна, которую люблю» – 27,9 % (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение представлений респондентов о Беларуси, %**

Для меня Беларусь – это	%
Страна, в которой живу	73,2 %
Моя Родина	53,4 %
Страна, которую люблю	27,9 %
Страна, где я чувствую себя полноправным гражданином	18,7 %
Страна, культуру и язык которой считаю родными	18,3 %
Страна, с которой я связываю надежды на свое будущее	14,3 %
Страна, с народом которой я чувствую тесную связь	9,5 %
Сильное государство, способное меня защитить	9,2 %
Страна, из которой хотелось бы уехать навсегда	4,5 %

Таким образом, Беларусь воспринимается прежде всего как место жительства, обладающее эмоциональной притягательностью. Восприятие Беларуси как государства и как культурного феномена примерно равноценно (страна, где я чувствую себя полноправным гражданином – 18,7 %; страна, культуру и язык которой считаю родными – 18,3 %). Обнаружено также, что только 9,2 % респондентов считают Беларусь сильным государством, способным их защитить.

Дополнительную информацию о когнитивной составляющей образа Беларуси позволяет дать анализ ответов на открытый вопрос: Когда я слышу слово «Беларусь», я представляю… Прежде всего, необходимо отметить некоторую скудность возникающих образов. При этом часть высказываний, несущих сразу несколько значений, включены в разные смысловые категории. Например, «страна, где живу» отнесена к категориям «страна» и «место рождения и жизни» (табл. 2).

Подавляющее большинство ассоциаций, возникающих в связи со словом «Беларусь», связано с образами природы – 41,8 %. Это озера, реки, леса, поля, сады, луга и т. п. Другая значимая ассоциация связана с местоимением «свой»: своя страна, своя родина, свой дом. Это говорит об эмоциональной обусловленности восприятия, чувствах приверженности и привязанности. Появление высказывания «свою Родину», которое именно в такой формулировке составило максимальный процент среди остальных ответов респондентов по данному вопросу, также свидетельствует о высокой степени эмоциональной окрашенности представлений о стране. Образ Беларуси «присваивается» респондентом и оценивается как «мой», «родной». Также «Беларусь» связывается со страной, государством и государственными символами, народом, территорией, семьей. К сожалению, в глазах большинства респондентов Беларусь не ассоциируется с динамично развивающимся, современным государством. Символом развития промышленности Беларуси является трактор «Беларус» (1,1 %). Вообще же о промышленности упомянули 1,7 % опрошенных. Также не нашли своего отражения в образе Беларуси его исторические и культурные стороны.

Показателем когнитивного, рационального компонента образа страны являются также *основания для гордости*. Так, у белорусов чувство гордости вызывают достижения в различных сферах жизни, особенно спортивные достижения и победы (7,8 %) и достижения в области культуры (8,2 %). По мнению респондентов, гордость вызывает и сам народ и качества его характера: трудолюбие, гостеприимство, терпение, духовность. Белорусы могут гордиться и позитивными тенденциями развития страны, которые способствуют возникновению у населения ощущения надежности, стабильности, порядка и уверенности. Хотя число респондентов, давших подобные ответы, не превышает 3 %. Основания для гордости косвенным образом отображают основные ценности, указывают на субъективно значимые аспекты жизни сообщества. Таким весомым достижением в жизни белорусского общества является независимость страны (8,2 %), способность противостоять давлению других стран. Природа страны и ее экология как основание гордости составляют лишь 3,4 % ответов.

Таблица 2. **Распространенность ассоциативных представлений, связанных со словом «Беларусь», %**

Ассоциации	Частота
Образы природы	41,8
Озера	10,9
Леса	9,9
Реки	4,1
Общие характеристики (природные богатства, красивые места, небо, поля, луга, сады и т.п.)	15,9
Свое (что это мое)	26,9
Свою Родину	12,5
свой дом	6,2
свой город	2,8
свою страну	4,6
свою землю	0,8
Место рождения и жизни (место, где комфортно, где живу, двор, дача и т. п.)	14,2
Государство	7,6
Сильное государство, стабильное, независимое и т. п.	5,2
Государственные символы (флаг, герб)	2,4
Народ (белорусский народ, наших людей, качества людей)	3,9
Семья (родителей, семью, родных и близких)	1,9
Промышленность (трактор «Беларус», МАЗ, БелАЗ, комбайны)	1,7
Различные характеристики жизни в стране (свободу, спокойствие, силу, защищенность, бедность, безысходность и т. п.)	5,3

Негативное отношение, *чувство стыда* вызывают у белорусов низкий уровень жизни, бедность (17,8 %); проводимая государством политика, бюрократизм, нарушение принципов демократии (17,4 %). Среди наиболее негативных социальных явлений названо пьянство (12,2 %). Респонденты обращают внимание на такие негативные моменты, как: ухудшение социальной политики (7,1 %), состояние экономики (4 %), низкая культура людей, хамство (5,5 %), плохое образование, отношение к белорусскому языку и культуре. Стыд вызывают и некоторые особенности менталитета народа: пассивность, равнодушие, безграничное терпение.

Как отмечает К. С. Гаджиев, «неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой нации и государства как социокультурной и политической общности являются национально-государственные символы и идеалы». Символ – это концентрированное выражение основной идеи, знаки, способствующие выявлению различий между народами, «с помощью которых народы подтверждают границы своей идентичности» [6, с. 12].

Основными белорусскими символами в глазах населения страны являются современные признаки государственности, официальные символы: флаг (33,5 %),

герб (30,3 %), гимн (7,3 %). Другой класс символов – символы природы (43,4 %), среди которых отдельно выделяются и наиболее часто упоминаются аист 12,8 %, зубр 11,7 %, картофель 4,5 %. Образы, связанные с развитием страны и ее будущим, составляют 1 % (агрогородки, наука, автомобиль МАЗ). Также незначительное количество образов связано с культурным и историческим прошлым.

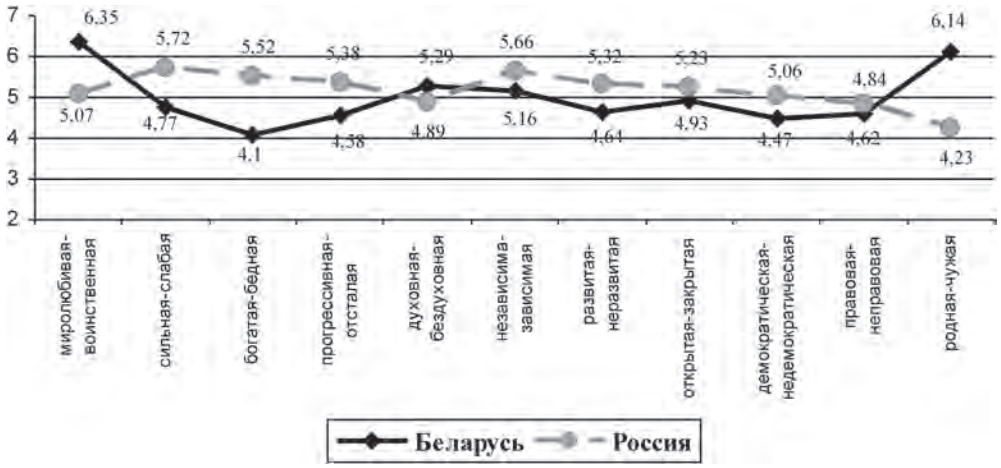
С целью выявления чувств по отношению к современной Беларуси респондентам был задан вопрос: «Что вы чувствуете, когда речь идет о современной Беларуси?». Респондентам нужно было оценить каждое из предложенных чувств по шкале от от 1 до 5, где 1 – очень слабо выраженное чувство, 2 – слабо выраженное, 3 – средне, 4 – сильное, 5 – очень сильное. Для проведения процедуры сравнения рассчитывался порядковый индекс полученных результатов.

Исследование показало, что доминирующими чувствами белорусов по отношению к своей стране являются надежда (4,46), гордость (4,25) и ответственность (4,11). Менее остальных чувств белорусы склонны испытывать равнодушие (1,89) и безнадежность (2,13).

Для выявления субъективной оценки Беларуси как страны в целом использовалась модифицированная методика семантического дифференциала З. В. Сикевич [7, с. 88]. Методика позволяет количественно описывать индивидуальное, субъективное отношение к каким-либо объектам; выявлять различия в оценке одного понятия разными группами респондентов; измерять интенсивность проявления тех или иных представлений о качествах «своего» народа по отношению к другим. Респондентам предлагалось оценить современную Беларусь по ряду параметров социально-политического, экономического и духовного развития посредством 11-биполярных семибальных шкал (от 1 до 7). Для анализа рассчитывалась средняя оценка по таким характеристикам, как: миролюбивая–воинственная, сильная–слабая, богатая–бедная, прогрессивная–отсталая, духовная–бездуховная, независимая–зависимая, развитая–неразвитая и т. д.

Большинством респондентов Беларусь воспринимается как миролюбивая (6,35), родная (6,14), духовная (5,29), независимая (5,16). Самые низкие значения оценки Беларусь получила по такому параметру как богатая – бедная (4,1). В целях сравнения участникам опроса предлагалось по тем же характеристикам оценить и современную Россию (рис. 1). Ведущими позициями восприятия России являются сила (5,72) и независимость (5,66).

При сопоставлении оценок Беларуси и России можно отметить, что Россия практически по всем параметрам оценивается выше. Она воспринимается как более сильная, богатая и прогрессивная. Очень близки оценки Беларуси и России по характеристикам открытая – закрытая (0,3), правовая – не правовая (0,2). В восприятии респондентов Беларусь выглядит как более духовная, но менее развитая и демократическая. Для представителей старшего поколения (55 лет и старше) характерно стремление оценок к положительному полюсу. Образование респондентов также сказывается на особенностях восприятия: чем выше уровень образования, тем критичнее оценки.



Сравнение оценок восприятия современных Беларуси и России

Таким образом, Россия воспринимается как более сильная и богатая, а Беларусь – бедная, но своя, родная, миролюбивая и духовная. На формирование взгляда на образ страны влияют возраст и образование респондентов. Чем старше респонденты и чем ниже уровень их образования, тем более позитивно они склонны описывать страну. Наиболее критичное представление о стране демонстрируют молодежь и лица с высшим образованием.

В целом, образ Беларуси формируется при ведущей роли представлений о стране как о месте жительства. Они в высокой степени положительно эмоционально окрашены, что свидетельствует о позитивном восприятии страны и чувстве приверженности населения своей стране. Доминантой восприятия являются образы природы. Именно природная, «экологическая» составляющая и восприятие Беларуси как Родины обуславливают характер отношения к образу страны. В процессе восприятия происходит слияние, синтез когнитивной и эмоциональной оценок образа. Эмоциональная составляющая образа может также рассматриваться в качестве доминирующей, так как наблюдается феномен присвоения образа, придание образу личностного значения. При анализе ответов семантического дифференциала это проявилось в высоких значениях характеристики «родная». Высокой значимостью обладает также представление о Беларуси как миролюбивой. В целом, несмотря на то, что при описании образа Беларуси отмечается относительная скудность содержательных характеристик, образ обладает достаточной однородностью и непротиворечивостью.

Литература

1. *Пищева, Т. Н.* Политические образы: проблемы исследования и интерпретации / Т. Н. Пищева // Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 47–52.

2. *Пищева, Т. Н.* Образ России под углом зрения политических коммуникаций / Т. Н. Пищева, Н. С. Виноградова, А. Д. Недова // Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 107–120.

3. *Семененко, И. С.* Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И. С. Семененко // Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 7–18.

4. *Касамара, В. А.* Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных / В. А. Касамара, А. А. Сорокина // Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 171–183.

5. *Савиных, А. В.* Имидж государства / А. В. Савиных // Беларусская думка. – 2011. – № 11. – С. 7–10.

6. *Гаджиев, К. С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 3–15.

7. *Сикевич, З. В.* «Образ» прошлого в символическом сознании россиян / З. В. Сикевич // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 87–93.

N. A. SOSNOVSKAYA

REPRESENTATIONS OF THE IMAGE OF MODERN BELARUS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS POPULATION

Summary

The article presents a study of the image of Belarus. The image is seen as a symbolic model, mediating the idea of he nation-state identity. The model stand out the cognitive and emotional components.

Key words: national identity, image of the country.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316.628

А. Г. БАХАНОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА ПРЕСТИЖНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется двойственная природа престижного потребления. Приведены примеры демонстративного потребления. Акцентируется внимание на положительной стороне престижного потребления.

Ключевые слова: престижное потребление, мода, демонстративное потребление, роскошь, инновации.

На протяжении многих десятилетий производство товаров происходило с учетом потребностей населения. Например, если рассматривать потребление в архаическом обществе, мы обнаружим, что потребление основывалось преимущественно на добыче животных и собирательстве даров природы. Однако уже тогда существовали определенные «маркеры» качества и демонстрации своих предпочтений. Вождь выбирал только самые лучшие блага, которые выделялись как вкусовыми, так и питательными характеристиками. Сами потребности основывались на поддержании жизнедеятельности и ритуальных действий. Однако такая ситуация изменилась с появлением ремесленного, а в дальнейшем и промышленного производства. Например, в индустриальном обществе потребление акцентировалось на притязании высших слоев населения. Наибольшим спросом пользовались предметы роскоши. С точки зрения функциональных характеристик, потребляемые блага не относились к данному критерию. Мы можем предположить, что «необходимые» потребности со временем трансформировались в дорогие и менее значимые предметы потребления. В таком случае производство товаров и услуг, которые не предназначены для утилитарных потребностей, а и используются только в качестве благ, могут только «поддерживать» социальный статус или занимаемое положение. Так как стиль жизни определяет потребительский навык, выстраивается вектор предпочтений.

В обществе, где преобладает расслоение на низший и высший класс, мы можем говорить о демонстративном потреблении. Впервые термин «демонстративное потребление» был введен Т. Вебленом в своей работе «Теория праздного класса» (1899). В данной работе Т. Веблен отмечал, что «жить напоказ является средством для достижения уважения» [1, с. 113]. «Когда происходит накопление денежных средств, выстраивается определенная структура и функции

праздного класса, тогда начинается расслоение в обществе. Возникает более или менее сложная система рангов и ступеней» [1, с. 114]. В современной социологической теории понятие «праздный класс» концептуализировалось и употребляется в смыслообразующей форме как «высший класс». В стратифицированном обществе индивиды, достигшие высокого экономического положения, определяются как высший слой общества. Чтобы повысить свой статус в социальном окружении, индивид приобретает «роскошные» вещи, которые символизируют его благосостояние. В данном случае индивид, который обладает денежным накоплением, осуществляет трату «средств» для поддержания социально-экономического статуса, в том числе и демонстрации. Финансовое благополучие «подчеркивает» стиль потребления и занимаемое положение в обществе. Потребительские предпочтения высшего класса, всевозможные поддельные вещи в большей степени «иллюзорны». Следовательно, в обществе существует определенный «социокультурный» код, согласно которому индивиды распознают формы знаково-символической системы. В обществе с признанием «финансового» статуса индивида происходит принятие норм потребления. Высший класс, *чтобы жить «на показ», постоянно должен приобретать предметы роскоши.* Следовательно, индивиду не требуется занимать высокое социальное положение в обществе, а можно приобрести товар или пользоваться услугой, которые являются «ценными». Потребности, направленные на демонстрацию статуса, могут быть основаны только на индивидуальном выборе. В данном случае «роскошная жизнь» представляет собой некий атрибут социальной идентичности, символ богатства и уважения, который признается окружающими. Синоним «роскошной жизни» во многих работах выступает определением роскоши, демонстративным, статусным потреблением и др. Многозначность термина иллюстрирует лишь оттенки данного феномена, в некоторой степени фрагменты социальной реальности. Потребление, которое признано в обществе «расточительным», не связано с рациональным.

Старая аристократия осуждала «нуворишей», которые тратили деньги «на показ». В таком случае приобретение престижных товаров является необходимым условием для поддержания высокого статуса индивида. Поэтому целесообразно обозначить такое потребление как престижное. Престижное потребление – это потребление товаров и услуг, доступ к которым ограничен в силу дефицита, высокой цены или институциальных установлений, и используемых субъектом не столько утилитарно, сколько в качестве символов особого положения и стиля жизни [5, с. 122]. В данном случае престиж представляет собой систему ранговых отношений, в качестве отличительных признаков использующих символы. Те товары и услуги, которые доступны всем или большинству, не могут быть предметами престижного потребления. Когда товар ограничен по количеству и имеет высокую цену, тогда его потребителями могут быть только обеспеченные люди [5, с. 125]. Иерархическое положение потребляемых благ обуславливается только признанием референтной группой особого статуса данного товара. Престиж вещи или услуги определяется

исходя из моды, цены и признания в обществе со стороны индивидов. Престижное потребление является «закономерным» в определенной социальной группе. Например, в современном обществе существует «латентный» тип потребления, основанный на маскировке престижного статуса. Данный тип потребления характерен для малой группы индивидов. Высший класс, стараясь отделиться от бедных слоев населения, постоянно должен «поддерживать» дистанцию, которая является основанием для различия в обществе.

В современном обществе, когда появляются новые средства производства, тенденция в моде имеет широкое распространение среди населения. В обществе потребления возникновению «нового» класса потребителей способствует реклама, стимулирующая рост потребления и продаж. Через различные каналы передачи информации в представлениях большинства создается «определенный» образ богатого индивида, который постоянно потребляет и не занят физическим трудом. Такой образ презентируется во многих развивающихся государствах, в том числе и с переходной экономикой. Потребителям «навязываются» определенные нормы и ценности «благопристойного поведения». Современное массовое производство создает товары, которые подвержены модному тренду. Потребитель предпочитает выбор, когда производитель предоставляет такую возможность. Когда товар становится доступен почти всем слоям населения, то он уже не может являться отличительной функцией статуса для обладателя данного товара. Исходя из этого индивид производит трату денежных средств на предметы, обладающие символической ценностью.

В обществе, когда происходит цикличность моды, появляются новые потребности. С ростом доходов населения многие индивиды потребляют дорогие и менее функциональные вещи. Представители низших слоев населения, стремясь подражать высшему классу, потребляют «дорогие» предметы, тем самым возвышаясь над окружающими. На протяжении многих лет товары высшего класса были изменчивы под влиянием моды и ценностей. В обществе постмодерна мода является одним из механизмов воздействия на потребности всех слоев населения. Символы в моде распознаются участниками социально-экономических отношений закрытой группы. Модная тенденция приводит к изменению в производстве, что негативно сказывается на массовой культуре потребления. Стиль одежды, который навязывает высший класс, постоянно видоизменяется. Однако тенденция в моде подвержена постоянным колебаниям на потребительском рынке. В таком случае мы наблюдаем постоянную «смену» стиля на потребительском рынке модной одежды. Примером демонстративного производства может выступать одежда, когда применяются дорогие материалы, не выполняя практических функций. Мода всегда «выступала» атрибутом роскошной жизни. В своей работе «Созерцание жизни» Г. Зиммель описывает моду как подражание. Г. Зиммель пишет: «Этим описаны условия моды как постоянного явления в истории нашего рода». Она представляет собой подражание данному образцу и этим удовлетворяет потреб-

ности в социальной опоре, приводит отдельного человека на колею, по которой следуют все, дает всеобщее, превращающее поведение индивида просто в пример» [2, с. 268]. В таком случае условием моды является подражание, которое связано с психо-эмоциональным поведением индивида. Например, потребление индивидуальных «благ» в виде «ненужных» предметов подчеркивает индивидуальный стиль. Постоянная дистанцируемость богатых в одежде и «модных вещах» заставляет промышленность приспосабливаться к новым средствам производства, тем самым осуществлять поиск инноваций в данной отрасли производства. Следовательно, чем чаще происходит обновление «вкусовых» предпочтений богатого класса в обществе, тем чаще требуется поиск новых предметов роскоши. «…тем сильнее будет тенденция канона денежной благопристойности подчинять себе чувство красоты или завладевать им, тем скорее будут смещаться и изменяться моды и тем нелепее и нестерпимее будут меняющиеся стили, выходящие из моды один вслед за другим» [1, с. 192].

Следует заметить, что товары, произведенные с помощью машинного производства, будут более качественными и меньше подвержены негативному влиянию со стороны высшего класса. Если применять ручной труд, то в данном случае он будет представлять более затратный способ производства. Из этого следует, что «…получаемые этим способом товары надежнее служат цели приобретения денежной репутации; следовательно, следы ручного труда оказываются престижными, и товары, в которых такие следы налицо, становятся сортом выше, чем соответственный продукт машинного производства» [1, с. 177]. «Отсюда вытекает зачастую неприятие для праздного класса товаров, созданных машиной, – в силу их «заурядности», доступности в денежном отношении для многих людей. Потребление такого товара «не доставляет почета, так как оно не служит цели благоприятного завистнического сравнения себя с другими потребителями» [1, с. 178]. Так как промышленное производство не акцентируется на предметах роскоши, нет необходимости в накоплении денег на роскошные товары. Таким образом, необходимым условием развития общества является распространение инноваций. Возникновение новых производственных отраслей расширяет слой потребителей. Из этого следует, что с развитием инновационных технологий новые предметы потребления становятся доступными в зависимости от потребительских предпочтений высшего класса.

Таким образом, инновационный продукт взаимосвязан с различием бедных и богатых слоев населения. Следует полагать, что выбор многих современных инноваций происходит по определенному критерию. Избранные предметы, как только получают одобрение со стороны высшего класса, становятся популярными и дорогими. Поэтому первые телевизоры, персональные компьютеры, мобильные телефоны могли позволить себе только очень состоятельные люди. Со временем большинство товаров, которые были недоступны другим слоям населения, трансформируются в предметы массового потребления. Этому способствуют развитие современных технологий, конкуренция

и расширение производств. Корпорации формируют не только собственный имидж, но и страны. Производственные отрасли координируются с научными центрами для достижения своих целей в производстве.

Так формируется производственная элита, которая не только имеет высокий социальный статус, но и располагает финансовыми возможностями. Производители данных благ ориентируются в первую очередь на потребителей с высоким материальным достатком. Производство и самореализация творческих людей определяют новые походы к потреблению. Потребители престижных благ оказывают влияние на качество и стиль жизни индивидов, тем самым способствуют укреплению социальной системы. Развитие промышленности ускорилось именно благодаря производству роскоши. При производстве дорогих товаров применялись качественные отделочные материалы, при этом требовались знания и умения. В производственном процессе заняты индивиды, не только обладающие высокой квалификацией, но и имеющие творческий потенциал. Стиль жизни «заставляет» высший класс «удерживать» социальный статус. В современном обществе развитие информационных технологий также повлияло на распространение инновационных разработок, которые были доступны высшему классу. Следует заметить, что товары, которые были доступны высшим слоям населения, стали распространяться на другие слои населения. С одной стороны данный феномен выступает как роскошь, недоступная определенное время другим слоям населения. В другом случае престижное потребление выступает как «инноватор» новых благ. С появлением крупных компаний многие производители продают свое производство с целью укрепления положения на рынке престижных товаров. Производители массовых товаров расширяют экономическое пространство благодаря современным инновациям. Расширение инновационного потенциала производителей престижных товаров стимулирует конкурентные качества производителей массовых товаров. «Массовость» потребительского рынка способствует не только увеличению продаж, но и повышению социального престижа потребителей.

Разделение на высший и низший классы находит свое отражение в потребительских предпочтениях. Примером могут служить подделки роскошных товаров, например часов, одежды, обуви, украшений и др. Цель данной подделки заключается в демонстративности окружающим своего «показного» статуса. Следует также учесть, что производство шелка, зеркал и других материалов являлось в свое время роскошью для большинства потребителей. Владение имуществом (дома, жилые строения и т. д.) являлось привилегиями богатого класса. Большая часть населения была занята в производстве и строительстве для высшего класса. Для производителя существенным является, чтобы постоянно наблюдался спрос на производимые товары. Это заставляет производителей прибегать к дизайнерским уловкам и поиску новых технологических решений. В данном случае ценность представляет не только «внешний вид» приобретенных товаров и услуг, но и возможность приобретения

единичных экземпляров. В таком случае престижное потребление выступает инновационным критерием, который способствует расширению производств. Однако социальный престиж может быть реализован не только с помощью потребительских благ.

В обществе потребления большинство базисных потребностей подверглось влиянию высшего класса. Продукты питания, которые может позволить себе большинство, не являются показателями богатства или занимаемого положения в обществе. В таком случае значение имеет не доступность продуктов, а их высокая стоимость и символическая ценность. Примером могут служить не только блюда из редких видов рыб, животных и растений. Им может быть, например, потребление сахара, который в свое время был недоступен большинству. Так, многие товары повседневности были когда-то доступны только богатому классу. В Европе первые упоминания о сахаре относятся к XIV веку. Уже в XV в. в Италии он утвердился в качестве роскошной сладости, которую могли позволить только богатые люди. В. Зомбарт пишет: «Благодаря сахару с начала XVII в. в Европе входит в обычай потребление какао, кофе и чая: они становятся любимыми напитками прежде всего в аристократических кругах, в частности при дворе. Кофе, к примеру, начал пользоваться спросом во Франции лишь после того, как Людовик XIV отведал его, принимая посольство султана Мухаммеда IV в 1670 г., после чего и ввел его употребление в придворных кругах» [3, с. 140]. Через определенный период времени сахар распространился повсеместно и стал доступен более широким слоям населения. Сахар – один из немногих продуктов питания, который в среднем постоянно дешевел на протяжении XIX в., в то время как цены на другие продукты повышались [3, с. 199]. В постиндустриальном обществе мы можем проследить, как сахар становится менее популярной сладостью, так как доступен всем слоям населения. Современные производители с помощью рекламы в СМИ продемонстрировали населению, что употребление сахара вредит здоровью. Тогда производители решили повысить финансовые активы с «переводом» различных слоев населения на здоровый образ жизни с помощью подсластителей. «Предполагается, что позитивное воздействие искусственных подсластителей на здоровье выступает в качестве эффекта плацебо, так как имеются различия между научными знаниями и существующими стереотипами» [4, с. 220]. В то время как негативное влияние сахара на здоровье рассматривается как само собой разумеющееся, снижение веса, как многие полагают, является результатом потребления искусственных подсластителей [4, с. 221]. Сторонники данного решения старались приобщить население к потреблению более дорогих напитков и продуктов для увеличения доходов, не заботясь о здоровье потребителя. Однако существует часть определенных товаров (картины, драгоценности, ретроавтомобили и др.), которые так и останутся роскошью, пока существует понятие ценности и ценностных установок. Выражение финансовых возможностей происходит с подменой ценностей, «фальш-роскоши». Нередко среди данных потребителей можно встретить лю-

дей с низким доходом, которые стараются «показать» окружающим материальный достаток.

Таким образом, стабильность общества не заключается в «демонстративном феномене». Процесс демонстративного потребления негативно воспринимается потребителями. То есть в обществе формируется подмена ценностей и стиля жизни. Достижение высоких финансовых успехов в устойчивом обществе свидетельствует о возможностях инновационных и экономических факторов. Возможно, товары класса люкс более подвержены конъюнктуре цен, нежели товары иной группы. Если рассматривать современное общество, то суть демонстративного потребление остается неизменной. Частично жизненные блага, которые были доступны всем слоям населения, со временем стали престижными. Стоит отметить, что современный базовый слой и средний слой получили возможность заработать больше денежных средств. В современном обществе многие потребители посещают дорогие заведения лишь с целью демонстрации социального статуса или финансовых возможностей. В таком случае мы можем наблюдать подражание, навязываемое СМИ. Они определяют с помощью рекламных программ, телепередач, Интернета стили потребления, направляя людей на потребление для поддержки статуса и социальной позиции. В таком случае, что и как потреблять, индивид должен выбирать сам, не руководствуясь модными стереотипами.

Литература

1. *Веблен, Т.* Теория праздного класса / Т. Веблен / пер. с англ.; вступ. ст. С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.

2. *Зиммель, Г.* Избранное: в 2 т. / Г. Зиммель / пер. с нем.; сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 2.: Созерцание жизни. – 607 с.

3. *Зомбарт, В.* Собрание сочинений: в 3 т. / В. Зомбарт / пер. Д. В. Кузницына. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. – 480 с.

4. Рост потребления и фактор разнообразия: новейшие исследования западных и российских эволюционистов: сб. ст. / пер. с англ.; Центр эволюционной экономики; науч. ред. перевода В. И. Маевский. – М.: Дело, 2007. – 271 с.

5. *Шавель, С. А.* Потребление и стабильность общества / С. А. Шавель отв. ред. [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 314 с.

A. G. BAHANOV

THE DUAL NATURE OF PRESTIGIOUS CONSUMPTION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The article examines the dual nature of the prestigious consumption. There are some examples conspicuous consumption. The focus is on the positive side of the prestigious consumption.

Key words: luxury consumption, fashion, conspicuous consumption, luxury, innovation.

Поступила 30.10.2012 г.

УДК 316.74:001/316.282

А. В. КОМАРОВСКИЙ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» В РАБОТАХ МАКСА ВЕБЕРА

Статья представляет результаты количественного контент-анализа понятия «культура» в работах Макса Вебера. Продемонстрирована динамика употребления понятия в различные годы творчества и в различных работах автора. Выявлено, что понятие чаще употреблялось в средний период творчества и в работах по методологии социологии (1904–1906 гг.). Показаны ограничения количественного подхода, поставлены задачи для качественного контент-анализа.

Ключевые слова: социология культуры, культурсоциология, Макс Вебер, исследовательская программа, контент-анализ, культура.

Исходной *гипотезой* и *целью* данного исследования выступает утверждение о том, что реконструкция веберовской культурсоциологической исследовательской программы возможна на основе контент-анализа понятия «культура» в трудах Макса Вебера. Предполагается, что понятие культуры у Вебера (1) носило определенный методологический статус, который (2) изменялся по мере эволюции веберовской социологии, а его (3) вариации укладываются в типовые подходы исследования культуры и (4) составляют элементы комплексной культурсоциологической исследовательской программы. В соответствии с данными положениями была выстроена исследовательская стратегия и работа, отдельные результаты которой мы изложим в данной статье.

Метод контент-анализа включает качественный и количественный типы. Реконструкция веберовской культурсоциологии в представленном сценарии требует комплексного исследования, включающего как количественный, так и качественный аспекты. Качественный контент-анализ позволяет фиксировать *смысл* понятия культуры в трудах Вебера и понимать его методологический статус (с помощью интерпретации контекста и «функции» понятия в тексте). В то же время количественный контент-анализ фиксирует лишь *факты* употребления понятия и не способен фиксировать его методологический статус (контекст не интерпретируется вообще или в недостаточной мере). Данные особенности не отменяют ценности обоих типов контент-анализа, требуя учета ограниченности их возможностей и валидности получаемых данных.

Количественный анализ представляется ценным в двух *ракурсах,* отсылающих к разным точкам зрения на работы Вебера. Во-первых, на основании данных о распределении понятия «культура» в различных работах, упорядоченных по времени их создания, мы можем проследить его полную *хроноло-*

гическую траекторию в контексте эволюции веберовской мысли и разработки социологического проекта в частности. Во-вторых, аналогичное распределение по работам теоретико-методологического и конкретно-эмпирического рода (сколь бы условным ни было такое разделение) позволяет в первом приближении понять *дискурсивную* траекторию понятия «культура».

Таким образом, в соответствии с данными ракурсами мы можем выдвинуть три *гипотезы* (две базовые гипотезы и одну производную от обеих базовых):

H_1: Понятие «культура» чаще употребляется на поздних этапах веберовского творчества.

H_2: Понятие «культура» чаще употребляется в работах теоретического, а не эмпирического рода.

H_3: Понятие «культура» чаще употребляется скорее в поздних, нежели ранних теоретических работах.

Для решения поставленных задач было необходимо (1) провести поиск всех употреблений понятия «культура» в работах Вебера (в том числе в сложных словах[1]), (2) сгруппировать работы по типу (теоретические и эмпирические), (3) зафиксировать дату их создания и (4) представить распределение фактов употребления с учетом хронологии работ и их типа. Необходимо отметить ряд обстоятельств, затрудняющих решение данных задач «биографической» реконструкции творчества Вебера, и тех упрощений, на которые при этом нужно идти.

Во-первых, разделение работ на теоретические и эмпирические является достаточно условным приемом, поскольку эмпирические работы всегда содержат идентифицируемые теоретические части или выводы, рассеянные в текстах работ. При этом за единицу анализа принято отдельное произведение (статья, монография или сборник), а не отдельные разделы работ (что позволило бы до некоторой степени повысить чувствительность анализа). Во-вторых, точное датирование некоторых работ также проблематично, поскольку они издавались уже посмертно в виде, по сути, собраний работ, переживших достаточно серьезную редакторскую работу, ставящую под сомнение принадлежность таких произведений их титульному автору. Так, неовебианец Ф. Тенбрук [1] и ряд других авторов активно акцентируют влияние Марианны Вебер, жены М. Вебера, и более поздних редакторов (Йоханна Винекльманна) на «главный труд» Вебера – «Общество и хозяйство» (1922). В каждом отдельном случае, где это было возможно, мы использовали данные о времени создания работы (первой публикации), а не ее позднейших публикациях (Вебер, благодаря своему высокому статусу в академической и внеакадемической среде, не имел проблем с публикацией своих работ, ввиду чего, при прочих

[1] Морфология немецкого языка допускает использование слов внутри сложносоставных слов, заданных как имя существительное, состоящее из двух имен существительных. Например, выражение «культурное значение», которому в русском языке соответствует имя прилагательное и имя существительное, в немецком задается как одно имя существительное – die Kulturbedeutung (т. е., die Kultur – «культура» и die Bedeutung – «значение»).

равных, задержку между временем создания работ и их публикацией можно считать минимальной и пренебречь ею). Тем не менее это не отменяет еще более детальных исследований по датировке времени концептуализации и оформления различных работ до их публикации, однако это составляет предмет отдельных исследований.

Рассмотрим результаты проведенного анализа, предоставленные в виде двух диаграмм. На первой диаграмме (рис. 1) отражены абсолютные числа присутствия понятия «культура» в работах Вебера в разрезе по типам работ на протяжении всего времени творчества (по главной оси), а также количество опубликованных работ в заданный год (по вспомогательной оси). Аналогичная по структуре вторая диаграмма (рис. 2) отражает количество употреблений без детализации по типам работ и среднюю частоту употреблений, т. е. «плотность» в различные годы (рассчитанную как среднее количество упоминаний на одну работу в заданный год). Таким образом, на основе полученных данных мы можем зафиксировать ряд ключевых выводов и проверить ранее выдвинутые гипотезы.

Первая гипотеза (H_1) не подтвердилась, так как наиболее интенсивно понятие «культура» присутствует в работах «среднего» периода (1904–1906 гг.). Примечательно, что в данное время Вебер уже определяет себя как социолог и публикует ключевые социологические работы методологического рода (т. е. теоретические работы). Также примечательно, что данное время – это разгар ключевой полемики в гуманитарных науках Германии рубежа XIX–XX веков (так называемый «спор о методах» между теоретической и исторической школами национал-экономии), в которой Вебер и принял активное участие, опубликовав данные работы, и дал собственное «решение» спора в виде своего социологического (!) проекта.

Вторая гипотеза (H_2) также не подтвердилась, поскольку в абсолютном пересчете в эмпирических работах понятия «культура» употребляется чаще, чем в теоретических (717 на 613 случаев соответственно), хотя данное преимущество незначительно. Тем не менее «львиная» доля употреблений в теоретических работах приходится на произведения вышеуказанного «среднего периода», а именно такие «чисто» методологические работы, как «Объективность социально-научного и социально-политического познания» (1904), «Критические исследования в области наук о культуре» (1906) и «Рошер и Книс и логические проблемы исторической национал-экономии» – по 178, 94 и 86 случаев соответственно.

Таким образом, разработка методологических основ социологии у Вебера самым тесным образом связана с проблематикой культуры, ее научного изучения и присутствия в основополагающих социологических работах методологического плана (так называемых «наук о культуре»).

Третья гипотеза (H_3) тоже не подтвердилась, так как в более поздних, не менее значительных теоретических работах (например, «Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке», 1917) понятие «культу-

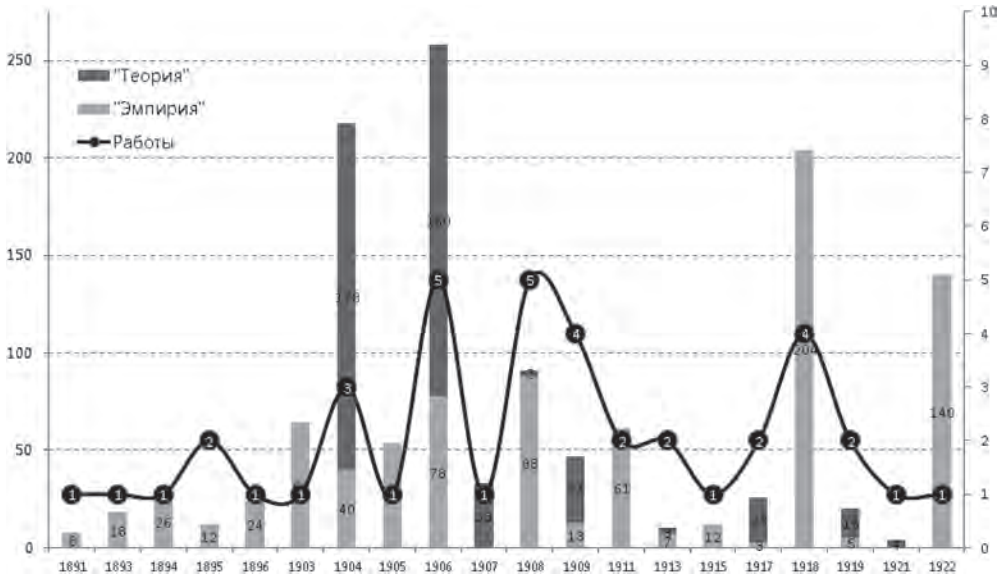


Рис. 1. Количество употреблений понятия «культура» в работах М. Вебера

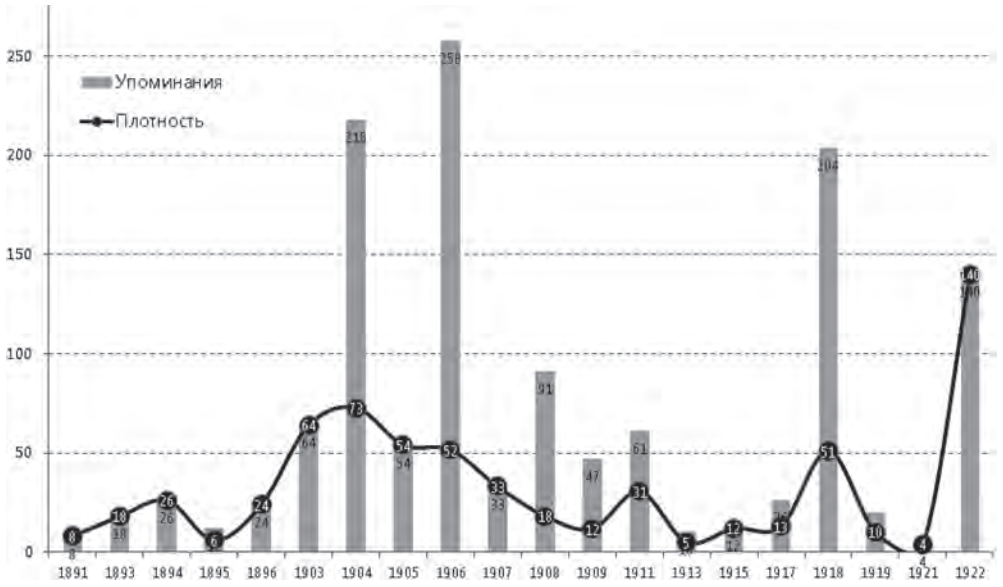


Рис. 2. Плотность употреблений понятия «культура» в работах М. Вебера

ра» упоминается сравнительно реже, чем в работах «среднего периода». Можно лишь предположить, что, выполнив свою методологическую функцию, понятие ушло на задний фон категориального аппарата, уступив место более детальным, операционализирующим его социологическим понятиям (например, «ценности», «идеи» и т. п.).

Принимая во внимание указанные выше ограничения количественного контент-анализа, мы получили ценные результаты, позволяющие в первом приближении зафиксировать хронологическую и дискурсивную траекторию веберовской культурсоциологии. Представленная методика анализа ограничена, главным образом, высокой степенью формализма, лишенного возможности более детально и менее буквально взглянуть на смысловую сторону проблемы. Несомненно, что (1) культурсоциология Вебера «дана» не только в фактах непосредственного употребления понятия «культура» и что (2) она лежит по ту сторону искусственного разделения на теоретические и эмпирические работы. Именно поэтому для проведения более полной реконструкции требуется и более гибкая методика качественного контент-анализа.

В качестве методического оснащения для такого исследования выступит авторская типология подходов к изучению культуры В. Л. Абушенко [2], позволяющая зафиксировать культурсоциологию Вебера с помощью концептуальных средств данных подходов. Она позволит интерпретировать веберовские работы, не замыкаясь в их собственной таймированной систематике и выходя на возможности критического прочтения веберовской социологии. Задачей такого прочтения является необходимость демонстрации актуального эпистемологического потенциала социологии Вебера для социологии современной, теоретические траектории и горизонты которой в значительной мере были заданы никем иным, как самим Максом Вебером.

Литература

1. *Tenbruck, Friedrich H.* Abschied von «Wirtschaft und Gesellschaft» / Friedrich H. Tenbruck // Das Werk Max Webers: gesammelte Aufsätze zu Max Weber Hrsg. Von Harald Homman. – Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. – S. 123–157.

2. *Абушенко, В. Л.* Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах. – 2012. – Вып. 3. – С. 124–140.

A. V. KAMAROUSKI

QUANTITATIVE CONYENT-ANALYSIS OF THE CONCEPT «KULTUR» IN MAX WEBER'S WORK

Summary

The article presents the results of quantitative content analysis applied to the concept of 'culture' in the works of Max Weber. Here is shown the dynamics of use of the concept in different years and different works of the author. Revealed that the concept is most often used in the middle period of creative activity of the author and in the works on the methodology of sociology (1904-1906). The article also illustrates the limitations of quantitative approach and set targets for qualitative content analysis.

Key words: sociology of culture, Kultursoziologie, Max Weber, research program, content-analysis, culture.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.282(430)

Н. Н. МЕЛЬНИК,
УО Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»», г. Минск

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: ОТ МНОГООБРАЗИЯ ПОДХОДОВ К ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматривается историческая перспектива и логика развития теории социального действия с позиции выделенных автором уровней развития ключевого понятия данной теории. Анализируются взгляды М. Вебера, Ю. Хабермаса и Х. Йоаса о контексте трактовки социального действия. Вариативность ключевого понятия отражена в терминах «социальное действие», «коммуникативное действие», «ситуативность и креативность действия».

Ключевые слова: действие, социальное действие, рациональность, уровни понимания, теория социального действия, коммуникативные действия, креативность.

Категория «действие» подробно рассматривается авторами теорий социального действия. Исторически и логически анализируя их, можно выделить несколько уровней развития понимания этой категории, отраженных в отдельных теориях. Во-первых, это уровень субъект-субъектного взаимодействия, на котором рассматриваемая картина не выходит за рамки человеческого взаимодействия, т. е. микроуровня. Во-вторых, это уровень как субъект-субъектного взаимодействия, так и взаимодействия субъекта и социальной структуры, где включается еще и анализ социальной реальности. И, в-третьих, это уровень, включающий первых два и рассматривающий действия субъекта в ином ракурсе, а именно как субъект находит возможность действовать креативно, опираясь на субъект-субъектные отношения и соотнося свои действия с социальной структурой, в которой он находится, и той конкретной ситуацией, которая требует от него выполнения действия.

К первому уровню можно отнести классическую теорию социального действия М. Вебера. Ко второму – концепцию структуры социального действия Т. Парсонса, теорию структурации Э. Гидденса и теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. К третьему – теорию креативности действия Х. Йоаса.

Перечисленные выше уровни развития понимания этой категории позволяют систематизировать теории социального действия и проследить линию эволюции данной категории в теориях социального действия.

Проанализируем эту линию развития теории социального действия на работах немецких социологов М. Вебера, Ю. Хабермаса и Х. Йоаса.

М. Вебер выделял основные черты социального действия, которые отделяли его от простого действия субъекта. Такими чертами выступали субъектив-

ный смысл и ориентация на другого. При этом немецкий социолог делал упор на то, что он рассматривает именно человеческие действия. Это означало для него то, что индивид или индивиды в процессе совершаемого социального действия «связывают с ним субъективный смысл». Собственно «социальным» действием, с намеренным акцентом на «социальное», по Веберу, «мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [1, с. 603]. Способ, каким совершается действие или система действий, Вебер называет «поведением, адекватным смыслу» [2, с. 157–158]. Таким образом, чертами социального действия становятся субъективный смысл, и самое главное, ориентация на другого, которая предполагает способность понимания другого индивида, вступившего во взаимодействие.

Для объяснения человеческих поступков Вебер вводит понятие идеального типа социального действия, основными компонентами которого являются цели, средства, нормы, и выделяет четыре его типа. Критерием выделения является рациональность, точнее, ее мера. «Градация идет по степени реальной осмысленности действия с точки зрения расчета целей и средств» [2, с. 158]. Таким образом, выделенные Вебером типы социального действия (целерациональное, ценностнорациональное, традиционное и аффективное) располагаются по степени убывания осмысленного соотношения цели и средств ее достижения.

Главное требование в социологии для М. Вебера – исходить из действия отдельных индивидов. Говоря об индивидуальном целерациональном действии, Вебер не соотносит его с социальной реальностью, а лишь применяет его к объяснению человеческого действия в качестве идеального типа, который сравнительно редко встречается в действительности.

Продолжает эту линию развития теории социального действия, рассматривая социальное действие на уровне взаимодействия субъекта и социальной структуры, Ю. Хабермас. В его теории важное место занимает «ориентация на другого», представление о которой – это одна из составляющих понятия «социальное действие» в трактовке М. Вебера. Ориентация на другого раскрывается у Ю. Хабермаса в его понятиях коммуникации, согласия, языка и речи.

По аналогии с М. Вебером Ю. Хабермас на основе принципа «рациональности» выделяет типы социального действия (стратегическое, нормативное, драматургическое и коммуникативное), особое внимание он уделяет анализу коммуникативного типа действия.

Понятие коммуникации у Ю. Хабермаса описывается как процесс решения, основной целью которого является поиск согласия, компромисса для предстоящего действия. Анализ этого процесса у Ю. Хабермаса ведется в тесной взаимосвязи с анализом парадигмы языка. Тем самым, он раздвигает категориальные рамки и нормативные основания своей социальной теории, превращая ее в общую теорию коммуникативного действия. «Если мы допускаем,

что человеческая общность сохраняет себя посредством социально координированной активности ее членов, и что эта координация устанавливается благодаря коммуникации (а в определенных сферах жизни благодаря коммуникации, направленной на достижение согласия), то воспроизводство общности также требует удовлетворения условиям рациональности, присущей коммуникативному действию» [3, с. 397].

И хотя Ю. Хабермаса и называют «последним рационалистом», и он действительно является последователем М. Вебера, все же его трактовка понятия «рационализм» уходит от веберовской, так как Ю. Хабермас инкорпорирует в концепцию рационализма еще и критику данного феномена.

Тип рациональности, который описывает Ю. Хабермас, – когнитивно-инструментальная рациональность субъекта. Она способствует приращению знания об окружающей среде субъекта и эффективной интеллектуальной адаптации к среде, а также управлению ею.

Еще одной важной чертой коммуникации в теории Ю. Хабермаса является создание нового знания через созидательную форму общения. Именно данный тип коммуникации тесно связан в его теории с коммуникативным типом рациональности, который способствует выработке социально-культурных смыслов общества.

Подчеркивая тот факт, что целеориентированные действия различных индивидов являются социально-ориентированными, Ю. Хабермас направляет наше внимание к более широкому контексту индивидуальных целенаправленных действий, к структурам социального взаимодействия, в которые включены телеологические действия [3, с. 11].

Развивая свою теорию коммуникативного действия, Ю. Хабермас обозначает 3 задачи: во-первых, он детализирует понятие рациональности без ограничения его субъективистскими и индивидуалистическими предпосылками современной философии и социальной теории; во-вторых, он строит двухуровневую концепцию общества, где интегрирует парадигмы жизненного мира (которая описана в субъективистской социологии, в парадигме символического интеракционизма) и системы (построенной Т. Парсонсом в теории социального действия в структурном функционализме); в-третьих, формулирует критическую теорию современности с описанием и объяснением патологий современности.

Возвращаясь ко второй задаче, поставленной немецким социологом, необходимо отметить, что ему удалось воплотить ее в интегративной теории коммуникативного действия.

В концепции Ю. Хабермаса коммуникативная модель действия не равна простой коммуникации. В этом ключе язык представляет собой средство коммуникации для взаимного понимания. При этом акторы, преследующие свои цели, координируют свои действия и достигают понимания друг с другом в процессе коммуникации. «Концепции социального действия различаются

по тому, как они определяют эту координацию целеориентированных действий различных участников: как взаимосвязь эгоцентрических вычислений полезности, как социально интегрирующегося консенсуса по поводу норм и ценностей, усвоенных благодаря культурной традиции и социализации, или как достижение понимания в ходе процесса согласования интерпретации» [3, с. 101]. Акты достижения понимания между акторами и координация их действий не исчерпывают рамки самого коммуникативного действия. Коммуникативное действие включает достижение понимания, координацию совместных действий, но также включает еще целый спектр процессов, основанных на коммуникации.

Универсальное ядро коммуникации: структуры и правила, которыми овладевают субъекты в процессе обучения языку. Они способствуют продуцированию различных высказываний, касающихся разных сторон повседневной жизни. В ходе высказываний субъекты могут оспаривать и защищать их, но в то же время урегулирование спорных моментов может базироваться на авторитете, традиции и силе. При этом выбор способа урегулирования базируется на идее рациональности.

«Рациональность, присущая коммуникативной практике повседневной жизни, ведет к практике аргументации как к апелляционному суду, что позволяет продолжать коммуникативное действие другими средствами, когда повседневная рутина не может более препятствовать несогласию и оно не может быть устранено прямым или стратегическим использованием силы» [3, с. 17–18]. Достижение согласия на всех уровнях коммуникации – одна из основ коммуникативного действия.

Благодаря историческому экскурсу в процесс развития теории социального действия классиками социологии Ю. Хабермас совершенствует свою теорию за счет различных аспектов их теорий: инкорпорирует понятие рациональности из теории социального действия М. Вебера, представление о жизненном мире из субъективистской теории действия, учитывает также системную теорию.

Данная линия в развитии теории социального действия связана еще и с осмыслением того факта, что «люди повсюду действуют социально и это действие – а точнее, поведенческое взаимодействие – порождает структурные воздействия, которые в свою очередь формируют следующее социальное действие» [4, с. 15]. При этом социальные структуры являются частью поведенческих взаимодействий и также «представляют собой социологически релевантные условия действий» [4, с. 15]. Таким образом, социальное действие ставится на центральное место в объяснении микро- и макроуровней общества. Связь социального действия с социальными структурами отчетливо выражена в теориях, которые мы относим ко второму уровню понимания социального действия, представленных в теориях Т. Парсонса и Э. Гидденса.

Третий уровень, который можно считать интегральным подходом к анализу социального действия, представлен в теории Х. Йоаса, лейтмотивом которой становится идея действующего субъекта, способного изменять повседневность. Анализируя его сущность, автор сознательно расширяет и смысл понятия действия.

В обыденном сознании действие является динамическим процессом. Однако Х. Йоас заявляет, что действие в его понимании «представляет собой состояние, в котором человек существует в мире» [5, с. 122]. Это утверждение включает в рамки действия все существование индивида: даже находясь в покое, человек действует. «Даже когда вы сидите и ничего не делаете, способ, которым вы воспринимаете предметы в комнате, полностью определяется вашим опытом действий. Если бы вы не знали, что дверь в комнате открывается путем нажатия на ручку двери, вам бы никогда не удалось открыть дверь, вы могли бы решить, что это какой-то орнамент, украшение, а не то, что используется для открытия двери. С моей точки зрения, действия совершаются постоянно» [5, с. 122].

Проблема или ситуация, требующая решения, изначально приводит любого индивида к обдумыванию, рефлексии будущего действия. «Рефлексия – это промежуточная фаза в процессе действия. Мы постоянно находимся в процессе действия, и когда мы сталкиваемся с проблемой, требующей внимания, то рефлексия – это действие» [5, с. 122]. Поэтому действие субъекта постоянно, даже в покое, поскольку принятие решения и возможность выбора также являются действием.

Лейтмотив постоянно действующего субъекта позволяет Х. Йоасу найти выход на макроуровень объяснения социальных процессов через понятие креативности. Х. Йоас ставит субъекта действия в заданные извне условия, при которых он должен произвести нетипичное и нешаблонное действие для выхода из данных условий, а попросту найти нетривиальное решение поставленного перед ним вопроса, и разрабатывает, таким образом, концепцию ситуационной креативности, согласно которой творческое действие разворачивается в случайной, эмерджентно возникающей ситуации. Х. Йоас утверждает, что недостаточно отмечать только лишь зависимость человеческого действия от случайностей ситуации, необходимо учитывать, что ситуация конституирует действие. Учет контекстуальной закрепленности действия и детерминации его ситуацией позволяют ему утверждать, что действующие субъекты выступают создателями потенциальных путей действия и осмысления окружающей действительности.

Х. Йоас подчеркивает, что он не стремится свести креативность действия индивидов к некой тотальности (для объяснения макропроцессов). «Отсюда важность исследования непредвиденных обстоятельств. Наличие и у вас, и у меня большого числа вариантов выбора ведет не к увеличению количества вариантов выбора на коллективном уровне, а, как правило, создает типичные новые проблемы на этом уровне» [5, с. 119]. Эта «взаимосвязь индивидуального действия в непредвиденных условиях с большим выбором вариантов ведет к моделям, которые парадоксальным образом вновь ограничивают индивидуальный выбор» [5, с. 119]. Следует отметить, что этот парадокс уже анализировался в рациональной и нормативной моделях социального действия.

Мы можем утверждать, что именно они помогают объяснить, почему, имея неограниченные возможности действовать, индивиды все же осуществляют типичные формы поведения, которые и охраняют общественную систему, социальную жизнь, от неразрешимых непредвиденных обстоятельств. Каждый субъект при выборе решения в поставленной перед ним ситуации руководствуется своими возможностями и ориентацией на других.

Два способа понимания социального действия (рациональное и нормативное) в отдельности сужают рамки понимания действия индивидов, поэтому созданная Х. Йоасом «модель креативности действия не только более всеобъемлюща, чем две другие, но она также нужна для решения вопросов, которыми занимаются эти две традиции» [5, с. 115]. Как рационально поставленная цель, так и моральная ориентация индивида в конкретной ситуации требует выбора действия. Уточнение возможностей действия и принятия того или иного решения требует креативности как модели принятия наилучшего решения. Во всех случаях, где индивиду необходимо принять решение, согласующееся с «эмпирическими знаниями конкретной ситуации», необходимо «креативное уточнение» [5, с. 116].

Приведенная выше схема изложения исторического и логического развития теории социального действия с очевидностью показывает, что в существующих теориях социального действия прослеживаются обозначенные выше три уровня (субъект-субъектного взаимодействия; как субъект-субъектного взаимодействия, так и взаимодействия субъекта и социальной структуры; уровень, включающий первых два и рассматривающий действия субъекта в ракурсе креативности действия). Отчетливо просматривается и логическая связь между этими теориями, поскольку рациональная модель действия Ю. Хабермаса, вытекающая из теории социального действия М. Вебера, включена в единую модель креативности действия. Х. Йоас в теории креативности действия делает попытку выхода на макроуровень объяснения изменений, происходящих в социальной реальности, объединяя тем самым в своей интегративной модели анализ не только рациональной и нормативной моделей социального действия М. Вебера и Т. Парсонса соответственно, но и микро- и макроуровней социума.

Литература

1. *Вебер, М.* Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: прогресс, 1990. – С. 602–643.

2. *Шпакова, Р. П.* Немецкая социология / Р. Шпакова, Ю. Перов, Ф. Крузе. – СПб.: Наука, 2003. – 561 с.

3. *Habermas, J.* Theory of communicative action: 2 V. / J. Habermas. – Boston: Beacon Press, 1984. – Volume 1: Reason and the rationalization of society. – 562 p.

4. *Шиманк, У.* Что такое социология? / У. Шиманк // Современная немецкая социология: 1990-е годы / под ред. В. В. Козловского, Э. Ланге, Х. Харбаха. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002. – С. 13–26.

5. *Йоас, Х.* Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире / Х. Йоас // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 112–122.

N. N. MELNIK

THEORY OF SOCIAL ACTION: FROM THE VARIETY OF APPROACHES TO INTEGRATION

Summary

The historical perspectives and development logic of the Social Action Theory are viewed in the article within the author's position that consists in outline the different levels of this theory key concept development. M. Weber's, J. Habermas' and H. Joas' views at the contest of its treatment are analyzed. The variations of the Social Action Theory key concept is outlined in these authors theories. They are: social action, communicative action, action's situation-dependence and creativity.

Key words: action, social action, rationality, level of understanding, theory of social action, communicative action, creativity.

Поступила 29.10.2012 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.71:001

М. И. АРТЮХИН,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье представлены результаты опроса научных работников НАН Беларуси по проблемам развития и функционирования научных организаций в период модернизации организационных и финансовых условий деятельности. Рассматриваются пути повышения конкурентоспособности академической науки и ее роли в решении социально-экономических проблем государства.

Ключевые слова: научный потенциал, инновационная экономика, научные кадры, модернизация организационных и финансовых условий деятельности научных организаций.

Построение в Беларуси экономики, основанной на знаниях, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала страны в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста. В этих условиях существенно изменились требования к научному потенциалу страны как в части повышения конкурентоспособности научных результатов, так и непосредственного участия науки в решении социально-экономических проблем государства. В связи с этим поставлена задача проведения качественных преобразований в научной сфере, которые призваны оптимизировать структуру научной сферы и систему ее управления, ускорить процесс интеграции академического и вузовского секторов науки в реальный сектор экономики.

В мае 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси проведено социологическое исследование проблем развития и функционирования академического, вузовского и отраслевого секторов науки в период модернизации организационных и финансовых условий деятельности научных организаций.

Проведенное исследование позволило выявить мнение научных работников по поводу основных направлений осуществляемой модернизации научной сферы, определить наиболее приемлемые формы реформирования организационной структуры науки и пути интеграции ее академического, вузовского и отраслевого секторов в реальный сектор экономики с учетом целей и задач инновационного развития белорусского общества.

В данной статье рассматриваются результаты опроса научных работников НАН Беларуси. Исследованием были охвачены 39 научных учреждений отделений наук НАН Беларуси. Всего опрошено 585 научных работников, из них – 45 докторов наук, 176 кандидатов наук, 365 научных работников без степени.

Анализ данных опроса показывает, что респонденты неоднозначно оценивают современное положение дел в научной сфере республики. Только 11,8 % респондентов оценивают ситуацию в белорусской науке как стабильную и с хорошими перспективами дальнейшего развития; 59,4 % оценивают положение в науке как неустойчивое; 16,6 % – как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития; 12,2 % – затруднились высказать свою точку зрения (табл. 1).

Оценка респондентами современного состояния НАН Беларуси в целом схожа с оценкой, данной респондентами в отношении белорусской науки в целом. Только 11,1 % респондентов оценивают ситуацию в академической науке как стабильную и с хорошими перспективами дальнейшего развития; 54,7 % оценивают положение в академической науке как неустойчивое и отмечают, что перспективы дальнейшего развития НАН Беларуси неоднозначны; 23,7 % – как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития; 10,5 % – затруднились с оценкой.

Положение своих научных организаций респонденты оценивают по сравнению с наукой в целом немного выше, но и эта оценка достаточно низкая. Так, только 18,6 % респондентов оценили положение своих организаций как стабильное. Как неустойчивое и неоднозначное – 56,0 %; как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития – 14,7 %.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос анкеты «Как Вы оцениваете современное состояние белорусской науки, ее секторов, вашей научной организации и себя в науке?» (% от числа ответивших)**

Наука и ее сектора	В целом стабильное с хорошими перспективами развития	Как неустойчивое, перспективы дальнейшего развития неоднозначны	Как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития	Затрудняюсь ответить
Национальная наука	11,8	59,4	16,6	12,2
Академическая науки	11,1	54,7	23,7	10,5
НИИ, в котором работаете	18,6	56,0	14,7	10,7
Себя в науке	14,8	53,1	11,3	20,7

Не менее неоднозначно респонденты оценивают перспективы и своей научной деятельности. Только 14,8 % респондентов оценивают личностную ситуацию как стабильную и с хорошими перспективами; 53,1 % оценивают свое положение в академической науке как неустойчивое и неоднозначное, 11,3 % – как кризисное без достаточных гарантий и перспектив.

Чем же вызвано, по мнению опрошенных научных работников, такое неустойчивое положение их научных организаций?

В пакет факторов, создавших неустойчивое, а в ряде случаев кризисное состояние ряда академических научных организаций, респонденты включили: низкий уровень заработной платы научных работников (54,7 %), низкий уровень материально-технического обеспечения научных исследований (43,0 %), невостребованность результатов научных исследований (28,7 %), закрытие перспективных научных исследований из-за недостаточного финансирования (13,4 %) (рис. 1).

По мнению опрошенных научных работников, низкая заработная плата в науке в условиях резкого обесценения белорусского рубля порождает не только падение уровня жизни научных работников, но и низкий уровень мотивированности высококвалифицированных научных работников на эффективную деятельность. Причем наиболее остро эта проблема затрагивает перспективных молодых ученых, в том числе кандидатов и докторов наук. В результате нарастают негативные для науки явления: постарение научных кадров как следствие низкого престижа профессии ученого в белорусском обществе и малого притока талантливых молодых специалистов, постепенное угасание активности ведущих научных школ и их распад. Положение дел, сложившееся в белорусской науке, помимо отмеченных выше факторов, определяют, по мнению опрошенных научных работников, и другие факторы. Респонденты отнесли к ним: недостаточный уровень государственного фи-

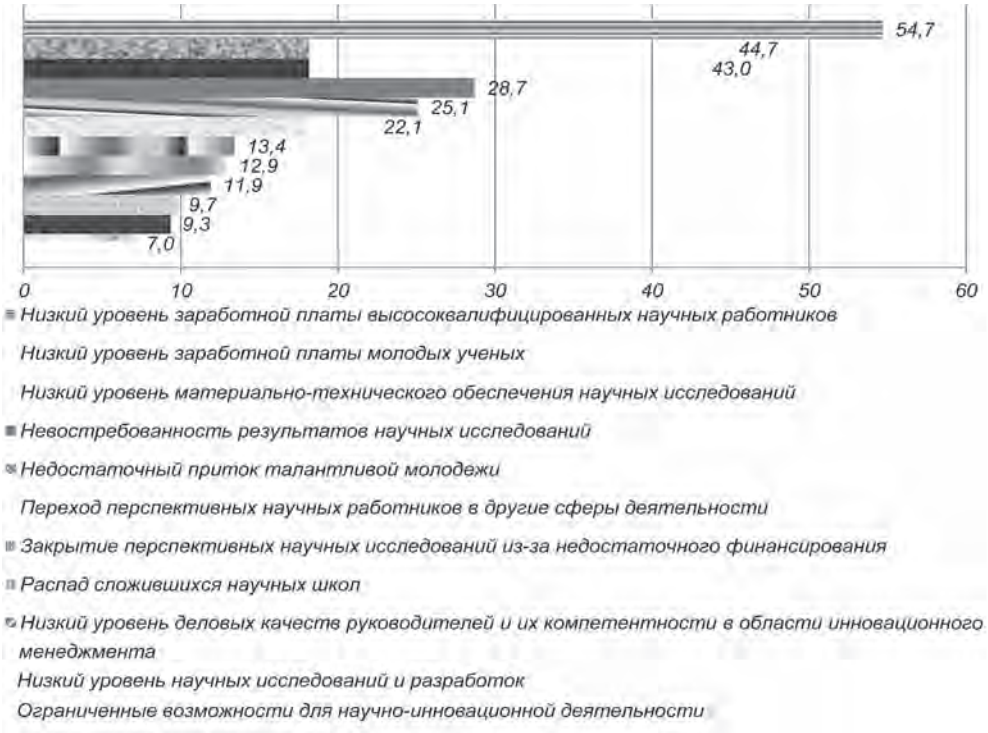


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос анкеты «Какие из перечисленных проблем вы считаете наиболее «острыми» для вашей научной организации?», %

нансирования науки (64,3 %); высокую степень забюрократизированности науки на всех уровнях (50,6 %); недостаточно эффективное управление наукой в Беларуси (26,7 %); отсутствие объективных критериев оценки научного труда (23,4 %) (рис. 2).

По мнению большинства респондентов, трудности, которые испытывают НАН Беларуси и белорусская наука в целом, связаны в основном с недостаточно эффективной государственной научной политикой (68,4 %), а также с уровнем развития национальной экономики. Как считают 71,0 % опрошенных научных работников, характер и уровень инновационного развития национальной экономики в решающей степени определяют степень востребованности промышленным сектором экономики результатов научной деятельности белорусских научных организаций и состояние науки в целом. Не менее важным фактором, определяющим современное состояние белорусской науки, по мнению 63,5 % научных работников, является и то обстоятельство, что в Беларуси до сих пор наука не вошла в число национальных приоритетов. И только 31,1 % респондентов полагают, что трудности, которые испытывает белорусская наука в настоящее время, связаны в основном с внутренними проблемами самой науки, ее неэффективностью.

Опрошенные научные работники дали оценку изменениям, которые произошли за последние три года в их структурных подразделениях. Среди положительных изменений респонденты выделили: приток молодежи (так считает 40,1 % респондентов); повышение квалификации и профессионализма научных работников – 30,7 %; повышение уровня научных исследований – 26,0 %; развитие международных связей – 17,7 % (рис. 3).

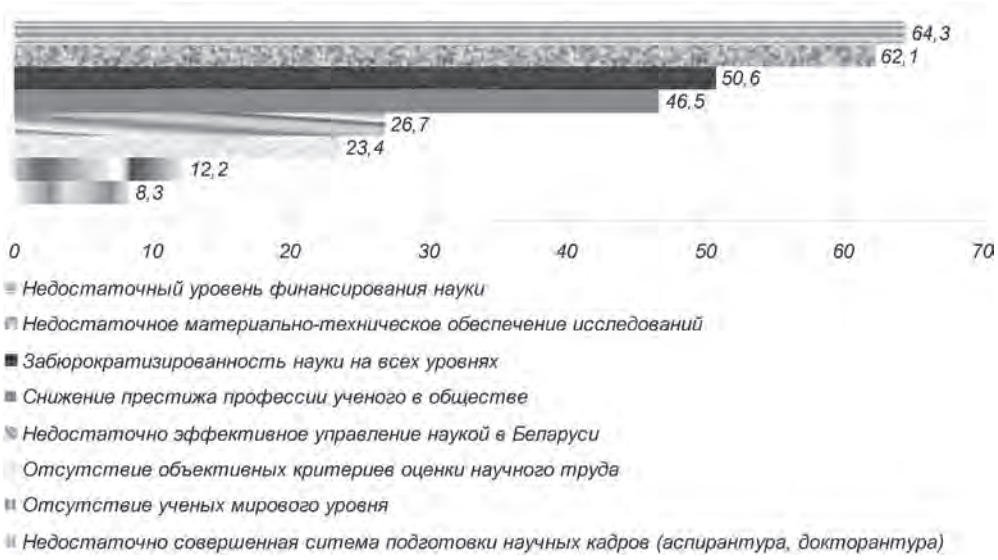


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос анкеты «Какие проблемы научной деятельности Вы считаете наиболее острыми на сегодняшний день?», %

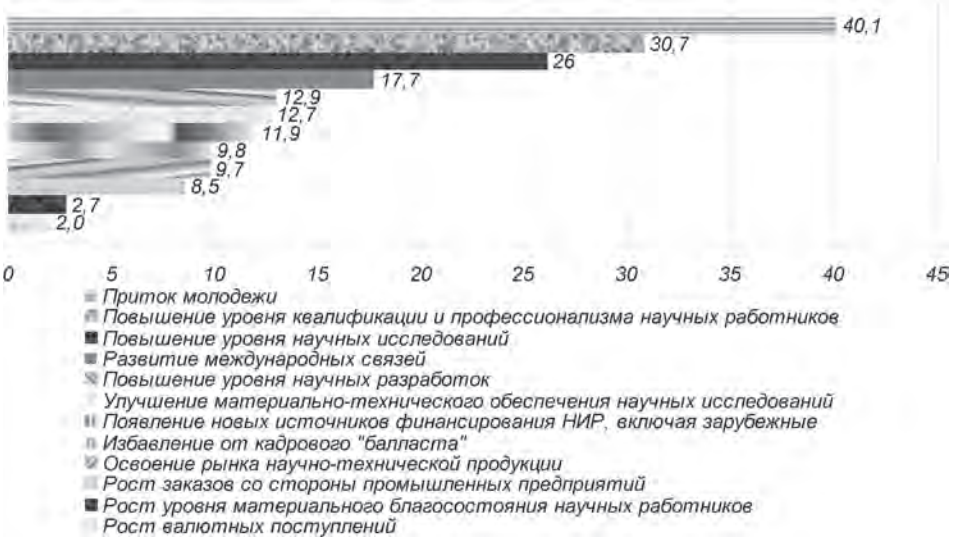


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос анкеты «Какие положительные изменения произошли за последние три года в вашем структурном подразделении (лаборатории, отделе)?», %

Однако основные факторы и условия, определяющие эффективную научную деятельность в условиях инновационного развития экономики и общества, такие как: освоение рынка научно-технической продукции; появление новых источников финансирования НИР, включая зарубежные; рост заказов со стороны промышленных предприятий; рост валютных поступлений, к сожалению, не вошли в перечень значимых положительных изменений, произошедших в структурных подразделениях научных организаций НАН Беларуси. Так, только 9,7 % респондентов отмечают факт освоения рынка научно-технической продукции; 2,7 % – рост заказов со стороны промышленных предприятий; 2,0 % – рост валютных поступлений.

Как было отмечено выше, респонденты отметили ряд положительных изменений в кадровом составе академических институтов. Вместе с тем респонденты считают, что в Академии есть нерешенные кадровые проблемы. Несмотря на то, что в Академии имеется достаточно возможностей для обеспечения необходимых объемов воспроизводства научных кадров различных категорий и квалификации, проблема дефицита высококвалифицированных кадров остается достаточно острой. Это связано с тем, что сегодня эффективность профессионального состава научных кадров определяется не количественными показателями, а качеством исследовательского персонала и его способностью обеспечить развитие приоритетных направлений научно-технической деятельности. Структура потребности научных организаций НАН Беларуси в научных кадрах различных категорий и специализаций представлена в табл. 2.

Опрос показал, что в Академии, по оценке респондентов, на первом месте по приоритетности стоит проблема подготовки новой генерации кандидатов

и докторов наук, высоко мотивированных на эффективную научную деятельность и конкурентоспособных на мировом уровне. Это вызвано как потребностями инновационного развития академической науки, так и постарением креативного ядра научных кадров НАН Беларуси. Последнее сегодня столь очевидно, что проблема омоложения науки (при наблюдаемом статистически значимом процессе притока молодежи в академические научные коллективы) и смены научных поколений становится определяющей и стратегически важной. Особенно это касается масштабного притока молодых научных лидеров и руководителей структурных подразделений, обладающих помимо профессиональной зрелости и высоким уровнем деловых качеств и компетентности в области инновационного научного менеджмента.

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос анкеты «В каких категориях работников в наибольшей степени нуждается в настоящее время Ваше структурное подразделение?» (% от числа ответивших)**

Категории и специализации	%
Руководители проектов	8,0
Доктора наук	12,6
Кандидаты наук	19,0
Молодые специалисты	35,5
Инженеры	6,6
Специалисты в области инновационного менеджмента	11,0
Вспомогательный персонал (техники, лаборанты и др.)	14,9
Затруднились ответить	34,1

Следует, однако, отметить, что потребность академических научных организаций в специалистах в области инновационного менеджмента для респондентов не столь очевидна. Только 11,0 % опрошенных определяют острую потребность в этих специалистах в настоящее время. Кроме того, к числу не особенно актуальных респондентами была отнесена и проблема нехватки научных кадров, способных руководить научными проектами, в том числе и инновационными. Только 8,0 % респондентов считают, что такая проблема для их научных организаций существует и настоятельно требует своего разрешения.

Для выхода из создавшегося положения дел в академической науке и повышения эффективности исследовательской деятельности и инновационной активности научных организаций респонденты предлагают осуществление следующих мер в порядке ранжирования:

обеспечить развитие в научной организации экспериментальной базы, соответствующей мировому уровню – 58,4 %;

разработать более совершенный механизм материального поощрения ученых, которые успешно осуществляют внедрение научных разработок в практику, – 56,4 %;

создать более благоприятные условия для развития международного сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности – 42,8 %;

разработать более совершенную систему защиты прав ученых на объекты интеллектуальной собственности и их участия в дивидендах – 26,7 %;

создать структурное подразделение, решающее проблемы продвижения и внедрения научных разработок в Республике Беларусь и за рубежом – 24,3 %.

Говоря о мерах государственного уровня, направленных на повышение эффективности исследовательской деятельности и инновационной активности научных организаций и вузов республики, следует отметить, что сегодня наиболее актуальной задачей белорусской науки является максимизация ее вклада в социально-экономическое развитие страны. В связи с этим одной из наиболее острых для науки стала проблема оптимизации соотношения между производством новых знаний и использования результатов научных исследований в высокотехнологичной производственной сфере белорусской экономики. При этом существенно повышается роль формирования спроса на результаты исследований и разработки белорусских ученых со стороны производства. Последнее определяет необходимость дальнейшего совершенствования организационной структуры науки и выбора оптимальной модели ее функционирования.

В ноябре 2011 г. на встрече с научной общественностью Глава государства отметил, что вопрос об эффективной организации науки является для Беларуси дискуссионным. Это касается прежде всего проблемы сохранения или отказа от традиционных организационных форм науки, где главенствующую роль играет Академия наук с разветвленной сетью институтов и научных центров. В качестве альтернативной модели Президентом страны было предложено рассмотреть возможность принятия за основу выбора модели науки западных стран, где фундаментальная наука сосредоточена в университетах, а прикладные исследования отданы в ведение корпораций. Президентом страны был поставлен вопрос «На кого сегодня делать ставку: на академические институты или вузовскую науку, отраслевые НИИ, малые высокотехнологические фирмы?».

Этот же вопрос был задан и научным работникам НАН Беларуси. Распределение ответов на вопрос анкеты «На какую модель организации науки, по Вашему мнению, следует в большей степени ориентировать развитие национальной науки в современных условиях?» представлено на рис. 4.

Как видим, значительная доля опрошенных научных работников организаций НАН Беларуси (39,1 %) считают, что развитие национальной науки в современных условиях следует ориентировать на академическую модель науки, т. е. сохранить ныне действующую – советскую модель функционирования науки. И только 6,6 % опрошенных научных работников полагают, что для Беларуси предпочтительней университетская модель национальной науки.

В то же время 27,9 % респондентов отдали предпочтение интеграционной модели организации национальной науки – создание научно-производственных корпораций и холдингов. Интересно в этой связи отметить, что научная молодежь НАН Беларуси (научные работники до 30 лет), по данным опроса,

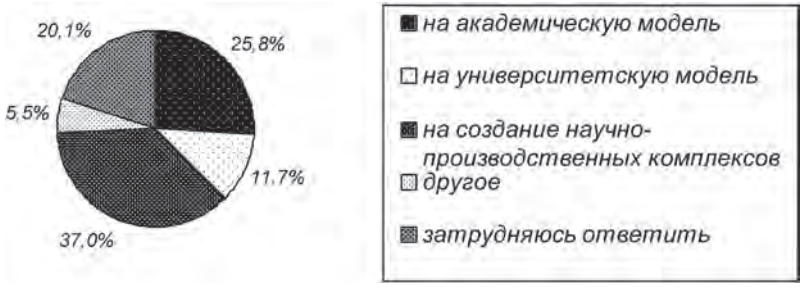


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос анкеты «На какую модель организации науки, по Вашему мнению, следует в большей степени ориентировать развитие национальной науки в современных условиях?» (% от числа ответивших)

также выбрали интеграционную модель организации национальной науки. Так считают 40,1 % от общего числа опрошенных молодых ученых. И только 25,5 % молодых ученых уверены, что в современных условиях ставку надо делать на академическую модель развития белорусской науки.

Вопрос о совершенствовании организационной структуры Национальной академии наук путем поэтапного преобразования ее в научно-производственную корпорацию был поставлен перед научным сообществом несколько лет назад. Но наиболее определенно эта идея была озвучена Президентом страны в феврале 2011 г. на встрече с новым составом правительства. Как отметил на встрече Глава государства, «пришла пора подумать о совершенствовании организационной структуры Национальной академии наук. Придать ей черты мощной научно-производственной корпорации, оптимально структурированного и самодостаточного научного центра, выполняющего весь спектр работ – от фундаментальных и прикладных исследований до опытного и серийного производства наукоемкой продукции по собственным разработкам. Корпорации, способной быстрыми темпами наращивать объемы реализации научно-технической продукции как внутри страны, так и на экспорт» [1].

Идея о придании НАН Беларуси черты мощной научно-производственной корпорации получила поддержку в академической научной среде. По мнению Председателя Президиума НАН Беларуси А. М. Русецкого, за прошедшие пять лет многое сделано для переориентации деятельности ученых Национальной академии наук на потребности экономики и социальной сферы. Пришла пора придать Академии наук черты мощной научно-производственной корпорации. Приблизить выполнение этой задачи можно, во-первых, путем формирования законодательных условий для развития рынка научно-технической продукции, т. е. создание национальной инновационной системы и либерализации условий экономической деятельности. И, во-вторых, путем расширения практики создания научно-практических центров. Еще в советские времена была создана оптимальная цепочка, позволяющая доводить научные разработки до серийного производства: исследования – разработка – опытное производство – опытный завод – серийный выпуск. Поэтому Национальной

академии наук необходима собственная производственная база. Нужно создавать совместные с промышленностью лаборатории, организовывать систему совместных академических и отраслевых институтов, открывать в отраслях научно-практические комплексы и холдинги» [2].

В последние годы Президентом Республики Беларусь и Правительством принят ряд мер, направленных на качественное улучшение организации научной, научно-технической и инновационной деятельности. Сегодня стоит задача взвешенной поэтапной модернизации организационной структуры национальной науки, ее управления и совершенствования правовой основы прав субъекта интеллектуальной собственности, а также выработки новых принципов и критериев оценки эффективности научной деятельности и ее инновационного потенциала.

Пути повышения эффективности управленческих решений государственного уровня, направленных на развитие науки и ее инновационного потенциала, лежат в повышении наукоемкости ВВП (доведения его до 2 %), а также в повышении самостоятельности и конкурентоспособности научных организаций, привлечении дополнительных ресурсов их инновационного развития (материальных, финансовых, человеческих (кадровых) и т. п.) при условии законодательного придания научной организации качеств и прав равноправного участника рынка наукоемкой продукции и процесса распределения его дивидендов. Эти задачи могут быть решены при условии принятия национальной доктрины развития науки до 2020 года и на ее основе государственной программы, направленной на создание организационных, финансовых и кадровых условий развития новой модели национальной науки.

Литература

1. НАН должна стать мощной научно-производственной корпорацией. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/216460.html. – Дата доступа: 25.10. 2012

2. Наука не должна быть «голой» «Народная газета» №205(5871) от 22.03.2011. – Режим доступа: http://ng.by/ru/issues?art=1&date=1300744800 – Дата доступа: 25.10. 2012

M. I. ARTYUKHIN

THE ACADEMIC SCIENCE IN SOCIAL MEASUREMENT

Summary

In article results of poll of researchers of National academy of Sciences on problems of development and functioning of the scientific organizations in modernization of organizational and financial conditions of activity are presented. Ways of increase of competitiveness of the academic science and its role to the decision of social and economic problems of Belarus are considered.

Keywords: scientific potential, innovative economy, scientific shots, modernization of organizational and financial conditions of activity of the scientific organizations.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.42/316.33:001

И. Н. ШАРЫЙ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены результаты социологического опроса руководителей организаций науки и вузов, проведенного в мае 2012 г. Рассмотрены особенности мнений и оценок респондентов по проблемам развития кадрового потенциала белорусской науки в условиях перехода на инновационный путь развития экономики. Выявлены тенденции и перспективы развития научных кадров, особенности международной мобильности ученых.

Ключевые слова: кадровый потенциал, белорусская наука, международная мобильность ученых, инновационная экономика, социологический анализ.

В 2012 г. сотрудники ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» провели республиканский опрос руководителей структурных подразделений в научных учреждениях и вузах. Основная цель исследования – изучение социальных процессов, характеризующих особенности развития научных кадров, проблем повышения эффективности научной деятельности в Республике Беларусь. В результате проведенного опроса были получены ответы высококвалифицированных специалистов, руководителей структурных подразделений и заместителей руководителей научных организаций и вузов, которые наиболее полно включены в процессы реформирования национальной науки, хорошо информированы о положении научных кадров своих организаций. Опрос проведен на основе многоступенчатой случайной выборки. В результате проведенного опроса были получены ответы от 409 человек. Среди респондентов доля докторов наук составила 25 %, кандидатов наук – 54,1 %. Из общего числа опрошенных 82 % работали в г. Минске, остальные в регионах республики. В общей численности опрошенных доля мужчин составляла 74 %, доля женщин – 26 %. Среди опрошенных 67,4 % имели стаж работы в науке 20 лет и более.

В настоящее время идет поиск модели развития белорусской науки. В связи с этим респондентам был задан вопрос «На какую модель организации науки, по Вашему мнению, следует в большей степени ориентировать развитие национальной науки в современных условиях?». Ответы респондентов на этот вопрос представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов на вопрос «На какую модель организации науки, по Вашему мнению, следует в большей степени ориентировать развитие национальной науки в современных условиях?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. На академическую модель	46,8	7,0	6,1
2. На университетскую модель	3,9	50,9	23,9
3. На создание единого научно-производственного комплекса	32,2	22,8	56,0
4. Затрудняюсь ответить	9,3	7,0	6,8
5. Другое	3,8	10,5	6,1

Как следует из данных, представленных в табл. 1, большинство респондентов, отвечая на этот вопрос, считали, что надо ориентироваться на развитие того сектора науки, в котором они работают. Так, среди руководителей академического сектора науки 46,8 % считают, что необходимо ориентироваться на академическую модель развития науки. 50,9 % респондентов из университетского сектора науки считают, что наиболее предпочтительна университетская модель. Большинство руководителей отраслевой науки (56 %) сориентируются на создание научно-производственных комплексов. Как следует из полученных данных, 32,9 % от общей численности респондентов НАН Беларуси отметили, что ориентироваться надо на создание научно-производственных комплексов и только 3,9 % – что наиболее предпочтительна университетская модель. В каждом из секторов науки достаточно высокая доля респондентов, которые считают, что в современных условиях надо ориентироваться на создание научно-производственных комплексов. В академическом секторе науки этот ответ выбрали 32,2 % респондентов, а в вузах – 22,8 % респондентов. Считают, что в современных условиях надо ориентироваться на университетскую модель науки, 23,9 % респондентов отраслевого сектора науки, и только 3,9 % респондентов академического сектора науки. В современных условиях существенно повышается роль инновационной составляющей в развитии экономики, что нашло отражение в ответах респондентов. Необходим баланс в развитии всех секторов науки в рамках конкретного этапа социально-экономического развития, что подтверждается опытом многих зарубежных стран, являющихся лидерами научно-технического прогресса. Важным является также учет конкретных внутренних и внешних факторов изменений.

В сегодняшних условиях актуальной задачей является активизация поиска дополнительных источников финансирования научных исследований и разработок. В связи с этим представляет интерес ответ респондентов на вопрос: «За счет чего, на ваш взгляд, можно улучшить финансовую ситуацию в Вашей научной организации (вузе)?». Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 2. Как следует из представленных данных, подавляющее большинство респондентов в академическом и вузовском секторах науки (более 70 %) считает, что финансовая ситуация может быть улучшена за счет

финансовых средств на исследования, выделяемых на конкурсной основе из республиканского бюджета. Доля респондентов из отраслевого сектора науки, которые выбрали этот ответ, меньше – 59,1 %. Важным по значимости направлением улучшения финансового положения организаций, которое выбрали респонденты, является «Использование зарубежных источников финансирования научных исследований». Это направление выделили почти 68,4 % от общей численности респондентов вузовского сектора науки.

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «За счет чего, на Ваш взгляд, можно улучшить финансовую ситуацию в Вашей научной организации (вузе)?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
Использование зарубежных источников финансирования научных исследований	41,0	68,4	29,8
Получение дополнительных финансовых средств на исследования, выделяемых на конкурсной основе из республиканского бюджета (фонды, государственные программы и т. д.)	71,2	71,9	59,1
Развитие исследований с учетом рыночного спроса	38,7	31,6	46,5
Развитие коммерческих научно-инновационных структур в институте	31,5	22,8	17,9
Развитие платной формы обучения в аспирантуре (докторантуре) для зарубежных граждан	5,5	14,0	9,6
Сокращение числа научных направлений и концентрация имеющихся финансовых, материальных и кадровых ресурсов только на приоритетных исследованиях	25,9	14,0	21,2
Другое	3,7	–	7,7

В академическом секторе науки это направление выбрал 41 % от общей численности респондентов, а в отраслевом – 29,8 %. Как следует из данных, представленных в табл. 2, среди представителей академического сектора науки больше тех, кто выбрал такие направления улучшения финансовой ситуации, как «развитие исследований с учетом рыночного спроса» (38,7 %), «развитие коммерческих научно-инновационных структур в институтах» (31,5 %). Соответствующие показатели существенно меньше в вузовском секторе науки (31,6 % и 22,8 % соответственно). Как показывают результаты опроса, существенная часть респондентов из академического и отраслевого секторов науки поддерживает такое направление, как «сокращение числа научных направлений и концентрация имеющихся финансовых, материальных и кадровых ресурсов только на приоритетных исследованиях» (25,9 % и 21,2 % соответственно). В вузовском секторе науки это направление выбрала существенно меньшая доля респондентов (14 %).

Таким образом, в академическом и вузовском секторах науки, ожидания, связанные с улучшением финансового положения организаций, ориентированы прежде всего на государственную поддержку, на приоритеты, которые государство могло бы профинансировать на основе конкурсного отбора. Так

считает большинство респондентов в академическом и вузовском секторах науки. Кроме того, в вузовском секторе науки большинство респондентов отметили, что получить дополнительное финансирование можно за счет зарубежных источников. В то же время достаточно большая группа респондентов из этих секторов науки ориентирована на получение дополнительного финансирования за счет развития структур, ориентированных на использование рыночных отношений.

Для выявления наиболее характерных проблем научных организаций респондентам был задан вопрос «Какие из перечисленных ниже проблем Вы считаете наиболее острыми для Вашей научной организации (вуза)?». Распределение ответов на этот вопрос представлено в табл. 3.

Таблица 3. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие из перечисленных ниже проблем Вы считаете наиболее острыми для Вашей научной организации (вуза)?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Закрытие перспективных научных исследований из-за недостаточного финансирования	13,2	8,8	13,7
2. Невостребованность результатов научных исследований	26,1	28,1	17,8
3. Недостаточный приток талантливой молодежи	40,4	42,1	45,6
4. Низкий уровень деловых качеств руководителей и их компетентности в области инновационного менеджмента	10,6	5,3	5,9
5. Низкий уровень заработной платы высококвалифицированных научных работников	52,9	59,6	62,7
6. Низкий уровень заработной платы молодых ученых	49,8	56,1	42,9
7. Низкий уровень материально-технического обеспечения научных исследований	46,2	52,6	29,8
8. Низкий уровень научных исследований и разработок	5,8	5,3	10,5
9. Ограниченные возможности для развития научно-инновационной деятельности	8,8	3,5	10,1
10. Отток за границу научных кадров высшей квалификации	4,9	3,5	6,6
11. Переход перспективных научных работников в другие сферы деятельности	24,2	24,6	21,5
12. Распад сложившихся научных школ	6,9	5,3	2,6
13. Другое	0,8	–	1,1

Как следует из представленных данных, наиболее важными проблемами в организациях респонденты считают проблемы, связанные с кадрами. Среди них: низкий уровень заработной платы высококвалифицированных научных работников (в академическом секторе – почти 53 %, вузовском – 59,6 %, отраслевом – 62,7 %), низкий уровень заработной платы молодых ученых (в академическом секторе – 49,8 %, вузовском – 56,1 %, отраслевом – 42,9 %), недостаточный приток талантливой молодежи (в академическом секторе – 40,4 %, вузовском – 42,1 %, отраслевом – 45,6 %), переход перспективных научных

работников в другие сферы деятельности (в академическом секторе – 24,2 %, вузовском – 24,6 %, отраслевом – 21,5 %). Значимой проблемой остается недостаточный уровень материально-технического обеспечения исследований, прежде всего в вузовском и академическом секторах науки. Существенной является проблема невостребованности результатов научных исследований, что отметили 26,1 % респондентов академического сектора науки, 28,1 % и 17,8 % респондентов вузовского и отраслевого секторов науки. Респонденты считают, что переход перспективных научных работников в другие сферы деятельности – более острая проблема, чем отток за границу научных кадров высшей квалификации.

Для оценки основных факторов, которые препятствуют развитию инновационной деятельности, респондентам был задан вопрос: «Какие основные причины, на ваш взгляд, более всего сдерживают развитие инновационной деятельности в Беларуси?». Результаты ответов на этот вопрос представлены в табл. 4.

Таблица 4. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие основные причины, на ваш взгляд, более всего сдерживают развитие инновационной деятельности в Беларуси?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Высокий риск потери инвестиций	27,0	28,1	41,9
2. Недостаток интересных и перспективных инновационных идей	29,1	7,0	32,1
3. Недостаточная законодательная защита интеллектуальной собственности	33,0	22,8	35,8
4. Недостаточный уровень подготовленности к международному технологическому сотрудничеству	36,9	38,6	35,0
5. Недоступность информации о новых технологиях	8,5	10,5	3,2
6. Недоступность информации о рынках сбыта	6,0	2,9	0,3
7. Неразвитость венчурного инвестирования	19,6	20,6	32,4
8. Неразвитость инновационной инфраструктуры	11,8	31,6	22,5
9. Неразвитость исследований рынка наукоемкой и высокотехнологической продукции	12,6	10,5	17,4
10. Неразвитость технологического аудита для выявления технологических запросов и предложений	21,4	7,0	10,4
11. Несовершенство законодательства, регулирующего инновационную деятельность	35,6	33,3	24,5
12. Нехватка специалистов в области инновационного менеджмента	27,3	38,6	17,8
13. Отсутствие иностранных инвестиций	22,1	19,3	41,4
14. Отсутствие согласованной научно-технической и промышленной политики	43,1	31,6	30,5
15. Отсутствие спроса на инновации в экономике	36,6	40,4	18,1
16. Слабая финансовая поддержка со стороны государства	33,7	35,1	41,5
17. Другое	3,9	3,5	5,0

В отраслевом секторе науки самая большая доля респондентов, которые считают, что развитие инновационной деятельности сдерживается из-за высокого риска потери инвестиций (почти 42 %), отсутствия иностранных инвестиций (41,4 %), из-за неразвитости венчурного финансирования (32,4 %). В вузовском секторе науки наибольшая доля респондентов считает, что развитие инновационной сферы сдерживается из-за отсутствия спроса на инновации в экономике (40,4 %) и недостаточного уровня подготовленности к международному научно-техническому сотрудничеству (38,6 %). На важность проблемы недостаточного уровня подготовленности к международному научно-техническому сотрудничеству указали также респонденты академического (36,9 %) и отраслевого секторов науки (35 %). Как следует из данных, представленных в таблице, значительная часть респондентов существенным фактором, сдерживающим развитие инновационной деятельности, считали «отсутствие согласованной научно-технической и промышленной политики». Соответствующий показатель у респондентов НАН Беларуси составил 43,1 %, респондентов отраслевого сектора науки – 30,5 %, вузовского – 31,6 %.

Особый интерес в контексте процессов реформирования науки представляет оценка сложившейся кадровой ситуации. В табл. 5 представлены результаты ответа на вопрос о потребности в специалистах различных квалификационных категорий. Как следует из данных, представленных в табл. 5, структурные подразделения в наибольшей мере испытывают потребность в молодых специалистах. При этом в академическом секторе доля респондентов, отметивших потребность в молодых специалистах, составила 43,3 %, в вузовском секторе науки – 35,1 %, в отраслевом – 49,2 %.

Таблица 5. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие специалисты более всего требуются?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
Руководители проектов	18,2	17,5	35,3
Доктора наук	15,3	19,3	9,1
Кандидаты наук	29,6	22,8	20,0
Молодые специалисты	43,3	35,1	49,2
Инженеры	13,3	15,8	57,2
Специалисты в области инновационного менеджмента	10,7	3,5	2,7
Вспомогательный персонал	10,4	7,0	8,2

Существенной является потребность в кандидатах наук. В академическом секторе доля респондентов, отметивших потребность в кандидатах наук, составила 29,6 %, в вузовском секторе науки – 22,8 %, в отраслевом – 20 %. Как следует из данных, представленных в табл. 5, потребность в руководителях проектов отметили в академическом секторе науки – 18,2 %, вузовском – 17,5 %, отраслевом – 35,3 % респондентов. В меньшей степени имеется потребность

во вспомогательном персонале и специалистах в области инновационного менеджмента. При этом потребность в специалистах в области инновационного менеджмента больше всего в академическом секторе науки (10,7 %), а меньше всего в вузовском секторе науки (3,5 %).

Для оценки положения с воспроизводством кадрового состава науки респондентам был задан вопрос «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв научных поколений в Вашей организации?». Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 6. Как следует из данных, представленных в таблице, большинство респондентов считают, что в организации, в которой они работают, имеет место разрыв поколений.

Таблица 6. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, имеет ли место разрыв поколений в Вашей организации?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
Да	63,6	56,1	62,2
Нет	24,3	35,1	10,2
Затрудняюсь ответить	11,2	8,8	23,1

Как следует из представленных данных, в академическом секторе науки выше всего доля респондентов, которые считают, что в организации, где они работают, имеет место разрыв поколений – 63,6 %. В отраслевом секторе науки этот показатель почти такой же – 62,2 %. В вузах существенно ниже – 56,1 %. Полученные данные показывают, что разрыв поколений ученых является проблемой для многих организаций и руководители структурных подразделений хорошо осознают эту проблему.

Как отмечалось выше, научные организации академического и отраслевого секторов науки, а также вузы нуждаются в молодых специалистах. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Как Вы оцениваете уровень профессиональной подготовки выпускников вузов, поступивших на работу в вашу научную организацию (вуз) за последние годы?». Было предложено выразить свою оценку в бальной форме, где 1 – самый низкий балл, а 5 – самый высокий. Распределение ответов на этот вопрос представлено в табл. 7.

Таблица 7. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень профессиональной подготовки выпускников вузов, поступивших на работу в вашу научную организацию (вуз) за последние годы?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1 балл	2,5	–	3,3
2 балла	6,9	3,5	6,0
3 балла	52,4	26,3	34,2
4 балла	33,7	50,9	48,1
5 баллов	3,0	19,3	6,7

Как следует из данных, представленных в табл. 7, подавляющее большинство респондентов оценивают уровень профессиональной подготовки выпускников вузов в 3 или 4 балла. В НАН Беларуси существенно меньше, чем в отраслевом секторе науки и вузах, доля респондентов, которые оценили уровень подготовки выпускников вузов, поступивших на работу в научные организации на 5 баллов – 3,0 %, при этом самые низкие оценки дали 9,4 % опрошенных руководителей академического сектора науки. Кроме того, в академическом секторе науки респонденты чаще оценивали уровень подготовки молодых специалистов в 3 балла (52,4 %), чем в 4 балла (33,7 %), тогда как в вузах и отраслевой науке респонденты чаще оценивали профессиональную подготовку выпускников вузов в 4 балла, чем в 3 балла. В отраслевом секторе науки и вузах респонденты чаще оценивали профессиональную подготовку выпускников вузов на 5 баллов (6,7 % и 19,3 %), чем в академическом секторе науки (3,0 %).

Подводя итог, можно отметить, что уровень профессиональной подготовки выпускников вузов, поступивших на работу в академические организации, оценивается респондентами из НАН Беларуси существенно ниже, чем их коллегами. Это может объясняться тем, что наиболее подготовленные выпускники вузов распределяются в вузовский сектор науки, тем, что выпускники недостаточно готовы к научной деятельности в организациях НАН Беларуси, недостаточно активной работой академических организаций по привлечению наиболее подготовленных выпускников вузов. В целом можно отметить, что в повышении уровня профессиональной подготовки выпускников вузов заключены существенные резервы. Полученные данные показывают, что необходимо обратить повышенное внимание на уровень подготовки принимаемых в организации выпускников вузов, их заинтересованность в научной карьере. Как показывает анализ оценок респондентов, в институты часто попадают не самые подготовленные выпускники вузов. Если эта проблема не будет своевременно решена, разрыв поколений в науке будет нарастать.

Респондентам был задан вопрос «Какой опыт международного сотрудничества имеют сотрудники вашего структурного подразделения?». Ответы респондентов на этот вопрос представлены в табл. 8. Как следует из представленных данных, наиболее распространенными формами участия исследователей в международном сотрудничестве являются публикации по итогам участия в международных конференциях, публикации в зарубежных изданиях. Подавляющее большинство респондентов из вузов и более половины респондентов академического сектора науки отметили, что сотрудники их структурных подразделений проводят совместные исследования, участвуют в международных проектах. Чаще всего, как следует из полученных данных, в выполнении международных грантов участвуют сотрудники организаций сферы высшего образования (57,9 %), очень редко – сотрудники организаций отраслевого сектора науки (3,6 %). В академическом секторе науки 27,7 % из числа респондентов отметили, что сотрудники подразделений, в которых они работают, участвовали в выполнении международных грантов.

Таблица 8. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой опыт международного сотрудничества имеют сотрудники вашего структурного подразделения?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Публикации в зарубежных изданиях	73,2	86,0	32,6
2. Совместные исследования, международные проекты	55,6	75,4	39,8
3. Стажировки за рубежом	29,4	54,4	5,5
4. Участие в зарубежном гранте	27,7	57,9	3,6
5. Участие в работе международных конференций, проводимых в РБ	78,6	87,7	53,0
6. Участие в работе международных конференций за рубежом	68,3	86,0	30,9
7. Другое	1,9	7,0	13,7

Респондентам был задан вопрос «Поддерживаете ли Вы научные контакты с учеными – выходцами из Беларуси, которые работают за рубежом в сфере науки и образования?». Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 9. Как следует из ответов респондентов, наиболее активно взаимодействовали с учеными – выходцами из Беларуси респонденты из сферы высшего образования (47,4 %). Среди респондентов академического сектора науки на контакты с учеными – выходцами из Беларуси указали 31,8 % респондентов, отраслевого – 15 %.

Таблица 9. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Поддерживаете ли Вы научные контакты с учеными – выходцами из Беларуси, которые работают за рубежом в сфере науки и образования?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Да	31,8	47,4	15,0
2. Нет	54,3	33,3	71,6
3. Затрудняюсь ответить	11,3	15,8	13,4
4. Нет ответа	2,6	3,5	–

Контакты с учеными-соотечественниками за рубежом распространены достаточно широко, что позволяет рассматривать это направление в современных условиях как важную часть международного сотрудничества белорусских ученых. В связи с этим важным становится вопрос об эффективности этого сотрудничества и перспективах его развития. Как показало проведенное исследование, научное сотрудничество с соотечественниками, проживающими за рубежом, является существенным фактором, который может оказать позитивное влияние на развитие белорусской науки. Респондентам был задан вопрос «Считаете ли Вы, что сотрудничество с соотечественниками, работающими за рубежом, может принести пользу белорусской науке?». Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 10.

Таблица 10. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы, что сотрудничество с соотечественниками, работающими за рубежом, может принести пользу белорусской науке?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Да	51,9	68,4	65,2
2. Нет	12,2	10,5	5,2
3. Затрудняюсь ответить	33,4	21,1	29,6

Как следует из представленных данных, более половины респондентов считают, что сотрудничество с соотечественниками, работающими за рубежом, может принести пользу белорусской науке. Доля тех, кто не согласен с тем, что сотрудничество с соотечественниками, работающими за рубежом, может принести пользу белорусской науке, в несколько раз меньше. В академическом секторе науки больше половины респондентов – 51,9 % – считают, что сотрудничество с соотечественниками может принести пользу белорусской науке, не согласны с этим утверждением 12,2 % респондентов, а 33,4 % затрудняются дать ответ. Характерно то, что в вузовском секторе науки, где контакты с соотечественниками, работающими за рубежом, распространены в большей степени, респонденты наиболее позитивно оценивают эти контакты. Так, 68,4 % респондентов из сферы высшего образования отметили, что сотрудничество с соотечественниками, работающими за рубежом, может принести пользу белорусской науке, а в отраслевом секторе науки – 65,2 %. Характерно, что доля респондентов, выбравших ответ «нет» на поставленный вопрос, невелика. В целом можно отметить, что сотрудничество с соотечественниками за рубежом может стать существенным фактором, способствующим развитию научных исследований в Беларуси и перспективным направлением развития международного сотрудничества.

В рамках проведенного исследования были изучены мнения и оценки респондентов о процессах интеллектуальной миграции и миграционные установки респондентов. Респондентам был задан вопрос «Были ли в вашем структурном подразделении случаи выезда сотрудников за рубеж на постоянное место жительства?». Результаты ответа на этот вопрос представлены в табл. 11.

Таблица 11. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Были ли в Вашей организации случаи выезда сотрудников за рубеж на постоянное место жительства?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Да	54,6	52,6	58,9
2. Нет	20,0	12,3	24,3
3. Затрудняюсь ответить	15,0	28,1	15,9
4. Нет ответа	10,4	7,0	0,9

Как следует из данных, представленных в табл. 11, более половины респондентов отметили, что в их организации имели место случаи выезда сотрудников за рубеж на постоянное место жительства. В академическом секторе науки 54,6 % респондентов отметили, что в их организации имели место факты эмиграции ученых, а 20 % респондентов указали, что случаев эмиграции у них не было. Чаще всего отмечали наличие выездов на постоянное место жительства за границу респонденты из отраслевого сектора науки (58,9 %). Таким образом можно отметить, что эмиграция научных работников имела место в большинстве организаций. Необходимо учитывать, что в своих ответах респонденты приводили информацию об эмиграции за продолжительный временной период. Научная эмиграция не имела глубоких негативных последствий для коллективов, что следует из ответов респондентов. Как отмечалось ранее (табл. 3), при ответе на вопрос о наиболее острых проблемах науки, такой фактор, как «отток за границу научных кадров высшей квалификации», считали проблемным всего 4,9 % от общего количества респондентов академического сектора науки, 3,5 % респондентов вузовского сектора науки.

Для оценки интенсивности научной эмиграции в ближайшей перспективе респондентам был задан вопрос «Каких, по вашему мнению, изменений следует ожидать в сфере миграции научных кадров за рубеж?». Ответы респондентов академического, вузовского и отраслевого секторов науки представлены в табл. 12.

Таблица 12. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Каких, по Вашему мнению, изменений следует ожидать в сфере миграции научных кадров за рубеж?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Миграция ученых увеличится	33,4	38,6	19,1
2. Миграция ученых уменьшится	3,9	3,5	1,1
3. Сохранится на прежнем уровне	32,7	40,4	50,8
4. Затрудняюсь ответить	26,6	17,5	29,0

Как следует из данных, представленных в табл. 12, доля респондентов, которые считают, что миграция уменьшится, незначительна (не более 4 %), тогда как доля тех, кто считает, что миграция увеличится, оказалась в несколько раз больше. В отраслевом секторе науки, как следует из полученных данных, меньше всего доля респондентов, считающих, что миграция увеличится, – 19,1 %. В академическом секторе науки соответствующий показатель – 33,4 %, в вузовском – 38,6 %. В то же время высока доля респондентов, которые считают, что миграция научных кадров за рубеж останется на прежнем уровне.

Для оценки миграционных намерений респондентов им был задан вопрос «Собираетесь ли Вы в ближайшее время выехать за границу?». Распределение ответов на этот вопрос представлено в табл. 13.

Таблица 13. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Собираетесь ли Вы в ближайшее время выехать за границу?», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Таких планов у меня нет	75,4	80,7	88,9
2. Думаю о переезде на постоянное место жительства	1,8	–	–
3. Планирую выехать за рубеж для временной научной работы, но пока никаких действий не предпринимаю	6,0	1,8	0,3
4. Твердо намерен выехать за рубеж для временной работы и имею реальную возможность осуществления этого шага	2,5	5,3	–
5. Затрудняюсь ответить	9,8	12,3	6,9

Как следует из данных, представленных в табл. 13, подавляющее большинство респондентов не имеют намерений в ближайшее время выезжать за границу. В академическом секторе науки этот показатель – 75,4 %, а в отраслевом 88,9 %. Думают о переезде за рубеж на постоянное место жительства 1,8 % респондентов академического сектора науки. Больше доля респондентов, которые выбрали ответ «Планирую выехать за рубеж для временной работы, но пока никаких действий не предпринимаю». В академическом секторе науки этот показатель – 6,0 %, а в вузовском и отраслевом ниже (1,8 % и 0,3 % соответственно). В то же время в вузовском секторе науки 5,3 % респондентов отметили, что твердо намерены выехать за рубеж для временной научной работы и имеют реальную возможность осуществления этого шага. Соответствующий показатель в академическом секторе науки – 2,5 %, в отраслевом секторе науки никто не выбрал этот вариант ответа.

В последние годы наметилась тенденция возвращения научных работников, которые долгое время работали за рубежом, в свои научные организации. Возвращение в страну носит эпизодический характер, но это новое явление заслуживает внимания. В связи с этим респондентам был задан вопрос «Имели ли место в вашей организации случаи возвращения на работу сотрудников, которые в прошлом уволились и выехали на работу за рубеж на длительный срок (более года)?». Ответы респондентов на этот вопрос представлены в табл. 14.

Таблица 14. **Распределение ответов респондентов на вопрос «Имели ли место в вашей организации случаи возвращения на работу сотрудников, которые в прошлом уволились и выехали на работу за рубеж на длительный срок (более года)», %**

Варианты ответов	НАН Беларуси	Вузы	Организации отраслевого сектора науки
1. Да	12,5	12,3	5,6
2. Нет	58,0	52,6	74,2
3. Не знаю	25,4	33,3	16,4

Как следует из данных, представленных в табл. 14, 12,5 % респондентов академического сектора науки отметили, что в их организации есть сотрудники, которые вернулись в организацию, после того как ранее уволились и более года работали за рубежом. Соответствующий показатель в вузовском секторе науки – 12,3 %, в отраслевом – 5,6 %.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые перспективы, проблемы и тенденции развития кадрового потенциала белорусской науки в современных условиях. Мнения респондентов относительно перспективной модели развития белорусской науки существенно различаются в зависимости от отраслевой принадлежности организации, в которой они работают, в то же время из анализа ответов респондентов можно заключить, что в перспективной модели развития науки должна повышаться роль инновационной составляющей. Среди проблем развития инновационной деятельности в стране респонденты отметили ряд факторов финансового, организационно-экономического и кадрового характера. Как показали результаты исследования, наибольшая доля респондентов отраслевого сектора науки основными факторами, сдерживающими инновационное развитие экономики, считает риск потери инвестиций (42 %), отсутствие иностранных инвестиций (41,4 %), неразвитость венчурного финансирования (32,4 %). В вузовском секторе науки наибольшая доля респондентов считает, что развитие инновационной сферы сдерживается из-за отсутствия спроса на инновации в экономике (40,4 %) и недостаточного уровня подготовленности к международному научно-техническому сотрудничеству (38,6 %). Значительная часть респондентов к существенным факторам, сдерживающим развитие инновационной деятельности, относили «отсутствие согласованной научно-технической и промышленной политики». Соответствующий показатель у респондентов НАН Беларуси составил 43,1 %, респондентов отраслевого сектора науки – 30,5 %, вузовского – 31,6 %. В целом, в различных секторах науки имеются свои особенности в процессе развития инновационной деятельности, что целесообразно учитывать при формировании перспективной научной политики.

В академическом секторе науки и сфере высшего образования ожидания, связанные с улучшением финансового положения организаций, ориентированы в первую очередь на государственную поддержку, на приоритеты, которые государство могло бы финансово поддержать с помощью конкурсного отбора (71,2 % и 71,9 % соответственно). В то же время среди представителей академического сектора науки значительная доля тех, кто выбрал такие направления улучшения финансовой ситуации, как «развитие исследований с учетом рыночного спроса» (38,7 %) и развитие коммерческих научно-инновационных структур в институтах (31 %). В то же время большинство респондентов (68,4 %) из вузов считают, что финансовое положение их организаций может быть улучшено за счет активного привлечения зарубежных источников финансирования. В академическом и отраслевом секторах науки эти показатели существенно меньше (41 % и 30 % соответственно). Из анализа ответов

следует, что развитие международного сотрудничества наиболее активно осуществляется в вузах, что проявляется в более частых контактах с зарубежными партнерами, совместных исследованиях, участии в зарубежных грантах, участии в международных конференциях за рубежом. Таким образом в организациях имеются различные возможности для привлечения финансирования из-за рубежа.

Большинство респондентов считают, что в их организациях имеет место разрыв поколений (в академическом секторе – 63,6 % респондентов, в отраслевом секторе – 62,2 %, в вузах – 56,1 %). Наиболее востребованная категория работников, как следует из результатов опроса, – научная молодежь. Таким образом проблема привлечения и закрепления молодежи в сфере науки остается актуальной. В то же время респонденты достаточно критически оценивают уровень подготовки выпускников вузов, которые распределяются в организации. Результаты исследования показывают, что следует обратить повышенное внимание на качественные показатели лиц, принимаемых в организации после окончания вуза, что наиболее актуально для академического сектора науки, где более половины респондентов (52,4 %) оценили уровень профессиональной подготовки выпускников вузов, распределенных в научные организации на 3 балла.

На воспроизводство кадрового состава науки существенно влияет отток работников из научной сферы. Как показало исследование, переход перспективных научных работников в другие сферы деятельности считается достаточно острой проблемой для организаций. В вузах 24,6 % респондентов считают эту проблему одной из наиболее острых, в академическом секторе науки – 24,2 %, отраслевом – 21,5 %. Внутренняя миграция оценивается респондентами как более острая проблема по сравнению с внешней. Внешнюю миграцию к наиболее острым проблемам развития науки отнесли 6,6 % респондентов отраслевого сектора науки, 3,5 % в вузовском секторе науки и 4,9 % в академическом секторе науки. Необходимо учитывать, что более 30 % респондентов, работающих в вузах и академическом секторе науки, считают, что в перспективе миграция ученых за рубеж будет расти. С учетом полученных данных можно ожидать, что будет иметь место и возвратная миграция, хотя численность ученых, вернувшихся после длительного пребывания за рубежом, будет меньше, чем численность выехавших на ПМЖ за рубеж.

В целом, как показывает проведенное исследование, происходящие в научной сфере процессы имеют неоднозначный характер, что является следствием сложного характера изменений в научной сфере в условиях перехода экономики на инновационный путь развития, расширения международного сотрудничества. Адаптационные стратегии организаций имеют существенные различия, что во многом связано с особенностями их места в сфере исследований и разработок республики, различной возможностью использования доступных для них ресурсов развития.

I. N. SHARY

NEW TENDENCIES AND PROBLEMS OF BELARUSIAN SCIENTIFIC HUMAN POTENTIAL'S DEVELOPMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The paper presents the results of a poll of heads of scientific institutions and universities, conducted in may 2012. Considered respondents opinions and assessements on development of humn potential of Belarusian science. The tendencies and prospects of development of scientific personnel, particularly international mobility of scientists are also revealed.

Key words: human resources, the Belarusian science, the international mobility of researchers, innovative economy, a sociological analysis.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 001:316.014(476)

П. П. ДИМИТРУК,
кандидат экономических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Анализируются состояние и основные тенденции развития кадрового потенциала НАН Беларуси в 2002–2011 гг. Приведены данные о распределении исследователей по отделениям наук. Отмечены имеющиеся диспропорции в квалификационной и возрастной структуре исследователей и освещены основные меры по их оптимизации.

Ключевые слова: кадровый потенциал, квалификационная структура, возрастная структура, исследователи, доктора наук, кандидаты наук.

Национальная академия наук Беларуси – крупнейший научно-исследовательский центр, получивший широкое признание в нашей стране и за ее пределами. Научный потенциал Национальной академии является одним из важнейших факторов устойчивого социально-экономического развития государства, достижения мирового технического уровня в различных отраслях народнохозяйственного комплекса.

НАН Беларуси вносит огромный вклад в развитие науки и техники в Беларуси, укрепление национальной экономики и обороны, подготовку специалистов для научно-исследовательских центров, высших учебных заведений различных отраслей экономики. Руководство, организации, ученые и специалисты НАН Беларуси концентрируют свои усилия на повышении роли Академии наук в реализации приоритетов социально-экономического и духовного развития Республики Беларусь; обеспечивают выполнение предусмотренного законодательством широкого спектра задач и уставных функций в свете требований Главы государства и Правительства страны; совершенствуют методы управления научным и научно-производственным процессами; расширяют тематику работ, выполняемых в интересах отраслей национальной экономики, развития культурной и социальной сфер страны; всемерно способствуют активизации инновационной деятельности, сохранению и приумножению научно-интеллектуального потенциала белорусского общества.

Сегодня, как никогда раньше, НАН Беларуси имеет общегосударственное значение. Она органично вошла в новую систему экономических отношений, сформировавшихся в республике, является их важным элементом. Кроме того, Национальная академия наук Беларуси развивает плодотворные деловые от-

ношения с зарубежными партнерами во всем мире. Последний пример тому – предложение для реализации российскому фонду «Сколково» нескольких десятков проектов. Беларусь подготовила предложения по различным направлениям, включая физику и биомедицину. Участие белорусских ученых в деятельности фонда будет способствовать сотрудничеству в научно-исследовательской сфере между Беларусью и Россией.

Значительно расширились масштабы участия Национальной академии наук в реализации Государственной программы освоения в производстве новых и высоких технологий. В результате внесенных Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 сентября 2012 г. № 848 изменений объем финансирования мероприятий (заданий) Программы увеличился в 1,7 раза, а число проектов, исполнителями которых являются организации Национальной академии наук, возросло вдвое.

Основными задачами НАН Беларуси являются научное обеспечение экономического, социального и государственно-правового развития Республики Беларусь; организация, проведение и координация фундаментальных и прикладных исследований и разработок по важнейшим направлениям естественных, технических, гуманитарных, социальных наук и искусств, определение приоритетных направлений фундаментальных и прикладных исследований; обеспечение развития науки в регионах Республики Беларусь; создание условий для развития научных школ, подготовки научных кадров высшей квалификации, повышение квалификации ученых и специалистов, в том числе в зарубежных научных центрах; обеспечение развития информатизации и системы научно-технической информации, а также выполнение в пределах полномочий отдельных функций республиканского органа государственного управления.

Одним из главных условий успешного решения указанных задач является обеспеченность научных организаций НАН Беларуси специалистами высокого профессионального уровня, творческой инициативы, современного экономического мышления. В связи с этим особую актуальность приобретает всесторонний анализ закономерностей и тенденций, складывающихся при формировании и развитии кадрового потенциала НАН Беларуси.

Общая характеристика кадрового потенциала НАН Беларуси. В настоящее время в составе НАН Беларуси семь отделений: Физики, математики и информатики; Физико-технических наук; Химии и наук о Земле; Биологических наук; Медицинских наук; Гуманитарных наук; Аграрных наук. На 1 января 2012 г. в 124 организациях и аппарате НАН Беларуси работали 18,6 тыс. человек, в том числе в научно-исследовательских учреждениях (научная сфера) – 12,2 тыс. человек, в научно-производственных, конструкторских и иных организациях (производственная сфера) – 5,2 тыс. человек, в организациях управления, образования, здравоохранения, обслуживания и иных организациях (непроизводственная сфера) – 1,1 тыс. человек. Членами Академии наук являются 82 академика, 121 член-корреспондент, 2 почетных и 11 иностранных членов НАН Беларуси. Ядро высококвалифицированных кадров составляют

496 докторов и 1836 кандидатов наук. Распределение численности работников НАН Беларуси по категориям персонала по состоянию на 1 января 2012 г. характеризовалось следующим образом: 6210 человек (33,4 %) – исследователи, 756 (4,1 %) – техники, 2326 (12,5 %) – вспомогательный персонал, 9275 человек (50,0 %) – прочие.

Анализ тенденций трансформации кадрового потенциала НАН Беларуси требует рассмотрения этой проблемы в широком контексте процессов, протекающих в научной сфере Беларуси в последние десятилетия. В частности, необходимо учитывать более чем трехкратное уменьшение в целом по республике за период с 1991 по 2011 год численности работников, занятых выполнением научных исследований и разработок.

К сожалению, процесс уменьшения численности научных кадров не обошел стороной и Национальную академию наук. Так, только за период с 1991 по 2001 год численность работников НАН Беларуси уменьшилась на 6690 человек, или на 39,1 %, в том числе исследователей – на 1569 человек (26,3 %). Необходимо также отметить, что при увеличении за этот период в составе исследователей докторов наук на 147 человек (39,2 %) численность кандидатов наук сократилась на 796 человек (31,1 %), что в конечном итоге привело к уменьшению численности исследователей высшей квалификации (докторов и кандидатов наук) на 649 человек (22,1 %).

Заметное увеличение в 2002 г. в сравнении с 2001 г. численности исследователей вызвано структурными преобразованиями Академии, проведенными в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 5 марта 2002 г. № 7 «О совершенствовании государственного управления в сфере науки». В результате данных структурных преобразований в состав НАН Беларуси включены бывшая Академия аграрных наук Республики Беларусь, два научно-производственных концерна и ряд других организаций. Это привело к увеличению количества научно-исследовательских организаций академии на 22 юридических лица. При этом общая численность работающих в учреждениях, организациях и предприятиях НАН Беларуси увеличилась на 6022 человека, или в 1,6 раза, численность исследователей – на 1325 человек (30,1 %), в том числе докторов наук – на 67 человек (12,8 %), кандидатов наук – на 410 человек (23,3 %).

Анализ изменений численности исследователей в НАН Беларуси за период 2002–2011 гг. показывает, что при увеличении их общей численности на 8,5 % (487 человек) численность исследователей-докторов наук уменьшилась на 15,8 % (93 человека), исследователей-кандидатов наук – на 15,4 % (335 человек). Это означает, что увеличение общей численности исследователей за указанный период произошло исключительно за счет увеличения в их составе численности исследователей без ученой степени – на 30,9 % (915 человек). Соответствующие изменения произошли и в удельном весе исследователей с различным уровнем образования в их общей численности: при снижении удельного веса докторов наук с 10,3 % до 8,0 % (на 2,3 п. п.), кандидатов наук

с 37,9 % до 29,6 % (на 8,3 п. п.) удельный вес исследователей без ученой степени возрос с 51,8 % до 62,4 % (на 10,6 п. п.) (табл. 1) [1, с. 211–218; 2, с. 212–218].

Как видно, весьма тревожной тенденцией в динамике численности исследователей в НАН Беларуси является существенное уменьшение в их составе специалистов высшей квалификации. За период 2002–2011 гг. научные организации Академии потеряли 93 доктора и 335 кандидатов наук. Эти потери крайне нежелательны, так как согласно Основным параметрам Программы социально-экономического и научно-инновационного развития НАН Беларуси на 2011–2015 годы, утвержденным Президиумом НАН Беларуси 17 февраля 2011 г., объем работ, выполняемых Академией наук по всем источникам финансирования, в 2015 г. должен возрасти в 1,9 раза по сравнению с уточненным планом 2010 г. и составить 1976 млрд р. Более того, в течение 2011–2015 гг. НАН Беларуси должна направить на экспорт продукции, товаров (работ, услуг) на сумму более 213 млн долларов США, что в 2,3 раза превысит уровень, достигнутый в прошедшей пятилетке [3]. Очевидно, что для выполнения этих планов Академия наук должна располагать достаточным количеством высококвалифицированных специалистов.

Таблица 1. **Численность исследователей в НАН Беларуси в 2002 и 2011 гг.**

Численность исследователей	Численность исследователей				Изменение численности исследователей	
	2002 год		2011 год			
	чел.	уд. вес, %	чел.	уд. вес, %	чел.	%
	5723	100,0	6210	100,0	+487	8,5
из них:						
докторов наук	589	10,3	496	8,0	–93	–15,8
кандидатов наук	2171	37,9	1836	29,6	–335	–15,4
без ученой степени	2963	51,8	3878	62,4	+915	30,9

Рассчитано по: Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2002 году. Минск: НАН Беларуси, 2003. С. 211–218; Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. Минск: Белорус. наука. 2012. С. 212–218.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в НАН Беларуси увеличение общей численности исследователей в течение 2002–2011 гг. происходило исключительно за счет увеличения в их составе числа исследователей без ученой степени. Что же касается исследователей высшей квалификации, то тенденция сокращения их численности до сих пор полностью не преодолена.

Как показывает анализ, несмотря на значительные потери в последние годы научных кадров, НАН Беларуси по их численности по-прежнему остается лидером среди республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций. Так, на начало 2012 г. в Академии было сосредоточено около трети (30,2 %) всех работников, занятых выполнением

научных исследований и разработок в республике. В НАН Беларуси сконцентрированы также наиболее квалифицированные научные кадры республики: на начало 2012 г. здесь работало почти 65 % всех докторов наук, занятых научными исследованиями и разработками и около 60 % кандидатов наук [4, с. 12–14].

Кадровый потенциал отделений НАН Беларуси. Сведения о численности исследователей в отделениях НАН Беларуси по состоянию на 1 января 2012 г. приведены в табл. 2 [2, с. 212–218].

Таблица 2. **Численность исследователей в организациях НАН Беларуси по состоянию на 1 января 2012 года**

Отделение	Численность исследователей			из них имеют ученую степень					
				доктора наук			кандидата наук		
	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке	чел.	% по столбцу	% по строке
Отделение физики, математики и информатики	798	12,8	100	94	19,0	11,8	233	12,7	29,2
Отделение физико-технических наук	1781	28,7	100	127	25,6	7,1	411	22,4	23,1
Отделение химии и наук о Земле	664	10,7	100	51	10,3	7,7	232	12,6	34,9
Отделение биологических наук	686	11,0	100	53	10,7	7,7	231	12,6	33,7
Отделение медицинских наук	128	2,1	100	10	2,0	7,8	33	1,8	25,8
Отделение гуманитарных наук	451	7,3	100	64	12,9	14,2	194	10,5	43,0
Отделение аграрных наук	1646	26,5	100	80	16,1	4,9	484	26,4	29,4
Всего по отделениям наук НАН Беларуси	6154	99,1	100	479	96,6	7,8	1818	99,0	29,5

Рассчитано по: Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. Минск: Белорус. наука, 2012. – С. 212–218.

Анализ распределения исследователей по отделениям наук НАН Беларуси (% по столбцу) показывает, что более всего их в 2011 г. было сосредоточено в Отделении физико-технических наук – 1781 человек, или 28,7 % от общей численности исследователей в целом по Академии. Сравнительно велика также численность исследователей в Отделении аграрных наук – 1646 человек (26,5 %). Менее всего исследователей в Отделении медицинских наук – 128 человек, или всего 2,1 % от общей численности исследователей в Академии. Наибольшее число докторов наук среди исследователей также было отмечено в 2011 г. в Отделении физико-технических наук – 127 человек, или 25,6 % от общей численности докторов наук в НАН Беларуси. Менее всего докторов наук занято научными исследованиями и разработками в Отделении медицинских наук – 10 человек (2,0 %). Что касается кандидатов наук, то наибольшее их число отмечалось в 2011 г. в Отделении аграрных наук – 484 человека, или 26,4 % от общей численности кандидатов наук в НАН Беларуси, наименьшее (как и докторов наук) в Отделении медицинских наук – 33 человека (1,8 %).

Анализ показывает, что научные кадры НАН Беларуси отличаются достаточно высоким уровнем квалификации. Так, по состоянию на начало 2012 г. доля докторов наук среди исследователей составляла 8,0 % (% по строке), кандидатов наук – 29,6 %. Для сравнения: в целом по республиканским органам государственного управления и иным государственным организациям аналогичная доля докторов наук среди исследователей составляла всего 3,8 %, кандидатов наук – 16,0 % [4, с. 12–14].

Как видно, лучше всего докторами наук в 2011 г. было обеспечено Отделение гуманитарных наук, где их доля в общей численности исследователей составляла 14,2 %. Менее всего докторов наук занято научными исследованиями и разработками в Отделении аграрных наук – 4,9 % от общей численности исследователей в этом отделении, сравнительно невелика также доля докторов наук в Отделении физико-технических наук – 7,1 %.

Анализ распределения по отделениям НАН Беларуси кандидатов наук показывает, что лучше всего ими (так же как и докторами наук) было обеспечено в 2011 г. Отделение гуманитарных наук, где доля кандидатов наук в общей численности исследователей составляла 43,0 %, а также Отделение химии и наук о Земле и Отделение биологических наук, где аналогичная доля равнялась 34,9 % и 33,7 % соответственно. Наименьшая доля кандидатов наук в общей численности исследователей отмечена в 2011 г. в Отделении физико-технических наук – 23,1 %, сравнительно невелика она также в Отделении медицинских наук – 25,8 %.

В итоге получается, что при сосредоточении исследователей главным образом в отделениях аграрных и физико-технических наук насыщенность этих отделений специалистами высшей квалификации одна из самых низких. И, напротив, при сравнительно небольшой концентрации общей численности исследователей в Отделении гуманитарных наук численность специалистов высшей квалификации здесь самая высокая.

Таким образом, сложившуюся в настоящее время структуру распределения исследователей высшей квалификации в отделениях НАН Беларуси нельзя признать оптимальной. В целях ликвидации имеющихся диспропорций в структуре научных кадров высшей квалификации по различным отделениям наук и удовлетворения потребностей страны в высококвалифицированных специалистах для ее инновационного развития сегодня очевидна необходимость придания приоритетного характера подготовке докторов и кандидатов наук в отделениях физико-технических, аграрных, медицинских наук.

Возрастная структура исследователей НАН Беларуси. В 2011 г. одной из наиболее острых проблем научных кадров НАН Беларуси продолжала оставаться проблема их старения. Так, по состоянию на 1 января 2012 г. 45,8 % (в 2002 г. – 42,7 %) исследователей в НАН Беларуси перешагнули пятидесятилетний рубеж, включая 95,6 % (в 2002 г. – 86,1 %) докторов и 60,3 % (в 2002 г. – 59,1 %) кандидатов наук. Примерно каждый четвертый исследователь в НАН Беларуси старше 60 лет (в том числе каждый второй доктор и каждый третий

кандидат наук) и лишь 21,7 % – моложе 30 лет. Особо критично выглядит возрастная структура докторов наук, среди которых исследователей моложе 40 лет – 1 человек и, напротив, 72,6 % имеют возраст 60 лет и старше, т. е. являются пенсионерами, а 37,3 % из них относятся к возрастной группе 70 лет и старше.

Анализ динамики возрастной структуры НАН Беларуси показывает, что как и в стране в целом, в Академии происходит последовательное увеличение численности исследователей в возрасте до 29 лет: в 2002 г. их удельный вес в численности исследователей всех возрастов составлял 14,7 %, в 2003 – 15,9 %, в 2004 – 17,3 %, в 2005 – 18,8 %, в 2006 – 20,6 %, в 2007 – 20,9 %, в 2008 – 21,4 %, в 2009 – 21,5 %, в 2010 и 2011 гг. – 21,7 %. В результате удельный вес численности исследователей в возрасте до 29 лет в их общей численности за период 2002–2011 гг. увеличился на 7,0 п. п. За этот период произошло также увеличение удельного веса численности исследователей в возрасте 30–39 лет – с 15,3 % до 19,6 % (на 4,3 п. п.). Вместе с тем сферу исследований и разработок продолжают покидать работники в возрасте 40–49 и 50–59 лет: за указанный период их удельный вес сократился с 27,2 % до 12,9 % (на 14,3 п. п.) и с 26,4 % до 22,8 % (на 3,6 п. п.) соответственно. В абсолютном выражении уменьшение численности исследователей в возрасте 40–49 лет за период 2002–2011 гг. составило 1000 человек (в 2,2 раза), в возрасте 50–59 лет – 329 человек (18,8 %) [1, с. 219; 2, с. 219].

Еще более наглядно уменьшение численности исследователей в возрасте 40–49 и 50–59 лет в НАН Беларуси видно на примере изменения возрастной структуры исследователей высшей квалификации. Так, в 2011 г. в возрасте до 40 лет был всего 1 доктор наук, тогда как в 2002 г. их насчитывалось 6 человек. При этом численность докторов наук в возрасте 40–49 лет уменьшилась на 55 человек, или в 3,6 раза, а их удельный вес в общей численности докторов наук снизился с 12,9 % в 2002 до 4,2 % в 2011 г. (на 8,7 п. п.). Уменьшение численности докторов наук в возрасте 50–59 лет составило 62 человека (35,2 %), их удельный вес в общей численности исследователей сократился с 29,9 % в 2002 до 23,0 % в 2011 г. (на 6,9 %).

Что касается кандидатов наук, то при увеличении за период 2002–2011 гг. удельного веса их численности в возрасте до 29 лет с 2,5 % до 3,3 % (на 0,8 п. п.) и в возрасте 30–39 лет с 10,7 % до 21,9 % (на 11,2 п. п.), удельный вес кандидатов наук в возрасте 40–49 лет сократился – с 27,7 % до 14,5 % (на 13,2 п. п.), а возрасте 50–59 лет с 37,4 % до 26,7 % (на 10,7 п. п.). В результате при увеличении удельного веса кандидатов наук в возрасте до 40 лет с 13,2 % в 2002 г. до 25,2 % в 2011 г. (на 12,0 п. п.) их удельный вес в возрасте 40–59 лет снизился с 65,1 % до 41,2 % (на 23,9 п. п.).

Нельзя также не отметить, что наряду со снижением численности исследователей в возрасте 40–49 и 50–59 лет существенно ухудшает возрастную структуру научных кадров НАН Беларуси довольно значительное увеличение их численности в возрасте 60 лет и старше, т. е. пенсионеров. Так, удельный вес численности исследователей в возрасте 60 лет и старше за период с 2002 по

2011 год возрос с 16,4 % до 23,0 % (на 6,6 п. п.), в том числе докторов наук – с 56,2 % до 72,6 % (на 16,4 п. п.), кандидатов наук – с 21,7 % до 33,6 % (на 11,9 п. п.). При этом особенно заметно существенное увеличение удельного веса численности исследователей высшей квалификации в возрасте 70 лет и старше: по докторам наук он увеличился с 18,6 % в 2003 г. (год начала отражения в годовых отчетах НАН Беларуси этой возрастной группы исследователей) до 37,3 % в 2011 г. (на 18,7 п. п.), по кандидатам наук – с 2,4 % до 8,8 % (на 6,4 п. п.).

Об имеющихся диспропорциях в возрастной структуре научных кадров республики свидетельствуют также данные о динамике так называемого *индекса постарения* – I, используемого для оценки состояния и изменения возрастной структуры. Данный показатель определяется как соотношение между численностью исследователей старшей возрастной группы X60 (60 лет и старше) и младшей X40 (до 40 лет): I = X60/X40. Расчеты показывают, что за период с 2002 по 2011 год имело место повышение индекса постарения по исследователям в целом – с 0,54 до 0,56 и по докторам наук – с 55,17 до 360,00. Напротив, по кандидатам наук произошло уменьшение индекса постарения с 1,65 до 1,33. Как видно, наиболее заметное увеличение индекса постарения в 2011 г. по сравнению с 2002 г. произошло по докторам наук: если в 2002 г. численность докторов наук в возрасте старше 60 лет превышала их численность в возрасте до 40 лет в 55 раз, то в 2011 г. – в 360 раз.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что НАН Беларуси покидают прежде всего исследователи самых продуктивных возрастов: 40–49 и 50–59 лет. Это люди, которые проработали в науке годы, получили определенные знания и опыт, сформировались как ученые и которые могли бы внести определенный вклад в науку. Уменьшение численности исследователей средних возрастов ведет к ухудшению структурных характеристик кадрового потенциала академии, нарушает механизм преемственности знаний и опыта, воспроизводства кадров.

Таким образом, основными кадровыми проблемами НАН Беларуси являются продолжающееся до сих пор уменьшение численности исследователей высшей квалификации, преобладание в составе исследователей лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Требуют оптимизации также сложившиеся в настоящее время квалификационная и отраслевая структуры научных кадров Академии. Для решения указанных проблем как в Республике Беларусь в целом, так и в НАН Беларуси в частности, нужна реализация комплекса мер по повышению привлекательности научной деятельности. Основные из них это: повышение уровня социальной защиты научных работников, социального статуса ученого и престижности научного труда, улучшение материально-технического и информационного обеспечения научной деятельности. Основными мероприятиями, способствующими решению указанных проблем, могут быть:

формирование качественного состава и численности научных кадров НАН Беларуси в соответствии с приоритетными направлениями научно-технологического и инновационного развития важнейших отраслей экономики;

приведение номенклатуры и объема подготовки научных кадров в отделениях наук НАН Беларуси в соответствие с целями и задачами государственной политики в области науки и технологий с учетом прогнозируемых структурных преобразований в науке и экономике;

обеспечение дифференцированного подхода к вопросам подготовки научных кадров для различных отделений наук с учетом особенностей современного этапа социально-экономического развития общества, придание приоритетного характера подготовки докторов и кандидатов наук в отделениях физико-технических, аграрных, медицинских наук;

ведение мониторинга развития кадрового потенциала НАН Беларуси и его соответствия стратегическим приоритетам национальной экономики, включая мониторинг возрастного и квалификационного состава научных кадров с целью его своевременного обновления.

оптимизация возрастной структуры научных кадров путем снижения оттока из НАН Беларуси специалистов средних возрастов при одновременном привлечении и закреплении в Академии молодых талантливых ученых и специалистов.

Комплексная реализация данных мероприятий позволит оптимизировать квалификационную и отраслевую структуру научных кадров Академии, и в конечном итоге способствовать повышению ее роли в инновационном развитии страны.

Литература

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2002 году. – Минск: НАН Беларуси, 2003. – С. 211–218.

2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. – Минск: Белорус. наука, 2012. – С. 212–218.

3. Очередные итоги и новые задачи // Веды. – 2011. – № 9.

4. О выполнении научных исследований и разработок в 2011 году. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. – С. 12–14.

P. P. DIMITRUK

STAFF POTENTIAL OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS: STATUS AND MAIN DEVELOPMENT TENDENCIES

Summary

Status and main development tendencies of the staff potential of the National Academy of Sciences of Belarus in 2002-2011 are analyzed. Data are given on the distribution of researchers by the sections. Current qualification and age structure disproportions of the researchers are marked and the main optimization actions are interpreted.

Key words: staff potential, qualification structure, age structure, researches, doctors of science, candidates of science.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 001.81-055.2(476)

Т. А. АНТОНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДИНАМИКА НАУЧНЫХ КАДРОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

На основе данных государственной статистики анализируются гендерные особенности кадрового состава науки Республики Беларусь в 2005–2010 гг. Приводятся сравнительные данные о распределении исследователей (в том числе докторов, кандидатов наук) по полу по областям наук.

Ключевые слова: гендер, «стеклянный потолок», научное сообщество, научные кадры, женщина в науке.

Обеспечение гендерного равенства в сфере научной деятельности является в современных условиях не только социальным и этическим требованием человеческого развития, но также и важнейшим условием всестороннего раскрытия потенциала научного сообщества. В этой связи важное значение имеет анализ данных государственной статистики, позволяющий не только фиксировать, но и отслеживать в мониторинговом режиме количественные изменения, происходящие в гендерном составе научных кадров, содействуя тем самым принятию решений, в том числе на государственном уровне, по оптимизации кадровой политики в сфере науки. В мировой науке значительное увеличение числа женщин пришлось на середину 1960-х годов и произошло во многом благодаря росту образовательного уровня женщин, а также подъему феминистского движения. В настоящее время участие женщин в научно-технической деятельности в странах ОЭСР составляет от 13,6 % в Японии до 43,0 % в Португалии. В пятерку лидеров по численности женщин в составе исследователей входит Россия – удельный вес женщин составляет 41,7 % [1, с. 61].

Что касается гендерного состава исследователей Беларуси, то анализ статистических данных, проведенный в разные годы, свидетельствует о том, что доля женщин в составе научных кадров увеличивалась на протяжении всей истории развития советской науки, а в отдельные периоды темпы роста даже заметно опережали таковые у мужчин [2, с. 188–189]. В 90-х годах XX столетия, в первую очередь в связи с новыми социально-экономическими условиями, ситуация в науке изменилась – численность исследователей в стране (как мужчин, так и женщин) стала уменьшаться, при этом изменилось и гендерное соотношение – доля мужчин стала расти, а женщин – падать. В итоге, к 2011 г. это соотношение составило, соответственно, 57,8 % и 42,2 % (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение исследователей по полу (человек)**

Год	Всего исследователей	Из них мужчин		Из них женщин	
		АВ	%	АВ	%
2005	18267	10370	56,8	7897	43,2
2006	18494	10416	56,3	8078	43,7
2007	18995	10767	56,7	8228	43,3
2008	18455	10349	56,1	8106	43,9
2009	20543	11768	57,3	8775	42,7
2010	19879	11487	57,8	8392	42,2

Рассчитано по: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – С. 24.

Как видно из данных таблицы, на протяжении 2005–2010 гг. среднее процентное соотношение женщин и мужчин среди исследователей практически не менялось и составляло в разные годы от 42,2 до 43,9 % у женщин и от 56,1 до 57,8 % у мужчин. В целом, по сравнению с 2005 г., в 2010 г. доля мужчин, занятых в науке, выросла, а женщин – уменьшилась на 1,0 %. Что касается различных областей науки, то на протяжении периода 2005–2010 гг. положение характеризовалось следующим образом. По итогам 2010 г. самую большую долю среди исследователей женщины составляли в области общественных (63,2 %) и медицинских (61,4 %) наук. Далее следуют гуманитарные (57,6 %), сельскохозяйственные (56,2 %) и естественные (50,5 %) науки. В области технических наук на протяжении всего периода 2005–2010 гг. доля женщин не превышала 36 %, а в 2010 г. составила 34 % (табл. 2).

Как видно из данных таблицы, в сфере естественных наук за 2005–2010 гг. общая численность исследователей снизилась на 387 человек, в том числе доля мужчин уменьшилась на 7,7 % (153 человек), женщин – на 11,1 % (234 человек). Среднее процентное соотношение женщин и мужчин в этот период составило 50,3 % и 49,8 %, при этом годом с наибольшей долей женщин в составе исследователей стал 2005 г. (51,4 %), наименьшей – 2008 г. (48,7 %). В целом, если сравнить показатели 2005 и 2010 гг., то доля мужчин выросла, а женщин, соответственно, снизилась на 0,9 %.

Аналогичная картина наблюдалась в области сельскохозяйственных и гуманитарных наук. Так, в сфере сельскохозяйственных наук, при общем уменьшении численности исследователей обоих полов, доля мужчин в 2010 г. незначительно выросла, а женщин – снизилась (на 0,4 %). Среднее процентное соотношение женщин и мужчин в период 2005–2010 гг. составляло, соответственно, 57,6 % и 42,4 %, при этом в 2008 г. доля женщин-исследователей в области сельскохозяйственных наук достигла 60 %.

В области гуманитарных наук в период 2005–2010 гг. также за счет женщин произошло сокращение численности исследователей, тем не менее доля женщин-исследователей в области гуманитарных наук в этот период не опускалась ниже 56,3 %, а мужчин – не поднималась выше 43,7 %.

Таблица 2. **Гендерное распределение исследователей по областям науки (человек)**

Год	Всего исследователей	Из них мужчин		Из них женщин	
		АВ	%	АВ	%
Естественные науки					
2005	4089	1987	48,6	2102	51,4
2006	3795	1881	49,6	1914	50,4
2007	3700	1836	49,6	1864	50,4
2008	3640	1774	51,3	1774	48,7
2009	3794	1895	49,9	1899	50,1
2010	3702	1834	49,5	1868	50,5
Технические науки					
2005	10380	6812	65,6	3568	34,4
2006	10924	7108	65,1	3816	34,9
2007	11553	7524	65,1	4029	34,9
2008	10977	7048	64,2	3929	35,8
2009	12620	8290	65,7	4330	34,3
2010	12257	8087	66,0	4170	34,0
Медицинские науки					
2005	836	284	44,0	552	66,0
2006	982	324	43,0	658	67,0
2007	978	336	34,4	642	65,6
2008	954	317	33,2	637	66,8
2009	962	338	35,1	624	64,9
2010	924	357	38,6	567	61,4
Сельскохозяйственные науки					
2005	1255	545	43,4	710	56,6
2006	1167	499	42,8	668	57,2
2007	1155	489	42,3	666	57,7
2008	1183	473	40,0	710	60,0
2009	1208	510	42,2	698	57,8
2010	1206	528	43,8	678	56,2
Общественные науки					
2005	1203	536	44,6	667	55,4
2006	1205	420	34,9	785	65,1
2007	1224	415	33,9	809	66,1
2008	1324	485	36,6	839	63,4
2009	1549	563	32,3	986	67,7
2010	1401	516	36,8	885	63,2
Гуманитарные науки					
2005	504	206	40,9	298	59,1
2006	421	184	43,7	237	56,3
2007	385	167	43,4	218	56,6
2008	377	160	42,4	217	57,6
2009	410	172	42,0	238	58,0
2010	389	165	42,4	224	57,6

Рассчитано по: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – С. 25–26.

Итак, как показал анализ, наиболее существенные изменения в гендерном составе исследователей в период 2005–2010 гг. произошли в сфере медицинских и общественных наук. Так, по сравнению с 2005 г., в 2010 г. доля женщин, занятых в сфере общественных наук, выросла на 7,8 %, а в сфере медицинских – снизилась на 4,6 %. В абсолютных цифрах наиболее существенно за период 2005–2010 гг. выросло число женщин, занятых в сфере технических (на 602 человек) и общественных наук (на 218 человек).

Что касается численности докторов и кандидатов наук, то по сравнению с 2005 г. в 2010 г. их общее количество уменьшилось, соответственно, на 34 и 89 человек, в том числе женщин – на 9 и 5 человек (табл. 3).

Таблица 3. **Численность исследователей с учеными степенями (человек)**

Год	Численность исследователей			Из них с ученой степенью					
				Доктора наук			Кандидата наук		
	Всего	Из них женщин		Всего	Из них женщин		Всего	Из них женщин	
		АВ	%		АВ	%		АВ	%
2005	18267	7897	43,2	780	118	15,1	3232	1161	35,9
2006	18494	8078	43,7	758	119	15,7	3167	150	36,3
2007	18995	8228	43,3	743	116	15,6	3144	1159	36,9
2008	18455	8106	43,9	725	121	16,7	3112	1147	36,9
2009	20543	8775	42,7	737	124	16,8	3184	1175	36,9
2010	19879	8392	42,2	746	127	17,0	3143	1156	36,8

Рассчитано по: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – С. 24.

Как видно из данных таблицы, в 2010 г. доля женщин-исследователей с учеными степенями увеличилась по сравнению с 2005 г. как среди докторов, так и среди кандидатов наук, при этом 2010 год стал годом с наибольшей численностью (и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении) женщин-докторов наук в составе исследователей за весь период 2005–2010 гг. Доля женщин-кандидатов наук на протяжении означенного периода оставалась практически без изменений и не поднималась выше 37 %. В целом, можно отметить, что для периода 2005–2010 гг. характерна довольно устойчивая тенденция роста среди исследователей доли женщин с учеными степенями: докторов наук – с 15,1 % в 2005 г. до 17 % – в 2010 г.; кандидатов наук, соответственно, с 35,9 % до 36,8 %.

Самое большое количество женщин-докторов наук сосредоточено в области естественных наук, далее по убывающей следуют медицинские, гуманитарные, сельскохозяйственные, технические и общественные науки; женщин-кандидатов наук – в области медицинских, гуманитарных и естественных наук (рис. 1).

Надо отметить, что по данным 2010 г. в области естественных наук сосредоточено наибольшее количество исследователей с учеными степенями докторов

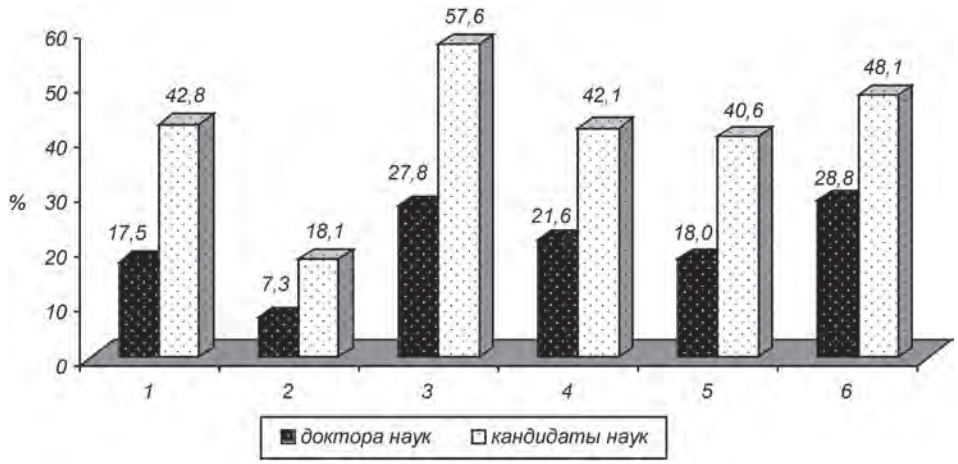


Рис. 1. Доля женщин с учеными степенями в общей численности исследователей по областям науки в 2010 г.: 1 – естественные науки, 2 – технические науки, 3 – медицинские науки, 4 – сельскохозяйственные науки, 5 – общественные науки, 6 – гуманитарные науки

и кандидатов наук. Здесь же и самая высокая численность женщин: в составе докторов наук – 48 человек; кандидатов наук – 450 человек, причем эти показатели превышают соответствующие в области общественных наук – в 4,4 раза, технических и гуманитарных – в 3,2 раза, сельскохозяйственных – в 3 и медицинских – в 2,2 раза (табл. 4). Как видно из данных таблицы, во всех областях наук, за исключением общественных, в период 2005–2010 гг. отмечается рост доли женщин с ученой степенью доктора наук. То же самое происходит и среди кандидатов наук – рост доли женщин в общей численности исследователей с ученой степенью кандидата наук произошел во всех областях науки, за исключением медицинских и гуманитарных наук. При этом в означенный период доля женщин в общей численности исследователей с ученой степенью доктора наук в области медицинских и гуманитарных наук не опускалась ниже 21,3 % и 24,7 %, кандидата наук – ниже 57,6 % и 48,1 %; в области технических наук, соответственно, не поднималась выше 7,3 % и 18,1 %.

Таким образом, анализ данных статистики о гендерном составе исследователей, занятых в сфере науки Беларуси, показал, что на протяжении 2005–2010 гг. среднее процентное соотношение женщин и мужчин среди исследователей практически не менялось и составляло в среднем 43 % и 56 %. В настоящее время женщины-исследователи широко представлены во всех областях наук, а в сфере гуманитарных, общественных, медицинских, сельскохозяйственных и естественных наук на протяжении ряда лет превышают численность мужчин. Таким образом, можно говорить о том, что в науке Беларуси продолжается процесс «феминизации», изучение которого требует отдельного социологического анализа. В целом, количественные изменения, произошедшие в гендерном составе исследователей Беларуси за период 2005–2010 гг., не являются статистически значимыми, так как не составляют более 1 % в год. Что касается

разных областей науки, то наиболее существенные изменения в этот период произошли в области медицинских и общественных наук. Так, по сравнению с 2005 г., в 2010 г. доля женщин, занятых в области общественных наук, выросла на 7,8 %, а в области медицинских – снизилась на 4,6 %. В абсолютных цифрах наиболее существенно за период 2005–2010 гг. выросло число женщин, занятых в области технических (на 602 человека) и общественных (на 218 человек) наук.

Таблица 4. **Доля женщин с учеными степенями в общей численности исследователей по областям науки (человек)**

Год	Доктора наук			Кандидаты наук		
	всего	из них женщин		всего	из них женщин	
		АВ	%		АВ	%
Естественные науки						
2005	305	50	16,4	1220	508	41,6
2006	297	49	16,5	1173	489	41,7
2007	282	44	15,6	1131	488	43,1
2008	277	46	16,6	1092	466	42,7
2009	282	52	18,4	1100	477	43,4
2010	275	48	17,5	1052	450	42,8
Технические науки						
2005	196	8	4,1	923	134	14,5
2006	197	10	5,1	951	142	14,9
2007	205	12	5,9	951	142	14,9
2008	191	11	5,8	921	146	15,9
2009	192	8	4,2	926	137	14,8
2010	205	15	7,3	945	171	18,1
Медицинские науки						
2005	91	20	22,0	275	171	62,2
2006	89	19	21,3	286	185	64,7
2007	83	23	27,7	299	188	62,9
2008	90	24	26,7	312	194	62,2
2009	89	25	28,1	317	203	64,0
2010	79	22	27,8	304	175	57,6
Сельскохозяйственные науки						
2005	74	14	18,9	392	162	41,3
2006	76	15	19,7	362	151	41,7
2007	75	14	18,7	367	156	42,5
2008	72	16	22,2	374	157	42,0
2009	70	15	21,4	392	159	40,6
2010	74	16	21,6	399	168	42,1

Окончание табл. 4

Год	Доктора наук			Кандидаты наук		
	всего	из них женщин		всего	из них женщин	
		АВ	%		АВ	%
Общественные науки						
2005	41	8	19,5	219	81	37,0
2006	36	10	27,8	226	94	41,6
2007	42	9	21,4	241	105	43,6
2008	43	9	20,9	255	103	40,4
2009	51	9	17,6	279	109	39,1
2010	61	11	18,0	281	114	40,6
Гуманитарные науки						
2005	73	18	24,7	203	105	51,7
2006	63	16	25,4	169	89	52,7
2007	56	14	25,0	155	80	51,6
2008	52	15	28,8	158	81	51,3
2009	53	15	28,3	170	90	52,9
2010	52	15	28,8	162	78	48,1

Рассчитано по: Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – С. 25–26.

Вместе с тем число женщин, имеющих ученые степени кандидатов и докторов наук, продолжает существенно уступать числу мужчин. Анализ показал, что за период 2005–2010 гг. доля женщин, имеющих ученые степени кандидатов наук в составе научных кадров Беларуси, не поднималась выше 37 %, докторов наук – выше 17 %. Мало женщин в среде научной элиты страны, а также занимающих руководящие должности в сфере науки. Так, среди руководителей академических институтов в 2010 г. была всего одна женщина – директор института и 15 – заместителей директоров по научной работе. За всю историю существования Национальной академии наук Беларуси действительными членами Академии были избраны всего две женщины, членами-корреспондентами – двенадцать женщин. В настоящее время в НАН Беларуси трудятся 1 женщина-академик (1,2 % от общей численности академиков) и 7 женщин – членов-корреспондентов (5,8 %) [4, с. 211].

Учитывая, что политика государства в сфере науки будет и дальше направлена на совершенствование ее кадрового состава, о чем свидетельствует ряд нормативно-правовых и законодательных актов, принятых в разные годы, а также тот факт, что в стране растет численность женщин, имеющих высшее образование, магистерскую степень, а также поступающих в аспирантуру, можно предположить, что в ближайшие годы численность женщин в составе исследователей Республики Беларусь будет расти. Единственным фактором, кото-

рый может помешать процессам более успешной реализации карьеры женщины в белорусской науке является существование так называемого стеклянного потолка (термин американского менеджмента, введенный в начале 80-х годов XX столетия для описания невидимого барьера, ограничивающего продвижение женщин по служебной лестнице), иначе говоря, своеобразной формы дискриминации: хотя формально права мужчин и женщин в науке считаются равными и дискриминация отрицается, на деле преодолеть ее женщинам бывает достаточно сложно.

В этой связи в настоящее время необходим более интенсивный переход от принципа равенства прав мужчин и женщин в науке к принципу равенства возможностей, чему и содействуют принятые в ряде стран программы содействия формированию нового сознания, основанного на ценностях гендерного равноправия. Для того чтобы женщины-ученые смогли полностью реализовать свой творческий потенциал, стать равноправными и «равноперспективными» членами научного сообщества, необходимо в первую очередь глубинное преобразование условий социальной жизни, решение материальных проблем, создание грантовой поддержки научных исследований женщин-ученых, а также формирование позитивного отношения научного сообщества и общества в целом к карьере женщин-ученых.

Литература

1. Наука России в цифрах: 2010. – М.: ЦИСН, 2011. – 220 с.

2. Труд и занятость в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: УП Минстата «Главный вычислительный центр», 2004. – 201 с.

3. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – 157 с.

4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2011 году. – Минск: НАН Беларуси, 2012. – 354 с.

T. A. ANTONOVA

THE DYNAMICS OF SCIENTIFIC PERSONNEL IN THE REPUBLIC OF BELARUS: GENDER ASPECTS

Summary

The article by T.A. Antonova «The dynamics of scientific personnel in the Republic of Belarus: gender aspects» examines gender characteristics of scientific personnel in the areas of science in the Republic of Belarus for 2005-2010. The article contains comparative data on the gender distribution of researchers by areas of science, the number of doctors and candidates of science among them.

Key words: gender, the «glass ceiling», the scientific community, scientific personnel, women in science.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.74:78

С. Н. КРОЙТОР,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Проанализирована специфика образования в обществе, основанном на знаниях; рассмотрены основные направления изменений, происходящих в институте образования в условиях глобализации (структурные, функциональные, организационные). Обоснованы перспективные направления государственной политики в сфере высшего образования, изучен ряд проблем, связанных с адаптацией индивидов к современным тенденциям развития образования и рынка труда.

Ключевые слова: образование, глобализация, экономика знаний, инновационное развитие, государственная политика.

Многие специалисты говорят о глобализации современного мира, которая проявляется в росте открытости, взаимозависимости и взаимопроникновении экономик и обществ. Рост этой взаимозависимости обусловлен прежде всего формированием многосторонних межстрановых связей в области производства, обмена и потребления товаров и услуг, интеграцией капитала, формированием глобальных финансовых рынков и рынков труда со спросом на высококвалифицированную рабочую силу. При определении стратегий национального развития все больше учитывается глобальный контекст. Эффективное развитие предприятий во многом определяется конкурентоспособностью выпускаемой ими продукции не только в национальном, но и в мировом контексте, в результате чего возрастают требования к ее качеству. Развитие технологий и наукоемких отраслей, а также оперативное внедрение инновационных разработок в производственные процессы становятся основой экономического развития. В этих условиях повышается значимость информации и знания (научного, экспертного, профессионального, повседневного), возникает потребность в его постоянном и оперативном обновлении, приращении и уточнении.

Следствием глобализационных процессов также является изменение структуры и форм занятости. Это вызвано рядом факторов. Во-первых, современные рынки труда характеризуются высоким динамизмом, что, в свою очередь, обусловлено достаточно быстрым устареванием профессиональных знаний и навыков, в результате чего перечень актуальных профессий и специально-

стей постоянно обновляется. Во-вторых, возникает множество новых нестандартных форм занятости. К ним относятся временная работа, сезонный труд, занятость на неполное рабочее время, работа по совместительству, занятость в режиме гибкого рабочего времени, дистанционные и надомные формы занятости и др. Эти изменения приводят к снижению стабильности положения отдельного работника на рынке труда, способствуют большей его уязвимости с точки зрения возможной потери рабочего места. В сложившейся ситуации индивиду становится недостаточно хорошо владеть одной профессией (специальностью) – для того, чтобы успешно конкурировать на рынке труда, от него требуется способность и готовность быстро адаптироваться к изменениям, осваивать новые виды производственной деятельности, совмещать различные функции, легко переключаться с одной задачи на другую.

Кроме того, глобализационные процессы приводят к расширению и укреплению политических и культурных связей между государствами. Это происходит, в частности, благодаря созданию множества международных и наднациональных организаций самой разной направленности (торговых, финансовых, политических, религиозных, этнических, благотворительных и др.). И наконец, современные общества активно компьютеризируются, все более широкое распространение получают новейшие информационные технологии и средства коммуникации. В результате происходит своеобразное «сжатие», «уплотнение» пространства и времени в восприятии людей: расстояние перестает быть препятствием для общения и деятельности, а время в сознании человека течет быстрее. Итак, глобализация представляет собой сложный системный процесс, затрагивающий все сферы жизнедеятельности как общества, так и отдельных людей.

Рост открытости социальных систем, которым сопровождается глобализация, в свою очередь, имеет ряд последствий, как позитивных, так и негативных. С одной стороны, вовлеченность в глобальные процессы и отношения способствует расширению возможностей обществ (создание совместных производств и разработка инновационных технологий, привлечение иностранных инвестиций в национальные экономики, освоение новых рынков сбыта, наращивание объемов производства и прибыли и др.) и индивидов (расширение возможностей для трудовой и профессиональной мобильности, миграции, коммуникации, международного туризма, доступа к информационным ресурсам и др.). С другой стороны, открытость социумов и их восприимчивость к любым влияниям извне приводит к возникновению новых, пока неизученных рисков и угроз. К ним относятся, в частности, техногенные, экологические, военные риски, проблема роста международной преступности, угроза международного терроризма, демографические проблемы, проблема глобального неравенства и т. д. Все эти риски угрожают устойчивому развитию, безопасности и стабильности как отдельных обществ, так и мира в целом. Итак, современный мир глобализируется, а значит, постоянно усложняется, и это приводит к росту неопределенности, снижению предсказуемости, прогнозируемости и управляемости всех социальных процессов.

В этих условиях образование, и особенно его высшая ступень, становится одним из важнейших социальных институтов современного общества. Происходит возрастание удельного веса образования и науки в валовом внутреннем продукте многих стран. Это обусловлено, во-первых, тем, что формирование экономики, основанной на знаниях, и ее эффективное функционирование невозможно представить без развития человеческого капитала и потенциала, и особенно его интеллектуальной и творческой составляющей. Поэтому образование сегодня меняет свой статус в обществе и становится базовым ориентиром при формировании стратегии развития государства и общества. Из института, отвечающего за подготовку кадров для различных отраслей экономики, образование становится важнейшим ресурсом развития социума. Качество образования может рассматриваться как один из основных индикаторов экономического и социального развития государства. Качественное образование, с одной стороны, выступает условием инновационного развития страны и позволяет оптимизировать решение социальных и экономических проблем, возникающих в обществе и государстве, с другой – способствует эффективному включению социума в мировые экономические, социальные и иные виды практик за счет выпуска конкурентоспособной продукции и высококвалифицированных специалистов. Во-вторых, в условиях растущей неопределенности и энтропии социальных процессов повышается значимость образования как института, способного вносить вклад в прогнозирование будущего и предотвращение глобальных рисков и угроз. Образование в современном мире рассматривается как ключ к решению глобальных нравственных, экологических и других проблем, стоящих перед человечеством. Мы разделяем точку зрения ученых, утверждающих, что образованию сегодня необходимо придать статус «гуманитарной экспертизы» по отношению к процессам, протекающим в обществе, экономическим и социальным инновациям.

Какова специфика образования в обществе, основанном на знаниях? Каким должно быть образование, чтобы отвечать современным требованиям и быть эффективным ресурсом развития экономики и социума? Как меняется роль образования в обществе в контексте глобализационных процессов? Какие изменения (структурные, функциональные, организационные и т. д.) происходят в самом институте образования в условиях глобализации? Как должна выстраиваться политика государства в сфере высшего образования, чтобы, с одной стороны, обеспечить стране возможность успешно конкурировать в условиях глобальных рынков, а с другой – не лишиться традиций национального образования? И наконец, как происходит адаптация людей к современным тенденциям развития образования и рынка трудовых ресурсов, вызванным глобализацией? Над этими вопросами мы будем размышлять в рамках данной статьи. В контексте данной работы высшее образование нас будет интересовать особо, поскольку именно ему принадлежит наиболее значимая роль в подготовке специалистов, востребованных в условиях экономики знаний.

Прежде всего обратимся к рассмотрению тех основных преобразований, которые сегодня происходят в образовании. В первую очередь отметим, что образование претерпевает серьезные *функциональные изменения*. Функции образования в обществе расширяются и усложняются. Как уже упоминалось, образование становится не только институтом, отвечающим за подготовку кадров для различных отраслей национальной экономики, но стратегически важным направлением социального развития. Актуализируется роль образования как института, способного вносить вклад в прогнозирование будущего, предотвращение рисков, управление инновационными изменениями, оптимизацию процессов, протекающих во всех сферах жизнедеятельности общества.

Глобализация производственных процессов и рынков труда и формирование единого образовательного пространства обусловливают необходимость *структурных изменений* в образовании. Они включают преобразование образовательных стандартов, направленное на унификацию учебных планов и программ подготовки специалистов; постоянный пересмотр и корректирование перечней специальностей и специализаций, по которым осуществляется подготовка; создание универсальных международных систем оценки и управления качеством высшего образования и т. д.

Кроме того, в последние десятилетия наблюдается ряд *организационных изменений* в образовании. В частности, имеет место существенная трансформация образовательных практик. Это выражается, во-первых, в использовании в учебном процессе активных методов обучения, нацеленных на развитие у будущих специалистов способностей к поиску информации, ее критическому восприятию и анализу, применению полученных знаний в практической деятельности, выработке и принятии решений.

Во-вторых, изменяются способы коммуникации между студентом и преподавателем. Если раньше процесс обучения был построен на преимущественно односторонней трансляции учебного материала от обучающему к обучаемому (этот тип отношений можно обозначить как «учитель–ученик»), то современное образование характеризуется все более равноправными, партнерскими взаимоотношениями между субъектами образования, в основе которых лежит скорее диалог и сотрудничество, чем непререкаемый авторитет преподавателя. Педагога, который еще совсем недавно полностью доминировал в процессе обучения, сегодня можно охарактеризовать скорее как консультанта-координатора, действия которого направлены на оказание студенту помощи в удовлетворении его собственных образовательных запросов. При этом индивид самостоятельно конструирует свою образовательную траекторию, т. е. выбирает оптимальные для себя типы и формы учебы, определяет темпы и продолжительность обучения. В этих условиях чрезвычайно важной задачей является подготовка самих педагогов, так как во многом именно от них сегодня зависит, усвоит ли завтрашний работник главное, что от него требуется в условиях современного изменчивого рынка труда, – воспринимать образование как непрерывный процесс совершенствования своих знаний и навыков, продолжающийся в течение всей жизни и не имеющий финальной стадии.

В-третьих, происходит расширение масштабов *внедрения информационных технологий в процесс обучения,* в результате чего учебные занятия обретают новые формы, а общение между субъектами образования становится опосредованным, виртуализируется. Учебный процесс перестает ассоциироваться с необходимостью присутствия преподавателя и студента в единой пространственно-временной среде. Благодаря применению новейших технологий и средств связи (Интернет, средства мультимедиа) становится возможным транслировать знания, осуществлять обратную связь и проводить контроль результатов обучения в удаленном режиме. Однако при всех очевидных преимуществах процесс виртуализации образовательного пространства все же представляется нам достаточно противоречивым. С одной стороны, он действительно способствует расширению возможностей учащихся за счет доступа к информационным ресурсам (например, электронным библиотекам), участия в дискуссионных форумах и Интернет-конференциях, использования цифровых материалов учебных курсов и др. Однако, с другой стороны, нельзя не отметить тот факт, что, например, в белорусском обществе высокие темпы виртуализации образования при существующем уровне компьютеризации и интернетизации населения, вероятно, приведут к снижению доступности образования для ряда социальных групп (малообеспеченные и пожилые граждане, жители сельских регионов). Нам представляется, что широкое внедрение информационных технологий в образовательные практики оправданно только в том случае, если оно, во-первых, ведет к повышению качества подготовки специалистов, во-вторых, сопровождается мероприятиями, направленными на то, чтобы образование с использованием ИКТ было в равной мере доступно для всех групп населения. В противном случае мы добьемся обратного результата – вместо того чтобы улучшать жизненные шансы индивидов и повышать уровень их социальной адаптации, образование станет дополнительным источником социального неравенства.

Кроме того, в связи с усложнением образовательных потребностей людей возникает множество *новых форм и видов образовательной деятельности*. Это связано, в частности, с тем, что в связи с быстрым устареванием профессиональных знаний возникает необходимость приведения их в соответствие с потребностями производства. Это, в свою очередь, обусловливает потребность в постоянном повышении квалификации и переподготовке специалистов, и в ответ на эту потребность возникают соответствующие структуры и институты последипломного и дополнительного образования. В последние десятилетия мы также наблюдаем все более широкое распространение институтов неформального образования – обучающих семинаров, интернет-курсов самой разной тематики и направленности, начиная от кружков рукоделия и заканчивая занятиями по иностранному языку, дискуссионных клубов, лекций выходного дня, которые проводят в музеях, на выставках и т. п., а также практик самообразования и самообучения.

Возникновение и распространение новых видов образовательных практик, в том числе неформальных, в свою очередь, приводит к изменению роли

традиционного образования в трансляции знаний. Если еще совсем недавно знания передавались фактически единственным способом – от учителя к ученику в рамках институционализированных образовательных практик, то сегодня их можно получить из множества иных источников, включая глобальную сеть Интернет, средства массовой информации, консультационные услуги, различные семинары и т. д., причем их доля в способах получения образования со временем заметно возрастает. Как утверждает П. Щедровицкий, это приводит к трансформации институционального ядра современной системы образования: «раньше таким ядром было образовательное учреждение и, приходя в школу, вы получали некий стандартный пакет образовательных услуг, сконцентрированных в определенных рамках и стенах […]. Сегодня же таким образовательным ядром становится индивидуальная образовательная программа, а центром, соответственно, индивид […]» [6].

Существенные преобразования в институте образования и изменение его роли в обществе, в свою очередь, приводят к расширению границ самого понятия «образование». Образование сегодня понимается многими исследователями не просто как овладение профессиональными знаниями и навыками, осуществляемое в определенных институциональных рамках, а любая активность человека по приобретению новых знаний, умений, навыков, в том числе самостоятельная.

Таким образом, от анализа преобразований в образовании как социальном институте мы подошли к не менее важным, на наш взгляд, вопросам. Каким образом эти изменения затрагивают отдельных людей? Каким требованиям должен соответствовать современный специалист, чтобы успешно конкурировать на рынке труда? Безусловно, изменения в обществе влекут за собой весьма серьезные изменения и в образе жизни людей. Получение новых знаний и навыков становится неотъемлемой частью повседневных практик человека в любом возрасте, а его конкурентоспособность на рынке труда определяется, в первую очередь, способностью к постоянному обучению, личной мотивацией, гибкостью, адаптивностью, заинтересованностью в обучении и его результатах, готовностью к изменениям, осознанию собственных образовательных потребностей и необходимости постоянного совершенствования знаний, навыков и профессиональных компетенций. Если раньше образование получали на всю жизнь, и происходило это, как правило, в молодом возрасте, то в современных условиях востребовано образование в течение всей жизни, а значит, учиться и совершенствовать свои знания и навыки необходимо и зрелым, и пожилым людям. Непрерывное образование является одной из наиболее эффективных форм развития профессионального и личностного потенциала индивида, способствует накоплению социального капитала, повышает шансы социальной адаптации и мобильности [11]. Жизнедеятельность современного специалиста можно описать как процесс, в ходе которого образовательная деятельность чередуется с трудовой, а зачастую и совмещается с ней.

Далее обратимся к вопросу о том, какими характеристиками должно обладать высшее образование, чтобы быть качественным и конкурентоспособным,

выступать эффективным ресурсом развития общества на современном этапе. Прежде всего, образование должно *развиваться по опережающему принципу*, т. е. не просто оперативно реагировать на изменения в экономике и обществе, но предвидеть и предвосхищать их. Современная вузовская подготовка должна строиться таким образом, чтобы сегодня выпускать специалистов, которые будут востребованы экономикой завтра. Чтобы эффективно справляться с этой задачей, образование нуждается в постоянном реформировании. Это реформирование обусловлено, во-первых, необходимостью постоянного пересмотра и корректирования содержания образования в связи с быстрым устареванием информации и потребностью в оперативном обновлении профессиональных знаний и навыков. Во-вторых, необходимо налаживание более четкой и тесной связи образования с рынком труда, которая может быть достигнута путем организации систематической работы по приведению существующего набора профессий и специальностей в соответствие с самыми оперативными прогнозами развития рынка трудовых ресурсов (как отечественного, так и мирового). В-третьих, образование должно обладать способностью гибко реагировать на изменение потребностей рынка и оперативно осуществлять переквалификацию и повышение квалификации специалистов, уже задействованных на рынке труда. Именно соответствие этим требованиям является одним из важнейших показателей эффективности социальной политики в сфере образования и критерием соответствия качества образования требованиям современной инновационной экономики.

Кроме того, политика государства в сфере образования должна учитывать ряд тенденций, связанных с переходом к рыночной организации экономики и процессами в образовании. Во-первых, к ним относится коммерциализация образования – привнесение в сферу образования принципов рыночной экономики и конкуренции. Это приводит к тому, что государство сегодня перестает быть единственным институтом, определяющим стратегию и направления развития образования. Образование – особенно высшее – становится полем столкновения интересов многих субъектов: государства, руководства предприятий, бизнес-структур, общественных организаций, руководства вузов, студентов и их родителей. В этих условиях чрезвычайно важным является достижение баланса интересов и потребностей всех субъектов, так как это является одним из условий стабильного функционирования института образования. Во-вторых, на государственной политике в сфере образования отражается присоединение государств к Болонскому процессу, которое, с одной стороны, предполагает проведение коренных преобразований в образовании, направленных на достижение его соответствия мировым стандартам, с другой – угрожает потерей существующих в национальных государствах образовательных традиций. А поскольку вступление в европейское образовательное пространство планируется в ближайшей перспективе и нашей страной, над этими вопросами необходимо серьезно задумываться уже сегодня. Образование является целостной системой, которая должна не только соот-

ветствовать постоянно изменяющимся требованиям общества и рынка труда (регионального, национального, мирового), но и сохранять определенную преемственность, воспроизводить собственные сущностные характеристики, поддерживать внутреннее равновесие. Только при условии грамотного сочетания нового и старого достигается устойчивое развитие образования в его взаимосвязи с другими социальными институтами, повышается его качество и эффективность. Нарушение баланса между традициями и инновациями, напротив, снижает эффективность образования, нарушает его связи с другими социальными подсистемами (экономической, культурной и т. д.), а в отдельных случаях может приводить к подрыву институциональных основ самого института образования. Поэтому важнейшей задачей государственной политики каждой страны является поиск оптимального соотношения традиционных основ национальной образовательной системы с новыми элементами, направленными на достижение соответствия требованиям и тенденциям развития образования в мире.

Все описанные явления и процессы, протекающие в институте образования в условиях глобализации и экономики знаний, говорят о том, что образование является одним из наиболее сложных институтов современного общества, саму основу которого составляют постоянные изменения. В этой связи образование требует все более гибких и оперативных методов управления с ориентацией на долгосрочную перспективу и опорой на обратную связь, саморефлексию. Именно необходимость постоянного реформирования, обновления образования и ориентация на повышение его качества и доступности должна быть осознана как неотъемлемый элемент государственной политики, задача которой – эффективно задействовать интеллектуальный потенциал каждого человека для эффективного развития всех сфер общества – экономической, политической, культурной.

Литература

1. Globalization // Collins dictionary of sociology. – 3-rd edition. – Glasgow, 2000. – P. 252–253.

2. Risk society // Collins dictionary of sociology. – 3-rd edition. – Glasgow, 2000. – P. 525.

3. *Богдан, Н. И.* Инвестиции в высшее образование для экономики знаний: межстрановые аспекты / Н. И. Богдан // Проблемы управления. – 2008. – № 4(29). – С. 84–91.

4. *Вежновец, Е. Н.* Глобализация / Е. Н. Вежновец, И. В. Сидорская // Социология: энцикл. / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск, 2003. – С. 226–227.

5. Виртуализация межуниверситетских и научных коммуникаций: методы, структура, сообщества / под. ред. Н. Е. Покровского. – М.: СоПСо, 2010. – 155 с.

6. Глобализация образования: Тенденции и перспективы / Интервью Лины Клебановой с Петром Щедровицким. – Режим доступа: http://futureisrael.h1.ru/Vesti/Kleb3.htm. – Дата доступа: 11.10.2011.

7. *Горшков, М. К.* Непрерывное образование в контексте модернизации / М. К. Горшков, Г. А. Ключарев. – М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с.

8. *Диброва, М. И.* Изменения в структуре вуза как следствие интернационализации образования / М. И. Диброва, Н. М. Кабанова // Университетское управление. – 2004. – № 2(30). – С. 58–60.

9. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

10. *Кастельс, М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).

11. Непрерывное образование и потребность в нем / отв. ред. Г. А. Ключарев. – М.: ИКСИ РАН, Наука, 2005. – 173 с.

12. Структурная перестройка системы высшего образования. Аналитический обзор «Сравнительная модель трансформаций приоритетов в образовательной политике стран СНГ и ближнего зарубежья» № 10 (октябрь–декабрь 2004 г.) / Центр проблем развития образования Белорусского государственного университета. – Режим доступа: http://charko.narod.ru/tekst/an10/2_2.html. – Дата доступа: 16.10.2011.

13. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного Банка 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079956815/se.pdf. – Дата доступа: 15.10.2011.

14. *Цветкова, Н. Ф.* Современная политика в сфере образования: глобальный, национальный и региональный аспекты: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Н. Ф. Цветкова. – С.-П., 2009. – 20 с.

S. KROITOR

INNOVATION DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE GLOBALIZING WORLD: STATE, PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Summary

Specific character of education in a knowledge-based society, main changes in education as a social institution in the conditions of globalization (structural, functional, organizational etc.), main directions of higher education policy and a number of problems dealing with adaptation of individuals to contemporary trends in development of education and labor market are analyzed in the article.

Key words: education, globalization, knowledge-based society, innovation development, state policy.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.644:314.7]-057.875(476)

А. Ю. ДЕНИСОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

А. А. БЕЛОВ,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Н. Ф. КОТЛЕНОК,
Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ-ВЫПУСКНИКОВ ОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ БГУ

Освещены результаты социологического исследования миграционных установок студентов-выпускников БГУ 2011/2012 учебных годов. Приводятся данные о том, что абсолютное большинство иногородних студентов-выпускников не планирует возвращаться в свои населенные пункты, а желают переехать в Минск или другой крупный город. Также среди белорусских выпускников широко распространена ориентация на внешнюю трудовую миграцию.

Ключевые слова: миграционные установки, студенты-выпускники, рыночная адекватность образования.

На данный момент в Республике Беларусь продолжается интенсивный процесс миграции из менее крупных населенных пунктов в более крупные (районные и областные центры, столицу) [1, с. 95–96]. Так как в структуре миграции превалируют лица молодых возрастов [2, с. 12–15], то данный процесс обусловливает ухудшение территориальных половозрастных диспропорций населения. Также процесс внутренней миграции способствует неравномерному распределению молодых специалистов с высшим образованием, что нашло свое отражение в Законе о демографической безопасности [3, с. 5], где одной из задач провозглашается «привлечение и закрепление специалистов в сельской местности». Это означает, что на государственном уровне осознана проблема возврата молодых специалистов на место жительство до поступления в вуз после получения специальности. Актуальность заявленной проблемы обусловила проведение социологического исследования на предмет выявления реальных миграционных установок студентов-выпускников белорусских вузов.

Исследование проводилось в период с 5 октября 2011 г. по 15 июня 2012 г. Центром социологических исследований при Первичной профсоюзной организации студентов БГУ. В ходе исследования проводился массовый групповой опрос студентов-выпускников БГУ 2011/2012 учебного года. Исследова-

тельское значение БГУ определяется его особым статусом. Этот крупнейший вуз республики осуществляет подготовку по всем образовательным профилям и широкой номенклатуре специальностей (61 специальность и 81 направление специальности). Большое количество специальностей позволяет предполагать, что получены типичные данные для студентов-выпускников (т. е. студентов последнего года обучения) как особой социальной группы. Это условие было бы нереализуемо в случае включения в выборочную совокупность представителей узкоспециализированных вузов (например, Академии МВД, БГМУ, БГАТУ), поскольку возможно значительное влияние специфики получаемой специальности на распределение изучаемых признаков. В то время как в БГУ можно обоснованно предполагать, что большое количество специальностей погашает особенности каждой специальности в отдельности, что позволяет фиксировать общую тенденцию распределения ответов респондентов.

Объем выборочной совокупности составил 935 человек. Выборочная совокупность конструировалась методом расслоенного систематического отбора. В качестве контрольных использовались 6 признаков (профиль обучения, факультет, пол, источник оплаты за обучение, успеваемость, место жительства до поступления в вуз). При доверительном интервале 99 % для параметрических критериев были подтверждены гипотезы об отсутствии статистически значимых различий между выборочной и генеральной совокупностями, что позволяет сделать вывод о высоком уровне репрезентативности полученной выборочной совокупности. Более детальное описание построения выборки представлено в итоговом отчете о проведенном исследовании [4, с. 46–52].

Внутренняя миграция. Для выявления установок на внутриреспубликанскую миграцию, студентов-выпускников просили указать их место жительства до поступления в БГУ и планируемое место жительства после окончания университета. Распределение ответов представлено в табл. 1 и 2.

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов, указавших место жительства до поступления в БГУ**

Место жительства до поступления в БГУ						
Минск	Областной центр	Районный центр	Малый город	Сельская местность	Затруднились ответить	Всего
360	102	258	101	98	0	919

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов, указавших планируемое место жительства после окончания вуза**

Планируемое место жительства после окончания БГУ						
Минск	Областной центр	Районный центр	Малый город	Сельская местность	Затруднились ответить	Всего
664	58	44	10	10	133	919

По итогам анализа перекрестного распределения ответов на указанные вопросы можно констатировать следующие факты:

1) Среди выпускников БГУ 2012 г. почти 61 % составляют иногородние (т. е. лица, не проживавшие в Минске на постоянной основе до момента поступления в вуз).

2) Только 11,4 % от общего числа иногородних студентов-выпускников планируют вернуться в свои населенные пункты.

3) Спецификация желающих вернуться позволяет выявить закономерность: *в общем случае, с ростом территориально-административного значения населенного пункта, из которого прибывают учиться студенты БГУ, уменьшается распространенность миграционной установки на возврат в свой тип населенного пункта*.

обратно в свой тип населенного пункта желает вернуться лишь каждый десятый студент из сельской местности и малого города;

каждый шестой студент из районного центра;

каждый второй студент из областного центра.

4) В случае установки на смену места жительства абсолютное большинство студентов планирует переехать в более крупный городской центр (среди ориентированных на переезд лишь в 2,7 % планируют уехать в населенный пункт меньший по размерам, чем место их выбытия).

5) Особым центром притяжения является Минск: среди тех, кто планирует сменить место жительства, почти 86 % планируют остаться после окончания обучения в Минске.

В контексте внутриреспубликанской миграции от установок иногородних студентов значительно отличаются установки минчан. Для них характерны низкая склонность к территориальной мобильности: менее 1,5 % студентов-выпускников планируют по окончании обучения переехать из Минска в менее крупные населенные пункты и сравнительно малая часть студентов, затрудняющихся указать планируемое место жительства после окончания вуза (менее 5 % студентов против 23 % у иногородних).

В ходе проведенного анализа было также установлено отсутствие статистически значимых связей с рядом социально-демографических характеристик студенческой молодежи:

1) Установка на миграцию в Минск не связана (здесь и в последующих пунктах речь идет только о статистически значимых связях) с полом иногородних студентов: 77 % респондентов мужского пола и 70 % респондентов женского пола ориентированы на миграцию в Минск.

2) Установка на миграцию в Минск не связана с источником оплаты за обучение: 69 % иногородних студентов, обучающихся на платной основе, и 75 % – на бюджетной, ориентированы на миграцию в Минск.

3) Установка на миграцию в Минск не связана с профилем обучения: 71 % иногородних студентов социально-гуманитарного профиля и 74 % естественно-научного ориентированы на миграцию в Минск.

4) Установка на миграцию в Минск не связана с успеваемостью респондентов.

Так как аналитическое расслоение массива студентов-выпускников по объективным характеристикам (пол, успеваемость и т. д.) не позволило выявить

наличие статистически значимых связей, то разумно предположить, что причинно-следственное объяснение лежит не в сфере специфических признаков различных групп студентов (разделение на мужчин и женщин, отличников и неотличников и т. д.), а в сфере общих характеристик студенчества как единой социальной группы. По результатам нашего исследования выявлено, что таким синтетическим признаком студентов-выпускников выступает *индивидуально-прагматическая направленность в поиске места будущего трудоустройства*.

После проведения кластерного анализа ценностных ориентаций студентов-выпускников при выборе места будущего трудоустройства было выявлено наличие в их сознании двух кластеров ценностных ориентаций (см. рис. 1). В первый кластер вошли ценности оплаты труда и интересной работы. Во второй кластер: значимость семьи, стабильной работы, работы по специальности, значимость пользы обществу. Таким образом, в сознании респондентов интересная работа смыкается с оплатой труда, образуя семантическое единство, которое качественно отличается от ценностей из второго кластера. В итоге, каждый кластер представляет определенную направленность ценностных ориентаций. Первая направленность может быть определена как «индивидуально-прагматическая».

Приоритет определенной направленности для студентов-выпускников можно выявить через анализ средних оценок значимостей ценностных ориентаций.

Так, согласно рисунку 2, ценностные ориентации студентов-выпускников при трудоустройстве в порядке убывания степени значимости делятся на три подгруппы (шестибалльная шкала, где 6 – максимальная значимость):

высокая значимость (от 4 и выше) – оплата труда; интересная работа;

средняя значимость (от 3 до 4) – семья;

низкая значимость (менее 3) – стабильная работа; работа по специальности; польза обществу.

Таким образом, индивидуально-прагматическая направленность ценностных ориентаций является наиболее значимой в сознании студентов-выпускников. Это позволяет предположить, что *характер миграционных установок*

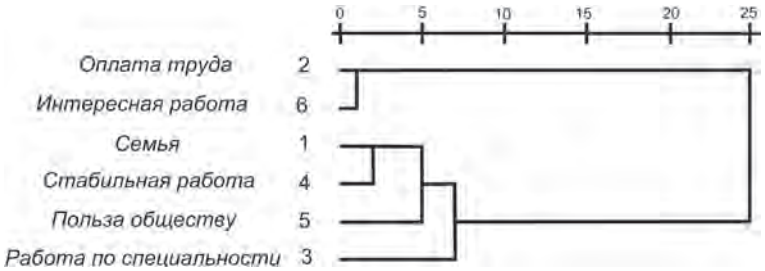


Рис. 1. Дендрограмма результатов кластерного анализа ценностных ориентаций студентов-выпускников

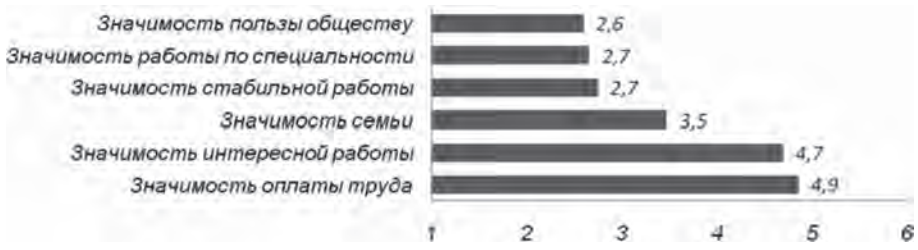


Рис. 2. Средние оценки значимости для студентов-выпускников различных аспектов выбора места будущей работы (где 1 – наименьшая значимость; 6 – наибольшая значимость)

тесно связан с возможностью того или иного типа населенных пунктов в большей мере реализовывать данную направленность.

Однако необходимо сделать ремарку: миграционные установки характеризуют только желаемое действие, а не реальное поведение. Для фиксации степени реализации миграционных ориентаций необходимы дополнительные исследования. В то же время очевидно, что *БГУ выполняет в значительной степени функцию притяжения в столицу образованной высокомобильной молодежи, которая в большинстве своем не пожелает возвращаться в другие населенные пункты, не предоставляющие таких возможностей, как Минск и областные центры*. Этот же вывод в качестве обоснованной проведенным исследованием гипотезы можно обобщить на большинство университетов республики, которые также группируются в крупных городах.

Итак, можно зафиксировать основное противоречие наблюдаемой ситуации. С одной стороны, явной функцией системы высшего образования в рамках государственной политики в сфере подготовки кадров является обеспечение высококвалифицированными специалистами всех регионов и типов населенных пунктов страны. С другой стороны, в современных условиях обучение в вузе связано с наличием миграционной установки на переезд в более крупный населенный пункт. Так, переезд в более чем в 97 % случаев планируется осуществить в более крупный город, что в перспективе может как способствовать ухудшению демографической ситуации на периферии, так и обусловить региональную нехватку компетентных высококвалифицированных специалистов.

Это противоречие позволяет вновь актуализировать вопрос о разработке мер стимуляции долговременного добровольного трудоустройства специалистов необходимых специальностей вне Минска и крупных областных центров. Также необходимо дальнейшее изучение характера и степени реализации миграционных установок и демографических характеристик мигрантов в режиме специального мониторинга с более специфицированными опросниками. Это позволит, во-первых, более точно отслеживать структурные характеристики миграционных процессов; во-вторых, более эффективно строить аналитические и функциональные демографические прогнозы; в-третьих, выработать научно обоснованные рекомендации в контексте государственной демографической политики, а также государственного регулирования рынка труда.

Внешняя миграция. Помимо выявления установок на внутриреспубликанскую миграцию, студентам-выпускникам задавались вопросы по выявлению установок на внешнюю миграцию. Прежде чем рассмотреть результаты опроса, необходимо отметить, что установки на внутриреспубликанскую миграцию реализуются студентами несравненно проще, а потому полнее, нежели установки на внешнюю миграцию. Это связано с объективными обстоятельствами: в зависимости от страны прибытия внешняя миграция связана с проблемой языкового барьера, сменой культурного окружения, проблемой оформления документов при трудоустройстве и т. д. Однако данные по установкам на внешнюю миграцию могут оказаться достаточно полезными в качестве одного из индикаторов уровня и характера развития патриотических чувств студентов-выпускников, отношения к общей социально-экономической ситуации в стране. Также подобные данные могут послужить для формулировки вполне обоснованных гипотез для будущих специальных исследований в контексте формирования возможного миграционного потока из Беларуси в страны Европейского союза и СНГ (при упрощении визового режима и поощрении трудоустройства, по примеру современной Польши, Литвы, Латвии и других стран «Новой Европы»).

Студентам-выпускникам задавался вопрос о том, как они относятся к перспективе постоянного трудоустройства за границей. Распределение ответов на этот вопрос представлено на рис. 3.

В соответствии с рис. 3 все студенты-выпускники БГУ в зависимости от характера установки на трудоустройство за границей делятся на три количественно неравные группы.

Наиболее распространенной (50,8 %) является группа студентов-выпускников с рационально-прагматической установкой на трудоустройство за рубежом: они готовы трудоустроиться, если условия работы окажутся более благоприятными, чем на родине. Члены этой группы получили условное название «рациональные».

Рис. 3. Распределение студентов-выпускников по характеру миграционной установки на постоянное трудоустройство за границей, %

Вторую по величине группу (33,7 %) составляют студенты-выпускники, желание которых трудоустроиться за рубежом не связано с прагматической установкой на более выгодные условия труда: представители данной группы рассматривают трудоустройство за границей как самоцель, что выражается в их желании покинуть свою страну, даже если условия труда здесь будут не хуже, чем за рубежом. Члены этой группы получили условное название «беженцы».

Наиболее малочисленную группу (15,5 %) составляют студенты-выпускники, которые не готовы покинуть страну даже при более выгодных условиях работы за рубежом. Члены этой группы получили условное название «патриоты».

Анализ причин формирования подобных миграционных установок был ограничен описательной ориентацией исследования. Тем не менее была обнаружена статистически значимая связь между студенческими оценками рыночной адекватности получаемого образования и характером установок на внешнюю миграцию.

Рыночная адекватность является интегральной переменной, полученной с помощью факторного анализа (методом главных компонент) и объединившей четыре переменные: оценку востребованности получаемой специальности на рынке труда; оценку качества теоретической подготовки по специальности; оценку качества практической подготовки по специальности; оценку достаточности полученных в вузе знаний для успешного трудоустройства по специальности. Подробно о применении факторного анализа в данном исследовании можно прочитать в работе [4, с. 66–69]. После получения факторов для всех респондентов было рассчитано индивидуальное значение новой переменной, измеренное по 10-балльной шкале (где 1 – оценка респондентами того, что образование совершенно неадекватно рыночной ситуации; 10 – получаемое образование в полной мере соответствует требованиям рынка).

Статистически значимая связь между индивидуальными значениями оценок рыночной адекватности и типами миграционных установок («рациональная», «беженец» и «патриот») была выявлена с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В качестве фактора выступили оценки рыночной адекватности, а в качестве зависимой переменной – принадлежность к одному из типов миграционных установок. Анализ проводился с использованием апостериорного критерия Тамхейна (так как уровень значимости критерия Ливиня Sig = 0,023, т. е. подтвердилась альтернативная гипотеза о разнице дисперсий) (табл. 3).

Из полученных данных следует, что для «патриотов» характерна наиболее высокая оценка рыночной адекватности получаемого образования, статистически значимо отличающаяся от других типов. Между типами «рациональный» и «беженец» статистически значимых различий не обнаружено. Отсюда можно сделать вывод о том, что *при прочих равных уменьшение уровня оценки студентами рыночной адекватности получаемого образования статистически значимо связано с формированием миграционной установки для выезда за рубеж.* Таким образом, основываясь на полученных выводах, можно заклю-

чить, что оценка студентами качества высшего образования, которое конкретизируется для них (в первую очередь) в востребованности получаемой специальности, в определенной степени определяет их отношение к собственной стране и желание ее покинуть.

Таблица 3. **Результаты однофакторного дисперсионного анализа**

Типы миграционных установок		Разница средних	Статистическая значимость различий
Патриоты	Рациональный	0,739*	0,026
	Беженцы	0,758*	0,039
Рациональный	Патриоты	0,739 *	0,026
	Беженцы	0,019	1,000
Беженцы	Патриоты	0,758*	0,039
	Рациональный	0,019	1,000

Примечание. * Значимость на уровне $p < 0,05$.

В завершение стоит отметить, что связь миграционных установок с признаком «рыночная адекватность образования» ни в коем случае не исчерпывает причинную обусловленность формирования установки на выезд за рубеж. Полное раскрытие проблемы возможно лишь при проведении специализированного исследования.

Основные выводы. Установки на внутреннюю миграцию:

1. Только 11,4 % от общего числа иногородних студентов-выпускников планируют вернуться в свои населенные пункты.

2. В общем случае, с ростом территориально-административного значения населенного пункта, из которого прибывают учиться студенты БГУ, уменьшается распространенность миграционной установки на возврат в свой тип населенного пункта.

обратно в свой тип населенного пункта желает вернуться лишь каждый десятый студент из сельской местности и малого города;

каждый шестой студент из районного центра;

каждый второй студент из областного центра.

3. Характер миграционных установок может быть объяснен индивидуально-прагматической направленностью ценностных ориентаций студентов-выпускников при выборе места будущего трудоустройства и возможностью для ее удовлетворения каждого типа населенного пункта.

Установки на внешнюю миграцию:

1. Студенты-выпускники, которые не готовы покинуть страну даже при более выгодных условиях работы за рубежом, составляют относительное меньшинство (15,5 %) по сравнению с другими типами установок на внешнюю миграцию.

2. При прочих равных уменьшение уровня оценки студентами рыночной адекватности получаемого образования статистически значимо связано с формированием миграционной установки для выезда за рубеж.

Литература

1. Республика Беларусь: стат. ежегодник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – 633 с.

2. Миграция населения Республики Беларусь / М. И. Артюхин [и др.]; под. общ. ред. Г. М. Евелькина; Ин-т социологии, Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 182 с.

3. О демографической безопасности Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-З: текст по состоянию на 28 марта 2007 г. / Информационно-справочный портал Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tammby.narod.ru/belarus-zakon/zakon_80-2002.htm. – Дата доступа: 22.10.2012

4. *Белов, А. А.* Стратегии профессионального трудоустройства студентов-выпускников Белорусского государственного университета: по результатам социологического исследования / А. А. Белов, А. Ю. Денисов, Н. Ф. Котленок. – Минск: Право и экономика, 2012. – 77 с.: ил.

A. Y. DENISOV, A. A. BELOV, N. F. KOTLENOK

GRADUANDS' MIGRATION POLICY OF FULL-TIME TUITION THROUGH THE EXAMPLE BSU

Summary

In the article are highlighted sociological research results of graduands' migration policy of BSU in 2011/2012. It is provided data for that the overwhelming majority of graduands' from another city do not plan to return in their populated places, but prefer moving to Minsk or another major city. Also the commitment to foreign labour migration is widely used among Belarusian graduands'.

Key words: migrational orientations, graduands, market adequacy of education.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК316.334.55(476)

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ)

Рассматриваются сложности и противоречия последствий реализации «перераспределительной» социальной политики в сфере жизнеобеспечения сельского населения. Анализируются тенденции и перспективы в поведении и сознании сельских жителей, обусловливающие возможность перехода к новой модели социальной политики в стране.

Ключевые слова: социальная политика, система жизнеобеспечения, качество жизни, гражданское поведение, «перераспределительная» экономика.

Под социальной политикой как правило понимают деятельность государства по регулированию социальной сферы, направленной на достижение благосостояния в обществе. Однако социальная политика как сфера деятельности государства – настолько сложный и противоречивый по результатам его использования и реализации процесс, что в условиях быстро изменяющейся действительности нуждается в постоянном научном обосновании и корректировке. Несвоевременный учет новых реалий, происходящих в социуме, медлительность в осуществлении парадигмальных сдвигов в самой модели и механизмах социальной политики чреваты, на мой взгляд, снижением человеческого потенциала населения, нерациональным использованием инвестиций и социальными рисками. Продемонстрировать данное утверждение можно на примере социальной политики в сфере жизнеобеспечения сельских территорий, и в частности, материального благосостояния населения.

Под системой жизнеобеспечения населения понимается совокупность органов власти, организаций, инфраструктуры, ресурсов и др., имеющих определенные функции, цели и задачи по обеспечению жизненно важных потребностей населения того или иного региона. Соответственно в структуре системы жизнеобеспечения выделяют две функциональные части: направленную на удовлетворение социальных потребностей (медобслуживание, социальная инфраструктура, образование, досуг, помощь старикам и инвалидам и т. п.) и связанную с экономическими потребностями (зарплата, работа, решение проблем с занятостью и др.).

Нужно сказать, что сельские жители, в отличие от горожан, издавна решали проблемы собственного жизнеобеспечения самостоятельно: если нуж-

на вода – рыли колодцы, если нужно отапливать помещение – заготавливали дрова, питались в основном продукцией из своего огорода, пекли хлеб, вместе с соседями боролись с природными катаклизмами, залетными конокрадами и т. п. Сейчас ситуация коренным образом изменилась: селяне все больше приближаются к городу как по характеру и условиям труда и быта, так и по способам удовлетворения потребностей, в результате чего основные функции жизнеобеспечения и территориального обустройства села постепенно легли на специальные государственные и местные службы. Хорошо это или плохо – трудно сказать. С одной стороны, хорошо, так как расширяются возможности сельского населения в удовлетворении потребностей в медицинском обслуживании, образовании, достойной старости, досуге и т. п. С другой, перекладывая на государство и местную власть большинство традиционно присущих крестьянину функций, как то заботу о материальном благосостоянии своей семьи, производство продуктов питания из личного подворья, воспитание детей, бережное отношение к окружающей среде и, в частности, сельских территорий, улиц, набережных рек, заповедных зон и т. п., современный селянин теряет свою универсальность (крестьянин, в отличие от горожанина, всегда умел делать все: и дом построить, и семью прокормить, и на тракторе работать, и корову подоить), становясь все более «частичным» рабочим так называемых современных «фабрик мяса и зерна». Еще каких-нибудь 20 лет назад ни один колхозник не мог даже помыслить об отказе председателю в просьбе выйти на работу в выходной день, чтобы сохранить погибающий урожай в экстремальных погодных условиях. Сейчас, как отмечают в социологических опросах руководители сельхозпредприятий, работников, апеллирующих к закону о труде и праве на отдых, уговорить в таких условиях выйти на работу очень трудно. Все как-будто бы и законно, но по сути неправильно.

Дело в том, что утвердившийся в последние годы стереотип мышления основывается на распространенном мифе о том, что деревню можно и необходимо сближать с городом, максимально освобождая крестьянина от всего, что может помешать ему в производственной деятельности. Отсюда убежденность в том, что заводить подсобное хозяйство не обязательно, так как все можно купить в магазине; и вообще – пришел с работы, надел спортивный костюмчик, сделал пробежку по округе, а потом посидел в местном кафе, дома у телевизора и – и ко сну, чтобы на завтра полным сил и с настроением идти на работу. Такие представления несут на себе отпечаток неоклассической экономической теории, сводящей человека к рабочей силе, а всю его жизнь к условию воспроизводства рабочей силы с помощью инвестиций, осуществляемых в расчете на получение дохода. При этом забывается, что сельский житель (как и городской) обладает не только запасом физических сил и профессиональной компетентности, но и потенциалом нравственности, усвоенных культурных традиций, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемыми в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей.

Кроме того, приверженцы этого мифа забывают, что крестьянский труд максимально природообусловлен и, несмотря на использование современной техники и обновление производственных технологий в современных сельскохозяйственных организациях, полностью превратить его в фабрично-заводской невозможно. Кроме того, сезонность сельскохозяйственных работ обусловливает различия в степени трудовой загруженности людей в разное время года, что сказывается на всей их жизни: на продолжительности рабочего дня, зарплате, удовлетворенности трудом, проведении досуга, в конечном счете – на его мировоззрении и системе ценностей. Непосредственная зависимость крестьянского хозяйства от природных условий, а также незначительность его ресурсов, работа в зоне рискованного земледелия и по сей день ставят труженика села в ситуацию «негарантированного бытия» [1, с 11]. Приведенные доводы показывают, что по многим позициям жизнь горожан и сельчан не может быть приближена в принципе, поэтому социальная политика в сфере жизнеобеспечения сельских жителей должна быть, наряду с общими требованиями и стандартами, во многом специфичной.

Как показывают социологические опросы, в сельских регионах действует налаженная система жизнеобеспечения, гарантирующая сельчанам определенный уровень благоустройства и возможности удовлетворения своих потребностей. Показателем уровня жизнеобеспечения, в первую очередь, выступает качество жизни сельчан. Оно выражается не только в доступности материальных (товары, услуги), культурных (образование, информация, музеи, театры и др.) и социальных (право на получение информации, свобода слова, перемещений, совести др.) благ, но и в соответствии ожиданиям разных категорий населения, а также установленным потребительским стандартам. Поэтому кроме объективных показателей качества жизни надо различать субъективное качество жизни, т. е. степень удовлетворенности материальным положением, трудом, бытом, досугом, системой жизнеобеспечения в целом по оценкам самого населения.

Посмотрим, каков уровень жизнеобеспечения селян сегодня и как его воспринимают сельские жители, насколько социальная политика в сфере труда, занятости и заработной платы мотивирует сельских жителей на самостоятельность и активность по повышению доходов семьи и предпринимательской активности. Для примера рассмотрим удовлетворенность уровнем материального благосостояния как показателем качества жизни белорусских сельчан и эффективности системы жизнеобеспечения.

Согласно опросу 2011 г.[1] 10,2 % респондентов указали, что материальное положение их семей хорошее, 61,6 % – среднее, 23,9 % – плохое, 3,7 % – затруднились ответить. Однако по этим цифрам трудно сказать, плохое оно или хорошее. Для того чтобы понять, о чем говорят эти цифры, необходимо их сравнить с другими, например с аналогичными ответами городских жителей

[1] Всего опрошено 1768 респондентов: 1405 жителей сельских населенных пунктов и 363 жителя малых городов.

или с ответами сельчан прошлых лет. Среди горожан в 2011 г. хорошим назвали свое материальное положение 13,3 %, средним – 61 %, плохим – 20,8 % респондентов. Как видим, существенных различий в оценках собственного благосостояния, несмотря на объективные различия в уровне зарплаты селян и горожан, не наблюдается. А динамика оценок материального положения за последние 10 лет просматривается достаточно четко (табл. 1).

Таблица 1. **Динамика общественного мнения сельских жителей о материальном положении их семей, %**

Оценка	Год								
	2000	2002	2003	2004	2005	2007	2008	2009	2011
Хорошее	2,4	9,1	7,1	9,4	15,4	15,6	15,5	14,2	10,2
Среднее	35,3	47,1	51,1	53,9	56,3	58,8	62,7	65,7	61,6
Плохое	56,8	42,5	39,0	34,5	23,4	21,3	17,8	15,0	23,9
Затрудняюсь ответить	5,5	1,3	2,9	2,1	3,9	2,9	3,4	4,8	3,7

Данные таблицы свидетельствуют о росте материального благосостояния сельских жителей: в 4–5 раз увеличилось число респондентов, отметивших хорошее материальное состояние, вдвое увеличилось число со средним и почти в 2,5 раза уменьшилось число респондентов с плохим материальным состоянием.

Эту же тенденцию подтверждают данные о том, как изменилось материальное положение респондента за последний год (вопрос: «Изменилось ли Ваше материальное положение за последний год?») (табл. 2). Из приведенных данных видно, что в опросе, проведенном весной 2011 г., значительно увеличилось число респондентов, ощутивших улучшение своего материального положения по сравнению с прошлым годом. Это свидетельствует не столько об объективном уровне материального положения респондента (оно как раз немного ухудшилось в связи с финансово-валютными трудностями в стране), сколько о самоощущении людей, являющихся отражением соотношения результатов и ожиданий, как правило, более важного для них, нежели сами результаты.

Таблица 2. **Мнение респондентов об изменении материального положения за последний год, %**

Как изменилось	Год									
	2000	2002	2003	2004	2005/2006	2007	2008	2009	2010	2011
Улучшилось	11,0	16,2	15,6	26,1	28,2	30,8	27,2	15,1	18,9	31,9
Не изменилось	36,4	24,6	51,7	52,1	49,1	42,3	50,6	47,2	50,6	39,1
Ухудшилось	52,5	51,5	26,8	16,6	18,0	22,2	15,1	31,8	24,0	23,6
Затрудняюсь ответить	1,1	7,8	5,8	5,1	3,5	3,6	5,9	4,8	4,8	5,0

О качестве жизни сельчан также можно судить по соотношению потребностей и возможностей их удовлетворения. Так, число тех респондентов, которые вынуждены отказываться от необходимого (разнообразной калорийной

пищи, одежды) с 2002 г. по настоящее время уменьшилось в разы (57,4 % – в 2002 г., 24,1 % – в 2008 г., 0,9 % – в 2011 г.). На 50 % увеличилось число тех респондентов, которым хватает средств для покупки необходимого питания, одежды, предметов длительного пользования. В три раза увеличилось число тех, кому хватает денег на обеспеченную жизнь (17,1 %).

Изменилась самоидентификация сельских жителей по шкале богатый/бедный: к людям со средним достатком в 2011 г. относили себя 52,7 % респондентов, в 2004 г. – 42 %; к живущим ниже среднего в 2011 г. – 27,8 %, в 2004 г. – 31,1 %; бедными считали себя в 2011 г. – 5,6 %, – а в 2004 г. – 19,4 %. Обеспеченных в полной мере оказалось на селе 6,7 %.

Как видим, объективное и субъективное качество жизни сельчан неуклонно повышалось. Однако думается, что значительное улучшение материального благосостояния сельских жителей происходило не только за счет повышения мотивации на больший заработок, но и, в большей степени, за счет государственной социальной политики, направленной на повышение благосостояния граждан Беларуси. Как показывает сравнение ответов респондентов за десятилетний период, установка на повышение денежного дохода и уровень потребления возросли (табл. 3), однако не резко и несущественно.

Таблица 3. **Ответы на вопрос: «Какого подхода Вы придерживаетесь в решении материальных проблем?», %**

Варианты ответа	Год			
	2002	2008	2009	2010
Повышаю доход любыми средствами	14,6	16,1	18,8	20,4
Стараюсь жить по средствам	51,9	58,8	52,6	55,8
Снижаю уровень своих запросов	25,2	17,7	20,6	18,0
Ничего не предпринимаю	8,3	5,8	7,3	5,0

Более того, мотивация на повышение доходов снизилась. Так, с 2007 по 2011 год число респондентов, заявивших, что они хотят жить в материальном плане «как все», увеличилось с 49,4 % до 75 %; количество желающих быть богаче других почти не изменилось – с 2,9 % до 3 %. Это свидетельствует о том, что сельские жители в основном продолжают мыслить и действовать в парадигме «жить как все», патернализма, надежды и социальных ожиданий к «справедливому государству».

Из этого можно сделать вывод, что хотя за последние годы повысились доходы крестьян, улучшилось жилье, построены дороги, организована работа общественного транспорта, проведены газ, вода и многое другое, т. е. значительно улучшилось качество жизни, сельчане не повысили свою хозяйственную, предпринимательскую и трудовую активность: они по-прежнему не хотят рисковать в организации собственного дела, хотят жить как все. Нужно сказать, что в то же время число селян, желающих своим детям городской жизни за последние годы, значительно увеличилось (67,5 %). По данным социологического опроса сельских жителей (2011 г.), главными причинами же-

лания уехать из села называются низкая зарплата (71,2 %), малый выбор профессий (59,5 %), плохие условия труда (44,8 %) и отсутствие возможностей для культурного досуга (41,4 %). В основном указанные причины «укоренены» в труде или являются его результатом. Именно возможность получить желаемую профессию, найти рабочее место, соответствующее квалификации, выбрать из различных вариантов наиболее подходящий, является решающим фактором, определяющим трудовое и, соответственно, миграционное поведение сельских жителей. В связи с этим основным показателем, характеризующим институциональные гарантии занятости, является формирование эффективно функционирующего и динамичного рынка труда. Пока же в сельском хозяйстве наблюдается недоиспользование человеческого потенциала, отсутствие рынка труда, невысокий уровень заработка, вынуждающий, в лучшем случае, искать дополнительные источники доходов, в худшем – мигрировать в города.

Данные процессы свидетельствуют о неадекватности современным реалиям существующей социальной политики. В настоящее время в Беларуси преобладает перераспределительный подход, воплощенный в системе социальной защиты и социальной помощи населению. Она играет важную роль амортизатора, но, в конечном счете, выливается в разновидность вспомоществования тем социальным группам, которые попадают в трудное положение (безработные, малообеспеченные, инвалиды и др.). Такая модель была оправдана два десятилетия назад, но сейчас люди хотят не просто стабилизации, но реального качественного развития, существенно меняющего их жизнь. Об этой тенденции свидетельствует выбор респондентами вариантов различных способов и мер по повышению уровня благосостояния, отражающих потребности и возможности самих сельчан. Основой информации в исследовании стали их ответы на вопрос: «Согласились бы Вы для повышения своего благосостояния на некоторые изменения в привычном для Вас образе жизни, если эти изменения будут связаны…?». На мой взгляд, выбор предпочитаемых респондентами вариантов ответов является социологической основой не только для управленческих решений на местах, но и для переосмысления существующей модели социальной политики (табл. 4).

Таблица 4. **Варианты предпочитаемых респондентами видов деятельности для повышения уровня благосостояния их семей, %**

Согласны с	В целом по стране
Переобучением, дополнительным обучением	45,2
Необходимостью работать более интенсивно, сверхурочно	56,9
Усилением трудовой дисциплины на предприятии, в организации	55,6
Увеличением личной ответственности за результаты труда	65,6
Переходом на работу, не связанную с аграрной сферой (для сельских жителей) или в другую отрасль	43,7
Переездом в другое село, агрогородок	21,0
Переездом в районный центр	25,8
Работой за границей	11,8

Как свидетельствуют данные, наибольшее число респондентов указало позицию, направленную на укрепление личной ответственности за результаты труда. Этот выбор респондентов говорит о том, что, несмотря на расхожий стереотип о пассивности и безответственности селян в сфере общественного производства, чувство хозяина и личной ответственности продолжает оставаться ценностью и нормой крестьянской жизни. Кроме того, он означает, что система учета индивидуального трудового вклада и его вознаграждения в современных агропредприятиях далека от совершенства. Недооценка или, напротив, переоценка некоторых видов деятельности и трудового вклада, элементы уравниловки, усредненных зарплат приводят к потере мотивации и иждивенчеству отдельных работников. В этой связи крайне необходима разработка новой современной системы учета труда или совершенствование старой и, соответственно, системы вознаграждения сельхозработников.

Второй по предпочтительности оказалась позиция, связанная с необходимостью работать более интенсивно, сверхурочно. Количество отметивших эту позицию свидетельствует, с одной стороны, о высоком трудовом потенциале сельских жителей, потребности в более напряженном рабочем дне, с другой, – о недоиспользовании рабочей силы, а по существу, о неполной занятости сельчан в сфере общественного производства. А поскольку исторически (с советских времен) сложилось так, что основным источником дохода сельчан стала работа в общественном секторе, то недоиспользование рабочей силы привело, с одной стороны, к низким зарплатам, с другой, – к невозможности иметь совместительство и другие подработки на селе, кроме ЛПХ. С этим связано желание более половины респондентов усиления на предприятии трудовой дисциплины. По мнению сельчан, именно нарушение трудовой дисциплины, несовершенство организации труда привели к невозможности полного использования трудового потенциала работника и, соответственно, к недооценке его личного вклада как критерия величины дохода.

Почти половина трудоспособных опрошенных сельчан для увеличения дохода согласились бы на переобучение или повышение квалификации. Получение другой должности или профессии, более высокой и доходной, является одним из наиболее доступных способов улучшения благосостояния сельчан. Создание в райцентрах и агрогородках специальных Центров по обучению и переобучению сельчан (во многих районах они уже созданы), широкая информационно-просветительская деятельность по этим Центрам способны, на наш взгляд, удовлетворить существующую потребность в сельском сообществе. Достаточно высокий процент респондентов, ответивших о готовности перейти на работу, не связанную с аграрной сферой, наводит на мысль о том, что, во-первых, на сельских территориях области могут быть более широкие возможности рынка труда; во-вторых, некоторые респонденты не видят в сельхозпроизводстве перспектив ни в отношении работы, ни в сфере доходов; в-третьих, несмотря на то, что в агросфере республики задействована всего лишь седьмая часть сельского населения, данное количество работни-

ков, видимо, переизбыточно. Об этом свидетельствует потребность респондентов в более интенсивном труде и крепкой дисциплине на производстве. Эти выводы могут и должны быть учтены в целях диверсификации труда как в самом сельхозпроизводстве, так и в разных отраслях, филиалах предприятий, размещенных в сельской местности (перенос цехов, фабрик и заводов страны в сельские регионы).

Но не только экономическое поведение начинает меняться у сельских жителей. За последние годы в Беларуси в результате значительных социально-экономических и политических перемен, повлекших за собой изменения в социально-мировоззренческих установках и сознании людей, произошло постепенное распространение новых политических реалий и рыночных отношений, особенно в трудовой и социальной сферах. Медленно, но довольно устойчиво изменяется общественная психология, становясь важной частью сознания и поведения населения. Так, на вопрос: «Насколько важны для Вас следующие права и свободы?» были даны ответы, свидетельствующие о серьезных переменах в менталитете селян. В частности, оказалось, что рыночные и социальные инновации для значительной части сельского населения стали важным элементом их повседневной жизни (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов на вопрос: «Насколько важны для Вас следующие права и свободы?», %**

Важно	В целом по стране
Заняться частным бизнесом, фермерством	20,7
Самому решать, работать или не работать	77,5
Работать в нескольких местах без разрешения с основной работы	46,8
Производителям самим определять размеры производства, цены на продукцию, размеры зарплаты	57,2
Приватизировать квартиру, дом	73,9
Получать хорошую медицинскую помощь на платной основе	72,9
Получать платное образование	36,3
Свободно выбирать место жительства, перемещаться	77,9
Уехать из страны и беспрепятственно вернуться	53,0
Участвовать в забастовках, митингах, акциях протеста	8,0
Свободно выражать свои взгляды	66,8
Получать достоверную информацию о состоянии дел в стране	82,5
Свободно вступать в разные партии, движения, союзы	20,0

Из таблицы видно, что наиболее прочно внедрились инновации в сфере трудовой и материальной жизни людей. Кроме того, стали привычными нормами такие социальные инновации, как свободный выбор места жительства, свобода перемещения, распоряжения личной собственностью, свобода в выборе трудовой деятельности, форм медицинской помощи (частное или государственное здравоохранение), платного образования.

Не менее значимыми для большинства селян стали возможность свободно выражать свои взгляды и получать достоверную информацию о состоянии дел в стране. Жители села проявляют приверженность этим ценностям как естественному состоянию их образа жизни, что свидетельствует о врожденном достоинстве, гражданском самосознании и хозяйском отношении к своей стране. В отличие от этих ценностей политические инновации, в частности те, которые сейчас называют протестным поведением, у селян развиты очень слабо. Это касается прежде всего возможности участвовать в забастовках, митингах и акциях протеста, а также свободно вступать в партии, движения и союзы. Протестные настроения у сельских жителей слабо выражены и не являются значимым элементом их жизни. Однако это не означает, что они не видят негативных социальных и экономических деформаций в окружающей их жизни. В частности, это касается социальных рисков, от которых они не защищены (табл. 6). Как видно из таблицы, почти по всем позициям сельские жители показывают разную степень критичности. В первую очередь, это экологические проблемы, безразличие чиновников и бюрократическая волокита, с которой респонденты сталкиваются в решении своих жизненных проблем, бедность и возможность потери работы.

Таблица 6. **Степень защищенности респондентов от различного рода опасностей, %**

Чувствуют себя не защищенными от следующих угроз	В целом по стране
Экологическая угроза	42,8
Притеснения из-за Вашего возраста и пола	9,9
Безразличие чиновников, волокита	46,1
Потеря работы	45,4
Притеснения из-за Ваших религиозных убеждений	3,4
Произвол правоохранительных органов	28,3
Бедность	45,9
Одиночество и заброшенность	27,9
Преступность	36,3
Неправовые действия руководителя	37,1

Как показывает исследование, диалог с властью осуществляется с трудом и не всегда успешно, так, 41,9 % сельских респондентов страны сталкивались со значительными препятствиями в решении личных вопросов при обращении в различные организации, учреждения и предприятия. В основном это местные органы власти (16,6 %), руководители предприятия (15,0 %), органы здравоохранения, образования (11,2 %) и др. А так как сельское население все-таки в целом доверяет местной (71,3 %) и государственной (71,3 %) власти, то оно, в случае необходимости защищать свои интересы при нарушении прав и свобод, ориентировано не на протестные действия, а на апелляцию к власти. К сожалению, в различного рода общественных организациях, союзах, движе-

ниях селяне пока не видят пользы для себя. И хотя респонденты отмечают наличие в их населенном пункте различных форм местного самоуправления (собрание, сход, публичные слушания, самоорганизация по месту жительства), они считают, что в них участвуют только наиболее активные граждане. В целом население игнорирует эти формы самоорганизации. Одной из причин пассивности граждан, по мнению 30,3 % опрошенных, является ощущение бесполезности такого участия, а 17,8 % – неуверенности в успехе общего дела.

Данные ответы ясно дают знать, что, несмотря на достаточно высокий трудовой и гражданский потенциал сельских жителей, он не всегда используется в обыденной жизни селян, а зачастую и тормозится сложившимися хозяйственно-трудовыми и гражданскими отношениями, складывающимися между руководством предприятий, местной властью и сельским сообществом, а в конечном итоге функционированием всей системы существующей модели социальной политики на селе.

Для оптимизации человеческого потенциала сельских жителей требуется, на мой взгляд, другой подход, основанный на синтезе социальной политики и экономики. Он означает, что, строя экономические планы, необходимо помнить об их социальных последствиях, и тогда экономика будет социальной на деле, а не на словах. Тогда не будет необходимости отдельно развивать экономику сельского хозяйства и отдельно – заниматься социальной структурой и человеческим потенциалом села. Ведь человеческий потенциал населения – это не просто трудовые ресурсы, но и уровень их образования, квалификации, здоровья, потребностей, качества жизни. Если рассматривать социальную политику как ракурс, другую сторону всей экономической политики, то в ней вопросы занятости, трудовых ресурсов и заработной платы решаются с учетом социальных последствий, а не только эффективности и получения прибыли. «…Понятие социальной политики, – утверждет Т. И. Заславская – не может и не должно сводиться к социальному обеспечению и социальной защите слабых групп населения. Не менее, а возможно и более важным элементом этой политики служит социальный аспект (социальная составляющая) приватизационной, финансовой, налоговой, инвестиционной, таможенной, ценовой и иной собственно экономической политики» [2, с. 51].

Сильная система социальной защиты, оказывая благотворное влияние на экономический рост, тем не менее, как перераспределительная, стоит как бы вне экономики и является затратной, отвлекающей средства от экономического развития. Если социальную политику рассматривать не как перераспределение, а как фактор развития и повышения человеческого потенциала, то иначе выглядит и экономика, где и материальное и нематериальное производство (здравоохранение, образование) являются реализацией самой социальной политики. Новая парадигма экономического мышления предполагает придание всем составляющим экономической политики социального смысла, т. е. с ее помощью формируются не только экономические программы, но и возможные социальные изменения. На мой взгляд, соответствующая ей социальная

политика, в свою очередь, ориентируется на создание такой экономической среды, которая способствовала бы самореализации каждого члена общества в его трудовой деятельности в сфере экономики и гарантировала бы ему достаточный уровень защищенности, уверенность и высокое качество жизни жителей села.

Литература

1. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Минская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 11.

2. *Заславская, Т. И.* Проблема демократической переориентации экономики современной России / Т. И. Заславская // Общество и экономика. – 1997. – № 1/2. – С. 51.

R. A. SMIRNOVA

THE ISSUES OF SOCIAL POLICY IN THE SPHERE OF LIFE-SUPPORT OF RURAL TERRITORIES

Summary

The difficulties and contradictions of the consequences of implementation of the «redistribution» of the social policy in the sphere of life-support of the rural population are discussed. Trends and prospects in consciousness and behavior of rural residents, the opportunity to make a transition to a new model of social policy in the country are analyzed.

Keywords: social policy, the life support system, the quality of life, civic behavior, the «redistribution» economy.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.55(476)

Т. В. КУЗЬМЕНКО,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Анализируются показатели социального самочувствия сельского населения в региональном аспекте. Рассматриваются основные детерминанты социального самочувствия населения сельских регионов.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальные опасности, социальный оптимизм, сельский регион, региональный профиль, жизнеобеспечение населения.

Учет социального самочувствия создает предпосылки для упреждающего социального управления, поскольку без его изучения трудно понять общий характер происходящих процессов, объяснить формы и причины поведения населения. Социологические исследования «портретного характера» сегодня становятся основаниями для принятия законодательных инициатив и управленческих решений. В условиях реализации Национальных программ и проектов, нацеленных на устойчивое развитие сельских территорий, основной задачей исследователей является описание социально-культурных характеристик сельских регионов как субъектов экономической, культурной и социальной деятельности, их сравнение по основаниям, связанным с жизнью и деятельностью людей. Значимым вектором исследования выступает также анализ критериев функциональности региона по отношению к его жителям, основными из которых являются качество жизни населения и социальное самочувствие. Социальное самочувствие не сводится к уровню дохода, к осознанию себя бедным или обеспеченным. В наиболее общем представлении под социальным самочувствием понимается интегральная субъективная характеристика восприятия субъектом (индивидом, социальной или демографической группой) собственного положения в обществе. В таком значении данная категория включает все аспекты взаимосвязи человека с окружающей средой. Проявляется социальное самочувствие как целостная, относительно устойчивая эмоционально-оценочная реакция субъекта на социальные изменения и свое положение в изменяющейся социальной среде и выражается в определенном отношении к различным сторонам своей жизнедеятельности [1, с. 51]. В более узком понимании под социальным самочувствием подразумевается статусная

идентификация личности, а также оценка человеком (социальной или демографической группой) стабильности собственного существования и удовлетворенности социально-экономической ситуацией. В основу измерения социального самочувствия сельского населения положены показатели, отражающие оценку респондентом своей жизни, его внутреннее состояние (здоровье, настроение, испытываемые чувства страха, тревоги), а также прогноз относительно изменения своей жизни в будущем.

Анализ состояния социального самочувствия сельчан основан на результатах опросов, проведенных отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси в 2009–2011 гг. В ходе республиканского опроса сельского населения 2009 г., нацеленного на выявление адаптационных стратегий и типологии адаптаций в белорусском селе, было опрошено 727 человек, из них 92 – эксперты (специалисты и руководители сельхозпредприятий). Социологический опрос, проведенный в мае 2011 г. (всего опрошено 1768 респондентов: 1405 жителей сельских населенных пунктов и 363 жителя малых городов из всех регионов страны согласно выборке), показал, что, несмотря на относительную схожесть регионов, из них довольно четко выделяются менее благополучные в одном отношении и более развитые в других отношениях области. Результаты исследования позволяют интерпретировать данное рассогласование как следствие разбалансировки основных функций региона, наметить стратегию и тактику его развития, скорректировать основные направления управленческой и хозяйственной деятельности [2, с. 9].

Очевидно, в силу высокой динамичности и изменчивости социальных явлений полученные данные не могут в полной мере выступать однозначным индикатором текущего состояния социального самочувствия. Кроме того, последний опрос сельского населения проводился в мае 2011 г., когда негативные явления в финансово-экономической жизни страны только «набирали обороты» и значительная часть населения еще не осознавала их последствий для себя и своей семьи. Поэтому для более точного отражения состояния социального самочувствия населения (так же, как уровня и качества жизни) было бы целесообразным проведение нескольких замеров и выявление динамики изучаемых показателей. Тем не менее полученные данные и их сравнение с результатами предыдущих исследований, а также сопоставление основных показателей по областям позволяют определить общие тенденции в состоянии социального самочувствия сельского населения Беларуси, выявить региональную специфику.

Одним из перспективных направлений исследования региональной дифференциации по основным социокультурным признакам представляется комплексный сравнительный анализ регионов и построение региональных профилей с конструированием интегральных индексов по таким показателям, как функция жизнеобеспечения, социальное самочувствие, экономическая, профессиональная и гражданская активность жителей, миграционные настроения. Профиль региона представляет собой совокупность основных социокуль-

турных черт, демонстрирующих его общий облик. Построение региональных профилей позволяет сконструировать «обобщенный портрет» региона в отношении анализируемой проблемы, осуществить компаративный анализ в региональном разрезе и, кроме того, выявить и наглядно представить наиболее проблемные, ключевые точки в функционировании региона, на которые должны быть направлены основные усилия органов местного и государственного управления. Это позволит оптимизировать финансовые, организационные, кадровые и другие ресурсы в регионах, повысит эффективность и адресность мероприятий по улучшению качества жизни сельского населения.

Для построения профилей регионов по основным показателям социального самочувствия сельских жителей и их сопоставления использовался обобщенный индекс социального самочувствия (Исс) [3, с. 48–49]. Для этого выделялись три составляющие социального самочувствия населения: степень защищенности от социальных опасностей, степень удовлетворенности своей жизнью в целом и степень социального оптимизма (сравнение уровня жизни с прошлым годом, ожидания в ближайшем году, уверенность в своем будущем), по каждой из которых рассчитывались коэффициенты. Каждый коэффициент вычислялся на основе результатов анкетного опроса, в котором респонденты выражали степень своего согласия / несогласия с предлагаемыми ответами по 5-ранговой (для вопросов о защищенности от социальных опасностей – по 4-ранговой) шкале: от определенно позитивного (максимальный балл) до четко негативного (1 балл). Итоговое количественное значение определялось как взвешенная средняя арифметическая: каждый балл умножался на процент респондентов, поставивших такой балл, произведения суммировались и усреднялись (сумма делилась на число баллов и общее число ответивших). Данные о позициях «не знаю» и «отказ от ответа» не учитывались при подсчете баллов, поскольку находятся за пределами шкалы оценок. Веса полученных коэффициентов принимаются как равнозначные, что позволяет рассчитывать Исс как среднюю от их суммы:

$$Исс = (Кз + Ку + Ко) : 3.$$

Сигналами состояния социального самочувствия, достаточного для устойчивости общества, можно считать значения Исс в диапазоне от 0,51 и выше, а недостаточного – от 0,5 и ниже. Аналогичным образом определялись «критические границы» для каждого из составляющих Исс коэффициентов. Результаты анализа позволяют проследить региональные различия по отдельным показателям социального самочувствия.

Важным фактором социального самочувствия является состояние психоэмоциональной сферы – чувство защищенности от социальных опасностей. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить степень своей защищенности от 10 социальных опасностей. Коэффициенты защищенности от социальных опасностей представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Коэффициенты защищенности от 10 социальных опасностей по областям**

Социальные опасности	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
Экологическая угроза	0,57	0,57	0,66	0,62	0,68	0,55
Притеснения из-за возраста или пола	0,83	0,81	0,85	0,81	0,83	0,79
Безразличие чиновников, волокита	0,54	0,56	0,66	0,6	0,65	0,58
Потеря работы	0,54	0,61	0,69	0,68	0,65	0,6
Притеснения из-за религиозных убеждений	0,89	0,93	0,91	0,89	0,92	0,87
Произвол правоохранительных органов	0,63	0,64	0,77	0,72	0,71	0,67
Бедность	0,54	0,52	0,64	0,6	0,62	0,57
Одиночество и заброшенность	0,65	0,6	0,77	0,71	0,74	0,69
Преступность	0,57	0,6	0,72	0,65	0,69	0,63
Неправовые действия руководителя	0,55	0,57	0,74	0,63	0,68	0,62
Кз	0,63	0,64	0,74	0,69	0,71	0,65

Сравнительный анализ показывает, что самые низкие значения коэффициентов защищенности от социальных опасностей (Кз) оказались в Брестской, Витебской и Могилевской областях. Здесь оценки респондентами своей защищенности от отдельных социальных угроз приближались к минимально допустимой границе (0,51), что свидетельствует о существовании проблем в сельском сообществе, вызывающих опасения и чувство незащищенности жителей села в сфере социальных гарантий, отношений населения с органами управления, экологической безопасности. Жители села в Витебском и Могилевском регионах оказались менее защищенными от таких социальных опасностей, как бедность, экологическая угроза, безразличие чиновников, волокита; представители Брестчины кроме перечисленных угроз в значительной степени испытывают незащищенность от потери работы, неправовых действий руководителя, преступности. Наиболее благополучными на этом фоне выглядят Гомельская, Минская и Гродненская области.

Важной характеристикой состояния психоэмоциональной сферы выступают испытываемые населением страхи, тревоги, настроения. В ходе опроса 2009 г. для изучения факторов тревожности сельского населения респондентам предлагалось ответить, по поводу каких обстоятельств они испытывают постоянное напряжение или некоторое опасение, а по поводу каких не испытывают чувства страха и тревоги. С целью выявления причин и источников психологического дискомфорта был построен индекс тревожности, рассчитываемый как отношение разности суммарного значения ответов «постоянное напряжение» и «некоторое опасение» и значения по признаку «не испытываю напряжения» к их сумме. Значения индекса варьируются в пределах от –1 до 1; результаты, близкие к 1, свидетельствуют о высокой значимости проблемы, при приближении полученных значений индекса к -1 значимость показателя снижается. Индекс тревожности позволил проранжировать те проблемы, которые более всего беспокоят и пугают жителей села.

Наибольшую тревожность у сельчан республики вызывают вероятность неполучения или задержки зарплаты, а также возможность снижения доходов. Значения индекса тревожности по данным показателям оказались равными 0,62 и 0,34 соответственно. Существенным фактором тревожности для сельчан выступили также последствия для Беларуси глобального экономического и финансового кризиса (0,45). Значимость материального фактора в ряду источников тревожности сельчан еще раз подтверждает гипотезу об определяющей роли материальной компоненты (уровня дохода, благосостояния) в состоянии социального самочувствия. Среди других существенных источников беспокойства сельчан – отток молодежи и запустение села (0,22), угроза преступности (0,16), а также необходимость материальных затрат на образование детей (0,04).

Менее пугающими для респондентов оказались обстоятельства, наступление которых человек способен в той или иной степени контролировать (распад семьи, переезд на другое место жительства, необходимость переобучения и смены профессии, необходимость освоения новой техники и технологий на рабочем месте), а также перспективы, не связанные непосредственно с личной судьбой (передача сельхозпредприятий и земельных угодий в частную собственность).

Состояние психоэмоциональной сферы, возможности реализации жизненных программ, социальные настроения и социальное самочувствие во многом зависят от состояния физического и психологического здоровья. Здоровые люди активнее настроены на решение возникающих проблем, на преодоление трудностей. Люди, страдающие теми или иными заболеваниями, менее активны, у них ниже самооценка, сильнее ощущение своей неконкурентоспособности, меньше решительности и оптимизма, умения сохранять и восстанавливать свои физические и психические силы. Результаты опроса жителей села показывают, что только каждый пятый (19,4 %) может охарактеризовать свое здоровье как хорошее, а каждый десятый сельский житель республики (11,4 %) дает негативные оценки состоянию своего здоровья. Следует отметить, что за два года число оценивающих свое здоровье как «хорошее» снизилось: в 2009 г. 25,3 % сельских жителей страны давали аналогичные оценки. Большинство опрошенных (64,3 %) считают свое здоровье удовлетворительным, по сравнению с 2009 г. этот процент существенно не изменился. При оценке изменений собственного здоровья за последние пять лет 37,6 % респондентов указали на ухудшение состояния своего здоровья, для 47,5 % этот показатель остался неизменным, и лишь 2,9 % жителей села удалось улучшить свое здоровье. Скорее всего, такая отрицательная динамика во многом обусловлена оттоком молодых и здоровых людей из села. Основными детерминантами самооценки здоровья служат возраст и пол. В старшей возрастной группе (от 46 лет) доля оценивающих свое здоровье как хорошее оказалась в четыре раза меньше, чем среди респондентов до 30 лет, а число считающих свое здоровье плохим среди женщин в два раза превышает количество аналогичных оценок у мужчин.

В основе ухудшения состояния здоровья сельчан лежат в основном субъективные факторы. И это притом, что здоровье определяется большинством жителей села как одна из важнейших жизненных ценностей: так считают 62,6 % сельчан, почти столько же респондентов (65,2 %) заявили, что забота о своем здоровье и благополучии является главным в жизни. В то же время каждый пятый опрошенный (21,6 %) заявил, что ему не хватает средств на оплату необходимого лечения и медикаментов. В качестве наиболее значимых причин ухудшения своего здоровья сельчане указывают недостаток времени для отдыха (45,6 %), тяжелый труд (28,9 %), а также отсутствие привычки следить за своим здоровьем (24,9 %). Среди причин плохого здоровья немаловажную роль играют и вредные привычки: курение (12,5 %) и несбалансированное питание (11,3 %). Зачастую одним из факторов плохого здоровья становится злоупотребление спиртными напитками. И хотя в качестве причины ухудшения собственного здоровья его указали лишь 4,2 % опрошенных, каждый третий (30,7 %) считает, что половина и более его односельчан злоупотребляют спиртным. Среди основных причин пристрастия жителей села к крепким напиткам – отсутствие других развлечений, мест и способов проведения досуга (38 %), отсутствие заинтересованности в сельскохозяйственном труде (29,7 %), излишняя доступность дешевых спиртных напитков (26,8 %), а также распространенность питейных традиций в обществе (22,7 %).

Полученные данные позволяют утверждать, что наряду с низким уровнем жизни значительной части сельского населения в качестве важнейших причин ухудшения здоровья сельчан выступают недостаток времени для отдыха, тяжелый труд, отсутствие привычки следить за своим здоровьем, курение, несбалансированное питание, употребление спиртных напитков. Эти явления наряду с отсутствием здорового образа жизни и несформированностью установки следить за своим здоровьем пагубно сказываются на качестве человеческого капитала, существенно ухудшают социальное самочувствие.

Интегрирующим характером для выяснения социального самочувствия людей обладает степень удовлетворенности своей жизнью. Результаты опроса показывают, что жители села в той или иной степени удовлетворены своей жизнью: более половины опрошенных представителей всех областей дали позитивную оценку. В то же время наиболее низкие значения коэффициента удовлетворенности населения своей жизнью в целом характерны для Витебского и Брестского регионов (0,63 и 0,66 соответственно), а самые высокие – для Могилевского и Гомельского (0,69 и 0,70). В Минской и Гродненской областях значения данного коэффициента составляют 0,67.

Еще одной составляющей социального самочувствия является степень социального оптимизма человека при оценке своего (своей семьи) настоящего и будущего. Основными измерителями социального оптимизма выступают субъективная уверенность в своем будущем, сравнение уровня жизни с прошлым годом и ожидания в ближайшем году. Следует отметить, что для жителей села традиционно свойственно ровное, спокойное и осторожное отноше-

ние к будущему без особых всплесков оптимизма или, наоборот, пессимизма. В то же время опрос показал, что только около трети жителей села республики (35,6 %) в той или иной степени уверены в своем будущем, а 45 % не испытывают такой уверенности (29,8 % скорее не уверены, а 15,2 % совершенно не уверены). Сравнивая свою жизнь с прошлым годом, менее половины сельчан страны (41,1 %) заявили об улучшении жизненной ситуации, а каждый шестой (17,9 %) посчитал, что жизнь в той или иной степени ухудшилась; треть опрошенных (32,1 %) не отметила никаких существенных изменений в своей жизни в текущем году. Некоторые улучшения в своей жизни в ближайшем будущем смог предположить лишь каждый шестой опрошенный сельский житель республики (17,9 %), столько же (17,5 %) вошли в число пессимистов, считающих, что их жизненная ситуация в той или иной степени ухудшится. О том, что ничего не изменится, заявили 14,3 % респондентов, а половина (49,7 %) затруднилась дать какой-либо прогноз относительно собственной жизни. Обобщая данные об основных показателях социального оптимизма в региональном разрезе, можно говорить о том, что наименьшей степенью социального оптимизма обладают представители Брестской, Витебской и Гродненской областей (значения коэффициентов социального оптимизма (Ко) в них составило соответственно 0,57, 0,57 и 0,59). Наиболее оптимистично смотрят на свою жизнь сельчане Гомельского (0,64), Могилевского (0,64) и Минского (0,62) регионов.

Уровень оптимизма и социальное самочувствие индивида (социальной группы) в значительной мере определяются характером взаимоотношений с окружающими, степенью включенности в социальные сети. Сравнительный анализ данных по группам показывает, что для людей с плохим социальным самочувствием характерен достаточно низкий уровень социальной поддержки. Так, позитивные и оптимистичные оценки в большей степени свойственны респондентам, которые склонны оценивать взаимоотношения в своей сельской общине как дружеские, а менее всего оптимистичных прогнозов оказалось у тех, кто оценивает взаимоотношения как безразличные. На отношение к своему будущему оказывает влияние уровень доверия в сельской общине. Значение коэффициента оптимизма у тех, кто никому не доверяет в своем селе и не имеет возможности обратиться к односельчанам за помощью в трудную минуту, в 5 раз ниже, чем у респондентов, указавших, что в их окружении довольно много людей, которым они доверяют. Более тесные по сравнению с городом взаимоотношения жителей села и их семей между собой в жизни и на работе, сплоченность, взаимная поддержка и взаимопомощь, ценность семьи и семейной жизни – характерные черты традиционного крестьянского образа жизни. Очевидно, утрата этих традиционных элементов жизненного уклада сельчан, приобретение «городских» черт с их отстраненностью, изолированностью, отсутствием тесного общения будет способствовать ухудшению социального самочувствия жителей села. Проведенные расчеты позволили получить значение индекса социального самочувствия (Исс) для сельских регионов (табл. 2).

Таблица 2. **Значения индекса социального самочувствия (Исс) по областям**

Область	Исс
Брестская	0,62
Витебская	0,62
Гомельская	0,70
Гродненская	0,65
Минская	0,67
Могилевская	0,67
По республике в целом	0,66

Как видно из таблицы, самые низкие значения индекса социального самочувствия населения характерны для Витебской и Брестской областей, хотя они и находятся выше значения, минимально достаточного для устойчивости общества. Наиболее благополучным с точки зрения социального самочувствия населения оказался Гомельский регион. Сопоставление значений индекса социального самочувствия с данными об удовлетворенности населения основными показателями жизнеобеспечения населения позволило установить, что невысокие показатели социального самочувствия характерны как раз для тех территорий, где респонденты отмечают наибольшее число проблем в функционировании социальной инфраструктуры и условиях жизни в населенном пункте.

Таблица 3. **Коэффициенты удовлетворенности населения основными показателями жизнеобеспечения по областям**

Основные показатели жизнеобеспечения населения	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская
Качество воды	0,02	–0,42	0,32	–0,47	0,15	–0,24
Качество дорог	–0,25	–0,49	–0,12	–0,43	–0,28	–0,28
Работа общественного транспорта	0,12	0,8	0,54	–0,07	0,01	0,27
Освещение улиц	–0,4	0,14	0,49	–0,01	0,27	–0,09
Санитарное состояние улиц	0,21	–0,06	0,56	0,16	0,19	0,17
Качество и ассортимент товаров в торговых точках	0,34	0,57	0,43	0,08	0,41	0,54
Работа клуба и других объектов культурного досуга, отдыха	–0,31	–0,24	0,32	–0,18	0,18	0,75
Качество медицинского обслуживания	0,42	0,08	0,4	0,22	–0,01	0,7
Охрана окружающей среды	0,05	–0,09	0,52	0,08	0,24	0,23
Работа службы быта	–0,21	–0,4	0,45	0,01	0,42	0,68
Состояние жилья	0,48	0,06	0,65	0,5	0,53	0,51
Безопасность передвижения по населенному пункту (наличие обозначенных пешеходных переходов, тротуаров, дорожек)	–0,15	–0,41	0,29	–0,12	0,02	0,23

Анализ регионов в зависимости от выполнения в них функции жизнеобеспечения показывает, что наиболее успешной в этом отношении выступает Гомельская область, где большинство показателей жизнеобеспечения населения оценивается выше, чем в других регионах, а число положительных оценок (за исключением качества дорог) значительно превышает количество отрицательных отзывов. Респонденты Минской и Могилевской областей, характеризующихся достаточно высокими показателями социального самочувствия, также дают преимущественно положительные оценки условий жизни в своем населенном пункте. А вот для Витебского, Гродненского и Брестского регионов, где отмечены наименьшие значения индекса социального самочувствия, наблюдается перевес отрицательных оценок по большинству показателей жизнеобеспечения. Коэффициенты удовлетворенности населения основными показателями жизнеобеспечения, представляющие собой отношение разности положительных и отрицательных оценок к их сумме, представлены в табл. 3. Несмотря на выявленную дифференциацию регионов с точки зрения успешности выполнения в них функции жизнеобеспечения, ни в одном из них процент положительных оценок конкретных показателей данной функции не превышает 50 % (а в некоторых и 30 %). Это говорит о необходимости дальнейшего совершенствования сельской социальной инфраструктуры, оптимизации финансовых, организационных и кадровых ресурсов в этом направлении, поиска способов активизации и привлечения как местных управленческих структур, так и самих граждан к улучшению жизни на селе.

Сравнительный анализ основных «профильных черт» регионов по показателям социального самочувствия позволил выявить существенные различия между областями, обусловленные, с одной стороны, личностными детерминантами и составляющими социального капитала, включенностью в социальные сети, уровнем доверия, а с другой, – функциональностью региона по отношению к его жителям. Поскольку субъективное восприятие сельчанами своей жизненной ситуации определяется как личностными факторами, так и факторами социального плана, можно предположить, что более низкие показатели уровня жизни в ряде областей, недостаточно развитая социальная инфраструктура, слабая удовлетворенность большинством показателей жизнеобеспечения населения и невысокая оценка перспектив развития своего населенного пункта являются основными детерминантами жизненного самоощущения сельчан, придающими ему негативную окраску. Социальное самочувствие жителей выступает значимым индикатором выполнения функции жизнеобеспечения региона по отношению к его населению.

Литература

1. *Петрова, Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи / Л. Е. Петрова // Социол. исслед. – 2000. – № 12. – С. 50–55.

2. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Минская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск: Право и экономика, 2012. – 163 с.

3. *Лапин, Н. И.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: МФРАН, 2010. – 135 с.

T. V. KUZMENKO

SOCIAL FEELING OF PEOPLE IN RURAL REGIONS OF BELARUS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Summary

Indicators of social feeling of the rural population are analyzed in the regional aspect. Main determinants of social feeling of the population of rural regions are considered. Key words: social feeling, social dangerS, social optimism, rural region, regional profiles, life-support.

Key words: social feeling, social dangers, social optimism, rural region, regional profiles, life-support.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК. 316.334.55:331.556(476)

Т. С. БАЛАКИРЕВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ И СТИМУЛЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ СЕЛА И МАЛЫХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ

Рассматривается проблема миграционного поведения молодежи из малых городов и сельской местности. На основе социологических данных выявлены и проанализированы факторы, влияющие на их миграционную активность.

Ключевые слова: миграционное поведение, миграционные процессы, городская и сельская молодежь.

Миграция населения играет важную роль в формировании численности населения, трудоресурсного потенциала и территориальной структуры расселения страны. Миграционные процессы последних десятилетий привели к негативным изменениям в социально-демографической структуре как сельского, так и населения малых городов. В то время как в областных центрах и столице численность населения с каждым годом стабильно увеличивается (табл. 1), значительная часть малых городов и сельских населенных пунктов постоянно его теряет [1, с. 52–69].

Таблица 1. **Динамика изменения численности населения в крупных городах Республики Беларусь за период 2000–2011 гг.**

Города	Человек (2000 год)	Человек (2011 год)	Прирост (убыль)
Брест	287 384	315 824	+28 440
Витебск	340 307	354 566	+14 259
Гомель	475 350	491 790	+16 440
Гродно	302 384	338 287	+35 903
Минск	168 3135	1864 090	+180 955
Могилев	356 369	360 918	+4549

Как видим, миграционные процессы в нашей стране имеют одностороннюю направленность – из села и малых городских населенных пунктов в крупные и средние города. Основной массой, составляющей «миграционную волну», является молодежь. Миграционные процессы в молодежной среде развиваются по тем же направлениям, что и миграция остальных групп населения,

однако молодежь прежде всего принимает активное участие в образовательной миграции. Потребность в получении образования – одна из причин, побуждающих молодежь мигрировать. Так, почти каждого третьего респондента (28,6 % и 36,6 % соответственно) волнует эта проблема. Молодежь, уезжающая в большой город, является в целом высокоресурсной группой, которая способна обеспечить развитие региона. Большой город, принимая молодежь, тем самым накапливает преимущества по сравнению с малыми городами и селами, отдающими свой ресурс данному населенному пункту.

Если сравнивать села и малые города, то, несмотря на общность тенденций и направлений, жители сельской местности проявляют наибольшую привязанность к своей малой родине, нежели городские. Об этом свидетельствуют результаты исследования 2011 г.[1] Так, если из числа сельских жителей 31,1 % опрошенных позитивно относятся к своему месту проживания, то у респондентов малого города оценка несколько ниже – 26,4 %. Нужно отметить, что в числе тех, кто выразил позитивные чувства, преобладают респонденты старше 60 лет, проживающие в малом городе (42,3 %) и 46–60 лет жители сельской местности (48,9 %). Негативные чувства присущи молодежи (16–30 лет) и более выражены у респондентов малых городов – 9,9 %.

В основе позитивного отношения к родным местам лежит удовлетворенность жизненными условиями. Данные социологического исследования подтверждают позитивные изменения, произошедшие в производственной и социальной инфраструктуре как сельской местности, так и малого города. Однако существует ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться и сельчанам, и горожанам. Проблемы, волнующие жителей различных регионов, имеют общую основу (качество дорог, качество и ассортимент товаров в торговых точках, качество медицинского обслуживания и т. д.), различие состоит лишь в масштабности этих проблем. Показательны в этом плане ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, улучшилась ли за последние 5 лет жизнь в Вашем населенном пункте?» (табл. 2) [2, с. 26].

Таблица 2. **Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, улучшилась ли за последние 5 лет жизнь в Вашем населенном пункте?», %**

Варианты ответа	Брестская область		Витебская область		Гомельская область		Гродненская область		Минская область		Могилевская область	
	село	малый город	село	малый город	село	малый город	село	малый город	село	малый город	село	малый город
Улучшилась	43,2	60,0	26,2	46,7	38,3	44,4	45,3	38,3	45,9	48,3	47,1	56,7
Осталась прежней	31,1	18,3	36,7	21,7	34,2	23,8	30,6	30,0	30,0	28,3	30,3	15,0
Ухудшилась	15,8	6,7	31,7	18,3	16,7	11,1	15,5	16,7	13,6	10,0	14,7	20,0
Затрудняюсь ответить	9,9	13,8	5,5	11,7	10,8	19,0	8,5	13,3	10,4	10,0	8,0	8,3

[1] Всего опрошено 1768 респондентов: 1405 жителей сельских населенных пунктов и 363 жителя малых городов.

Данные таблицы показывают, что значительная часть респондентов, отметивших улучшение, – жители малых городов. Их количество варьируется от 38,3 % до 60 %. У жителей села эти показатели несколько ниже – от 26,2 % до 47,1 %. Значительные улучшения жизни за последние 5 лет отмечают респонденты в возрасте 60 лет и старше. В других возрастных группах (16–30 лет и 31–45 лет) негативные оценки даются чаще, чем у старших, это свидетельствует о том, что, несмотря на положительные изменения, и села, и малые города представляются малоперспективными для молодежи.

Значительное воздействие на формирование социальных установок и мотивацию отъезда молодых людей в большой город оказывает социальное окружение, в частности родители. Они считают переезд в большой город хорошей возможностью для профессионального и интеллектуального развития детей, расценивая это как шанс выбиться в люди. На вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы Ваши дети жили и работали в селе?» 67,5 % респондентов ответили – «нет». Это на 24,3 % больше, чем в 2007 г. Очень незначительное количество опрошенных сельчан (13,8 %) связывают будущее своих детей с сельской местностью. При этом каждый пятый респондент (18,7 %) затруднился ответить на данный вопрос. Ситуация в малых городах также вызывает обеспокоенность, только третья часть участников опроса (30,0 %) пожелала бы своим детям остаться в родном городе. То есть изначально родители ориентируют своих детей на смену места жительства, что ведет, в свою очередь, к потере интереса молодежи к сельскохозяйственному труду. Ей свойственно желание отделиться от родителей и жить независимой жизнью; переезд же в другой город или страну увеличивает самостоятельность и независимость, а также дает возможность повысить свой уровень жизни. Мотивы семейного плана занимают значимое место в жизни молодежи и оказывают решающее влияние на формирование их миграционных намерений. На них сослался каждый четвертый опрошенный житель села и каждый восьмой житель малого города (22,3 % и 12,7 %), собирающийся мигрировать. В большей степени эта проблема волнует молодежь сельской местности.

Что же касается желательной профессии для своих детей, то респонденты-сельчане преимущество отдают несельскохозяйственным профессиям (14,4 %) и только 4,7 % связывают будущую профессию детей с агросферой. В основном 73,7 % респондентов хотят, чтобы их дети получили высшее образование. Аналогичная ситуация и в малых городах. Перспектива трудозанятости своих детей в сельском хозяйстве явно не радует горожан, только 0,3 % опрошенных хотели бы этого. Абсолютное большинство (84,6 %) горожан, так же как и сельчан, желает, чтобы дети получили высшее образование, занялись бизнесом (6,3 %) и только 3,0 % из них хотят, чтобы дети приобрели рабочую городскую профессию.

Анализ возрастной структуры респондентов, намеревающихся уехать из своего населенного пункта, показывает, что чем старше возраст потенциальных мигрантов, тем слабее выражена у них установка на миграцию. Так, основ-

ную долю респондентов, планирующих переезд, составляют молодые люди в возрасте до 30 лет (34,5 % сельчан и 45,1 % горожан). В то же время доли других возрастных групп составили: от 31 до 45 лет – 20,2 % и 23,1 %; от 46 до 60 лет – 9,6 % и 15,5 %; старше 60 лет – 2,8 % и 9,6 % соответственно. Причем молодежная составляющая потенциального миграционного потока более всего представлена в малом городе (45,1 %). Являясь наиболее мобильным слоем населения, данная возрастная группа обладает качествами, которые увеличивают ее долю в общей численности мигрантов и делают миграцию большей частью молодежным явлением [3, с. 404]. В целом молодежь более гибка, обладает высокой степенью адаптации, что облегчает освоение и налаживание жизни на новом месте.

Молодежная миграция совпадает по направленности с общими миграционными потоками, но, как правило, эта направленность более ярко выражена. Миграционные ориентации молодежи направлены строго в сторону регионов с лучшими условиями жизни, в частности в крупные города. Причем лучшие условия жизни для них, в отличие от старших поколений, не исчерпываются возможностями для трудоустройства и заработка. Молодое поколение предъявляет еще и культурные запросы к местности, куда перемещается. При этом культурные потребности молодых людей в зависимости от уровня образования и общей культуры варьируют от наличия баров и дискотек до театров и музеев [3, с. 425]. Это подтверждают результаты исследования. На протяжении многих лет миграционные предпочтения молодежи остаются неизменными – Минск и областные центры. Однако готовность респондентов из малых городов переехать в них несколько выше (24,0 %), чем у сельчан (10,5 %). Сельская молодежь больше ориентирована на средние и малые города (13,9 %). Из тех, кто намерен мигрировать, только 3,4 % опрошенной молодежи предпочли бы сельскую местность. Из них 1,4 % – жители малого города и 2,0 % – сельчане. Доля сельских жителей, рассматривающих как потенциальную возможность внешнюю миграцию, составила 1,0 %, в то время как у респондентов из малых городов – 12,7 %.

В ходе социологического исследования были выявлены основные причины, мотивы и стимулы, побуждающие молодежь к прожективному миграционному поведению. Анализ ответов респондентов показал, что лидерами в ряду причин являются низкий размер оплаты труда (71,8 % и 74,6 %), малый выбор профессий и необходимость поиска подходящей работы. Результаты исследования показали, что наиболее остро эта проблема стоит у жителей малого города. Так, 70,4 % респондентов малого города сетуют на малый выбор профессии и 73,2 % на необходимость поиска подходящей работы, в сельской местности эта проблема волнует 58,2 % и 53,0 % опрошенных. Действительно, и в селах, и в малых городах существует проблема ограниченности направлений профессиональной деятельности, предлагаемой на рынке труда, тем более что многие сельскохозяйственные и городские рабочие профессии, в которых нуждается современное белорусское село и малый город, не обладают доста-

точным социальным престижем, чтобы привлечь юношей и девушек, заканчивающих школу. Как правило, молодежь стремится на экономический, юридический и другие более престижные факультеты, а после окончания вуза сталкивается с проблемой трудоустройства по специальности, а именно с отсутствием рабочих мест в их населенном пункте, соответствующих профессиональному уровню подготовки. Не найдя применения полученным навыкам, молодые специалисты уезжают в город. Так как рынок труда большого города более разносторонний, а широта выбора сфер деятельности является его отличительной чертой, то приезжая молодежь в нем находит сферу приложения своего труда и способностей.

Особую проблему представляет слабо развитая индустрия развлечений в малом городе и селе. Молодежь оценивает данный факт крайне отрицательно и выражает надежду, что когда-нибудь эта ситуация изменится. Ее интересует отдых в кинотеатрах, театрах, клубах, на благоустроенных улицах города, чему удовлетворяет большой город. Важно отметить, что данный показатель у респондентов из малых городов значительно выше, нежели у сельчан (64,8 % и 42,5 % соответственно).

Таким образом, несмотря на позитивные изменения, проблема привлекательности проживания в малых городах и сельской местности для молодежи все еще остается нерешенной. Причинами миграции молодежи являются: желание получить профессию и повысить профессиональную квалификацию, поиск высокооплачиваемой работы, отсутствия должного количества культурных учреждений и недостаточное внимание к организации досуга молодежи со стороны местных властей.

Литература

1. Регионы Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – С. 52–69.

2. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси: Минская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 26.

3. Социология молодежи: учеб. пособие / Ю. Г. Волков, В. И. Добреньков, Ф. Д. Кадария, И. П. Савченко, В. А. Шаповалов; под ред. проф. Ю. Г. Волкова. – Ростов-н/Д., 2001. – С. 404, 425–426.

T. S. BALAKIREVA

FEATURES OF THE MIGRATION BEHAVIOUR OF YOUTH VILLAGES AND SMALL TOWNS OF BELARUS

Summary

This article discusses the issues of migration behavior of young people from small towns and rural areas. Based on sociological data is detected and analyze the factors that affect their migratory activity.

Key words: the migratory behavior of, migration processes, urban and rural youth.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316(1-87)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ УРОВНИ

Рассмотрены экологические ценности населения Беларуси, которые были замерены на уровне сознания и поведения в ходе эмпирического исследования. Полученные результаты сопоставлены с экоцентрической теоретической моделью ценностей, которая соответствует обществу с устойчивым типом развития. Особое внимание уделено реальному уровню экологической информированности населения, который недостаточно эффективно стимулирует активное экологически ориентированное поведение населения.

Ключевые слова: экологическая ценность, экологическое сознание, экологическое поведение, экологическая информированность, Беларусь.

Теоретическая модель экологических ценностей. Теоретическая модель экологических ценностей создана в социальной философии и экологической социологии на основе анализа глобальных проблем человечества, переосмысления базовых жизненных потребностей человека, моделей оптимального образа жизни в современном обществе. Можно рассматривать экологически ориентированный подход к ценностям как ответ на «вызов» современности – угрозу экологического кризиса. В формирование этой модели внесли вклад многие философы, социологи, экологи: Э. Фромм, А. Швейцер, направление инвайерменталистов, представители Римского Клуба А. Печчеи, А. Кинг, С. Гроф, Э. Ласло, Р. Вейгель, П. Шульц, Р. Данлэп, Д. Урбан и др. В России идеи экоцентризма развивают О. Н. Яницкий, Р. Б. Камаев, Д. С. Рыжевская, В. И. Данилов-Данильян, С. Н. Глазачев и др. Данная модель экологических ценностей ориентирована на построение устойчивого общества, в котором само его развитие будет гармонично способствовать сохранению жизни человека и созданию/сохранению условий для жизни последующих поколений. На сегодня устойчивое развитие общества остается регулятивным принципом, неким идеалом развития, реально не существующим, но являющимся признанной моделью развития на будущее. Поэтому значительную важность представляет рассмотрение системы экологических ценностей, соответствующих модели устойчиво развивающегося общества.

Вершина ценностной пирамиды в экоцентрической модели – человек, который рассматривается как часть природы, образующая с экосистемой слож-

ную саморазвивающуюся систему. Ввиду неразрывности человека и природы данная ценность может рассматриваться как экологическая. Одновременно ее можно рассматривать комплексно, силами многих наук, т. е. не только под углом экологии, но и социальных наук, этики, философии, биологии и т. д. Везде человек представлен как часть определенного сообщества (группы, коллектива), существующего в определенной природной среде, и поэтому неразрывно с ней связанный компонент этой среды. Данная сложная система постоянно развивается, и так как человек занимает в ней важнейшее место, он несет и ответственность за ее нынешнее состояние и ее будущее.

Человек совмещает в себе биологическую и социальную природу, существует в определенной экологической среде и в конкретной ситуации, поскольку его жизнь и есть условие существования всех других «человеческих» ценностей, а также высшая ценность в системе взаимодействия человека и природы. Ценности выделяются только в очеловеченном сообществе, они соизмеримы только потому, что в системе отношений есть человек: нет человека – нет и ценностей.

Следующий уровень в теоретической модели экологических ценностей представлен базовыми ценностями, которые образуют основу, фундамент для того, чтобы человек мог гармонично существовать в окружающей его среде, т. е. необходимые для реализации человека и осуществления его жизнедеятельности. Этот уровень включает две сложные комплексные ценности, здоровую экологическую среду и экологически ориентированный образ жизни, каждая из которых далее может быть разложена на ее составляющие подсистемы ценностей:

Здоровая экологическая среда как подсистема включает целый ряд ценностей. В условиях города это прежде всего следующие ценности: хороший для жизни человека воздух, здоровая для жизни человека питьевая вода и хорошее состояние водоемов, здоровая земля (как для практических нужд – выращивания цветов, других растений, так и для обитания на ней в целом), рациональная ликвидация отходов (промышленных и бытовых).

Здоровый, экологически ориентированный образ жизни населения предполагает наличие следующих ценностей: физическая культура населения, поддержание уровня здоровья, профилактика здоровья, рациональное питание (а значит, и экологически чистые продукты питания), наличие возможностей для рекреации (чистая территория для отдыха, доступность этой территории для населения), наличие здорового жилья (отсутствие вблизи него факторов загрязнения среды обитания).

Указанные выше ценности важны как на уровне отдельного человека, так и на уровне урбанизированного сообщества в целом. Однако они достижимы лишь в сообществе: невозможно представить здоровой экологии для одного человека – жителя города, это именно коллективная ценность, пользование которой также является коллективным. Отсюда и их особая важность, связанная с некоторой двойственностью: коллективным характером данных ценностей, который вместе с тем не отменяет их ценности для каждого отдельного человека, для его индивидуального существования.

Эти же ценности можно представить как третий системный уровень в теоретической модели экологических ценностей населения. Если первый уровень предполагает их социально-философский анализ (частично он был осуществлен нами в предыдущем разделе), второй – социологический анализ информации на уровне социальной общности, то для анализа состояния ценностей на третьем уровне необходим междисциплинарный подход, т. е. учет взаимодействия экономических, медицинских, социальных, биологических и иных составляющих. Как справедливо утверждает О. Яницкий, изучение сложных и разнокачественных систем, какими являются социально-экологические феномены, требует разнообразных знаний, помогающих «социально *интерпретировать* биологические и иные не-социальные явления и процессы» [1, с. 41].

Экологические ценности, характеризующие экоцентрический мировоззренческий подход к пониманию взаимоотношений человека (общества) с природой в условиях современности, можно рассматривать и как элемент экологической картины мира.

Если на этой основе выделить идеи, которые наиболее важны для реализации модели устойчивого развития общества, то необходимо назвать следующие: понимание человека как органического элемента сложной экосистемы, в которой природа имеет самостоятельную ценность и требует бережного к ней обращения, признание целостности и единства мира, ответственность человека за развитие сложной экосистемы, необходимость постоянной рефлексии по поводу происходящих изменений в этой целостной системе, поддержание баланса взаимодействия между человеком, обществом и природой. Устойчивое общество, построенное на указанных идеях, будет стремиться к такому повышению уровня и качества жизни своих граждан, которое не будет подрывать баланс его отношений с окружающей средой, а научно-технический прогресс не будет ставиться выше сохранения природного многообразия, поддержания экологической устойчивости всей системы.

Граждане общества, ориентированного на устойчивое развитие, должны иметь высокий уровень экологической культуры, т. е. обладать достаточными экологическими знаниями, быть ориентированы на поддержание экологического баланса в обществе, а их действия должны быть направлены не только на сохранение того богатства, которое предоставила им окружающая природная среда, но и на ее охрану. Это значит, что уровень развития экологического сознания и поведения граждан должен соответствовать принципам экоцентризма, а экологические ценности должны восприниматься ими как личные, реализованные в деятельности. Таких граждан уже не надо будет заставлять бережно использовать природные ресурсы или строить свой быт на принципах экологизма: они сами будут к этому стремиться, поддерживая баланс в отношениях с природой и осознавая собственную ответственность за свои действия.

Экологическая ответственность граждан, ориентированных на модель устойчивого развития и обладающих высокоразвитой экологической культурой, будет проявляться в необходимости сохранять природное окружение,

поддерживать свое здоровье, отвечать за все свои поступки в отношении природных ресурсов и т. п. Иначе говоря, и состояние окружающей среды и ее отдельных компонентов, и собственная жизнь, и здоровье будут восприниматься людьми не только как личная забота, но и как общественно значимая ценность.

Мы рассмотрели теоретическую модель экологических ценностей и соответствующую модель личности, ориентированной на устойчивое экологически сбалансированное развитие общества, заботу о среде проживания. Для формирования такого типа личности обществу необходимо разработать и внедрить целую систему экологического просвещения и экологического воспитания, образования населения. Такая система должна включать не только подрастающее поколение, детей и молодежь, но и все население, и быть нацеленной не только на рост знаний, но и на привитие практических навыков экологической практики, воспитание экологических ценностных ориентаций всех групп населения. Эффективность ее функционирования можно оценить по практическому критерию (реальному экологическому состоянию того или иного населенного пункта, насыщенности экологической тематикой средств массовой информации, уровню здоровья граждан) и субъективно-личностному (оценке населением своих знаний в сфере экологии, их ориентаций и готовности к экологическим действиям, их оценке экологичности собственного образа жизни).

Здоровье как экологическая ценность. Результирующим показателем, или результирующей комплексной ценностью, свидетельствующей о практическом воплощении экологических ценностей в практику определенного сообщества, является здоровье населения. Здоровье можно считать экологически ориентированной ценностью: оно с необходимостью предполагает здоровую экологическую среду обитания, т. е. недостижимо в отрыве от экосистемы. Это одновременно и сугубо индивидуальная, и общественно значимая ценность: чем больше здоровых граждан в обществе, чем выше общий уровень здоровья, тем выше качество жизни граждан в целом.

При этом здоровье нации (его общие показатели – такие, как рождаемость и смертность, уровень заболеваемости) фиксируется в общегосударственной статистике, учитывается во многих важных показателях развития общества. Здоровье отдельного человека комплексно не фиксируется практически нигде, так как медицинская карта дает весьма редуцированное представление о состоянии здоровья отдельного человека в целом, а других документов о комплексном состоянии здоровья не существует. Как показывают многочисленные исследования, состояние здоровья зависит не только от наличия или отсутствия болезней, но и от уровня самооценки гражданином своего здоровья, а также от степени его информированности по проблемам экологии и образа жизни, в том числе по проблемам окружающей среды и здоровья [2]. Поэтому важно изучать не только медицинские показатели здоровья населения, но и социальные, а также измерять мнение граждан об окружающей среде и их здоровье.

Здоровье нации, здоровье граждан любой социальной общности зависит от экологического состояния среды обитания (вода, воздух, почва и пр.), от проявления гражданами заботы о состоянии окружающей среды на любом уровне (место жительства, регион, страна и т. п.), от глубины их знаний о здоровье и окружающей среды. Здоровье так или иначе базируется на экологии.

Экологическая составляющая в проблеме здоровья и ее ценность были впервые серьезно переосмыслены после чернобыльской катастрофы, а затем – после распада СССР и последующего кризиса [3]. С конца 1980-х – начала 1990-х здоровье заняло одно из самых высоких мест в иерархии жизненных ценностей населения. Практически во всех опросах населения постсоветских стран, где была возможность дать свой ответ о доминирующих ценностях или выбрать их из блока ценностей, здоровье занимало верхние позиции в иерархии [4]. Данный «ценностный поворот к здоровью» свидетельствует о растущем осознании каждым человеком важности собственного здоровья и необходимости самому о нем заботиться. С другой стороны, если здоровье становится самоцелью, т. е. занимает самое высокое место среди всех ценностей (включая мораль, доверие, взаимное уважение граждан), может наступить обратный эффект, поворот к индивидуализму и эгоцентризму. В таком случае есть опасность подмены социальных проблем на чисто медицинские. На наш взгляд, здоровье как ценность – феномен социальный, связанный с экосистемой в большей степени, чем с экономикой. И понимание его должно быть соответствующим, равно как и формирование механизмов мотивации на экологический образ жизни, на повышение качества экологической среды обитания человека. Поэтому важно раскрыть связи между здоровьем общества и социально-экономическим развитием общества, а также с экологическими аспектами образа жизни населения. С одной стороны, здоровье предполагает совокупность многих мер по обеспечению его охраны и профилактики, созданию условий для здорового образа жизни, с другой – это ресурс и потенциал общества, способствующий обеспечению национальной безопасности [5].

Качество жизни и здоровье не зависят напрямую от экономических благ и богатства: самые лучшие для жизни страны – не самые богатые (хотя и не бедные!), а те, которые создали лучшие условия жизни для людей, и где люди чувствуют себя защищенными – и социально, и экологически – и счастливыми [6]. Постсоветские страны не входят в число таких стран. Здесь остается масса нерешенных проблем, негативно воздействующих на человека, поэтому нужна специальная ориентация социальной политики на человека и его здоровье, чтобы они стали более важной ценностью, чем экономическая эффективность.

Тем не менее в нашем регионе, как уже говорилось, здоровье стало доминировать в иерархии жизненных ценностей населения со времени экологической (Чернобыль) и социальной (распад СССР) катастроф. Социологические опросы граждан постсоветского региона подтверждают: здоровье либо прямо называют в числе наиважнейших ценностей, либо выдвигают на первый план социально-экологические ценности, определяющие здоровье – чистый воздух,

доступная питьевая вода, чистые продукты питания (свободные от ГМО, не отравленные химикатами и пр.) [7].

Диалектическая связь между экологическими ценностями разных уровней. Гипотетически чем меньше размер городского поселения, чем «ближе к земле» живут люди, тем легче практически обеспечиваются указанные выше экологические ценности в данном сообществе, достигается баланс между человеком и природой. И наоборот: в большом городе (таком, как Минск) человек сильно зависит от эффективности работы институтов, прямо связанных с городскими властями (работа транспорта, санитарных служб, обеспечивающих чистоту воздуха и воды, городских служб, обеспечивающих наличие мест для отдыха и пр.). Иначе говоря, эти условия зависят от таких макро-факторов, на которые отдельный человек повлиять не в состоянии: наличие в городе заводов и фабрик, теплоэлектростанций, загрязняющих городскую среду, уровень загазованности воздуха, загрязнения воды и земли, наличие механизмов для утилизации отходов и т. п. Вклад отдельного человека в создание и поддержание этих коллективных ценностей весьма невелик. В то же время многие другие ценности человек в состоянии реализовать лично: например, он может делать утреннюю гимнастику, соблюдать режим труда и отдыха, заниматься профилактикой своего здоровья, потреблять здоровую пищу, не иметь вредных для здоровья привычек, отказаться от работы во вредных условиях и пр. Кроме того, он может выработать оптимистическое отношение к жизни, культивировать в себе оптимистическое мироощущение, что также является ценностью.

В выражении своего отношения к экологических ценностям разных уровней городской среды граждане обычно отдают приоритет экологии города, оценивая важность состояния окружающей среды выше, чем важность экологического состояния на бытовом уровне (в своем домашнем хозяйстве, в жилище) [8]. Данный факт не уменьшает значимости экологических ценностей образа жизни отдельного гражданина или семьи, поскольку экологические ценности на разных уровнях социума (макро-социальный уровень, мезо-уровень города и микро-уровень семейно-бытовой жизни) взаимно дополняют друг друга. Для устойчивого состояния развития общества необходим их баланс, т. е. достаточно высокое развитие всех трех уровней.

Как правило, простых белорусских граждан не особенно волнуют глобальные экологические проблемы современности (потепление вод мирового океана, таяние ледников и т. п.), так как указанные проблемы практически не оказывают никакого влияния на повседневную жизнь белорусов. Совершенно иначе они относятся к проблемам экологии своей страны: хотя и здесь непосредственно повлиять на экологию страны отдельный человек не в состоянии, тем не менее такие проблемы, как радиационное загрязнение территории в результате аварии на ЧАЭС, разлив нефти в водных бассейнах как следствие тех или иных аварий, лесные пожары на большой территории воспринимаются довольно эмоционально, вызывают озабоченность населения страны. Как уже

отмечалось нами, Чернобыль вызвал к жизни неизжитый и сегодня синдром постоянного страха, незащищенности человека перед лицом невидимой опасности [9]. Даже когда объективные показатели радиации неизвестны или не являются существенно опасными, зачастую человек испытывает страх и другие негативные эмоции, вызванные неопределенностью всей ситуации и неясностью ее будущего развития. Этот синдром страха и экологической незащищенности имеет место и в других случаях, связанных с социальной незащищенностью [10].

Обеспокоенность граждан состоянием окружающей среды является важным показателем экологических настроений города, села, страны. В Беларуси этот показатель находится на среднем уровне. Так, в исследовании минчан, проведенном в 2010 г., интегральный показатель уровня обеспокоенности проблемами окружающей среды для студенчества составил 3,44 балла, а для старшего поколения – 3,59 балла [11, с. 35]. Эти различия являются статистически значимыми: они показывают, что молодежь характеризуется меньшей тревожностью в отношении экологических проблем, чем старшее поколение. Во-первых, студенты воспринимают экологическую ситуацию более спокойно и объективно, чем старшее поколение, пережившее Чернобыль; во-вторых, студенты зачастую в полной мере не осознают значимости существующих проблем окружающей среды. Причинами такого отношения может быть и недостаточно высокий уровень экологических знаний. В любом случае, одномоментное исследование не может дать ответов на такие вопросы: они предполагают изучение проблемы в динамике.

В восприятии опасности и отношении к ней белорусы не отличаются от граждан других стран, хотя форма выражения опасений по поводу ухудшения состояния экологии у белорусов иная, нежели, скажем, в странах Европейского союза: там жители часто организуют пикеты, демонстрации, обращаются к депутатам для решения экологических проблем (таких, как провоз опасных отходов по территории страны, захоронение этих отходов, функционирование атомных станций устарелых образцов и т. п.). Партии «зеленых» довольно популярны в Германии: в настоящее время они стали активным субъектом на политическом уровне жизни страны.

В Беларуси хотя «зеленые» организации и существуют, они остаются незаметными в общественной жизни решений, не оказывают существенного влияния на принятие государственных решений. Да и граждане в целом намного меньше склонны поддерживать подобные общественно-политические движения, чем в Западной Европе. Так, например, по результатам социологического исследования граждан города Минска (2008) было выявлено, что менее трех процентов горожан состоят в каких-либо экологических организациях (не только партии, но и любых локальных и районных группах защитников окружающей среды), и не более десяти процентов горожан согласны лично способствовать решению экологических проблем города, принимая участие в проведении конкретных природоохранных мероприятий. Главным стимулом

экологически ориентированного поведения граждан на бытовом уровне остаются деньги: в том случае, когда конкретное экологически ориентированное поведение может принести экономические дивиденды, около половины минчан высказывают готовность изменить свое поведение (это прежде всего экономия электроэнергии, тепла и воды в быту). В остальных случаях граждане чаще всего снимают с себя всякую ответственность и возлагают ее на государственные организации [7].

Таким образом, и на макроуровне, и на уровне своего города большинство граждан страны не мыслят себя активными действующими субъектами, они предпочитают оставаться в роли критического (или нейтрального) обозревателя, не вмешивающегося в происходящие процессы и лишь констатирующего проблемы. Они полностью переадресовывают городские проблемы экологии городским властям, т. е. играют роль потребителя и реципиента природоохранных и природосберегающих услуг, а не активного, участвующего в жизни своего города и стремящегося к его улучшению гражданина. Иначе говоря, на мезоуровне фиксируется разрыв между декларируемыми экологическими ценностями населения и практической интериоризацией этих ценностей, воплощением этих ценностей в собственной деятельности.

Эмпирическая модель экологических ценностей белорусов. Конструирование эмпирической модели экологических ценностей белорусского населения мы покажем на примере населения города Минска. Этот пример важен, так как Минск – главный город страны, концентрирующий в себе и ее проблемы. Поскольку три четверти белорусского населения проживают в городах, за основу систематизации экологических ценностей белорусов взято именно городское население. На примере двух репрезентативных исследований, проведенных в Минске, выявлены экологические страхи и приоритеты разных групп населения, что позволило создать систему экологических ценностей и приоритетов горожан. Полученная система дает представление об их понимании экологических ценностей, в более общем плане – их экологической культуре.

В процессе конструирования эмпирической модели экологических ценностей нами использована первичная социологическая информация, полученная в ходе двух упомянутых ранее в статье исследований. Первое исследование было проведено в 2008 г. Минским НИИ социально-экономических проблем, репрезентативная выборка составила 1225 человек. Второе исследование проведено кафедрой социологии БГУ под руководством автора в 2010–2012 гг. в три этапа. Общий объем выборки составил 1158 человек, из которых 574 являлись представителями старшего поколения, 584 – студентами разных минских вузов. Сопоставление данных двух исследований продемонстрировало их сходство в основных результатах.

Результаты исследования городского населения, проведенного в 2008 г., позволили выявить мнения горожан как об их экологических ценностях и приоритетах на уровне города, так и о проблемах, которые, с их точки зрения, являются нерешенными в Минске. По данным этого исследования, экологиче-

ские ценности занимают достаточно высокое место в приоритетах населения. Иерархия проблем и экологических приоритетов оказалась следующей: (1) Загрязнение атмосферного воздуха, связанное с выбросами автотранспорта, (2) Проблема качества питьевой воды и водоемов, (3) Санитарное состояние города, особенно дворовой территории. Эти три проблемы оценены как главные на уровне городской экологической среды. В целом как удовлетворительную эту среду оценили 57 %, неблагоприятную или критическую – 32 %. Эта оценка обусловлена недостаточно эффективным решением городских проблем транспорта, ухода за территорией, соблюдением санитарных норм и т. п.

Более высокий уровень экологической озабоченности минчане проявляют на бытовом уровне, когда те или иные вопросы касаются их лично: утилизация бытовых отходов, обустройство частного сектора, экология личного транспорта (его имеют более половины жителей Минска), экологическое качество продуктов питания, строительство гаражей и стоянок. Так, если чистота атмосферного воздуха волнует около 75 % горожан, а остальные указанные проблемы – менее 50 % респондентов, то на уровне личного быта три первых экологических приоритета (в порядке убывания: сроки и условия хранения продуктов питания, радиоактивное загрязнение пищевых продуктов и их химическое загрязнение) получили оценки на уровне 89–94 %. Разница между этими оценками невелика, поэтому можно считать их одинаково важными, а проблему экологического качества продуктов питания – наиболее приоритетной с точки зрения горожан.

Итак, экологическое качество продуктов питания – главное, что беспокоит минчан на бытовом уровне. Действительно, это качество напрямую связано со здоровьем, что подтверждает положение о том, что здоровье – это интегральная экологическая ценность жителей города, волнующая их больше всего и прямо зависящая от состояния экологической среды. Под экологическим качеством продуктов питания здесь понимается их безопасность для здоровья человека, отсутствие таких ингредиентов, которые могут нанести вред здоровью людей. Именно по этой проблеме горожане нуждаются в наиболее полной и объективной информации, чтобы на ее базе они могли составить правильное представление о доступных им продуктах. В противном случае, при недостатке или недостоверности информации, граждане руководствуются домыслами, сплетнями и слухами, теряют доверие к городской власти и уважение к ней.

Сегодня многие минчане отличаются экологическим нигилизмом, т. е. либо не имеют объективной информации по экологическим вопросам, либо проявляют экологический инфантилизм, не берут на себя ответственность за собственное здоровье и будущее экосреды, не хотят активно способствовать улучшению своего быта и улучшению среды обитания. Преобладающий тип экологического сознания минчан – пассивный, в лучшем случае некоторые люди готовы что-то сделать для себя и для города сами, не ожидая вмешательства властей. По данным исследования представителей двух поколений минчан, для населения столицы характерны средний уровень знаний о проблемах эко-

логии (3,1 по шкале из 6 баллов) и низкий уровень знаний об экологической политике (2,45), личной включенности в экологические действия (3,35 для студентов и 3,67 для старшего поколения), при вербальной готовности сделать свой образ жизни более экологически ориентированным, выраженном более чем 50 % опрошенных. Исследование выявило, что население строит представления о полезности экологического поведения на основании сиюминутных последствий, в то время как долгосрочные результаты проэкологической либо антиэкологической деятельности ими не осознаются. Такой уровень экологического сознания и поведения недостаточны с точки зрения модели устойчивого развития. Повышение уровня экологических знаний и формирование осознанного отношения к экологии будет способствовать более активному вовлечению населения в повседневные проэкологические практики.

Выявленный в исследованиях недостаточно высокий уровень экологической информированности горожан, наряду с довольно высоким уровнем озабоченности проблемами экологии и низким уровнем личного участия в их решении (как и нежелании участвовать лично в решении таких проблем), подтверждает существование разрыва между теоретической моделью экологических ценностей и эмпирической моделью. Основной разрыв приходится не только и не столько на экологические знания, сколько на представление граждан о путях решения экологических проблем, низкую мотивацию личного активного участия в их решении – охране природной среды, ее улучшении. Так, во втором из упомянутых исследований около трети респондентов указали на свою недостаточную экологическую информированность для переориентации образа жизни на более экологический. Только 40 % заявили, что имеют достаточные экологические знания, что не позволяет считать уровень знаний минчан, как и уровень их экологической информированности, высоким. Однако более двух третьих опрошенных основным препятствием на пути к переходу на экологически ориентированный образ жизни назвали отсутствие собственной инициативы. Вторым препятствием было названо отсутствие поддержки и конкретных мер со стороны государства (чуть менее половины респондентов) [12]. Эти два препятствия соответственно отражают внутренний и внешний локус контроля: с одной стороны, респондентам не хватает знаний и собственной инициативы для перехода к экологическому образу жизни, а с другой – перекладывают ответственность за свою пассивность на государство. Именно отсутствие личной инициативы граждан может быть существенной причиной недостаточно высокого уровня экологических знаний респондентов, их низкой мотивированностью на получение новых знаний, необходимых для переориентации на более экологичный образ жизни.

Проведенный нами анализ эмпирической ситуации (эмпирическая модель экологических ценностей и их воплощения в деятельность гражданами Минска) вскрыл, во-первых, разрыв в уровне озабоченности и понимании гражданами актуальности экологических проблем на разных уровнях, т. е. определенный дисбаланс в экологических ценностях на разных уровнях социальной жизни

населения. Во-вторых, выявился разрыв в декларируемых экологических ценностях и знаниях, с одной стороны, и степени готовности граждан лично участвовать в их реализации. В-третьих, обнаружилось доминирование материальных (денежных) стимулов экологически ориентированного поведения даже на бытовом уровне, когда только наличие финансовых выгод заставляет граждан включаться в деятельность природосберегающего характера.

Сконструированная эмпирическая модель экологических ценностей белорусского населения позволяет сделать вывод, что экоцентризм пока еще не получил на практике широкой поддержки, да и объективные условия городской жизни не всегда способствуют его практическому внедрению. В экологическом сознании и поведении горожан имеет место смесь нового и старого подходов и ценностей: экологическая озабоченность состоянием городской среды в целом и эгоцентризм при восприятии угрозы от конкретных экологических проблем: последняя связывается главным образом с опасностью для личного здоровья и жизни человека, а ответственность за неблагоприятное состояние окружающей среды полностью перекладывается на других.

Сравнение разработанной нами теоретической модели экологических ценностей населения с полученной в ходе исследований эмпирической моделью экологических ценностей городского населения Беларуси позволяет выявить направления, требующие особого внимания городских властей, средств массовой информации, институтов образования и воспитания, для успешного продвижения нашей республики по пути устойчивого развития. Существенную роль в данном процессе должны сыграть экологическое просвещение и образование, основная цель которых – формирование системы объективных экологических знаний, которая сможет раскрыть перед гражданами весь спектр их возможностей и потенциал в экологической сфере.

Литература

1. *Яницкий, О. Н.* Экосоциология как перспектива / О. Н. Яницкий // Ежегодник / Ин-т социологии РАН. – М., 2009. – Вып. 8: Россия реформирующаяся. – С. 36–56.

2. *Мокану, В. И.* Система здравоохранения в переходном обществе: состояние и тенденции / В. И. Мокану // Проблеми розвитку соціологічноі теорії. – К., 2012. – С. 210–217.

3. *Ходорівська, Н.* Постчорнобильский соціум: ризики та шанси выживання / Л. Амбжадін, Ю. Саэнко, Н. Ходорівська // Соіологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 1–18.

4. Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств: сб. науч. ст. / Б. И.; редкол.: К. Хепфер, Д. Ротман, С. Туманов. – Минск, 2003. – 276 с.

5. *Шабунова, А. А.* Общественное здоровье и его измерение / А. А. Шабунова // Социологический альманах: сб. ст. / Ин-т социологии НАН Беларуси; под ред. И. В. Котлярова [и др.]. – Минск, 2011. – Вып. 2. – С. 173–181.

6. *Инглхарт, Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия / К. Вельцель, Р. Инглхарт. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.

7. Українське суспільство : соціологічний моніторинг (1992–2006) / за ред. В. М. Ворони, М. О. Шульги. – К.: ІС НАНУ, 2006 – 578 с.; Россия реформирующаяся: ежегодник / редкол. М. К. Горшков. – М., 2009. – Вып. 8. – 466 с.

8. Социологические исследования проблем экологии городской среды в оценках минчан. – Минск: МНИИСЭП, 2008.

9. *Титаренко, Л. Г.* Глобальные факторы риска и их влияние на динамику экологических ценностей населения Беларуси / Л. Г. Титаренко // Социология. – 2011. – № 2. – С. 85–91.

10. *Kessler, G.* Rising level of insecurity in Latin America / G. Kessler // Global Dialogue. – 2012. – Vol. 2, № 5. – P. 20–22.

11. *Титаренко, Л. Г.* Экологический образ жизни минчан / Л. Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2011. – № 3. – С. 32–37.

12. *Титаренко, Л. Г.* Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества / Л. Г. Титаренко // Социологический альманах: сб. ст. / Ин-т социологии НАН Беларуси; под ред. И. В. Котлярова [и др.]. – Минск, 2011. – Вып. 2. – С. 157–164.

L. G. TITARENKO

THE ECOLOGICAL VALUES OF THE POPULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: THEORETICAL AND EMPIRICAL LEVELS

Summary

The author discusses the ecological values of the population of Belarus that have been measured empirically on the level of mass consciousness and mass behavior. The empirical results have been compared with the theoretical model of ecological values that fits the sustainable development model of a societal development. Special attention is paid to the actual level of ecological awareness of the population that currently does not actively stimulate the ecologically oriented behavior.

Key words: ecological value, ecological consciousness, ecological behavior, ecological awareness, Belarus.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.334.52

И. А. АНДРОС,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДОВ-СПУТНИКОВ

Анализируется развитие зарубежной системы городов-спутников. Выделены характерные особенности становления городов-спутников в Западной Европе, Юго-Восточной Азии, России, Украине и Казахстане. Определены социально-экономические и психологические аспекты проживания в городах-спутниках.

Ключевые слова: город-спутник, социальная инфраструктура, социально-экономические и психологические аспекты, условия привлекательности.

Появление постановления Совета Министров Республики Беларусь «О государственной программе строительства крупных жилых районов для жителей г. Минска в городах-спутниках и выноса (переноса) из столицы в населенные пункты республики некоторых производственных объектов» позволяет говорить о реализации новой столичной градостроительной концепции. Планируется создание Минской полицентрической агломерации. Согласно этой программе намечена реализация экспериментальных проектов по строительству многоквартирных и малоэтажных усадебных жилых районов для жителей столицы в городах-спутниках. Уже сейчас ведется разработка нормативных правовых актов по статусу городов-спутников и кредитованию минчан, строящих жилые помещения в городах-спутниках [1]. В связи с этим вопрос изучения мирового опыта развития городов-спутников становится для Республики Беларусь особенно актуальным.

Современные тенденции в развитии и становлении системы городов-спутников свидетельствуют о том, что наиболее социально- и экономически эффективными являются города-спутники с собственными местами приложения труда. Их значение заключается в возможности перевода некоторых предприятий из основного города и, кроме того, там могут быть размещены новые предприятия, обслуживающие основной город, а попутно и сам город-спутник. Отраслевой состав промышленности новых городов-спутников в той же Великобритании, родине идеи строительства города-сада, складывается стихийно, так как планировщики при проектировании не могут предугадать, предприятия какого производственного профиля будут развиваться в городе-спутнике. В силу этого английские планировщики вынуждены рекомендовать, как это делает английский планировщик Пюрдом в своей книге «Строитель-

ство городов-сателлитов», строить план города и его промышленного района не привязываясь к каким-либо определенным отраслям промышленности, но так, чтобы обеспечить такие участки, которые можно было бы легко приспособить к нуждам любой отрасли. Хотя это обстоятельство и ведет к отсутствию логической связи развития города-спутника с развитием окружающего района или даже основного города [2].

Кроме того, доминирующая роль прилегающих промышленных территорий и соответствующей инфраструктуры приводит к снижению социальной приемлемости промышленного города-спутника. На Западе из-за глобализации, автоматизации, повышенной мобильности прямой экономической зависимости образа жизни людей от промышленной зоны не существует (особенно среди иммигрантов из Латинской Америки и Юго-Восточной Азии). Западные градостроители придерживаются мнения, что сегодня городское планирование все же должно основываться не на новых начинаниях, на девственной и неосвоенной территории, использовании чистой и подходящей модели, как это делалось в XX веке, а на реорганизации местных населенных пунктов.

Однако и эта позиция имеет негативные тенденции. История развития нидерландского города-спутника Hoogvliet на юго-западе Rotterdam служит тому ярким примером. Вокруг центра этого сельского городка было построено 9 районов и предполагалось, что в нем будет проживать 60 тыс. человек. Было построено более чем 17 тыс. единиц жилья, из которых 77 % – еще до 1968 года. Сегодня в нем проживает 37,5 тыс. человек. В частной собственности находится 20 % жилья. 53 % жилья состоит из многоквартирных домов, причем 75 % попадает в категорию низкой ренты. Особенности развития Hoogvliet как промышленного города-спутника состояли в уменьшении его статуса как современного регионального центра, так как рядом с ним начала разрастаться другая деревня – Spijkenisse. Кроме того, в конце 1960-х годов не учитывались преимущества метро как скоростного и удобного транспорта (станции метро размещались не в центре, а на окраине). В конечном итоге отказ от монотонной, высокой плотности зданий привел к тому, что только 3/4 города было построено в соответствии с жесткой системой дизайна, остальную часть составили находящиеся рядом районные центры Poortugaal и Spijkenisse. Это привело к созданию города с двумя секторами – городским и пригородным. Экономически привлекательным было нахождение в этом районе филиала нефтяной компании Shell. Но со временем возникли проблемы загрязнения окружающей среды. В 1980-х годах в результате нефтяного кризиса и автоматизации производства доходы жителей Hoogvliet снизились. Небольшие торговые центры закрылись из-за падения прибыли. Поскольку в Hoogvliet переселялись граждане с низким уровнем дохода, стремившиеся получить социальные льготы, а также иностранного происхождения, то кризис привел к росту безработицы, преступности, нищеты и вырождения. В 1990-е годы, чтобы спасти ситуацию, товарищества собственников жилья при поддержке городского совета постарались адаптировать социальное жилье под рыночные усло-

вия. Было предложено снизить процент семей многоквартирных домов с 53 % до 45 %, долю ренты жилья для населения с низким уровнем дохода – с 75 % до 55 %, долю арендуемого жилья – с 80 % до 60 %. В результате в 1996 г. в Hoogvliet на 37,5 тыс. проживающих жителей было 3 дартс-центра, 1 стоянка такси, 2 станции метро, 2 фонтана, 1 общественный туалет, 33 таксофона и ни одной дискотеки. За последнее время была построена лишь 1 станция метро. Сегодня власти Нидерландов стремятся сделать Hoogvliet трамплином образцовой и героической реинкарнации. Это вынужденная мера, поскольку строительство жилых районов за Hoogvliet превращает этот город из периферийного в центр городского района. Таким образом, на примере Hoogvliet можно выделить следующие проблемы «жизни» промышленных городов-спутников: 1) социальные – бедность, старение населения и формирование некоторого гетто, изоляции; 2) экологические – загрязнение окружающей среды и шум со стороны авто- и железнодорожной магистралей; 3) экономические – отсутствие у переселенцев запросов на хорошие удобства [3].

Что касается Юго-Восточной Азии, то города-спутники стали набирать популярность в Индии, Бангладеш, Южной Корее в связи с быстрым ростом жилой застройки в городах и увеличением заторов на дорогах. Строительством городов-спутников занимаются акционерные общества, которые на свой страх и риск по собственным проектам строят жилые районы и потом, используя массированную рекламу, продают жилье. Восточные градостроители учитывают тот факт, что города-спутники вызывают большой интерес для мигрантов, а не коренных жителей большого города. Поэтому «южане» при планировании своих проектов интересы коренных жителей сводят к нулю. Один из основных моментов строительства жилья в городе-спутнике – это наличие дешевых и больших по площади квартир.

Вообще, индийцы говорят: «Жизнь в городе-спутнике – это не всеобщая чашка чая». Покупка дома в городе-спутнике может привести к чувству изоляции и общего недовольства, особенно если будут отсутствовать развлечения и улучшенные места социальной жизни. Тем более если последние рассматриваются в качестве необходимых условий образа жизни в городе-спутнике. Немногие городские жители предпочтут переехать из центральных районов столицы в небольшой городок только для того, чтобы снизить стресс по оплате за услуги цивилизации и собственности по высоким ставкам. Пусть жить в небольших городках намного дешевле, однако большинство столичных жителей не отказываются «от позиции в главном городе» [4].

В свое время вопрос о разуплотнении крупных городов возник и в СССР. Появление новых городов в Советском Союзе было закономерно, так как оно связывалось с освоением новых районов и новых ресурсов. В честь такого события устанавливали памятный камень с надписью. Большая часть новых советских городов начинали свою жизнь промышленными центрами. Особенно много среди них было так называемых ресурсных городов, расположение которых определялось географией ресурсов: горы, морское побережье, тайга,

пустыня. Тем самым, выделяется несколько оснований для строительства городов-спутников в СССР:

1) месторождения полезных ископаемых,

2) гидравлические и тепловые электростанции (г. Стучка возле Плявинской ГЭС на р. Даугава, г. Серебрянск возле Бухтарминской гидростанции на р. Иртыш),

3) курортная зона (г. Юрмала на побережье Рижского залива, г. Неринга на Куршской косе, г. Бирштонас на берегу р. Неман),

4) основывающиеся на обрабатывающееся промышленности (г. Олайне вблизи г. Риги, г. Заволжье возле г. Горький, г. Жодино около г. Минск),

5) наличие заводов-гигантов, перерабатывающих химию, нефть, цемент и т. д. (г. Новополоцк возле г. Полоцка, подмосковный г. Видное и т. д.),

6) узловые транспортные точки, обладающие градообразующим потенциалом (например, г. Октябрьск на пересечении дорог Гурьев-Орск и Оренбург-Ташкент).

Вследствие молодости новые города чаще всего имели одну профессию. Естественно, что узкоспециализированные центры обладали определенными недостатками. Поэтому они постепенно стремились к «совместительству», т. е. строились дополнительные предприятия. Наиболее многочисленными были города-спутники, которые, непосредственно взаимодействуя со своей сельской округой, отражали хозяйственный облик своего района. Например, в молдавских Единцах и Котовске развиты виноделие и консервирование овощей и фруктов, поэтому они окружены садами и виноградниками. В 1970–1980-х годах одной из примечательных черт территориального распределения новых городов-спутников стало их интенсивное образование в южных районах Советского Союза, как правило, обладающих лучшими природными условиями для расселения [5].

Несмотря на распад Советского Союза, тема развития городов-спутников продолжает оставаться актуальной. Что касается Российской Федерации, то здесь наибольшее распространение получили городские агломерации. В России пока можно выделить один формирующийся мегалополис, включающий поселения Московской области и окружающих ее областей, а также поселения по оси Москва – Владимир – Нижний Новгород. На Украине формирующимся мегалополисом можно считать Донецко-Луганскую агломерацию-конурбацию с поселениями по оси Днепропетровск–Донецк–Харьков. В советское время российские агломерации формировались благодаря использованию преимуществ своего географического положения, ускоренным темпам преимущественного экономического и социального развития ряда городов-ядер и вновь создаваемых городов-спутников, практике формирования территориально-производственных узлов. В постсоветское время российские агломерации досформировались и укрепились в связи с резким уменьшением мест приложения труда в пригородной зоне, активной индивидуальной коттеджной жилой застройкой обеспеченными социальными слоями, резко возросшими темпами транспортной мобильности населения.

Интерес вызывает история создания единственного на сегодняшний день удачного примера города-спутника г. Москвы – города Зеленограда. Уютная, хорошо вписанная в ландшафт застройка, близость к природе, удобная связь жилых районов с местами приложения труда, быстрые и удобные транспортные связи со столицей – все это сделало Зеленоград привлекательным городом-спутником, в том числе и для москвичей. Поскольку строящийся город основывался как комплексный центр советской электроники и микроэлектроники, то со временем за городом закрепилось прозвище «Русская Кремниевая долина». При строительстве г. Зеленограда многое было сделано впервые, что тоже положительно повлияло на имидж города. На примере развития этого города-спутника выделим наиболее привлекательные условия для потенциальных жителей российских городов-спутников:

месторасположение города-спутника (недалеко от города-ядра);

хорошая транспортная доступность;

мелодичное, модное на все времена название населенного пункта;

специализированность поселения с концентрацией жителей с высоким уровнем образования (во избежание потенциальной неблагоплучной социальной обстановки в случае экономических кризисных ситуаций), т. е. избежание так называемой разношерстности населения;

применение новых технологий при строительстве зданий;

присутствие во всем «ноу-хау» именно для данного поселения;

сам облик нового города должен быть идейно выдержан.

Однако за последние 15 лет наибольший интерес стали вызывать именно элитные минигородские застройки. Так, в 2012 г. лауреатами ежегодной премии в области недвижимости и финансов TREFI (Top Real Estate And Finance), целью которой является поощрение продвинутых и перспективных проектов в сфере недвижимости, стали первый в России малоэтажный город-спутник Новое Ступино и комплекс с *апартаментами* класса de luxe «Актёр Гэлакси». В малоэтажном городе Новое Ступино предполагается *строительство коттеджей*, *таунхаусов*, дуплексов и трехэтажных *многоквартирных домов*, различных социальных объектов, центра деловой активности и многочисленных рекреационных зон. 30-этажный комфортабельный комплекс с апартаментами «Актёр Гэлакси» расположен на Курортном проспекте г. Сочи. Кроме уникальной архитектуры и расположения на первой линии моря, жители смогут насладиться преимуществами курортной жизни, не выходя за его пределы. На охраняемой территории предусмотрены благоустроенный пляж, бассейн, фитнес-клуб, ресторан и бар, сервисные службы и spa-центр [6].

В Украине, согласно экспертным оценкам риэлторов, в 2009 г. коллапс на рынке недвижимости затронул не только жилье в городах-миллионниках, но пострадали от кризиса и города-спутники, причем сильнее, чем мегаполисы. В течение «кризисного» 2009 г. недвижимость в городах-сателлитах подешевела на 35–65 %. Почти повсеместно перестало достраиваться первичное жилье. Еще в 2004–2005 гг. покупка жилья в пригороде крупного города для

многих состоятельных людей была чуть ли не единственной возможностью стать квартировладельцем за разумные деньги. Поэтому спрос был велик и цены, соответственно, росли. Например, если в 2005 г. в Киеве однокомнатную квартиру дешевле 50 тыс. долларов найти было сложно, то в «спутниках» за такие деньги можно было купить «двушку». А уже в 2008 г. цены на недвижимость в столице и некоторых ее «спутниках» практически сравнялись.

В наши дни киевские риэлторы отмечают, что отток рабочей силы из крупных городов привел к тому, что спрос на квартиры в городах-спутниках сильно упал. Людей, готовых покупать жилье в пригороде, чтобы таким образом «закрепиться» в столице, почти нет. А жителям самой столицы покупка недвижимости в «сателлитах» сейчас малоинтересна, тем более что в самих мегаполисах цены ощутимо «просели». Недвижимость подешевела в «спутниках» всех крупных городов Украины, кроме приморского города Ильичевска – «сателлита» г. Одесса. В г. Ильичевск стоимость квартир не отличается от стоимости недвижимости в областном центре.

В начале кризиса украинские аналитики рынка недвижимости предполагали, что в городах-спутниках рынок недвижимости почувствует влияние кризиса не так сильно, как в мегаполисах. Однако в 2009 г. наблюдались и отсутствие спроса и обвал цен. Прогноз был следующий: развитие рынка недвижимости в пригородах во многом зависит от «общей температуры по больнице». Т. е., если национальная валюта (гривна) продолжит свое шествие вниз, то ожидать оживления рынка недвижимости не стоит. Если возобновится активное кредитование населения, то, очевидно, цены пойдут вверх, но не так быстро, как в областных центрах.

В настоящее время квартиры в городах-спутниках г. Киева давно стали альтернативой более дорогому жилью в столице. Потенциальный покупатель квартиры в пригороде получает как преимущества, так и недостатки загородной жизни. Во время кризиса спрос на «первичку» медленно, но уверенно падает, перетекая в повышение спроса на «вторичку». Покупатели стали побаиваться инвестировать в новостройки, чьи шансы на реализацию в данный период времени значительно уменьшились. Поэтому в пригороде существует новая тенденция: потребители предпочитают заплатить больше, но при этом получить реальные квадратные метры вместо красивых проспектов жилого комплекса, судьба которого туманна. Изменилась структура спроса на пригородное жилье: люди переключились с 2- и 3-комнатных на 1-комнатные квартиры по причине приобретения жилья на собственные сбережения, а не на заемные средства. Для украинских жителей основной самый сильный стимул приобретения недвижимости в городе-спутнике – это приемлемая стоимость жилья.

Поскольку не каждый комплекс в украинских городах-спутниках соответствует принципу «Добираться на работу в центр столицы быстро, удобно и недорого», то в выборе города-спутника потенциальные жители придерживаются следующих критериев: во-первых, чем больше город, тем выше спрос на жилье; во-вторых, близость к столице или городу-миллионнику; в-третьих, уровень строительной активности в каждом из городов-спутников [7].

В последние годы правительство Казахстана обеспокоено тем, что население самого крупного города Казахстана – Алматы – бурно растет. В настоящее время оно составляет примерно 1,5 млн человек, а в летний период достигает 2 млн человек. Власти Казахстана надеются, что строительство городов-спутников позволит стабилизировать ситуацию с населением Алматы, а также будет способствовать снижению цен на рынке жилья южной столицы.

По официальному заявлению властей города-спутники, которые планируется построить вдоль трассы Алматы-Капшагай, будут «спальными» районами с небольшими производствами. Создание производств будет решаться через частно-государственное партнерство, т. е. государство предоставит земельные участки, обеспечит прокладку инженерных сетей, а частник придет со своими инвестициями. Кроме того, государство возьмет на себя строительство объектов социальной инфраструктуры, таких как школы, детские сады, больницы и др.

Проект строительства городов-спутников от Алматы до Капшагая был разработан вскоре после того, как власти Республики Казахстан решили сосредоточить все игорные заведения на правом побережье Капшагайского водохранилища (а также в Шучинско-Боровской курортной зоне Акмолинской области, в центре республики). Население расположенного в 70 км от Алматы Капшагая едва достигает 50 тыс. человек.

Проект строительства четырех городов-спутников получил название «G4 City». Основные цели разработчиков проекта «G4 City» – это вывод из Алматы большей части казахстанцев, приехавших в город на заработки или на ПМЖ. Также появление городов-спутников должно способствовать снижению цен на рынке жилья в Алматы и решить проблему отсутствия возможности строительства относительно недорогого жилья в Алматы. Планируется, что в каждом из четырех городов-спутников будут жить не менее 100 тыс. человек. Первый город-спутник предполагается назвать Gate City (Ворота города). Он будет располагаться в районе Первомайки – это жилой массив Алматы – на пересечении трассы Алматы – Усть-Каменогорск и Большой объездной алматинской дороги. Gate City запланирован как международный деловой и финансовый центр, где будут находиться бизнес-центры, гостиничные комплексы международного уровня и торгово-развлекательные центры. Помимо коммерческой недвижимости в них будет отведена большая зона под жилые массивы. Жилая недвижимость будет включать в себя жилье эконом- и бизнес-класса. Второй город – Golden City (Золотой город) – будет построен в районе Дмитриевского моста в качестве жилой зоны. Третий – Growing City (Растущий город) – построят в районе Николаевского моста, и он станет промышленным центром. Окружать его будут НИИ, фабрики, заводы, вузы и колледжи. Четвертый город – Green City (Зеленый город) – будет возведен на берегу Капшагайского водохранилища и станет туристическим центром, окруженным многочисленными коттеджами, развлекательными комплексами и полями для гольфа.

В настоящее время разногласия среди правительственных чиновников в планах реализации проекта строительства городов-спутников, финансовые затруднения из-за отсутствия заинтересованных инвесторов, последствия как мирового, так и внутреннего экономического кризисов, а также простое недоверие к данному проекту большинства населения Казахстана не позволяют начать полномасштабные работы возведения «G4 City» [8; 9].

Однако необходимо отметить и положительные стороны *идеи* проекта «G4 City». Во-первых, осуществлены профессиональная разработка и создание сайта, посвященного проекту «G4 City» (Интернет-адрес: http://www.g4city.kz). На данном интернет-ресурсе дана подробная информация о компании разработчиков данного проекта, инвесторах, партнерах, о самом «G4 City». Для налаживания доверительного отношения с населением рассказано о внутренней социальной и кадровой политике компании ТОО «G4 City». Во-вторых, тематически грамотно подобраны названия городов-спутников, которые в итоге должны слиться в единый мегаполис (по замыслу авторов проекта). Кроме того, для самих казахов слова «гейт», «голдэн», «гроуин» и «грин» не будут звучать инородными, поскольку в казахском языке буква «г» морфологически часто используется, в том числе и в названии национальной валюты «тенге». В-третьих, авторы программы «G4 City» проблему коммуникаций решили радикально: города-спутники планируется выстроить вдоль уже существующей трассы Алматы–Капшагай. Ее расширят до шести полос. В качестве дополнительной дороги западнее ее по плану будет еще одна трасса. Электрички, которые в Беларуси и России, например, для жителей пригородов крупных городов являются основным средством передвижения, решено не вводить в эксплуатацию по причине нецелесообразности (из-за пока низкого пассажиропотока).

На основании выше изложенного анализа международного опыта влияния социальной и градостроительной политики на становление и развитие городов-спутников выделим следующие важные моменты социально-экономического и психологического характера, возникающие в результате диалога города-ядра и города-спутника. Итак, современные города-спутники рассчитаны на самодостаточность, т. е. люди живут в них и работают. Однако различные исследования показали, что большинство людей, живущих в городе-спутнике, работают за его пределами, и, наоборот, большинство тех, кто работает в городе-спутнике, живет за его пределами. Как результат – увеличение времени на длительные поездки для большого числа населения. На Западе и в Юго-Восточной Азии экономика большого современного города основана на мобильности рабочей силы и ее интеграции в рынок труда. Это означает, что все столичные места должны быть физически доступны для всего активного населения столичного региона. Если этого не существует, то семьи ограничивают поиск работы районом, где проживают. Если семья хочет сменить место работы, то она вынуждена изменить и место проживания. Также если семья хочет переехать в новый дом, то ее члены должны менять и место работы.

Кроме того, проблемой современного города-спутника может стать тема «NIMBY!»-явления (Not In My Back Yard – Не в моем дворе!) – это личный страх горожанина за последствия коллективности ровно настолько, сколько за все, что является необычным и новым. Проблема современного урбанизма – это культура жизни в коллективе города. «WIMBY!» – Добро пожаловать в мой двор! Чтобы город не судили по степени, в которой он выполняет наши предвзятые желания, ожидания и нормы, а судили по возможностям, которые он предоставляет для обновления личности и интеграции его в общество.

Литература

1. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 июня 2010 г. № 976 «О государственной программе строительства крупных жилых районов для жителей г. Минска в городах-спутниках и выноса (переноса) из столицы в населенные пункты республики некоторых производственных объектов». – Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь, 2012. – Режим доступа http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21000976&p2={NRPA}. – Дата доступа: 20.10.2012.

2. Города-спутники вокруг больших городов (в разных странах). – ТСЖ: Товарищество собственников жилья, 2012. – Режим доступа: http://seonext.ru/node/535. – Дата доступа: 11.04.2011.

3. WiMBY! The International Building Exhibition Rotterdam – Hoogvliet. – International Metropolis Project, Rotterdam. – Режим доступа: http://international.metropolis.net/events/rotterdam/papers/5_agenda_IBT.htm. – Дата доступа: 11.04.2011.

4. The Science of Vaastu Shastra for your House, Urban Problems Haunting the Indian Cities. – MARG Ltd., India. – Режим доступа: http://www.margproperties.com/blog/. – Дата доступа: 03.09.2012.

5. *Белев, Е. И.* Земля и люди/Е. И. Белев, Р. С. Митин. – М.: Мысль, 1972. – 424 с.

6. Город-спутник Новое Ступино и комплекс «Актёр Гэлакси» стали лауреатами премии. – Индикаторы рынка недвижимости, Москва, 2012. – Режим доступа: http://www.irn.ru/news/67410.html. – Дата доступа: 22.10.2012.

7. Сколько стоит жилье в пригородах крупных городов. – ДЕНЬГИua, Киев. – Режим доступа: http://dengi.ua/clauses/59563_Skolko_stoit_zhile_v_prigorodah_krupnyh_gorodov.html. – Дата доступа: 11.04.2011.

8. Миражи в пустыне. – Республиканская газета «Караван», Алма-Аты, 2008. – Режим доступа: http://www.caravan.kz/article/8920. – Дата доступа: 02.04.2012.

9. *Клеменкова, К.* G4 City – города-спутники. Идея идеальных маленьких городков будоражит умы / Страна и мир. Казахстанский общественно-политический еженедельник [Электрон. ресурс]. – № 44 (486) 20 марта 2012. – Режим доступа: http://sim.kz/obshhestvo/g4-city-goroda-sputniki.html. – Дата доступа: 05.05.2012.

I. A. ANDRAS

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF CONSTRUCTION OF SATELLITE TOWNS

Summary

In the article development of foreign system of satellite towns is analyzed. The characteristics of formation of satellite towns in Western Europe, South-East Asia, Russia, Ukraine and Kazakhstan are allocated. Socio-economical and psychological aspects of residence in satellite towns are defined.

Key words: satellite town, social infrastructure, socio-economical and psychological aspects, conditions of attraction.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.422:64(476)

Д. В. НАЗАРОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (по материалам социологических исследований в г. Минске)

Рассматриваются проблемы в жилищно-коммунальном хозяйстве (ЖКХ) Республики Беларусь. Представлены данные социологического исследования по г. Минску. Анализируются также социальные инновации в этой сфере.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, управление, профессиональная подготовка, гражданская активность.

В настоящее время в жилищно-коммунальной отрасли Республики Беларусь существует проблема, связанная с недостаточной экономической эффективностью и нерентабельностью оказания услуг населению. Тарифы на жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) и их рост обусловливаются в основном не рыночными регуляторами, а устанавливаются с учетом роста заработной платы и доходов населения. Такая социальная направленность политики государства оправдана с точки зрения сохранения стабильности и недопущения недовольства, роста социальной напряженности в обществе. По оценкам специалистов население в среднем оплачивает только 15–30 % от себестоимости оказанных услуг. При этом следует отметить, что дотируется вся государственная система ЖКХ по категориальному принципу, в то время как в Беларуси существуют механизмы адресной социальной помощи для населения по заявительному принципу, которые по оплате коммунальных услуг задействованы далеко не в полной мере. Социальной же потребности в реформировании системы ЖКХ пока в стране не наблюдается. Существующая в настоящее время в подавляющем большинстве государственная система ЖКХ апробирована и отшлифована годами и десятилетиями. Она прозрачна и понятна для населения, что и объясняет высокую степень доверия к ней среди населения. Между тем сегодня более 80 % жилья приватизировано, т. е. находится в частной собственности граждан. Это создает реальное противоречие между формой собственности и ответственностью, условиями эксплуатации и оплаты ЖКУ. Население не всегда понимает и знает о перекрестном субсидировании. Таким образом, *именно экономической целесообразностью* и обусловлена реальная необходимость реформирования системы ЖКХ в Беларуси.

Основная задача реформирования видится в соблюдении оптимального баланса между экономическими и социальными факторами функционирования отрасли. При этом большая надежда возлагается на социальные и организационные инновации в сфере жилищно-коммунальных отношений.

В качестве одного из направлений реформирования системы ЖКХ рассматривается передача прав управления и распоряжения жилищно-коммунальным фондом на частные инициативы жильцов через создание товариществ собственников жилья (ТСЖ). Концепция развития жилищно-коммунального хозяйства Беларуси до 2015 г. также предусматривает на третьем этапе (2010–2015 гг.) доведение доли жилищного фонда, обслуживаемого на конкурсной и частной основе, до 100 %. Существует опасность, что дотируемость отрасли может «подстегнуть» к ускорению процесса реформирования как раз в тот момент, когда это социально неоправданно и, по сути, слабо реализуемо на практике. Любой переход от одной системы организации к другой подразумевает наличие этой «другой системы». Насколько частный сектор и бизнес готовы и заинтересованы прийти на рынок ЖК услуг в Беларуси и покрыть полностью тот масштаб работ, которые выполняют государственные организации? Надо отметить, что государство существенно дотирует только государственную систему ЖКХ, частные фирмы в сфере обслуживания населения в этой сфере вынуждены работать в условиях рынка, оказывая услуги по жестко установленным тарифам. Естественно, что они не являются конкурентоспособными в этом сегменте рынка, поэтому количество частных фирм не только не растет, но, ранее успешно работавшие фирмы начинают сворачивать свою деятельность по облуживанию жилфонда.

Без тщательной проработки социальной, экономической и юридических сторон переход одной системы к другой (от государственной к частной) может обернуться «шоковой терапией» для населения, и не только с финансовой точки зрения. Поменяется устоявшая и годами отшлифованная система социальных, общественных отношений в данной сфере. Новая система, основанная на ТСЖ и частном бизнесе, подразумевает в первую очередь *активность самих людей*, *готовность их самостоятельно и коллегиально решать возникающие проблемы, способность договариваться, искать, выбирать*. Насколько готово население принимать активное участие в самоуправлении своим жилфондом, какие тенденции в развитии товариществ собственников жилья имеют место, с какими проблемами сталкиваются органы государственного управления в лице специалистов администраций районов – все эти вопросы стали основными при проведении нами специального социологического исследования по г. Минску (июнь–июль 2012 г.). В ходе интервью со специалистами финансовых и отделов городских хозяйств выяснялись типичные проблемы, которые возникают у ТСЖ и ЖСПК, методы работы с ТСЖ, характер жалоб, поступающих от населения, и т. д. В исследовании представлены все 9 районов г. Минска.

В ходе исследования были собраны и проанализированы следующие статистические данные:

количество ТСЖ, ЖСПК (по районам города);

количество ТСЖ и ЖСПК, самостоятельно обслуживающих свой жилищный фонд без привлечения государственных структур ЖРЭО, ЖЭСов;

количество ТСЖ и ЖСПК, получающих дотации от администраций районов за 2012 г.

Результаты исследования. В исследование была включена также такая давно функционирующая форма управления, как ЖСПК (жилищно-строительный производственный кооператив), так как там также существует реальная возможность самоуправления жильцов. При этом юридически форма ЖСПК более «мягкая», так как согласно Указу Президента Республики Беларусь от 28.01.2008 г. № 43 не требует для принятия коллективных решений кворума, который часто трудно соблюсти как в ТС. Товарищества собственников (ТС) на нежилые помещения не были включены в анализ. Статистические данные представлены в таблице.

Количество единиц негосударственных форм управления ЖКХ в г. Минске и их экономическая самостоятельность (в абсолютных цифрах)

Форма управления	Общее количество по г. Минску	Из них на самостоятельном обслуживании	Получают дотации от администрации районов в 2012 г. (из тех, кто на самостоятельном обслуживании)
ТСЖ	378	285	76
ЖСПК	962	60	14

ГПО «Минское городское жилищное хозяйство» дает иную статистику за тот же период, собранную в отделах регистрации юридических лиц администраций районов. Так, в Минске зарегистрировано 458 товариществ собственников жилья. Столь существенная разница в 80 ТС (17 %) не может входить в пятипроцентную статистическую погрешность и отражает, скорее, само состояние этих ТСЖ. По словам специалистов «Мингоржилхоза», это может быть объяснен несколькими моментами: часть еще только возникли и «не дошли» до статистики отделов городских хозяйств (т. е. там еще с ними не работают) либо *уже* не функционируют полноценно как ТСЖ (нет председателей и т. д.) и находятся на обслуживании ЖРЭО. Опишем те проблемы и тенденции, которые были нами зафиксированы по результатам анализа статистических данных и интервью со специалистами отделов городских хозяйств.

1. *Ситуация при форме правления ЖСПК.* Как видно из данных, представленных в таблице, «самостоятельность» в обслуживании ЖСПК в перерасчете на проценты и в среднем по Минску составляет лишь 6 %. И это без учета обращений за получением государственных дотаций. Большой процент ЖСПК, находящихся на обслуживании в государственной системе, объясняется привычными социально-экономическими практиками, которые были сформированы еще в советские времена, когда не было возможности альтернативного государству технического обслуживания. При форме управления ЖСПК возникают серьезные проблемы, которые можно разделить по времени существования ЖСПК на «старые» и «новые». Для «старых» ЖСПК харак-

терной проблемой является выдача справки о паевых взносах, необходимых при оформлении документов на собственность жилого помещения. Особенно это актуально для тех ЖСПК, которые обслуживаются в ЖЭСах, а жильцы не видят необходимости иметь своих председателей. Иногда это связано с сохранением документации и отсутствием понимания юридической ответственности за это соответствующих людей в правлении ЖСПК; чаще, как уже было сказано ранее, – с непониманием жильцами целесообразности и необходимости в избрании председателя, который эти документы должен оформить. Поскольку Администрации районов являются органами исполнительной власти, в их обязанность входит контроль за соблюдением прав людей и реагирование на их ущемление, и, когда это невозможно осуществить через суды, все эти вопросы адресуют им. Странно выглядел бы иск гражданина, желающего наконец получить право собственности при выплате всех паевых взносов в суд на всех своих соседей за то, что они не могут прийти к соглашению и выбрать председателя для выдачи такой справки. Такие проблемы, законодательно непредусмотренные, приводят, например, к тому, что специалисты городского хозяйства, куда направляется жалоба, занимаются организацией собраний жильцов, имея на руках полный список юридически «альтернативно осуществляемых управление» своим ЖКХ граждан. Так, в Ленинском районе в 2011–2012 гг. такие собрания по одному из обращений в ЖСПК проводились по инициативе Администрации района более 15 раз. Статистически такие проблемы возможно и несущественны, но иллюстрируют несовершенство и уязвимость такой формы управления: пассивность и отсутствие гражданских инициатив самих граждан, существенную нагрузку на органы исполнительной власти.

Относительно «новых» проблем в ЖСПК, помимо судебных споров с застройщиками по поводу некачественного строительства, является тенденция к переходу новых домов на обслуживание в ЖЭСы по мере оформления жильцами прав собственности. Часто застройщики сами заинтересованы в техническом обслуживании жилфонда именно посредством государственной системы ЖКХ. Обусловлено такое решение уровнем доверия и уверенностью в профессионализме специалистов государственной системы ЖКХ и связано с экономической целесообразностью – заказчик заинтересован в правильной эксплуатации оборудования хотя бы до срока окончания гарантийного обслуживания. И это проблема не государства, а частных фирм, стоящих только в начале пути по завоеванию рынка. Также позитивным моментом для снятия всевозможных злоупотреблений и социальной напряженности среди членов ЖСПК выступает то факт, что при сдаче нового дома в эксплуатацию в комиссию приглашаются специалисты ЖРЭО.

2. *Ситуация при форме правления ТСЖ.* Как видно из представленных данных (см. таблицу), в перерасчете на проценты и без учета обращений за дотациями, самостоятельность при обслуживании свого ЖКХ проявляют 75 % товариществ собственников жилья в г. Минске. И это при том, что такая форма управления, по сравнению с более ранней – ЖСПК, берет начало только

в 1999 г. Здесь интересным нюансом для последующих исследований выступает проблема смены жильцов-собственников, изменения председателей и «актива» в рамках одного ТСЖ, т. е. их конкретная динамика «самостоятельности» и эффективности в самоуправлении по времени их функционирования. Так, по данным интервью специалистов городского хозяйства, проблемы в ТСЖ (по жалобам в Администрации районов) как раз и возникают со временем: при «сложении полномочий» прежними председателями по ряду причин, выборе новых председателей и членов правления и т. д.

Существенным также является тот факт, что *ни одно ТС многоквартирного дома не было создано по инициативе самих жильцов*, т. е. не было перехода от управления в ЖЭСах к созданию товариществ. Вместе с тем наблюдается обратная тенденция – жильцы не всегда понимают возможности самоуправления или пересматривают свои позиции в пользу государственной системы ЖКХ. *И рост ТСЖ и ЖСПК происходит исключительно из-за ввода новых домов в эксплуатацию.* После проведения капитального ремонта жильцы все равно не заинтересованы в изменении формы правления, несмотря на специально проводимую работу с населением по рекламе ТС, проводимую идеологическими отделами администраций. Если обратиться к опыту РФ, то эксперты так интерпретируют процесс перехода форм управления: «Создание ТСЖ – это инициатива государства, имеющего огромную задолженность перед ЖКХ, позволяющая полностью избавиться от обязательств по содержанию жилого фонда» [1, с. 182–183]. То есть создание ТС – это инициативы и инновации «сверху», не всегда соответствующие реальным ожиданиям и возможностям людей «снизу». Если в сфере ЖКХ часто говорят о культуре быта (аккуратность, бережное отношение к местам общего пользования, чувство собственника и т. д.), то здесь также необходимо говорить и о гражданской культуре, *гражданской активности.* Ведь такие формы самостоятельного управления, как ЖСПК, ТС в первую очередь подразумевают не столько прагматичность, хозяйственность, сколько *активное участие жильцов и их умение договариваться* при выработке совместного решения. Это не является какой-то характерной особенностью в области жилищного самоуправления, а представляет собой состояние общественного сознания, психологию людей.

Несмотря на популяризацию в Беларуси, своего рода рекламу, идеи самоуправления жильцов через создание ТС, негативное влияние на общественное мнение оказывает опыт соседней России. Не разобравшись в существенном отличии ситуации с ТСЖ в РФ и Беларуси, под воздействием негативной информации из телевидения, газет и личного общения они проецируют российские проблемы на наши реалии. Эмпирически это проявляется в жалобах, недоверии своими председателями и членам правления в части оплаты ЖКУ. Такие жалобы довольно часто встречаются *во всех* исследуемых районах Минска. Специалисты городского хозяйства в обязательном порядке их рассматривают, соотнося с тарифами на ЖКУ, которые приняты законодательно. И почти во всех случаях нарушения найдены не были либо носили несущественный характер (в пределах 500–2000 белорусских рублей). Вместе с тем

финансовая деятельность самих ТС законодательно является неподконтрольной органам исполнительной власти в лице администраций районов. По законодательству они не имеют права вмешиваться в финансово-хозяйственную деятельность ТС.

Между ситуацией с российскими ТСЖ и белорусскими в этом вопросе имеются существенные отличия. В их основе лежит отсутствие *жестких тарифов на ЖКУ* (отличие в законодательстве) и *рыночные механизмы при оценке работ частными фирмами в России*. Два этих факта тесно взаимосвязаны между собой и в результате дают ту ситуацию, которую имеют россияне. Более того, как пишут российские эксперты в области ЖКХ, «Контроль со стороны государства за деятельностью частных управляющих компаний, которые в большинстве своем образовались из бывших ДЭЗов, не осуществляется, так как услуги по управлению в сфере ЖКХ не подлежат лицензированию. Управляющим компаниям дано право на установление тарифов за пользование услугами ЖКХ. При этом нет мер их наказания за невыполнение своих обязательств, необоснованное завышение тарифов и предоставление некачественных услуг». «Процесс создания ТСЖ активизировался после выделения бюджетных средств на капитальный ремонт жилого фонда» [1, с. 183]. При этом часто возникают «серые» схемы мошенничества с ТСЖ. Тем не менее ситуация с ТСЖ не столь однозначно негативная. Поскольку государственных обслуживающих компаний уже нет, то ТС являются реальным инструментом контроля жильцов, возможностью их выбора управляющих компаний.

Необходимо отметить, что форма управления многоквартирным домом через создание ТС и в Беларуси имеет ряд положительных моментов. Здесь нет опосредованной связи между отчислениями граждан и проделанной работой – каждый жилец видит, куда конкретно идут его деньги, даже если стоимость технического обслуживания в тот или иной момент времени превышает аналогичные отчисления в соседних домах. Жильцы в курсе проблем по ведению хозяйства, так как если их стоимость по графе «техническое обслуживание» превышает государством установленный тариф, то прописывается отдельной строкой: ремонт кровли, замена котлов и т. д. Естественно, что платя больше и видя, куда направляются деньги, жильцы осуществляют более тщательный контроль за использованием средств. Они непосредственно могут пожаловаться и председателю, и членам правления, просто встречая их возле лифта и т. д. С другой стороны, это создает неудобства для самих председателей, которые в результате имеют ненормированный рабочий день. Среди тех председателей, которые складывают с себя полномочия, можно часто услышать жалобу на то, что жильцы звонят или приходят по вопросам домоуправления к ним домой в любое время, иногда и ночью. Очевидно, что такое смешение личного и профессионального пространств не является положительным моментом. Если у работников ЖЭСа, информационно-справочных центров есть жестко установленный график работы, то по отношению к представителям ТС жильцы не всегда соблюдают необходимую «дистанцию». Все эти примеры демонстрируют нюансы, различие частной системы управления жилфондом

от государственной: экономические отношения, социально-профессиональное взаимодействие и т. д.

Только благодаря *гражданской активности* самих жильцов дома и внутридворовые территории ТС выглядят более благоустроенными, что часто ставится в пример при рекламировании такой формы управления ЖКХ. Распределение парковочных мест для автотранспорта, детские развлекательные сооружения, цветочное оформление, росписи подъездов – все это становится возможным и оперативно воплощенным после получения одобрения жильцов из-за активных финансовых вливаний (при государственном управлении же надо ждать, когда поступят деньги и будут распределены на то или иное усовершенствование). Между тем жильцам домов, состоящих на обслуживании в ЖЭСах, никто не мешает также в частном порядке собрать деньги для тех или иных видов благоустройства, договориться о парковочных местах и т. п. Но они ждут и считают, что это обязанность ЖЭСов. Как видим, в основе различий лежит не сама по себе форма управления и ее реальные возможности, а психология, активность самих граждан.

3. *Общие проблемы при самостоятельном обслуживании жилищного фонда, возникающие при управлении ЖСПК и ТСЖ*. Ранее мы уже обозначили низкую степень гражданской активности, теперь же рассмотрим более формальные моменты.

Во-первых, *недостаточный профессионализм в управлении ЖКХ*. Как председатели, члены правления и иные «нетехнические» работники ТС и ЖСПК, по сравнению с работниками государственного ЖКХ практически не имеют специального образования и многолетнего опыта работы. Это люди, которые приняли на себя обязательства по выполнению данной работы почти безвозмездно. Редко можно встретить в ТС и в ЖСПК тех, кто за свою работу получал бы достаточное вознаграждение. Чаще они соглашаются быть председателями именно на волне энтузиазма, не всегда понимая сложность работы и *не рассматривая эту свою деятельность как экономически основную*. Здесь также необходимо отметить нежелание и непонимание самих жильцов того, что управление их ЖКФ – это ответственная и довольно сложная работа. Конечно, чтобы разобраться в мотивации председателей, требуются специальные исследования. Но в основной своей массе – это люди, которые по основному месту работы не связаны с ЖКХ. Наблюдается, правда, незначительная тенденция к увеличению числа тех председателей, которые управляют не только одним домом, но и несколькими, получая за эту работу достаточные средства и выполняя ее профессионально. Насколько эта тенденция получит распространение – неизвестно. Все зависит от экономической эффективности и целесообразности вообще ведения ТС и ЖСПК самостоятельного управления в обслуживании своего жилфонда.

В последнее время законодательство относительно представителей ТС ужесточается. Согласно последним законам – Указ Президента РБ от 14 октября 2010 г. № 538 «О некоторых вопросах деятельности товариществ собственников и организаций застройщиков» – председателем ТС может быть выбран че-

ловек, имеющий только юридическое, экономическое, техническое образование (среднее специальное или высшее) или достаточный опыт работы и прошедший специальные курсы. С одной стороны, это существенно затрудняет возможности выбора соответствующей кандидатуры среди жильцов, с другой – такие специальности не предполагают конкретных знаний непосредственно в сфере ЖК управления. В результате в ТС и ЖСПК, находящихся на самообслуживании, нередко встречаются различные нарушения. Даже при простом предоставлении списка жильцов в местные администрации (для формирования списков избирателей и др.) у некоторых ЖСПК и ТСЖ возникают проблемы. Специалистам администраций районов приходится многократно связываться с их представителями. И насколько процедура составления списков тех же избирателей была бы усложнена, если бы *весь* жилищный фонд находился бы в частном управлении?

Относительно *технических* специалистов ЖСПК и ТС, то тут также есть свои специфические проблемы. В основном кадровый состав технических работников – это либо пенсионеры, отработавшие в системе ЖКХ и др., либо в настоящий момент там работающие и подрабатывающие в ТС, ЖСПК на полставки. Насколько они профессионально осуществляют свою деятельность, судить трудно, так как многие дома ТС и ЖСПК – это все-таки дома новые, с новой технической инфраструктурой. Однако, как показывает собрание в администрации Советского района (6 июля 2012) с приглашением специалиста Энергонадзора, вопросов очень много: от получения паспорта готовности к отопительному сезону, незнания технических деталей по промывке теплосетей, проверки оборудования, аттестации технических специалистов по тому оборудованию, которое эксплуатирует ТС или ЖСПК и т. д. Следует учесть и тот факт, что количество явившихся на собрание представителей ТС, ЖСПК и КИЗ-ов почти в 2–2,5 раза меньше, чем было приглашено.

Профессионализм технических работников, обслуживающих жилищный фонд, является наиважнейшей проблемой в сфере негосударственной системы ЖКХ. Так, например, в Российской Федерации в ходе реформ были допущены подобные просчеты: управляющие фирмы не обременены поиском высококлассных специалистов, так как их деятельность (управляющих фирм) не подлежит лицензированию с четкой фиксацией того, кто имеет право занимать те или иные должности. По результатам сравнительных исследований на протяжении многих лет социологи отмечали падение уровня образования среди работников ЖКХ РФ. И теперь, в настоящее время, «Согласно последнему исследованию Академии коммунального хозяйства и строительства, доля работников ЖКХ с высшим профильным профессиональным образованием к 2012 г. составила всего 7 %. А дефицит профессиональных кадров в этой отрасли превысил 47 %. При этом в сфере ЖКХ трудится более 2 млн человек. «Большое количество людей в отрасли – это признак устаревших технологий и низкой производительности труда, – сокрушается член Комиссии Совета Федерации по жилищной политике и жилищно-коммунальному хозяйству Александр Починок – … Ни в одной стране мира нет такого огром-

ного количества людей, занятых в этой отрасли. К сожалению, сегодня никто из управленческого звена не имеет никакого понятия о ЖКХ, поэтому просто необходим проект подготовки кадров в этой сфере»» [2].

Все эти просчеты и ошибки в профессионализме работников негосударственного ЖКХ необходимо учитывать и при реформе в Беларуси, ужесточая законодательство в данной сфере.

Во-вторых, финансово-экономические трудности. Собирая плату с жильцов по жестко установленным государством тарифам, находящиеся на самостоятельном обслуживании ТС и ЖСПК за те или иные виды работ, платят по рыночным ценам. Если сопоставить цифры, то становится понятно, почему частные инициативы по управлению в ЖКХ не развиваются и сворачиваются – это просто экономически невыгодно. Если примерно только 16 % себестоимости оказанных услуг в ЖКХ оплачивает население, находящееся в государственной системе ЖКХ, то жильцы ТСЖ, ЖСПК за часть работ платят 100 %. Это не касается единых для всех тарифов на электроэнергию, газ, воду; а связано именно с надлежащим содержанием жилфонда, прилегающей территории и технической инфраструктуры. При этом государственные организации (по ремонту дорог, оборудования и проч.) оказывают услуги ТС, ЖСПК по рыночным ценам. Также существенным является момент «достаточного накопления средств» в рамках одного ТСЖ или ЖСПК для проведения тех или иных видов работ. Иногда применяется практика оформления банковского кредита.

При государственной же системе ЖКХ действует принцип солидарности: деньги собираются со всех и расходуются по мере возникновения проблем. Эта система очень удобна, так как позволяет распоряжаться достаточной суммой денег для проведения не только текущих работ, но и при капитальном ремонте. Вообще, тема капитального ремонта пока не актуальна для ТСЖ (так как эти дома относительно новые), поэтому данное направление поиска вариантов в Беларуси не столь проблематично.

Последние тенденции в России относительно схем отчислений на капитальный ремонт как раз демонстрируют возврат к принципу солидарности в накоплении и расходовании средств по данной статье. Рассматриваются различные варианты, вплоть до возврата к государственному регулированию. Как показывает опыт России, одному ТСЖ трудно накопить достаточную сумму и растянуть начало ремонта до того момента, когда ремонт действительно необходим. В процессе эксплуатации здания и инженерных сетей иногда возникают существенные поломки, которые требуют оперативного вмешательства. Выходом из данной ситуации является соединение счетов на капитальный ремонт нескольких ТСЖ, что уже практикуется в РФ.

В ходе же нашего исследования выяснилось, что объединений ТСЖ не происходит. Вероятность эффективности такого управления специалистами сомнительна, так как еще большему числу собственников будет все сложнее и сложнее договариваться и принимать коллективные решения. *Хотя с экономической точки зрения такие укрупнения довольно выгодны.* Это позволяет снижать расходы на управленческий и обслуживающий персонал, выбирать

более высокопрофессиональные кадры. Вообще, согласно спискам ТСЖ, предоставленным администрациями, количество домов в составе одного ТСЖ часто ограничивается единицами. Хотя есть и крупные товарищества собственников. Также есть председатели, которые ведут несколько ТС, однако юридически они не объединены. Все эти варианты – укрупнение ТС, создание единого фонда для аккумулирования денежных средств для проведения капитального ремонта – уже апробируются в России. И будет полезным следить за их реализацией с целью применения наиболее удачных практик.

Если сравнивать государственную систему ЖКХ и частную (ТСЖ, ЖСПК на самостоятельном обслуживании), то нельзя также не заметить удобство первой для населения. Последние инновации в государственной системе управления ЖКХ, такие, например, как создание информационно-расчетных центров, выгодно отличаются от форм обслуживания в ТСЖ, где одна только процедура получения справки о составе семьи зависит от графика работы единственного работника, устанавливающего график приема 1–2 раза в неделю. Безусловно, на все это нужно обратить внимание при реформировании системы ЖКХ, чтобы не потерять позитивные наработки в сфере обслуживания населения: опыт, профессиональные кадры, удобство для населения, понятность и прозрачность в расчетах для населения, подконтрольность.

Проведенный анализ проблемной ситуации в области инновационной активности и развития частных инициатив в жилищно-коммунальном секторе показал, с одной стороны, отсутствие реальных экономических стимулов к развитию частного предпринимательства в области ЖКХ и негосударственных форм управления (дотации государства перекрывают возможность конкуренции форм управления ЖКХ и развития частного предпринимательства в этой сфере, эта деятельность становится экономически невыгодной); с другой – намечается тенденция к свертыванию частных инициатив в ЖКХ (переход на обслуживание в государственную систему ЖКХ, «развалу» ТСЖ и т. д.).

Литература

1. Основные этапы реформирования жилищно-коммунального хозяйства // Эволюция нормативной базы социальных реформ / Аврамова Е. М. и др. – М.: ИСЭПН РАН, 2011. – 244 с.

2. «Российская газета» N 858 от 7 августа 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/printable/2012/08/07/zkh.html. – Дата доступа 10.10.2012.

D. V. NAZAROVA

PRIVATE FORMS OF GOVERNANSE IN HOUSING AND COMMUNAL SERVICES: ISSUES AND TRENDS

Summary

The social problems in the Housing and Communal Services (HCS) of the Republic of Belarus are explicated. The data of the survey in Minsk are demonstrated. The social innovations in this field are analyzed as well.

Key words: housing and communal services, management, professional training, civic engagement.

Поступила 18.10.2012 г.

УДК 316.564:621.039(476)

Е. В. МАРТИЩЕНКОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Е. М. БОРОДАЧЕВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На основе результатов социологического мониторинга проблем развития энергетической отрасли проводится сравнительный анализ динамики общественного мнения по вопросам использования атомной энергетики и строительству Белорусской АЭС.

Ключевые слова: динамика общественного мнения, регионы, социальные категории, энергобезопасность, энергоресурсы, энергоисточники, ядерная энергетика, техногенные аварии на АЭС.

Беларусь как суверенное государство вынуждена самостоятельно защищать свои интересы на мировой арене, решать проблемы жизнеобеспечения населения, развития экономики, социальной сферы, образования и культуры. Как показывает мировая практика, реализация в полном объеме данной цели возможна только при соответствующем энергообеспечении, достаточном уровне энергетической безопасности. Энергетика является одной из основных отраслей непосредственного жизнеобеспечения населения, удовлетворения потребностей в тепле, освещении, водоснабжении и т. д., столь же насущных, как питание, одежда, жилище. В силу этого энергетика, ее достижения и проблемы являются предметом самого пристального и заинтересованного внимания со стороны общества. Мониторинг общественного мнения о состоянии, проблемах и перспективах развития энергетической отрасли республики проводится Институтом социологии НАН Беларуси по заказу Министерства энергетики Республики Беларусь с сентября 2005 г. На каждом этапе исследований использовалась случайная республиканская территориальная многоступенчатая выборка в объеме 1500–2000 респондентов. К настоящему времени проведено 6 этапов исследования: в 2005, 2006, 2008, 2010, 2011 и 2012 гг.

С принятием решения об использовании атомной энергетики и строительства АЭС изучение динамики отношения населения к этим вопросам стало центральной задачей данного социологического мониторинга начиная с 2008 и далее в 2010, 2011 и 2012 гг., однако вопросы, связанные с атомной энергетикой, задавались и на первых этапах его проведения – в 2005 и 2006 гг.

На каждом этапе данного исследования респондентам задавался вопрос «Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?». Динамика отношения населения к данному виду энергии представлена на рис. 1. Как видно, до 2007 г. доля респондентов, поддерживающих развитие ядерной энергетики в Беларуси, была ниже доли негативно настроенных к этому процессу. В ноябре 2007 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 565 «О некоторых мерах по строительству атомной электростанции», что стимулировало реализацию соответствующих конкретных организационно-правовых, научно-исследовательских и проектно-изыскательских мероприятий, в том числе информационно-разъяснительную работу с населением. Как результат, произошла переориентация общественного сознания в сторону позитивного отношения к ядерной энергетике. Так, начиная с 2007 г., доля респондентов, поддерживающих использование в нашей стране данного вида энергии, превысила долю респондентов, выступающих против этого. С 2008 г. продолжается постепенный рост числа сторонников использования ядерной энергетики в республике (по сравнению с 2005 увеличилось приблизительно в 2 раза и составляет 55–60 %) и одновременное снижение доли противников (уменьшилось приблизительно в 2 раза и составляет 22–25 %).

В прошедшем 2012 г. наблюдалось незначительное снижение числа позитивно настроенного населения (с 59,4 в 2011 до 53,5 % в 2012, т. е. – 5,9 %), при одновременном снижении числа негативно настроенного населения (с 24,7 до 21,1 %, т. е. –3,6 %). То есть произошел отток некоторой части респондентов в группу неопределившихся (с 15,8 до 25,2 %, т.е. +9,4 %). Данный процесс

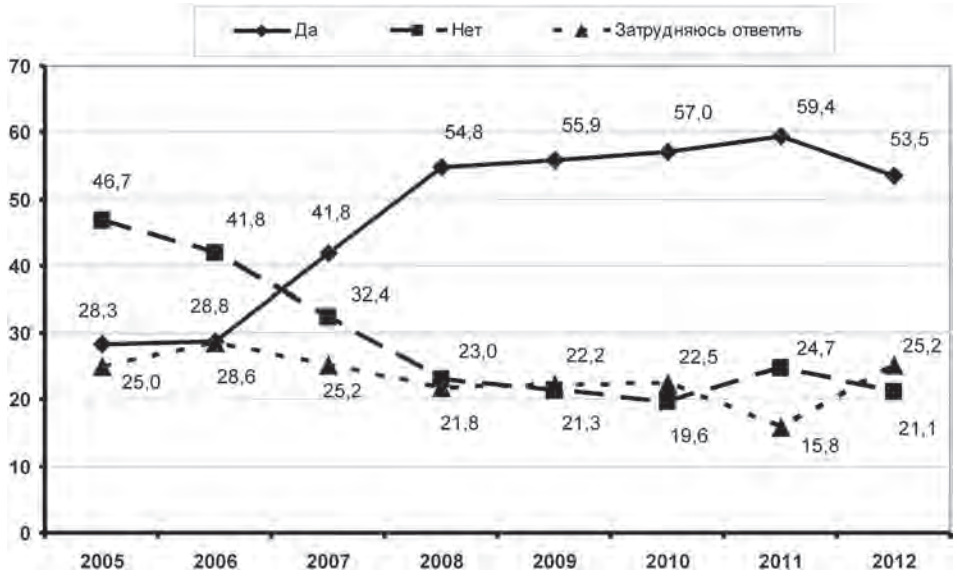


Рис. 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?», в % от числа опрошенных

можно объяснить событиями, произошедшими в апреле 2011 г. в Японии (авария на АЭС «Фукусима-1»). После этой аварии во многих республиканских и зарубежных СМИ возросло количество негативной информации по проблемам использования атомной энергетики, что заставило часть населения усомниться в своем отношении к использованию ядерной энергетики в республике.

В целом же эти колебания не изменяют общую позитивную тенденцию, а именно: в течение последних 5 лет большинство населения выступает за развитие ядерной энергетики Республики Беларусь, поддерживая государственный инновационный курс на создание собственных энергетических ресурсов. Индекс ($I_{ЯЭ}$) позитивного отношения к развитию ядерной энергетики[1] наглядно отражает сложившуюся в республике ситуацию в целом по данному вопросу. На рис. 2 отражена динамика изменения общественного мнения по рассматриваемой проблеме.

С целью более глубокого изучения общественного мнения в ходе всех этапов рассматриваемого мониторинга задавались дополнительные вопросы, позволяющие разобраться, из каких «компонентов» состоит и на фоне каких событий формируется общественное мнение по вопросу о необходимости использования атомной энергетики в Республике Беларусь. Ответы респондентов на них помогают глубже и предметнее понять, что более всего обуславливает положительное либо отрицательное их отношение к атомной энергетике, существенно дополняет картину общественных настроений по данной проблеме.

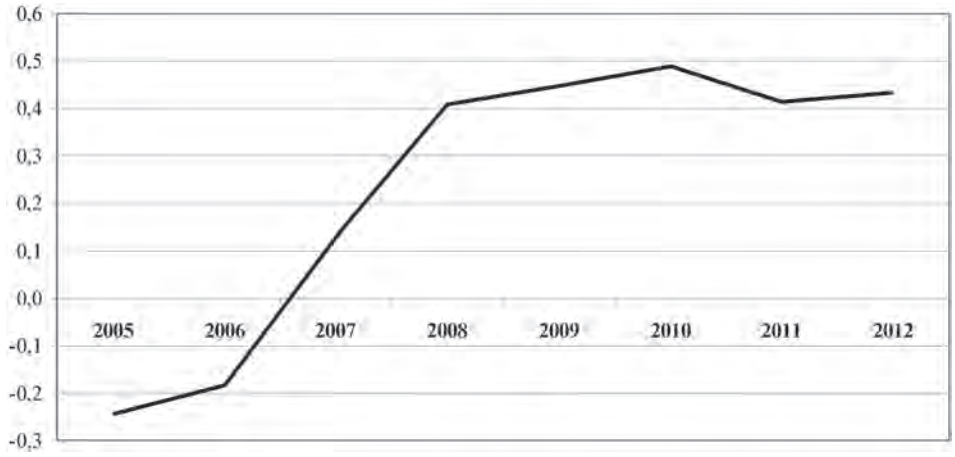


Рис. 2. Динамика индекса позитивного отношения к развитию ядерной энергетики в республике

[1] $I_{ЯЭ} = \frac{f_+ - f_-}{f_+ + f_-}$,

где $I_{ЯЭ}$ – индекс позитивного отношения к ядерной энергетике, f_+ – доля позитивно настроенных респондентов, f_- – доля негативно настроенных респондентов.

Для корректного анализа полученной в ходе проведения мониторинга информации необходимо соблюдение принципа равных временных интервалов между этапами исследования. Поэтому далее мы будем рассматривать данные по 4 этапам – за 2005, 2008, 2010 и 2012 гг. (приблизительный интервал проведения замеров – 2,5 года).

Так как ежегодная добыча и производство природных топливных ресурсов в Беларуси – прежде всего нефти, попутного газа, торфа, дров составляет около 15 %[1] общей потребности страны в топливно-энергетических ресурсов, то для Беларуси ключевой проблемой ТЭК остается проблема импорта нефти, газа, электроэнергии. Поэтому для того чтобы понять, как население республики оценивает энергобезопасность нашей страны, в ходе проведения мониторинга респондентам задавался вопрос: «В какой мере, по-Вашему, Беларусь в будущем будет испытывать затруднения с импортом энергоресурсов (нефть, газ, электроэнергия)?». Распределение ответов по данному вопросу демонстрирует определенную стабильность (табл. 1). Как видно из таблицы, население достаточно реалистично оценивает сложившуюся ситуацию в нашей стране и понимает, что полностью уйти от импорта энергоресурсов в обозримом будущем практически невозможно. Поэтому на вопрос, будет ли в будущем Беларусь испытывать затруднения с импортом энергоресурсов, количество респондентов, ответивших, что таких проблем у нашей республики не будет, на всех рассматриваемых этапах оказалось относительно небольшим (8–9 %). В то же время число тех, кто считает, что потребность в импорте энергоресурсов страна будет испытывать постоянно, составляет приблизительно пятую часть населения (за исключением 2008 г.), а утверждающих, что эти проблемы будут возникать иногда, – более половины опрошенных (54–58 %). Данная закономерность наблюдается на всех этапах, кроме 2008 г. (32,6 % и 49,1 % соответственно). Возможно, данная ситуация объясняется возникшими в этом году проблемами между Беларусью и российскими компаниями-поставщиками энергоресурсов. Постоянное муссирование в прессе данной проблемы привело к тому, что большинство наших граждан осознали отсутствие твердых гарантий в этом вопросе. Параллельно с принятием данного факта происходит переоценка населением республики своего отношения к строительству собственной АЭС – более половины населения высказались за использование ядерной энергетики в нашей республике (рис. 1). Данная ситуация также отразилась и на оценках перспективности использования уже задействованных или предполагаемых к использованию в энергетическом комплексе страны ресурсов.

В табл. 2 представлена динамика оценок населением перспектив использования разных источников для развития энергетики страны. При опросах на данных этапах исследований респондентам предлагалось ответить на вопрос, насколько, по их мнению, перспективен каждый из 11 названных источников энергии.

---

[1] Энергетика Беларуси: Состояние. Проблемы. Перспективы / В. В. Бобров [и др.]; под ред. М. Н. Хурса. – Минск: ФУАинформ, 2006. – С. 63.

Таблица 1. **Динамика ответов респондентов на вопрос: «В какой мере, по-Вашему, Беларусь в будущем будет испытывать затруднения с импортом энергоресурсов (нефть, газ, электроэнергия)?» (в % от опрошенных)**

Перечень вопросов	Сентябрь 2005 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.	Май 2012 г.
Постоянно	21,7	32,6	20,2	21,5
Иногда такие проблемы будут возникать	57,4	49,1	54,2	54,7
Таких проблем не будет	9,0	8,2	7,9	8,4
Другое	1,2	0,9	1,0	0,9
Затрудняюсь ответить	10,7	8,8	16,5	13,6
Нет ответа	–	0,4	0,2	0,9

Для более наглядного представления результатов были построены индексы перспективности ($I_П$), которые изменяются от «-1» до «+1», где «-1» – означает, что 100 % респондентов выбирают вариант ответа «не перспективен», а «+1» – 100 % респондентов выбирают вариант ответа «очень перспективен». Чем ближе значение индекса к «+1», тем выше, по мнению населения, перспективность определенного источника энергии для нашей страны. Проранжировав индексы перспективности разных источников развития энергетики в Беларуси, мы видим, что в 2005 г. к наиболее перспективным наше население относило такие источники энергии, как газ (+0,55), нефть (+0,30) и ядерное топливо (+0,12). Также, по мнению населения, пусть и небольшие, но положительные значения индекса имели такие источники энергии, как гидроэнергия, дрова и отходы переработки древесины, торф (0,01–0,04). Остальные же источники респонденты оценили как малоперспективные, т. е. индексы имели отрицательное значение.

Таблица 2. **Динамика оценки перспективности использования разных источников для развития топливно-энергетического комплекса страны**

Перечень источников энергии	Индексы перспективности			
	2005	2008	2010	2012
1. Газ	0,55	0,51	0,54	0,43
2. Нефть	0,30	0,30	0,36	0,30
3. Ядерное топливо	0,12	0,43	0,41	0,39
4. Гидроэнергия	0,04	0,13	0,17	0,17
5. Дрова и отходы переработки древесины	0,03	–0,10	0,02	–0,02
6. Переработка бытовых отходов	–0,11	–0,10	–0,02	0,03
7. Энергия ветра	–0,17	–0,08	0,03	0,08
8. Энергия солнца	–0,11	–0,08	0,03	0,08
9. Уголь	–0,05	–0,07	–0,04	–0,03
10. Торф	0,01	–0,06	–0,02	–0,02
11. Переработка отходов растениеводства	–0,38	–0,24	–0,18	–0,09

В 2008 г. в связи с событиями, описанными выше, произошла переоценка населением перспективности различных видов источников энергии. Так, тройка лидеров осталась неизменной, но если газ сохранил первенство, то нефть уступила свою позицию ядерному топливу. При этом в глазах населения немного подросла значимость гидроэнергии (от +0,13 в 2008 до +0,17 в 2010 и 2012 гг.). Отдельно хотелось бы отметить, что начиная с 2010 г. положительные значения приобрели и индексы перспективности таких источников энергии, как энергия ветра и энергия солнца (от +0,03 в 2010 до +0,08 в 2012 гг.) Как видим, 2008 год стал своего рода переломным моментом в плане отношения населения к необходимости использования атомной энергетики. За короткое время произошел значительный рост индекса ее перспективности – более чем в 3,5 раза (с +0,12 до +0,43). Это свидетельствует о серьезных переменах в общественном сознании и преодолении тех комплексов и синдромов, которые достаточно широко были представлены и долгое время преобладали в общественной психологии после аварии на ЧАЭС. Как нам представляется, некоторое снижение в 2010 г. перспективности ядерной энергии не свидетельствует о возврате постчернобыльского синдрома. Это – временное явление и произошло оно, скорее всего, под влиянием некоторого улучшения условий поставок углеводородного сырья. Мы видим, что как только у Беларуси более или менее налаживаются «нефтегазовые» отношения с Россией, то оценка перспективности газа и нефти сразу возрастает. Во-вторых, не последнюю роль в этом плане сыграли и первые поставки в Беларусь венесуэльской нефти в апреле 2010 г.

Серьезным вкладом в оценку перспективности ядерного топлива стало то обстоятельство, что начиная с 2005 г. в республике разработан и реализуется ряд мер по повышению заинтересованности граждан в развитии атомной энергетики в Беларуси, особенно населения, которое будет проживать вблизи АЭС. В связи с этим респондентам задавался вопрос, как они отнесутся к тому, что вблизи их места жительства будет построена АЭС (табл. 3).

Таблица 3. **Динамика ответов респондентов на вопрос: «Как Вы отнесетесь, если АЭС будет строиться вблизи населенного пункта, в котором проживаете?» (в % от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Сентябрь 2005 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.	Май 2012 г.
1. Спокойно	8,6	12,2	14,9	13,6
2. Соглашусь, если будут гарантии безопасности проживания и введена государственная система страхования населения, проживающего вблизи АЭС	34,3	41,1	42,2	42,7
3. Приму участие в различных протестных акциях против этого строительства	32,7	16,0	10,7	11,9
4. Постараюсь уехать из этой местности	17,0	23,9	25,4	26,6
5. Другое	7,3	5,7	5,1	3,6
6. Нет ответа	–	1,1	1,7	1,6

Сравнительный анализ полученных результатов показывает, что число респондентов, которые отнесутся спокойно к проживанию вблизи АЭС, статистически значимо увеличилось как с 2005 по 2008 год (+3,6 %, $\rho < 0{,}001$), так и с 2008 по 2010 (+2,7 %, $\rho < 0{,}02$). В то же время в 2012 г. по данной позиции произошло незначительное снижение (на 1,3 %), которое в принципе не является статистически значимым, т. е. можно утверждать, что доля людей, относящихся спокойно к тому, что рядом с их домом может быть построена АЭС, за этот период не изменилась. По позиции «соглашусь, если будут гарантии безопасности проживания и введена государственная система страхования населения, проживающего вблизи АЭС» мы также видим положительную динамику – статистически значимое увеличение в период с 2005 по 2008 год (+6,8, $\rho < 0{,}001$). По сравнению же 2008 с 2010 и 2012 гг. значимых изменений не произошло. Одновременно было отмечено статистически значимое снижение доли жителей республики, готовых принять участие в различных протестных акциях в случае строительства АЭС вблизи их населенного пункта. Так, в 2008 г. по сравнению с 2005 доля таких респондентов снизилась с 32,7 % до 16,0 % (–16,7 %, $\rho < 0{,}001$). Снижение продолжилось и в 2010 г. (–5,3 %, $\rho < 0{,}001$). А вот в 2012 г. произошло небольшое увеличение доли респондентов, выбравших данную позицию. Однако это увеличение не является статистически значимым.

Несколько озадачивает увеличение числа тех, кто отвечал, что в случае строительства АЭС вблизи его дома постарается уехать из этой местности: в 2005 г. такое мнение высказали 17,0 % опрошенных, а в 2012 г. – уже 26,6 %. Причем, если учесть тот факт, что окончательное решение о месте строительства АЭС было принято в 2010 г., то достаточно странным выглядит реакция респондентов, проживающих далеко от Островецкого района. Так, в 2012 г. наибольшее число респондентов, выражающих свою готовность к отъезду, было отмечено в г. Минске – 30,4 %, следом за столицей идут Витебская и Брестская области – по 27,9 %. То есть, практически 1/3 жителей этих регионов заявляют о своем переезде, заранее зная, что подобного строительства рядом с их местом проживания не планируется. То же касается и жителей Витебской области, практически не затронутой последствиями аварии на ЧАЭС и проживающими в отдалении от реального места строительства Белорусской АЭС. Можно утверждать, что если в 2005 г. такие настроения на отъезд звучали достаточно абстрактно, то сегодня уже очевиден их демонстративный характер в большинстве регионов. Для сравнения отметим, что в Гродненской области миграционных настроений гораздо меньше (21,8 %), а в Островецком районе и вовсе минимум – 5,1 %. Последняя цифра даже ниже уровня естественного территориального перемещения людей по таким причинам, как отъезд на учебу, замужество, поиск работы, ведение собственного бизнеса и т. п. Но именно в Островецком районе такого рода настроения можно было бы соотносить с реальной ситуацией, связанной со строительством АЭС. Следовательно, напрашивается вывод: по данным опроса 2012 г., как и в предыдущих замерах, в Островецком районе желающих уехать только потому, что строится АЭС, практически нет.

Таблица 4. **Динамика ответов респондентов на вопрос: «В какой мере Вы знакомы с положительными и негативными моментами ядерной энергетики?» (в % от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Сентябрь 2005 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.	Май 2012 г.
1. Хорошо знаю ее основные «плюсы» и «минусы»	15,8	22,7	19,8	26,7
2. Знаю больше о ее положительных сторонах	6,1	9,1	8,8	9,8
3. Знаю больше о связанных с ней угрозах и рисках	49,9	36,7	34,0	35,9
4. Мало что знаю по данной проблеме	27,8	29,6	35,3	26,2
5. Другое	0,4	0,9	1,5	0,8
6. Нет ответа	–	1,0	0,6	0,6

Не последнее место в формировании отношения жителей Беларуси к развитию ядерной энергетики в республике занимает также и степень информированности населения по данному вопросу. В связи с этим в ходе мониторинга респондентам задавался вопрос «В какой мере Вы знакомы с положительными и негативными моментами ядерной энергетики?». Из табл. 4 мы видим, что около 1/3 респондентов на каждом этапе данного мониторинга отмечали позицию «мало что знаю по данной проблеме» – 27,8 % в 2005 г., 29,6 % в 2008, 35,3 % в 2010 и 26,2 % в 2012 г. Можно сказать, что в течение всего периода исследований данный показатель остался неизменным, кроме 2010 г., так как различия в процентах не являются статистически значимыми. Данные цифры, скорее всего, можно объяснить не столько нежеланием определенной части населения вникать в какую-либо проблему, пока в этом не возникнет острая потребность, сколько их образовательным уровнем, необходимом для понимания и интерпретации получаемой информации.

Нас же прежде всего интересуют ответы тех респондентов, которые занимают активную позицию в жизни нашего общества и которых волнуют изменения, происходящие в стране, в том числе и вопросы строительства собственной АЭС. Для того чтобы проще было понять, какие изменения в оценке респондентами своей осведомленности в данном вопросе произошли за весь период проведения мониторинга, мы исключили из массива тех, кто отвечал «мало что знаю по данной проблеме», и тех, кто не ответил на вопрос вообще. В итоге мы смогли увидеть, какая доля населения обладает более объективной информацией (хорошо знает «плюсы» и «минусы»), а какая владеет информацией одностороннего характера – больше положительной или отрицательной («знают больше о ее положительных сторонах» или «знают больше о связанных с ней угрозах и рисках»).

Как видим на рис. 3, на протяжении всего мониторинга респонденты чаще всего отмечали позицию «знаю больше о связанных с ней угрозах и рисках», но все же за прошедшие 7 лет данный показатель существенно снизился (–19,9 %). Так, в 2005 году доля респондентов, давших такой ответ, составляла 69,5 %, в 2008 – 53,6 %, в 2010 г. – 54,3 %, а в 2012 г. – уже 49,6 %. Также к положи-

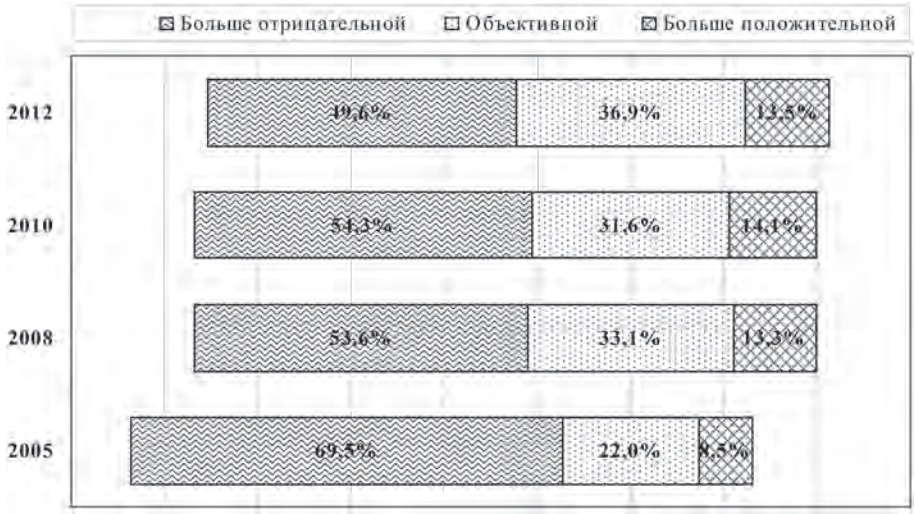


Рис. 3. Оценка респондентами своей осведомленности по вопросам развития ядерной энергетики в республике

тельным моментам в данном контексте можно отнести то, что количество респондентов, обладающих объективной (хорошо знают «плюсы» и «минусы») информацией по вопросам использования ядерной энергии, стало больше. В 2005 г. доля таких респондентов составляла только 22,0 %, в 2008 – уже 33,1 %, в 2010 – 31,6 %, а в 2012 – 36,9 % респондентов. За весь период проведения мониторинга увеличилась и доля респондентов, которые отмечали позицию «знаю больше о ее положительных сторонах» с 8,5 % в 2005 г. до 13,5 % в 2012 (+5,0 %).

Вместе с тем очевидно, что оценка респондентами своей осведомленности по проблемам использования атомной энергетики еще далека от желаемой. Одной из причин этого является тот факт, что до настоящего времени все еще существует дефицит популярной литературы по данным проблемам, а средства массовой информации освещают данную проблему не так часто и предметно, как того требует нынешняя ситуация и интерес к ней.

Полученные в результате исследования данные позволяют сделать вывод о том, что отношение населения к ядерной энергетике и строительству Белорусской АЭС характеризуются позитивными изменениями за последние годы. Общественное мнение характеризуется реалистичной оценкой возможностей нашей страны относительно обеспечения энергобезопасности и пониманием того, что если в ближайшее время не будет задействован в энергетике страны «мирный атом», то зависимость от импорта энергоресурсов будет тормозом развития нашей экономики в целом. Поэтому даже после аварии на японской АЭС «Фукусима-1» и последовавшего за ней потока негативной информации об использовании ядерной энергии большинство населения поддерживает строительство в республике АЭС. При этом следует отметить, что информационное обеспечение населения по данной проблеме пока еще отстает от интересов людей и реального хода событий в данной области.

YE. V. MARTISCHENKOVA, YE. M. BORODACHEVA

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF DYNAMICS OF PUBLIC OPINION ON NUCLEAR ENERGY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The article covers the comparative analysis of dynamics of public opinion on nuclear energy and the nuclear power plant construction, based on the sociological monitoring of specifics of energy industry development in the republic of Belarus.

Key words: dynamics of public opinion, regions, social group, energy security, energy resources, energy sources, nuclear power, technological accidents at nuclear power plants.

Поступила 29.10.2012 г.

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ

УДК 343.94(477)+343.98(477)

А. А. БОВА,

кандидат социологических наук,
Государственный научно-исследовательский институт МВД Украины, г. Киев

ДИНАМИКА ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ В УКРАИНЕ

На основе анализа данных статистики 2002–2011 г. и результатов социологических исследований 1994–2012 г. делается вывод о снижении отдельных видов преступлений в Украине, страха перед преступностью, негативных оценок личной безопасности.

Ключевые слова: преступность, жертвы преступлений, страх перед преступностью, личная безопасность.

Важное значение для украинского общества имеет отслеживание ситуации в разных сферах жизнедеятельности, в частности в сфере противодействия преступности и охраны общественного порядка, которое осуществляется на основании двух основных источников информации – статистических данных и результатах выборочных социологических опросов. Последние также пригодны для сопоставлений распространенности отдельных видов преступлений в разных странах. Виктимологические опросы имеют длительную историю развития в США и Великобритании. Подобные исследования регулярно проводятся во многих странах Европейского союза, а на постсоветском пространстве – в Российской Федерации и Грузии [1–4].

Наличие закономерностей в динамике зарегистрированной преступности проверялось с помощью критерия Манна–Кендалла и коэффициента корреляции их статистической значимости, а также на основе среднегодовых темпов прироста, темпов роста к базисному уровню, среднегодовых показателей по укрупненным временным интервалам. Среднегодовые приросты не всегда адекватно количественно характеризуют тенденции, поскольку динамика зарегистрированной преступности, как правило, не имеет плавного роста или снижения. Среднегодовой темп прироста или снижения в процентах за соответствующий период (средний темп прироста рассчитан по цепным темпам роста, исходя из формулы средней геометрической) и значение коэффициента корреляции свидетельствует лишь об интенсивности тенденции (чем больше к единице по модулю значение τ, тем более выраженной является тенденция), знак (–) о ее направлении (например, «минус» – тенденция к снижению). Общая тенденция для Евросоюза, а также США и Японии проявляется в сни-

жении зарегистрированной преступности с 2002 г. [5–8]. В европейских странах в целом на протяжении 2003–2008 г. снижается количество убийств [9]. При этом количество полицейского персонала существенно не меняется, а количество лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, несколько возрастает. Согласно социальным стандартам, используемые Программой развития ООН для международного сравнения уровня жизни, количество преступлений на 100 тыс. населения не должно превышать 5 тыс. случаев. В 2011 г. в Украине приходилось на 100 тыс. населения 1,1 тыс. преступлений. В соответствии с собранной Управлением ООН по борьбе с наркотиками (UNODC) статистики, Украина превышала в 2008 г. большинство стран Европы (кроме России, Гренландии, Латвии и Литвы) по коэффициенту убийств. По другим преступлениям (грабежам, разбоям, изнасилованиям, похищениям автотранспорта и похищениям детей, кражам, квартирным кражам, наркопреступлениям) Украина не является европейским лидером. Ряд выборочных социологических исследований относительно криминальной виктимизации свидетельствуют, что Украина не выделяется на общеевропейском уровне по уровню жертв насильственных преступлений и преступлений против собственности.

При анализе динамики отдельных показателей деятельности органов внутренних дел с 2002 (после принятия нового Уголовного кодекса Украины) по 2011 год количество заявлений и сообщений, которые поступили в органы милиции, ежегодно растет (среднегодовой темп прироста за 2002–2011 г. составил 8 %, а средний абсолютный цепной прирост за указанный период – 181,3 тыс. в год). При этом в меньшей мере возрастает как количество принятых решений о возбуждении уголовного дела (соответственно 1 % и 6,2 тыс.), так и общее количество зарегистрированных преступлений (соответственно 2 % и 7,2 тыс.). Рост по указанным показателям по сравнению с предыдущим годом фиксируется только в 2003 и 2009–2011 гг. В свою очередь общее количество выявленных лиц, совершивших преступление, сокращалось: среднегодовой темп снижения составил –2 %, а среднее абсолютное снижение – –4,9 тыс. (увеличение численности данной категории лиц по сравнению с предыдущим годом наблюдался в 2004, 2009 и 2010 гг.). Наибольшее соотношение заявлений и сообщений о преступлениях к принятым решениям по возбуждению уголовного дела, количеству лиц, потерпевших от преступлений, и выявленных преступников, фиксировалось в 2007–2009 гг. Раскрываемость преступлений за последние три года составляла около 60 % (при этом раскрываемость тяжких преступлений выше), что соотносимо с практикой развитых стран мира.

При анализе статистических данных в Украине в течение 2002–2011 г. следует констатировать уменьшение количества умышленных убийств с 2003 г., умышленных тяжких телесных повреждений и хулиганств – с 2004 г., выявления незаконного производства, изготовления, приобретения, хранения, перевозки, пересылки или сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – с 2005 (удельный вес этого вида преступления составляет

ежегодно около 10 %), незаконного завладения транспортным средством и совершение грабежей – с 2006 г. По данным Государственной службы статистики Украины, наблюдается уменьшение случаев смертности от некоторых внешних причин, в частности нападений с целью убийства или нанесения повреждений – с 9,6 человек на 100 тыс. населения в 2005 г. до 6 на 100 тыс. населения в 2010 г. В среднем на протяжении 2007–2009 гг. на 100 тыс. населения зафиксировано 5,8 случая умышленных убийств и покушений на убийства (5,2 человека при этом погибло).

С 2009 г. количество отдельных видов корыстных преступлений, в первую очередь краж и мошенничеств, возрастает за счет изменения законодательства – существенного понижения суммы похищенного (почти в десять раз), из-за которой наступает не административная, а уголовная ответственность. Так, удельный вес краж в общей структуре преступности составлял в 2008 г. 28,9 %, в 2009 г. – 40,5 %, в 2010 г. – 50,9 %, в 2011 г. – 53,8 %. Законодательные новеллы повлияли на рост общего количества преступлений (за счет увеличения краж и других корыстных преступлений) в последние годы.

Количество лиц, которые пострадали от преступления, уменьшалось ежегодно с 2003 по 2008 год (с 351,9 тыс. до 214,8 тыс. потерпевших). В 2011 г. количество потерпевших увеличилось до 343,2 тыс. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. количество потерпевших от краж увеличилось на 59,6 %, тогда как общее количество потерпевших – на 23,8 %. Количество потерпевших от тяжких и особо тяжких преступлений, умышленных убийств и покушений уменьшалось с 2004 по 2010 год, тяжких телесных повреждений – с 2004 по 2011, разбоев – с 2006 по 2011, грабежей – с 2007 по 2011, краж – с 2005 по 2008 год.

Для характеристики динамики основных видов преступлений в табл. 1 представлен ряд показателей – коэффициент τ Кендалла за 2002–2011 г., среднегодовой темп прироста или снижения за 2006–2011 г. и индексы как отношения среднегодовых значений по:

пятилетним периодам, которые характеризуют изменения в среднесрочных тенденциях преступности (среднее за 2007–2011 г. к среднему за 2002–2006 г.);

трехлетний и семилетний период, которые характеризует изменение среднесрочных тенденций (2009–2011 г.) к тенденциям долговременным (2002–2008 г.);

трехлетний посткризисный в экономике период (2009–2011 г.) к трехлетнему докризисному периоду (2006–2008 г.), которые характеризует краткосрочные тенденции.

Значение коэффициента, превышающее сто процентов, свидетельствует о росте преступности относительно определенного периода (соответственно за пять, семь и три года). Несмотря на эвристический характер построенных индексов, они характеризуют тенденции на разных частях временного ряда (для проверки строгих статистических гипотез при большем количестве наблюдений ряда динамики можно использовать непараметрические или параметрические критерии). Представленные в указанной таблице темпы роста к уровню 2006 г.

более выраженно характеризуют стабильность среднесрочной тенденции, их можно сравнить с аналогичными темпами роста по Европейскому союзу, где среди основных видов преступлений с 2006 г. возрастает лишь количество квартирных краж и наркопреступлений [5, p. 2].

По восьми видам преступлений зафиксированы статистически значимые тенденции к снижению, по одному – к увеличению. Краткосрочной тенденцией является рост общего количества зарегистрированных преступлений корыстной направленности (кражи, присвоения имущества) и преступлений, совершенных в общественных местах, среднесрочной – совершение мошенничеств, незаконное обращение с оружием, боеприпасами или взрывчатыми веществами. По сравнению с 2006 г. в 2008–2011 гг. существенно уменьшилось количество разнообразных насильственных преступлений, однако в 2010–2011 гг. наблюдается рост преступлений, совершенных в общественных местах, и преступлений корыстной направленности.

Наибольшее количество лиц, осужденных судами к лишению свободы, наблюдалось в течение 1996–2000 г. (ежегодно свыше 80 тыс. чел.). В дальнейшем количество осужденных лиц постепенно снижалось с 70 308 человек в 2001 г. до 32 895 человек в 2008 г. После фиксируется повышение численности лиц, осужденных к лишению свободы (преимущественно за счет лиц, которые ранее были осуждены за преступления к более мягким мерам наказания). В 2009 г. Украина входила в пятерку европейских стран, где наблюдалась наибольшая численность осужденных (318 человек на 100 тыс. населения), которые находятся в местах лишения свободы (в 1997 г. указанная категория составляла 425 человек на 100 тыс. населения).

По данным «Международного исследования жертв преступлений» пострадало хотя бы от одного из одиннадцати распространенных видов преступлений на протяжении 1996 г. – 38,2 % киевлян (N = 1000), а в 1999 г. 29,1 % киевлян (N = 1500). В частности, от кражи личного имущества в 1999 г. пострадало 17,3 %, квартирных краж – 2 %, нападений и угроз – 3,3 %, грабежей – 2 % респондентов. В среднем по всем видам преступлений 22 % опрошенных заявили о совершенном преступлении в милицию. Государственная служба статистики Украины при поддержке Международной организации труда и ПРООН на протяжении 2000, 2002–2004 и 2006 гг. осуществила социально-демографические обследования по вопросам базовой защищенности населения (N = 9400). В 2006 г. из общей численности респондентов 7 % отметили, что на протяжении последних 12 месяцев стали жертвой преступления. Среди жертв, в частности, 53,6 % респондентов заявили, что потерпели от кражи частной собственности, 26,4 % – от нападения без физического насилия, 10 % – от нападения с физического насилием, 0,8 % – от нападения с применением оружия. 45,7 % потерпевших обратилось в милицию по поводу случившегося инцидента. По данным всемирного опроса компании «Геллап» в Украине в 2010 г., 3 % респондентов или членов их домохозяйств в течение 12 месяцев перед проведением опроса пострадало от нападений с применением силы,

а 12 % указали на кражи, в 2011 г. соответствующие доли населения составляли 3 % и 10 %. Жители Украины в 2011 г. по уровню отсутствия опыта криминальной виктимизации относительно краж занимают 10-е место из 40 европейских стран и 29-е место из 159 стран мира, а по отсутствию физических нападений – соответственно 15-е место из 40 европейских стран и 40 из 154 стран мира [10].

Согласно опросу «Украинское общество: мониторинг социальных изменений» Института социологии НАН Украины (N = 1800) наблюдается уменьшение доли лиц, которым пришлось пострадать от какого-либо преступления (кражи, ограбления, нападения, мошенничества) в течение 12 месяцев перед опросом: в 1994 г. – 7,9 % респондентов, в 1995 – 10,3, в 1996 – 7,9, в 1997 – 7,4, в 1998 – 7,9, в 1999 – 9,5, в 2000 – 10,7, в 2001 – 11,3, в 2002 – 6,7, в 2003 – 8,2, в 2004 – 7,3, в 2005 – 8,2, в 2006 – 5,8, в 2008 – 5,2, в 2010 – 5,2, в 2012 г. – 4,4 % респондентов. Снижение процента лиц, которые отметили факт совершения преступления на протяжении года, зафиксировано в социологических исследованиях сотрудниками Луганского университета внутренних дел им. Э. А. Дидоренко (объем выборки составлял ежегодно свыше 500 респондентов): с 16 % в 1997 г. до 7 % в 2009 г. [11]. Согласно опросу Харьковского института социальных исследований (N = 2000), в 2009 г. по крайней мере один раз становились жертвами правонарушений 9 % харьковчан. Наибольший удельный вес преступлений составляют кражи. Половина опрошенных жертв (51 %) не обращалась в милицию с официальным заявлением [12]. Результаты выборочных социологических исследований, проведенных в странах Запада, свидетельствуют, что доля лиц, которые сообщают о факте совершения разнообразных преступлений против них, колеблется от 31 % до 66 % [3, с. 264–265]. В частности, по данным «Национального виктимологического исследования» в США в 2010–2011 г. полицию извещают 49 % жертв насильственных преступлений и 37 % жертв преступлений против собственности [13]. Повышения частоты заявлений о совершенном преступлении может быть вызвано серьезностью самого преступления, а также требованиями страховых компаний, которые должны компенсировать нанесенный ущерб своим клиентам.

По результатам различных опросов в милицию ежегодно обращается по различным вопросам около 10 % населения. Если количество взрослого населения Украины (старше 18 лет) в 2011 г. составляло 3 7594 898 человек, то количество лиц, которые обращаются в милицию, составляет 3 759 490, что достаточно близко к данным официальной статистики за 2011 год, когда в органы внутренних дел поступило 3 346 539 заявлений и сообщений о преступлениях. Расхождение в данных может быть обусловлено тем, что население обращается в органы внутренних дел по различным вопросам.

Как свидетельствуют двумерные распределения данных Института социологии НАН Украины, если человек пострадал от преступления, он в большей степени придерживается мысли, что случаи хулиганства и ограблений происходят чаще в микрорайоне его проживания (rho = –0,108 при N = 1357

Таблица 1. **Показатели динамики отдельных видов зарегистрированных преступлений в Украине, 2002–2011 г.**

	τ, 2002–2011 г.	Среднегодовой темп прироста (снижения) за 2006–2011 г., %	Отношение среднего за			Темп роста к уровню 2006 г., %				
			2007–11 гг.	2009–11 гг.	2009–11 гг.					
			к среднему за, в %							
			2002–06	2002–08	2006–08	2007	2008	2009	2010	2011
Умышленное убийство с покушением	–0,91˜	–4,9	69	71	83	90	84	77	73	78
Умышленное тяжкое телесное повреждение	–0,91˜	–8,2	75	67	72	104	96	78	71	65
Умышленное средней тяжести телесное повреждение	–0,40	–4,4	91	86	85	98	90	85	80	80
Изнасилование с покушением на изнасилование	–0,82˜	–8,7	76	70	74	88	89	76	64	63
Кража	–0,07	16	91	133	98	87	84	133	193	210
в т. ч. из квартир	–0,69˜	–6,9	56	67	101	84	71	95	92	70
Грабеж	–0,33	–11,2	71	70	73	77	65	66	56	55
Разбой	–0,47	–10,5	80	74	75	88	77	79	62	57
Мошенничество	0,73˜	2,5	115	119	114	101	96	109	117	113
Вымогательство	–0,91˜	–8,2	40	44	73	76	68	61	51	65
Хулиганство	–0,87˜	–7,9	67	65	77	91	88	78	69	66
Нарушение правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта	–0,33	–7,9	86	68	65	113	95	72	62	66
Нарушение правил безопасности дорожного движения, повлекшие смерть	–0,24	–8,1	82	64	61	110	88	62	55	65
Незаконное производство, изготовление и т. д. наркотических, психотропных веществ или их аналогов	–0,56*	–3,3	95	90	89	100	99	91	89	85
Незаконное обращение с оружием, боеприпасами или взрывчатыми веществами	0,11	0,4	102	98	97	106	108	102	101	102
Незаконное завладение транспортным средством	–0,87˜	–7,9	64	61	72	86	83	71	63	52
Присвоение, растрата имущества или завладение им путем злоупотребления служебным положением	0,11	1,6	102	108	111	98	97	106	112	108
Взяточничество	–0,29	–2,5	91	91	93	90	91	85	89	88
Общее количество зарегистрированных преступлений	–0,16	4,2	92	105	120	95	91	103	119	123
Совершено преступлений в общественных местах	0,16	11,3	89	106	134	103	100	105	129	171
в т. ч. на улицах, площадях	–0,11	6,9	84	96	117	98	94	95	107	140

Примечание. τ Кендалла (и соответствующий критерий Манна – Кендалла) является статистически значимым на уровне значимости: * – $\alpha = 0{,}05$, ˜ – $\alpha = 0{,}01$.

и α = 0,01) и в большей мере побаиваются роста преступности (phi = 0,066 при N = 1800 и α = 0,01). В частности, среди пострадавших от преступления 23 % отмечают высокую частоту случаев хулиганства и ограблений около дома и 61 % побаиваются роста преступности, а среди не пострадавших – соответственно 7 % и 45 %. Преступность входит в десятку проблем, которые беспокоят украинцев. При этом страх перед ростом преступности снижается (в 2000 г. такого мнения придерживалось 71 %, в 2012 г. – 45,5 %) и уступает первенство страхам, которые касаются развития экономики. Из года в год уменьшалась доля лиц, которые оценивали ухудшение в изменении личной безопасности (на улице, в общественных местах) как значительное, и возрастала доля лиц, которые считали, что такая ситуация осталась неизменной. Увеличивается доля населения, которое отмечает практически отсутствие случаев хулиганства в микрорайоне проживания (с 13,1 % в 1998 г. до 27,8 % в 2012 г.). В то же время по уровню восприятия личной безопасности Украина уступает другим европейским странам. В 2010 г. 42 % населения чувствуют себя в безопасности идя ночью, а в 2011 г. – 48 %. В 2011 г. по этому показателю Украина заняла 38-е место из 40 европейских стран и 145-е место из 152 стран мира [10].

Преступность развивается на фоне разнообразных социально-экономических процессов, которые имеют как криминогенный, так и антикриминогенный потенциал. На основании пространственно-временного анализа статистических данных, которые характеризуют регионы Украины, выяснено, что факторы, которые обуславливают преступность в Украине на макроуровне социальной системы, можно свести к двум интегральным показателям (латентным компонентам) – социально-экономическим и социально-проблемным. В регионах с высоким социально-экономическим развитием наблюдается больший уровень общего социального неблагополучия и преступности [14].

Снижение отдельных видов преступлений в Украине происходит наряду с уменьшением численности молодежи в демографической структуре, процента безработных к экономически активному населению (с 11,6 % в 2000 г. до 6,4 % – в 2008 г.), уменьшением соотношения денежных доходов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченного населения (с 6,4 в 2000 г. до 4 – в 2010 г.), некоторым ростом доходов граждан. Развитие предпринимательского сектора способствует лучшей сохранности имущества за счет создания собственных служб безопасности и услуг частных охранных компаний. Экономический кризис в 2008–2009 гг. в Украине по сравнению с тремя докризисными годами совпал с рядом позитивных демографических тенденций, а также снижением смертности от некоторых внешних причин, снижением числа разводов, уменьшением числа лиц, которые употребляют наркотики и состоят на учете в органах здравоохранения и милиции, и выпуска алкогольных напитков (с 42,3 млн дал. в 2009 до 33,4 млн дал. в 2011 г.).

На основе проведенного анализа можно констатировать снижение преступных проявлений и страха перед преступностью населения. Уровень криминального насилия и преступлений против собственности в Украине не

отличается от общеевропейского фона (за исключением убийств). Учитывая недостаток специализированных социологических опросов, по предварительным оценкам, при изменении порядка регистрации преступлений в связи с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Украины зарегистрированная преступность может существенно измениться.

Литература

1. *Gove, W. R.* Are uniform crime reports a valid indicator of the index crimes? An affirmative answer with minor qualifications / W. R. Gove, M. Hughes, M. Geerken. – Criminology. – 1985. – Vol. 23. – № 3.

2. *Ellis, L.* Handbook of Crime Correlates / L. Ellis, K. Beaver, J. Wright. – Oxford: Elsevier, 2009. – P. 223–230.

3. *Бова, А.* Кримінальна віктимізація населення та рівень латентності злочинності / А. Бова // Сектор безпеки України та засоби масової комунікації: Pro Bono Publico. – К.: Женева; Луганськ: Янтар, 2011.

4. *Dijk, J. van*. Final report on the study on crime victimization / J. van Dijk, P. Mayhew, J. van Kesteren, M. Aebi, A. Linde. – Tilburg: INTERVICT/PrismaPrint, 2010. – August. – D-59 – D-66.

5. *Tavares, C.* Crime and Criminal Justice, 2006–2009. Population and social conditions Statistics in focus / C. Tavares, G. Thomas, F. Bulut. – Eurostat: European Commission. – 2012. – № 6.

6. Europe in figures – Eurostat yearbook 2011. – Luxembourg: European Commission, 2007.

7. United States Crime Index Rates Per 100,000 Inhabitants. – Режим доступа: http://www.disastercenter.com/crime/US_States_Rate_Ranking.html. – Дата доступа 08.08.2012.

8. About Crime in the U.S. (CIUS). – Режим доступа: http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/crime-in-the-u.s/2010/crime-in-the-u.s.-201. – Дата доступа 08.08.2012.

9. International Statistics on Crime and Justice / Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (eds.). – Helsinki: HEUNI, 2010. – P. 16.

10. Gellup WorldView – Режим доступа: https://worldview.gallup.com/default.aspx. – Дата доступа 10.10.2012.

11. Милиция в зеркале общественного мнения: Информ.-аналит. материалы по результатам социологических исследований: вып. 3. / под ред. В. Поклада. – Луганск: РИО ЛГУВД, 2009. – С. 7.

12. Кобзін Д. О., Черноусов А. М., Шейко Р. В., Щербань С. В. Опитування громадської думки про діяльність міліції в м. Харкові. Звіт про результати соціологічного дослідження. – К.: Атіка, 2010. – С. 58, с. 65.

13. *Truman, J. L.* Criminal Victimization, 2011 / J. L. Truman, M. Planty // BJS Bulletins. – U. S. Department of Justice. Office of Justice Programs. Bureau of Justice Statistics 2012. – October. – NCJ 239437. – P. 8.

14. Bova A. Criminological Typology of Ukrainian Regions // Security Sector Reform in Ukraine: Quo Vadis? – Kyiv – Geneva: National Defence Akademy of Ukraine / Geneva Centre for the Democratic Control or Armed Forces, 2011.

A. A. BOVA

REGISTERED CRIMES AND CRIME VICTIMIZATION TREND IN UKRAINE

Summary

On the basis of the analysis of the data of statistics of 2002 – 2011 and results of sociological researches of 1994–2012 the conclusion about criminality decrease in Ukraine, fear before criminality, negative estimations of changes of a personal security and distribution of separate kinds of crimes becomes.

Key words: Crime, Victim, Fear of Crime, Personal Safety, Analysis of Time Series.

Поступила 29. 10. 2012 г.

УДК 316+316.334.4+340

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На основе данных статистики и социологического опроса осуществляется анализ состояния, динамики, социальных и личностных факторов самоубийства, а также потребностей населения в специальных службах по оказанию экстренной помощи людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации.

Ключевые слова: самоубийство, факторы суицидального поведения, социальные службы экстренной помощи.

В системе показателей социального здоровья общества важными индикаторами являются уровни рождаемости, продолжительности жизни и смертности населения. Смертность населения обусловлена как естественными физиологическими факторами, связанными с заболеваниями и старением человека, так и многочисленными внешними причинами: убийствами, отравлениями, травмами, дорожно-транспортными происшествиями, другими несчастными случаями, а также самоубийствами. Смертность от самоубийств является показателем не только социального здоровья общества, но также демографического развития, социально-психологической атмосферы и духовно-нравственного благополучия нации.

По данным государственной статистики, в стране *после негативной тенденции галопирующего роста самоубийств, которая имела место в 80–90-е годы прошлого столетия* (с 23,0 случая на 100 тыс. населения в 1985 г. и 20,8 случая в 1990 г. до 47,8 случая в 1996 г. и 44,0 случая в 1999 г.), *за последнее десятилетие отмечается противоположная тенденция – снижение абсолютных количественных показателей и уровня самоубийств.* Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 3300 самоубийств, т. е. на 100 тыс. населения 33,0 случая, в 2002 г. – соответственно 3340 и 33,4 случая, то 2005 г. – 3015 и 31,2 случая, а в *2010 г. – значительно меньше – 2462 и 25,9 случая, в 2011 г – 22,9 случая на 100 тыс. населения.* Однако, несмотря на данную позитивную тенденцию, следует констатировать, что в стране, начиная с 1985 года, по-прежнему сохраняется относительно высокий общий уровень самоубийств, который превышает *мировой критический показатель – 20 самоубийств на 100 тыс. населения,* установленный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). При этом *для европейских стран* предельно-критический уровень самоубийств со-

ставляет *17,5 случая на 100 тыс. населения*. Для сравнения следует указать, что, по статистическим данным, за 2009 год в Европе наибольший уровень суицидов был зарегистрирован в Литве (31,5 случая), Беларуси (28,9), Казахстане (24,5), России (24,1), Венгрии (21,8) и Латвии (20,7) [1].

В иерархии внешних причин смертности населения в 2010 г. самоубийства, наравне со случайными отравлениями алкоголем, занимают первое место (по 25,9 случая на 100 тыс. населения), опережая несчастные случаи, связанные с транспортными средствами (15,4 случая), случайные утопления (13,8 случая) и убийства (5,4 случая). Для сравнения отметим, что в 1990 г. среди внешних причин смертности населения преобладали несчастные случаи, связанные с транспортными средствами (27,1 случая), далее самоубийства (20,3 случая) и случайные отравления алкоголем (10,9 случая). В 2002 г. первенствовали самоубийства (33,4 случая), далее случайные отравления алкоголем (26,9 случая) и несчастные случаи, связанные с транспортными средствами (22,3 случая).

По уровню смертности от внешних причин среди городского населения лидируют Витебская область (137,3 случая на 100 тыс. населения), Могилевская область (133,2), Минская область (129,3), Гродненская область (115,5), Гомельская область (110,3), Брестская область (96,9) и г. Минск (94,2) – *при среднем республиканском городском показателе 113,1 случая* на 100 тыс. населения. Среди сельского населения *при среднем республиканском сельском показателе 261,4 случая* на 100 тыс. населения лидируют Витебская область (323,5 случая), Могилевская (297,1), Гродненская (270,2), Гомельская (260,2), Минская (254 случая) и Брестская область (204,2 случая). В наибольшей степени смертность от самоубийств распространена среди мужчин (примерно в 5 раз больше, чем среди женщин), лиц 20–39 и 40–59 лет, а также сельских жителей (в 2,3 раза больше, чем среди жителей города) [2].

Следует отметить, что зарегистрированное статистикой количество самоубийств не в полной мере отражает реальную суицидальную ситуацию в стране. В систему статистического учета не включены латентные самоубийства – те случаи самоубийств и покушений на самоубийство, которые по объективным или субъективным причинам не стали известны органам здравоохранения и правоохранительным структурам и не включены в данные государственной статистики. По формуле экспертов ВОЗ, на «n» завершенных самоубийств приходится 10–20n парасуицидов, 8n близких и родственников суицидента, которые входят в группу повышенного суицидального риска, 100n людей, помышляющих о самоубийстве или осуществляющих аутодеструктивные действия на подсознательном уровне. Таким образом, на 2462 самоубийства, официально зарегистрированных в 2010 г. в Беларуси, фактически приходится, по вышеуказанным расчетам, 36 930 случаев покушений на самоубийство, 19 696 человек из числа ближайшего окружения суицидентов и 246 200 человек, имеющих «внутренний суицидальный дискурс». Таким образом, *в целом в проблему суицидального поведения может быть включено примерно 305 288 человек, что составляет 3,22 % населения страны (или 3,83 %*

населения трудоспособного возраста и старше). Уровень самоубийств с летальным результатом составляет 0,03 % всего населения страны. Для сравнения следует отметить, что в Российской Федерации по статистическим данным за 2009 год по расчетам экспертов проблему суицидального поведения может быть включено до 4,2 млн человек, что составляет 2,9 % населения страны [3].

В рамках выполнения п. 15 Комплексного плана по профилактике суицидального поведения на 2009–2012 гг., утвержденного Министром здравоохранения Республики Беларусь от 5 октября 2009 г., Институтом социологии НАН Беларуси, под научным руководством автора осенью 2011 г. проведено национальное репрезентативное социологическое исследование распространенности и причин суицидального поведения среди населения страны. Всего опрошено 2106 человек по случайной квотной выборке среди различных социально-демографических групп населения всех регионов страны. Погрешность репрезентативности составляет 3 %, что свидетельствует о высоком уровне научной обоснованности и достоверности полученных социологических данных.

Проведенный социологический опрос показал, что такая жизненная ценность, как здоровье (69,7 %), наравне с семьей (72,1 %), детьми (65,9 %), материально обеспеченной жизнью (46,1 %), любовью (40,3 %), душевным комфортом (35,8 %), дружбой (33,6 %), интересной работой (27,0 %), самоуважением (24,0 %), помощью людям (21,1 %) и верой (19,7 %), населением страны в целом и всеми социально-демографическими группами рассматривается как одна из главных ценностей в жизни. При этом большинство населения оценивает состояние своего здоровья как удовлетворительное (49,4 %) и хорошее (28,1 %), а *17,7 % – как неудовлетворительное* (в большей степени на плохое состояние здоровья жалуются жители села – 26,3 %, жители городов – 13,9 %; среди женщин – 12,6 %, мужчины – 3,2 %; 50-летних и старше – 37,1 %, 30–49 лет – 9,2 %, до 30 лет – 3,2 %). Больше всего не удовлетворены состоянием своего здоровья жители Гродненской области (24,8 %) и Витебской области (21,3 %). Одновременно с этим 36,8 % респондентов указало на наличие у них различных хронических заболеваний, а еще 5,1 % – инвалидности (среди жителей села соответственно 37,4 % и 6,6 %; среди женщин – 43,4 % и 5,6 %, мужчин – 28,9 % и 4,4 %, особенно жители г. Минска (46,3 % и 7,4 %) и Брестской области – (46,3 % и 7,4 %). Удовлетворенность состоянием своего здоровья высказало 46,2 % респондентов, а состоянием здоровья своих близких – только 31,1 % (39,6 % – не удовлетворены состоянием своего здоровья, а 48,4 % состоянием здоровья своих близких – среди жителей села соответственно 46,0 % и 47,0 %; среди женщин – 46,5 % и 51,3 %, мужчин – 31,5 % и 45,0 %). Значительная часть респондентов не удовлетворена также и другими сторонами своей жизни: материальным положением – 65,5 % (среди жителей города – 68,1), качеством питания – 34,4 % (среди жителей города – 36,8 %), экологическими условиями в месте проживания – 30,4 % (среди жителей города – 32,8 %), жилищными условиями – 29,7 % (среди жителей города – 31,4 %), качеством ме-

дицинской помощи – 29,6 % (среди жителей города – 31,1 %), своей работой – 22,1 % (среди жителей города – 22,4 %), своей жизнью в целом – 13,4 % (среди жителей села – 15,9 %). Наибольшую неудовлетворенность практически всеми сторонами жизни высказали жители г. Минска. Жители Могилевской области по сравнению с другими регионами в наибольшей степени неудовлетворены экологическими условиями проживания (47,2 %) и качеством медицинской помощи (36,4 %).

Большинство опрошенных свою теперешнюю жизненную ситуацию в целом оценивает *как «трудную, но можно терпеть» – 46,0 %,* среди женщин – 46,8 %, жителей села 47,0 %, 30–49-летних – 48,5 %); *«все не так плохо и можно жить» – 31,4 %,* среди женщин – 32,7 %, жителей села – 34,3 %, молодежи до 30 лет – 34,0 %*; «положение бедственное, терпеть уже невозможно» – 8,5 %,* среди мужчин – 10,0 %, женщин – 7,2 %, жителей города – 10,0 %, села – 5,1 %, 30–49-летних – 9,5 %, 50-летних и старше – 8,5 %, молодежи до 30 лет – 6,9 %*; «все более чем нормально» – только 6,6 %,* среди мужчин – 7,0 %, женщин – 6,2 %, жителей села – 6,8 %, города – 6,5 %, молодежи до 30 лет – 11,5 %, 50-летних и старше – 5,4 %, 30–49-летних – 4,4 %. В наибольше степени жизненную ситуацию оценивают как «бедственную и терпеть уже невозможно» жители г. Минска (12,7 %), Гомельской области (10,0 %) и Могилевской области (9,2 %).

Что касается прогнозирования жизненных перспектив на ближайшее будущее, то 40,0 % респондентов затруднилось ответить на данный вопрос (среди женщин – 42,4 %, мужчин – 37,2 %), *26,7 % – прогнозирует «изменения к лучшему»* (среди мужчин – 27,4 %, женщин – 26,2 %, жителей города – 27,0 %, села – 26,1 %, молодежи до 30 лет – 42,4 %, 30–49-летних – 23,6 %, 50-летних и старше – 19,0 %), *17,1 % – «жизнь останется без изменений»* (среди мужчин – 17,2 %, женщин – 16,9 %, жителей города – 17,5 %, села – 16,1 %, 50-летних и старше – 20,4 %, 30–49-летних – 17,2 %, молодежи до 30 лет – 12,1 %), а *14,7 % – «ожидают изменений к худшему»* (среди мужчин – 16,9 %, женщин – 13,3 %, жителей села – 15,0 %, города – 14,6 %, 30–49-летних – 16,2 %, 50-летних и старше – 15,1 %, молодежи до 30 лет – 12,0 %, особенно жители Гомельской области (18,4 %), Гродненской области (17,4 %), Минской области (16,4 %) и г. Минска (16,1 %).

Относительно высокий уровень общей неудовлетворенности различными сторонами жизни обусловливают возникновение среди значительной части населения негативного социального настроения, чувства психологического дискомфорта, напряженности и даже безысходности. В частности, по данным социологического опроса в последний месяц значительная часть респондентов испытывала негативные социально-психологические настроения, эмоции и чувства: *переутомление – 49,6 %* (среди женщин – 51,4 %, мужчин – 47,4 %, жителей города и села – по 50,0 %, 30–49-летних – 55,6 %), *раздражительность – 43,8 %* (среди мужчин – 44,7 %, женщин – 43,0 %, жителей города – 47,2 %, 30–49-летних – 52,9 %), *стресс, напряжение – 32,9 %* (среди женщин –

33,9 %, мужчин – 31,7 %, жителей города – 36,3 %, молодежи до 30 лет – 41,6 %), *одиночество – 29,9 %* (среди женщин – 27,6 %, мужчин – 19,4 %, жителей села – 26,7 %, 50-летних и старше – 28,4 %), *тревогу, страх – 22,9 %* (среди женщин – 28,5 %, мужчин – 16,3 %, жителей села – 25,0 %, города – 22,0 %, 30–49-летних – 24,8 %, 50-летних и старше – 24,1 %, молодежи до 30 лет – 18,4 %), скуку – 21,5 %, *тоску, апатию – 18,5 %* (среди женщин – 21,0 %, мужчин – 15,6 %, жителей города – 19,8 %, села – 15,7 %, молодежи до 30 лет – 19,8 %, 30–49-летних – 18,2 %, 50-летних и старше – 18,0 %), *чувство безысходности – 11,7* % (среди женщин – 12,8 %, мужчин – 10,3 %, жителей города – 12,2 %, села – 10,5 %, 30–49-летних – 11,9 %, 50-летних и старше – 11,8 %, молодежи до 30 лет – 11,1 %). Психическое настроение тоски и апатии больше всего испытывают жители Витебской области (21,7 %), Гродненской (20,9 %) и г. Минска (20,7 %). На протяжении последних 12 месяцев *состояние депрессии испытывало 21,0 %* респондентов (среди женщин – 24,2 %, среди мужчин – 17,3 %, жителей города – 22,7 %, села – 17,4 %, молодежи до 30 лет – 25,6 %, 30–49-летних – 24,1 %, 50-летних и старше – 14,5 %). Психическое состояние депрессии чаще всего испытывают жители г. Минска (30,4 %), Гомельской области (26,7 %) и Гродненской области (23,6 %).

При социологическом опросе, исходя из научно-этических соображений, респондентам не ставился прямой вопрос о покушениях на самоубийство, нас интересовали только критические ситуации, когда было невыносимо трудно жить (суицидогенные жизненные ситуации). Опрос показал, что *в жизни 40,3 % респондентов были суицидогенные жизненные ситуации* (среди женщин – 46,8 %, мужчин – 32,5 %, жителей села – 40,6 %, города – 40,1 %, 50-летних и старше – 44,1 %, 30–49-летних – 42,2 %, молодежи до 30 лет – 32,0 %), у 30,4 % таких ситуаций не было, а 28,6 % затруднилось ответить на данный вопрос). В наибольшей степени суицидогенные жизненные ситуации имели место у жителей г. Минска (49,9 %), Гомельской области (43,1 %), Гродненской области (42,2 %) и Витебской области (41,3 %). На вопрос о наличии среди знакомых людей, которые совершали попытки самоубийства, были получены следующие ответы: 19,3 % – имели таких знакомых, 64,5 % – не имели таких знакомых, а 15,3 % – затруднились ответить. В наибольшей степени попытки самоубийства имели место среди знакомых у жителей Гродненской области (25,9 %), Витебской области (25,1 %) и г. Минска (20,5 %). Таким образом, на основании совокупности косвенных социологических данных можно сделать вывод, что *в группу суицидального риска входит примерно 12–19 % респондентов* – почти в равной степени мужчины и женщины, жители села и города, 30–49-летние и молодежь до 30 лет, а также жители Витебской, Гродненской и Гомельской областей и г. Минска Что касается самоубийств с летальным результатом, которые были зарегистрированы государственной статистикой, то такие случаи преобладают среди мужчин, лиц 20–39 и 40–59 лет, жителей сельской местности, а также лиц, проживающих в Витебской, Могилевской, Гродненской, Гомельской и Минской областях.

Важным вопросом является изучение *суицидальных факторов* – социальных и личностных обстоятельств, влияющих на возникновение критических жизненных ситуаций, которые приводят к покушениям на самоубийство или самоубийству (суицидогенных ситуаций). В процессе социологического опроса данная информация была получена следующим образом: 1) сравнительного анализа корреляционного распределения ответов респондентов на поставленные вопросы в зависимости от факта наличия в их жизни критических ситуаций, когда было невыносимо трудно жить (суицидогенных жизненных ситуаций); 2) посредством вопросов к респондентам о наличии у них знакомых людей, которые совершали попытки ухода из жизни и установления тех обстоятельств, с которыми было связано возникновение суицидогенных жизненных ситуаций.

Социологический сравнительный анализ корреляционного распределения ответов респондентов на вопросы, связанные с их условиями и образом жизни в зависимости от факта наличия в их жизни суицидогенных жизненных ситуаций позволил установить следующие наиболее суицидогенные группы населения: женщины; лица в возрасте 30–39 лет; неработающие пенсионеры; жители г. Минска, Витебской и Гродненской областей; разведенные; вдовы; проживающие отдельно без семьи; оценивающие состояние своего здоровья как плохое; имеющие хронические заболевания; перенесенные серьезные заболевания, травмы; имеющие в последний год проблемы со здоровьем; находящиеся на лечении в больнице; обращающиеся в церковь и к народным целителям в связи с нездоровьем; не удовлетворенные состоянием своего здоровья, состоянием здоровья близких, материальным положением, работой, взаимоотношениями в семье, жилищными условиями, экологическими условиями проживания, питанием, медицинским обслуживанием; неудовлетворенные жизнью в целом; часто испытывающие одиночество, раздражительность, состояние стресса, напряжения, тоску, апатию, тревогу, страх, чувство безысходности, переутомление, состояние депрессии; имеющие знакомых людей, которые совершали попытки самоубийства; оценивающие свою теперешнюю жизненную ситуацию в целом как «жить трудно, но терпеть можно» или как «положение бедственное, терпеть уже невозможно»; полагающие, что в ближайшем будущем жизнь изменится к худшему. Вышеперечисленные категории населения можно отнести к группам суицидального риска, и на профилактическую работу с ними должна быть направлена деятельность работников специальных служб по оказанию экстренной помощи и профилактике суицидального поведения.

Одновременно с этим социологическое исследование показало, что такие социальные и личностные характеристики респондентов, как образование, социально-профессиональное положение, характер работы, материальное положение, наличие в семье детей, система жизненных ценностей, вера в Бога, принадлежность к той или иной религиозной конфессии не находятся в корреляционной связи с суицидогенными жизненными ситуациями и не являются суицидальными факторами.

Социологический опрос показал, что у 19,3 % респондентов имеются знакомые люди, которые совершали попытки ухода из жизни. Опрошенными были названы следующие социальные и личностные обстоятельства, выступающие в качестве непосредственных поводов суицидального поведения: *злоупотребление алкоголем (6,7 %,* среди мужчин и женщин – по 6,7 %; жителей села – 7,0 %, города – 6,6 %; 30–49-летних – 7,4 %, 50-летних и старше – 6,8 %, молодежи до 30 лет – 5,7 %; в Витебской области – 13,7 %, Гродненской области – 8,6 %, Гомельской области – 6,2 %); *проблемы в семейной жизни (4,3 %,* среди женщин – 4,7 %, мужчин – 3,9 %; жителей города – 4,8 %, села – 3,2 %; 30–49-летних – 5,2 %, молодежи до 30 лет – 5,0 %, 50-летних и старше – 2,9 %; в г. Минске – 6,6 %, Витебской области – 5,4 %, Гомельской области – 4,8 %); *проблемы в любви, ревность, измена и т. п. (3,7 %,* среди женщин – 3,8 %, мужчин – 3,6 %; жителей города – 4,0 %, села – 3,0 %; молодежи до 30 лет – 7,4 %, 30–49-летних – 2,6 %, 50-летних и старше – 2,3 %; в г. Минске – 6,9 %, Гомельской области – 5,3 %, Минской области – 4,8 %); *потеря смысла в жизни (2,9 %,* среди мужчин – 3,6 %, женщин – 2,4 %; жителей города – 3,3 %, села – 2,0 %; молодежи до 30 лет – 3,5 %, 30–49-летних – 3,3 %, 50-летних и старше – 2,0 %; в г. Минске – 4,7 %, Гомельской области – 3,3 %, Витебской области – 3,0 %); *жизненные неудачи, бедствия, смерть близких (2,7 %,* среди мужчин – 3,4 %, женщин – 2,2 %; жителей города – 3,2 %, села – 1,6 %); 30–49-летних – 4,3 %, 50-летних и старше – 1,9 %, молодежи до 30 лет – 1,7 %; в Минской области – 3,6 %, г. Минске и Витебской области – по 3,3 %); *материальные трудности (2,6 %,* среди мужчин – 2,9 %, женщин – 2,4 %; жителей города – 3,0 %, села – 1,7 %; 30–49-летних – 3,2 %, молодежи до 30 лет – 2,8 %, 50-летних и старше – 1,9 %; в Витебской области – 5,8 %, в г. Минске – 4,4 %, Гомельской области – 2,8 %); *плохое состояние здоровья, хроническая болезнь (2,1 %,* среди женщин – 2,6 %, мужчин – 1,6 %; жителей города и села – по 2,1 %; 50-летних и старше – 3,2 %, 30–49-летних – 1,9 %, молодежи до 30 лет – 0,9 %; в г. Минске – 3,4 %, в Витебской и Гродненской областях – по 2,7 %); *проблемы на работе (1,8 %,* среди мужчин – 2,1 %, женщин – 1,5 %; жителей города – 1,9 %, села – 1,5 %; 50-летних и старше – 2,1 %, 30–49-летних – 1,9 %, молодежи до 30 лет – 1,1 %; в Витебской области – 4,0 %, в Могилевской области – 1,8 %, в г. Минске – 1,7 %); *состояние психического напряжения, стресса (1,7 %,* среди женщин – 1,9 %, мужчин – 1,5 %; жителей города – 2,0 %, села – 1,0 %; 30–49-летних – 2,2 %, молодежи до 30 лет – 1,9 %, 50-летних и старше – 1,1 %; в Гродненской области – 3,2 %, в Витебской области – 2,3 %, в Могилевской области – 1,9 %); *взаимоотношения с приятелями, друзьями (1,3 %,* среди мужчин – 1,6 %, женщин – 1,0 %; жителей города – 1,4 %, села – 1,1 %; молодежи до 30 лет – 2,7 %, 50-летних и старше – 0,9 %, 30–49-летних – 0,7 %; в Минской области – 2,3 %, в Брестской области – 2,0 %, в Гомельской области – 1,5 %).

По результатам проведенного исследования в суицидогенных ситуациях граждане в первую очередь обращаются за помощью: *к своим близким людям (30,7 %,* среди женщин – 36,1 %, мужчин – 24,3 %; жителей села – 32,0 %, города – 30,1 %; 50-летних и старше – 31,7 %, 30–49 лет – 30,3 %, молодежи до 30 лет – 29,7 %; в Гродненской области – 36,0 %, в Брестской области – 34,0 %, в г. Минске – 33,4 %); *ни к кому не обращаются, и все проблемы решают самостоятельно (23,7 %,* среди мужчин – 28,2 %, женщин – 20,0 %; жителей города – 23,9 %, села – 23,3 %; 30–49 лет – 27,0 %, 50-летних и старше – 24,5 %, молодежи до 30 лет – 17,7 %; в Витебской области – 34,9 %, в г. Минске – 26,3 %, в Гродненской области – 22,9 %, в Гомельской области – 22,8 %); *обращаются к Богу, молятся (15,6 %,* среди женщин – 21,0 %, мужчин – 9,3 %; жителей села – 16,8 %, города – 15,1 %; 50-летних и старше – 19,5 %, 30–49 лет – 16,5 %, молодежи до 30 лет – 8,7 %; в Брестской области – 22,8 %, в Гродненской области – 21,6 %, в Витебской области – 15,1 %); *к медицинским работникам* (*2,8 %,* среди женщин – 3,5 %, мужчин – 2,0 %; жителей города и села – по 2,8 %; 50-летних и старше – 5,0 %, 30–49 лет – 2,4 %, молодежи до 30 лет – 0,4 %; в Гродненской области – 4,2 %, в Витебской области – 3,6 %, в г. Минске – 3,4 %); *к служителям церкви (2,7 %,* среди женщин – 3,6 %, мужчин – 1,6 %; жители города – 3,2 %, села – 1,6 %; 50-летних и старше – 3,9 %, 30–49 лет – 2,3 %, молодежи до 30 лет – 1,5 %; в Гродненской области – 5,8 %, в Брестской области – 3,8 %, в Витебской области – 2,9 %); *к соседям (2,2 %,* среди женщин – 2,4 %, мужчин – 1,9 %; жителей села – 3,4 %, города – 1,6 %; 50-летних и старше – 3,5 %, 30–49 лет – 1,7 %, молодежи до 30 лет – 0,9 %; в Брестской области – 4,0 %, в г. Минске – 3,4 %, в Витебской области – 2,8 %); *к психологу* (*1,8 %,* среди женщин – 2,8 %, мужчин – 0,6 %; жителей города – 2,1 %, села – 1,2 %; 30–49-лет – 2,4 %, молодежи до 30 лет – 2,3 %, 50-летних и старше – 0,8 %; в г. Минске – 2,3 %, в Минской и Гомельской областях – по 2,2 %); *по телефону доверия* (*0,8 %,* среди мужчин – 1,6 %, женщин – 0,6 %; жителей города – 0,2 %, села – 0,0 %; молодежи до 30 лет и 50-них и старше – по 0,2 %, 30–49 лет – 0,1 %; в г. Минске, Витебской и Гродненской областях – по 0,3 %); *в кризисный центр* (*0,1 %,* среди мужчин и женщин – по 0,1 %; жителей села – 0,2 %, города – 0,1 %; 50-летних и старше – 0,3 %; в Витебской и Гомельской областях – по 0,3 %).

Опрос показал, что по месту жительства населения имеются следующие специальные службы по оказанию экстренной помощи людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации (суицидогенной ситуации): *служба скорой медицинской помощи (59,3 %,* среди жителей города – 61,1 %, села – 55,3 %; больше всего в Витебской области – 67,5 %, меньше всего в Могилевской области – 44,5 % и г. Минске – 54,6 %); *церковь (костел, мечеть и т. п.)* (*47,2 %,* среди жителей города 52,4 %, села – 35,6 %; больше всего в Брестской области – 58,9 %, меньше всего в г. Минске – 35,2 % и Могилевской области – 35,7 %); *социальная служба по труду, занятости и социальной помощи* (*30,1 %* среди

жителей города – 34,9 %, села – 19,8 %; больше всего в Витебской области – 37,4 %, меньше всего в г. Минске – 20,4 % и Гродненской области – 23,2 %); *телефон доверия и экстренной помощи (17,2 %,* среди жителей города – 34,9 %, села – 19,8 %; больше всего в Витебской области – 37,4 %, меньше всего в г. Минске – 20,4 % и Гродненской области – 23,2 %); *служба психологической и психиатрической помощи (14,1 %,* среди жителей города – 18,1 %, села – 5,2 %; больше всего в Гомельской области – 17,1 %, меньше всего в Гродненской области – 7,5 % и г. Минске (10,5 %); *народный целитель, прорицатель, колдун* (*4,3 %,* среди жителей города – 4,5 %, села – 3,9 %; больше всего в Витебской области – 11,1 %, меньше всего в г. Минске – 1,0 % и Могилевской области – 2,7 %); *благотворительная организация (3,8 %,* среди жителей города – 4,5 %, села – 2,1 %; больше всего в Витебской области – 6,4 %, меньше всего в г. Минске – 2,5 % и в Гродненской области – 2,9 %). При этом на отсутствие специальных служб социальной и другой помощи лицам, оказавшимся в критической жизненной ситуации, указало только 4,9 % респондентов (среди жителей села – 11,3 %, города – 2,1 %; Могилевской области – 12,5 %, Гродненской области – 7,5 %, Минской области – 6,1 %, Брестской области – 4,7 %).

Таким образом, проблема суицидального поведения в Беларуси, несмотря на некоторые позитивные количественные изменения, которые имеют место в последнее десятилетие, продолжает оставаться чрезвычайно сложной и напряженной. По статистическим данным, уровень суицидального поведения в стране в 1,5 раза превышает европейский критический показатель, а в группу суициального риска входит от 12 до 19 % взрослого населения. Несмотря на такую тревожную ситуацию, как свидетельствуют результаты социологического исследования, в настоящее время недостаточно развита система специальных служб по оказанию экстренной помощи людям, оказавшимся в критической жизненной ситуации (суицидогенной ситуации). Особенно это имеет место в сельской местности, а также в Могилевской, Гродненской и Минской областях.

Результаты проведенного социологического исследования могут быть использованы органами и учреждениями здравоохранения, труда и социальной защиты, образования и другими государственными структурами и общественными формированиями в социокультурной, просветительно-образовательной, медицинской и психологической, профилактической, лечебной и реабилитационной работе с населением и группами суицидального риска. Научные исследования социально-практических проблем профилактики суицидального поведения, особенно среди женщин, подростков, неработающих пенсионеров, лиц, имеющих хронические заболевания и перенесших серьезные травмы, находящихся на лечении в больнице, неудовлетворенных материальным положением, работой, взаимоотношениями в семье и жизнью в целом, и других групп суицидального риска, целесообразно проводить систематически и на междисциплинарной основе с привлечением социологов, культурологов, психологов, психиатров и врачей других специальностей.

Литература

1. Европейская база данных ВОЗ «Здоровье для всех» (Электронный ресурс). Режим доступа:http||data.euro|hfadb|shell_ru.html.

2. Статистический ежегодник 2011, Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск. 2011.

3. *Морев, М. В.* Экономические последствия ухудшения социального здоровья российского общества (на примере суицидального поведения) / М. В. Морев: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 17–18 нояб. 2011 г. – Минск, 2011. – С. 209–216.

N. A. BARANOVSKI

SOCIAL ASPECTS OF PREVENTION SUICIDE

Summary

The article on the base of the state statistical and empirical study deals with the sociological analysis of the state, dynamics, social and personal factors of the suicidal behavior, as well as population needs in special services for rendering urgent assistance to people in a critical situation.

Key words: suicide, factors of the suicidal behavior, special services for rendering urgent assistance.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316 624

В. С. ТАРАСОВ,
кандидат философских наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОФИЛАКТИКА ПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ И ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Важными условиями формирования здорового образа жизни являются сокращение потребления спиртных напитков, табачных изделий, занятия физкультурой и спортом, правильное питание и гигиена. В статье приводится ряд конкретных мер, которые могут способствовать формированию идеологии и практики здорового образа жизни.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, потребление спиртных напитков.

Снижение уровня общей культуры населения, рост потребления спиртных напитков, наркотиков, преступность и другие антиобщественные явления оказывают негативное влияние на социально-экономическое и духовное развитие общества. В этих условиях особую актуальность приобретают проблемы профилактики потребления спиртных напитков и формирование среди населения ценностей здорового образа жизни. Важнейшей задачей государства является создание эффективной экономики, позволяющей трудящимся влиять на уровень своих доходов и благосостояния, что позитивно отразится на их материальных и культурных запросах и потреблении. Рост пьянства, алкоголизма, наркомании и преступности обусловлен системой экономических отношений и отсутствием адекватной социально-экономической и культурной политики, направленной на формирование достойных условий жизни различных слоев населения.

Можно ли добиться снижения уровня пьянства, алкоголизма и других антиобщественных явлений без модернизации промышленности и сельского хозяйства, без создания социально-экономических условий для реализации трудящимися жизненных установок и стратегий, без изменения социально-экономических отношений, без приоритетного внимания государства к проблемам здоровья нации, семьи и отдельной личности? По-видимому, нельзя. Противоречие между декларируемой антиалкогольной политикой и экономической выгодой от производства и реализации спиртных напитков и табачных изделий препятствует последовательному проведению государством антиалкогольной политики и формированию здорового образа жизни. Производство и продажа спиртных напитков являются важным источником доходов государственного бюджета. По данным Национального статистического комитета Беларуси, за пе-

риод с января по август 2012 г. реализация водки увеличилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 4,4 %. Было продано 7 млн 985,9 дал водки, доля которой в общем объеме потребления алкоголя составила 49,6 % (в январе – мае 2011 г. – 44,2 %). Доля реализации алкогольной продукции в общем объеме товарооборота за этот период составила 10,6 %. На потребительском рынке республики было реализовано спиртных напитков и пива на 10,2 трлн р. [1]. По данным на декабрь 2011 г., уровень продажи алкоголя в Беларуси на душу населения составил 12,3 л абсолютного алкоголя в год. Зафиксированы случаи постановки на наркологический учет первоклассников. В республике уменьшился возраст первого знакомства подростков со спиртными напитками, который составляет 10–11 лет. Растущее потребление населением спиртных напитков превратилось в серьезную социально-экономическую проблему, которая негативно влияет на демографические показатели, культурное состояние, мораль и перспективы развития общества. Альтернативой современному образу жизни с высоким потреблением спиртных напитков и безразличием граждан к своему здоровью является здоровый образ жизни, в основе которого лежит сознательное отношение людей к своему здоровью, отказ от вредных привычек, регулярные занятия физкультурой и спортом, туризмом, здоровое питание и др.

Формирование идеологии и практики здорового образа жизни посредством повышения культурного уровня населения и ориентации индивидов на культурные формы времяпрепровождения должны стать краеугольными камнями государственной политики. Для этого необходимо восстановить роль семьи и школы в воспитательной работе. Эти социальные институты несут основную ответственность за формирование у детей и подростков идеалов и ценностей здорового образа жизни, критического отношения к вредным привычкам и негативным социальным явлениям. В ряде случаев школьные учителя могут оказать родителям и учащимся помощь в углублении знаний о психическом и физическом здоровье человека, причинах его расстройства и познакомить с методами восстановления. В семье формируется мировоззрение, духовные и нравственные качества и поведения ребенка, его отношение к окружающим. Развитие интересов и склонностей, формы проведения свободного времени, привычки и поведение детей зависят от родителей. Важным условием здорового образа жизни является предупреждение и своевременное выявление у ребенка вредных привычек и формирование негативного отношения к ним.

Основы здорового образа жизни закладываются в семье в процессе воспитания посредством развития у ребенка интереса к чтению, спортивным играм, посещению театра и кино, путешествиям, походам, поездкам на природу (в лес, на рыбалку, по историческим местам и др.). Немаловажное значение имеет личный пример родителей, их жизненные ценности, интересы и нравственные нормы, отношение к здоровью. Отрицательное отношение семьи к спиртным напиткам, к курению и другим вредным привычкам обычно не

остается незамеченным ребенком и оказывает влияние на его взгляды и поведение. На семью в значительно большей степени, чем на другие социальные институты, ложится основная ответственность за социализацию личности, за формирование важнейших жизненных ценностей, критическое отношение к употреблению спиртных напитков, наркотиков и т. д.

Важную роль в популяризации и формировании здорового образа жизни должны играть государственные и общественные организации, учреждения здравоохранения и образования, культуры и спорта. Эффективность проводимой информационно-пропагандистской, воспитательной, разъяснительной, реабилитационной и другой работы с населением зависит от приоритетов социальной политики, организационной и финансовой поддержки государства. Необходимо привлекать к формированию здорового образа самодеятельные группы населения по месту жительства. От энтузиастов и личного примера отдельных граждан во многом зависят формы и методы работы с молодежью и лицами, страдающими от различных зависимостей (наркоманы, хронические алкоголики и др.). В процессе профилактической и воспитательной работы с населением исполнительные комитеты должны взаимодействовать с комитетами общественного самоуправления, неформальными организациями и группами населения, оказывать им помощь в решении социально-бытовых проблем, содействовать развитию социальной инфраструктуры микрорайонов (оборудованию мест отдыха, спортивных площадок, озеленении и др.).

В настоящее время молодежь является социальной группой, которая требует к себе повышенного внимания со стороны государства и общества. Многие молодые люди испытывают трудности с выбором своего места в жизни, получением профессии, трудоустройством, решением жилищных и других проблем. От этого во многом зависит их образ жизни, социальные взгляды, отношение к социальным ценностям, поведение в семье и быту, на работе и в общественных местах. Нередко под влиянием обстоятельств или вспыльчивости молодые люди совершают поступки, которые в дальнейшем негативно влияют на жизнь и карьеру. Особую опасность для молодых людей представляет социальное окружение: друзья, товарищи по школе, соседи, знакомые и др. Согласно данным социологического исследования Института социологии НАН РБ (октябрь 2010 г.), 65,1 % респондентов имеют знакомых, которые злоупотребляют спиртными напитками. Вероятность формирования девиантных ценностей и поведения более высока среди индивидов из неблагополучных семей или же индивидов, обойденных вниманием родителей. Невнимание родителей к учебе, распорядку дня, проведению свободного времени, поведению в школе и др. является основной причиной формирования у подростков антиобщественного поведения. Наиболее пагубными для здоровья молодых людей являются злоупотребление спиртными напитками, наркотиками и половая распущенность.

Формирование здорового образа жизни подразумевает изменение социально-экономических, бытовых и культурных условий и ориентацию моло-

дежи на такие социальные ценности, как здоровье, семья, карьера, материальное и семейное благополучие. Здоровый образ жизни – это прежде всего повседневный образ жизни, основанный на понимании индивидом того, что здоровье является основным фактором жизненного успеха и благополучия. В настоящее время подавляющая масса населения, в том числе и молодежи, не проявляют должного внимания и заботы о личном здоровье. Это связано с социальными, культурными и нравственными условиями жизни людей. Повседневная жизнь людей нередко протекает в социально-экономических, культурных и бытовых условиях, которые либо не способствуют, либо мало способствуют формированию высоких духовных, культурных, нравственных и других потребностей. По мнению 43,5 % опрошенных, наиболее сильное влияние на распространение спиртных напитков оказывают низкий уровень жизни, 38,3 % – отсутствие интересных занятий в свободное время, 37,5 % – неправильное воспитание в семье, 36,4 % – тяготы повседневной жизни, 34,8 % – влияние питейных традиций. Беларусь относится к числу стран с высоким уровнем потребления спиртных напитков на душу населения. Для населения характерно употребление спиртных напитков (с друзьями, коллегами, родственниками и соседями) по случаю религиозных и светских праздников, дней рождения, поминок и др. Встреча старых друзей, новоселье, повышение по службе, получение диплома, награды также редко обходятся без употребления спиртных напитков. Услуги сантехников, строителей и т. д. часто оплачиваются не только деньгами, но и спиртными напитками. Переломить эти питейные традиции в одночасье едва ли возможно, но необходимо постепенно вытеснять их из жизни.

Сильное влияние на образ жизни человека оказывает социальная среда с традиционными культурными, нравственными, религиозными, семейными и иными ценностями. В западных странах, например, индивиды из социальных групп, близких по общественному статусу, материальному положению, культурному уровню и т. д. стремятся снимать или приобретать жилье в определенных районах, что препятствует размыванию сложившейся социально-культурной среды маргинальными слоями населения. Однако и здесь бывают исключения из правил. Молодые люди из материально обеспеченных семей нередко злоупотребляют спиртными напитками, наркотиками, неразборчивы в сексуальных отношениях. В отличие от экономически благополучных стран масштабы распространения девиантных форм поведения в странах с переходной экономикой намного больше и зависят от социально-экономических и культурных условий. В настоящее время социальные и экономические возможности значительной части молодежи Беларуси ограничены местом жительства, социальным статусом и материальными возможностями родителей, наличием у них личных связей, материальными средствами на образование и другими факторами. Материальные и бытовые проблемы для молодых людей более важны, чем забота о состоянии собственного здоровья. Создание

экономических условий для реализации молодыми людьми жизненных стратегий и достижения ими материального благополучия может позитивно повлиять на их жизненные ориентации и выбор здорового образа жизни. Экономические возможности и социальные перспективы являются основными стимулами к производительному труду, карьере и здоровому образу жизни индивидов, независимо от возраста и других социальных характеристик.

Здоровье человека является не только индивидуальной, но и социальной ценностью. Государству экономически целесообразнее финансировать строительство объектов спортивного и культурного назначения, мероприятия по формированию среди населения ценностей здорового образа жизни, предупреждению потребления спиртных напитков, наркотиков и др., чем тратить огромные средства на лечение, социальную реабилитацию и возвращение к нормальной жизни наркозависимых людей. Несмотря на то, что многие индивиды понимают важность сохранения здоровья как основы жизненного благополучия, деловой карьеры, семейных отношений, долголетия и др., по-настоящему заботятся о его сохранении лишь единицы. В молодости немногие задумывается о том, что основной целью социальных ограничений (потребления спиртных напитков, курения, раннего начала половой жизни и др.) является предупреждение вредных привычек, которое вызвано заботой общества о здоровье. Чем позже молодой человек познакомится со спиртными напитками, и курением, тем меньше вероятность возникновения зависимости от них.

В белорусском обществе необходимо формировать новую систему духовно-нравственных ценностей, в которой важнейшее место должны занять такие социальные ценности, как здоровье, семья, сострадание, милосердие, доброжелательность к людям. Здоровый образ жизни – это образ жизни, в основе которого лежит осознанный выбор индивидом здоровья в качестве основной ценности, культурных и здоровых форм проведения свободного времени, регулярных занятий физической культурой и спортом. Необходимо формировать в обществе негативное отношение населения к различным проявлениям антиобщественного поведения: алкоголизму, пьянству, сквернословию, хулиганству и др. Публичное распитие спиртных напитков, нецензурная брань, появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, порча общественного имущества, нарушение общественного порядка и другие формы антиобщественного поведения должны решительно пресекаться. Назрела необходимость применения строгих мер административного наказания по отношению к лицам, которые своим поведением и поступками нарушают общественную мораль и нравственность. Эти меры позволят не только защитить граждан от произвола и оскорбления общественных нравов, но и продемонстрировать активную позицию государства по отношению к тем, кто не желает соблюдать важнейшие социальные нормы и правила поведения. Снисходительность к публичному пьянству и нарушению гражданами моральных

норм, напротив, только способствуют росту потребления спиртного и распространению антиобщественного поведения. В последнее время пьянство в республике приняло настолько массовый характер, что бороться с ним нужно только совместными усилиями государства и общества.

В экономически развитых странах государство несет ответственность за состояние и развитие социальной сферы, за формирование условий здорового образа жизни населения. В Беларуси, как и в ряде стран СНГ, государство, напротив, стремится снять с себя социальные обязательства. Коммерциализация образования, здравоохранения, физкультуры и спорта крайне негативно повлияла на состояние социальной сферы и социальные отношения. Переход спортивных и других культурно-воспитательных учреждений к коммерческим отношениям разрушил сложившуюся систему физкультурной, оздоровительной и культурно-воспитательной работы с населением. Спорт из массового вида деятельности превратился в коммерческий. Многие молодые люди не могут позволить себе серьезно заниматься спортом за плату. Не говоря о том, что плата за услуги различных спортивных учреждений (ледовых дворцов, теннисных кортов и др.) просто недоступна большинству населения. Это привело к тому, вместо спортивных и культурных увлечений молодежь и зрелые люди занимают свой досуг употреблением спиртных напитков. Растущее потребление спиртных напитков, наркотиков, курения среди населения обусловлено увеличением свободного времени, дефицитом объектов социального и культурного назначения в городах и сельской местности, высокими ценами на их услуги. Без развития инфраструктуры объектов социально-культурного назначения (спортивных площадок, клубов по интересам, беговых дорожек, спортивных и художественных секций и др.), увеличения бюджетного финансирования спортивной и оздоровительной работы невозможно рассчитывать на формирование у населения интереса к здоровому образу жизни.

Эффективными мерами уменьшения потребления спиртных напитков 45,4 % респондентов считают запрет на продажу спиртных напитков (в том числе и пива) молодежи до 21 года, 38,6 % – повышение уровня материального благосостояния, 38 % – пропаганда здорового образа жизни, антиалкогольное просвещение и воспитание, 33,6 % – развитие сферы досуга (клубы, кружки, спортивные секции и др.), 30,6 % – развитие общей культуры населения. Респонденты обращают внимание на самые злободневные и требующие скорейшего решения социальные проблемы, которые часто недооцениваются центральными и региональными органами власти.

На образ жизни населения сильное влияние оказывает государственная политика в области производства и реализации алкогольных и табачных изделий. Ухудшающаяся демографическая ситуация, растущее потребление населением спиртных напитков, бытовой и подростковой преступности требуют изменения подходов к производству и продаже спиртных напитков. Необходимо прежде всего отказаться и свернуть производство низкокачественных де-

шевых спиртных напитков, увеличив производство сухих виноградных вин, натуральных соков и других тонизирующих и прохладительных безалкогольных напитков. Важным средством формирования здорового образа жизни является ограничение доступности для подростков и несовершеннолетней молодежи спиртных напитков, торговля которыми должна осуществляться в определенных местах, расположенных в удалении от образовательных учреждений (школ, технических училищ и колледжей, университетов и др.). Следует ужесточить меры административной и уголовной ответственности за их продажу несовершеннолетним. Чем менее доступными для подростков будут спиртные напитки, тем больше шансов на то, что уменьшится количество их потребителей. По достижению совершеннолетия у молодых людей происходят существенные изменения жизненных ценностей и поведения в сторону обустройства личной жизни, продвижения по службе, создания семьи и др.

Образовательные, воспитательные и медицинские учреждения, общественные организации должны последовательно:

формировать у населения сознательное отношение к личному здоровью и здоровью окружающих, социальные взгляды и образцы поведения, исключающие дурные привычки и пристрастия, которые наносят вред здоровью;

привлекать население и особенно молодежь к занятиям различными видами деятельности, способствующим укреплению здоровья, формированию характера и развитию нравственных и духовных качеств. К ним относятся участие в спортивных соревнованиях и мероприятиях (по месту учебы и работы), занятия в секциях, турпоходы, поездки по культурно-историческим местам;

информировать население о негативных последствиях употребления спиртными напитками, их опасности для здоровья и жизни, семейных отношений, карьеры и др;

формировать эстетику здорового образа жизни, приглашать к публичному диалогу в электронных и печатных СМИ пользующихся авторитетом и доверием известных людей (актеров, политиков, музыкантов, врачей, ученых и др.). Пропаганда ими здорового образа жизни будет чрезвычайно полезна для их молодых поклонников;

формировать бытовую культуру и межличностные отношения, привлекая население по месту жительства и особенно молодежь к поддержанию порядка на лестничных клетках, во дворах, на прилегающей к домам территории, к озеленению дворов, разбивке клумб и др. Проводить среди жителей конкурсы на лучший подъезд, лучший балкон, лучший газон. Совместная деятельность районных администраций, жилищно-коммунальных служб, ЖСК и жителей по благоустройству и наведению порядка по месту жительства будет способствовать повышению культуры быта, основанной на уважении труда соседей и знакомых;

формировать среди населения посредством социальной рекламы, образовательных и медицинских программ личную ответственность индивида за

здоровье и привлекать население к участию в спортивных и культурных мероприятиях в районе, которые способствуют укреплению здоровья и повышению культуры;

обязать местные органы власти и жилищно-коммунальных служб оборудовать спортивные площадки, беговые дорожки, футбольные поля и др. на подведомственной территории. Благоустройство и оборудование в микрорайонах спортивных объектов будет способствовать распространению среди подростков и молодежи культурных и здоровых форм проведения свободного времени. Это позволит уменьшить количество молодых людей, которые от безделья распивают в подъездах домов крепкие спиртные напитки и пиво.

Необходимо увеличить финансирование спортивных, оздоровительных и культурных учреждений. На их территории следует оборудовать теннисные корты, футбольные, волейбольные и баскетбольные площадки, а также помещения для кружков художественного творчества, моделирования, конструирования и др. В городских парках обустроить спортивные площадки для волейбола, баскетбола и других игр, беговые дорожки и др. Средства на эти цели должны выделяться из государственного и местного бюджетов. Участие молодежи в работе кружков и спортивных секций уменьшит риск влияния на них социального окружения (приятелей из неблагополучных семей, уличных знакомых и др.) и будет способствовать формированию художественных, эстетических вкусов, технических знаний, физического здоровья. Следует стимулировать материально и морально учителей, тренеров, социальных работников к занятиям с трудновоспитуемыми подростками. Формирование у подростков интереса к занятиям художественным и техническим творчеством, физкультурой, спортом уменьшит риск развития дурных привычек и девиантного поведения. Обязать региональные и районные органы по делам молодежи, физической культуре и спорту систематически проводить среди образовательных учреждений спортивные соревнования, олимпиады и конкурсы по проблемам здорового и трезвого образа жизни. Школьные стадионы, спортивные площадки во дворах и в местах отдыха следует использовать для занятий физической культурой и спортивных игр подростков и молодежи. К спортивным играм следует привлекать взрослых, участие которых повысит интерес и будет способствовать формированию среди молодежи ценностей здорового и культурного образа жизни. Таким образом, инвестиции в социальную сферу, в частности, в благоустройство и оборудование детских и спортивных площадок, культурных и досуговых мест в микрорайонах, увеличение числа спортивных секций и кружков художественного и технического творчества позволят создать благоприятные условия для культурного проведения свободного времени и укрепления здоровья. Капиталовложения в социальную сферу являются важным средством повышения культуры населения, формирования здорового образа жизни, уменьшения уровня потребления спиртных напитков и антиобщественных явлений.

Литература

1. Продажи водки в Беларуси продолжают расти. – Режим доступа: http://news.mail.ru/inworld/belorussia/economics/10290274 – Дата доступа: 19.09.2012.

V. S. TARASOV

PREVENTION OF ALCOHOL CONSUMPTION AND FORMING OF HEALTHY WAY OF LIE

Summary

Reduction of alcohol consumption, cigarettes, going in for physical culture and sport, correct nutrition and hygiene are the main conditions of forming of healthy way of life. The article contains a number of concrete measures that may contribute to forming of ideology and practice of healthy way of life.

Key words: healthy lifestyle, consumption of alcoholic beverages.

Поступила 25.10.2012 г.

УДК 316+316.334.4+340

Е. А. ЗЕМЛЯНИНОВА,
Белорусский государственный университет, г. Минск

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕГРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА

На основе анализа содержания категории «социальная интеграция» и с учетом особенностей существующих типов интегративного понимания права автор обосновывает особую миссию права как важнейшего института социальной интеграции. Интегративный потенциал права раскрыт в контексте его взаимодействия с основными регулятивными институтами современного общества.

Ключевые слова: право, социальная интеграция.

Понятие «интеграция» образовано от лат. «*integer*» («полный», «целый», «ненарушенный») и происходит от лат. «*integratio*» («восстановление», «восполнение»). Английское «*integration*» характеризует процесс образования единства из ранее разрозненный частей; французское «*integration*» («включение») предполагает взаимодействие объекта, который выступает в качестве ядра притяжения, с объектами, тяготеющими к нему [16, с. 445; 18, с. 181; 4, с. 314]. В общем смысле категория интеграции указывает на совокупность взаимодействующих элементов и широко используется в естественных и в гуманитарных науках. Данное обстоятельство обусловлено единством объективной реальности, важнейшие свойства и закономерности которой наука стремится отразить в непротиворечивой системе знаний на основе правил их логического обоснования, доказательства объективной истинности, достоверности и операциональной эффективности [17, с. 143]. Следствием единства существующей действительности также является относительность различий предметных областей отдельных сфер познания и принципиальная возможность переноса определённых идей, категорий и методов из одной науки в другую [13, с. 360].

Интеграция как объединение и структурирование ранее неупорядоченных явлений, повышение интенсивности взаимодействия между элементами системы может происходить на уровне психических свойств личности, социальных общностей и социальной системы [8, с. 131]. Интеграция личности, с точки зрения общей и социальной психологии, представляет собой гармоничную уравновешенность ее психических свойств, обеспечивающую личностную саморегуляцию, независимость от внешней среды и подчинённость самостоятельно избранной стратегии поведения [8, с. 131]. Групповая интеграция подразумевает упорядоченность внутригрупповых структур; согласованность основных компонентов жизнедеятельности группы; целостность социальной общ-

ности; способность группы к эффективному контролю и коррекции поведения ее членов; деятельную сплочённость группы, ее направленность на реализацию базовых социальных ценностей; функциональную структурированность группы, слаженность взаимодействия ее членов [8, с. 131].

В рамках обществоведения рассматриваемая категория становится объектом исследования в последней четверти XIX – начале XX века. Однако наибольший интерес к проблеме социальной интеграции был проявлен после Второй мировой войны западными социологами, вследствие произошедшего укрепления международных экономических и политических связей, что непосредственно выразилось в создании в 1951 г. Европейского объединения угля и стали. Интернационализация хозяйственной жизни в форме сближения и объединения предприятий, отраслей, регионов, стран, углубления их взаимодействия стала обозначаться термином «экономическая интеграция». Под «политической интеграцией» стали понимать совокупность процессов, направленных на координацию деятельности, объединение различных политических единиц, структур и сил на уровне общественных и политических движений, партий и других организаций [3, с. 427–428]. Более общее по отношению к названным понятие «социальной интеграции» может принимать следующие оттеночные значения: 1) процесс или совокупность процессов слияния относительно самостоятельных объектов (элементов) в социальную общность, которая характеризуется взаимозависимостью ее частей на основе общих целей, интересов и др. [16, с. 445; 4, с. 314]; 2) форма поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений; 3) способность социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий; 4) характеристика меры совпадения социальных целей, интересов, убеждений [16, с. 445]; 5) процесс установления оптимальных связей между социальными институтами, группами, ветвями власти и управления, выработки обществом единой идеологии; 6) результат процесса объединения и сплочения, состояние гармоничной уравновешенности социальной системы [4, с. 314]; 7) совмещение частей социальной системы в целостное единство с помощью унификации ценностных структур, образцов поведения, целей [2, с. 98].

Существенное уточнение в отношении указанных значений вносит определение социальной интеграции, принадлежащее американскому социологу Т. Парсонсу, выделившему в ней позитивный и негативный аспекты. Он представлял социальную интеграцию как совокупность структур и процессов, «посредством которых отношения между частями социальной системы – людьми, играющими те или иные роли, коллективами и компонентами нормативных стандартов – либо упорядочиваются способом, обеспечивающим их гармоничное функционирование в соответственных связях друг с другом в системе, либо, наоборот, не упорядочиваются, причем тоже каким-нибудь определенным и объяснительным способом» [1, с. 364].

Следует отметить, что приведенные выше определения понятия «социальная интеграция» не являются универсальными, поскольку ими охватываются лишь определенные стороны рассматриваемого явления. Сущность указанной категории всегда выявляется на общем фоне иных сходных или связанных с ней понятий, например, таких, как «общественная система», «интернализация», «социальное действие», «общественный порядок» и др. Важным для уяснения смысла социальной интеграции является анализ парной по отношению к ней категории – «социальной дифференциации» в ее широком значении, поскольку эволюционное движение любой социальной системы в смысле ее усовершенствования, усложнения – это процесс формирования целостности (интеграции) на основе относительно самостоятельных разнородных (дифференцированных) частей. Таким образом, интеграция есть производство целого, дифференциация – производство частей [2, с. 99].

Обращаясь к вопросу об употреблении данного термина в юриспруденции, отметим, что интегративные свойства права как особого социального института начали исследоваться в рамках классической юридической социологии в конце XIX – первой четверти XX века. Основатель французской социологической школы права, социолог-позитивист Э. Дюркгейм полагал, что именно изучение данного нормативного регулятора позволяет выявить основания сплоченности общества, которая является необходимым условием его жизнеспособности. «…Социальная жизнь… стремится принять определенную форму и организоваться, а право – не что иное, как сама эта организация в наиболее устойчивом и точном выражении. Жизнь общества не может распространиться до какой-нибудь точки без того, чтобы юридическая жизнь не достигла того же пункта. Значит, мы можем быть уверены, что найдем отраженными в праве все существенные разновидности социальной солидарности», – писал он [7, с. 71–72]. В сходном ключе рассматривал право французский теоретик права и социолог Л. Дюги, но абсолютизация общественного долга личности привела его к крайним выводам об отсутствии у индивида субъективных прав, которые он трактовал как «суть лишь последствия его обязанностей» [19, с. 581]. Теоретический противник Л. Дюги, французский правовед М. Ориу рассуждал о праве как о способе примирения противоположных индивидуальных и коллективных интересов, придания равновесия различным сферам социальной жизни [11, с. 103]. Австрийский правовед Е. Эрлих понимал его как особый порядок, существующий в интегрированных социальных объединениях [20, с. 626–628]. Последователь Дюркгейма, французский историк и социолог права А. Леви-Брюль, трактовал право в общесоциологическом смысле как совокупность обязанностей, вытекающих из «всеобщей социальной солидарности» [10, с. 650]. Основатели и последователи классической школы социологии в большей степени рассматривали право как продукт общественных отношений, нежели как инструмент их реального преобразования и гармонизации. Полагаемые в обществе солидарность и интеграция при подобном подходе лишь отражались правом, находили в нем свою институциализацию.

К интегративным свойствам правовой системы в целом, а также ее отдельных элементов обращалась и некоторые советские исследователи (Л. С. Явич, Д. А. Керимов, Н. М. Колосова, Л. Б. Тиунова и др.). Глубокому осознанию интегрирующей роли права препятствовало возобладавшее в советской юриспруденции представление о нем лишь как о «надстроечном», вторичном явлении по отношению к политике, экономике и иным базисным общественным отношениям.

Современные сторонники интегративного подхода к пониманию права предпринимают попытки целостного и непротиворечивого описания данного социального регулятора как взаимосвязи многообразных правовых феноменов на основе объединения теоретических достижений различных типов правопонимания. Интегративное направление в современной юридической науке представлено множеством концепций, нередко содержательно противоречащих друг другу. Их условно можно разделить на подходы, определяющие сущность права через неизменные фундаментальные ценности и принципы, которые оно выражает, и те, которые выявляют специфику данного нормативного регулятора без опоры на такие принципы. При отсутствии у права устойчивых сущностных свойств оно вообще не могло бы стать объектом научного исследования, так как утратило бы свою качественную определённость и способность к дифференциации от иных явлений. Следовательно, эвристический потенциал необходимо признать за теми теоретическими подходами, которые решают исследовательские задачи с учётом основополагающих ценностей и принципов права. Примером может служить либертарная концепция В. С. Нерсесянца, описывающая право как нормативное единство социальной справедливости, формального равенства и свободы [15, с. 70–71]. Белорусский правовед С. Г. Дробязко указывает на генетическую связь нормативно-позитивного, властно-политического и аксиологического аспектов права. В его концепции право представлено как «верховенствующий, общесоциальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую общесоциальную справедливость в системе принципов и формально определенных норм, точно определяющих круг субъектов права и правовых отношений, их юридические права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса» [6, с. 53]. Иными словами, сущность права выступает как внутренне интегрированная совокупность принципов, важнейшим из которых является принцип социальной справедливости. Общесоциальная значимость принципов права обуславливает его интегрирующую роль по отношению к иным институтам нормативного регулирования. Обладая подобным свойством, правовые нормы обеспечивают целостность, устойчивость, гармоничное равновесие, воспроизводство и самосохранение (интеграцию) всей системы общественных отношений.

Превращение интегративного правопонимания в «зрелую» предметную теорию предполагает: 1) содержательную достоверность знаний, которая проявляется в их соответствии предыдущему опыту; 2) их логическую непротиворечивость как формальный критерий истинности; 3) последующую

эмпирическую апробацию знаний, которая проявляется в способности к: а) объяснению явлений и процессов определенной предметной области, б) построению реализующихся прогнозов относительно их развития, в) выработке рекомендаций по осуществлению практической деятельности в предметной области [14, с. 49]. С учетом изложенных требований следует констатировать, что проблема поиска некоего надсистемного принципа, который бы позволил непротиворечиво выразить диалектику объективного и субъективного в праве, по-прежнему остается актуальной.

Российский исследователь В. Г. Графский полагает, что основанная на методологическом синтезе «интегративная юриспруденция» должна включать правовую аксиологию (философию права, теорию естественного права); социологию права; формальную (аналитическую или догматическую) юриспруденцию и правовую онтологию [5, с. 58]. Целостный социокультурный подход к изучению права, по его мнению, предполагает учет культурно-философского, социолингвистического, литературно-художественного, эстетического, политического и политико-информационного контекстов бытия данного социального института [5, с. 61].

Думается, что существование интегративной юриспруденции как «завершенного проекта» невозможно в принципе. Она не может представлять собой лишь «энциклопедию права» или свод застывших понятий, поскольку открытие новых граней социального превращает познание права в постоянно удаляющийся горизонт. Вместе с тем необходимо назвать основные свойства права, признаваемые в рамках всех современных теорий правопонимания: 1) верховенствующее положение права в системе социального регулирования; 2) общесоциальный характер данного регулятивного института; 3) тесная связь с государством и потенциальная возможность принудительного применения правовых норм; 4) аксиологическая детерминированность содержания права (даже в рамках юридического позитивизма признаётся, по крайней мере, такая ценность, как «законность»); 5) корреспондирующий характер закрепленных правом субъективных прав и обязанностей, их связь с гарантиями их реализации; 6) способность права быть инструментом решения широкого круга социальных задач; 7) социальное назначение права в качестве важнейшего средства обеспечения эволюционного развития общества, социального прогресса.

Юридические нормы выполняют свою социальную миссию в том случае, если они соответствуют существующим условиям жизни общества, потребностям субъектов права и основаны на правообразующем интересе, когда в них фиксируется момент общественного согласия. В противном случае они превращаются в средство принуждения, служат дегуманизации общества вследствие экспансии экономики и политики в сферу действия иных систем нормативного регулирования, способствуют утрате ценностных смыслов социальной активности личности и, в конечном счете, приводят к кризису и возможному разрушению социальной системы.

Следует подчеркнуть, что именно наличие «среднего класса» является весомым свидетельством реализации интегративного потенциала права, по-

скольку при экономической поляризации социальных сил отсутствуют объективные предпосылки формулирования общезначимой иерархии ценностей и правообразующего интереса, невозможно достижение общественного согласия. «Средний класс» может быть сформирован только в условиях равенства и свободы участников производственных отношений, их заинтересованности в результатах своего труда, юридической гарантированности справедливого распределения и потребления произведённых благ, многоукладности экономики, надлежащей правовой защиты всех форм собственности. В политической сфере необходимо обеспечение легитимности государственной власти и реального действия механизма разделения властей, партийного плюрализма, утверждение «философии ненасилия» в виде отказа от монополии на истину, критического отношения к существующим точкам зрения, осуществления поиска общезначимых позиций, открытости политических структур и их ответственности за свои действия [9, с. 69]. Требования к интегрирующей общество идеологии обстоятельно изложены российским исследователем Н. А. Косолаповым: рациональность и прагматизм; стремление к высоким, но реальным целям; ориентированность на созидательное начало в социальных конфликтах; учет современных достижений во всех областях знания и сотрудничество со всеми социальными силами; открытость историческому опыту с отказом от претензий на априорное знание будущего и корректировка теоретических положений с учетом социальной практики [12, с. 11–14]. Существующие в морально-нравственной сфере жизни общества разнообразные представления и суждения, равно как и реализуемый принцип свободы совести, должны уравновешиваться осознанием ценного и должного для всех.

Таким образом, право как способ регулирования важнейших социальных отношений является институциональной формой взаимодействия различных подсистем общества, их своеобразной «равнодействующей». Общие компоненты, обеспечивающие «стыковку» социальных подсистем представляют собой единые формы осуществления социального контроля, присущие с некоторыми содержательными особенностями каждому социальному институту. Реализация интегративного потенциала права возможна только на основе согласованного и гармоничного действия всех социальных институтов и наиболее зримо выражается в наличии уравновешивающего стратификационную структуру общества устойчивого «среднего класса» как реального субъекта социальной деятельности.

Литература

1. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Т. Парсонс [и др.]; под общ. ред. Т. Парсонса; пер. (сокращ.) с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.

2. *Асп, Э. К.* Введение в социологию / Э. К. Асп. – СПб.: Алетейя, 2000. – 248 с.

3. Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – Т. 11: Излучение плазмы. – Исламский фронт спасения. – 767 с.

4. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.

5. *Графский, В. Г.* Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект / В. Г. Графский // Известия высших учебных заведений. Сер. Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 49–63.

6. *Дробязко, С. Г.* Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 5-е изд. – Минск: Амалфея, 2011. – 500 с.

7. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.

8. *Еникеев, М. И.* Энциклопедия. Общая и социальная психология / М. И. Еникеев. – М.: ПРИОР, 2002. – 560 с.

9. *Заветный, С. А.* Социальное управление и личностное самоуправление: истоки и воздействие / С. А. Заветный. – Харьков: Фолио, 1999. – 383 с.

10. *Зеленцов, А. Б.* Леви-Брюль Анри / А. Б. Зеленцов // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семигин (пред.) [и др.]; Нац.-общест. науч. фонд, Акад. полит. науки. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3. Европа. Америка: XVII–XX в. – С. 650–651.

11. *Касьянов, В. В.* Социология права / В. В. Касьянов, В. Н. Нечипуренко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 480 с.

12. *Косолапов, Н. А.* Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов / Н. А. Косолапов // Вопросы философии. – 1994. –№ 1. – С. 3–24.

13. *Лебедев, С. А.* Философия науки – краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С. А. Лебедев. – М.: Академический Проект, 2008. – 692 с.

14. *Масленников, Е. В.* Метод интеграции концепций экспертов в социологическом исследовании. (Выявление, оценка и обобщение эмпирического знания): спецкурс / Е. В. Масленников. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 87 с.

15. *Нерсесянц, В. С.* Общая теория права и государства: учеб. для юрид. вузов и факультетов / В. С. Нерсесянц. – М.: НОРМА, 2001. – 552 с.

16. Политическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. проекта Г. Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин.– М.: Мысль, 2000. – Т. 1. – 750 с.

17. Философия и методология науки: учеб. пособие для аспирантов и магистрантов / А. И. Зеленков [и др.]; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – 479 с.

18. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 575 с.

19. *Фролова, Е. А.* Дюги Леон / Е. А. Фролова // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семигин (пред.) [и др.]; Нац.-общест. науч. фонд, Акад. полит. науки. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3.: Европа. Америка: XVII–XX в. – С. 581–582.

20. *Эрлих, Е.* Основы социологии права / Е. Эрлих; пер. с нем. Л. П. Галанзы // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семигин (пред.) [и др.]; Нац.-общест. науч. фонд, Акад. полит. науки. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX в. – С. 623–628.

Y. A. ZEMLIANINOVA

SOCIAL AWARENESS OF INTEGRATIVE

Summary

Based on the analysis of «social integration» category content and existing types of integrative law approaches, the author grounds a special mission of law as the most important social integration institute. Integrative law potential was demonstrated in the context of law interactions with the basic regulative institutes in contemporary society.

Key words: law, social integration.

Поступила 25.10.2012 г.

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

УДК 316.344.6

Н. Н. ИВАШИНЕНКО,
доктор экономических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

И. И. КОРЧАГИНА,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва

Л. А. МИГРАНОВА,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ДОСТУПНОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Представлены результаты исследования факторов, влияющих на здоровье населения. Для анализа использовались данные опроса жителей малых городов Нижегородской области. Выявленная взаимосвязь индивидуального здоровья с занятостью, условиями и образом жизни, образованием, доходами и доступностью медицинских услуг позволяет установить причины относительно низкого популяционного здоровья нации.

Ключевые слова: малые города, индивидуальное и популяционное здоровье, половозрастной состав, занятость, условия жизни, стиль жизни, доступность медицинских услуг.

Качество жизни населения в первую очередь характеризуется состоянием его здоровья. Здоровье является важнейшим элементом человеческого капитала страны, непосредственно влияющим на ее социально-экономическое развитие. Взаимосвязь между уровнем благосостояния и состоянием здоровья очевидна: чем более депривирована социальная группа, тем хуже самочувствие и меньше внимания она уделяет своему здоровью. Общее снижение качества жизни бедного населения приводит к снижению требований к состоянию здоровья и нежеланию заботится о нем.

В последние годы в западной социологии возрастает внимание к идее «терапевтической культуры». Эта концепция разрабатывает описательные и объясняющие модели, связанные с такими направлениями, как:

соотношение формальных и неформальных аспектов в восприятии и оценивании самочувствия [1];

общественные и индивидуальные стратегии и барьеры в обсуждении проблем здоровья [2];

привлечение различных социальных институтов для повышения качества медицинского сервиса [3].

Современная система медицинского обслуживания является важной частью модели социального государства, обеспечивающего равные права граждан на охрану здоровья. Междисциплинарный подход к изучению здоровья позволяет установить, каким образом государственная социальная политика, социально-экономическая стратификация населения и национальная культура (ментальность) формируют предпосылки для сохранения и улучшения здоровья населения [4; 5].

Каждый из макроэлементов в свою очередь может рассматриваться более подробно. Государственная система здравоохранения оценивается как с точки зрения развития отрасли (объемы финансирования, развитие сети медицинских учреждений, кадры, заболеваемость), так и достигнутых результатов (динамика продолжительности жизни, заболеваемости и смертности, доступности качественных услуг для населения) [6; 7]. Для стратификационных моделей традиционно выделяют такие индикаторы, как пол, возраст, образование и занятость, материальное положение и условия жизни, каждый из которых взаимосвязан с уровнем здоровья и стратегиями его поддержания [8; 9]. Национальная культура в плане проблем изучения здоровья исследуется с использованием концепций образа жизни и индивидуальных стратегий сохранения и поддержания здоровья [10].

Как показывает международный опыт, расширение доступности качественных медицинских услуг для населения, может достигаться за счет:

создания широкой и разветвленной инфраструктуры оказания различного вида медицинской помощи, не только государственной, но и общественной (например, хосписы);

создание единой системы стандартов объема и качества медицинских услуг, гарантируемых каждому гражданину независимо от места проживания и материального положения;

развитие системы обязательного и добровольного социального страхования;

обеспечение равного доступа к информации и включение первичных медицинских навыков и знаний о здоровом образе жизни в программы обучения школьников.

Объект исследования. Специфика малых городов состоит в уникальности социально-экономических и природных факторов, воздействующих на здоровье населения. С одной стороны, образ жизни, питание и экология малых городов считаются близкими к сельской местности и рассматриваются как более естественное и благоприятное место для проживания человека. С другой – проблемы в экономике, низкий уровень жизни и реформирование системы здравоохранения на рыночных принципах снижают доступность горожан к качественным медицинским услугам и негативно отражаются на их здоровье. Проверке этой гипотезы и было посвящено данное исследование.

В качестве полевой площадки были выбраны города Павлов и Балахна Нижегородской области. Обе территории по своим характеристикам типич-

ны для большинства малых городов страны, что позволяет экстраполировать результаты на общероссийскую ситуацию. В каждом из городов был проведен опрос 500 домохозяйств, отобранных по случайной маршрутной выборке.

Состояние здоровья населения. Различают два уровня оценки здоровья – популяционное и индивидуальное. Популяционное здоровье относится в целом к населению страны, региона, а также к крупным демографическим группам. Его характеризуют ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, рождаемость, смертность, заболеваемость населения по основным классам болезней и т. д. Основным индикатором здоровья и качества жизни населения является показатель ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОППЖ).

Таблица 1. **Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни населения Нижегородской области и Российской Федерации (лет)**

		Нижегородская область	Российская Федерация	Разница между РФ и областью
2002	Население	65,05	65,34	0,29
	Мужчины	58,32	59,03	0,71
	Женщины	72,44	72,26	-0,18
2007	Население	65,58	67,51	1,93
	Мужчины	58,74	61,39	2,65
	Женщины	72,99	73,90	0,91
2009	Население	67,06	68,67	1,61
	Мужчины	60,44	62,77	2,33
	Женщины	73,91	74,67	0,76

Источник. Росстат. Регионы России, 2008; 2010.

В Нижегородской области ОППЖ населения на протяжении всего последнего десятилетия была ниже среднероссийской и в динамике эта разница увеличивалась вплоть до 2007 г., особенно у мужчин (2,65 г.). По последним опубликованным данным (2009 г.), ОППЖ нижегородцев была на 1,61 года ниже, чем в среднем по стране (67,06 против 68,67 года), в том числе у мужчин она составляла 2,33 года (60,44 против 62,77). В 2010 г. в Нижегородской области общая смертность населения составляла 17,9 человек на 1000 населения, а младенческая – 8,6 на 1000 детей до года (2009 г.) и по этим показателям область занимала соответственно 74 и 52 место в РФ. Аналогичные показатели в среднем по России были равны в 2010 г. 14,2 и 7,5. В области значительно выше, чем в среднем по стране, смертность от болезней органов кровообращения (в 1,4 раза), органов пищеварения (в 1,3 раза), от новообразований (в 1,1 раза). Уровень и причины смертности населения, и в первую очередь младенческой, наиболее ярко отражают проблемы со здоровьем и доступностью к медицинской помощи жителей области. Заболеваемость населения Нижегородской области в 2010 г. составляла 855,2 больных с диагнозом, установленным впервые в жизни на 1000 человек, а в среднем по России – 779,6. На начало 2011 г. на

учете в ЛПУ состояли 2463,2 человека больных онкологическими заболеваниями на 100 тыс. населения, 1386,7 человек – психическими заболеваниями и 2537,5 человека больных алкоголизмом и алкогольным психозом. Аналогичные показатели по стране составляли соответственно 1955,2, 1146,0 и 1366,6 человека. Область отличает высокая инвалидизация населения: на начало 2011 г. общее число инвалидов составляло 367 тыс. человек, из них 11,4 тыс. – дети; общее число инвалидов на 1000 населения – 111,0 против 92,4 в среднем по РФ и 91,5 в ПФО [11].

Индивидуальное здоровье измеряется применительно к каждому человеку, и наиболее приемлемым методом является пятибалльная шкала[1], позволяющая получить интегральную оценку здоровья населения. Специальное сравнение субъективных оценок с объективными характеристиками, которое проводилось ИСЭПН РАН на протяжении почти 20-летних исследований в г. Таганроге, позволило установить достаточно высокую степень их совпадения [12]. По данным опроса населения в городах Балахна и Павлово, около половины респондентов оценили свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее» (48,7 %). При этом оценки мужчин несколько выше, чем у женщин (рис. 1). Средняя оценка здоровья горожан составляла 3,4 балла. В 2004 г. в Нижегородской области в рамках проекта «Мониторинг бедности» также проводился опрос населения о состоянии здоровья методом балльной оценки. Средняя самооценка по трем обследованным территориям (Н-Новгород, Арзамас и Балахнинский район) составляла всего 2,8 балла. Аналогичная оценка здоровья москвичей в том же году была равна 3,13 балла [13, с. 46].

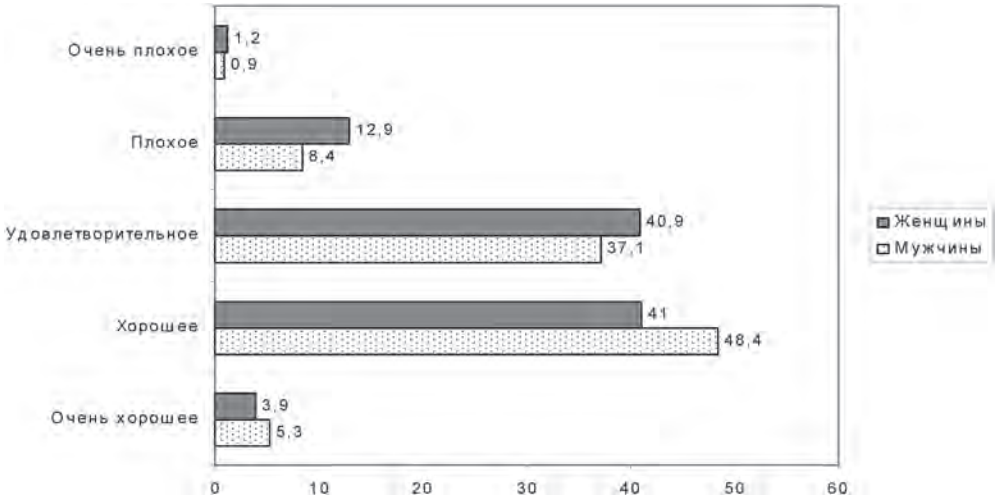


Рис. 1. Распределение мужчин и женщин по самооценке здоровья, %

[1] Оценка по пятибалльной шкале подразумевает: 1 – самый низкий уровень здоровья, 5 – самый высокий

Состояние индивидуального здоровья зависит от множества факторов: пол, возраст, сфера деятельности, социальный статус, образование, материальное положение, условия труда и жизни и др.

Возраст – главный фактор здоровья. Самые высокие самооценки здоровья в целом по обследованию у лиц в возрасте 26–30 лет (3,82 балла) (табл. 2).

Таблица 2. **Возраст и средние самооценки здоровья горожан**

Возраст	В среднем по выборке	Мужчины	Женщины
Менее 7 лет	3,74	3,73	3,77
8–16	3,77	3,77	3,77
17–25	3,80	3,74	3,85
26–30	3,82	3,83	3,81
31–40	3,58	3,59	3,57
41–50	3,44	3,48	3,41
51 –55	3,30	3,44	3,17
55–60	3,03	3,17	2,95
Свыше 60 лет	2,60	2,68	2,56
Средняя оценка (баллов)	3,40	3,49	3,33

Состояние здоровья в трудоспособном возрасте резко начинает ухудшаться после 30 лет – с 3,82 балла до 3,58 балла в возрасте 31–40 лет, а в предпенсионном возрасте у мужчин и женщин оно снижается до 3,17 балла. У лиц старше трудоспособного возраста самые низкие самооценки: у мужчин старше 60 лет – 2,68 балла, у женщин старше 55 лет – 2,95 балла, из них старше 60 лет – 2,56 балла. Различаются самооценки здоровья у работающих и неработающих пенсионеров – 3,04 и 2,55 балла соответственно, что вполне понятно.

Здоровье детей оценивали родители. Средняя оценка состояния здоровья детей до 7 лет составляет 3,74, в возрасте 8–16 лет – 3,77 балла. Относительно высокую оценку своему здоровью дали женщины, находящиеся в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком – 3,73 балла.

Здоровье и семейное положение. В целом семейное положение респондентов практически не сказалось на оценках здоровья (3,3 балла). Исключение составляют вдовые (2,65 балла), но в данном случае сильное влияние оказывает их поло-возрастной состав. Средние оценки разведенных формируют женщины, которых в несколько раз больше, чем разведенных мужчин. При этом их здоровье значительно ниже, чем у мужчин (в среднем 3,28 и 3,59 балла). Аналогичная ситуация и с вдовыми – мужчин среди них почти в 10 раз меньше, чем женщин, но самооценки их выше (3,23 против 2,59 балла). Последнее в значительной мере объясняется разной продолжительностью жизни у мужчин и женщин. Что касается соотношения полов среди разведенных (разошедшихся), то это известный феномен – мужчины после развода в отличие от женщин реже остаются одинокими долгое время.

Здоровье и занятость населения. Средняя оценка здоровья работающих значительно выше средней по населению (3,57 против 3,40 балла), что объясняется главным образом их возрастом. При этом оценки здоровья у занятых на частных предприятиях выше, чем на государственных и муниципальных: 3,67 балла и 3,44 балла (табл. 3). Резко различаются самооценки у индивидуальных предпринимателей (самозанятых) и работающих по найму у физических лиц – 3,83 и 3,37 балла.

Средние показатели здоровья у женщин, занятых в экономике, несколько ниже, чем у мужчин (3,54 против 3,61 балла) и большая разница в оценках у работающих в государственных и муниципальных организациях (на предприятиях) – 3,37 и 3,58 балла. Самооценки женщин индивидуальных предпринимателей и занятых на негосударственных (частных) предприятиях, напротив, выше, чем у мужчин (3,87 и 3,71 балла против 3,79 и 3,63). Такое соотношение вполне объяснимо: занятие предпринимательством в России требует хорошего здоровья, да и часто болеющих работников на частных предприятиях не держат.

Таблица 3. **Средняя самооценка здоровья работников предприятий разных форм собственности (баллов)**

	В среднем по выборке	В том числе	
		мужчины	женщины
Государственное, муниципальное предприятие/учреждение	3,44	3,58	3,37
Акционерное общество (*предприятие*) с участием государства	3,50	3,51	3,50
Акционерное общество без участия государства, частное, включая семейное	3,67	3,63	3,71
Индивидуальное предпринимательство	3,83	3,79	3,87
Работа по найму у физических лиц или семьи	3,37	3,35	3,38
Другое	3, 65	3,94	3,31
Средняя оценка	3,57	3,61	3,54

Наблюдается существенная вариация средних оценок здоровья работающих в разных сферах деятельности: высокие у занятых в финансово-кредитной сфере (3,87 балла) и в госуправлении (3,74 балла); низкие – у работников социальной сферы (образование, здравоохранение, социальная защита – 3,35 балла) и что очень важно – в промышленности (3,46 балла) (табл. 4).

Здоровье у женщин, работающих в госуправлении, выше, чем у мужчин (3,79 против 3,71 балла). Аналогичная картина в сельском хозяйстве и в предоставлении прочих услуг. В других отраслях соотношение оценок противоположное.

Самооценка здоровья безработных (не работают, не учатся и ищут работу) практически не отличается от работающих (3,53 против 3,57 балла) несмотря на то, что на их состояние здоровья в определенной мере оказывает влияние психологический фактор – отсутствие работы и неопределенность положения.

В то же время основной причиной незанятости у большинства лиц трудоспособного возраста, которые не работают, не учатся, не занимаются домашним хозяйством и не ищут работу, является слабое здоровье (3,04 балла). Средняя оценка здоровья у лиц, занимающихся домашним хозяйством, – 3,61 балла.

Таблица 4. **Средняя самооценка здоровья работников разных сфер деятельности, (в баллах)**

	В среднем по выборке	В том числе	
		мужчины	женщины
Промышленность	3,46	3,48	3,42
Строительство, транспорт и связь	3,59	3,61	3,53
Сельское и лесное хозяйство	3,72	3,64	3,78
Торговля, общественное питание, бытовое обслуживание	3,67	3,78	3,61
Жилищно-коммунальное хозяйство	3,64	3,70	3,60
Образование, здравоохранение, социальная защита	3,35	3,39	3,35
Культура, искусство, наука	3,72	3,74	3,71
Финансы, кредит, страхование	3,87	3,94	3,82
Прочие услуги (юридические, информационные, рекламные, туристические, и др. услуги)	3,73	3,61	3,81
Государственное управление, силовые структуры (армия, полиция и т. д.)	3,74	3,71	3,79
Другая	3,07	2,86	3,20
Средняя оценка	3,57	3,61	3,54

Здоровье и образование. Состояние индивидуального здоровья взрослых (старше 18 лет) во многом зависит от их образования. Как правило, у людей с более высоким образованием здоровье лучше. Так, у лиц с высшим и незаконченным высшим образованием средняя оценка здоровья равна 3,57 балла, а у лиц со средним специальным и окончивших ПТУ – 3,22 балла. У лиц с высшим образованием лучше условия труда, они более внимательны к своему здоровью, чаще обращаются к врачам и ведут более здоровый образ жизни. Среди них только 7,1 % оценили свое здоровье как «плохое» и «очень плохое», тогда как среди специалистов со средним специальным образованием таких вдвое больше (14 %). Существенно ниже здоровье у взрослых с общим средним и без среднего образования (2,95 и 2,67 балла).

Молодежь, которая учится в учреждениях среднего и начального профессионального образования, оценила свое здоровье в среднем на 3,48 балла. Более высокое здоровье у работающих студентов (аспирантов) – 4,08 балла, тогда как студенты (аспиранты) дневной формы обучения в среднем оценили свое здоровье на 3,82 балла.

Образование практически неразрывно связано с квалификацией работника. Поэтому средняя оценка здоровья у руководителей высшего звена, статус

которых предполагает наличие высокой квалификации, самая большая – 3,78 балла. Относительно высокие оценки у ИТР и служащих с высшим образованием – 3,66 балла, а у неквалифицированных и малоквалифицированных работников самые низкие – 3,48 балла.

У женщин рабочих профессий самооценки выше, чем у мужчин (3,59 против 3,48 балла); у руководителей низшего и среднего звена – одинаковые (3,52 балла), у работников иной квалификации гендерные различия сохраняются в пользу мужчин. Самая большая разница в оценках руководителей высшего звена – у мужчин 3,90 балла и 3,66 балла у женщин, что объясняется сферой их деятельности.

Здоровье и материальное положение. Больше половины горожан с душевым доходом свыше 3ПМ оценили свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее», средняя самооценка равна 3,5 балла. По данным обследования, однозначной тенденции повышения самооценок здоровья с ростом материального положения, что наблюдалось нами ранее по другим опросам населения, не просматривается [12, 14]. Пенсионеры после повышения пенсий и установления надбавок к ним переместились в группы с доходами выше прожиточного минимума (ПМ), что несколько понизило уровень здоровья в этих группах. В число малообеспеченных чаще стали попадать молодые семьи с детьми.

Жилищные условия являются следствием материального положения домохозяйства и фактором, определяющим здоровье. В большинстве случаев самооценки у лиц с плохими жилищными условиями значительно ниже средних. Самые низкие показатели индивидуального здоровья у членов домохозяйств, жилье которых не оборудовано коммунальными удобствами (2,95), и у тех, чье жилье холодное и сырое (3,17 балла). Здоровье значительно ниже у граждан, проживающих в ветхом жилье (3,26 балла).

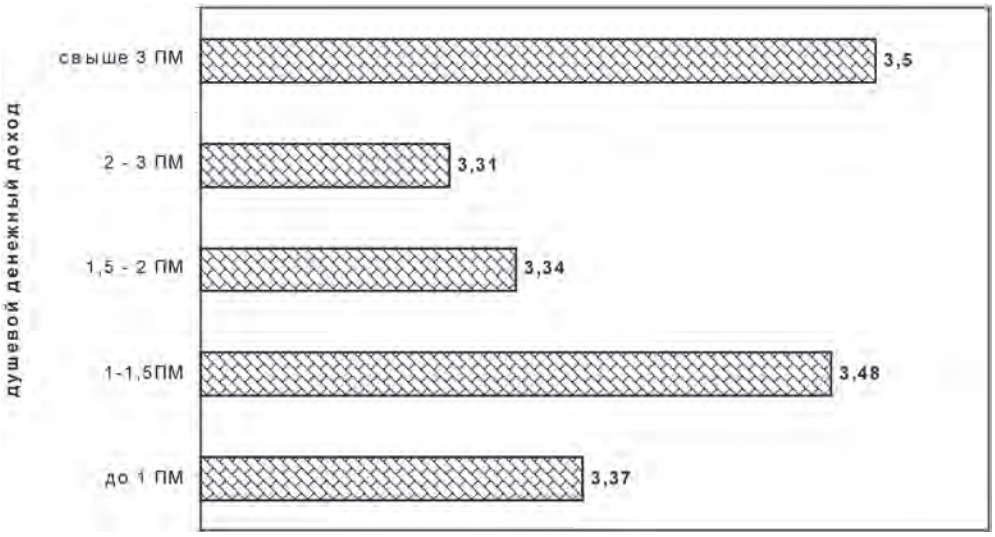


Рис. 2. Средняя оценка здоровья населения с разным материальным положением, баллы

Здоровье и свободное время. Известно, что активный и регулярный отдых – залог хорошего здоровья, долголетия и неотъемлемый элемент здорового образа жизни. К активным формам отдыха относятся занятия физкультурой и спортом, прогулки, игры на улице, отдых на природе. По данным обследования, около половины горожан гуляют и отдыхают на природе, но спортом занимаются только 12 %. Самыми массовыми формами отдыха являются пассивные – просмотр телепередач (80 %), чтение книг и журналов (62,3 %). Часть населения отдает предпочтение «современным» формам пассивного отдыха: более трети (37,5 %) просматривают интернет, каждый седьмой (14,2 %) играет в компьютерные игры (табл. 5).

Таблица 5. **Распределение ответов респондентов разного возраста на вопрос о проведении ими свободного времени (%)**

	До 7 лет	из них с оценкой здоровья на 5–4 балла/1–2 балла	8–16 лет	из них с оценкой здоровья на 5–4 балла/1–2 балла	17–55 (60) лет	из них с оценкой здоровья на 5–4 балла/1–2 балла	Старше трудоспособного возраста	из них с оценкой здоровья на 5–4 балла/1–2 балла
Чтение книг	12,7	55,9/8,8	58,9	75,0/1,1	66,1	62,7/2,0	68,6	12,8/36,2
Просмотр телепередач	52,6	67,1/3,6	80,1	72,2/0,8	79,0	62,2 /2,6	90,0	10,6/38,7
Компьютерные игры	8,6	34,8/13,0	46,6	67,1/1,3	15,4	61,6/2,7	2,1	25,0/ –
Интернет	6,7	44,4/5,5	55,3	68,2/1,7	53,4	70,9/2,2	4,5	34,9/11,6
Занятия спортом	7,5	80,0/ –	29,2	72,0/1,1	14,1	78,0/2,3	2,7	34,6/–
Прогулки, игры на улице	77,8	68,6/3,4	67,8	72,8/1,4	45,3	65,7/1,9	51,8	8,5/36,0
Отдых на природе	57,8	66,4/2,9	51,4	72,6/1,8	53,2	61,9/2,3	41,3	18,5/28,9
Другое	2,6	85,7/ –	0,6	50,0/50,0	1,3	41,4/3,4	2,0	– /27,8
Всего респондентов	100	69,2/3,4	100	69,3/1,3	100	59,9/3,0	100	10,6/38,7

Примечание. * Ответов более 100 %, так как респонденты давали более одного ответа.

По данным обследования, 5 % опрошенных ответили, что не имеют свободного времени, и это в основном лица трудоспособного возраста (81 %). Их средняя самооценка здоровья не превышает 3,2 балла (против 3,6 балла в среднем по этой возрастной группе), из них 8,5 % оценили свое здоровье как «плохое» (2 балла).

Проведение свободного времени дошкольниками отражает предпочтения и возможности выбора формы досуга их родителей. Оказалось, что даже в этой возрастной группе больше 22 % детей нечасто гуляют и играют на свежем воздухе. Больше половины дошкольников (52,6 %) часто проводят время у телеэкранов, читают книги со взрослыми членами семьи – 12,7 %, играют в компьютерные игры – 8,6 %, и реже занимаются спортом – 7,5 %. Среди дошкольников, которые занимаются спортом, 80 % имеют «очень хорошее» и «хорошее» здоровье и нет с «плохим» здоровьем, и наоборот, среди тех, кто проводит время за компьютером и чтением книг, значительно ниже доля с хорошим (на

4–5 балла) здоровьем и выше с неудовлетворительной оценкой (1–2 балла). В данном случае проявляется определенная связь между состоянием здоровья и формой проведения досуга, которая опосредована материальным положением и приоритетами родителей. В малообеспеченных и бедных семьях дети со слабым здоровьем смотрят телевизор, а в более состоятельных – играют в компьютерные игры.

Среди детей более старшего возраста (8–16 лет), а это в основном школьники, только каждый 3–4 ребенок в свободное время занимается спортом; 2/3 детей обычно в свободное время находятся на улице. Все больше детей проводят время у компьютера (игры, интернет), вытесняя собой чтение литературы, но все-таки больше, чем у половины детей этого возраста (58,9 %), интересная книга остается в числе основных форм досуга. Однако большинство детей данной возрастной группы проводят свой досуг у телевизора (80 %). В этой возрастной группе зависимость формы проведения досуга от состояния здоровья (и наоборот) проявляется значительно слабее, чем у дошкольников. Пассивный отдых может с большой вероятностью сказаться на их здоровье в будущем.

Среди лиц трудоспособного возраста доля занимающихся спортом снижается по сравнению со школьниками (14,1 %). Значительно ниже и доля тех, кто предпочитает компьютерные игры (15,4 %), тогда как доля пользующихся интернетом для получения информации остается на том же уровне. По состоянию здоровья выделяются занимающиеся спортом: среди них 78 % оценили свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее».

Относительно высокая доля с «хорошим» здоровьем (34,6 %) и среди лиц старше трудоспособного возраста, которые продолжают заниматься спортом. Однако их численность в этой возрастной когорте составляет менее 3 %. Плохое состояние здоровья у значительной части людей в этом возрасте (38,7 %) является причиной того, что пенсионеры в основном смотрят телевизор (90 %), а регулярно совершают прогулки только около половины из них. Одной из причин относительно низкой численности лиц, занимающихся спортом, является недоступность спортивных услуг – около 17 % горожан не довольны оснащенностью спортивными площадками и залами.

Доступность медицинских услуг. Одной из задач обследования являлось выявление доступности для жителей малых городов качественных медицинских услуг. Наличие полиса обязательного медицинского страхования (ОМС) означает потенциальную возможность при необходимости получить бесплатные медицинские услуги. 99,3 % респондентов ответили, что имеют полис ОМС, в том числе 14 чел. приобрели полис добровольного медицинского страхования[1].

[1] В 2004 г. в Нижегородской области охват населения обязательным медицинским страхованием был несколько ниже (95,3 %), полис добровольного страхования имели единицы в областном центре. Наибольшие проблемы с полисом ОМС и доступностью к получению бесплатных медицинских услуг были у учащейся молодежи, проживающей вне дома.

Таблица 6. **Причины не получения медицинских услуг, %**

Ответы респондентов на вопрос о случаях и причинах отказа от медицинской помощи	Всего ответов
Нет, таких случаев не было	
Не было необходимости обращаться к медицинским услугам	18,7
К врачам и за медицинскими услугами обращались всегда и оплата не требовалась	45,4
К врачу обращались всегда, оплатили все, что требовалось	27,8
Да, такие случаи были	7,5
Трудно получить доступ к нужной медицинской услуге	2,5
Трудно добраться до медицинского учреждения далеко	1,3
В нашем населенном пункте нет нужной медицинской услуги	1,4
Не смогли оплатить медицинские услуги	3,1
По другим причинам	1,1

Примечание: Ответов больше 100 %, так как респонденты давали в ряде случаев по два ответа.

Почти пятая часть (18,7 %) опрошенных домохозяйств за медицинской помощью не обращалась, так как не было необходимости (табл. 6). Еще около 75 % горожан медицинские услуги получили в полном объеме, в том числе больше 45,4 % – абсолютно бесплатно, а остальные домохозяйства (27,8 %) оплатили все, что требовалось. Проблемы с получением необходимой медицинской помощи отмечались в 7,5 % домохозяйств. Причины связаны с недоступностью нужных услуг и сложностью оплаты, причем проблемы с оплатой возникали у семей разного достатка.

Расширение платности медицинских услуг – одна из острых социальных проблем в России. При этом речь идет не о врачах частной практики, которых в малых и средних городах практически нет, а о предоставлении и расширении перечня платных услуг в муниципальных учреждениях взамен бесплатных. По данным опроса, каждый восьмой житель оплачивал визиты к врачу и в среднем за последний год заплатил более 2 тыс. р. (табл. 7). Не меньших средств требует проведение анализов и диагностических процедур, а средняя стоимость операций сопоставима с размером среднемесячной зарплаты в регионе и в 1,4 раза выше заработков в малых городах.

Платными медицинскими услугами вынуждены пользоваться все слои населения, несмотря на разные материальные возможности. Среди бедных (денежные душевые доходы ниже ПМ) оплачивали визиты к врачам и анализы (включая диагностические процедуры) соответственно 8,8 % и 5,9 %. Среди малообеспеченных с высоким риском бедности (денежные душевые доходы 1–1,5 ПМ) доля оплачивавших услуги врачей ненамного больше (9,8 %), тогда как доля оплативших анализы и диагностические процедуры почти в два раза выше (11,1 %). К платным операциям население обеих этих групп прибегало в исключительных случаях (0,8 % и 1,1 %), а в группах с более высоким материальным положением такие случаи встречались чаще.

Таблица 7. **Доля домохозяйств оплачивавших лекарства и медицинские услуги в группах с разным уровнем душевого денежного дохода, %**

Денежные душевые доходы, в соотношении с ПМ	Покупка лекарств (в среднем за месяц)	Оплата визитов к врачам (за последний год)	Оплата анализов (за последний год)	Оплата за операции (за последний год)	Другие услуги
До ПМ	68,0	8,8	5,9	0,8	
1–1,5 ПМ	72,4	9,8	11,1	1,1	0,9
1,5–2 ПМ	73,6	12,2	11,2	1,9	0,4
2–3 ПМ	73,3	15,5	13,1	1,9	0,0
Свыше 3 ПМ	67,2	21,2	17,1	1,7	1,4
Всего домохозяйств	71,1	12,4	11,1	1,4	0,5
Оплата услуг в среднем на 1 человека, р.	724	2186	2175	18332	14582

Оценку доступности к качественным медицинским услугам давали все домохозяйства. В среднем по обследованию она несколько выше удовлетворительной – 3,33 балла. Среди бедных неудовлетворительные оценки (1 и 2 балла) дали около 30 % домохозяйств, среди домохозяйств с доходами выше 3ПМ – 21,9 %, а в целом по всей совокупности домохозяйств – 18,4 %. Доля домохозяйств, которых полностью устраивает возможность получения услуг, составляет 12 %, а по экономическим группам варьирует от 8 % до 15 % и определенного тренда не наблюдалось.

Результаты исследования подтвердили выявленные ранее связи индивидуального здоровья населения с такими факторами, как пол, возраст, образование и жилищные условия. В тоже время прямая положительная связь материального положения с самооценками здоровья не подтвердилась. Основная причина – повышение индивидуальных доходов пенсионеров. Также было показало, что занятые в промышленности имеют относительно низкое здоровье, и это один из тормозов повышения эффективности экономики. Жители малых городов невысоко оценивают доступность к качественным медицинским услугам. Эта оценка касается здравоохранения на всех уровнях управления – федеральном, областном, городском. Расширение платности медицинских услуг, предоставляемых в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, происходит за счет сокращения бесплатных, а это в первую очередь сказывается на доступности к ним бедных и малообеспеченных.

Литература

1. *Furedi, F.* Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age / F. Furedi. – London: Routledge, 2004.

2. *Cameron, D.* Good to Talk? Living and Working in Communication Culture / D. Cameron. – London: Sage, 2000.

3. *Nolan, J. L.* The Therapy State: Justifying Government at Century's End / J. L. Nolan. – New York: New York University Press, 1998.

4. *Barry, A.-M.* Understanding the sociology of health / A.-M. Barry // Anne-Marie Barry and Chris Yuill. – London: SAGE. – C. 2012.

5. *Римашевская, Н. М.* Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России / Н. М. Римашевская, Е. В. Будилова, Л. А. Мигранова, Е. В. Молчанова // Народонаселение. – 2011. – № 1. – С. 38–49.

6. *Olafsdottir, S.* Health and the Social Rights of Citizenship: Integrating Welfare-State Theory and Medical Sociology / S. Olafsdottir, J. Beckfield // Handbooks of Sociology and Social Research Series Editor: Howard B. Kaplan, Texas A&M University, College Station, Texas Springer New York Dordrecht Heidelberg London, 2011. – С. 101–116.

7. *Ивашиненко, Н. Н.* Развитие сферы медицинского обслуживания: доступность услуг населению / Н. Н. Ивашиненко // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – Вып. 1(5). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 183–196.

8. *Римашевская, Н. М.* Причины низкой продолжительности жизни в регионах России / Н. М. Римашевская, Е. В. Будилова, Л. А. Мигранова // Народонаселение. – 2010. – № 4. – С. 22–34.

9. *Кислицына, О. А.* Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России / О. А. Кислицына. – М.: ИСЭПН, 2005.

10. Culture, bodies and the sociology of health / ed. by Elizabeth Ettorre. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate, 2010.

11. Росстат. Здравоохранение в России, 2011.

12. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог». – М.: ИСЭПН, 2001. – С. 319.

13. Сбережение народа / под ред. Н. М. Римашевской. – М.: Наука, 2007. – С. 326.

N. N. IVASHINENKO, I. I. KORCHAGINA, L. A. MIGRANOVA

POPULATION HEALTH AND ACCESSIBILITY OF MEDICAL SERVICES IN RUSSIAN SMALL TOWNS

Summary

This article explores the results of an investigation into social factors influencing population health. The analysis is based on household surveys in small towns in the Nizhegorodskaya region of the Russian Federation. The article illustrates the reasons behind low nation population by showing the relationship between individual health and; occupation, life conditions, life style, educational level, incomes and the accessibility of medical services.

Key words: individual and population health, small towns, fender age structure, occupation, life condition, life style, accessibility of medical services.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 364.1:323]-053,9(476)

О. Г. ДОМИНИКЕВИЧ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена проблемам социального обслуживания пожилого населения Беларуси. Автор предлагает рассматривать весь спектр участия пожилого человека в жизни общества, включая участие в производственной сфере, общественной деятельности, личное развитие, продвижение интересов своей группы и др. как его социальный потенциал.

Ключевые слова: социальное обслуживание, демографическое старение, пожилое население, социальный потенциал.

Необходимость создания условий для реализации социального потенциала пожилых граждан особенно актуальна сегодня в силу того, что по оценкам демографов общее число людей в возрасте от 65 лет к 2040 г. достигнет 1,3 млрд человек. В Беларуси в настоящее время люди за 60 – самая быстро растущая группа населения. Белорусские исследователи прогнозируют к 2040 г. увеличение численности пожилых людей в возрасте 60–64 лет на 60 %, а старше 80 лет – более чем на 120 %. Демографическое старение как глобальная тенденция развития современной цивилизации привлекает все большее внимание к положению пожилых людей в обществе. Данная ситуация обуславливает не только формирование новых потребностей и способностей пожилых людей, но и отказ от некоторых представлений и стереотипов общественного сознания. При этом в мировой практике все больше превалирует тенденция рассматривать пожилых людей не как пассивных реципиентов социальной помощи, а как активных и продуктивных членов общества, способных выражать свою позицию, влиять на принятие политических решений, вносить свой вклад в общественную, производственную и другие сферы жизни.

Несмотря на то, что на уровне государственной политики отсутствует единая концепция или программа в отношении пожилых, на уровне местных сообществ пенсионеры стихийно участвуют в жизни общества как индивидуально, так и коллективно (через создание ассоциаций и общественных объединений, некоммерческих организаций и коммерческих предприятий). Ситуация в нашей стране не всегда способствует социальной интеграции пожилых. В современном белорусском обществе пока не развиты механизмы, которые могли бы стимулировать социально-содержательную деятельность лиц пожилого возраста. Это порождает ряд вопросов как на государственном, так и на местном уровне управления: как избежать экономического коллапса в свя-

зи с растущим количеством получателей пенсий и социальных услуг? Какие именно правовые и управленческие условия исключают дискриминацию, благоприятствуют активизации потенциала старшего поколения и направлению его в позитивное русло, способствуют деятельности общественных объединений и коммерческих проектов старшего поколения?

В то же время до сих пор не проводились комплексные научные исследования наиболее эффективных практик деятельности, организационных форм и условий, в которых социальная активность пожилых людей развивается лучше всего.

В этом плане представляется целесообразным введение термина «социальный потенциал», под которым мы понимаем весь спектр участия человека в жизни общества, включая участие в производственной сфере, общественной деятельности, личностное развитие, активность в продвижении интересов своей группы и др. Социальный потенциал можно отнести к системообразующим элементам современной экономики, и учет его воздействия на все стороны общественной жизни становится сегодня одним из императивов экономической теории и политики. Тем не менее при выработке стратегических направлений общественных преобразований необходимо опираться на объективные закономерности социально-экономического развития, складывающиеся в том числе и под влиянием той роли, которую играет социальный потенциал.

Анализ имеющейся литературы показывает, что проведенные исследования на данном проблемном поле либо дают различные классификации пожилых людей, либо описывают различные виды дискриминации в отношении этой возрастной группы, такие как бедность, нарушение прав пожилых и т. п., либо демографические и экономические трудности, возникающие у государства в связи с резким увеличением количества граждан старшего возраста в ближайшем будущем. Практически нет работ, комплексно изучающих лучшие практики современной социальной политики в отношении пожилых граждан, способствующие реализации потенциала пожилых людей на региональном уровне, рассматривающие эту группу как активный и продуктивный слой населения.

Практическим выражением социальной политики государства по отношению к пожилому населению является институт социальной защиты. Однако сегодня социальную защиту населения преимущественно рассматривают на базе методологии социальной работы. Между тем подход к социальной защите как к социальному институту дает дополнительные методологические возможности для расширения социологического знания в области исследования социальной структуры, а также и для совершенствования практики в области социальной защиты населения.

В этой связи актуальной научной и практической задачей представляется изучение и оценка институционального потенциала системы социальной защиты, а именно концепции, функций, структуры, механизмов, направлений

поддержки наиболее уязвимых групп населения в соответствии с их реальными потребностями в адаптации к изменяющимся социально-экономическим условиям жизнедеятельности и рискам, обусловленным глобальными общественными трансформациями. Проблема лежит в узком понимании стабилизирующей функции института социальной защиты, которое сводится преимущественно к компенсации материального неблагополучия при игнорировании потребности в преодолении субъективно переживаемой неопределенности жизненной ситуации, потребностей в сторонней помощи для снижения социальной, психологической, физической уязвимости и охраны жизненно важных интересов.

В социологии понятие социального института в самом общем смысле отражает организацию социальной жизни посредством специфических учреждений, персонала и норм, регулирующих определенную социально значимую деятельность. «Институты служат не только организации совместной деятельности людей ради удовлетворения их социальных потребностей. Они также регулируют использование ресурсов, которыми располагает общество» (Н. Смелзер). По утверждению В. А. Ядова, «начиная с О. Конта, но в развернутой формулировке – с Э. Дюркгейма, категория социальных институтов является ключевой в объяснении общественного устройства».

Государство как институт, созданный нацией и обществом, прямо заинтересовано в развитии социального потенциала и его институтов. Его прямая обязанность, как минимум, – создать благоприятные условия для их развития. Особое значение для нации и государства в эпоху глобализации имеет развитие институтов социального потенциала в области духовности, нравственности, культуры. Социальные институты представляют собой «комплекс устойчивых исторически сформировавшихся отношений» (Кирдина С. Г.), ведущий компонент социальной структуры общества, связывающий и направляющий деятельность индивидов и групп. В социальных институтах реализуются (институционализируются) базовые социальные потребности общества в самосохранении и развитии. Основными элементами социального института являются законодательно закрепленные нормы определения социально значимой деятельности, соотнесенные с ними социокультурные нормы, государственные и общественные организации, реализующие законодательные нормы и выполняющие функцию контроля.

Социальная защита рассматривается в рамках данного понимания как способ реализации социальной политики в отношении граждан, не располагающих достаточными жизненными ресурсами (материальными, социальными, психологическими, возрастными) по не зависящим от них причинам. Объектами социальной защиты являются: безработные, инвалиды, пенсионеры, бездомные, потерявшие кормильца, многодетные и неполные семьи, беженцы и др. Сущность социальной защиты на институциональном уровне состоит в удовлетворении потребности общества в защите интересов самых уязвимых групп населения, наиболее многочисленными из которых являются пожилые граждане.

Социальная защита, являясь по своему функциональному характеру достаточно целостной системой, самостоятельным социальным институтом, имеет специфические особенности в технологии деятельности. Различают социальную поддержку и социальное обслуживание. Меры социальной поддержки осуществляются в денежной форме в виде компенсаций, льгот и пособий, а социальное обслуживание – в натуральной форме (продукты, вещи, товары длительного пользования), а также путем оказания различного рода услуг. Анализ соответствия внешних функций института социальной защиты потребностям и целям общества в целом выступает в качестве одной из целей научных исследований, обуславливая их методологию и внутреннюю структуру. Анализ зарубежного опыта организации социальной защиты показывает, что даже в тех странах, где, как и в Беларуси, преимущественно реализуется государственная форма социальной защиты, она организована по принципу достижения социального благосостояния (скандинавские страны), в то время как в нашей стране – по принципу достижения минимального социального стандарта при почти полном отсутствии общественных организаций социальной направленности для пожилых. Более того, отказ от преемственности при переходе от советской к современной белорусской системе социальной защиты без учета низкого уровня жизни пожилых белорусов стал дополнительным социальным риском не только для всей системы, но и для ее объектов. Тем не менее представляется неоспоримым наличие потенциала развития функций, методов, форм работы института социальной защиты для снижения неопределенности жизненных перспектив, повышения удовлетворенности жизнью и социального самочувствия пожилых белорусов. А именно: стимулирование мотивации общественных организаций, частных лиц на участие в социальной защите пожилых; переориентация принципа минимального социального стандарта на принцип социального благосостояния; переход от заявительной формы работы к выявлению потребностей; переход от категориальности к целевому обслуживанию в соответствии с потребностями (в том числе коммуникативными); введение дополнительно к перечню бесплатных услуг – частично оплачиваемых по минимальным расценкам; стимулирование мотивации семейных форм поддержки и ухода за пожилыми, обучение технологиям ухода за пожилыми членами семьи.

Приспособление человека к старости – это его способность определить оптимальные соотношения между неизбежным отдыхом от некоторых сфер прежней жизни и продолжением активного образа жизни. При сравнении основных показателей качества жизни и активности пожилых людей в развитых странах с положением пенсионеров в нашей стране становится очевидно, что у нас существует ряд острых проблем с досугом, образованием и социальным обслуживанием этой категории граждан. К общему кризисному состоянию добавляется ситуация экономической нестабильности, коммерциализации, резкого изменения общественных ценностей и приоритетов, правовая безграмотность населения. В настоящее время практически не имеет значения,

каким родом деятельности занимался человек до выхода на заслуженных отдых: в большинстве своем пожилые люди не могут быть полностью уверены в своем благополучии.

По результатам опросов, значительная часть белорусов пенсионного возраста переживает сильнейший стресс из-за осознания собственной ненужности, из-за неумения адаптироваться к общественным изменениям. А так как психологический кризис усиливается сложным материальным положением, то альтернативы постепенному угасанию наедине со своими мыслями у наших стариков практически нет. Общеизвестный факт, что у человека, пребывающего вне общественно-культурной жизни, распадается мотивационная сфера. Один из самых печальных признаков старости состоит в том, что человеку ничего не нужно. Старые цели – стремление заработать денег, сделать карьеру, устроить семью – уже пройдены, и человек перестает вообще чего-либо желать. Как только угасает мотивационная сфера, тут же, откликаясь на это, наступает эмоциональный упадок, а затем – распад интеллектуальной сферы. Когда же человек живет интеллектуально активной жизнью, то часть характерных проблем старости перестает существовать. Исследования показывают, что больше всего пожилые люди не хотят остаться в бездеятельности, им хочется реализовать упущенные возможности в образовании, творческой деятельности, родственных отношениях. Все ожидают постоянных контактов с людьми разных возрастов в каком-либо виде совместной деятельности.

Благоприятно протекающие процессы социальной коммуникации и наличие адекватной социокультурной среды – ключевые аспекты полноценной жизни, социального взаимодействия, информационных обменов между людьми. Сужение круга контактов, характерное для пожилых людей, ограничивает объем используемой ими социально значимой информации. Невостребованность имеющегося у пожилых людей нравственного, духовного, культурного потенциала в структуре их социальной коммуникации наряду с дефицитом текущей социально значимой информации как основная проблема особенно остро проявляется в сфере межпоколенческих отношений, в том числе в собственной семье.

В связи с этим состояние и уровень социального обслуживания пожилых людей в Беларуси вызывают определенное беспокойство. Процессы гуманизации белорусского общества во многом определяют новую направленность социального отношения к пожилым людям. Создание для них оптимальных условий для ведения успешной социальной жизнедеятельности, адаптации, социальной безопасности, интеграции в социум являются сегодня приоритетными задачами во всех развитых странах мира. Вместе с тем очевидной остается проблема развития системы их социального обслуживания, которая приобретает все большее значение в нашей стране и является одним из важнейших направлений социальной политики государства. Острота этой проблемы обусловлена динамикой роста их численности.

Индикатором неблагополучия в обществе может также служить множественная дискриминация в отношении пожилых людей, которая сегодня проявля-

ется в практиках исключения, ограничивающих доступ к основным формам социального участия. Социальная эксклюзия представителей третьего возраста проявляется через многочисленные механизмы дискриминации, связанные с различными сферами жизни: лингвистической (дискриминация средствами языка), сферой труда и занятости, рекреационной сферой и сферой досуга. Можно четко проследить основные признаки исключения людей пожилого возраста из формирующегося информационного общества, возникшее на фоне ограниченности технических, материальных и физических ресурсов:

ограниченные экономические ресурсы в использовании информационной инфраструктуры;

отсутствие адекватного отражения потребностей пожилых людей в нормативно-правовых актах;

слабое развитие образовательных программ для пожилых с целью формирования знаний, умений и навыков в работе с информационными системами;

коммерциализация источников информации;

тематическая ограниченность в освещении проблем пожилых людей средствами массовой информации, которые ориентированы в основном на молодых;

неразвитость структур гражданского общества, призванных защищать права и интересы старшей возрастной группы;

распространенность стереотипов в отношении информационных потребностей пожилых людей, их участия в информационном обмене;

нежелание переквалифицировать профессиональный уровень пожилых людей;

инертность процессов институциональных изменений.

Эти и другие ограничения возможностей пожилых людей приводят к усилению их социальной отверженности, обособленности от других возрастных групп, нарушению системы межпоколенческих связей и взаимодействий. Демографические изменения требуют адаптации всех экономических и социальных институтов к новым условиям. Наша образовательная система остается в значительной мере закрытой для людей пожилого возраста, а общество в лучшем случае настроено индифферентно в отношении их особых образовательных потребностей.

В Минске, как и в целом по Беларуси, наблюдается устойчивая закономерность увеличения в составе населения числа лиц пожилого (60–74 года) и старшего возраста (75–89 лет) и в дальнейшем прогнозируется сохранение их высокой доли в общей структуре населения. Несмотря на принимаемые государством меры по поддержанию оптимального уровня доходов граждан в условиях инфляции, остается низким материальное обеспечение пожилых людей, которое не позволяет удовлетворять их основные жизненные потребности. Все это обостряет необходимость социальной поддержки со стороны государства граждан пожилого возраста, в том числе посредством предоставления им геронтосоциальных услуг. Недостаточное развитие в нашей стране института социального обслуживания пожилых людей определяет данную проблему не только как приоритетную и важную для социума, но и как достаточно новое

и сложное научное направление в теоретическом и практическом отношении. Вышеуказанные обстоятельства определяют актуальность социологического анализа и необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций по формированию концептуальной модели дальнейшего развития и оптимизации функционирования системы социального обслуживания пожилых людей в плане развития социологического знания в целом и в аспекте современных реалий социального развития, гарантий социальной безопасности белорусского общества.

Единая социально-демографическая группа пожилых людей в Республике Беларусь становится все более сложной, включая в себя сегодня не только людей разного возраста, но иногда и разных поколений. Государственная социальная политика, учитывающая интересы пожилых людей, обязана предусматривать учет этой специфики, дифференциацию мер социальной поддержки в зависимости от потребностей и возможностей лиц старшего возраста. Демографическое постарение общества будет продолжаться в обозримом будущем, что предъявляет серьезные требования к системам пенсионного обеспечения и социального обслуживания, всего жизнеустройства социума, который во все большей мере будет состоять из стареющих людей. Территориальные центры социального обслуживания населения предлагают пожилым людям целый ряд социальных услуг. Задача оценки эффективности и востребованности этих видов помощи – сегодня одна из самых актуальных для социальных служб. Поэтому качественный скачок в развитии нации и экономики возможен, если задействовать в полной мере социальный потенциал всего населения и его институты.

O. G. DOMINIKEVICH

SOCIAL POTENTIAL OF THE AGEING POPULATION AS A RESPONSE TO THE «CHALLENGES OF THE ENVIRONMENT»

Summary

This article is devoted to the problems of social service of the elderly population of our country. The author proposes to consider the whole spectrum of participation of elderly people in the life of society, including participation in the production sphere, social activities, personal development, to promote the interests of his group and the other as its social potential.

Key words: social services, demographic aging, the elderly, the social potential.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.7:379.8(4+73)

О. Н. ФАБЛИНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ДОСУГ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена изучению досуга в западной социологической мысли. Рассматриваются позиции зарубежных авторов в отношении концепции «общество досуга». Автором статьи осуществляется анализ сферы досуга через призму структурно-функционального, неомарксистского и интеракционистского подходов.

Ключевые слова: досуг, общество досуга, структурный функционализм, неомарксизм, символический интеракционизм.

Социология досуга как специальная социологическая теория появилась в середине XX века, а ее институционализация в качестве отдельной научной дисциплины связана с созданием «Исследовательского комитета 13» (международной социологической ассоциации по изучению досуга) в 1970 г. Безусловно, западные ученые – преимущественно ученые США – и ранее обращались к изучению досуга: Т. Веблен («Теория праздного класса», 1899 г.), А. Ллойд («Эпоха досуга», 1922 г.), Дж. Каттен («Угроза досуга», 1926 г.), Г. Мэй и Д. Пэтген («Досуг и его использование», 1928 г.), Дж. Ландберг («Досуг: изучение пригорода», 1934 г.), А. Пэк («Вызов досуга», 1934 г.), Р. Пэйн («Зачем работать? Грядет век досуга и изобилия», 1939 г.) и т. д. Как правило, исследования американских социологов и экономистов носили прикладной характер и были направлены на решение конкретных практических задач. Активное изучение досуга и институционализация социологии досуга начались после Второй мировой войны, с началом научно-технической революции. Экономический рост в 1950–1970-х годах при одновременном сокращении рабочего времени, появлении ежегодных оплачиваемых отпусков, улучшении качества жизни привели к появлению в научном социологическом сообществе идеи «общества досуга» («цивилизации досуга», «эпохи досуга»), нашедшей как сторонников, так и противников (концепция «общества досуга» основана на понимании общества, в котором доминирующая роль в жизни индивидов принадлежит досугу, в то время как значимость труда утрачивается).

Сторонников идеи «общества досуга» можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся авторы, убежденные, что «общество досуга» есть общество на современном им этапе (Ж. Дюмазедье, Р. Ли, М. Каплан, К. Робертс), ко второй – авторы, полагавшие, что общество досуга – неизбежное (Ж. Фурастье, Д. Габор) или возможное (К. Робертс) будущее человечества.

Значимость досуга и рассмотрение его как самостоятельной сферы нашли максимальное отражение в концепции «цивилизации досуга» Ж. Дюмазедье. На основании эмпирических данных он сделал вывод о том, что ценность досуга превосходит ценность рабочего времени, так как многие индивиды предпочитают обладать большим количеством свободного времени, нежели высоким заработком. Рост значимости досуга, в свою очередь, оказывает значительное влияние на экономическую сферу общества, вызывая ее изменения, стимулируя развитие досуговой инфраструктуры. Все это, по мнению Ж. Дюмазедье, свидетельствует о наступлении в 1960–1970-х годах «цивилизации досуга» с присущим ей разрывом зависимости между досугом и трудом: досуг служит не столько для восстановления потраченных физических и духовных сил, сколько для удовлетворения потребности более высокого плана – самовыражения, самоутверждения, социальной идентификации [1, с. 87].

По мнению американского исследователя Р. Ли, о наступлении «общества досуга» в США свидетельствует сокращение рабочего времени, развитие индустрии досуга, широкое разнообразие форм его проведения. При этом автор не дает качественную оценку «обществу досуга», так как считает, что только от индивидов зависит, будет оно эпохой расцвета или варварства [2, с. 26].

С точки зрения М. Каплан, свидетельством наступления «общества досуга» является сокращение продолжительности рабочего времени, снижение пенсионного возраста, распространение СМИ, стирание государственных границ. Также исследователь говорит о появлении «нового досуга», в основе которого лежат изменения в культурной сфере общества, способствующие творческому использованию индивидами своего времени [3, с. 3–4, 304].

Ж. Фурастье понимал под «обществом досуга» модель постиндустриального общества, в рамках которого признается, что на определенном этапе экономического развития общества досуг приобретает независимость и самоценный характер по отношению к трудовой деятельности. Однако, в отличие от ранее упомянутых авторов, он не был склонен считать наступление общества досуга свершившимся фактом.

Английский социолог Д. Габор также придерживался идеи о неизбежном наступлении «общества досуга, однако рассматривал это общество как угрожающее человечеству. По мнению ученого, существует «трилемма» (три основные опасности, перед лицом которых находится человечество): уничтожение человечества вследствие ядерной войны, перенаселение планеты и «эпоха досуга». И если с первыми двумя опасностями человечество знает, как справиться, то к эпохе досуга оно психологически не готово. Ученый считал, что эпоха досуга станет реальностью в странах Западной Европы в течение жизни всего одного поколения. Более того, в большинстве высокоиндустриальных стран эпоха досуга уже наступила бы, если бы не так называемые защитные механизмы: военные расходы государств, экономические убытки и непроизводительные потери рабочего времени (прогулы, простои и т. д.) [4, с. 9].

Английский исследователь К. Робертс в первой редакции своей работы «Досуг» утверждал о наступлении «общества досуга» в Великобритании, что

подтверждается ростом влияния досуга на жизнь индивидов и социальные институты, а также главенствующей ролью досуговой деятельности в процессе развития индивида [5, с. 101–102]. Однако в последующих работах ученый говорит об «обществе досуга» уже не как о свершившемся факте, а как о возможной фазе развития общества, так как имеются пределы влияния досуга на социальную структуру: труд и политика, – считает он, – есть две сферы жизни, где его влияние незначительно [6, с. 146–148].

Основными скептиками наступления «общества досуга» являются американские социологи Дж. Келли, Г. Бурк, С. Де Гразия, Т. Кандо.

Так, Дж. Келли относит к недостаткам теории «общества досуга» пренебрежение ее авторами политическими и социальными конфликтами, веру в возможность преодоления экологических проблем посредством использования новых технологий, игнорирование противоречий между необходимостью бесконечного производства товаров, необходимых для проведения досуга, и сокращением производительности труда в «обществе досуга» [7, с. 276].

Г. Бурк рассматривал «общество досуга» не более чем иллюзию или нонсенс [8, с. 336]. С. Де Гразия, в свою очередь, разводит понятия «свободное время» и «досуг», понимая под последним особое интеллектуальное и моральное состояние, которое свойственно лишь незначительному количеству индивидов. Это больше, чем развлечение, релаксация и т. п., – досуг есть идеал, связанный с развитием интеллектуальных или моральных способностей, необходимых для служения обществу. По мнению С. Де Гразия, для современного американского общества досуг не характерен, в большинстве своем речь может идти только о свободном времени [9, с. 284–285; 10, с. 181–182].

Т. Кандо также выступал с критикой концепции «общества досуга». По его мнению, автоматизация, кибернетизация, рост богатства могли привести к «обществу досуга», но не привели. Причиной тому два обстоятельства: во-первых, ценностная система общества поощряет труд, во-вторых, экономическая структура общества требует дорогостоящего массового потребления товаров, услуг и массового отдыха, а не свободу при осуществлении досуговой деятельности [11, с. 15].

Рассмотрев в наиболее общем виде позиции западных исследователей в отношении увеличения роли и значимости сферы досуга в современном обществе, предлагаем обратиться к более детальному рассмотрению сферы досуга через призму структурно-функционального, неомарксистского и интеракционистского подходов.

Основоположником **структурно-функционального подхода** является Т. Парсонс, согласно которому общество рассматривается как система, все части которой взаимосвязаны и в которой действуют процессы, направленные на сохранение и поддержание ее целостности. Ученый утверждал, что социальная система возможна лишь в случае, если она отвечает четырем функциональным требованиям, к каковым он относил адаптацию, целедостижение,

интеграцию и латентность (поддержание образца). Досугу отводилось выполнение латентной функции: он призван дать выход, пустить в нужное русло сдерживаемые индивидом эмоции, подавляемую им энергию, тем самым способствуя сохранению внутренней прочности системы.

Аналогичного мнения придерживались и более поздние представители структурно-функционального подхода – Э. Гросс и С. Паркер. Они считали, что досуговые институты, выполняя в обществе ряд функций, служат поддержанию целостности системы, способствуют преодолению противоречий между отдельным индивидом и обществом в целом.

По мнению *Э. Гросса*, обе сферы человеческой жизнедеятельности – труд и досуг, – способствуют сохранению и поддержанию культуры в обществе, социализации индивида через обучение правилам поведения, нормам и сложившимся образцам [12, с. 2–8]. С критикой идей Э. Гросса выступил *С. Паркер*, полагавший, что они не позволяют раскрыть связь между трудовой и досуговой деятельностью, а также их влиянием на целостность системы. Опираясь на предложенные американским социологом Г. Виленским модели соотношения «труд – досуг» (компенсаторная и избыточная модели), С. Паркер предложил три своих варианта соотношения этих сфер: 1) расширенный (возможен в случае высокого уровня удовлетворенности индивидом трудовой деятельностью, рассматриваемой в качестве основной ценности, в то время как досуг выступает ее продолжением); 2) нейтральный (индивиды, придерживающиеся этого образца, сохраняют нейтралитет в отношении досуговой деятельности, которая может быть отлична от трудовой, но не обязательно это отличие носит целенаправленный характер; С. Паркер описывает таких индивидов, как невовлеченных, незаинтересованных, пассивных в отношении трудовой деятельности); 3) оппозиционный (характерен в том случае, когда индивидам неприятна их работа, и они ждут ее окончания, чтобы заняться тем, что им действительно нравится и что отлично от выполняемых ими трудовых обязанностей). По мнению С. Паркера, досуг следует рассматривать не с позиции количества времени, на него затрачиваемого, а с учетом качества его проведения, так как только творческий, созидательный досуг выполняет социализирующую функцию, способствует солидаризации общества [13, с. 71, 99; 14, с. 30].

Истоки **неомарксистского подхода** берут свое начало в теории К. Маркса. Несмотря на то, что исследовательский интерес последнего не был сосредоточен на изучении досуговой деятельности, ученый высоко оценивал важность свободного времени в жизни как отдельно взятого индивида, так и общества в целом. Под свободным временем К. Маркс понимал время, необходимое индивиду «...для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил...» [15, с. 274], называя его величайшей производительной силой. По мнению мыслителя, досуг (наряду со «временем для более возвышенной деятельности») составной частью входит в общий объем свободного времени [16, с. 221].

В 1980-х годах уже представители неомарксистского направления занялись изучением досуговой деятельности индивидов. Опираясь на идеи К. Маркса и А. Грамши, *Дж. Кларк и Ч. Критчер* пришли к выводу о том, что капитализм формирует природу как трудовой, так и досуговой деятельности. Ученые считали, что под прикрытием необходимости сохранения общественного порядка, государство навязывает индивидам необходимые способы проведения досуга, который постепенно становится подчиненным государству и поддерживаемому им капиталистическому строю, теряя элементы свободы и выбора, становясь похожим на оплачиваемый труд. Досуг, по мнению авторов, может быть понят через призму понятия «класс», так как выбор досуговой деятельности основывается на доступе к неравномерно распределенным в обществе ресурсам [17, с. 247–255].

Таким образом, по мнению Дж. Кларка и Ч. Критчера, досуг отражает социальное разделение общества, которое, в конечном счете, находится вне досуга как такового. Именно посредством досуга социальное неравенство находит свое воплощение и утверждение в обществе.

С точки зрения еще одного представителя неомарксизма – *С. Холла*, все социальные сферы, включая досуговую, есть часть репрессивной социальной системы, в которой ценности и смыслы символических структур, а также возможности индивида детерминируются его половой, расовой, классовой принадлежностью [18; 19].

Представители Франкфуртской школы критической теории (*М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Л. Ловенталь, Э. Фромм*) уделяли особое внимание изучению влияния современной массовой культуры на индивидов и общество в целом. По мнению сторонников школы, в основе досуга лежат средства массовой культуры и массовой коммуникации, которые являются важными агентами социализации и проводниками политических идей, используемыми в целях воспроизводства существующего общественного порядка. Более того, индивиды во время проведения своего досуга вынуждены выбирать из того, что предлагается производителями массовой культуры. Как результат – досуг служит интересам капитала через создание потребительского спроса, а увеличение объема свободного времени ведет к росту потребления, расширяя влияние массовой культуры и возможности осуществления контроля над рабочими.

Третьим подходом к изучению досуга выступает **символический интеракционизм**, основная идея которого заключается в том, что понимание социального действия возможно благодаря его символичности: любое социальное действие несет в себе скрытые смыслы, раскрывая которые индивиды способны ориентироваться в социальном пространстве. Наиболее выдающимся исследователем досуга в рамках данного подхода является *Дж. Р. Келли*.

Дж. Р. Келли – сторонник концепции «рамки жизненного курса» («life-course framework»), заключающейся в том, что самоопределение индивида всегда

происходит с учетом изменяющихся контекстов, в основе которых лежит исполнение индивидами различных социальных ролей. Досуг представляет собой часть культуры, тот социальный контекст, в рамках которого индивиды самоопределяются и чей каркас составляют время, деятельность и опыт [20, с. 42–45].

Автор признает возможность придания индивидом большей значимости досуговой, нежели трудовой деятельности. В таком случае досуг выступает основой личной и социальной идентичности, начинает занимать большую часть жизни индивида, становясь его «центральным жизненным интересом». Досуговая идентичность (как и идентичности в других сферах жизни) моделируется в процессе взаимодействия с другими индивидами, разделяющими аналогичные предпочтения. В этом процессе взаимодействия индивиды получают так называемые «намеки» на то, как лучше проводить свой досуг, и обратную реакцию на его «исполнение». В связи с этим автор вводит термин «стиль досуга» («leisure style»), который проявляется в решении индивида участвовать или не участвовать в определенной досуговой деятельности, так как его временные, финансовые и личные ресурсы ограничены. Регулярность выставления приоритетов в досуговой сфере, вызванных этими ограничениями и есть стиль досуга [21, с. 187].

И. Гоффман также отмечал важность досуга в процессе конструирования личной идентичности через использование таких «реквизитов», как одежда, прическа и т.д. Для теоретической концепции автора характерна театрализация, спектаклизация общественной жизни: каждый индивид готовится к выходу на авансцену, стремясь представить идеализированную картину самого себя, скрывая то, что публике не следует о нем знать [22, с. 54–63].

По мнению *С. Шоу*, досуг представляет собой ментальный, субъективный феномен, который берет свое начало во взаимодействии индивидов и является функцией способности индивида символически трансформировать или модифицировать интерпретации этого взаимодействия. Ученый также отмечает, что эти интерпретации могут быть переопределены и в случае, если они разделяются другими индивидами, становятся нормой [23, с. 4–5].

Таким образом, в западной социологии существует три основных подхода к изучению досуга: структурно-функциональный анализ, неомарксизм и символический интеракционизм. Согласно первому, досуг является той сферой жизнедеятельности индивида, которая позволяет поддерживать целостность и стабильность системы. Неомарксизм рассматривает досуг как сферу, зависимую от распределения властных, экономических, культурных ресурсов в обществе, сферу, детерминируемую целым рядом внешних по отношению к индивиду факторов. Представители символического интеракционизма определяют досуг как конструкт, в основе которого лежит социальное взаимодействие и интерпретационные схемы индивидов. Стоит отметить, что указанные подходы в целях достижения наилучшей интерпретационной модели досуга следует рассматривать не как взаимоисключающие, но взаимодополняющие, то есть комплексно.

Литература

1. *Дюмазедье, Ж.* На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // Вестн. МГУ. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1993. – № 1. – С. 83–88.

2. *Lee, R.* Religion and Leisure in America: A Study in Four Dimensions / R. Lee. – Nashville: Abingdon Press, 1964. – 271 p.

3. *Kaplan, M.* Leisure in America: A Social Inquiry / M. Kaplan. – New York: John Wiley & Sons, 1960. – 368 p.

4. *Gabor, D.* Inventing the Future / D. Gabor. – London: Pelican, 1964. – 199 p.

5. *Roberts, K.* Leisure / K. Roberts. – London: Longman, 1970. – 133 p.

6. *Roberts, K.* Contemporary Society and the Growth of Leisure / K. Roberts. – London: Longman, 1978. – 191 p.

7. *Kelly, J. R.* Leisure / J. R. Kelly. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1982. – 426 p.

8. *Burck, G.* There'll be less leisure than you think / G. Burck // Recreation in modern society / ed. M. N. Hormachea, C.R. Hormachea. – Boston, 1972. – P. 336–351.

9. *De Grazia, S.* Of Time, Work, and Leisure / S. de Grazia. – New York: The Twentieth Century Fund, 1962. – 559 p.

10. *Hemingway, J. L.* Leisure and Civility: Reflections on a Greek Ideal / J. L. Hemingway // Leisure sciences. – 1988. – Vol. 10 – P. 179–191.

11. *Kando, Th.* Leisure and Popular Culture in Transition / Th. Kando. – St. Lous: Mosby, 1980. – 343 p.

12. *Gross, E.* A Functional Approach to Leisure Analysis / E. Gross // Social Problems. – 1961. – Vol. 9, № 1. – P. 2–8.

13. *Parker, S.* The Future of Work and Leisure / S. Parker. – London: Paladin, 1972. – 160 p.

14. *Neville, G.* Free Time: Towards a Theology of Leisure / G. Neville. – Birmingham, UK: University of Birmingham, University Press, 2004. – 162 p.

15. *Маркс, К.* Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд-е второе. – М., 1960. – Т. 23. – С. 43–900.

16. *Маркс, К.* Экономические рукописи / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Изд-е второе. – М., 1969. – Т. 46, часть II. – С. 8–244.

17. *Clarke, J.* Leisure and Inequality / J. Clarke, Ch. Critcher // Sociology of Leisure: A reader/ ed. Ch. Critcher, P. Bramham, A. Tomlinson. – London, 1994. – P. 247–255.

18. *Hall, S.* Encoding, Decoding / S. Hall // Georgetown University [Electronic resource]. – 1980. – Mode of access: http://www9.georgetown.edu/faculty/irvinem/theory/sh-coding.pdf. – Date of access: 12.10.2012.

19. *Kelly, J. R.* Multiple Dimensions of Meaning in the Domains of Work, Family, and Leisure / J. R. Kelly, J. R. Kelly. – Qestia [Electronic resource] – 1994 – Mode of access: http://www.questia.com/library/1G1-15695119/multiple-dimensions-of-meaning-in-the-domains-of-work. - Date of access: 12.10.2012.

20. *Best, Sh.* Leisure Studies: Themes and Perspectives / Sh. Best. - London: SAGE Publications Ltd, 2009. – 336 p.

21. *Kelly, J. R.* Life Styles and Leisure Choices / J. R. Kelly // The family coordinator. – 1975. – Vol. 24, № 2. – P. 185–190.

22. *Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М. «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.

23. *Shaw, S. M.* The Meaning of Leisure in Everyday Life / S. M. Shaw // Leisure Sciences. – 1985. – № 7 (1). – P. 1–24.

O. N. FABLINOVA

LEISURE AS THE OBJECT OF STUDY IN WESTERN SOCIOLOGICAL THOUGHT

Summary

The article is dedicated to the leisure study in western sociological thought. It is considered the position of foreign authors in the attitude of the concept of «leisure society». The author of the article analyse leisure in the light of the structural functionalist approach, neo-marxism and social interactionist approach.

Key words: leisure, leisure society, structural functionalist approach, neo-marxism, social interactionist approach.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 323/324

А. К. ЭШИЕВ,
кандидат политических наук, доцент,
Жалал-Абадский государственный университет, г. Жалал-Абад

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МАСКУЛИННОСТИ

В статье говорится о факторах кризиса мужественности и трансформации маскулинности, о его биологических причинах. Даются статистические данные Кыргызстана. Отмечается необходимость гендерного подхода при реализации политики здравоохранения.

Ключевые слова: гендер, факторы трансформации, маскулинность, показатели смертности, заболеваемости.

В настоящее время в мировой научной литературе появляется немало монографий и статей, посвященных трансформации образа мужчины в современном обществе, кризисе маскулинности, изменению традиционной роли мужчины в семейной жизни. Можно предположить, что зачастую трансформация мужского гендерного конструкта, трансформация мужской идентичности связана с попыткой женщин уравнять свои права с мужчинами, получить независимость во всех сферах общественной и семейной жизни, право выбирать и быть избранными. В настоящее время женщины наравне с мужчинами занимают руководящие посты в правительстве, в руководящих структурах власти, в силовых ведомствах, в профессиональном спорте, охоте, то есть женщины вторглись в истинно мужские сферы деятельности, в связи с чем существенно понизился статус мужчин в обществе. В связи с этим можно говорить о кризисе мужественности и трансформации маскулинности в современном обществе.

Представители биологической школы Б. Ц. Урланис и В. А. Геодакян пытаются объяснить причины трансформации мужчин с биологической и медицинской точек зрения и увязывают этот процесс с повышенной смертностью мужчин, подверженностью новым заболеваниям. Они сделали попытку доказать, что мужчины являются «слабым полом». В СССР впервые обратил внимание на повышенную смертность мужчин и попытался выяснить причины сокращения средней продолжительности жизни мужчин Б. Ц. Урланис в публикации «Берегите мужчин» [1], получившей общественный резонанс еще в 1970-е годы. По мнению Б. Ц. Урланиса, мужской пол обладает «индексом мужской сверхсмертности» [2, с. 116]. Это связано с тем, что коэффициент смертности мужского пола превышает коэффициент смертности женского на равных возрастных промежутках жизнедеятельности.

Б. Ц. Урланис выделяет несколько причин сверхсмертности мужчин:

1. наибольшее количество случаев насильственной смерти среди молодых мужчин, чем у женщин;

2. несчастные случаи, являющиеся главной причиной смерти мужчин во многих возрастных группах, особенно среди молодёжи, связанные с увлечением мотоциклами, автомобилями, занятием экстремальными видами спорта и т. д.;

3. преждевременное старение мужского организма, которое является не физиологическим, а патологическим;

4. повышенная мертворождаемость мальчиков в сравнении с девочками и смертность мальчиков до одного года;

5. увлечение мужчин вредными привычками: алкоголизмом, курением, неумеренностью в еде [2, с. 124–127].

В Кыргызстане более половины мужчин злоупотребляют курением. Судя по опросам, проведенным в 2006 г., 73 % мужчин в возрасте от 25 до 45 лет злоупотребляют курением. Если взять возрастной период от 18 лет и до пенсионного возраста, то курящие среди них составят более 50 %. Среди женщин процент курящих составляет 12 %. Спустя 5 лет ситуация не улучшилась. В Кыргызстане в последнее время отмечается увеличение количества курящих. Наблюдается угрожающая тенденция превалирования мужской смертности над женской и сокращение средней продолжительности жизни мужчин [3].

Что касается детской смертности по полу (число умерших детей в возрасте до 5 лет на 1000 родившихся), то картина не менее утешительная: мальчики – 29,2 лет, девочки – 23,6 года [3]. В Кыргызстане число родившихся и умерших по полу имеет следующие показатели: родившиеся мужчины – 74 788, женщины – 71325, умершие мужчины – 20 372, женщины – 15802 [3]. Б. Урланис приводит такие интересные цифры того времени: средняя продолжительность жизни мужчин в СССР в 1968–1971 годах составляла 64,5 года, а женщин – 73,5: следовательно, мужчины жили на 9 лет меньше женщин [2, с. 121]. Для сравнения, в современном Кыргызстане средняя продолжительность жизни женщины – 73 года, средняя продолжительность жизни мужчины – 65 лет. Разница составляет 8 лет [3]. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по полу составляет у мужчин – 65,3 года, у женщин – 73,5. Таким образом, разрыв составляет 8,2 года [3].

В связи с этим следует отметить, что средняя продолжительность жизни мужчин в середине – конце 1980-х годов была намного выше, чем к концу XX началу XXI в. Это связано, во-первых, с определенными результатами антиалкогольной кампании, инициированной М. С. Горбачевым, когда резко сократился выпуск алкогольной продукции и выросли цены на нее, снизилось потребление алкоголя. Также временно снизилось потребление суррогатной водки, во многих случаях заканчивавшееся летальным исходом. Во-вторых, активизировалась спортивная пропаганда и пропаганда здорового образа жизни. На предприятиях проводились спортивные мероприятия, которые способствовали «внедрению физической культуры в массы». Было множество спор-

тивных объединений, клубов и кружков, где дети и взрослые могли повышать уровень физического развития. Все это способствовало укреплению здоровья населения.

Б. Урланис утверждал, что настало время, когда охрану материнства надо дополнить охраной отцовства. Мужчины должны стать предметом особой заботы специальных лечебно-профилактических учреждений. Необходимо создать наряду с женскими консультациями мужские, которые будут способствовать повышению продолжительности жизни мужчин в нашей стране [2, с. 137]. В другой своей статье Б. Урланис отмечает, что в мужских консультациях должна быть развернута работа по сплошной диспансеризации мужчин старше сорока пяти лет. Это так называемая первичная профилактика, назначение которой – предупреждение заболевания среди здоровых людей, тех, кто ни на что не жалуется и к врачу не обращается. Современная структура причин смерти мужчин старше сорока пяти лет характеризуется преобладанием хронических болезней, требующих для своего успешного лечения раннего распознавания [4, с. 230].

Если посмотреть на статистику Кыргызстана, число умерших от болезней нервной системы составляет у мужчин – 283, у женщин – 217; от болезней систем кровообращения у мужчин – 8828, у женщин – 8816, от травм и других внешних воздействий у мужчин – 3145, у женщин – 809 [3]. В отличие от Кыргызстана во многих странах мира созданы кризисные центры и общественные организации для мужчин, основной целью которых является оказание им психологической, юридической, социальной и медицинской помощи, о чем мы отметили в первой главе. Именно в таких организациях мужчины могут реализовать свои истинно маскулинные качества. Среди таких организаций могут быть общества охотников, различные спортивные сообщества и клубы, клубы по интересам (автолюбителей, филателистов, нумизматов и т. д.), где мужчины могут обсуждать свои проблемы, не боясь быть непонятыми.

Другим представителем биологической школы в изучении мужчин и мужских проблем является В. А. Геодакян. В. А. Геодакян выделяет два потока информации – генеративный и экологический. Генеративный (передача генетической информации из прошлого в будущее) он связывает с женским полом (консервативным), а экологический (информация от среды, из настоящего в будущее) – с мужским (оперативным). В связи с этим у мужчин и у женщин по–разному происходит адаптация в меняющихся условиях. Женщины приспосабливаются к ситуации, а мужчины выходят из неё, находя новое решение. Мужчины берутся за новые, требующие поиска неординарные задачи, а женщины доводят решение знакомых задач до совершенства [4, с. 60–69]. Приписывая женскому полу консервативную миссию, а мужскому – оперативную, теория связывает эти параметры популяции с условиями среды и эволюционной пластичностью вида. В стабильной (оптимальной) среде, когда нет необходимости ничего менять, сильны консервативные тенденции и эволюционная пластичность минимальна. В движущей (экстремальной) среде, когда требуется повысить пластичность, усиливаются оперативные тенденции [4, с. 61].

У женского пола более широкая норма реакции, которая позволяет ему (полу) за счет модификационной пластичности покинуть зоны отбора, сохранить и передать потомству весь спектр исходных генотипов. У мужчин же узкая норма реакции заставляет его (пол) остаться в зонах элиминаций и подвергнуться интенсивному отбору. Поэтому мужской пол передает следующему поколению только узкую часть исходного спектра генотипов, максимально соответствующую условиям среды в данный момент [4, с. 61–62].

Геодакян пишет о том, что мужчины всегда и везде первыми осваивали все профессии, виды спорта. Но мужской пол обладает авангардной ролью не только в освоении различных видов деятельности, но и в подверженности различным заболеваниям и мутациям. Кроме того, мужской пол чаще подвержен «новым» болезням, или, как их называют, болезнями века, цивилизации, урбанизации: атеросклерозу, раку, шизофрении, СПИДу, а также социальным порокам: алкоголизму, курению, наркомании, азартным играм, преступности и т. д. [4, с. 67]. Но у мужчин преобладают творческие способности, пространственное воображение, абстрактное мышление, юмор. Выдающиеся ученые, композиторы, художники, писатели, режиссеры в основном мужчины, а среди женщин же много исполнителей [4, с. 67].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, приходим к выводу, что средняя продолжительность жизни мужчин намного меньше средней продолжительности жизни женщин. Это обусловлено не только увлечением мужчин вредными привычками и более частыми несчастными случаями, но и тем, что мужской пол является наиболее подверженным воздействию различных неблагоприятных условий как внешних, так и внутренних. Мужскому полу приписывают оперативную миссию – постижение нового, любознательность, агрессивность и другие качества, которые относятся к внешней деятельности, к среде.

Интересные цифры есть в кыргызской статистике [3]. Так, если численность населения составляет – 5 477 620 человек, из них мужчины – 2 703 688, женщины – 2 773 932. И интересно, что постепенно с возрастом это соотношение меняется, о чем свидетельствует кыргызская статистика. Приведем соответственно следующие цифры: до 4 лет общее количество населения – 627 320, из них мужчины – 320 314, женщины – 307 314; возраст 20–24 лет общее количество населения – 598 084, из них мужчины – 299 313, женщины – 298 771; возраст 40–44 лет общее количество населения – 323 470, из них мужчины – 158 341, женщины – 165 129; возраст 55–59 лет общее количество населения 178436, из них мужчины – 82 131, женщины – 96 305; возраст 65–69 лет общее количество населения – 55 927, из них мужчины – 24 388, женщины – 31 539; возраст 75–79 лет общее количество населения – 49 488, из них мужчины – 18 963, женщины – 30 525; возраст 100 лет и старше общее количество населения – 425, из них мужчины – 53, женщины – 372 [3].

Можно констатировать, что природа на мужском поле ставит свои опыты в подверженности различным новым заболеваниям, мутациям, а женский пол, наоборот, совершенствует. Представители биологической школы считают, что

мужчин необходимо защищать не только от внешних воздействий окружающей среды, но и от самих себя. Они считают, что именно мужской пол, а не женский является «слабым».

Для того чтобы представить гендерно-специфическую картину заболеваемости, попытаемся проследить различия фактических показателей нарушения здоровья у мужчин и женщин. Анализ международной статистики помогает оценить факторы риска для здоровья женщин и мужчин. Ситуация в Кыргызстане, конечно, имеет свои особенности, тем не менее существуют универсальные для населения всего мира корреляции пола и здоровья.

Следуя Н. С. Григорьевой, разберем вопрос о том, насколько различия в здоровье мужчин и женщин определяются образом жизни и иными социальными причинами, а не сугубо физиологическими факторами [5, с. 252].

В большинстве стран мира регистрируется низкая продолжительность жизни и высокий уровень смертности мужчин во всех возрастах, поэтому межполовые различия смертности обсуждаются в первую очередь многими демографами и социологами. Только в четырех странах мира регистрируется равная продолжительность жизни у мужчин и женщин или даже несколько большая продолжительность жизни мужчин – Бангладеш, Индия, Мальдивы и Непал.

В сравнении с показателями смертности, показатели заболеваемости для любых групп населения не отражают реальность в полной мере, а предлагают только приблизительную оценку. Это связано с тем, что многие недомогания, болезненные явления, а также тяжелые болезни остаются незарегистрированными по различным причинам (отсутствие доступа к медицинской помощи, пренебрежение болезненными симптомами). Поэтому в медицине в целом принято говорить об эпидемиологии (науке о распространенности заболеваний) как регистрирующей только часть случаев заболеваемости.

Факты позволяют исследователям определить общую тенденцию следующим образом. Женщины более уязвимы к хроническим патологиям, которые не являются ведущими причинами смертности. Мужчины в большей степени страдают теми хроническими заболеваниями, которые угрожают жизни. Кроме того, женщины чаще обращаются за медицинской помощью, но живут дольше, а мужчины реже обращаются за помощью, но умирают раньше. Частота обращения за помощью зависит в том числе от удовлетворенности состоянием своего здоровья. Эти различия свидетельствуют о том, что субъективные ощущения здоровья и болезни отличаются у женщин и мужчин точно так же, как отличаются объективные показатели заболеваемости.

Одно из наиболее распространенных заблуждений в здравоохранении и общественном мнении относительно различий в здоровье состоит в том, что акцент в большинстве статистических обзоров делается на смертности, тогда как главная задача охраны здоровья, которая учитывает потребности женщин, заключается в улучшении здоровья, а не снижении смертности. Здоровье – это особая сфера, где в полной мере проявляются биологические различия между мужчинами и женщинами, поэтому в гендерном подходе к здравоохранению необходимо усилить социальную составляющую здоровья [5, с. 9–23].

Анализируя показатели смертности, важно рассматривать не только заболеваемость, но и качество медицинских услуг, уровень жизни, социальные гарантии в области здравоохранения. Не только биологические риски создают гендерную асимметрию здоровья. Не менее важна также и способность женщин и мужчин управлять своей жизнью, справляться с рисками, вести здоровый образ жизни и др.

Н. С. Григорьева и Т. В. Чубарова предлагают концепцию взаимосвязи жизненного цикла и гендерных различий здоровья для акцентирования и объяснения социальной причинности заболеваний [6, с. 17]. Предполагается, что фактор возраста является определяющим в нарушениях здоровья. Жизненный цикл связан с последовательностью событий, происходящих в различные отрезки жизни и связанных с этапами детства, юности, взрослости, старости. Каждый из этапов жизненного цикла характеризуется уровнем здоровья, который зависит как от и биологических различий, так и от выполняемых социальных ролей. Соответственно, нарушения здоровья могут быть объяснены с помощью социальных функций, приписываемых мужчинам в различные возрастные периоды. Так, в Кыргызстане возрастные коэффициенты смертности по полу и возрастным группам следующие: в возрасте 0–4 лет мужчины – 29,2 лет, женщины – 20,1 лет; в возрасте 35–39 лет мужчины – 5,9 лет, женщины – 1,9 лет; в возрасте 40–44 года мужчины –7,1 лет, женщины – 2,6 года, в возрасте 50–54 лет мужчины – 15,8 лет, женщины – 5,7 лет [3]. Пол является одним из значимых факторов и зависимой переменной в здоровье населения, наряду с социальным классом, возрастом, этничностью, расой. Социальная и культурная стратификация здоровья и болезни – известный факт, который изучается культурологами, социологами, медиками и психологами.

Интересные цифры приводят российские исследователи из примера Великобритании и ФРГ [6, с. 105]. Так, в этих странах зависимость уровня смертности и заболеваемости от пола и социального класса демонстрируется следующими примерами: среди британских мужчин в возрасте 20–64 лет уровень смертности у малоквалифицированных рабочих в 2,5 раза выше, чем у высококвалифицированных специалистов. Среди женщин это различие менее выражено. Дифференциация смертности в Великобритании зависит от принадлежности к верхним и нижним статусным группам. Увеличивающийся разрыв между ними обусловлен количеством смертей от рака легких, сердечно-сосудистых болезней и заболеваний сосудов головного мозга. В качестве возможных причин этих различий называются возрастающая безработица в нижних статусных группах, увеличение разницы в доходах и сокращение курения в верхних статусных группах.

С повышением образовательного уровня увеличивается предполагаемая продолжительность жизни. Более явно это соотношение характерно для мужчин. Одна из причин – малообразованные мужчины, по сравнению с женщинами, употребляют больше алкоголя. В исследовании сердечно-сосудистых заболеваний, проведенном в Германии, была показана четкая взаимосвязь между

социальной принадлежностью (сравнивались три различных социальных слоя, определенные с помощью переменных – образование, семейный доход и профессиональное положение) и количеством сердечно-сосудистых заболеваний. При этом выявилось, что у представителей низшего слоя выше риск заболевания сердечно-сосудистой системы (мужчины – в 2 раза, женщины – в 3 раза), нежели соответственно у представителей высшего слоя.

Сравнение субъективных представлений о здоровье и возможностях медицинской помощи у разных социальных групп содержится, в частности, в исследовании, проведенном в середине 1990-х годов в Санкт-Петербурге В. Дж. Браун и Н. Л. Русиновой [7]. Авторы не приводят сравнительную статистику, а пытаются понять с помощью данных, полученных из интервью, что в установках людей из различных слоев влияет на их заболеваемость. В этом исследовании половая принадлежность респондентов показана как фактор, который дифференцирует людей внутри одной и той же социальной группы. По данным этих исследований, менее образованные люди (особенно мужчины) постоянно подчеркивают давление внешних обстоятельств, которые ограничивают человека в способности действовать в интересах собственного здоровья. Относительно самообразования в вопросах здоровья также отмечаются различия между статусными группами. Люди с более низким социальным статусом считают, что приобретение новых знаний по вопросам здоровья не нужно и дополнительные усилия напрасны; наиболее часто такая позиция характерна для мужчин. Таким образом, пол индивида, уровень дохода и образования, характер занятости, а также этническая принадлежность и гражданство во многом определяют состояние и прогноз здоровья. Положение индивида в социальной системе во многом объясняет качество его здоровья, и свидетельства социальной стратификации здоровья могуч быть обнаружены в любом обществе. К примеру, давно признано, что туберкулез считается социальной болезнью. В Кыргызстане средняя смертность от туберкулеза по полу (кол-во человек на 100 000 населения) составляет: мужчины – 423, женщины – 180 человек [3].

Отметим, что в различных культурах поддержание здоровья, переживание болезни и инвалидности, восприятие лечения вариативны относительно пола. Многими антропологами, наряду с другими культурными артефактами традиционных обществ, изучались ритуалы «наведения порчи» и целитсльства. В постиндустриальном обществе, где доступны услуги здравоохранения, также существуют различия в практиках здоровья среди представителей различных регионов, этничностей, субкультур, жителей города и села. Эталоны мужского здоровья и мужской силы не в меньшей степени романтизированы и требуют жертв. В результате мужчины также терпят боль, но по другим причинам, например, они подчиняются культурному требованию, согласно которому мужчина не должен реагировать на телесную или душевную боль. Не замечать болезнь, работать без отдыха, не жаловаться, не обращаться к врачам по «пустякам» – эти девизы закладываются в психику многих мальчиков в ранние

годы. Идеал супермена, как и идеал супермодели, требует поведения, истощающего силы организма. Считаем, что политика здравоохранения, представляя собой один из компонентов социальной политики, подразумевает целенаправленные действия государства в построении развитой системы охраны здоровья граждан. Как любая политическая цель, задача по улучшению здоровья населения требует наличия политической воли, законодательно закрепленных решений и практической деятельности по их исполнению. Гендерный подход необходим па всех этапах реализации политики здравоохранения как при оценке общего курса, законодательства и стратегии реформ, так и при оценке реализации нововведений и экспертизе результатов. Не менее важным является то, как гендерные проблемы воспринимаются на уровне микрополитик, в ежедневной практике учреждений медицинского и социального обслуживания.

Литература

1. *Урланис, Б. Ц.* Берегите мужчин / Б. Ц. Урланис // Литературная газета. – 1978. – 7 июня.
2. *Урланис, Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни / Б. Ц. Урланис. – М., 1978.
3. Статистический сборник Кыргызской Республики, 2011.
4. *Урланис, Б. Ц.* И снова: берегите мужчин / Б. Ц. Урланис // Избранное. – М., 1985.
5. *Григорьева, Н. С.* Гендерные измерения здравоохранения / Н. С. Григорьева // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. – М.: МЦГИ, 2001.
6. *Григорьева, Н. С.* Гендерный подход в здравоохранении: учеб. пособие / Н. С. Григорьева, Т. В. Чубарова. – М.: Альфа–Принт, 2001.
7. *Браун, В. Дж.* Социальные неравенства и здоровье / В. Дж. Браун, Н. Л. Русинова // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. II. – 1999. – № 1.

A. K. ESHIEV

BIOLOGICAL FACTORS OF TRANSFORMA TION OF MASCULINITY

Summary

The article refers to the factors of the crisis of masculinity and the transformation of masculinity, his biological causes. Statistics are given in Kyrgyzstan. The necessity of a gender perspective in the implementation of health policy.

Key words: gender, factors of transformation, masculinity, mortality and morbidity.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.728:796.966(476)

Р. П. СИНИЧЕНКО,
Белорусское физкультурно-спортивное общество «Динамо»

ХОККЕЙ КАК СТИЛЬ ЖИЗНИ И ЗРЕЛИЩЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Показана роль хоккея как стиля и образа жизни граждан, проведен сравнительный анализ основных показателей развития белорусского и мирового хоккея, намечены конкретные меры по развитию социологии спорта в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Беларусь, социология спорта, общественное мнение, хоккей, стиль жизни, социологические опросы, перспективы развития.

Радикальные социально-экономические, политико-правовые изменения, происходящие в последние двадцать лет в стране, провозглашение независимости республики, переход к новой модели экономического развития в условиях жесткой конкурентной борьбы сопровождается изменением мышления и поведения людей, пересмотром системы ценностей общества в значительной степени влияет на достижения спортсменов. Спорт в целом, хоккей, в частности, В республике Беларусь постепенно становится не только зрелищем, но и образом и стилем жизни, определенным образом влияет на выступления спортсменов. Проанализируем итоги выступления белорусских хоккеистов на соревнованиях высочайшего уровня. Олимпийские игры 2010 года в Ванкувере (9-е место), Чемпионат мира 2011 года в Словакии (14-е место), Чемпионат мира 2012 года в Финляндии – Швеции (14-е место), а также снижение позиции национальной команды по хоккею с шайбой в мировом рейтинге Международной федерации хоккея на пять пунктов (с 8 места в 2009 году на 13-е место в 2012 г.) свидетельствуют о том, что в отечественной системе спорта высших достижений существуют значительные недостатки и в тоже время возможности прогрессивных изменений в процессе развития, необходимость изучения которых возрастает в условиях интенсивной конкуренции, сложной экономической ситуации и динамического нарастания социальных функций спорта.

Успех национальной сборной Республики Беларусь по хоккею с шайбой в 2002 г. на зимних олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити стал грандиозным событием. О Республике Беларусь заговорили во всем мире как о сильном и прогрессивно развивающемся государстве. Борьба белорусских клубов в Континентальной хоккейной лиге, Высшей и Молодежной хоккейных лигах объединяют нацию, способствуют ее сплочению, сопереживанию за свою страну, своих соотечественников. Необходимо понимать, что выступления белорусских спортсменов, неважно в каком виде спорта, не только повышает престиж

страны на мировой арене, но позволяет привлечь подрастающее поколение в спортивные клубы и секции. Благодаря поддержке Главы государства здоровый образ жизни стал визитной карточкой нашей республики.

В то время как немало внимания уделяется вопросам методики тренировки, технической и тактической подготовки, фармакологического обеспечения, медицинского восстановления, усовершенствована спортивная экипировка и инвентарь, вопросы находящиеся в компетентности социологии спорта в отечественной науке не в достаточной мере изучены и используются при подготовке спортсменов.

Социологические исследования спортивной отрасли позволяют определить влияние физической культуры и спорта на общественную жизнь. Отсутствие социологических исследований в области спорта (в частности в хоккее) в Республике Беларусь заставляет с неподдельным интересом сравнить основные показатели развития мирового хоккея с отечественным. По данным Международной федерации хоккея с шайбой (International Ice Hockey Federation) Республика Беларусь находится на 13-м месте в мировом хоккейном рейтинге (табл. 1).

Таблица 1. **Мировой рейтинг национальных сборных по хоккею с шайбой**

Место в рейтинге	Сборная	Очки	Движение (в сравнении с предыдущей позицией)
1	Россия	3425	0
2	Финляндия	3345	0
3	Чехия	3330	+2
4	Швеция	3280	–1
5	Канада	3255	–1
6	Словакия	3100	+4
7	США	3065	–1
8	Норвегия	2960	+1
9	Швейцария	2910	–2
10	Германия	2885	–2
11	Латвия	2765	+1
12	Дания	2710	+1
13	Беларусь	2705	–2
14	Франция	2660	0
15	Австрия	2465	0

Примечание: представлены первые 15 стран рейтинга.

Показатели развития хоккея ближайших конкурентов Республики Беларусь представлены на рис. 1.

Сравнивая такой показатель, как «население страны» и зависимость от него высоты позиции в рейтинге, наблюдается отсутствие прямо пропорциональной зависимости между данными показателями. Так сборная Латвии при населении в 2,2 млн человек опережает на два пункта сборную Франции с населе-

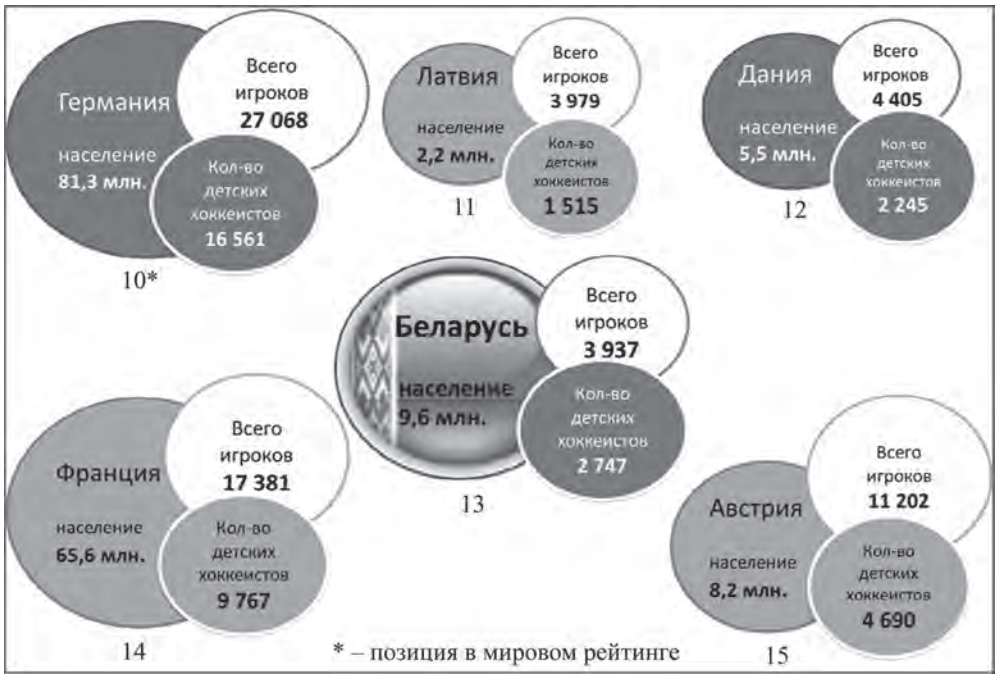
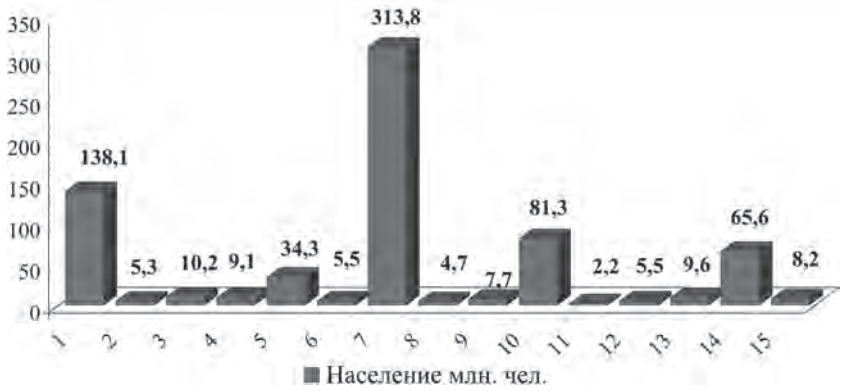


Рис. 1. Показатели развития хоккея в Республике Беларусь и странах-конкурентах

нием в 65,6 млн человек, сборная Дании (5,5 млн человек) находится впереди Беларуси (9,6), Франции (65,6), Австрии (8,2) и других конкурентов, население которых гораздо больше. Наиболее полная картина представлена на рис. 2.

По данной гистограмме можно констатировать, что количество населения страны не является приоритетным показателем оценки спортивной «мощи» страны, а наоборот, свидетельствует о том, что небольшие страны при грамот-



П р и м е ч а н и е: страны расположены слева направо согласно мирового хоккейного рейтинга.

Рис. 2. Влияние количества населения страны на место занимаемое в мировом рейтинге

но выстроенной системе подготовки спортсменов и четко продуманной политике менеджмента могут успешно бороться за ведущие позиции в мировых рейтингах. Количество крытых ледовых площадок в зависимости от места в мировом рейтинге наиболее выгодно отличает Чехию, Словакию, Норвегию, Латвию, Данию и Беларусь (рис. 3).

Небольшого количества крытых спортивных сооружений указанным странам достаточно для тренировок основного состава национальной сборной, который может базироваться на одной-двух основных многофункциональных аренах. Данная формула уместна для спорта высших достижений и экономии бюджетных средств. Однако, спорт – это не только высшие достижения. В целях приобщения детей к занятиям физической культурой и спортом, популяризации здорового образа жизни среди граждан большое количество арен является безусловным плюсом для страны.

Анализируя такой показатель как «количество игроков» (табл. 2), сборная России (64 326 человек) с большим перевесом занимает первое место по результатам достижений своих хоккеистов, несмотря на то, что по данному показателю ее обходят многие страны, расположившиеся в рейтинге ниже. Финляндия (56 626 человек) уверенно обходит Канаду (617 107), Словакия (9 034) обходит США (511 178), Швейцарию (26 166) и Германию (27 068). Страны с небольшим количеством занимающихся: Латвия (3 979), Дания (4 405) и Беларусь (3 937) находятся впереди Франции (17 381) и Австрии (11 202) при этом уверенно «наступая на пятки» более сильным конкурентам Швейцарии (26 166) и Германии (27 068). Данная статистика свидетельствует о том, что количество игроков занимающихся каким-либо видом спорта не является основным фактором способствующим достижению ведущих позиций в современном спорте.

Канада и США являются обладателями самого большого количества хоккеистов (617 107 и 511 178) и количества крытых ледовых площадок (2486 и 2000 соответственно). Это обусловлено в первую очередь тем, что в данных странах большое внимание уделяется развитию хоккея и его популяризации, а также

П р и м е ч а н и е: команды расположены по возрастанию итогового места в мировом рейтинге.

Рис. 3. Гистограмма количества крытых ледовых площадок

здесь функционирует сильнейшая мировая хоккейная лига – Национальная хоккейная лига, где выступают звезды со всего мира.

Наибольшие значения «количества занимающихся мужчин» наблюдаются у США (139 033 – 7-е место в рейтинге), Канады (74 626 – 5-е место в рейтинге), Чехии (58 654 – 3-е место в рейтинге), Финляндии (16 752 человек – 2-е место в рейтинге) и Швеции (13 084 – 4-е место в рейтинге). Однако в процентном соотношении «количества занимающихся мужчин» от общего числа игроков расстановка выглядит иным образом: Чехия (61,7 % – 3-е место в рейтинге), Латвия (59 % – 11-е место в рейтинге), Австрия (52,6 % – 15-е место в рейтинге), Швейцария (42,9 % – 9-е место в рейтинге).

Таблица 2. **Характеристика отдельных элементов развития хоккея (лидеры мирового хоккейного рейтинга)**

Страна (численность населения, млн чел.)	Всемирный мужской рейтинг	Количество крытых ледовых площадок (согласно данных IIHF)	Количество игроков	Количество занимающихся мужчин
Россия (138,1)	1	346	64326	2606 (4 %)
Финляндия (5,3)	2	246	56 626	16 752 (29,6 %)
Чехия (10,2)	3	148	95094	58654 (61,7 %)
Швеция (9,1)	4	342	69921	13084 (18,7 %)
Канада (34,3)	5	2486	617107	74626 (12,1 %)
Словакия (5,5)	6	47	9034	2041 (22,6 %)
США (313,8)	7	2000	511178	139033 (27,2 %)
Норвегия (4,7)	8	41	6893	2130 (30,9 %)
Швейцария (7,7)	9	158	26166	11219 (42,9 %)
Германия (81,3)	10	198	27068	8042 (29,7 %)
Латвия (2,2)	11	16	3979	2348 (59 %)
Дания (5,5)	12	25	4405	1764 (40 %)
Беларусь (9,6)	13	28	3937	1154 (29,3 %)
Франция (65,6)	14	124	17381	6400 (36,8 %)
Австрия (8,2)	15	45	11202	5897 (52,6 %)

Наименьшие значения «количества занимающихся мужчин» отмечены у следующих стран: Беларусь (1 154 – 13-е место в рейтинге), Дания (1 764 – 12-е место в рейтинге), Словакия (2 041 – 6-е место в рейтинге), Норвегия (2 130 – 8-е место в рейтинге), Латвия (2 348 – 11-е место в рейтинге), Россия (2 606 – 1-е место в рейтинге). Национальная сборная Республики Беларусь, обладая самым малым количеством официально зарегистрированных игроков, входит в число лучших мировых сборных по хоккею с шайбой.

Удивительным образом в данной статистике оказался лидер хоккейного рейтинга сборная России. Относительно малое количество мужчин-хоккеистов для такой огромной державы и четырехпроцентный показатель «количества занимающихся мужчин» обусловлен тем, что лучшие российские игроки предпочитают развивать свою карьеру в национальных чемпионатах других

стран, что, вероятно, связано со стремлением к материальным ценностями. Также низкие процентные показатели «количества занимающихся мужчин» имеют Канада (12,1 % – 5-е место в рейтинге), Швеция (18,7 % – 4-е место в рейтинге) и Словакия (22,6 % – 6-е место в рейтинге). Как мы видим, данные команды возглавляют рейтинг. В связи с этим можно предположить, что в основе стратегии развития хоккея в странах-лидерах лежит принцип системного продуманного с точки зрения теории и методики физического воспитания и спорта перехода юношей в молодежный и взрослый спорт, финансовой поддержки детско-юношеского спорта, что подтверждают статистические данные (таблица 3). Данное суждение является ключевой проблемой всего белорусского спорта, когда перспективный спортсмен в юном возрасте показывает выдающиеся результаты, а при переходе во взрослый спорт не может себя проявить.

Сказанное выше подтверждают статистические данные. У первых десяти стран процентное соотношение детей занимающихся хоккеем составляет более 50 % – Россия (96,3 %), Швеция (86 %), Канада (79,6 %), Словакия (79,4 %), Норвегия (68,2 %), США (61 %), Финляндия (55,1 %), исключение составляет Чехии – 33,9 %. Еще раз акцентируя проблему перехода юных белорусских спортсменов во взрослый спорт отмечаем, что процентное соотношение детей, занимающихся хоккеем, в республике составляет 62,8 %.

Женский хоккей с шайбой, в отличие хоккея на траве, в настоящий момент не является популярным видом спорта в нашей стране. По данным Международной федерации хоккея с шайбой, официально в Республики Беларусь зарегистрировано 36 хоккеистов-женщин, что составляет 0,8 % от общего числа спортсменов данного вида спорта.

В рамках программы Ассоциации «Федерация хоккея Республики Беларусь» по развитию хоккея на территории Республики Беларусь на 2010–2014 гг., 27 мая 2010 г. создана и зарегистрирована женская профессиональная хоккейная команда «Пантера». В настоящий момент команда является ассоциированным членом Ассоциации «Федерация хоккея Республики Беларусь» и рассматривается как базовый клуб для формирования национальной сборной Беларуси.

Лидерами в рейтинге женских хоккейных сборных являются команды Канады, США и Финляндии занимающие 1-е, 2 и 3-е места соответственно. В названых странах женским хоккеем занимаются 86 675, что составляет 15,1 % от общего числа занимающихся, 66 692 (13,3 %) и 3 945 (6 %) соответственно. Из данных табл. 3 следует, что больше количество занимающихся позволило странам завоевать лидирующие позиции. Вместе с тем такие страны, как Россия, где женским хоккеем занимается всего 500 человек (0,8 % от общего числа занимающихся), Словакия (417 – 5 %) успешно борются за верхние строчки рейтинга.

Мы считаем, что позиция в мировом рейтинге не может является основной целью развития и функционирования спортивной отрасли государства. Один из бесспорных лидеров то темпам наращивания производства, положительных результатов экономических отчетов и бурного развития государства

в целом Катар – на XXX Олимпийских играх в Лондоне занимает лишь 75-е место с двумя бронзовыми медалями. При этом население этого государства активно занимается физической культурой и спортом, созданы все условия для культурно-спортивного время препровождения, а руководством страны поддерживаются инициативы по оздоровлению нации.

Таблица 3. **Характеристика отдельных элементов развития хоккея в различных странах**

Страна	Всемирный рейтинг мужской (женский)	Количество игроков	Количество занимающихся женщин	Количество занимающихся детей
Россия	1 (6)	63 580	500 (0,8 %)	61220 (96,3 %)
Финляндия	2 (3)	65 251	3945 (6 %)	35929 (55,1 %)
Чехия	3 (12)	100 668	2327 (2,3 %)	34113 (33,9 %)
Швеция	4 (5)	62 003	3503 (5,6 %)	53334 (86 %)
Канада	5 (1)	572 411	86675 (15,1 %)	455806 (79,6 %)
Словакия	6 (7)	8 280	417 (5 %)	6576 (79,4 %)
США	7 (2)	500 579	66692 (13,3 %)	305453 (61 %)
Норвегия	8 (10)	6 177	551 (8,9 %)	4212 (68,2 %)
Швейцария	9 (4)	26 166	1172 (4,5 %)	13775 (52,6 %)
Германия	10 (8)	28 932	2465 (8,5 %)	16561 (57,2 %)
Латвия	11 (14)	4 424	116 (2,6 %)	1515 (34,2 %)
Дания	12 (19)	4 405	396 (9 %)	2245 (51 %)
Беларусь	13 (не участв.)	4 374	36 (0,8 %)	2747 (62,8 %)
Франция	14 (16)	17 381	1214 (7 %)	9767 (56,2 %)
Австрия	15 (15)	10 489	615 (5,9 %)	4690 (44,7 %)

Очевидно, что небольшая по своим географическим мощностям страна (Словакия, Швейцария, Латвия, Дания) способна привлечь к занятиям спортом и физической культурой большое количество подрастающего поколения, сформировать культуру здорового образа жизни населения, при этом она не будет возглавлять спортивные рейтинги.

В большинстве европейских стран развитие физической культуры и спорта строится при соблюдении приоритета массового спорта. В большинстве стран реализуются единые подходы к ресурсному обеспечению массового спорта, основанные на его приоритетности и признании высокой социальной значимости [1].

За рубежом массовый спорт является в первую очередь средством оздоровления населения, самовыражения и развития, а также средством борьбы против асоциальных явлений. Поэтому государства придают вопросам развития массового спорта особую значимость, ставя основной целью вовлечение населения в занятия массовым спортом.

Как видно, в белорусских спорте и хоккее есть определенные проблемы. Социология спорта способна ответить на множество вопросов, о которых большинство спортивных менеджеров и функционеров даже не задумывалось:

каким образом достижения белорусских атлетов влияют на сознание спортсмена либо гражданина и изменения его ценностных ориентаций, насколько значимо для нынешнего поколения понятие «патриотизм»;

что является основным элементом привлечения молодежи в спортивные секции, занятием спортом населения страны? Как и чем привлечь людей к посещению именно вашего фитнесс-клуба, бассейна любого другого физкультурно-спортивного заведения?;

материальные ценности являются доминирующим фактором в условиях рыночной экономики в спорте? Если да, то каким образом это отражается на спортивной деятельности и особенностях межличностных отношений в системах «спортсмен–тренер», «спортсмен–спортсмен», «руководство–тренер» и т. д.;

каков социальный портрет современного зрителя-болельщика, что ему интересно и важно? Закон спортивного менеджмента гласит: чтобы обеспечить заполняемость трибун, начать нужно с самого простого – определить целевую аудиторию;

каковы особенности формирования и динамики ценностных ориентаций спортсмена. Ценностные ориентации являются отражением в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и мировоззренческих ориентиров. Спорт как социальный институт определяет становление и развитие ценностного сознания личности спортсмена на определенных этапах его жизни, обуславливая и определяя систему ценностей.

Эти и многие другие вопросы в виду отсутствия (либо абсолютно небольшого количества) в спортивной науке Беларуси социологических исследовательских работ обладают значительной степенью новизны, актуальности и представляют интерес для специалистов в области социологии и спорта, тренеров, руководителей спортивных федераций, клубов и иных организаций, спортивного и социального менеджмента, для различных государственных ведомств и учреждений, связанных с вопросами спорта.

Литература

1. *Вапнярская, О. И.* / Зарубежный опыт управления массовым спортом / О. И. Вапнярская, М. И. Золотов // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003 – № 3.– С. 75–83.

2. *Кривцун-Левшина, Л. Н.* Социология физической культуры и спорта / Л. Н. Кривцун-Левшина, И. В. Котляров. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2009. – 269 с.

R. P. SINICHENKO

HOCKEY AS A LIFE STYLE AND SPECTACLE

Summary

The role of hockey as a style and way of citizen's life has been pointed out, comparative analyses of main characteristics of development of Belarusian and world hockey has been carried out, certain measures on development of sociology of sport in the Republic of Belarus have been scheduled.

Key words: Belarus, sociology of sport, public opinion, hockey, life style, sociological polls, perspectives of development.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.46:796

Н. С. РЫСЮКЕВИЧ,
Минский институт управления, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ СПОРТИВНЫХ ЛИДЕРОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ

В современных быстро меняющихся условиях для достижения больших побед в спорте огромное значение имеют лидеры. Их можно условно разделить на четыре типа: лидеры для себя, командные, корпоративные, суперлидеры. Личностные качества спортивных лидеров различных уровней можно целенаправленно формировать. Для этого разработаны теория, специальные программа и социальный механизм, направленные на формирование конкретных личностных качеств спортивных лидеров, в течение нескольких лет проводится социально-формирующий эксперимент.

Ключевые слова: спорт, спортивные победы, формирование, лидеры для себя, командные, корпоративные. суперлидеры, теория, социальный механизм, личностные качества.

Белорусское общество вступило в фазу поступательного развития, в условиях которого большинство социально-экономических и политических инноваций направлены на утверждение гуманистических ценностей и идеалов, создание развитой экономики и формирование сильной, процветающей и независимой Беларуси. Важное место в этом процессе занимают вопросы, связанные с жизнедеятельностью человека, его здоровьем и образом жизни, в том числе вопросы спорта.

Действительно, в современных условиях спорт представляет собой сложное многофункциональное и многообразное явление социальной реальности. Он давно перестал играть роль просто развлечения и превратился в силу, активно влияющую на жизнедеятельность общества, на формирование человека как личности, на менталитет не только отдельных людей, но и социальную направленность развития целых государств. Регулярные занятия физической культурой и спортом не только положительно воздействуют на укрепление здоровья, повышение уровня физического развития, физической подготовленности и спортивного мастерства, но и выполняют такие важные функции, как образовательная и познавательная, духовно-нравственная, социально-биологическая адаптация, снижение социальной напряженности, профилактика заболеваемости и правонарушений, борьба с наркоманией. Экономический и социальный эффект от реализации этих функций значительно превосходит прямые затраты.

Спорт обладает особым социальным статусом в пересечении общественных интересов и реалий. Он является критерием моральных и физических возможностей спортсменов как лучших представителей нации и государства.

Причем социальное значение спорта определяется не только тем, что он позволяет выяснить, кто сильнее, быстрее, выносливее. Победитель воплощает в спортивном результате не только личные физические возможности, но знания и опыт тренеров, интеллект, волю и уровень развития общества.

Создание научной теории спорта необходимо и для решения практических задач, которые стоят в настоящее время перед белорусским спортом на международной арене, особенно в игровых видах. Речь идет прежде всего о тех видах спорта, которые признаны во всем мире и собирают десятки тысяч поклонников на стадионах и миллионы болельщиков у экранов телевизоров. Таковыми, по общему признанию, являются футбол, хоккей, волейбол и баскетбол. Выступление национальной сборной Республики Беларусь по хоккею, занявшей 14-е место на последнем чемпионате мира и с огромным трудом оставшейся в элитной группе мирового хоккея, повергла в шок страну. Оказалось, что у самой главной команды страны нет ни лидеров, ни патриотизма, ни мотивации. Спортивные коллективы белорусского государства, вкладывающего огромные деньги в спорт, возводящего современные катки и стадионы (например, одну из лучших в мире «Минск-арену»), уступают командам даже небольших по территории и населению стран, составленным из полупрофессионалов. Объяснение противоречий между усилиями, предпринимаемыми государством, и конечными спортивными результатами, является одним из направлений деятельности различных научных отраслей знания, в частности – социологической науки.

Огромный исследовательский интерес в современных условиях вызывает лидерство. В настоящее время, когда физические нагрузки спортсменов оказываются запредельными, а в напряженной борьбе за спортивные результаты счет идет на сотые доли секунды или граммы, особое значение приобретают лидерские качества спортсменов.

Можно привести достаточно много примеров, когда отсутствие настоящего лидера в спортивной команде детерминирует ее поражение в игре с более слабым соперником, а его наличие, способность повести за собой спортивный коллектив в сложную минуту, приводило к победам в практически проигранных ситуациях. Настоящим лидером молодежной сборной страны по футболу является полузащитник Станислав Драгун. Как результат, футбольная команда заняла третье место в Европе и завоевала право участвовать в Олимпийских играх в Лондоне. Уже классическим стал пример, когда защитник минского «Динамо» Юрий Курненин в тяжелейшем матче проявил качества настоящего бойца, постоянно шел вперед, вел за собой товарищей, забил три мяча и помог вырвать труднейшую победу. Это был первый случай в советском футболе, когда защитник за небольшой промежуток времени совершил хет-трик. Или совсем недавний пример. На последнем чемпионате мира по хоккею настоящим лидером сборной команды России был 25-летний нападающий Евгений Малкин. В самые трудные моменты тренер национальной команды выпускал его на площадку. Евгений находился в самых горячих

точках, самоотверженно сражался за победу и на радость миллионам болельщиков содействовал своей игрой триумфу национальной команды. Как показывает жизнь, в таких случаях спортивные результаты приносят не только деловые и профессиональные качества игроков команды, а во многих случаях – сила воли, инициатива, самоотверженность ее лидеров.

А вот во время чемпионата Европы по баскетболу в составе белорусской женской сборной не оказалось настоящих лидеров, способных в сложнейшей спортивной борьбе повести команду вперед к победе. Как результат, одна из сильнейших национальных сборных мира бездарно провалила важнейшее соревнование сезона и не попала на Олимпийские игры в Лондон. Или другой пример. Старший тренер сборной молодежной команды Республики Беларусь по футболу Игорь Ковалевич после домашнего поражения (0:3) заявил, что основная причина поражения – это отсутствие в команде лидера. Но самое огромное разочарование получили болельщики от выступления сборной национальной команды России по футболу на чемпионате Европы. В команде не нашлось настоящего спортсмена, который через «не могу» вел бы свою команду к победе. Капитан команды Андрей Аршавин после поражения от сборной Греции заявил своим болельщикам: «То, что мы не оправдали ваши ожидания, это не наши проблемы. Это ваши проблемы». Да и что мог сказать человек, который торговался за каждый фунт стерлингов при переходе из «Зенита» в лондонский «Арсенал». Не лучше выглядели многие другие игроки российской сборной. Недаром одна из самых популярных газет России назвала их «уродами». Действительно, настоящими патриотами назвать их очень сложно.

Подводя итоги выступления сборной команды страны на Олимпийских играх в Лондоне, Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко подверг жесткой критике работу по подготовке спортсменов к Играм, отметил, что это настоящая катастрофа, освободил от занимаемых должностей министра спорта и туризма Олега Качана и помощника Президента по вопросам физической культуры, спорта и развития туризма Игоря Заичкова и потребовал «Виновных – в наручники» [8].

Предварительный анализ деятельности по подготовке белорусских спортсменов показал на наличие в этой работе большого количества проблем и недостатков. Была сведена до минимума целенаправленная научно-исследовательская деятельность. Продолжается отток квалифицированных специалистов, тренеров и спортсменов за рубеж, что, с одной стороны, подтверждает высокий уровень их профессиональной подготовки, востребованность на мировом уровне, с другой – констатирует отсутствие необходимых условий для полноценной работы в Республике Беларусь. Практически не были задействованы ресурсы социологии спорта как барометра состояния дел в отрасли. Не уделялось должного внимания формированию спортивных лидеров как катализаторов будущих спортивных побед [2; 4; 6].

Поэтому очень важно формировать лидерские механизмы и модели, которые будут детерминировать стремление спортсменов к большим победам

в спортивных соревнованиях. Президент Республики Беларусь постоянно ставит такие задачи перед общественностью, перед спортивной наукой, однако некоторые высокопоставленные государственные чиновники, отдельные руководители спортивных федераций берут под сомнение возможность решения данной проблемы. Они считают, что не реально, даже не надо формировать патриотические чувства, даже у молодых спортсменов. Может быть, поэтому национальная спортивная поросль давно не добивалась серьезных успехов.

Феномен лидерства в спортивных командах трудноизмерим и не всегда понятен, деятельность спортивных лидеров многопланова, многогранна, существует огромное множество ее индивидуальных проявлений. Как результат, анализ условий и реальных возможностей, создание социальных механизмов формирования лидеров спортивных команд являются очень важными. Воспитание личностных качеств спортивных лидеров помогает юношам и девушкам в дальнейшем более успешно влиться во взрослую жизнь, создает предпосылки для лидерства как в спорте, так и в общественной жизни. Однако данные проблемы в современной социологии до сих пор обстоятельно не изучалась. Научных работ по этой проблематике в Беларуси явно недостаточно, что создает, с одной стороны, большое количество трудностей для тренеров, с другой – обширное поле деятельности для научных исследований. Но самое страшное, что отдельные структуры просто уничтожают социологию спорта как науку, отказывают ей в существовании [2–5; 9; 10].

В то же время в данной отрасли социологического знания имелось огромное поле применения своих возможностей. Уровень спортивных результатов в настоящее время настолько высок, что постоянно возникает вопрос о пределах человеческих способностей и возможностей. Есть люди, которые утверждают, что тот или иной спортивный рекорд уже не может быть побит. Он является пределом человеческих возможностей. Так, например, то, что сделал американец Боб Бимон 18 октября 1968 г. на Олимпийском стадионе в Мехико во время соревнований по легкой атлетике, специалисты назвали «прыжком в 21-й век». Его нельзя повторить, тем более превзойти. Люди никогда не будут прыгать дальше 8 метров 90 сантиметров. То же самое многие сегодня говорят о мировых рекордах 21-летнего бегуна из Ямайки Усайна Болта в беге на 100 метров – 9,58 с, 200 метров – 19,19 с. Учитывая то, что атлеты сегодня используют девяносто девять процентов своих психологических возможностей, выйти за пределы существующих спортивных достижений, преодолеть барьеры казалось бы невозможного, помогают наиболее выдающиеся спортсмены – спортивные лидеры.

Спорт – это специфический вид сознательной социальной деятельности людей, определенный способ жизни, заключающийся в организованном сопоставлении их сил, возможностей и физических способностей в борьбе за победу, высокий спортивный результат, детерминирующий значительные физические и умственные усилия, развитие важных физических и морально-волевых качеств [3, с. 2]. Особенностями современного спорта являются ярко

выраженная состязательность, стремление к победе и высоким спортивным достижениям, требующим повышенной мобилизации физических, психических и нравственных качеств человека, которые постоянно совершенствуются в процессе спортивной тренировки и участия в спортивных соревнованиях. В спортивной деятельности происходит закрепление, совершенствование и формирование новых личностных качеств и характеристик, умений и компетенций, развитие силы и интеллекта, фантазии и воображения, нравственности и мышления Спортивные отношения являются содержательным наполнением всех социальных институтов и процессов [3; 6]. Испанский философ ***Хосе Ортега-и-Гассет*** даже заявил, что «у истоков государственности стоит спорт» [7, с. 145]. Голландский философ и социолог ***Йохан Хёйзинга*** искал происхождение культуры в спорте и понимал культуру как спортивную игру [11].

Спортивное лидерство можно рассматривать как механизм целенаправленного влияния и координации взаимодействий и взаимоотношений между спортсменами, направленный на достижение высоких результатов. Особенно отчетливо проявляется постоянная зависимость между действиями спортивных лидеров и эффективностью командной деятельности. В жизнедеятельности любого спортивного коллектива достаточно много таких моментов, когда необходимо показывать личный пример, идти вперед, убеждать членов спортивной команды [3; 6].

Социологические опросы, проведенные мною, интервью со многими тренерами, работающими со спортивными командами, показывают, что без эффективных спортивных лидеров в современных условиях практически не реально добиться значительных спортивных побед. Значение и роль спортивных лидеров в сложных соревновательных ситуациях очень важны, в экстремальных – просто незаменимы. Они помогают в решении самых различных задач. На спортивных соревнованиях тренер находится за пределами спортивной площадки или футбольного поля. Это приводит к существенному усилению роли лидеров, которые всегда находятся в эпицентре борьбы, являются ее непосредственными участниками, что увеличивает их реальные возможности в целенаправленном влиянии на действия спортивных команд. Если члены спортивной команды чувствуют рядом плечо, локоть лидера, его поддержку, то способны изменить ситуацию в самом сложном спортивном поединке.

Лидерами спортивных команд, как правило, являются наиболее авторитетные и сильные игроки, самые опытные спортсмены. Слабые игроки (физически, морально, интеллектуально) спортивными лидерами не станут никогда. Социологические исследования, проведенные мною, анализ научной литературы и действий лидеров спортивных команд показал, что для них характерны определенные личностные характеристики и ценностные ориентации – профессионализм и более высокие авторитет, интеллект и патриотизм, организаторские способности и волевые качества, инициативность и уверенность в себе. Эти спортсмены становятся лидерами в ходе спортивных состязаний в результате взаимодействия членов спортивной команды при организации их

командных действий для решения конкретных задач – проведения интенсивной тренировки или победы в спортивном соревновании или конкретной игре. У спортивных лидеров, как правило, присутствуют огромная ответственность, склонность к риску, даже авантюрность в безнадежной ситуации, но, как правило, отсутствует ярко выпаженный страх. При социологическом анализе распределения действий в спортивной команде выяснилось, на лидера команды ложится более 50 % всех реализуемых процессов [3, с. 16].

Спортивные лидеры обладают эффективным мотивационным механизмом, направленным на достижение поставленных спортивных целей. Таким образом, лидер выдвигается в конкретной ситуации, принимает на себя определенные обязанности и функции и определенным образом мотивирует коллег по команде предпринимать те или иные действия. Члены спортивной команды принимают лидерство, признают достоинства и полномочия лидера, необходимость, правильность и результативность его действий. Члены команды строят с лидером такие взаимоотношения, которые предполагают, что он постоянно будет впереди, будет показывать пример, а они будут поддерживать его.

Предлагаю авторское определение: ***спортивный лидер*** – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и ценностным ориентациям, авторитету и стремлению быть полезным с точки зрения командного интереса, отношению к членам спортивной команды и тренировочной деятельности, оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность спортивного коллектива, пользуется активной поддержкой его членов, признается ими в качестве ведущего и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой команду в наиболее сложных спортивных и жизненных ситуациях.

Определить эффективность спортивного лидера, его потенциальные и реальные возможности – значит, выяснить, как воспринимают лидера в сложных спортивных ситуациях члены команды, как он способен влиять на ситуацию. Стоит особо подчеркнуть, что воздействие лидера на команду также не является постоянной величиной. В экстремальных ситуациях лидерское влияние может лавинообразно возрастать, а в «вялотекущем» спортивном матче, когда оно в принципе не так важно, может существенно уменьшаться. По мере изменения (ухудшения) спортивной ситуации или реализации поставленных спортивных задач, согласно теории «***распределенного лидерства***», оно может переходить от одного спортсмена к другому члену команды.

В последние годы резко возрос интерес к теоретическим аспектам спортивного лидерства. Эти вопросы постоянно обсуждаются как спортсменами, так и тренерами. Как правило, речь идет о формировании лидерских качеств, выявлении лидера среди членов команды, распределении лидерских функций. Спортсменов и их тренеров особо волнует, благодаря каким личностным качествам люди становятся лидерами, каким образом лидерство помогает или мешает достижению командных целей. Существует даже мнение, что лидеров в спортивной команде не может быть много.

Выявление факторов, влияющих на спортивное лидерство, формирование личностных качеств спортивных лидеров приводит к созданию сложной социологической модели, в которой учитываются личностные качества спортсменов, особенности спортивной команды, ее структура, задачи, стоящие перед ней, личностные качества ценностные ориентации и мотивация спортивного лидера, характер взаимодействий между ним и членами команды.

В ходе мониторингового социологического исследования «***Лидеры политики, бизнеса, спорта на современном этапе развития белорусского общества***», проводимого долгие годы под руководством профессора ***Игоря Котлярова***, мною были выявлены некоторые личностные качества и умения, характеристики и ценностные ориентации спортивных лидеров. Разработана социологическая матрица спортивных лидеров, предложена авторская лидерская модель членов спортивных команд, принципиально новый социальный статус спортивных лидеров, детерминируемый их положением в спортивном мире. Он представляет собой комплекс уровней по ранговым измерениям в зависимости от социальности лидеров, где социальность понимается как совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность функционировать в обществе и выполнять разнообразные социальные функции в составе различных групп – ***индивидуальный, групповой, социально-общностный, элитарный*** [4; 10].

Первый уровень статуса спортивного лидера обусловлен прежде всего индивидуальными особенностями процессов формирования членов спортивных команд в командных видах спорта: личностными умениями, способностями, индивидуальными проявлениями восприятия и эмоций, ощущений и мышления. Этот уровень зависит как от врожденных факторов, так и от индивидуального опыта, от развития и совершенствования личностных качеств индивидов, интенсивности и качества спортивных тренировок. Второй уровень – командный – представляет групповой социальный опыт, в который входят приобретенные в ходе напряженных тренировок умения и знания, навыки и привычки. Они имеют социальный характер, формируются в процессе общения и обучения, совместной командной деятельности, и могут быть усилены с помощью целенаправленных действий. Третий уровень статуса спортивного лидера, внутренний стержень которого составляют, прежде всего, ценности и ценностные ориентации личности. В результате формирования общественно важных личностных качеств и ценностных ориентаций спортивный лидер выходит за пределы спортивной команды, на высоком уровне выполняет лидерские функции и вне спортивной площадки или футбольного поля. Четвертый (высший) уровень статуса спортивного лидера – элитарный. Он детерминирован высшими требованиями спортивного развития. На этом уровне расположены лучшие во всех отношениях представители спорта, его элита.

Спортивных лидеров по этим основаниям можно подразделить на четыре важнейших типа – лидер для себя; командный; корпоративный; «суперли-

дер», характерных для индивидуального, группового, социально-общностного, элитарного уровней. ***Лидер для себя*** – спортсмен, который хочет и способен повысить свои личные спортивные достижения и формирует для этого определенные личностные качества. ***Командный лидер*** – спортсмен, который благодаря своим личным достоинствам является настоящим лидером спортивной команды. ***Корпоративный лидер*** – человек, который является лидером не только в команде, но и в общественной жизни, обладает личностными качествами, которые дают ему возможность стать настоящим вожаком молодежи, быть первым не только на беговой дорожке или футбольном поле, но и в учебном или трудовом коллективе, любом социуме, активно заниматься общественными делами. ***«Суперлидер»*** – личность, которая является лидером в спортивной и общественной жизни, обладает выдающимися личностными качествами и высокими морально-нравственными ценностями, непререкаемым авторитетом, дающими ей возможность быть лучшей в данной сфере деятельности, постоянно передавать свои знания и опыт подрастающему поколению [4; 10].

В ходе исследования на основании выделения сферы влияния, масштабов социального воздействия спортивных лидеров, разделения спортивных объектов по социальной значимости выявлены следующие основные лидерские модели в сфере спорта:

Структура ***социологической модели лидеров*** в сфере спорта может включать следующие основные параметры: ***целеполагание*** как определение мотивов деятельности и условий удовлетворения важнейших спортивных интересов, ***мотивацию*** как детерминацию спортивной деятельности; ***личностные качества*** лидера (авторитет, профессионализм, коммуникативные способности, уверенность в себе, требовательность к себе и другим), его ***инструментальные характеристики*** (трудолюбие, образованность, исполнительность и дисциплинированность, высокие запросы и требования к жизни, амбициозность и воля к победе) и ***терминальные ценности*** (наличие хороших и верных друзей, общественное признание, уважение окружающих, самореализация, активная и деятельная жизнь), определяющие неповторимость и уникальность лидера.

На основании теоретических и социологических исследований разработаны следующие модели спортивных лидеров.

Модель «***лидера для себя***». Это взаимосвязь личностных качеств и ценностей (упорство, активность, работоспособность, быстрота, выносливость), мотивационных ориентаций спортсмена, который хочет добиться существенных спортивных результатов и формирует для этого необходимые объективные факторы и субъективные условия. «Лидеру для себя» присущи определенные личностные характеристики, терминальные и инструментальные ценности, которые целенаправленно создаются в ходе тренировочной и соревновательной деятельности.

Модель ***командного лидера***. Это взаимоотношение личностных качеств и ценностей, мотивационных оснований социального субъекта, который бла-

годаря своим ярко выраженным личностным качествам и ценностным ориентациям, авторитету и профессионализму, стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса и умению работать в команде, оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность спортивного коллектива, пользуется активной поддержкой его членов, признается ими в качестве ведущего и при помощи различных мотивационных факторов способен повести команду за собой в наиболее сложных спортивных, даже экстремальных ситуациях. Данная модель детерминируется системой высоких личностно-профессиональных характеристик: авторитетом и интеллектом, профессионализмом и нравственностью, эмпатией и коллективизмом, доверием и признанием. Лидер команды, принимая на себя определенные функции, в конкретной ситуации и в конкретном спортивном коллективе выходит на ведущие роли. Остальные члены спортивной команды принимают лидерство как должное, т. е. строят с лидером такие взаимоотношения, которые предполагают, что он будет впереди, а они будут поддерживать его и следовать за ним в различных ситуациях.

Модель ***корпоративного лидера***. Это взаимосвязь личностных качеств и ценностей, мотивационных ориентаций спортсмена, который является лидером не только в спортивной команде, но и в общественной жизни, обладает личностными качествами и умениями, ценностными ориентациями, которые дают ему возможность быть только быть первым в спорте, но и активно заниматься общественными делами. Корпоративный лидер обладает эффективными коммуникационными свойствами, демонстрирует более высокий, чем другие члены спортивной команды, уровень активности и влияния на достижение поставленных спортивных и общественных целей. Как показывают социологические исследования, корпоративным лидерам присущи интеллектуальные способности – такт и дипломатичность, ум и умение быть надежным; психологические черты – уверенность в себе и инициативность, созидательность и творчество, энергичность и, настойчивость и упорство, воля к победе и потребность в достижениях; деловые умения – профессионализм и активность, авторитет и умение завоевывать популярность и престиж и т. д. Особое значение имеют для корпоративных лидеров и такие ценностные ориентации как амбициозность и образованность, наличие хороших и верных друзей и общественное признание. Многие данные качества и ценностные ориентации присущи лидерам для себя и командным лидерам, были сформированы на том уровне, но в данном случае они измеряются более высокими количественными и качественными параметрами [4; 10].

Впервые в социологической науке предлагаю ***матрицу спортивных лидеров***. Социологическая матрица как коммуникат представляет собой систему подобранно расположенных и связанных определенной зависимостью особых знаков, сознательно разработанных и научно обоснованных характеристик, параметров, индикаторов, показателей, дающих конкретные знания о спортивных лидерах и покрывающих все социологическое поле. По горизонтали матрицы расположены основные параметры модели спортивного лидера, по вертикали – иерархические структурные элементы спортивного лидерства,

социальный статус спортивных лидеров. Данная матрица помогает более детально проанализировать наличие и качество личностных характеристик и ценностных ориентаций лидеров различных уровней, динамику их изменений, наметить целенаправленные действия по повышению эффективности спортивного мастерства. Благодаря матрице определяется степень воздействия на лидерство каждого из факторов социологической модели на каждом из его уровней.

В социальной реальности практически все лидеры существенно отличаются друг от друга, но в то же время имеют многие «одинаковые» личностные качества. Многочисленные социологические теории утверждают, что лидером может стать индивид, имеющий определенный комплекс конкретных личностных качеств. Важно определить, какие черты помогают индивиду стать лидером. Однако большое разнообразие и противоречивость личностных характеристик и параметров, имеющихся у лидеров, поставили под сомнение данный теоретический и методологический принцип. Даже в случае нахождения определенных закономерностей трудно создать социальные механизмы, позволяющие эти закономерности измерить, описать, а затем сформулировать в виде четких рекомендаций. И все же, изучив качества конкретных лидеров прошлого или настоящего, можно предложить тренерам и педагогам, молодежи в целом и спортивной в частности направления и ориентиры воспитания и развития.

Что такое качества лидеров? По мнению ряда ученых, ***качества лидеров*** – это обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, привычки, образ мышления и поведения, субъективные свойства, состояния эмоционального реагирования и поведения, позволяющие индивидам занимать ведущие места в трудовом коллективе или спортивной команде, любой общественной структуре, иметь непререкаемый авторитет, вести людей за собой. На основании социологического, политологического, педагогического, психологического анализа многочисленных теоретических источников и двух многолетних социологических мониторингов, проводимых с 2000 года под руководством ***профессора Игоря Котлярова***, собственных социологических исследований можно выделить ряд важнейших личностных характеристик спортивных лидеров, необходимых для эффективных командных действий. Среди них такие профессиональные, интеллектуальные, физические, организационные, волевые, морально-нравственные и коммуникативные качества, черты характера, ожидания, установки и другие диспозиции членов спортивных коллективов. Благодаря им происходит восприятие и оценка, принятие решений и реагирование на эмоциональном и поведенческом уровнях в ситуациях предметных и межличностных взаимодействий и отношений на тренировках и спортивных соревнованиях. Это прежде всего ***профессионализм*** как комплекс личностных качеств и практических навыков, теоретических знаний и умений, позволяющих успешно решать стоящие перед спортивной командой задачи и на высоком уровне выполнять свои обязанности, ***патриотизм*** как любовь к Родине, преданность ей и народу, готовность приумножать ее богатства,

защищать честь и достоинство, ***оптимизм*** как вера в свою команду, ее возможности и способности добиться больших побед; ***высокие нравственные качества*** как соблюдение определенных моральных принципов и норм; ***креативность*** как оригинальность суждений и способность находить новое там, где другие этого не видят; ***дисциплинированность*** как способность подчинять свои действия установленным правилам и нормам группового поведения ради командных действий; ***самостоятельность*** как способность, проявляя творчество и изобретательность, доводить спортивные комбинации до логического конца; ***смелость*** как способность активно действовать для достижения цели в опасных и трудных ситуациях, сознавая возможность тяжелых для себя последствий, например, получения травмы; ***настойчивость*** как способность не останавливаться на полпути к достижению спортивной цели, несмотря на существенные трудности; ***эмпатия*** как понимание психического состояния членов спортивных команд, ***решительность*** как способность быстро принимать наиболее правильные в сложных условиях необходимые решения; ***упорство*** как способность настойчиво и целеустремленно идти к поставленной цели и т. д. [4; 10].

Как уже было отмечено, многие вышеперечисленные личностные качества можно формировать [1; 4; 10]. Но особенно важным для современных спортсменов является качество патриотизма. Социологические исследования, проведенные различными авторами во многих вновь созданных государствах на территории бывшего Советского Союза, показывают, что после распада Советского государства, утраты многих морально-нравственных ценностей, существенно изменилась и мотивация школьников, подростков, стремящихся заниматься спортом. У них на первые места все чаще выходят доллары, евро, поездки за границу, фирменные спортивные костюмы. Но если организовывать встречи юных спортсменов с знаменитыми людьми – чемпионами мира, Европы, Олимпийских игр, показывать великолепные и знаменательные места Родины (например, Брестскую крепость, Беловежскую пущу или Хатынь), знакомить с историей, рассказывать о подвигах их дедов и прадедов, посещать исторические и краеведческие музеи, и делать это регулярно, у молодых людей появится чувство гордости за свою Родину, сформируется любовь и уважение к ней. Это в определенной степени гарантия того, что такой спортсмен изо всех сил будет защищать честь своей страны, с гордостью воспринимать гимн Родины (старшее поколение прекрасно помнят слезы Ирины Родниной), не будет из-за мелочных причин отказываться от важных для Отчизны спортивных состязаний.

Белорусский спорт сегодня переживает не лучшие времена. Распад советской системы подготовки высокопрофессиональных спортсменов и потеря эффективной во времена Советского Союза мотивации «за Родину» привели к существенному ослаблению спортивных позиций Беларуси на мировой арене. Все с грустью вспоминают те времена, когда сборная команда Беларуси по легкой атлетике была второй в мире после США. Можно ли добиться новых спортивных побед? Можно! Надо сделать так, чтобы дети с интересом выхо-

дили на футбольные поля и хоккейные площадки, поменять их стремления, подходы, мотивацию, сделать так, чтобы в большом спорте было бы побольше настоящих профессионалов, и поменьше – дилетантов и любителей.

Много проблем и в научном сопровождении спортивных тренировок, хотя белорусское государство выделяет па спорт деньги, причем немалые. Важно сделать, чтобы наука и спорт шли рядом. Это в определенной степени – гарантии будущих побед. Особую роль должна играть и социология спорта, позволяющая найти правильный вектор движения вперед.

Литература

1. *Гоулман, Д.* С чего начинается лидер / Д. Гоулман. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 232 с.

2. *Котляров, И. В.* Кто такой спортивный лидер, или мог ли Остап Бендер быть капитаном минского «Динамо»? / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич // Сацыяльна-эканамічныя і прававые даследванні. – 2008. – № 2.– С.169–189.

3. *Котляров, И. В.* Социология спорта: теория, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск: Белинформпрогноз, 1994. – 40 с.

4. *Котляров, И. В.* Спортивный хедхантинг: социологический анализ / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич // Проблемы управления. – 2011. – № 2. – С. 103 –111.

5. *Котляров, И. В.* Формирование лидерских качеств как целенаправленный и управляемый процесс / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич // Адукацыя і выхаванне. – 2007. – № 9. – С. 3–7.

6. *Кривцун-Левшина, Л. Н.* Социология физической культуры и спорта / Л. Н. Кривцун-Левшина, И. В. Котляров. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2009. – 269 с.

7. *Ортега-и-Гассет, Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни / Х. Ортега-и-Гассет // Философские науки. – 1991. – № 12. – С. 137–152.

8. *Парамыгина, С.* Олимпийское собрание. Обнаглеть до такой степени. Что осталось за кадром / С. Парамыгина // Прессболл. – 2012. – 30 окт.

9. *Рысюкевич, Н. С.* Социологический анализ проблем формирования молодежных лидеров в современных условиях / Н. С. Рысюкевич // Мир спорта. – 2002 – № 3-4. – С. 54-56.

10. *Рысюкевич, Н. С.* Целенаправленное формирование личностных качеств современных лидеров: социологический аспект / Н. С. Рысюкевич // Проблемы управления. – 2009. – № 1. – С. 213–218.

11. *Хёйзинга, Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хёйзинга. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.

N. RYSYUKEVICH

FORMING OF SPORTS LEADERS: SOCIOLOGICAL MATRIX

Summary

In present fast changing conditions the big sense have the personal qualities of the leaders of different levels. They can be conditionally divided in two big parts: instrumental or business and expressive or emotional leaders. First and the second in reality can be formed with the help of special pedagogical and other methods. In order to confirm it, the pedagogical experiment is held on, the special program is made, which is oriented on the achievement of the supplied objects forming of the specific personal qualities.

Key words: sport, sports victory, leaders for themselves, team leaders, corporate leaders, super leaders, theory, social mechanism, personality.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.422:159.923.2

В. И. РУСЕЦКАЯ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Современные СМИ являются центром взаимодействия политических и экономических субъектов. Поэтому часто они ангажированы создавать некую правдоподобную реальность, в действительности весьма далекую от истинного положения дел. Поскольку они предоставляют и структурируют большую часть той информации, которой мы пользуемся в повседневной жизни, огромное значение имеет то, кто определяет содержание и структуру информационного потока.

Ключевые слова: информация, независимые СМИ, медиа-пространство, драматический способ общения, общественная нравственность.

Воздействие средств массовой информации на нашу жизнь чрезвычайно глубоко. В современном глобализирующемся мире СМИ не просто четвертая власть, они – основная власть. Из мониторинговых исследований, ежегодно проводимых Институтом социологии, можно заключить, что государственные СМИ сохраняют доминирование в национальном медиа-пространстве. Телевидение пользуется доверием у 68 %, радио – у 63,5 %, газеты и журналы – у 56,1 %, интернет – у 45,2 %, информирование по месту работы – у 43,1 %. Следует отметить, что информация, получаемая по радио и телеканалам, пользуется наибольшим доверием у лиц 60 лет и старше. Лица в возрасте до 20 лет, а также от 20 и до 30 лет в большей мере доверяют информации, получаемой из интернета.

Более двух третей граждан Беларуси удовлетворены информацией СМИ о политической жизни страны, 48,4 % считают, что СМИ способны оказывать влияние на формирование установок гуманизма и толерантности в обществе. Около двух третей опрошенных отметили эффективность СМИ как средства донесения до граждан знаний о политике, 57,6 % считают, что историко-культурная, просветительская деятельность СМИ способствует гражданскому самообразованию. Еще 47 % согласны с утверждением о том, что существующие СМИ способствуют формированию системы гражданских ценностей, однако более 18 % не согласны с этим. 68 % считают, что СМИ привлекают внимание общества к социально значимым проблемам, еще 50 % полагают, что СМИ оказывают влияние на формирование политической культуры, 52 % отмечают, что СМИ способствуют формированию культурных традиций в обществе. Более половины респондентов уверены, что существующие

СМИ учат уважать законы государства. При этом 47 % считают, что они оказывают влияние на формирование престижного потребления, стиля жизни и только чуть более трети опрошенных полагают, что СМИ способствуют формированию хорошего вкуса. Представление о функциях СМИ в обществе в последнее время значительно изменилось. Особенно значимой стала функция личностной идентификации, которой в исследованиях 90-х лет просто не существовало. Она занимает самое значительное место в структуре функций, осуществляемых СМИ в обществе, и выражается в таких понятиях, как идентификация себя с другими, с ценностями различных социальных групп, усвоение их моделей поведения и ценностных ориентаций. «Культурная индустрия, которая раньше рассматривалась как производительница дешевой и непрестижной массовой культуры, приобретает новую, не присущую ей ранее функцию – функцию производительности не просто «легкой музыки» и «эстрадных песенок», а жизненных форм и жизненных стилей. В этой же функции к ней присоединяются масс-медиа. Производство жизненных форм и стилей является едва ли не единственной по-настоящему процветающей отраслью. Причем производимые модели меняются безостановочно вместе со сменой поп- и рок- идолов, рэпа и т. д.» [1, с. 115].

Стремление преподать все новости совершенно «объективно», т. е. без определения своего к ним отношения, породило глобальное отсутствие того, что называется нравственным чувством, как у отдельной личности, так и в социуме. О каком разумном, прогрессивном развитии мира может идти речь, когда одновременно с сыплющимися бомбами на арабском Востоке в западных СМИ обсуждается предстоящая свадьба в королевской семье Великобритании. Нельзя уповать только на церковь в вопросах морали. Государство обязано заботиться о нравственности граждан и стремиться оградить их от так называемых «объективных» новостей, или, по крайней мере, давать им оценку. Бесконечные рассуждения в западных СМИ о том, соблазнил ли очередной публичный человек очередную горничную, особенно на фоне безжалостных бомбежек НАТО очередной арабской нефтяной страны, просто безнравственный заказ политических игроков. Правильно делают те, кто вообще не смотрит телевизор, не читает газет, не сидит в Интернете, но таких, пожалуй, немного найдется в современном мире.

Американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон, говоря о функциях, выполняемых СМИ, выделяют функцию присвоения статуса. «Средства массовой коммуникации присваивают статус общественным проблемам, личностям, организациям и общественным движениям. Повседневный опыт, равно как и результаты исследований показывают, что общественная репутация индивида или политики повышается в случае их благоприятного освещения в средствах массовой коммуникации» [2, с. 140]. Поскольку средства массовой информации как бы присваивают особый статус тем событиям и персонажам, которые оказались в сфере их внимания, то зрители и читатели также наделяют указанные события и персонажи особым вниманием. «Если вы действительно важны, вы будете в фокусе массового внимания и, если вы находитесь

в фокусе массового внимания, тогда вы определенно важны» [2, с. 140, 142]. Вот эта вторая часть данного утверждения дает возможность СМИ назначать современных идолов толпы – героев и отверженных. Следующая функция, выделяемая Лазарсфельдом и Мертоном, функция общественного внимания. Именно эта функция институализирована в деятельности СМИ, так как задачей последних является привлечение общественного внимания к наиболее важным проблемам. А как известно, власть прессы, власть СМИ – четвертая власть в государстве. Чтобы активизировать людей, привлечь их на какую-либо сторону, СМИ инспирируют общественные движения. «Изучение движений, инспирированных средствами массовой коммуникации, способствует получению ответов на вопросы об отношении массовой коммуникации и организованного социального действия. Важно, например, представлять, до какой степени общественные кампании выполняют роль организационного центра для неорганизованных индивидов. Движения могут действовать по-разному среди различных групп населения. В некоторых случаях их основное влияние будет связано не столько с привлечением к конкретным действиям индифферентных жителей, сколько с формированием тревоги у «объектов обвинения». Это приводит к использованию ими крайних мер, что, в свою очередь, предполагает отчуждение электората. Тем самым публичность затрудняет действия преступников» [2, с. 142]. Но эта же публичность может практически уничтожить доброе имя, репутацию вполне законопослушных и порядочных граждан, что мы и видим в итоге борьбы компроматов в современных СМИ, особенно в предвыборных кампаниях. Лазарсфельд и Мертон выделяют функцию наркотизации как способ воздействия СМИ на сознание обывателя, они ее называют дисфункцией. Она, по мнению социологов, выражается в том, что «доступность информационных потоков для рядового слушателя или читателя зачастую способствует их усыплению, наркотизации, нежели активности» [2, с. 144].

Подчеркивая особую характеристику телекоммуникации, З. Бауман употребляет понятие «драматический модус коммуникации», выражающееся в том, что телевидение не только представляет реальный мир как драму, оно превращает его в драму. Под воздействием телевидения реальный мир действительно становится подобен театральной драме. Если истинная жизненная драма не может быть, например, повторена дважды, то телевизионный мир постоянно воспроизводит драму на телеэкране, он же является и ее постановщиком, так как в борьбе за зрителя и рейтинги все средства хороши. Все большая доля «мира снаружи», о котором зритель узнает посредством телевидения, – это мир, созданный самим телевидением [1, с. 101].

В современной социологии, особенно в таком ее разделе, как социология средств массовой коммуникации, появились исследования, позволяющие не только анализировать реальное содержание и форму сообщений СМИ, но и выявлять их неявный, латентный смысл. Современные «независимые» СМИ являются не только информационной «Меккой», но и центром взаимодействия политических субъектов, они как никогда ангажированы создавать некую

правдоподобную реальность, в действительности весьма далекую от истинного положения дел. В сфере действия законов рыночной экономики, «СМИ утрачивают экономическую самостоятельность, переходя в фактическую собственность тех или иных социальных и экономических групп. Это делает их невосприимчивыми к интересам общества в целом, ориентирует на модель сверхоперативной подачи информации. Следствием этого становится неспособность СМИ учитывать социальные последствия распространяемой информации, и возможность легкого превращения СМИ из института гарантии свободы слова в инструмент политического влияния террористов» [3, с. 7]. Появилась целая индустрия использования СМИ для искажения подаваемого материала с помощью неупоминания о важных событиях или неточности в их подаче, смещении акцентов, замалчивании каких-то важных деталей и т. п. Современные «независимые» масс-медиа всегда рады скандалам – последние поднимают их рейтинги, а значит в борьбе за внимание зрителя, читателя и слушателя все средства хороши. СМИ формируют медиаландшафт, и таким образом более чем все другие средства формирования и развития личности оказывают влияние на все стороны этого процесса, процесса социализации личности. В том виде, в котором СМИ существуют в постсоветских обществах, они просто являются заимствованным с западных образцов слепком «демократической» подачи информации. Но, учитывая то, что каждое издание выживает и существует за счет подогрева читательского и зрительского интереса, наибольший вес имеет информация, способная огорошить, удивить, ошеломить, вызвать нездоровый интерес. Читающая и духовно развитая, просвещенная публика времен Советского Союза быстро превратилась в обывателей, интересующихся только сплетнями, слухами, сенсациями. Отброшено всякое понимание нравственных императивов, понятий благородства, совестливости. Если просвещенная и не очень публика времен советского прошлого интересовалась поэзией Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, зачитывалась литературными новинками журналов «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», считала обязательным следить за публикациями в очень популярной тогда «Литературной газете», то что она читает сегодня? Вот что отмечает культуролог и литератор Юлия Чернявская: «Обращает на себя внимание тот факт, что в топе самой продаваемой литературы в 2011 г. в специализированных магазинах Беларуси много прикладной литературы и практически нет «умозрительных» – философских, культурологических, искусствоведческих работ. Люди хотят овладеть нешироким кругом практических знаний – тех, что нужны для нормальной утилитарной жизни. А лет 25 назад в Беларуси было популярно читать, чтобы просто просвещаться, самосовершенствоваться. Люди доставали, выменивали, покупали за «четыре номинала» Камю и Ницше. Было очень стыдно быть необразованным, неразвитым в гуманитарной сфере. Кто бы то ни был – инженеры, математики, физики – все покупали гуманитарную и сложную художественную литературу. А вот сейчас мы видим другую тенденцию – к утилитарному знанию: прочесть то, что полезно» [4]. Совершенно непонятно, как можно вырас-

тить хороших математиков или физиков, если у них не будет развитого воображения, знания основ мировой культуры. Сейчас на телеканалах самые популярные передачи – о еде, об устройстве своего жилища, дачи, бесконечные разборки так называемых «звезд». Нет места в эфире телеканалу «Культура», кино преимущественно американское, далеко не лучшего свойства и достаточно убогие сериалы – это то, что смотрит большая часть наших сограждан. Чему удивляться, если молодежь вполне серьезно считает, что патриотизм был только в войну, а сейчас он не нужен, а в некоторых ответах его вообще называют «религией для бешеных». В существующих сегодня средствах массовой информации сложно определить, что понимается под ценностями, идентификация себя с другими ухватывает только внешний лоск и гламур а к индивидуальным ценностям относят именно то, что три десятилетия назад – потребительское отношение к жизни, индивидуализм – всячески порицалось в СМИ. Богатство, демонстрируемое на телеэкранах, в глянцевых журналах, отношение к богатству, деньгам, которые стали играть очень значительную роль в жизни людей, не связывается в сознании индивида с трудом, наоборот, в СМИ тиражируются способы быстрого и легкого обогащения. Появился слой очень богатых людей, получивших свой первоначальный капитал на развалинах империи, прибравших к рукам бывшую народную, но вдруг ставшую ничьей собственность. В постоянном тиражировании на телеэкране и в глянцевых журналах внешнего лоска, стилей потребления, ценностей и норм людей, принадлежащих к классу «новых богатых», стало немодно, да и неинтересно говорить о серьезной литературе, произведениях искусства, классической музыке, появился целый класс современных довольно забавных персонажей, стремящихся выделиться любой ценой, но не интеллектом и образованностью.

В эпоху перестройки, в постсоветском медиаландшафте обозначились существенные изменения, вызванные стремлением современных медиа служить интересам свободы и демократии. Это стремление было весьма похвально, но очень скоро стало зависеть от экономических рычагов владельцев СМИ. Поэтому на многих телеканалах, во многих публикациях под влиянием тех или иных политиков или владельцев СМИ, бизнесменов стали появляться тенденциозные, заказные, необъективные публикации, телепередачи. Поначалу принимаемые законы о СМИ содержали главное перестроечное требование – уничтожение цензуры. Требования о независимости редакционных коллегий, журналистских коллективов, право на создание независимых СМИ – требования вполне прогрессивные – в итоге воплотились в худший вариант корпораций со своей корпоративной, циничной моралью, зависимой от владельцев медиасобственности. Стремление сверхоперативно подать информацию, выхватить горячие факты, способные оглушить читателя и зрителя и заработать на этом хорошие деньги, появление заказных оплачиваемых материалов давно стало нормой, специфическим бизнесом, в котором нет места соображениям этического порядка. О том, что информация давно стала бизнесом, говорят сами за себя такие давно существующие в современном капитализме, появившиеся и у нас в последнее время понятия, как медиабизнес, медиары-

нок, медиамагнаты. СМИ постсоветских государств, стремясь во всем подражать своим западным коллегам, как всегда идут еще дальше. Вот уже и в программе телевидения идет «информационное шоу», в котором главным инструментом воздействия на участников является сознательно спланированная провокация. Страшно сказать, куда может завести это стремление постоянно разыгрывать драму на телеэкране, в печатных ли СМИ, постоянно нагнетая, возбуждая градус общества. Ни одно государство не устоит в такой ситуации.

В 30-е годы прошлого века производителями и прокатчиками фильмов в США был принят Кодекс Хейса [5], ограничивающий демонстрацию картин, подрывающих нравственные устои общества. Принятый не государством, а самими производителями и прокатчиками фильмов, он продержался до 1967 года. Видимо, настала необходимость принять что-то подобное, касающееся средств массовой информации. Культурологи даже утверждают, что цензура была культуротворным фактором, так как люди думали о том, о чем хотели рассказать. Говоря языком современных философов «разум, разумность в рамках какой бы то ни было системы сами не смогут осуществить переориентацию нашего цивилизационного развития. Необходим новый симбиоз предполагающей рациональности. Точка опоры смещается в сферу морали, духовности, рациональность дополняется эмоциональностью, предвидение – космоцентризмом и биоцентризмом, уважение к жизни приобретает статус основной категории. Однако призывы всё же преобладают над конкретными действиями [6].

Литература

1. *Бауман, З.* Свобода / З. Бауман. – М., 2005.

2. *Лазарсфельд, Р.* Мертон. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие. – М., 2000.

3. *Семенова, А. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / А. В. Семенова, М. В. Корсунская. – М., 2010.

4. Фотоальбомы, ПДД и Стив Джобс. Какую литературу читают белорусы? 11.07.2012, 16:08 Новость дня Марина Воробей / TUT.BY

5. Электронный ресурс. Wikipedija.

6. *Михина, Ф.* Экофизическая перспектива рациональности / Ф. Михина // Социологический альманах. – Вып. 2. – Минск. – 2011.

V. I. RUSECKAJA

MEDIA AND FORMATION OF PUBLIC MORALS

Summary

Modern media are focus of the interaction of political and economic subjects. Often they are engaged to create a kind of believable reality that is very far from the true state of affairs. They provide and structure almost all information that we use in everyday life that is why it is crucial who determines the content and structure of information flow.

Key words: information, independent media, media space, dramatic mode of communication, social morality.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.422:159.923.2

П. АББАСИ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕСТО И РОЛЬ СМИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются основные теоретико-прикладные направления исследования места и социальных функций СМИ в системе социальных коммуникаций в современном обществе и дана их социологическая характеристика.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, социальные коммуникации.

В современном обществе огромную роль играют коммуникации (от латинского *«communication»* – сообщение, передача), т. е. обмен между людьми и другими социальными субъектами мыслями, идеями, знаниями, навыками, оценками и информацией, которые обеспечивают функционирование и развитие личности, социальных групп, институтов и общества в целом. Коммуникации охватывают жизнедеятельность всех социальных субъектов, а также практически все общественные сферы и процессы – экономические, политические, социальные и культурные.

В самой общей форме под коммуникациями понимается передача, восприятие и обмен от одного социального субъекта к другому какой-либо информации посредством символов, знаков и образов. Коммуникации между отдельными людьми, группами людей, организациями, государствами осуществляются в процессе непосредственного и опосредованного общения, то есть обмена вербальными и другими специальными знаками (сообщениями), к которых отображены мысли, идеи, знания, опыт, навыки и другая информация.

Коммуникации играют важную роль в жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом. Известный социолог Т. Парсонс отмечал удивительную сложность систем социальной деятельности невозможную без относительно стабильных символических систем, которые создаются и функционируют только благодаря процессам коммуникаций. По своему содержанию коммуникативный процесс представляет собой взаимный обмен символами, значениями, информацией между двумя, тремя и более социальными субъектами. Каждая сторона процесса коммуникации стремится определенным образом воздействовать на субъекта, которому адресовано сообщение. «Поскольку коммуникация является частью социального процесса, постольку, – пишет Т. Парсонс, – личности действуют в рамках роли, природа которой зависит от ее отношений, и от источников, из которых она получает ком-

муникативное содержание» [1]. Итак, в процессе коммуникаций выделяются следующие элементы: действие автора-носителя сообщения; ответная реакция реципиента (того, кто воспринимает сообщение); содержание коммуникационного процесса; взаимные статусы и роли, связывающие между собой участников коммуникативного взаимодействия.

Социальный коммуникативный процесс представляет собой необходимую и важную предпосылку становления, развития и функционирования всех социальных субъектов, начиная от личности до общества, потому что он обеспечивает связь между людьми и их общностями, делает возможной связь между поколениями, накопление и передачу социального опыта, его обогащение, разделение труда и обмен его продуктами, организацию совместной деятельности, трансляцию культуры. Посредством социальных коммуникаций осуществляется и управление обществом, включая систему государственного управления.

По мере развития общества, сложности и разнообразия активности социальных субъектов и накопления объема информации все большую роль играют социальные коммуникации. Особую значимость они приобретают в современном мире, когда осуществляется информационная революция – решительное качественное преобразование информационной сферы. Это проявляется не только в значительной технической модернизации средств и способов коммуникаций, но также качественными изменениями в социальной и социокультурной сферах – в становлении основ постиндустриального информационного общества с развитой системой сложнейших коммуникационных процессов, которые оказывают существенное влияние на социальное пространство, всю систему социальных взаимодействий, на направленность и динамику социального прогресса.

Социальная коммуникация представляет собой сложный и многокомпонентный процесс. Основными компонентами социальных коммуникаций являются: во-первых, субъекты коммуникационного процесса – отправитель и получатель сообщения (коммуникатор и реципиент); во-вторых, средства коммуникации – код, используемый для передачи информации в знаковой форме, а также средства и каналы, по которым передается сообщение; в-третьих, предмет коммуникации (какое-либо явление, событие и т. п.) и отображающее его сообщение (статья, радиопередача и т. д.); в четвертых, эффекты коммуникации – изменения внутреннего состояния субъектов коммуникационного процесса, их поведения, социальных контактов и взаимодействий.

Социальная коммуникация выполняет три главные социальные задачи. Прежде всего, интеграцию отдельных индивидов в социальные группы и общности, включая в общество в целом. Далее, внутреннюю структуризацию общества, составляющих его групп, общностей, социальных организаций и институтов. И, наконец, отделение и обособление общества и различных групп, общностей друг от друга в процессе их общения и взаимодействия.

В научной социологической литературе получили развитие множество теорий социальных коммуникаций. Большое распространение имеет *линейная*

теория коммуникации, разработанная американским социологом Г. Лассуэлом. Согласно данной теории социальная коммуникация состоит из пяти компонентов: коммуникатор – кто передает сообщение; сообщение – что передается; канал – как передается сообщение; аудитория – кому передается сообщение; эффективность – с каким эффектом передается сообщение. По мнению многих других социологов, данная теория не учитывает сложности и многообразия социальной жизни, и прежде всего динамического взаимодействия социальных субъектов, при котором реципиент не пассивный потребитель информации, а активный участник процесса социальной коммуникации. Этот недостаток преодолен в *интеракционистской теории коммуникации,* разработанной социологом Т. Ньюкомбом. Эта теория коммуникации исходит из того, что субъекты коммуникации – и коммуникатор и реципиент – равноправны, связаны друг с другом взаимными ожиданиями и установками, а также общим интересом к предмету общения. Сама же коммуникация выступает как реализация такого интереса с помощью передаваемых сообщений. Эффект же коммуникационного взаимодействия проявляется в сближении или отдалении точек зрения коммуникатора и реципиента на общий предмет, что означает расширение или сужение возможностей их взаимопонимания и сотрудничества. В этой теории на первый план выдвигается достижение согласия между партнерами по коммуникации, а само согласие – как установление общей картины мира у тех, кто объединен в коммуникативное взаимодействие. Поэтому коммуникация представляет собой такой обмен идеями, символами, значениями, ценностями, благодаря которым поддерживается, развивается или разрушается согласие. Сам же механизм согласия есть по определению американского социального психолога Т. Шибутани «взаимное принятие ролей». Когда возникает согласие, происходит взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств, что позволяет каждому участнику согласованного действия понимать, принимать (или отвергать) точки зрения и оценки других участников. Большое распространение имеет также *общая теория коммуникаций,* разработанная канадским социологом Г. Мак-Люэном. Он считает, что развитие коммуникационных средств определяет как общий характер культуры, так и смену исторических эпох. В эпоху племенных культур общение людей было ограничено рамками устой речи и мифологическим мышлением, придающим миру целостность, но вместе с тем локальность и замкнутость. На втором этапе развития коммуникационных процессов, связанном с появлением письменности, изменился и тип коммуникации – единство значений и знаний, их организация в целостной системе письменного языка устранили в нем разногласия, расхождения в отношении к нормам и ценностям, что укрепляло консолидацию человеческих сообществ. Благодаря письменности общество получило мощное оружие введения в оборот новых значений, образов и ориентаций. Третий этап усложнения и обогащения коммуникационных взаимодействий, по мнению Г. Мак-Люэна, начался изобретением в XV веке печатного станка, что привело к развитию визуального восприятия, формированию на-

циональных языков и государств. Следующим этапом в развитии коммуникаций стало широкое распространение современных аудиовизуальных средств коммуникации. Телевидение и другие аудиовизуальные средства, Интернет радикально преобразуют саму среду, в которой живет и общается современное человечество, резко расширяет масштабы и интенсивность его коммуникационных связей со всем миром [2]. Эта теория коммуникации была в последующем развита американским социологом О. Тоффлером, который создал *инфосферную модель коммуникационного взаимодействия,* основу которых составляют мощные потоки информации, зашифрованные в сложных компьютерных программах. По его мнению, компьютерная коммуникация создает новую коммуникационную ситуацию, для которой характерно отсутствие единой культуры, постоянно меняющееся разнообразие новых культур и другие процессы [3]. Немецкий социолог Н. Луман разработал *аутопойетическую теорию коммуникации.* По его мнению, аутопойетическая система – это система, отличающаяся оперативной закрытостью и состоящая из множества коммуникативных элементов – потоков информации. Именно вследствие интегрирования информации, сообщения и понимания социальная система приобретает свои специфические свойства: а) способность к самоограничению – к различению самой себя и окружающей среды; б) способность воспроизводства; в) самоорганизацию; г) самореференцию. Если психическая система (например, личность) самоорганизует и самореференцирует себя посредством самосознания, то социальная система (общество), по его мнению, осуществляет этот процесс посредством коммуникации. Поэтому понятие коммуникации является важным фактором для определения понятия общества [4].

По характеру и целям сообщений различаются: информационная коммуникация, аффективная, образная и коммуникационное давление. Под информационной коммуникацией понимается та, посредством которой один человек передает другому знания об окружающем мире. Аффективная коммуникация основана на передаче чувств, эмоций и оценочных суждений. Этот вид коммуникации очень важен для процесса формирования личности. Посредством ее человек получает информацию о себе самом. Формирует свое самосознание, образ своего «Я». Важным моментом является проблема достоверности и объективности передаваемой информации, которые зависят как от субъективных, так и от объективных обстоятельств, касающихся и коммуникатора и реципиента.

Для социологического исследования социальных коммуникаций большое значение имеет их типология. Наиболее популярной является типология социальных коммуникаций на следующие типы: традиционная, функционально-ролевая, межличностная, групповая и массовая. *Традиционная коммуникация* основана на верховенстве традиции, обычаев и правил, существующих в какой-либо локальной социальной среде, например, в сельской местности. Здесь общение отличается постоянством, стабильностью ожиданий, первичностью коммуникативных связей. *Функционально-ролевая коммуникация* развивается

в городской среде, в условиях значительной дифференциации видов деятельности и образа жизни. Правила коммуникации в основном соответствуют роли, которую человек выполняет в данной системе деятельности, его статусу и сложившейся социальной иерархии в этой системе. Устные, а еще в большей степени письменные контакты часто формализованы. *Межличностная коммуникация* – такой тип коммуникационного взаимодействия, при котором в роли, как отправителя, так и получателя сообщения выступают отдельные индивиды. Для него характерны непосредственный контакт между субъектами общения, использование множества средств коммуникации не только вербальных, но и невербальных. По характеру взаимодействия между партнерами различают личностную и ролевую межличностную коммуникацию. *Групповая коммуникация* представляет собой коммуникационное взаимодействие, в процессе которого общение происходит между двумя или большим количеством членов определенной социальной группы в целях организации совместных взаимозависимых действий. Групповая коммуникация составляет основу коммуникативных взаимодействий в социальных организациях. *Межгрупповая коммуникация* – в которой имеет место взаимодействие и обмен информацией между двумя и более социальными группами. Она может выполнять информационную, обучающую, развлекательную или другую функцию. *Массовая коммуникация* – такой тип коммуникации, который основан на использовании технических средств тиражирования и передачи сообщений, охватывающих большие массы людей, а в качестве коммуникаторов выступают средства массовой информации – пресса, радио, телевидение и др. Главная особенность массовых коммуникаций состоит в соединении институционально организованного производства информации с ее рассредоточением, массовым распространением и потреблением. По этой причине эта информация стала одним из наиболее эффективных способов формирования общественного мнения и организации контроля над массовым сознанием и поведением. Основными функциями массовой коммуникации в обществе являются: информирование о происходящих событиях, передача знаний об обществе от одного поколения к другому через социализацию и обучение, целенаправленное влияние на формирование определенных стереотипов поведения людей, помощь обществу в осмысливании и решении актуальных социальных проблем, развлечение. Средства массовых коммуникаций оказывают большое влияние на людей, их предпочтения и жизненные позиции. Однако люди не выступают в качестве пассивного потребителя информации и объекта коммуникационного воздействия. Воздействие массовой коммуникации на людей опосредовано системой их личностных качеств и свойств, социальным статусом, уровнем образования и многими другими социальными и культурными позициями.

Различные типы коммуникационных процессов объединяются в сложные сети социальных коммуникаций, связывающих друг с другом разные подсистемы общества, его социальные структуры, институты, организации, общности

и группы. При этом следует иметь в виду, что массовая коммуникация оказывает на людей как позитивное, так и в некоторой степени негативное воздействие. Положительное воздействие массовых коммуникаций существенно возрастает, когда средства массовой информации функционируют в русле коммуникативных принципов и ценностей общей духовной культуры социума. Характерной особенностью современного общества является появление новых (электронных) средств коммуникаций, интенсификация и массовость коммуникационных процессов, синтез разных видов коммуникации и коммуникационных средств, а также глобализация коммуникационных и информационных процессов. Радио, телевидение, компьютерные сети и другие – это все новые средства электронной коммуникации. Их широкое распространение и использование привело к резкой интенсификации и массовости коммуникационных процессов. Все это существенным качественным образом повлияло на различные стороны жизнедеятельности общества: экономику, политику, социальную структуру и образ жизни, культуру. Коммуникации и средства массовой информации стали важным социальным институтом современного общества. Вместе с тем они – важный компонент практически всех других социальных институтов – экономики, политики, культуры. Помимо функции огромного влияния на все стороны социальной жизни, средства массовой информации играют важную роль стабилизации социальной жизни. Широкое и интенсивное распространение средств массовой коммуникации, которое отмечается со второй половины XX века, позволяет говорить о начале эпохи постиндустриального, информационного общества, в котором имеет место значительное влияние сложных электронных информационных и коммуникационных процессов на социальную жизнь и занятие многими членами общества трудовой деятельностью по созданию информации и обслуживанию информационных и коммуникационных систем. Новейший этап в развитии средств массовой коммуникации связан с интерактивным единством потребителя информации с источником информации, в том числе в виртуальном киберпространстве. Интерактивность – это такой способ коммуникации, который обеспечивает более активное участие человека в информационных процессах. Компьютерные коммуникации – это пример интерактивной коммуникации, также как и глобальная сеть Интернета, которая породила виртуальное киберпространство.

Средства массовой информации в современном обществе выполняют ряд важных социальных функций. Прежде всего *функцию социализации личности.* Процесс формирования человека как социального субъекта называется социализацией – процессом формирования знаний, мнений, взглядов, убеждений, мировоззрения в целом, а также приобретения социального статуса и социальных ролей. Социализация (социокультурная, профессиональная и другая) протекает в течение всей жизни человека, однако наиболее активно в период детства и юности. Социализацию, таким образом, можно рассматривать также как процесс передачи от одного поколения к другому социальных цен-

ностей, навыков, знания, стандартов и норм социального поведения. В этом плане социальная коммуникация между людьми играет важную социализирующую роль. Особенностью современного общества является то, что средства массовой коммуникации значительно расширяют поле возможностей социализации индивида в самых разных сферах и направлениях. Особенно глобально это имеет место при профессиональной социализации личности в условиях становления постиндустриального информационного общества. Например, если раньше в традиционных обществах процесс социализации в значительной степени проходил в малых социальных группах (в семье и на уровне межличностной коммуникации), то в настоящее время он протекает одновременно в контексте больших и разнообразных социальных, политических и культурных общностей и групп, в том числе и в виртуальном киберпространстве. Все это значительно расширяет реальный социальный выбор человека, стирает социальные границы и развивает социальную мобильность в обществе. Средства массовой информации в силу своей специфики и большого психологического потенциала воздействия на людей выполняют функцию распространения, воспитания и внедрения в образ жизни населения норм, правил и моделей поведения. Средства массовой информации способствуют процессу интеллектуализации населения, в частности развитию концептуального восприятия социальной реальности. Средства массовой информации выполняют также важнейшую *функцию социальной стабилизации и социально-культурной интеграции, включая национально-культурную идентификацию.* Интеграционная функция средств массовой коммуникации проявляется в обеспечении целостности общества или его функционирование как целостной системы. Каждая страна имеет не только свои национальные системы социальных коммуникаций, но и свое информационное пространство. И хотя в современном мире границы информационного пространства могут далеко не совпадать и политическими границами страны, однако чаще всего национальные средства коммуникации и информации являются доминирующими в информационном пространстве страны. Важной функцией средств массовой информации является *их консолидационная роль в обществе.* В современном обществе институт средств массовой информации стал серьезным центром поддержки социальных связей между людьми, разными частями общества и одним из его системообразующих факторов. В современных условиях ведущую роль среди СМИ играет телевидение и Интернет. Для миллионов людей телеэкран и компьютер стали основными источниками информации и познания окружающего мира. Это связано с тем, что, являясь частью системы социальных отношений, телевидение и Интернет выполняют такие же функции, что и другие средства массовой информации: помогает распространять информацию, знания, культуру, выступает в качестве инструмента пропаганды, социального регулирования, организации людей и т. д. Вместе с тем телевидение и Интернет обладают недоступными другим СМИ качествами. Прежде всего оперативность, возможность информировать людей с места событий, виртуальное межличностное общение и взаимодействие.

Общемировая тенденция бурного развития телекоммуникационных и информационно-компьютеризированных процессов находит свое яркое проявление во всех странах мира, в том числе и в странах Ближнего Востока. С точки зрения тенденций и перспектив экономического, политического, социального и культурного развития ближневосточных стран наиболее оптимальными представляется стратегия и концепция развития национальных СМИ, в которой осуществлялась бы органическая связь мировоззренческих и технологических достижений современной цивилизации с прогрессивными элементами национальной культуры. При этом необходимо учитывать национальный исторический опыт функционирования ближневосточных средств массовой коммуникации, обеспечивая подключение религиозных и других культурных национальных традиций к процессу трансформации общества в русле демократического развития и социального прогресса.

Литература

1. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Т. Парсонс Американская социологическая мысль. – М., 1996. – 514 с.

2. *Мак-Люэн, Г.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / Г. Мак-Люэн. – М., 2003. – 464 с.

3. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М., 1999. – 783 с.

4. *Луман, Н.* Медиа коммуникации / Н. Луман. – М., 2005. – 256 с.

PARISA ABASI

PLACE AND ROLE OF MASS MEDIA IN THE SYSTEM OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE MODERN SOCIETY

Summary

Theoretical and applied directions in the study of place and social functions of the mass media in the system of social communications in the modern society and their sociological characteristic are given.

Key words: means of mass communication, the social communications.

Поступила 29.10.2012 г.

УДК 316.346

Л. Г. ЛУНЯКОВА,
кандидат географических наук,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД»: первые результаты

Излагается краткая история международного сотрудничества и развития трехстороннего (Польша–Россия–Беларусь) научно-исследовательского проекта «Здоровье молодежи – междисциплинарный подход». Дается обзор докладов VII Международного научно-практического семинара, проходившего 1–6 сентября 2012 г. в Люблине (Польша), и результатов анализа материалов первого этапа обследования здоровья молодежи трех стран.

Ключевые слова: здоровье молодежи, международный междисциплинарный проект, одаренные и талантливые дети, интеллектуальный потенциал, профессиональная идентичность, качество жизни.

С 1 по 6 сентября 2012 года в Католическом университете г. Люблина имени Иоанна Павла II (*Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II*, KUL) состоялся VII Международный научно-практический семинар «Здоровье молодежи – интердисциплинарный подход». Он проходил в рамках трехстороннего научного сотрудничества Католического университета (КУЛ, Польша) с институтами Российской академии наук и Национальной академии наук Беларуси. Люблин представляет собой важный административный и академический центр, а его самый известный вуз – Католический университет Люблина (КУЛ) является старейшим (открыт в 1918 г.) негосударственным общественным высшим учебным заведением Польши. В настоящее время учебная и исследовательская деятельность проводится в нем на шести факультетах. Кроме чисто религиозного, КУЛ дает образование в различных областях светской науки. VII Международный семинар, посвященный здоровью молодежи, был подготовлен совместно Кафедрой психотерапии и психологии здоровья КУЛ (руководитель проекта – доктор психологии, профессор К. Попельский, координатор – доктор гуманитарных наук в области психологии, адъюнкт Л. Сухоцкая) и лабораторией гендерных проблем ИСЭПН РАН (руководитель – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук Н. М. Римашевская, координатор – старший научный сотрудник, кандидат географических наук Л. Г. Лунякова).

Взаимоотношения между ИСЭПН РАН и КУЛ имеют давнюю историю, и идея проведения постоянного Международного семинара возникла благодаря продолжительным научным контактам Н. М. Римашевской и Л. Сухоцкой (преподавателя КУЛ, ученицы и последователя теоретических разработок

проф. К. Попельского), которая стала первым связующим звеном между двумя организациями. В процессе двусторонних семинаров обсуждались разные научные подходы к изучению общественного и индивидуального здоровья, пониманию поведенческих практик, здорового образа жизни и технологий здоровьесбережения. На начальном этапе сотрудничества между польскими и российскими учеными при непосредственном участии старшего научного сотрудника ИСЭПН РАН социолога Н. Е. Марковой был разработан социологический инструментарий исследования (анкета). Он состоит из совокупности следующих блоков вопросов: Здоровье и здоровый образ жизни; Субкультурные движения и практики; Тест NOO-динамики; Шкала выбора ценностей; Самопознание; Ответственность за здоровье. В процессе совместных изысканий на стыке социологии, демографии, экономики и психологии к 2009 г. был разработан новый проект «Здоровье молодежи – междисциплинарный подход».

На следующем этапе развития этого проекта в него были вовлечены Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (МГОСГИ, г. Коломна) и Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН, Вологда). В 2010–2011 гг. в Вологде, Коломне и Люблине были проведены опросы учащейся молодежи гуманитарного профиля, и участники проекта приступили к обработке и анализу полученных эмпирических данных.

В мае 2011 г. в Минске состоялся Второй Международный научно-практический семинар «Здоровье населения: проблемы и пути решения». Он был подготовлен совместно Учреждениями Российской академии наук – ИСЭПН РАН и ИСЭРТ РАН, и Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (ИС НАНБ). Вдохновителем и научным руководителем семинара была Н. М. Римашевская. В семинаре приняли участие и польские коллеги из КУЛа. Организаторы семинара поставили перед собой цель провести межстрановое сравнение состояния и динамики здоровья населения, представить результаты локальных исследований, обсудить общие проблемы и региональные особенности и попытаться найти пути решения накопившихся проблем. По итогам этого семинара было принято решение расширить географию и исследовательскую базу международного проекта, посвященного здоровью студенческой молодежи, и инициировать проведение в Минске Институтом социологии НАН Беларуси и Петрозаводске (Институтом экономики Карельского научного центра РАН) обследования с использованием имеющегося инструментария для получения сопоставимых данных, а следующую встречу провести в Люблине [1, с. 116–124].

Таким образом, для участия в работе VII Международного научно-практического семинара «Здоровье молодежи – интердисциплинарный подход» заявили себя Польша, Россия и Беларусь, а его программа включала доклады ученых Москвы, Вологды, Коломны, Минска и хозяев семинара.

Семинар открыл профессор психологии, Dr. habil. *Казимир Попельский* (КУЛ). Он приветствовал участников семинара, пожелал продуктивной рабо-

ты и выразил надежду, что в результате совместных усилий будут найдены новые пути и новое понимание в подходе к изучению здоровья. Его авторская позиция состоит в том, что здоровье следует анализировать как динамичную систему, личностно испытываемую и многонаправленно реализующуюся, в рамках концепции «многомерного бытия и многонаправленного становления человеческой экзистенции», основанной на идее психологической комплементарности. По его мнению, здоровье является ценностью, которую человек индивидуально испытывает и познает, а психика является средой испытания стандартных проявлений здоровья или болезни [2].

Член-корреспондент РАН, профессор *Н. М. Римашевская* (ИСЭПН РАН) кратко обрисовала основные вехи развития проекта и обосновала важность и актуальность поднятых в нем проблем. В своем выступлении она отметила, что продолжительность научных контактов ИСЭПН РАН с КУЛ приближается к 10 годам, при этом «сначала его участники не контролировали время» и было много проблем из-за различия языка и профессиональной подготовки: с одной стороны – экономисты, демографы и социологи, с другой – психологи. Поэтому на первых порах прорабатывались теоретические и методологические аспекты сотрудничества. Однако сегодня, по мнению Н. М. Римашевской, можно с уверенностью сказать, что «основные проблемы не только преодолены, но проект поднялся на существенно более высокий уровень – от теоретических вопросов и вербальных форм сделан решительный шаг к экспериментам».

Имеющиеся позитивные результаты (а они уже есть) связаны в первую очередь с тем, что предметом исследования является здоровье молодежи. Изучение молодого поколения и его здоровья сто*и*т так остро потому, что его состояние сегодня определяет в значительной мере экономическое развитие и будущее каждой страны.

В современной России отчетливо наблюдается столкновение двух независимых процессов: с одной стороны – демографического, характеризующегося активным старением и потерей в связи с этим качественных свойств населения, а с другой – переходом от природоориентированной экономики к информационному обществу и инновационным технологиям. Успех реализации этого перехода зависит от доли молодых когорт в структуре рабочей силы, способных эффективно и творчески их осваивать.

В связи с тем, что доля молодого населения интенсивно снижается, возникает проблема компенсации количества улучшением его качества, по крайней мере, в трех направлениях: более высокого уровня здоровья – психического, физического и социального, а также интеллектуального, образовательно-профессионального и морально-нравственного.

Статистика год от года отмечает ухудшение индикаторов здоровья российских подростков и молодежи. В ходе Всероссийской диспансеризации (2002 год) было осмотрено 30 млн 400 тыс. детей (94,6 %). По данным диспансеризации 32,1 % детей признаны здоровыми (I группа здоровья), 51,7 %

имели функциональные отклонения или факторы риска заболеваний (II группа здоровья), 16,2 % – хронические заболевания (III–IV–V группы здоровья). Часто и длительно болеющие дети и подростки составили около 5 %. По данным, представленным на Съезде педиатров России в феврале 2010 г., 40 % детей рождаются больными или заболевают в периоде новорожденности, почти каждый десятый младенец появляется на свет недоношенным или с низкой массой тела, ежегодно на 5–6 % растет общая заболеваемость детей всех возрастов, более чем у 50 % подростков диагностированы заболевания, которые в дальнейшем могут отрицательно повлиять на репродуктивную функцию. Ежегодно 30 % юношей в возрасте 17 лет признаются негодными к военной службе по состоянию здоровья. Результаты научных исследований показывают, что состояние здоровья детей больше всего ухудшается в возрасте от 7 до 17 лет. За последние 10 лет распространенность функциональных отклонений среди учащихся младших классов повысилась на 85 %, хронических болезней – на 84 %, среди учащихся старших классов – соответственно на 74 и 40 %.

Таким образом, состояние и динамика здоровья детей России, наблюдаемые в течение двух последних десятилетий, приводят к выводу о наличии драматической ситуации, свидетельствующей об устойчивом негативном тренде. Для радикального предотвращения негативных тенденций необходимо, по крайней мере, знать факторы и причины нездоровья, тщательно их оценить, чтобы затем «правильно сформулировать и принять меры социальной политики».

В. Г. Доброхлеб (ИСЭПН РАН), известная своими исследованиями и работами в области демографического старения населения и ресурсного потенциала пожилых людей в России [3], рассмотрела активное долголетие как проблему молодежи.

По мнению современных демографов, всеобщий характер старения населения зависит от уровня экономического и общественно-политического развития и по своей сути является прогрессивным процессом, характеризующим общество с высоким уровнем жизни и уверенностью в завтрашнем дне. Беря за основу теоретические труды выдающегося польского демографа Эдварда Россета, изучавшего как процесс старения, так и увеличение продолжительности жизни, В. Г. Доброхлеб проанализировала ряд показателей и важнейших факторов, негативно влияющих на формирование здоровья и имеющих решающее значение для продолжительности жизни, и подчеркнула, что «активное долголетие закладывается задолго до наступления старости». Кроме того, она напомнила о превентивных стратегиях Всемирной организации здравоохранения, направленных на ограничение распространения вредных привычек и общественной осведомленности о здоровом питании и физической активности. Укрепление здоровья детей и молодежи (имеющего в России неблагоприятную динамику) зависит не только от социально-экономических условий, государственных программ и общественных инициатив, но также и от целенаправленного воспитания у каждого молодого человека осознанного отношения к своему здоровью.

Социолог *Н. Е. Маркова* (ИСЭПН РАН) давно обеспокоена снижением нравственного и духовного уровня, социальным, психическим и физическим нездоровьем современного российского общества, причину которого она видит в распространении и потреблении – особенно в молодежной среде – наркотиков и психоактивных веществ [4]. Она была одним из зачинателей международного междисциплинарного проекта, посвященного здоровью молодого поколения, и разработчиком инструментария социологического обследования детей и молодежи. В своем выступлении Н. Е. Маркова сфокусировала внимание участников семинара на блоке «Субкультурные движения и практики». Она пояснила, что вопросы этой части анкеты построены на деструктивных субкультурных установках, определяющих «ценностный вектор опрашиваемых». Согласие респондента с утверждением (установкой) коррелирует с показателями социального нездоровья: нарушением социальных норм, перманентными конфликтами, проблемами с репродуктивным здоровьем, рисковым поведением, депрессией, потреблением психоактивных веществ. Согласие подростка с деструктивной установкой – это тревожный сигнал, который надо вовремя заметить и принять необходимые профилактические меры.

Выходя за рамки основной объявленной темы, особое внимание на семинаре было уделено проблеме выявления и поддержки одаренных детей (*Л. Г. Лунякова,* ИСЭПН РАН) и интеллектуального и творческого потенциала подрастающего поколения Вологодской области (*К. А. Гулин*, ИСЭРТ РАН).

Интерес к одаренности и одаренным детям в настоящее время достаточно высок, и это можно объяснить общественными потребностями. То, что интеллект и творческие способности являются национальным богатством, несомненно. Сегодняшние одаренные дети должны стать движущей силой, фундаментом, активной составляющей российского общества в различных областях человеческой деятельности – управления, науки, культуры, искусства, бизнеса, политики и достойно представлять Россию на мировом уровне. И поскольку поддержка одаренных детей – единственный надежный способ воспроизводства интеллектуальной элиты любой нации, их выявление и обучение во многих странах осуществляются в настоящее время за счет специально разработанных государственных программ.

В 1995 г. в Варшаве состоялась II Международная научно-практическая конференция по проблемам одаренности. На ней были приняты обращения к ООН и правительствам стран Европы, в которых участники конференции призвали страны Европейского сообщества поддержать международные программы «Одаренные дети Европы» и «Дети XXI века».

В России с 1996 г. многие стратегические документы федерального уровня, в том числе целевая программа «Дети России», объявляли поддержку одаренных и талантливых детей приоритетной государственной задачей, а национальный проект «Образование», инициатива «Наша новая школа» и Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, выделяют систему поддержки одаренных детей в качестве одного из

ключевых направлений развития общего образования. И действительно, в последние годы наблюдался количественный рост школ и лицеев для одаренных детей, подразделений дополнительного и специального образования, расширение региональных и всероссийских конкурсов и соревнований и номинаций в них, увеличение числа участников и победителей предметных олимпиад.

Однако результаты одного из самых представительных международных сравнительных исследований качества и доступности образования PISA (*P*rogramme for *I*nternational *S*tudent *A*ssessment), в которых проверяются знания 15-летних учащихся, демонстрируют весьма скромные успехи наших школьников-подростков на фоне своих зарубежных ровесников. Основной вопрос международного исследования PISA: обладают ли учащиеся, получившие обязательное общее образование, функциональной грамотностью в области математики, чтения, естествознания и компетентности в решении проблем, с которыми они могут встретиться в жизни. Так, в 2009 г. по читательской грамотности средний балл России составил 459 баллов, Польши – 500; по естественнонаучной грамотности – 478 и 508 соответственно. По всем трем направлениям исследования PISA Россия находится в группе стран, средний балл которых статистически существенно ниже среднего балла по странам Организации экономического содружества и развития (ОЭСР), а разрыв с лидирующими странами по всем направлениям составляет около 100 баллов. Самые высокие результаты хотя бы по одному из трех направлений продемонстрировали около 8 % российских 15-летних учащихся (в среднем по ОЭСР – 16,3 %); одновременно по всем трем направлениям таких ребят оказалось в России 1,4 % (в среднем по ОЭСР – 4,1 %, в лидирующих странах до 14 %). Эти данные позволяют стране оценить свой потенциал по числу талантливых детей.

Заместитель директора ИСЭРТ РАН К. А. Гулин в своем выступлении констатировал, что по результатам проведенных в Вологодской области исследований, творческий потенциал у детей есть, но сложившаяся в регионе социально-экономическая ситуация, снижение качества основного общего образования и низкая материально-техническая база образовательных учреждений не способствуют его развитию и обусловливают негативный тренд интеллектуального потенциала и творческих возможностей учащихся. Заметим, что Вологодская область входит в список субъектов РФ, принимавших участие в программе PISA-2009.

Это говорит о том, что в настоящее время, снабжая учащихся значительным багажом предметных знаний, российская система обучения не способствует развитию у них умения выходить за рамки учебных ситуаций, в которых формируются эти знания, и наиболее слабым звеном в системе российского образования оказалась основная школа (пятые-девятые классы). Начиная с 2003 года, многие страны, в том числе Польша, учитывая результаты исследований PISA, реформировали свои системы образования и пересматривали требования к образовательным достижениям учащихся, что позволило им обеспечить целенаправленную подготовку учащихся к выполнению международных тестов и добиться более высоких результатов.

За время реализации программы PISA количество стран, принявших в ней участие, выросло с 32 в 2000 г. до 65 в 2009 г. Республика Беларусь пока не входит в число этих стран. Республиканский компьютерный банк данных одаренной и талантливой молодежи ежегодно обновляется, и в настоящее время в него включена информация о более чем 8000 человек. В случае принятия положительного решения об участии Беларуси в программе PISA обязанность за организацию и контроль при ее проведении может быть возложена на Национальный институт образования, имеющий необходимый для этого кадровый и научный потенциал.

Блок докладов *А. А. Шабуновой*, *М. В. Морева* (ИСЭРТ РАН), *Е. И. Медведевой* и *С. В. Крошилина* (МГОСГИ, г. Коломна), *Л. Сухоцкой* (КУЛ) был посвящен предварительным результатам международного исследования «Здоровье молодежи – междисциплинарный подход», основной целью которого было выявление общих и специфических факторов риска, влияющих на здоровье студенческой молодежи в России и в Польше, их самооценке своего здоровья, ценностным установкам и отношению молодежи к здоровью и здоровому образу жизни. В основе анализа – данные мультидисциплинарного исследования здоровья студентов гуманитарных специальностей высших учебных заведений, проведённого в 2010–2011 гг. в Польше и России.

Опрос показал, что в целом среди представителей молодежи преобладают позитивные оценки самочувствия и здоровья. Подавляющее большинство опрошенных характеризовало свое здоровье как «нормальное» или «отличное», так как серьезные физические недомогания в молодом возрасте, как правило, отсутствуют. При этом оценки здоровья юношей несколько выше, чем девушек. Проведенное исследование показало, что удельный вес студентов, активно заботящихся о поддержании и укреплении здоровья, выше среди тех, у кого здоровье отличное, а также в группе молодежи, имеющей хронические заболевания. Мотиваторами повышения заботы о здоровье могут быть как твердые убеждения, так и реальное ухудшение здоровья, требующее немедленных действий по его поддержанию. Проблема самосохранительного поведения в студенческой среде заключается, прежде всего, в противоречии между осознанием ценности здоровья и реальным поведением. Для поддержания и укрепления здоровья важны социально-психологические условия внешней среды, рациональное сбалансированное питание, культура отдыха и досуга, а также материальные и финансовые возможности, которые обеспечивают доступность разнообразных услуг и здорового образа жизни.

Внедрение в повседневную жизнь и процесс образования современных информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) обусловило как позитивные, так и негативные проблемы в здоровье детей и молодежи. Они проявляются в ухудшении зрения, переутомляемости и нарушении сна, гиподинамии и нарушении обмена веществ.

Образование и здоровье находятся в тесной взаимосвязи. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования и фактические данные. Поэтому

важной задачей является научное обоснование и разработка здоровьесберегающих образовательных технологий работы с детьми, особенно одаренными и талантливыми, и студенческой молодежью. Социальная значимость здоровья молодого поколения обусловлена тем, что оно представляют собой ближайший социальный, экономический, репродуктивный, политический, интеллектуальный и культурный резерв общества.

Анализируя чувство ответственности за здоровье у молодых поляков, *Л. Сухоцкая* пришла к противоречивому результату: польские студенты более ответственно относятся к своему здоровью, но при этом у них больше вредных привычек, чем у российских студентов. Кроме того, она выявила зависимость и влияние на здоровье психологических факторов, но значимых статистических различий между поляками и россиянами не обнаружила.

Доклады ученых Института социологии НАН Беларуси *В. Р. Шухатович* и *М. И. Артюхина* были представлены заочно. В первом из них – «Профессиональная идентичность как фактор здоровья и качества жизни молодежи» – освещаются результаты двух исследований 2011 и 2012 гг., направленных на поиск социальных ресурсов поддержания здоровья человека и повышения качества человеческого потенциала в ближайшее время и отдаленной перспективе. В. Р. Шухатович предлагает рассматривать профессиональную идентичность как один из основных структурных компонентов социальной идентичности и показатель способности человека и общества к самосохранению, самоорганизации и саморазвитию. Согласно результатам исследования, у респондентов, отметивших соответствие выбранной профессии призванию, способностям и склонностям, наблюдаются более высокие самооценки здоровья, удовлетворенности жизнью и профессионального оптимизма. Таким образом, правильный выбор профессии выступает ключевой характеристикой качества человеческого потенциала социально-демографических групп, в частности – молодежи.

Работа М.И. Артюхина «Социально-профессиональные факторы здоровья молодых врачей Беларуси» посвящена злободневной проблеме профессиональной адаптации дипломированных медиков на первых этапах их трудовой деятельности. Принимая непосредственное участие в процессе «производства здоровья» людей, они могут подвергаться высоким профессиональным рискам и стрессогенным факторам, а это, в свою очередь, может привести к развитию хронической усталости, неудовлетворенности, снижению трудовой мотивации и нездоровью. Из материалов исследования видно, что для сохранения здоровья врачей необходимы улучшение условий и режима работы, соответствующих профессиональным ожиданиям молодых специалистов; увеличение оплаты и повышение оценки труда врача обществом (а не поиск дополнительных заработков за счет роста нагрузок); повышение уровня социальной защищенности врача, отвечающей его общественному статусу.

При подведении итогов руководитель семинара проф. Н. М. Римашевская отметила, что его результаты значительно превзошли ожидания. Завершено

самое трудоемкое дело – на данном этапе реализации проекта создана не только эмпирическая база, которую можно анализировать и сравнивать (т. е. получена фактура), но проект продвинулся вперед теоретически (получены первые предварительные результаты, есть описание массива). Однако специфика исследования такова, что точку ставить преждевременно, так как необходимо конкретизировать данные, а затем провести более глубокий анализ и ответить на вопрос *почему* получилась та или иная зависимость. Только тогда можно предлагать *что делать*. Поэтому сейчас, после семинара, следует сосредоточиться на дополнительных вопросах к анкете, нацеленных на расширение не поля, а содержания. Окончательным итогом проекта должна стать книга о здоровье молодежи.

Знаковым событием для участников семинара была встреча с проректором Католического университета по международным связям, заведующей кафедрой методологии наук, профессором Dr. habil. Евой А. Леккой-Ковалик. Она выразила неподдельный интерес к международному междисциплинарному проекту о здоровье и состоянии молодежи и готовность поддержать издательскую инициативу по итогам сравнительного анализа.

Литература

1. *Лунякова, Л. Г.* Здоровье населения: проблемы и пути решения / Л. Г. Лунякова, В. Р. Шухатович // Народонаселение. – 2011. – № 3.

2. Popielski K. In Search of Authenticity. Noo-Theory and Noo-Therapy. Lublin, 2012. 69 p.

3. *Доброхлеб, В. Г.* Старшее поколение современной России. – М.: РНЦ ИСЭПН, 2003. – 304 с.; Ее же. Ресурсный потенциал и занятость пожилых людей в современной России. Ярославль: Лад, 2004. – 220 с.

4. *Маркова, Н. Е.* Культуринтервенция. М., Интернет-издание Вэб-центра «Омега». 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wco.ru/biblio/books/kulturint/Main.htm; http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Mark/index.php

L. G. LUNYAKOVA

THE INTERNATIONAL PROJECT «YOUTH'S HEALTH – INTERDISCIPLINARY APPROACH»: THE FIRST RESULTS OF IT

Summary

A brief history of the international cooperation and progress of tripartite (Poland-Russia-Belarus), a multidisciplinary research project «Youth's Health – Interdisciplinary Approach» is presented. An overview of the reports of the VIIth International scientific and practical seminar, held on 1–6 September 2012 in Lublin (Poland), and the results of the first stage of this project implementation are provided.

Key words: youth's health, international multidisciplinary research project, gifted and talented children, human capital, intellectual potential, health factors, social policy, professional identity, quality of life.

Поступила 24.10.2012 г.

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 4

Редактор *А. В. Волченко*

Художественный редактор *А. М. Свириденко*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 25.02.2013. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 41,11. Уч.-изд. л. 34,8. Тираж 120 экз. Заказ 44.

Издатель и полиграфическое оформление:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.